

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

Арзамасский филиал ННГУ

Карповские чтения

Сборник статей

*участников X Всероссийской научно-практической конференции
«Проблемы региональной фольклористики
и исторического краеведения» (X Карповские чтения)*

Арзамас
Арзамасский филиал ННГУ
2022

УДК 398
ББК 82.3 (2Рос – 4 Ниж) я43
К26

Печатается по решению ученого совета Арзамасского филиала ННГУ
(протокол №7 от 30.08.2022 г.)

Рецензенты

В.Т. Захарова, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной филологии факультета гуманитарных наук Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина
В.А. Сомов, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и вспомогательных исторических дисциплин факультета гуманитарных наук Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина

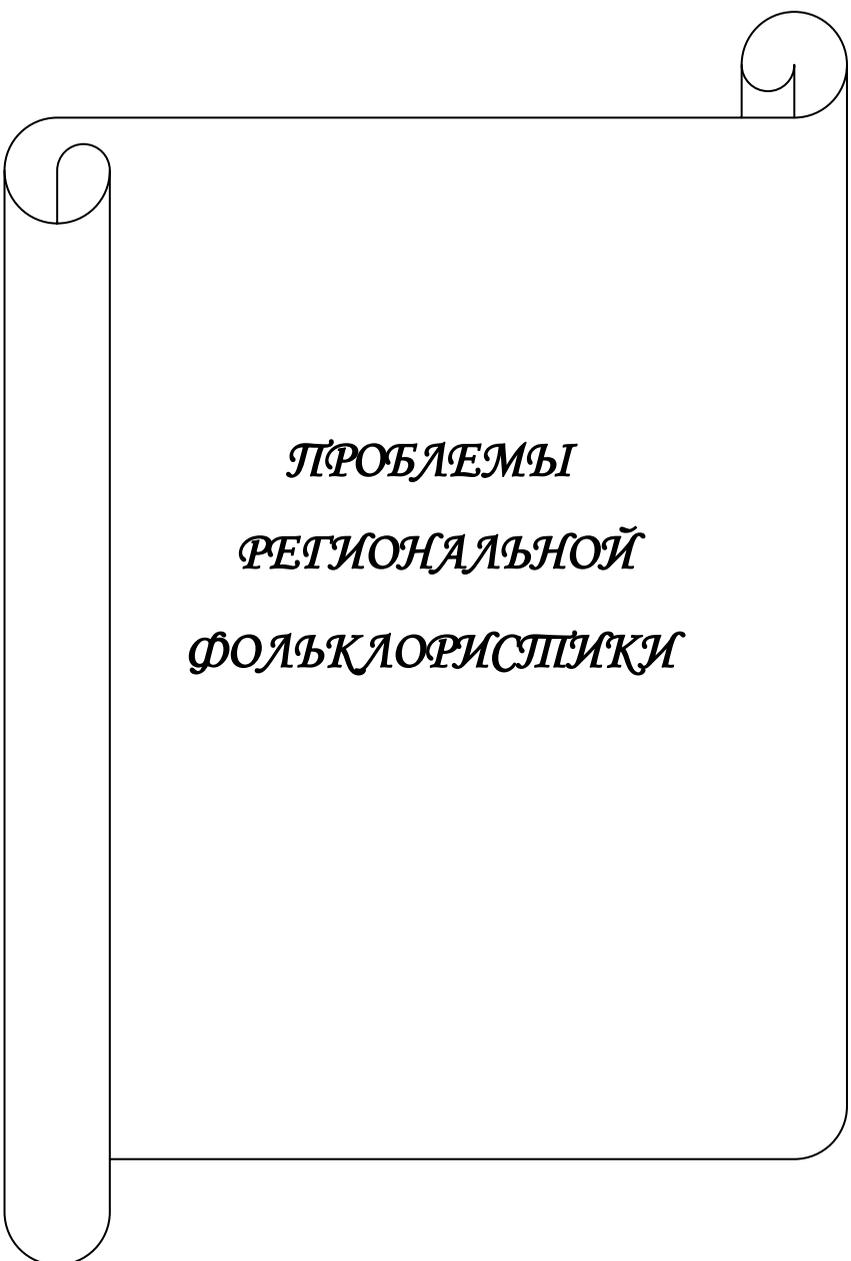
Редакционная коллегия

Ю.А. Курдин – кандидат филологических наук, доцент (*отв. редактор*);
А.А. Исаков – кандидат философских наук, доцент;
А.В. Пряников – кандидат филологических наук, доцент;
О.В. Никифорова – кандидат филологических наук, доцент.

К26 Карповские чтения: сборник статей участников X Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы региональной фольклористики и исторического краеведения» (X Карповские чтения) / отв. ред. Ю.А.Курдин; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2022. – 568 с. + 20 с. ил.
ISBN 978-5-6046142-5-9

В сборнике представлены статьи участников X Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы региональной фольклористики и исторического краеведения» (X Карповские чтения), состоявшейся 20-21 октября 2022 г. Сборник адресован преподавателям, аспирантам, студентам гуманитарных факультетов, учителям, а также всем, кто интересуется вопросами народознания.

УДК 398
ББК 82.3 (2Рос – 4 Ниж)я43

*ПРОБЛЕМЫ
РЕГИОНАЛЬНОЙ
ФОЛЬКЛОРИСТИКИ*

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ПУБЛИКАЦИЯХ М.Н. СПЕРАНСКОГО

Галина Владимировна Аксенова

*Московский государственный педагогический университет, Институт истории и политики, д.и.н., доцент, профессор кафедры истории России
г. Москва; email: galax23@yandex.ru*

М.Н. Сперанский – один из ярчайших представителей русской филологической науки конца XIX – первой трети XX в., уделивший в своих научных трудах особое внимание «народной словесности». В статье дана характеристика исследованиям ученого, посвященным различным жанрам русского фольклора: песням, сказкам, былинам. Показано значение его научных и научно-популярных трудов и публикаций памятников «Русской народной словесности».

Ключевые слова: устная народная словесность; фольклор; М.Н. Сперанский; этнография и литературоведение; публикация памятников

Народная словесность – это памятник, до наших дней сохранивший в свежести отзвуки доисторических воззрений чистой народности, еще не подвергшейся какому-либо воздействию со стороны, а потому самобытной и глубоко древней по происхождению.

М.Н. Сперанский

Самой крупной характерной чертой, отличающей устную словесность от остальной, надо считать именно то, что она устная; это значит, что главным средством выражения, сохранения и развития ее является живое слово, живая речь.

М.Н. Сперанский

В мае 2023 г. исполнится 160 лет со дня рождения русского ученого-филолога, слависта, этнографа, фольклориста, археографа и палеографа, археолога и историографа Михаила Несторовича Сперанского (1863 – 1938). Ученик выдающегося русского ученого Н.С. Тихонравова, выпускник Московского университета, помощник первого директора Исторического музея Н.Е. Забелина, профессор, член-корреспондент Академии наук (1902), член Сербской Королевской Академии наук (1907), член Болгарской Академии наук (1926), он оставил нам блистательные научные работы по истории переводной литературы на Руси, о памятниках славянской письменности, о славянских переводах евангелия, об апокрифах, о славянских переводных сборниках, о проблемах тайнописи, о русских рукописных сборниках XVIII в. Он изучал наследие А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя. Он – автор учебных пособий по Русской устной словесности, по истории древнерусской литературы,

успешный издатель текстов древнерусских произведений. Современники его называли «источником знаний обо всем, что касается Пчел, Златых цепей, Прологов, etc., etc.» [1, л. 1] При жизни он опубликовал 289 работ, 8 – изданы посмертно его учениками.

Первую треть своего научного пути М.Н. Сперанский впервые представил сам, написав для юбилейной книжки Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине следующую автобиографическую заметку: «Родился в Москве 19 апреля 1863 года (1 мая 1863 г. н.ст. – Г.А.). Среднее образование получил в тверской гимназии, которую окончил в 1881 г., в том же году поступил в Императорский Московский университет, который и окончил по словесному отделению в 1885 г. В университете занимался специально историей русской словесности под руководством Н.С. Тихонравова, по предложению которого и был оставлен при университете для приготовления к профессорской деятельности. В 1888 г. сдал магистерский экзамен по предмету своей специальности, после чего в 1890 г. был командирован с научной целью, а также для завершения приготовления к будущей деятельности за границу, где и пробыл до конца 1892 г. Во время заграничной командировки занимался собиранием материалов по истории древнерусской литературы в связи с западноевропейскими и византийской, а также пополнением сведений по славяноведению, византологии; с этой целью посетил Краков, чешскую Прагу, Вену, где в течение двух семестров, помимо занятий в библиотеках, занимался под непосредственным руководством профессора И.В. Ягича славянским наречиям теоретически, а также греческой палеографией... По возвращении в Москву занимался работами над магистерской диссертацией, состоя в то же время, в течение двух лет, преподавателем педагогического училища св. Екатерины, где читал историю новой русской литературы. В 1895 г. защитил в Московском университете магистерскую диссертацию под заглавием «Славянские апокрифические Евангелия», после чего был избран экстраординарным профессором историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине. В 1897 г. избран ординарным профессором того же института. В 1899 г. защитил в Императорском университете кн. Владимира диссертацию на степень доктора русской словесности под заглавием “Из истории отреченных книг”» [2, с. 60-

61]. Далее для справочника он составил список печатных трудов, состоящий из 45 названий [2, с. 61-62].

В должности профессора истории русской и славянской литературы М.Н. Сперанский трудился в Нежинском институте десять лет, с 1896 по 1906 гг. А после переезда в Москву стал преподавать сразу в нескольких учебных заведениях: в Императорском Московском университете (1906 – 1923), в Московском народном университете им. А.Л. Шанявского (1907 – 1918) и на Высших женских курсах (1907 – 1923). Проявленный им подлинно научный интерес к древнерусской и общеславянским литературам, его научные труды и заслуженный авторитет в этой области гуманитарного знания способствовали избранию его в 1908 г. членом Комиссии Пушкинского Дома по изданию памятников древнерусской литературы.

В 1910 г. он инициировал учреждение Общества истории литературы, а в 1912 г. стал его председателем. Авторитет ученого в области изучения памятников древнерусской письменности был столь высок, что его избрали сначала председателем Общества истории и древностей российских (1914), а затем – Общества любителей древней письменности и искусства. В это же время он активно трудился в составе Археографической и Археологической комиссий.

Научную и научно-организационную работу ученый продолжил, оставшись в России, и после Революции 1917 г. и Гражданской войны: в Московском университете он руководил подсекцией древнерусской литературы НИИ языковедения и истории литературы факультета общественных наук (1921 – 1922); в 1919 – 1921 гг. М.Н. Сперанский заведовал Отделением этнографии Румянцевского музея; в 1921 г. возглавил рукописный отдел Исторического музея. Активное участие в деятельности Комиссии по собиранию материалов для Словаря древнерусского языка привело к назначению его в 1929 г. руководителем этой Комиссии.

Как пушкиниста, автора целого ряда работ, посвященных творчеству и наследию великого поэта [3; 4; 5], его включили в состав Пушкинской комиссии Академии наук, где он готовил к печати пушкинский дневник за 1833 – 1835 гг. [6]

Судьба ученого после Октября 1917 г. была нелегкой. Но несмотря ни на что он как член Общества любителей Российской словесности, Московского областного бюро краеведения и других об-

ществленных организаций, выступал с докладами по истории русской литературы XI – XIX вв., издавал литературное наследие XIX в. и т.д.

12 апреля 1934 г. М.Н. Сперанского арестовали по обвинению в руководстве контрреволюционной организацией «Российская национальная партия» (так называемое «Дело славистов»), по которому репрессировали целый ряд выдающихся ученых-гуманитариев – Н.Н. Дурново, А.М. Селищева, В.В. Виноградова, В.Н. Перетца и др. Его приговорили к трем годам ссылки в Уфу, но благодаря ходатайству брата, главного кремлевского врача-педиатра Г.Н. Сперанского, перед И.В. Сталиным приговор заменили на условный. Ученого уволили со службы, лишили звания академика и фактически отстранили от активной научно-преподавательской работы [7; 8]. Оставшись без средств к существованию, он продолжил заниматься научными исследованиями и создал целый ряд трудов, которые были изданы его учениками [9; 10]. Он скончался в апреле 1938 г. Урну с прахом захоронили в колумбарии Новодевичьего кладбища.

Пятьдесят пять лет спустя, в марте 1990 г. на общем собрании Академии наук было принято «Постановление о восстановлении (посмертно) в членах Академии наук СССР ученых, необоснованно исключенных из Академии наук СССР». В нем, в частности, говорилось: «Общее собрание Академии наук отмечает, что в период сталинского режима отечественная наука понесла невосполнимые потери: большое число видных ученых, научных сотрудников институтов, вузов и других исследовательских центров стали жертвами массовых репрессий, беззаконий, надругательств над человеческим достоинством. Поставленные в невыносимые условия для творческой работы и нормальной жизни, некоторые ученые были вынуждены эмигрировать из страны. <...> Отдавая дань глубокого уважения светлой памяти безвинно погибших ученых и высоко оценивая их вклад в развитие отечественной и мировой науки и культуры, Общее собрание Академии наук постановляет:

1. Восстановить (посмертно) в членах Академии наук СССР следующих ученых, необоснованно исключенных из Академии наук СССР:

... Сперанского Михаила Несторовича, отменив постановление Общего собрания АН СССР от 22 декабря 1934 г.»

Итак, Михаилу Несторовичу Сперанскому в 1990 г. было посмертно возвращено звание академика.

Историография, представляющая различные стороны жизни и деятельности М.Н. Сперанского, невелика. Прежде всего необходимо назвать энциклопедические справочники, разместившие статьи об ученом: от уже указанного выше издания Нежинского института, Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, Большой Советской энциклопедии (изд. 1957) до библиографического словаря, представляющего славяноведение в дореволюционной России (1979) [11, с. 317], краткого энциклопедического словаря «Слова о полку Игореве» (1989) [12, с. 208-210], справочного выпуска «Словаря русского языка XI-XVII вв.» (2001) [13, с. 212-215], справочников «Московские профессора XVIII — начала XX веков. Гуманитарные и общественные науки» (2006) [14, с. 229-230] и «Императорский Московский университет» (2010) [15, с. 682-684].

Автором первых научных исследований, раскрывающих масштаб личности и трудов М.Н. Сперанского и увидевших свет в конце 1950-х гг., стала его ученица В.Д. Кузьмина [16; 17]. Она также опубликовала некоторые ранее не изданные работы по палеографии, археографии и литературоведению, составила наиболее полную библиографию его трудов, как изданных, так и неизданных [18; 19].

Следующим этапом в осмыслении наследия ученого, раскрытию значения его научной и научно-организационной деятельности стала конференция, проведенная в 1991 г. и посвященная приближающемуся 130-летию. Она была организована по инициативе доктора филологических наук, главного научного сотрудника Института русского языка РАН Г.А. Богатовой, написавшей статью о М.Н. Сперанском как историке языка и культуры [20]. Эти «неюбилейные чтения» способствовали пониманию, сколь велика фигура этого русского исследователя.

В связи с реабилитацией М.Н. Сперанского и ученых-гуманитариев, проходивших по «Делу славистов», исследователи Ф.Д. Ашнин и В.М. Алпатов, выявив и проанализировав комплекс документов и материалов по этому «делу», опубликовали в 1990-е гг. две монографические работы [7; 8].

Подробная характеристика архивных материалов, находящихся в фондах Отдела рукописей Российской государственной

библиотеки (далее – ОР РГБ) и связанных с именем М.Н. Сперанского, его жизнью и деятельностью дана в трудах автора данной статьи, историка Г.В. Аксеновой [21; 22; 23]. Помимо комплекса документов, представляющих собой эпистолярное наследие ученого за 1885 – 1896 гг., который находится в фонде 601 (М.Н. Сперанский) ОР РГБ. в ходе работы удалось выявить еще 16 архивных фондов, материалы которых позволяют более подробно и ярко охарактеризовать жизнь и творчество выдающегося русского ученого. Они способствуют раскрытию многогранного таланта исследователя, помогают понять методологические основы его работ, прийти к осознанию того, что он успел сделать в науке, каково значение его трудов [23].

Сохранившаяся источниковая база, позволяющая раскрыть смыслозначимость трудов М.Н. Сперанского, достаточно объемна. Помимо ОР РГБ его личные фонды находятся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ, ф. 439, 700 ед.хр.), Санкт-Петербургском филиале архива Российской Академии наук (ф. 172, 355 ед.хр.), Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН (ф. 238.).

Вернемся к заявленной теме статьи. Вполне логичен вопрос, когда и почему у археографа, палеографа и литературоведа возник интерес к народной словесности, когда важнейшим направлением научной работы М.Н. Сперанского, помимо исследования древнерусской и новой литературы, стало изучение русского фольклора – «устной словесности», «сохранившей в свежести отзвуки доисторических воззрений чистой народности» [24, С. VIII], «дающей различный материал для суждения о русской народности» [24, С. X], «отразившей на себе в виде переживаний целый ряд эпох и различных исторических условий, пережитых народностью» [24, С. X].

Первые научные труды, опубликованные молодым ученым в конце XIX в., – это археографические, палеографические, археологические исследования. В конце 1880-х – начале 1890-х гг. он обратился к описанию русских рукописей в Праге и пражских рукописей П.И. Шафарика, рукописей, хранившихся в Тверском музее и собрания рукописей А.С. Уварова. Он провел палеографическое исследование рукописи Златоуста, Сербской Исторической Палеи и Сербского Хронографа. С особым вниманием отнесся к археологическим находкам при раскопках в Рыльском уезде Курской губер-

нии. Написал нескольких рецензий на труды русских, чешских и сербских ученых, посвященные памятникам византийской литературы, древнейшим спискам текстов Священного Писания и Апокрифов. Как историограф он стал автором некрологов таким крупнейшим ученым как Н.С. Тихонравов, И.С. Ястребов, Ф. Рачкий, М. Горник, Ф.И. Буслаев. Как источниковед опубликовал значимую для истории науки переписку П.И. Шафарика с В.И. Григоровичем. В эти же годы благодаря археографии и палеографии началось внимательное изучение текстов произведений древнерусской и общеславянской литератур [18]. В эти же годы появляется его первая работа, посвященная фольклору. Это всего лишь небольшая рецензия, представляющая «Сборник за народни умотворения», опубликованная на страницах ежемесячного сборника «Археологические известия и заметки» [25]. В 1902 г. он публикует заметку, представляющую Беломорские былины и свидетельствующую о растущем интересе ученого к устной народной литературе [26].

При изучении рукописных сборников как древней, так и новой традиции, М.Н. Сперанский нередко встречался с произведениями народной словесности [27; 28], собирал и систематизировал встречающийся материал. Огромный научный интерес вызывали у ученого публикации фольклора (песни, сказки, поговорки и пословицы, загадки, былины), предпринятые В.И. Далем, П.В. Киреевским, П.Н. Рыбниковым, А.Ф. Гильфердингом, А.Н. Афанасьевым, Д.Н. Садовниковым и др. Некоторые из этих публикаций заслужили написания им рецензий [29; 30], другие были представлены в научных обзорах [31; 32; 33]. Две статьи, написанные в начале XX в., посвящены А.С. Пушкину и Н.В. Гоголю как собирателям песен [34; 35]. Специально для издательства «Гранат» он написал энциклопедическую статью о духовных стихах [36].

Внимательное изучение древнерусской литературы, русской литературы XVIII – XIX вв., истории развития славянских литератур и славянского фольклорного материала позволили ученому сформулировать важнейший тезис об их взаимодействии и взаимовлиянии и взаимопроникновении культур, об «общении между собою» «устной» и «письменной» словесности [24, с. IX]. Также М.Н. Сперанский пришел к серьезному выводу, связанному с методикой изучения произведений «народной словесности» в связи с

учетом истории ее развития и бытования. Полученные в результате кропотливой и долгой работы данные позволили утверждать, что «в том виде, в каком застали народную поэзию в устах народных масс, она есть результат длительного исторического развития элементов разнообразных по характеру, по своему прошлому, по своему происхождению; она отразила в себе в виде переживаний целый ряд эпох и различных исторических условий, пережитых данной народностью». И далее: «говорить о большей или меньшей древности устной словесности вообще, в ее целом, сравнительно с письменной, теперь уже нельзя». Поэтому ученый сформулировал следующую задачу, связанную с изучением фольклора: «изучать и устанавливать исторические вехи каждого произведения устной словесности или группы их, как мы это делаем и в области письменной литературы; в отношении своего развития и устная словесность в значительной степени подчинена тем же общим законам литературного творчества, что и все другие отрасли литературы, хотя она и имеет своеобразные, ей по преимуществу присущие отличия, которые обуславливаются особенностями ее жизни в прошлом» [24, с. X]. В связи с выдвинутой задачей, сформулированными исследовательскими принципами и разработанными методологическими подходами он в 1910-е гг. начал сотрудничать с издательством Сабашниковых и стал готовить к публикации произведения «русской народной словесности».

Несколько слов об этом интереснейшем издательстве. Выходцы из богатой купеческой семьи (их родители были золотопромышленниками и занимались оптовой чайной торговлей), Михаил (1871 – 1943) и Сергей (1873 – 1909), получив добротное домашнее образование, поступили в Московский университет. История издательства начинается в 1891 г., когда братья выпустили первую книгу. В 1897 г. на выпускаемых книгах появилось название «Издательство М. и С. Сабашниковых». И только в 1909 г. состоялась официальная организация издательства гуманитарного профиля, расцвет которого, по мнению исследователей, падает на 1910-е гг. [37], именно на то время, когда с Сабашниковым стал сотрудничать М.Н. Сперанский. Заслуженную славу издательству принесли выпускаемые ими серии: «Памятники мировой культуры» (33 книги), «Памятники мировой литературы» (30 книг), «Пушкинская библиотека», «Ломоносовская библиотека» (6 книг), «Страны, века и наро-

ды», «Русские Пропилеи», «Богатства России», «История», «Записки прошлого». После Революции 1917 г. деятельность издательства, поддержанная наркомом А.В. Луначарским, продолжилась. Его закрыли только в 1930 г.

Начиная анализ издания «Памятники мировой литературы. Русская устная словесность», истории его подготовки и реализации необходимо обратиться к фонду издательства Сабашниковых (ОР РГБ, ф. 261), в котором представлены документы, относящиеся к временному периоду 1901 – 1934 гг. и, конечно же, связанные с историей серии «Памятников...».

Именно для работы над книгами этой серии был приглашен М.Н. Сперанский как крупнейший исследователь русской литературы и славянского фольклора. Вместе они разработали план издания одного из самостоятельных разделов «Памятников» – «Русская устная словесность». В этом документе, хранящемся в архиве [38] полностью раскрывается замысел издателей и редактора – ознакомить читателя с основными видами устного народного творчества: былевой стихотворной поэзией (былина, историческая песня), прозаической поэзией повествовательного характера (сказка, анекдот, историческая и бытовая легенда), лирической эпической поэзией (духовный стих, легенда), песнями (обрядовыми, игровыми), мелкими видами устного народного творчества (пословицы, поговорки, загадки, разговоры). Первые два тома серии «Былины» были подготовлены и изданы (в письмах М.В. Сабашникову имеются материалы о ходе работы над этими двумя томами [39, Л.3-Зоб., 5, 8-10]).

Наиболее полно понять структуру этого масштабного раздела «Памятников...», готовившегося под руководством М.Н. Сперанского, позволяет рекламная аннотация, размещенная в конце II тома «Былин»:

«“Русская устная словесность”, составившая одну из серий “Памятников мировой литературы”, рассчитана редакцией на ряд томов, которые должны обнять собою наиболее важные по своему значению и историко-литературному интересу произведения этой устной поэзии.

Приблизительный план начатого издания этой серии таков:

I. Былевая стихотворная поэзия: былина, историческая песня, позднейшая эпическая поэзия – 3 тома.

II. Прозаическая поэзия повествовательного характера, представленная главным образом сказкой, анекдотом, исторической и бытовой легендой – 3 тома.

III. Религиозная эпическая поэзия: духовный стих, легенда – I том.

IV. Поэзия лирическая – I том.

V. Поэзия обрядовая – 2 тома.

VI. Мелкие виды устной поэзии: пословица, поговорка, загадка, заговор – I том» [40, с. 586].

Итак, два первых тома серии представляли русские былины. В первый, увидевший свет в 1916 г., вошло 15 былинных повествований: о Добрыне, Алеше, Илье, Сухмане, Саур Леванидовиче, Михайле Даниловиче, Василии пьянице, Глебе Володьевиче, Дунае, Дюке, Михайле Потыке, Михайле Казаринове, Чуриле Пленковиче, князе Романе, и о том «Как не стало богатырей на Руси» [24].

Второй, вышедший в 1919 г. [40], стал «завершением круга былин в собственном смысле этого названия», и включил в свой состав «именно: былину Новгородскую, Московскую, былину-“скоморошину”» [40, с. V]. В томе 20 произведений: о Вольге и Микуле, Садко и Василии Буслаевиче, Святогоре, Иване, гостином сыне, Соловье Будимировиче, Хотене Блудовиче, Рахте Рагнозерском, Иване Годиновиче, Даниле Ловчанине, Царе Саламане и Василии Окуловиче, Аксенке, Женьитьбе Пересмякина племянника, Иване Дудоровиче, Бутмане Колыбановиче и царе Петре Алексеевиче, о Сорока Каликах со Каликою и Нерассказанном сне.

Ученый также включил во второй том, согласно представленной концепции, «более деловитую нежели былина, и менее поэтическую, нежели она» [41, с. 327] «историческую» песню «как следующую ступень в развитии старинного былевого эпоса» [40, с. V], как ту «наследницу былины по формам», которая способствовала тому, что «старая былина сохранилась до нашего времени» [41, с. 321]. В конце размещены «старинные записи былин как материал для освещения положения нашего эпоса в древней русской литературе» [40, с. V].

Он предварил раздел об «исторической» песне большой вступительной статьей, в которой, еще раз указав на тот факт, что «историческая в собственном смысле этого слова песня, как дальнейший шаг в развитии русской былевой песни вообще, обязана своим

бытием, естественно, тем культурно-бытовым явлениям, которыми отмечена в истории русского племени его жизнь в определенную эпоху: она, подобно старшей, былевой в узком смысле слова, песне – также отражение мирозерцания, отношения к окружающему ее создателей, носителей и затем хранителей и слушателей» [41, с. 319]. Представляющая собой, по мнению ученого, «младший фазис развития эпической песни в сравнении с былиной», «историческая песня» «отразила иное состояние воззрений русского племени на окружающее, нежели то показывала былина, и отразила его иначе» [41, с. 321].

Важным является наблюдение М.Н. Сперанского о времени формирования «исторической песни» и этапах ее развития. Он отметил следующее: «Ко времени создания “исторической” песни окончательно сложилось то великорусское племя, которое с XII – XIII вв. начало уже определенно намечаться на северо-востоке русской территории, как одна из разновидностей теперешнего русского народа; <...> иначе “историческая” песня есть прежде всего песня великорусская по преимуществу, затем – песня Московской Руси, почему и содержание ее тесно связано с переживаниями этой Московской Руси, как государства, поскольку последнее обнимало собою племя великорусское» [41, с. 319]. В Московское время, т.е. в XV – XVI вв. воззрения народа, запечатленные в песне, стали «историчнее» и «государственнее». Вот почему «московский великорус отводит уже больше места в своем сознании историческому факту, придавая ему больше значения при определении своих отношений к окружающему, <...> определяет и выражает свое отношение к этому факту» [41, с. 321]. Факт в исторической песне, «его изображение представились более ценными в процессе творчества» [41, с. 322]. Порой расцвета «исторической» песни автор называет годы правления Ивана Грозного, события его царствования, что безусловно связано с процессом «создания своего рода национальной идеологии, получающей широкую популярность не только в книжной, но и в устной словесности» [41, с. 325]. «Песня времени Петра во многом связана с предшествующим, и может считаться <...> верной выразительницей поэтических традиций, которые создали песню времени Грозного» – утверждает ученый. Он указывает, что в ней уже видны «зачатки того процесса, который привел ее к закату в последующее время» [41, с. 332].

Анализ сохранившихся и зафиксированных текстов «исторической» песни, прослеживание ее судеб на протяжении нескольких столетий позволил М.Н. Сперанскому сделать вывод о том, что «заменив собой былину, она сама после своего расцвета в XVI и XVII вв. утрачивает жизненные силы, уступая место отколовшимся от нее ранее – песне казачьей и разбойничьей, позднее – солдатской и “низшей” эпической, выделившимся в отдельные, хотя генетически с нею связанные, типы эпической песни» [41, с. 335].

Раздел тома, представляющий «историческую» песню, состоит из нескольких частей и отражает этапы формирования мировоззренческих позиций и развития творческих сил, а также указывает на «соответствие между переживаемой эпохой и ее отражением в устно-поэтическом творчестве» [41, с. 324]. В числе составляющих этапов: «старший» – «Татарщина», «Время царя Ивана Грозного», «Смутное время и XVII век» и «младший» – «Время Петра первого», «После Петра I. Восемнадцатый век», «Деятнадцатый век».

«Татарщина» представлена песней «Щелкан Дуденьевич»; «Время Ивана Грозного» песнями о «Взятии Казани», «Царской женитьбе», о «Набеге Крымского хана», «Ермаке» и «Кончине Грозного».

В разделе «Смутное время и XVII век» мы находим песни о «Григории Отрепьеве», «Скопине-Шуйском», «Взятии Азова», «Земском соборе», «Стеньке Разине», «Осаде Соловецкого монастыря», о «Смерти Алексея Михайловича».

Исторические песни, касающиеся «Времени Петра Первого», охватывают события от «Рождения Петра» до его «Кончины». «Восемнадцатый век» и его события нашли отражение в песнях: «Шведская война», «Первая турецкая война», «Граф Румянцев», «Смерть Екатерины II». А песни о «Деятнадцатом веке» повествуют о «Генерале Платове», о «Смерти Александра I», об «Аракчееве».

В научное сопровождение второго тома был также включен пространный очерк о «былевой песне и современных носителях», коими являются крестьяне, «преимущественно нашего Севера», и казаки Приуралья, Дона и Предкавказья – «последние поколения, хранящие этот старинный вид творчества, уже закончивший свое развитие довольно давно» [42, С. VII]. Проводимое на протяжении десятилетий исследование, общение с «рапсодами» (как их имено-

вали собиратели фольклора П.Н. Рыбников и А.Ф. Гильфердинг) позволило М.Н. Сперанскому утверждать, что «современный носитель былевой поэзии совместил в себе качества различных времен, различных сословий, <...> причем и он сам в общем должен, разумеется, обладать теми из этих качеств, которые обуславливают существование самой песни в его исполнении; одного он не унаследовал от предшественников – это профессионализма, поддерживавшего в прежнее время и само создание былевой песни, чем, при изменении культурных условий жизни и мирозерцания, разумеется, еще более затрудняется и самое сохранение старого наследия» [42, с. VIII].

Указав на особенности «последних сказаний», ученый счел необходимым разместить в томе развернутые очерки-характеристики, раскрывающие «облик сказителей “старин” в настоящее время» [42, с. XIX], таких как Трофим Рябинин, Василий Щеголенок, Марья Кривополенова и Аграфена Крюкова. Желая объяснить причины отбора персоналий, М.Н. Сперанский отметил, что «несколько приведенных биографий дают небезыңтересные иллюстрации <...> носителей былевого творчества. При этом взяты эти биографии с таким расчетом, что они характеризуют былевое творчество в различное время нашей эпохи и притом с различных его сторон» [42, с. XIX]. Так, например, Тимофей Рябинин «взят как певец старшего относительно поколения», который «интересен как учитель своего сына Ивана», т.е. здесь появляется возможность наблюдения «передачи былин от одного поколения к другому» [42, с. XIX-XX]. «Представителем иного типа певца» стал Василий Щеголенок. Оба – жители Олонецкого края. Марья Кривополенова и Аграфена Крюкова – представительницы Архангельской земли, являлись «богате́йшими по репертуару сказительницами» [42, с. XX].

Важной составляющей тома стала статья о «музыкальной стороне эпической поэзии» [40, с. V], написанная этнографом, фольклористом и антропологом Н.А. Янчуком [43].

М.Н. Сперанский, представляя содержание II тома, счел необходимым познакомить читателей с содержанием последующих, планируемых к выпуску. Он писал: «Дальнейшие стадии развития былевой песни – малороссийская дума, казачья, солдатская и низшая эпическая песни, которые должны собой закончить весь круг

стихотворного русского былевого эпоса, отнесены в следующий том издания» [40, с. V].

Полностью замыслам сбыться не удалось, несмотря на огромное желание М.В. Сабашникова. 10 июля 1922 г. он писал: «...Мы стараемся сейчас закончить... начатые издания «Былин» (3-й т.), и это идет весьма и весьма туго, нисколько не поощряя нас на расширение этого дела немедленно. Тем не менее, у нас так много сделано для постановки издания «Памятников», что, как я уже сказал, мы твердо намерены этого дела не бросать и при первой же возможности возобновить более широкое продолжение этого дела» [44].

Третий том «Былин», под редакцией М.Н. Сперанского, с его предисловием и комментариями, был полностью подготовлен в 1920 – 1921 гг. В нем ученый поместил 13 малороссийских дум и 27 казачьих исторических песен. Анализируя во вводной статье особенности малороссийских дум и казачьих песен, находя те черты, которые объединили эти два жанра устной литературы, М.Н. Сперанский дал яркое и точное определение казачества «как глубоко национального явления», как «боевого представителя народной самобытности, слившего воедино идею национальной и религиозной свободы» [45, л. 2].

В четвертом томе он собрал русские народные сказки о животных (50) и о явлениях природы (11) [46]. При исследовании огромного объема собранных и записанных в XVIII – XIX вв. народных сказок ученый постарался его тематически систематизировать и объяснить причины, по которым в особые группы были выделены сказки о животных и сказки о силах природы.

В первую очередь, необходимо обратить внимание на задачу, связанную с изучением сказочного материала, которую сформулировал М.Н. Сперанский в своей вступительной статье. Он отметил следующее: «Переноса центр тяжести при изучении сказки на почву историческую и культурно-бытовую, мы будем в состоянии осветить ее не только как явление историко-литературное данной народности, но извлечь из этого изучения и материал для суждения об истории сказки, как отдельного жанра и роли его в мировой уже литературе; при этом наметится сравнительно и значение сказки той или иной народности в ряду других народных сказок» [46, л. 6].

Во вступительной статье, начав с обзора историографии и проанализировав имеющиеся исследования, посвященные этому

фольклорному жанру – «животному эпосу», рассмотрев этапы научного изучения сказок и сказок о животных, ученый, в частности, писал: «...в той сказке о животных, которая нам теперь доступна, мы имеем перед собою результат переживаний многовекового периода развития и изменений первоначального произведения устного творчества; в ней уже априори мы должны допустить элементов разного характера, происхождения и времени, различных условий среды и различных народностей; элементы эти уже переработаны и продолжают перерабатываться применительно к изменяющимся условиям бытования самой сказки» [46, л. 3].

По мнению ученого, согласившего со своими предшественниками в области изучения фольклорного материала, сказки о животных, безусловно, составляют самостоятельную группу, отличающуюся от других не только происхождением, «подбором сюжетов, способом их трактовки, характером обработки, отношением к ним слагателей и носителей» [46, л. 5]. Именно «эти черты – по сравнению с элементами-источниками частного характера – составляют результат уже исторической жизни словесного творчества, определенной исторически и культурно среды, иначе: сказка о животных, известная нам на том или ином языке, рассматриваемая под этим углом зрения, должна быть анализируема не только как материал для суждения о происхождении сказки о животных вообще, но и как продукт творчества определенной культурной среды и народности» [46, л. 5-6].

В рассуждениях о сказке о животных исследователь пришел к следующим умозаключениям:

1) в современном виде сказка представляет собой «переработку, объединение чрезвычайно различных по происхождению, времени и условиям возникновения элементов»;

2) «она может быть названа между тем и однородной по отражению в ней культурно-национальной жизни, именно, жизни русского народа»;

3) «тут же нашла себе отражение и русская природа в ее обычных очертаниях и картинах».

Таким образом, подводя итог своим рассуждениям, М.Н. Сперанский писал: «Русская сказка о животных уже так тесно связана с русским бытом, русской обыденной обстановкой, пре-

имущественно крестьянской среды», «она является для нас произведением уже вполне национальным» [46, л. 6].

Следующий вопрос, на который отвечает ученый, связан с определением круга сюжетов и персонажей «животного эпоса»:

1) «очеловеченные животные находятся в самых несложных житейских отношениях, подобных людским»;

2) при этом «они не перестают проявлять и свои животные свойства»;

3) «животные, фигурирующие в сказках, только те, которые обычны в той же крестьянско-бытовой обстановке»;

4) «обрисовка персонажей в сказке связана тесно с тем же ограниченным кругом наблюдений, возможным в той же деревенской среде» [46, л. 7].

Давая характеристику сюжетам, он указал на их «несложность» и «зависимость от наблюдений человека над своей средой» [46, л. 7-8].

Что касается содержания этих сказок и его особенностей, то оно, как считает М.Н. Сперанский, «может быть охарактеризовано, как перенесение в мир животных людских отношений с добавлением туда наблюдений над миром животных как таковым» [46, л. 8].

«Связанная с обыденной реальной жизнью», «не щедрая на изобразительные средства», «простая по изложению», «консервативная в содержании и в форме», сказка о животных «по происхождению близка к эпохе довольно примитивного миропонимания». И это значит, что она имеет раннее время возникновения, «которому соответствует простота ее концепции» [46, л. 8-9].

Согласился М.Н. Сперанский и со своими предшественниками в исследовании русского фольклора, которые в свое время обратили внимание на «архаичность, простоту, близкую к примитивности, композиции нашей сказки», которая «осталась достоянием устной передачи, не подвергшись литературной обработке более позднего времени» [46, л. 9].

Суммируя сказанное, ученый в конце своей статьи писал: «Стилистический характер сказки о животных намекает, по-видимому, на то ее значение, какое она имеет в глазах ее носителей и слушателей: главная ее ценность в занятости самого содержания, которое заслоняет собою интерес к ее форме, что вполне гармонирует с уровнем среды, теперь ее культивирующей» [46, л. 10].

Поэтико-фантастический «рассказ о явлениях и силах природы» – это другая группа сказок, рассмотренная М.Н. Сперанским. Эти сказки отличает то, что она «ограничивается только названием того или другого явления или силы природы – Солнце, Месяца, Ветра, реки Волги и т.д., – не находя нужным подчеркивать или подробнее говорить об этом» [46]. Эти силы природы и стихии, «будучи “очеловечены”, стоят ближе к человеку в его сознании, нежели животные, одаренные человеческими качествами», – считает ученый. – «Но эта близость представления о стихии к представлению о человеке не мешает сохранять и качества, присущие ей как стихии». В качестве примера он называет сказку о «Солнце, Месяце и Вороне».

Рассуждая о сказках о силах природы, М.Н. Сперанский утверждал, что «в сказках рассматриваемой группы какого-либо элемента мифологического уже нет: это просто поэтическое изображение интересного явления природы, близкого человеку в его быте, обстановке, обыденной жизни». Чрезвычайно важен исследовательский вывод о том, что «сама по себе идея олицетворения, антропоморфизма в воззрениях на явления природы может быть и очень древней, но в данном случае применение ее в сказке – выражение не верования, а акт только поэтической, творческой художественной эмоции слагателя сказки».

Включенные в том сказки были подобраны М.Н. Сперанским с особой тщательностью. Они взяты из сборников, выпущенных А.Н. Афанасьевым, П.Н. Рыбниковым, Д.К. Зелениным, В.И. Смирновым, В.Н. Добровольским, Д.Н. Садовниковым.

М.В. Сабашников надеялся, что оба тома появятся в конце 1923 г. Но книги не вышли ни в 1923 г., ни многие годы спустя. Вместе со всеми сохранившимися архивными материалами издателей и издательства они попали в Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина (архив поступал в несколько этапов: в 1946, 1965 и 1966 гг.).

Но обобщающий труд, посвященный русской устной словесности, все-таки увидел свет. М.Н. Сперанский в 1912 – 1913 и 1914 – 1915 гг. прочитал курс лекций по истории фольклора для слушательниц Высших женских курсов в Москве, который был ими записан и опубликован И.Н. Кушнеревым в качестве учебного пособия в 1917 г. [47]

Учебное пособие, получившее авторское название «Русская устная словесность», стало одним из первых всеобъемлющих монографических исследований, посвященных проблемам развития и бытования устного народного творчества, связанного с осмыслением окружающего мира, осознанием историчности развития и значенности идеи государственности.

Указав на относительную молодость науки, связанной с изучением истории устной словесности и разработкой методов исследования, автор перешел к анализу «исторического хода развития изучений так называемой народной устной словесности» [47, с. 2]. Решению этого вопроса посвящена первая глава «Введение в историю устной русской словесности (с. 3-178)». В следующих главах последовательно рассматриваются былины, исторические песни, духовный стих, сказки, об устных легендах, заговорах, пословицах и поговорках, загадках.

После Революции 1917 г. М.Н. Сперанский вновь обратился к проблеме взаимодействия и взаимовлияния фольклора и художественной литературы. Включенный в состав Пушкинской комиссии Академии наук, он в 1920-е гг., вернувшись к старым наработкам, опубликовал свою статью «К вопросу о песнях, записанных А.С. Пушкиным» [48] и издал «Песни, собранные П.В. Киреевским», предваряя их небольшим предисловием [49; 50].

Труды М.Н. Сперанского по изучению устной народной словесности, в которых был систематизирован огромный фольклорный материал, стали неотъемлемой частью истории русской науки и культуры конца XIX – первой трети XX в., того периода, когда постоянно возрастающий интерес к национальным традициям способствовал формированию целого направления в изобразительном искусстве, получившего название ретроспективизма, способствовали развитию научного изучения народной культуры. Преемниками в деле исследования фольклора явились такие ученые первой половины XX в. как М.А. Рыбникова [51; 52] и М.К. Азадовский [53; 54; 55], много потрудившиеся в деле собирания, систематизации и публикации произведений устного народного творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Погодин М.Д. Письмо М.Н. Сперанскому. 1892 // ОР РГБ. – Ф. 601 (М.Н. Сперанский). – К. 2. – Ед. 21.
2. Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. 1875-1900: Преподаватели и воспитанники. – Нежин, 1900. – 120 с.

3. Сперанский М.Н. Друзья и враги Пушкина в литературе // Сборник Историко-филологического общества в Нежине. – Нежин, 1900. – Т. III. – Отд. II. – С. 20-43.
4. Сперанский М.Н. К истории песен, собранных А.С. Пушкиным // Сборник в честь 70-летия Д.Н. Анучина. – М., 1913. – С. 207-214.
5. Сперанский М.Н. «Барышня-крестьянка» А.С. Пушкина и «Урок любви» г-жи Монтолье // Сборник Харьковского историко-филологического общества. XIX. Памяти Е.К. Редина. – Харьков, 1913. – С. 125-133.
6. Труды Государственного Румянцевского музея. Вып. I. Дневник А.С. Пушкина (1833—1835 гг.). Издание по подлинной рукописи со вступит. ст. акад. М.Н. Сперанского и примечаниями В.Ф. Саводника. – М., 1923. – VIII, 578 с.
7. Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело» М.Н. Сперанского // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52. – № 2. – С. 77-86.
8. Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы / Отв. ред. Н.И. Толстой; Рос. АН, Ин-т мировой лит. им. Горького. – М., 1994. – 284 с.
9. Сперанский М.Н. Русские подделки рукописей в начале XIX века. (Бардин и Сулакадзе) // Проблемы источниковедения. – М., 1956. – Вып. V. – С. 44-101.
10. Сперанский М.Н. Рукописные сборники XVIII века / Предисловие, подготовка к печати, редакция и примечания В. Д. Кузьминой. – М., 1963. – 267 с.
11. Славяноведение в дореволюционной России: биобиблиографический словарь. – М., 1979. – 428 с.
12. Булахов М.Г. «Слово о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке: Краткий энциклопедический словарь. – Минск, 1989. – 245 с. С. 208-210.
13. Словарь русского языка XI-XVII вв. Справочный выпуск / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М., 2001. – 814 с.
14. Волков В.А., Куликова М.В., Логинов В.С. Московские профессора XVIII — начала XX веков. Гуманитарные и общественные науки. – М., 2006. – 300 с.
15. Андреев А.Ю., Цыганков Д.А. Императорский Московский университет: 1755-1917: энциклопедический словарь. – М., 2010. – 894 с.
16. Кузьмина В.Д. М.Н. Сперанский как славист // Славянские литературы. V международный съезд славистов. Доклады советской делегации. – М., 1963. – С. 125-152.
17. Кузьмина В.Д. Михаил Несторович Сперанский (1863-1938) // Сперанский М.Н. Рукописные сборники XVIII века / Предисловие, подготовка к печати, редакция и примечания В.Д. Кузьминой. – М., 1963. – С. 205-225.
18. Кузьмина В.Д. Хронологический список трудов академика Михаила Несторовича Сперанского // Труды отдела древнерусской литературы. – М.; Л., 1956. – Т. XII. – С. 594-612.
19. Кузьмина В.Д. Хронологический список трудов академика Михаила Несторовича Сперанского // Сперанский М.Н. Рукописные сборники XVIII века. Материалы для истории русской литературы XVIII в. – М., 1963. – С. 226-255.
20. Богатова Г.А. М.Н. Сперанский как историк языка и культуры // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1992. – Т. 51. – № 4. – С. 67-74.

21. М.Н. Сперанский и его неизданный труд «Казачья историческая песня». / Вступ. ст. и публ. Г.В. Аксеновой // Славяне. – 1993. – Вып. 4. – С. 36-41.
22. М.Н. Сперанский. Воспоминания об И.Е. Забелине. / Вступ. ст. и публ. Г.В. Аксеновой // История. – 1994. – № 1-2. – С. 7-8;
23. Аксенова Г.В. Материалы М.Н. Сперанского в рукописных фондах Российской государственной библиотеки // Судьба России в современной историографии: Сборник научных статей памяти д.и.н., проф. А.Г. Кузьмина. – М., 2006. – С. 253-264.
24. Сперанский М.Н. Общий вступительный очерк // Русская устная словесность. Т. 1. Былины. / Под ред. М.Н. Сперанского. – М., 1916. – С. I-XLVIII.
25. Сперанский М.Н. Рец.: Сборник за народни умотворения. I-IX // Археологические известия и заметки. – 1895. – № 11. – С. 349-352.
26. Сперанский М.Н. Рец.: Беломорские былины, записанные А.В. Марковым // Archiv für slavische Philologie. – XXIV, 1902. – С. 629-637.
27. Сперанский М.Н. Один из старых рукописных сборников снотолкований и песен // Этнографическое обозрение. – М., 1906. – Кн. 68-69. – С. 1-29.
28. Сперанский М.Н. Малорусская песня в старинных печатных песенниках // Этнографическое обозрение. – М., 1910. – Кн. 81-82. – С. 120-144.
29. Сперанский М.Н. Рец.: Былины новой и недавней записи из разных местностей России под ред. В.Ф. Миллера. Москва, 1908 // Критическое обозрение. – М., 1908. – Вып. VIII. – Отд. II. – С. 39-41.
30. Сперанский М.Н. Рец.: Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Изд. 2. Т. 1. Москва, 1909 // Критическое обозрение. – М., 1909. – Вып. VIII. – Отд. II. – С. 31-33.
31. Сперанский М.Н. В.С. Караджич и русская народная песня // Известия Отделения русского языка и словесности. – 1908. – Т. XII. – Кн. 4. – С. 277-285.
32. Сперанский М.Н. Духовные стихи, записанные в Тульской губернии П. Смирновым в 1845 г. // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1907. – Кн. 4. Смесь. – С. 24-38.
33. Сперанский М.Н. П.В. Киреевский и его собрание песен // Песни, собранные П.В. Киреевским, новая серия. Вып. 1. – М., 1911. – С. I-LXXIII.
34. Сперанский М.Н. К истории собрания песен Н.В. Гоголя // Сборник Историко-филологического общества. VIII. Отд. II. – Нежин, 1912-1913. – С. 1-44.
35. Сперанский М.Н. К истории песен, собранных А.С. Пушкиным // Сборник в честь 70-летия Д.Н. Анучина. – М., 1913. – С. 207-214.
36. Сперанский М.Н. Духовные стихи // Энциклопедический словарь «Гранат». – 7-е изд. – 1912. – Т. 19. – Стлб. 196-200.
37. Белов С.В. Книгоиздатели Сабашниковы. – М.: Московский рабочий. – 176 с.
38. Издательство М. и С. Сабашниковых. Договор с С.И. Церетели // ОР РГБ. – Ф. 261 (Издательство Сабашниковых). – К. 9. – Ед. 18.
39. Сперанский М.Н. Письма М.В. Сабашникову // ОР РГБ. Ф. 261 (Издательство Сабашниковых). – К. 6. – Ед. 44.
40. Русская устная словесность. Т. II. Былины. / Редакция, прим. и вводные статьи М.Н. Сперанского. Исторические песни. – М., 1919. – 588 с.
41. Сперанский М.Н. Историческая песня. Вступительный очерк // Русская устная словесность. Т. II. Былины. – М., 1919. – С. 319-336.

42. Сперанский М.Н. Былевая песня и современные ее носители // Русская устная словесность. Т. II. Былины. – М., 1919. – С. VII-XX.
43. Янчук Н.А. О музыке былин // Русская устная словесность. Т. II. Былины. – М., 1919. – С. 527-572.
44. Сабашников М.В. Письмо С.А. Жебелеву. 10 июля 1922 г. // ОР РГБ. – Ф. 261 (Издательство Сабашниковых). – К. 2. – Ед. 9.
45. «Былины». Под ред. М.Н. Сперанского. Не вышедший в печати III-й том серии «Русская устная словесность. Памятники мировой литературы» // ОР РГБ. – Ф. 261 (Издательство Сабашниковых). – К. 10. – Ед. 9.
46. «Русские народные сказки». Под ред. М.Н. Сперанского. Не вышедший в печати том серии «Устная народная словесность. Памятники мировой литературы» // ОР РГБ. Ф. 261 (Издательство Сабашниковых). К. 11. Ед. 4.
47. Сперанский М.Н. Русская устная словесность. Введение в историю устной русской словесности. Устная поэзия повествовательного характера. Пособие к лекциям на Высших женских курсах в Москве. – М., 1917. – 474 с.
48. Сперанский М.Н. К вопросу о песнях, записанных А.С. Пушкиным // Пушкин и его современники. Вып. XXXVIII-XXXIX. – Л., 1930. – С. 95-107.
49. Сперанский М.Н. Песни, собранные П.В. Киреевским, новая серия. – М., 1917. – Вып. 2. – Ч. 1.
50. Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. – М., 1929. – Вып. II. – Ч. 2.
51. Рыбникова М.А. Загадки. – М; Л., 1932. – 486 с.
52. Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки. – М., 1961. – 230 с.
53. Азадовский М.К. Литература и фольклор: Очерки и этюды. – Л., 1938. – 296 с.
54. Азадовский М.К. Сказки Верхнеленского края. – Иркутск, 1925. – Вып. 1. – 142 с.
55. Азадовский М.К. История русской фольклористики. – М., 1958-1963. – 2 т.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение. Казачья историческая песня

Две песни, из третьего тома «Русской устной словесности», подготовленного М.Н. Сперанским (ОР РГБ. Ф. 261. К. 10. Ед. 9), но так и не увидевшего свет – это «Генерал Иловайский» и «Майор Беляков».

И.Д. Иловайский – один из лучших казачьих генералов (атаман 1775-1795), участник войны с турками в 1774 г., умер от ран в 1810 г., полученных в битве с турками. Граф Каменский, упоминаемый в песне, – один из героев той же войны 1774 г., позднее (1809) убит у себя в деревне.

В 1812 г. из Оренбургских казаков были сформированы два полка: атаманский и Якова Белякова, который им и командовал, участвуя в событиях Отечественной войны и в походах за границу вплоть до взятия Парижа. Беляков, как предполагают, умер в 1816 г. где-то на прусской границе.

Генерал Иловайский

За славной было за реченькой за Дунаем
Собиралась армеюшка турецкая,
Собиралась, становилась в зеленых лугах,
Занимала она лагерь на пятнадцать верст,
А с отъезжими пикетами и на двадцать.
Вот и день стоит армеюшка и другой стоит,
Она шанцами, батареями, окопалась,
Ничего войско турецкое не боялось.
Поздно к вечеру Каменский граф приказ отдал:
С полуночи наша армия собирается,
Наперед идет Иловайский, генерал Донской,
Павел Дмитриевич идет, идет оглядается,
Он горячими слезами заливается:
«Вы, друзья мои, приятели казаченьки!
Что-то тяжело и горестно мне на сердце!
Постарайтесь, разгуляйте добра молодца,
Послужите верой правдою по-прежнему».
Не успел к ним Павел Дмитриевич слово вымолвить,
Как из первой батареи пушка вдарила,
И казаченьки с приказания генеральского
Закричали, загичали, на удар пошли.
Тут картечью от турков к нам засыпали,
Иловайского картечью больно ранили,
Он упал коню доброму на черну гриву,
И воскликнул он вокруг себя громким голосом:
«Вы друзья мои, надежные казаченьки!
Не покиньте доброго молодца на чужие руки!»
И на крик его казаченьки слетались.
«Други братцы, вы, пожалуйста, не все ко мне,
А летите, приударьте на врагов своих!»
И приказ его казаченьки исполнили:
И турецкие полки они рассыпали.

Майор Беляков

Не черные, братцы, тучи поднимались –
Появились казаченьки царя Белого Петра Первого.
Наперед идет атаманский полк, он весь радостен:
В барабаны бьют в полку по-новому,
В трубу трубят по-веселому,
Дарско знамечко несут распугченное;
Узнали косыночка вьется до сырой земли.
Позади идет Беляков полк, весь не радостен:
Во трубы трубят по кручинному,
Царско знамечко несут во черном чехле.
Наперед едет Беляков на добром коне;
Под Беляковым сивый добрый конь идет, спотыкается,

А сам Беляков с луки на луку все качается.
 Взговорил Беляков своим громким голосом:
 «Ой ли еси, казаченьки моего полка, моей первой сотенки!»
 Не попомните-ка Беляковой спеси-гордости:
 Вы съмите-ка скорее Белякова со добра коня;
 Вы ведите-ка Белякова на сине море;
 Вы обмойте-ка с Белякова мою горячу кровь;
 Схороните-ка Белякова промеж трех дорог:
 Между петербургской, московской и славно-киевской!»

Происхожденне донского казачества

«Песня о происхождении Донского казачества отразила на себе в поэтическом обобщении те жизненные исторические условия, при которых созидалось казачество, указывая на его пестрый, «сбродный» характер, намекая на то, как в его составе оказывались искони люди случайные (о чем была речь выше). Один из вариантов этой песни еще определеннее указывает на это: два молодца песни, это – «верба без корени» (т.е. без роду и племени):

Удовушка молода

.....

Двух купчиков любила.

Двух сыночков родила,

спустила их в Дунай реку (Дон), которая их и вскормила, сделала казаками.

Конечно, песня эта как обобщение бытового случая несет на себе характер исторический, если и не отправляется от какого-либо события, нам известного» (*Сперанский М.Н.* Казачья историческая песня // ОР РГБ. Ф. 261 (Издательство Сабашниковых). К. 10. Ед. 9).

Молодая удова
 Два сына родила
 Иванушку и Василья,
 В китаечку повила
 Да на тихий Дон снесла.
 «Ой, бот юшка, ты тихий Дон».
 Принимай моих сынов
 Девять лет я по воду не шла.
 На десятом лишь пошла;
 Стала вдова воду брать –
 Стал кораблик подплывать.
 Как и в том корабле
 Да два братца сидят.
 Два родимые, два –
 Донские казака.
 Большой сидит на носу.
 А меньший сидит на корме,
 И они промеж собою говорят:
 – Удовушка, удова!
 – Да два сына родила,

- Иванушку, Василья
- И сумела породить –
- Не сумела вскормить.
- Бог нас воскормил,
- Возлелеяла чужая сторона.

Приложение 2. Русские народные сказки. Сказки о животных

Старая хлеб-соль

[Зло злом платится]

Однажды случилось – попал волк в капкан, а мужичок переходит из села до села с мешком.

Сейчас волк его повстречал, да и говорит:

«Сохрани, пожалуйста, меня!»

Старик и говорит: «Отойди, волк, прочь от меня! Я тебя боюсь: ты сгубишь меня!»

«Нет! – говорит, – не трону, только сохрани от охотников».

А по чистому полю верхом охотнички рыщут, капканного волка ищут.

А мужичок, значит, и говорит волку:

«Да как я тебя схороню?»

«Да чай, есть что-нибудь у тебя?»

«Один мешок только».

«Ну, посади в мешок!»

Старик расправил мешок, волк бултых в мешок, залез, да и сидит в нем; а старик подле лежит. Которые же охотники по чистому полю рыскали, серого волка искали, подъезжают к старику.

«Мир твоему сиденью, дед! Не соври: тебе семьдесят лет, у тебя уже и зубов нет. Не ты ли пои мал капканного волка?»

Отвечает старик:

«Э-и-дру'ги, де мне серого волка поймать? Я – стар человек».

«Да, не видал ли дедушка? Он у нас с капканом ушел».

«Нет», – говорит старик и проводит их обратно.

Охотнички поехали, куды им следует.

Волк спрашивает старика:

«А что уехали мои неприятели?»

«Уехали, серый волк!»

«Ну, выпускай теперь меня!»

Мужик развязал мешок; волк встал, обернулся на все четыре стороны и сказал:

«Нет никого! Я тебя, дедушка, съем!»

Старик говорит:

«Да, серый волк, эдак видно добро-то добром платится! А добры люди так не делают: а кто кому делает добро, то добро добром платят; кто сделает зло – то злом платят. Пойдем, волк, путем-дорогой и будем спрашивать, кто нам попадется, каких бы ни было, до трех лиц».

Волк согласился; идут путем-дорогой. Ходит старая кобыла на озимях и не может травы достать и не может посеянной озими сорвать.

Говорит старик:

«А скажи-ка нам, старая кобыла, ты знать Бога забыла, добро добром платится, или зло злом?»

Отвечает старая кобыла:

«Эх, старик, старик! Нашел ты нынче – добро добром платится! Я у хозяина 20 лет жила, десять жеребенков принесла, и то он меня под сараем не держал – в чисто поле согнал».

Волк и говорит старику:

«Слышь, дедушка, что кобыла говорит? Я тебя съем! Добро добром не платится».

«Пойдем, волк, дальше, до второй встречи!»

Вот пошли, старую собаку нашли. Подходят к собаке, сказал старик:

«Что ты старая собака, лежишь, больно громко скалишь. Добро добром платится или зло злом?»

«Э-их, – говорит, – нашёл ты, добро добром платится! Я хозяйский дом десять лет стерегла, вот я остарела, ходить не могу – он меня в поле заморозить вывез».

Волк и говорит старику:

«Неправда твоя, старик! Съем я тебя!»

«Ну, пойдем, волк, подальше!»

Пошли. Попадается им навстречу лисонька. И эта лиса при беседе краса!

Старик и говорит:

«Лисонька, скажи всю правду, не утай греха: добро добром платится, или зло злом?»

Старик и говорит:

«Вот я волку сделал добро, а он меня хочет съесть».

«А какое же добро?» – спросила лиса.

«Он попал в капкан – охотнички бы его догнали и тут же бы его поймали, а я его сберег».

«Как же это? Куда ты его дел?»

«В мешок вот в этот посадил».

«Как же ты с него сладил?»

Волк и отвечает лисе:

«Он растопырил мешок, я туды и влез».

«Ну-ка, попытай – я погляжу; тогда и съешь». «Дедушка, расправь-ка мешок, ну-ка лезь! Как ты влезешь?»

Волк влез в мешок.

«Ну-ка, дедушка, стряхни мешок-то хорошенько!»

Старик поднял мешок, конец веревкой завязал. Была у старика палочка небольшая, как в силу старику поднять.

«Ну-ка, – говорит, – дедушка, ну-ну-ну! Палочкой ты его!»

Вот старик и ну-ну-ну его, а лиса кругом бегаёт, да приговаривает:

«А путём, путём, дедушка, хорошенько! Вот тут да по морде!»

Вот старик больно обрадовался, вдруг развернулся, лису-то по морде достал, волка-то добил, а лису-то до смерти убил.

Записана поэтом-демократом и этнографом Д.Н. Садовниковым (1847-1883). Опубликовано в книге «Сказки и предания Самарского края» (СПб.: Издание Географического общества, 1884. 388 с.)

Ворона и рак

Летела ворона по-над морем. Смотрит – рак ползет. Хап его! и понесла в лес, чтобы, усевшись где-нибудь на ветке, хорошенько закусить. Видит рак, что приходится пропадать, и говорит вороне: «Ах, ворона, ворона! Знал я твоего отца с матерью – славные были люди!» – «Угу!» – «Все же хоть они и хорошие люди, но тебе не ровня. Мне думается, что и на свете нет умнее тебя». – «Эге!» – каркнула ворона во весь рот и упустила рака в море.

Размещена М.Н. Сперанским в подготовленном к печати томике «Русские сказки» под № 46. Источник не указан.

СБОРНИК А.В. КАРПОВА «ПЕСНИ АРЗАМАССКОГО УЕЗДА»: ЖАНРОВЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ И ТЕМАТИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Елизавета Сергеевна Анисимова

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, студент.*

Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: elizavetanisimova1@gmail.com

Научный руководитель – И.В. Кудряшов, д.филол.н., профессор кафедры русского языка и литературы историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ

В статье анализируется сборник А. В. Карпова «Песни Арзамасского уезда». Выделяются жанровые разновидности и тематические группы произведений устного народного творчества вошедших в сборник, а также представлена их характеристика.

Ключевые слова: А. В. Карпов; сборник; жанр; тематика; песни; фольклор

Андреем Васильевичем Карповым (1857 – 1885) при жизни был опубликован песенный сборник, который насчитывал около 500 народных песен [1]. В книгу вошли протяжные, скоморошные, игрищные, святочные, детские песни, а также песни-заплачки, казацьи песни и некоторые баллады. Собиратель песенного фольклора распределил собранные им произведения по жанровым разновидностям и тематике [2]. Песенный сборник состоял из 10 тем: исторические, голосовые, скоморошные, игрищные, хороводные, святочные, детские, свадебные песни, также были включены несколько заплачек, духовных стихов, рассказов.

Исторические песни – те из голосовых, в которых упоминают имена исторических лиц [1, с.403]. В сборнике собрано 13 исторических песен, различных по жанрам: казачьи, баллады, протяжные. Исследователи-фольклористы рассматривали их как род современных былин, но по музыкальным особенностям они ближе к протяжным песням. Например, в песне «Двором девушка прошла» легко угадываются мотивы известной песни XVIII столетия о князе Гагарине. Произведение выразило отношение народа к деятельности в первой трети XIX в. крайне непопулярного в народе графа Алексея Андреевича Аракчеева (1769 – 1934), который в 1810 г. организовал военные поселения, где армейская служба совмещалась с ведением хозяйства.

Историческая песня «Как по батюшке по морю...» [1, с.403] восходит к былине «Илья-Муромец на Соколе-корабле», известной преимущественно в районах казачьего расселения. В сюжете песни отразились воспоминания о походе разинцев в Персию в 1668 – 1669 гг.

Карпов записал много протяжных (иногда их обозначают как долгие или проголосные) песен [1, с.408]. В песнях этой жанровой разновидности ведущим выразителем и формообразующим средством служит музыка. Они трудны для фиксации, так как на один слог текста может приходиться 5-10 звуков мелодии. Именно по этой причине их невозможно зафиксировать в записи словесного текста. При работе с этнофорами возникает специфическая трудность: просьба повторить текст отдельно от мелодии вызывает затруднения, певцы сбиваются или изменяют слова.

Приведем пример записи протяжной песни, представленной в сборнике А. В. Карпова под номером 11: *«Ах, вы горы, мои горы, Жегулёвские, Ничего-то вы, горы, не спородили»*. При пении вариант этой песни записан С.В. Смоленским в конце XIX века: *Ой-да, уж вы горы, ай-но. А-ах. Ой-да, почему же, ой-да, вы горы, Ничего не спородили. Ой, не спородили»* [1, с.410]. Собирателю записывать текст подобным образом было очень сложно, поэтому к такому методу А.В. Карпов не прибегает.

Примером голосовой песни является «По Ямской, Тверской, по дороженьке...» [1, с.408]. Это плясовая народная песня, известная с XVIII века. Она популярна и в наше время, известна как

«Вдоль по Питерской», правда, в несколько измененном мелодическом варианте.

В сборнике Карпова содержится 59 скоморошных песен, которые отличает веселый напев, но под которые нельзя плясать русскую барыню [1, с.441]. Скоморошные песни редко выделяются музыковедами в особый раздел: о специфичности репертуара скоморохов известно слишком мало. В этом разделе Карпов поместил игровые, плясовые, хороводные песни.

Музыкальные особенности скоморошин сближают их с былинами, но темп быстрый: короткий напев, короткая строка. Например, песня «Повадился козел в огород...», которая исполнялась в святочную неделю ряжеными. Припев с нагромождением «непонятных» слов часто появлялся в русских селах, граничащих с мордовскими [1, с.444].

Песня «Ах, кумушка...» одна из самых употребительных плясовых песен не только в Арзамасском уезде, но и во всей Нижегородской губернии [1, с.444]. Поется она с различными изменениями слов и голоса.

Игрищных песен в сборнике Карпова насчитывается 73. Это песни на простонародном языке, они не имеют особого названия. Чаще всего эти песни исполнялись на посиделках. Большинство из них составляют традиционный репертуар. Когда поют данные песни, на середину горницы выходит парень, ведя девушку за руку. Пара ходит взад-вперед, а в конце песни, танцующие поцелуются и уходят на свое место. За этой парой выходит, при пении следующей песни, другая, третья и так далее, иногда в продолжение трех-четырёх часов. Если песня исполняется пришедшему с женихом, то по окончании ее девушки (что посмелее) подходят к нему за деньгами. Жених и невеста только слушают песни.

Песня «Как за садом за батюшкиным...» также относится к игрищным [1, с.448]. Она сопровождала игру «кросны сновать» («кросны» – ткацкий станок), приуроченную к троичкой неделе. Бытует она и в качестве протяжной песни.

Хороводных песен в сборнике А. В. Карпова 25. Они оптимистичные, энергичные, веселые и исполнялись в хороводе. По характеру образов и типам напевов (мелодии) их можно разделить на медленные лирические и скорые – комедийно-бытовые, шуточные. Для медленных лирических характерны широкие, плавные напевы с

распеванием слогов, свободные, размеренные движения. Для скорых хороводных песен, как и для плясовых характерен быстрый, оживлённый темп, чёткий ритм.

В сборнике Карпова содержится 12 святочных песен. Их исполняли во время Святков вечером в кельях, куда девушки собирались на посиделки. Устраивалось большое веселье: девушки и парни переряжаются, каламбурят, мажут друг друга сажей. К святочным песням относятся, например, «Не летай-ка ты, соколик, высоко...» и «Что не ягодка красна...», последняя поется девицам и девочкам [1, с.460]. За исполнение песни платят две-три копейки. В остальные дни Святков рядятся на всевозможные лады.

Детских песен в сборнике насчитывается 29. Они являются неким речитативом при игре в «Первинчики» (или в «Гулюкушки», как она названа Кудрявцевым в «Нижегородском сборнике»). Во времена Карпова детский фольклор не записывался, так как он создавал образ ребенка, весьма далекий от идеализированных патриархальных представлений. Однако Карпов включает их в свой сборник.

Свадебных песен в сборнике 11. Их отличает хоровое исполнение и эмоциональная напряженность. Например, песня «Не было ветров, да подули...» исполнялась в момент приезда свадебного поезда в дом невесты [1, с.463]. Во время свадебного обряда эта хоровая женская песня служила фоном для причитаний невесты.

Песня «Течет речка, не колышется...» поется для невесты в первую половину свадьбы, а также тем невестам, у которых нет отца, а песня «Как по саду, саду, садику...» исполняется жениху на вечерках, а также во время ожидания свадебного поезда, когда поезд приезжал за невестой [1, с.463].

В сборнике представлено 4 заплачки: «Размильный ты мой батюшка!..», «Разумильный ты мой милый друг!..», «Дитячко мое милое...», «Милый мой друг, хороший!..» [1, с.465]. Их используют невесты во время свадебного обряда или в качестве причитаний на похоронах.

Духовных стихов в сборнике 2. Источниками текстов послужили рукописные тетради Спасского района. М. Александровым были записаны духовные стихи и канты.

Помимо песен и духовных стихов в сборник Карпова вошли 2 рассказа: «Адские газеты», и «Песня («Там было чистое поле»).

Народный фольклор – предмет пристального изучения историков, филологов, этнографов, искусствоведов. Одни находят в нем подтверждение тем или иным историческим событиям, описание картин жизни народа, характеристику его эстетических воззрений, его менталитета; другие – раскрывают поэтическое и музыкальное богатство народной песни, мастерство ее исполнителей. Всестороннее изучение народного фольклора помогает глубже понять его, вникнуть в суть содержания, оценить его по достоинству. Большим подспорьем в этом деле является весьма репрезентативный, как видно из анализа, сборник А.В. Карпова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Народные песни, записанные в Арзамасском уезде Нижегородской губернии А. В. Карповым летом 1875 года / сост. и авт. вступ. ст. Курдин Ю.А. и др. – Арзамас: АГПИ, 2010. – 639 с.: ил.
2. Кончина Д. П. Собрание народных песен Арзамасского уезда А. В. Карпова в контексте народознания XIX века // Молодой ученый. – 2016. – № 11-2 (115). – С. 45-49.

“LOVE STORIES” КАК МЕМУАРНЫЙ ЖАНР СЕМЕЙНОГО ФОЛЬКЛОРА: ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ

*Марина Александровна Тростина¹,
Олеся Владимировна Гурина²*

*¹Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им.
Н.П. Огарева, к.филол.н., доцент*

Республика Мордовия, г. Саранск; e-mail: trostina@mail.ru

*²Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им.
Н.П. Огарева, студент*

Республика Мордовия, г. Саранск; e-mail: olesya.gurina.@bk.ru

В центре внимания авторов статьи устные рассказы о любви, рассматриваемые в контексте семейного фольклора. Описываются жанровые признаки love stories, определяются их основные функции, прослеживается эволюция жанра в советский и постсоветский период.

Ключевые слова: love stories; семейный фольклор; меморат; рассказ; жанр; эволюция

На современном этапе развития общества в силу объективных факторов многие жанры традиционного фольклора утрачивают свою актуальность и постепенно выходят из устного репертуара. Однако нельзя утверждать, что фольклор исчезает из нашей жизни: он обретает новые формы, модернизируясь в своем проявлении и

подстраиваясь под реалии XXI века. Специфика бытования фольклорной традиции в современных условиях требует поиска новых подходов к ее изучению. В последние десятилетия в центре внимания ученых оказалось устное творчество отдельных социально-профессиональных сообществ, этнических групп и объединений, к числу которых относится, и семья как «коллективный носитель традиции (folk), создающий собственное культурное пространство» [10, с. 3]. Исследование семейного фольклора выступает особо значимым в эпоху ностальгии по прошлому, поиска путей достижения социальной стабильности.

Важным шагом на пути исследования семейного фольклора стала диссертационная работа И.А. Разумовой «Современный русский семейный фольклор как этнокультурный феномен: Северо-западный регион» (2000) [10]. Автор поставил целью идентификацию области семейного фольклора и определение его места в культуре современной русской семьи. В своих последующих работах И.А. Разумова рассмотрела отдельные виды фольклора семьи: генеалогические предания, рассказы о вещих сновидениях, об имянаречении, предания о происхождении фамилий и др. [9; 11].

В работах ученых последних десятилетий нашли отражение репрезентация семейных отношений в городском фольклоре [12], особенности семейного быта и традиций, представленных в фольклоре отдельных народов [1; 2, 3, 4], отдельные жанры семейного фольклора [5; 7; 15], дембельские и девичьи альбомы, рассматриваемые в контексте письменного фольклорного наследия отдельной семьи [12].

Вместе с тем целый ряд интереснейших аспектов данного явления остаются мало исследованными, в частности, особого внимания заслуживают, на наш взгляд, устные рассказы о встрече, истории взаимоотношений молодой пары, закончившихся созданием семьи. В нашей работе применительно к меморатам данного типа мы будем использовать ставшее в последнее время особенно популярным определение “love stories” (в пер. с англ. – любовные истории).

Материал исследования составили записи, сделанные студентами Мордовского госуниверситета в ходе фольклорной (стационарной) практики летом 2021 года.

Интересующие нас истории любви составляют значимую часть устной семейной прозы и выступают одним из важнейших источников информации о возникновении отелльной семьи, путях формирования ее духовных традиций и ценностей. Кроме того, семейные истории выполняют функцию передачи личного опыта, а также способствуют сближению членов семьи, что является немаловажным в реалиях современного общества.

Итак, в основе “love stories” лежит повествование о том, как познакомились будущие супруги, как развивались их отношения и, соответственно, насколько быстро наступило их счастливый финал – создание семьи.

Структура “love stories” трехчастна: во вступлении повествуется о событиях, предшествующих знакомству (*«Я сначала учился в школе милиции на дневном отделении, у нас погиб участковый, Алексей Романович...»*), в главной части прослеживается эволюция отношений молодых людей с акцентом на ключевые события (препятствия, испытания, преграды, запреты), в заключительной части констатируется счастливый финал, то есть сообщается о создании новой ячейки общества (*«Ну и дружили, дружили... Давай поженимся! – Давай, поженились!»*).

Рассказы о создании семьи, как правило, окрашены романтическим пафосом: отдаленное или недавнее прошлое воспроизводится как нечто возвышенное, дорогое и глубоко личное. Рассказчик может выступать в них и участником, и свидетелем событий; встречаются также фабулаты, передающие услышанное от третьих лиц.

Сила эмоционального воздействия истории заключается, прежде всего, в интимном характере повествования: слушатель прикасается к близкой и важной каждому человеку теме – миру любовных чувств и переживаний. Рассказ сопровождается комментариями участника (очевидца), содержащими личную оценку пережитого. Часто такие комментарии принимают форму лирического вступления, создающего душевную, доверительную атмосферу (*«Ой, да там такая история веселая! В общем, ой, ну, мне ведь и рассказывать неловко, ты же еще записывать будешь?»*). Важное место в повествовании отводится описанию динамики чувства. Акцент делается на первой встрече, когда рождается любовь «с первого взгляда», или на том моменте, когда происходит перемена в чувствах к давно знакомому человеку (*«Нравился он очень, чувствовала-*

ла что-то родное, очень спокойно было в его присутствии»; «В самый первый момент, наверно, я поняла, что влюбилась в первую секунду, но я так боялась своих вот этих чувств»; «Когда мы с ним познакомились, у меня было такое ощущение, что я его всю жизнь знала»; «Забегала домой и на всю квартиру: “Мама, я влюбилась!”»).

Центральное место в истории составляет описание «испытаний», которые героям приходится пережить на пути к своему счастью. Эти испытания воспринимаются как преграды судьбы, а их преодоление становится поводом для гордости («У нас нет этой типичной бытовухи, живём и радуемся жизни»; «Мне плевать, что о нас думают – мы прекрасно живём в браке четвёртый год»). Необходимо отметить, что испытания, возлюбленных объясняются как объективными (война, тяжелое послевоенное время, «бандитские» 90-е годы), так и субъективными факторами, к которым можно отнести неодобрение со стороны родителей («Но против их брака была моя бабушка, то есть мама папы, потому что у нее уже был ребенок и она, получается, старше его на 5 лет»), осуждение обществом («Все мужики над ним подшучивали, смеялись, мол, что сам что ли не смог, с ребенком взял»), вмешательство в отношения третьих лиц («Он рассказал, что встретил другую, ещё до того, как у нас снова закрутился роман»).

Образная система любовной истории, как правило, состоит из двух главных и небольшого количества второстепенных персонажей. Причем избранник (избранница) идеализируется с момента зарождения чувства. Он ценен сам по себе, поскольку с его появлением жизнь наполняется особым смыслом. Поэтому портретная характеристика, часто даваемая скупой и поверхностно («Мишка он как бы помощнее, побольше других был»; «Среди них был очень милый скромный мальчик Никита восемнадцати лет»), уступает место описанию внутренних качеств любимого человека («Такой заботливый, ухоженный, постоянно с юмором ко всему относился, был легким на подъем и внимательным»; «Она была такая строгая, такая неподступная! Целый год боялся к ней подойти»). Нередко рассказчик указывает на факт несоответствия объекта идеалу, тем самым подчеркивая его «необычность», выдающиеся черты, которые поначалу не впечатляли или даже отталкивали («Ростом немало выше меня, а я люблю повыше, волосы темные, а я светлень-

ких предпочитаю... не понравился»; «"Ты была такая строгая, такая недоступная!" – ну, наверное, больше года он пытался подойти и не осмеливался»; «Меня жутко раздражал один парень – Марк с потока»).

В ходе исследования мы распределили love stories по хронологическому принципу, который видится нам наиболее показательным для характеристики сюжетов и процесса эволюции данного жанра.

1. К первой группе мы отнесли самые ранние из собранных – **рассказы 1950-60-х годов**. Как правило, истории данного типа начинаются с упоминания о трагическом для русских людей событии – Великой Отечественной войне – и с характеристики трудного послевоенного времени («*Прадедушка пришел с войны, а мужчин же не хватало...*»). В силу того, что большинство из них зафиксировано от вторых и третьих лиц, повествования лишены романтических подробностей. В фабулатах большее внимание уделяется воспоминаниям о непростых временах и взаимопомощи, которая была необходима людям («*Тут даже больше не любовь и какие-то чувства, а то, что она вот была каким-то уважаемым человеком в деревне, он был уважаемым человеком в деревне, и вот как-то они срослись*»; «*Она была на два года его старше, ну а что оставалось делать, мужик был работающий, вот и согласилась*»). В заключении делается вывод о том, что познакомившиеся в те годы люди с честью прошли через все испытания и прожили в любви и согласии, поддерживая друг друга («*Взаимное уважение, но никакой всепоглощающей любви либо еще чего-то там не было. Поженились, потому что надо было*»).

Истории этого периода в целом лаконичнее последующих. В фабулатах описываются только самые ключевые моменты, запомнившиеся по рассказам родителей. Вместе с тем они более назидательны и призваны служить уроком для молодого поколения. С этой целью информанты старшего возраста нередко включают в рассказ моралистическую часть («*Вот как раньше жили!*»; «*Вот как надо любить!*»; «*Вот это настоящая любовь, не то, что сейчас!*»).

2. **Рассказы 1970-80-х годов**. В "love stories" эпохи застоя более детально и подробно представлены особенности быта и культуры. Одним из излюбленных мест отдыха для городской молодежи

становятся «танцы», кинотеатры, концерты, местом знакомства будущих супругов – учебные заведения, работа, общежитие (для переехавших из деревни в город) («Мы познакомились на новогодней елке в доме союзов»; «Около общаги вечером <...> вот я увидела Лешку, и прям я не знаю, как-то так влюбилась сразу что ли»). В «деревенских» рассказах усиливается мотив личного выбора («Сватались они несколько раз, потому что бабушка не хотела замуж»; «У отца родители категорически были против, но она его ждала с армии»). В качестве испытаний на прочность на пути к созданию семьи рассказчики называют предрассудки родителей («Моему отцу его мать, Марё, и тетка, может быть, не разрешили мою мать брать в жены»; «Отец говорил, она, мол, мне не пара, она городская вертихвостка»), финансовые трудности («Я у меня ни кола ни двора на тот момент не было. В общаге жил») либо характерные для данного периода уличные конфликты между молодежью, принадлежавшей к различным группировкам («Она попсовая была, а я с химваша. Мне даже провожать ее одному было опасно. Так со своими пацанами и провожал до дома. Сколько раз были, чтобы не ходил за ней! Но я не сдался»).

Повествование в историях 1970-80-х годов обрастает подробностями встреч. Рассказчики вспоминают подарки, сделанные любимым («Я ей всегда ромашки носил. На клумбе рвал на школьной. Я она радовалась»; «Помню, он мне рижские духи «Диалог» подарил. Они целых 22 рубля стоили. Когда кончились, я флакон в шифоньер поставила. Долго еще мои платья ими пахли... Сейчас таких духов нет»), называют просмотренные в период ухаживания фильмы («За билетами на “Танцора Диско” три часа в “Победе” стоял»; «Мы с ним в кино были. Помню, смотрели “Курьера”. Хороший фильм. Я и сейчас бы его посмотрела... Сидим, чувствую, он свою руку на мою положил. Меня аж в дрожь бросило»). Отметим, что в “love stories” 1970-80-х годов отношения между юношей и девушкой именуются дружбой. Информанты указывают на следование рамкам приличий и высказывают осуждение в адрес нарушивших нормы морали и нравственности, установленные в советском обществе («Мы долго дружили, 5 лет получается»; «Мы год дружились. Я вышла за него, мне было 19 лет»; «Мы год дружили, и кроме поцелуев ни-ни, ничего не было»).

3. Рассказы **перестроечного периода** (конец 1980-х-1990-е годы) отличаются особой доверительностью и искренностью. Информанты легко делятся своими love stories, нередко выступая критиками традиционных ценностей. В мемуаратах отражаются «новые формы» отношений между полами: добрачная интимная связь («Нет, ну, конечно, было у нас все. Не сразу, конечно, а где-то через месяц он меня уговорил в конце концов»; «Я осталась ночевать у него. Полночи смеялись и болтали, но только где-то в 4 утра он меня поцеловал»), «гражданский брак», под которым понимается незакононое сожителство («Через пару месяцев он мне сказал: “Давай вместе жить! Снимем квартиру и начнем жить вместе”. Мама моя, конечно, в крик. Типа я такая-растакая... Типа это последнее дело. Он меня потом и не возьмет. Но нет, пожили полгода, я забеременела, и поженились сразу»). На смену глаголу дружить приходит глагол *встречаться*, подразумевающий чаще всего «взрослые» отношения. Жених и невеста получают в них именованье парня и девушки (мой парень, моя девушка).

В этих рассказах остро ощущается трагическое противоречие между традициями отцов и современностью: информанты часто бравируют своими бунтарскими взглядами, за которыми скрывается сожаление об «ошибках молодости» («Конечно, я сейчас жалею, что маме пришлось переживать. Я бы не хотела такое же от дочки получить»; «Может, и не надо было так себя вести, но мы вместе, и это все оправдывает»).

4. **“Love stories” начала XXI века** выдержаны в духе времени. Несмотря на глобальные изменения, произошедшие в сознании людей, они исполнены романтизма и не лишены веры в предопределенность судьбы. Новым мотивом в любовных историях выступает знакомство посредством интернета («Познакомились с женой рандомно в аське»; «К знакомствам в интернете я всегда относилась положительно...»; «Я поехала одна к семье за границу, и мне подруга посоветовала зарегистрироваться на местном сайте знакомств для русскоговорящих»). Особое значение в развитии любовных отношений сейчас уделяется ключевым датам: первой встрече, первому поцелую, первому совместному путешествию и т.д. («День нашего знакомства мы отмечали каждый месяц. Обязательно дарили друг другу подарочки и в кафешку ходили»). Одним из главных событий для влюбленных становится дата знакомства, от которой отсчитыв-

вается количество времени, проведенного «в отношениях» («*Мы целых полгода были в отношениях*»). Сохраняется убеждение, что чем дольше встречаются парень и девушка, тем показательнее их отношения для окружающих, тем закономернее свадебный финал.

Молодое поколение XXI века больше внимания уделяет не событиям, а чувствам, внутреннему состоянию и зову сердца. Повествование не всегда выстраивается линейно: информанты могут отходить от темы, останавливаясь на предпосылках тех или иных ситуаций, их последствиях («*В тот период они со знакомыми открывали одно небольшое кафе, мне нужна была подработка, и он взял меня к себе*»). Молодые люди открыто делятся информацией о предшествующих связях, признают собственные ошибки и заблуждения, к которым относятся как к полезному опыту («*Я как раз до знакомства с ним пережила разрыв трёхлетних отношений и, к несчастью, свой первый и последний аборт*»; «*А у меня тоже тогда жених был, но мы расстались, когда я учиться уехала*»; «*Дима на тот момент встречался с девушкой, с которой он был в отношениях 4,5 года, а я тогда только познакомилась со своим бывшим молодым человеком, который постоянно водил меня по заведениям*»). В рассказы включается описание не только своих чувств, но и чувств партнера, что свидетельствует о степени близости влюбленных («*Он говорит всегда одно и то же: “Мне очень хорошо с тобой, комфортно”*»; «*Вот, моя любовь длится со второго класса, а у него, получается, постепенно – от страха к принятию*»).

Развитие сферы интернет-коммуникаций в последние годы активно способствует приданию публичности частной жизни человека. Все чаще молодые люди добровольно делятся подробностями любовных отношений в социальных сетях, где часто размещают свои рассказы непосредственно под названием «ЛАВ СТОРИ», рассчитывая на «лайки», отклики и комментарии. В культурном пространстве отдельной семьи любовные истории продолжают оставаться тем фундаментом, на котором формируется внутренняя духовная культура ячейки общества, культура взаимоотношений, определяющая характер внутрисемейных связей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадретдинов С.М. Отражение традиции создания семьи в башкирском фольклоре: афтореф. ... дис. канд. фил. наук. – Челябинск, 2004. – 22 с.
2. Белянская М.Х. Сокровенные основы семейного благополучия в традиционной культуре эвенов // История и педагогика естествознания. – 2016. – №1. – С. 60-64.
3. Галеева А.Н. Семейные ценности молодежи // Вестник КазГИК. – 2015. – № 4-2. – С. 67–70.
4. Гимбатова М.Б. Отражение гендерных отношений в устном народном творчестве нижегородских казаков // Вестник Института ИАЭ. – 2017. – № 1. – С. 108–119
5. Кидямкина С.А. Лингвокультурологический анализ текстов семейных песен // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2010. – № 1. – С. 45-48.
6. Лугув С.А. Традиционный быт, обычаи, обряды и нормы поведения в песенном фольклоре лакцев // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – 2006. – № 2. – С. 88-96.
7. Лунева Е.В. Русская народная семейная песня Белгородского края в современном бытовании // Международный научно-исследовательский журнал. – 2014. – № 1-2. – С. 119-121.
8. Новичкова Т.А. Эпос и миф. – СПб.: Наука, 2001. – 275 с.
9. Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи: Быт. Фольклор. История. – М.: Индрик, 2001. – 376 с.
10. Разумова И.А. Современный русский семейный фольклор как этнокультурный феномен: Северо-западный регион: автореф. ... дис. д-ра истор. наук. – СПб, 2000. – 45 с.
11. Разумова И.А. Письменные традиции современной семьи: проблемы собрания и изучения // «Наивная литература»: исследования и тексты / сост. С.Ю. Неклюдов. – М., 2001. – С.93-115.
12. Сорокина А.В., Тростина М.А. Жанрово-тематическое своеобразие армейской поэзии малых форм (на материале «дембельских альбомов») // Традиционная культура народов Поволжья: материалы IV Всерос. науч.-практич. конф. с междунар. участием. 2018. – Казань, 2018. – С. 385-398.
13. Селезнева Е.В. Обыденность как болезнь: повседневные семейные отношения в отражении городского фольклора // Мир психологии. – 2019. – № 1. – С. 185-203.
14. Тихомиров С.А. «Идея семейная» в фольклоре современной городской молодежи // Вестник Герценовского университета. – 2010. – № 9 (83). – С. 60-64.
15. Тростина М.А., Раслова А.А. Логика и абсурд в «родительских запретах»: репрезентация в фольклорных текстах // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – Т. 30. – №6. – С. 1097-1103.

**П.И. ПИСКАРЕВ – ЗАЧИНАТЕЛЬ АРЗАМАССКОГО
НАРОДОВЕДЕНИЯ**

**Юрий Александрович Курдин¹,
Юлия Николаевна Железцова¹**

¹ *Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, к.филол.н., доцент кафедры русского языка и литературы историко-филологического факультета Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: yukurdin@mail.ru*

² *МБОУ Гремячевская школа №2 Кулебакского района, директор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, магистрант кафедры русского языка и литературы историко-филологического факультета Нижегородская обл., г. Кулебаки; e-mail: melyaev2013@yandex.ru*

Статья посвящена анализу исследовательской деятельности П.И. Пискарева в Арзамасе и Арзамасском уезде. Авторы выделяют его вклад в народознание Нижегородско края в сравнении с исследованиями П.И. Мельникова-Печерского, А.В. Карпова, А.С. Гациского и др. и приходят к выводу о пионерском характере работы краеведа.

Ключевые слова: народоведение; Нижегородский край; Арзамас; П. Пискарев

В минувшем году совершенно незаметно прошел юбилей Петра Ивановича Пискарева (1821 – 1904), чье имя должно быть вписано золотыми буквами в историю нижегородского краеведения и фольклористики, хотя и оказалось совершенно незаслуженно забыто. Его яркие, обстоятельные очерки были подлинным украшением «Нижегородских губернских ведомостей» середины XIX столетия, а собранные и обработанные им архивные и устнопоэтические материалы активно использовали в своих трудах П.И. Мельников-Печерский, А.С. Гациский, А.В. Карпов и в начале XX века Н.М. Щегольков. Правда, последний, не единожды заимствовавший из работ Пискарева исторические сведения о городе Арзамасе, умудрился ни разу не назвать имя автора статей и очерков из «Нижегородских губернских ведомостей», аккуратно делая в примечаниях ссылки на источники повествования [12, с. 20, 22, 68, 77, 83, 88, 151].

Андрей Карпов, по совету Гациского, изучивший статьи Пискарева, не оставил анонимными источники исторических событий и фактов, о которых сообщал в очерках по кустарной промышленности Арзамасского уезда. Так, исследуя сапожный промысел в Вы-

ездной слободе, он обращается к истории села и рассказывает старину Выездного словами П. И. Пискарева, заимствует и прямо цитирует большой фрагмент из статьи «Село Выездная слобода», опубликованной в номере 26 «Нижегородских губернских ведомостей» за 1850 г. При этом Карпов уважительно называет Пискарева «Арзамасским историографом сороковых годов», воздавая тому должное за глубокую разработку старинных актов [4, с. 74].

Что же объединяло Пискарева с Арзамасом и какова судьба его творческого наследия, так или иначе связанного с нашим городом? Он не был арзамасцем по рождению, но стал им по духу, живя и творя в атмосфере предприимчивости, усердия и любви к истории и архитектурному облику города. На эти черты характера арзамасцев обратил внимание П. И. Мельников в «Дорожных записках», опубликованных в 1839 году: «Я заметил, что жители Арзамаса великие патриоты: они себя почитают *людьми по преимуществу*; все несчастные обитатели других городов, по их понятиям – варвары. Как же после этого не отстаивать им древность своей родины?» [10].

По своему происхождению Петр Иванович Пискарев принадлежал к духовному сословию. Он родился в семье небогатого священника села Благодать Ефремовского уезда Тульской губернии и в начальный период своей жизни шел тем же путем, что и его сверстники из семей духовенства. Домашнее образование завершилось поступлением в духовное училище, затем в Тульскую семинарию. Завершив духовное обучение в Полтавской семинарии, он поступает в Санкт-Петербургский университет, после двухлетнего пребывания в котором вынужден был поступить на службу в качестве учителя русского языка уездного училища города Макарьева Нижегородской губернии. Педагогическое поприще становится главным в его жизни на последующие 30 лет вплоть до ухода на пенсию по выслуге лет.

В том же 1844 году он переводится в Арзамасское уездное училище учителем русского языка. Уездный город Арзамас привлек его не только богатой историей с возможностью изучать его по старинным актам, не только монументальностью и величием храмов и монастырей, но, прежде всего, стремлением горожан к просвещению и образованию. По количеству учебных заведений, приходившихся на число жителей, Арзамас превосходил тогда губер-

ский город Нижний Новгород, являвшийся «карманом России» благодаря знаменитой Макарьевской ярмарке. По сведения Пискарева, опубликовавшего в 1849 году в «Нижегородских губернских ведомостях» очерк «Учебное заведение в Арзамасе», таковых в Арзамасе было 6, из них духовных – 2, светских – 4; из этих последних казенное – 1, общественных – 2, и 1 частное. В них учащихся вообще 661 при общем числе жителей города за 1847 год – 9459 человек. Об уездном училище, куда поступил на службу Пискарев, он сообщает следующее: «Сначала помещалось оно в деревянном доме, а в 1836 году выстроено было для него двухэтажный каменный, с деревянными службами. В доме этом находятся также квартиры для смотрителя и двух учителей. Земли под училищем 80 квадратных сажен. В настоящее время в училище чиновников и преподавателей 7, учащихся около 60» [9, с. 114–115]. Почти половину очерка занимает описание частного учебного заведения города Арзамаса, знаменитой на всю Россию школы живописи академика А.В. Ступина. Тонкие наблюдения и характеристики Пискарева привлекли внимание широкого круга читателей благодаря перепечатке этого очерка с незначительными сокращениями в разделе «Пчелка» газеты «Северная пчела» [1].

Столь живой интерес к ступинской школе живописи побудил Пискарева к более близкому знакомству с ее основателем, результатом чего стал обстоятельный очерк, составленный по живым воспоминаниям академика Ступина. Он был напечатан в четырех номерах «Нижегородских губернских ведомостей» за 1850 год под названием «Академик Ступин и его художественная школа, находящаяся в Арзамасе» [9, с. 118-136]. Основной акцент в очерке сделан на личности самого основателя школы, поэтому представлена подробная биография художника из мещанского сословия, талант и трудолюбие которого позволили ему сделать ему блестящую карьеру. Примечательно, что А.С. Гациский, задумавший через несколько десятилетий серию биографических очерков выдающихся нижегородских деятелей, составляя биографию академика Ступина, прежде всего, опирался на работу Пискарева, на что и указал в сноске после первого абзаца текста [3, с. 316], хотя, несомненно, был знаком с обширной статьей А.В. Терещенко, побывавшем в Арзамасе и оставившим свои «Заметки». В том же 1850 году в литера-

турном журнале «Современник» Терещенко публикует работу «Академик А. В. Ступин» [11].

В Арзамасе П.И. Пискарев вел достаточно скромную жизнь, проводя свободное от службы время в разборе остатков архива остатков архива Макарьевского монастыря, с которыми он ознакомился на первом же месте его официальной службы в городе Макарьеве и скопировал их своим безупречным, легко читаемым почерком. А вскоре и сам город и его окрестности стали досконального изучения и обожания. Он буквально исколесил обширный Арзамасский уезд, изучая бумаги вотчинных контор знаменитых селений и вбирая устные рассказы арзамасцев разных сословий. Однако главным предметом его исследований были архивы городских казенных учреждений, прежде всего Арзамасского уездного суда.

Следует отметить, что 1844 год стал поворотным не только в творческой биографии и судьбе Пискарева, но и в культурно-просветительской жизни нижегородцев. Новый губернатор князь М. А. Урусов пригласил в качестве редактора неофициальной части «Нижегородских губернских ведомостей», единственной тогда газеты учителя истории П. И. Мельникова. Уже в первом номере газеты за 5 января 1845 года содержался призыв редактора публиковать памятники старины, под которыми подразумевались и произведения фольклора. С легкой руки Мельникова губернская газета стала востребованным печатным изданием, а многие ее читатели активно включились в процесс изучения древности края и народного быта. Свое достойное место в ряду нижегородских народоведов занял и П. И. Пискарев.

Уже в 1846 году он отправляет в губернскую газету «Описание Троицкого Макарьева-Желтоводского второклассного мужского монастыря», публиковавшееся в семи выпусках «Нижегородских губернских ведомостей» с сентября по ноябрь. В том же году труд Пискарева был напечатан отдельным изданием в типографии Губернского правления с «поизволения военного губернатора М. А. Урусова» [9, с. 42-73]. В истории нижегородского краеведения книга Пискарева стала самой первой по времени его выхода в свет.

На ближайшие годы арзамасский корреспондент губернской газеты стал самым деятельным соратником Мельникова на ниве нижегородского народознания, опубликовавшим два десятка статей и очерков разного характера и снискавшим заслуженный авторитет

в исследовательских кругах. К материалам арзамасского периода жизни Пискарева, напечатанным в губернской газете, кроме «Описание Троицкого Макарьева-Желтоводского второклассного мужского монастыря» (1846) относится: «Материалы для истории Макарьевской ярмарки. Акты архива Макарьевского-Желтоводского монастыря» (1847-1848) «Иларион, митрополит Суздальский и Юрьевский» (1847), «Арзамасский Спасский мужской монастырь» (1849), «Арзамасский Введенский мужской монастырь» (1849), «Особный Арзамасский Троицкий мужской монастырь» (1849), «Воскресенский женский монастырь в Нижнем Новгороде» (1849), «Зачатийский женский монастырь в Нижнем Новгороде» (1849), «Учебное заведение в Арзамасе» (1849), «Высокогорская Вознесенская мужская пустынь» (1849), «Арзамасский Николаевский женский монастырь» (1849), «Новоусадская волость» (1849), «Чернушенская волость» (1849).

В 1849 году арзамасское «Пятилетие» Пискарева сменилось необычайно активным в его творческих исканиях нижегородским «трехлетием». Дело в том, что летом того года в Нижний Новгород был переведен из Петербурга В. И. Даль и назначен на должность управляющего удельной губернской конторой. Представленный Далю талантливый арзамасский учитель, видимо, произвел должное впечатление на основателя Русского географического общества, так как вскоре Пискареву последовало предложение занять место столоначальника Нижегородской удельной конторы. В самом конце 1849 года Пискарев оставляет педагогическое поприще и переезжает в Нижний, увозя из Арзамаса самые теплые ностальгические воспоминания и полный дорожный сундучок с материалами для дальнейших трудов по истории и культуре города.

Время нижегородской службы стало самым богатым временем в жизни Пискарева и в последнюю очередь в материальном плане. Здесь, в Нижнем Новгороде, он завел свои лучшие литературные знакомства с епископом Иаковом, В. И. Далем, князем В. А. Трубецким, значительно укрепилось и его творческая дружба с П. И. Мельниковым. За свою активную исследовательскую деятельность он был избран членом – сотрудником Высочайше утвержденной временной комиссии для разбора и печатания древних актов Нижегородской губернии. К этому времени в полной мере раскрылся талант Пискарева-архивиста, что помогло ему впоследствии

стать одним из активнейших членов Ученой Архивной Комиссии Тамбовской губернии, в пределах которой протекало постнижгородская эпоха жизни и деятельности Пискарева длиной в полвека.

Следует отметить значительный вклад Пискарева в подготовку знаменитого толкового словаря В. И. Даля. «Сидишь в канцелярии, - рассказывал впоследствии Петр Иванович – тихими неслышными шагами подходит Даль и говорит «Пойдем». Это означало идти в кабинет и помогать работать над словарем» [9, с. 501]. Вместе с Мельниковым – Печерским Пискарев стал одним из первых, кому В. И. Даль прислал экземпляры только что вышедшего словаря в знак признательности за сотрудничество.

Кроме архивных изысканий и лексикографических трудов под руководством В. И. Даля Пискарев свое лично время по-прежнему использовал для обработки арзамасских материалов и подготовки их к печати. За нижегородский период им были опубликованы в губернской газете еще ряд статей и очерков: «Река Теша» (1850), «Заведение медных и железных изделий братьев Лысковцевых, находящееся в Арзамасе» (1850), «Арзамасские убогие дома» (1850), «Список воевод, бывших в Арзамасе» (1850), «Гора Оленья» (1850), «Арзамасский Алексеевский монастырь» (1850), «Академик Ступин и его художественная школа, находящаяся в Арзамасе» (1850), «Село Выездная слобода» (1850), «Благовещенская церковь в городе Арзамасе» (1850).

В начале пятидесятых годов нижегородская «Ученая дружина» распалась. Профессор Макарий (Миролюбов) был определен в другую епархию, П.И. Мельников переведен на службу в министерство внутренних дел, а П. Пискарев оставил не удовлетворявшую его канцелярскую службу и вновь приступил к педагогической деятельности, теперь уже в должности смотрителя Лебедянского уездного училища. Его личные и творческие связи с Нижегородской губернией прервались, но арзамасские впечатления и воспоминания еще долго волновали душу и сердце Пискарева. В 1857 году в «Тамбовских губернских ведомостях» публикуется великолепный очерк «Арзамасский Воскресенский собор». 5 лет Петр Пискарев прожил под сенью этого величественного храма и, очевидно, был его прихожанином. Впечатления от соборных богослужений органично соединились в памяти Пискарева, по его словам, с «величавым выражением физиономии города», которая дает многочислен-

ность его церквей и монастырей. Нельзя отнестись равнодушно к описанию видов города из южных дверей собора, словно сошедшего с художественного полотна [9, с.14].

Покидая «нижегородские пределы», Пискарев передал Мельникову кроме старинных актов Макарьевского монастыря и свою тетрадь с записями песен. После смерти писателя Мельникова – Печерского материалы Пискарева в числе других рукописей были куплены А. А. Титовым и сохранились в его собрании (Российская национальная библиотека, ф. А. А. Титова №2321). Мельников-Печерский неоднократно обращался к рукописному сборнику Пискарева, многие страницы рукописи испещрены пометами автора дилогии «В лесах» и «На горах». Так, запятая, архаизмы, диалектизмы и различные фразеологизмы подчеркнуты карандашом, на полях помечено «Далю». Почерком Мельникова написано название «Песни Арзамасского уезда Нижегородской губернии». А в разделе, озаглавленном собирателем «Удалые», писатель перечеркнул заголовков и написал «Былевые». Некоторые песни из собрания Пискарева были использованы в качестве иллюстративного материала в мельниковской дилогии.

В советское время при всей их познавательной и культурно – исторической ценности очерки Пискарева стали редким архивным материалом и практически не были востребованы. Собранные им фольклорные материалы становились объектом исследования, как правило, в работах, посвященных изучению творчества Мельникова-Печерского [2].

В последнее десятилетие наметился явный перелом в отношении к творческому наследию и личности Пискарева. Его труды активно использовались при изучении творчества А.В. Карпова [5, 6], при подготовке к изданию песен Арзамасского уезда, собранных Карповым [7]. Важной вехой в истории нижегородской фольклористики стала публикация сборника песен, собранных Пискаревым [8]. Издание хорошо прокомментировано и, несомненно, станет важным подспорьем в изучении народной культуры Нижегородчины. Единственно, с чем можно не согласиться с научной трактовкой публикаторов сборника песен, так это с неоправданным расширением ареала записи текстов. П.И. Пискарев, в силу недостаточной развитости тогдашней фольклористики, не фиксировал места записи песен, и не приводил данные об их исполнителях. Отсутствие такой

подробной информации отличает и сборник песен, собранных Карповым, хотя эта работа осуществлялась через 30 лет и под руководством А.С. Гацкого. Мы не знаем, по настоянию Пискарева или по народоведческой интуиции Мельников-Печерский озаглавил переданную ему рукопись «Песня Арзамасского уезда Нижегородской губернии».

Вывод о невозможности записи текстов песен в пределах Арзамасского уезда издатели сборника Пискарева объясняют тем, что в собрании песен Карпова очень мало текстов песен или их вариантов из собрания его предшественника. Выводы более чем необоснованные, ведь записи Карпова локализованы в пределах прилегающих к Арзамасу волостей, население которых раньше других испытало кардинальные постреформенные перемены времени. Раньше других крестьяне и горожане тут оставили патриархальный образ жизни и быстро приобщились к новым веяниям после отмены крепостного права в 1861 году. Карпов в поисках текстов песен исколесил центральные и южные поселения уезда, прежде всего Выездовскую и Новоусадскую волости, которые подробно описаны Пискаревым в очерках, опубликованных губернской газетой. Но ведь весь север Арзамасского уезда тяготел к обширной Чернушенской области, в очерке о которой Пискарев приводит устные рассказы местных жителей о разбойниках, которые орудовали в окрестностях села Пустынь, и очень точно фиксирует топонимические предания о холме Мурат и урочище Царицино или Деворино [9, с. 332–334]. Устно-поэтические традиции жителей Чернухи, Пустыни и Наумовки, конечно же, не ограничивались произведениями народной прозы, от них Пискарев мог записать и тексты старинных песен, тяготевших к соседнему, Горбатовскому уезду, в пределах которого павловский священник Е. Фаворский в эти же годы записал былины и исторические песни, явно тяготевшие к новгородской и поэтической традиции. Тем более, что обитатели лесных селений Чернушенской волости сбывали свою кустарную продукцию на окских пристанях Горбатовского уезда и легко могли перенимать и творчески усваивать песенный фольклор, генетически восходивший к традиции новгородцев, переселенных в бассейн Оки и Волги. Так что Мельников – Печерский не погрешил против истины, локализуя песни из собрания Пискарева в пределах тогдашнего Арзамасского уезда.

В 2017 году в издательстве Нижегородского университета вышло Собрание трудов П. И. Пискарева, которое дает читателям достаточно полное представление о многогранной научной деятельности выдающего исследователя провинциальной жизни России. Большой интерес имеют и собранные в книге справочно-библиографические материалы [9]. Краеведы и фольклористы Нижегородчины получили долгожданную возможность приобщения к трудам и разработкам возвращенного из незаслуженного забвения основателя нижегородского и арзамасского народоведения Петра Ивановича Пискарева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арзамасская школа живописи и другие тамошние заведения// Северная пчела: газета политическая и литературная. – 1849. – №194 (2 сентября). – С.773
2. Власова З. И. Фольклор о Грозном у П. И. Мельникова-Печерского и Н. К. Миряшова // Фольклор и историческая действительность. Русский фольклор. Т. XX. – Л., 1981. – С. 107–157
3. Гацкий А. С. Нижегородский летописец. – Н.Новгород: Нижегородская ярмарка, 2001. – 716 с.
4. Карпов А.В. Кустарные промыслы арзамасского уезда / А. В. Карпов; ред.-сост. Е.П. Титков, Ю.А. Курдин, А.В. Пряников; науч. ред. Е.П. Титков; АГПИ им. А. П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2010. – 387 с., ил. – (Наследие).
5. Курдин Ю. А. Песни Арзамасского уезда в записях П. И. Пискарева и А.В. Карпова // Карповские чтения. Вып. 2. Материалы Всеросс. научно-практич. конф. «Русское народное слово в языке и речи». 22-24 октября 2009 г. – Саров: СГТ, 2009. – С.5–15.
6. Курдин Ю.А. Фольклор Арзамасского уезда в записях и публикациях XIX века // Карповские чтения: сборник статей / Под ред. Е. П. Титкова, Ю.А. Курдина, И.В. Кудряшова; АГПИ им. А. П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2007. – С. 7–15.
7. Народная поэзия Арзамасского края. Народные песни, записанные в Арзамасском уезде Нижегородской губернии А. В. Карповым летом 1875 года / авт. проекта Ю.А. Курдин; сост. Ю.А. Курдин, Э.К. Петри, А.В. Пряников; науч. ред. Е.П. Титков; АГПИ им. А. П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2010. – 639 с.
8. Народные русские песни Нижегородской губернии, собранные П. И. Пискаревым / изд. подгод. К. Е. Корепова и В. Ф. Шевченко. – М.: Звезда и крест, 2014. – 150 с.
9. Наследие архивиста. Собрание трудов П.И. Пискарева: сборник / вступит. статья И. В. Кудряшова; Сост., подготовка текста и комментарии И.В. Кудряшова и Ю.А. Курдина. – Н.Новгород: ННГУ, 2017. – 534 с. – (Наследие)
10. Полное собрание сочинений П. И. Мельникова (Андрея Печерского) Изд. 2. – СПб.: Издание т-ва А. Ф. Маркса, 1909. – Т. 7. – 590 с.
11. Терещенко А. Академик А. В. Ступин // Современник. – 1850. – Т. XXIII, отд. VI. – С. 123–140.
12. Щегольков Н. М. Исторические сведения о городе Арзамасе. – Арзамас: Типография Н. Доброхотова, 1911. – 281 с.

**РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ
В СБОРНИКАХ XVIII-XIX ВВ.: ИЗ ФОНДА РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ**

Алла Алексеевна Семенюк

*Российская государственная библиотека, к.п.н.,
заведующая отделом нотных изданий и звукозаписей
Москва; e-mail: SemenjukAA@rsl.ru*

Статья посвящена ведущим сборникам русских народных песен XVIII-XIX столетий, сохранившимся в фондах Российской государственной библиотеки. Рассматриваются экземпляры с автографами, экслибрисами из библиотек графа С.Д. Шереметева, князя В.Ф. Одоевского. Приводятся характерные особенности первых печатных сборников, выявляются связи с книжной традицией оформления нот.

Ключевые слова: русская народная песня; сборники песен; Российская государственная библиотека

Народная песня является одним из главных элементов музыкального быта в России в XVIII-XIX вв. Она звучала повсюду: от крестьянских семей до аристократической верхушки светского общества. Песня повсеместно сопровождала русского человека; он мог часами ее петь. Вот, например, как иностранцы отзывались об этом, путешествуя по России в первой половине XIX века: «Во все продолжение путешествия нашего по России я не мог надивиться охоте русского народа к пению. [...] ямщик сядет на козлы, тотчас начинает запевать какую-нибудь песню [...]. [...] земледелец не перестает петь при самых трудных работах; во всяком доме раздаются громкие песни [...]» [1, с. 47-48].

Последняя треть XVIII столетия демонстрирует растущий интерес к народному искусству и его изучению. Появляются работы, посвященные русским народным сказкам, обрядам, пословицам и т.д. Известен труд Михаила Дмитриевича Чулкова «Собрание разных песен» (1770), куда вошло около восьмисот текстов популярных песен, бытовавших в городской среде XVIII века. Сборник сразу стал популярным. Причем, отсутствие указания на ноты не означало, что он включал тексты только для чтения. Народные мотивы были так хорошо известны, что тексты легко напевались по памяти. Наряду с произведениями поэтов XVIII века – Александра Петровича Сумарокова, Михаила Васильевича Ломоносова и других ав-

торов, Чулков включил в «Собрание» ряд таких подлинных народных песен, как крестьянские, городские, казачьи, солдатские и т.д.

Десятилетием позже выдающийся просветитель екатерининского времени Николай Иванович Новиков выпустил в свет «Новое и полное собрание российских песен» (1780-1781), переизданное в расширенном виде.

Нотопечатание музыкального фольклора началось гораздо позже, чем печатание книг в России. Конец XVIII века характеризуется активным нотопечатанием, что в первую очередь проявилось в издании именно сборников и собраний русских народных песен.

Рассмотрим некоторые сборники русских народных песен, изданных в сборниках XVIII-XIX вв. и сохранившихся в фонде Российской государственной библиотеки.

Не останавливаясь специально на музыкальном анализе материала песен, так как это является темой отдельного исследования, отметим наиболее интересные детали. Также не разбираем отдельно структуру каждого сборника, так как она схожа: систематизация по жанрам, группировка по темам (или тематическим группам). Круг жанров русских народных песен при всей широте укладывался в общие направления: социальные, семейно-бытовые, любовные и т.д. Практически во всех сборниках присутствует оглавление по темам (или «реэстр песням») и алфавитный перечень, что удобно при поиске конкретной песни. В сборниках конца XIX – начала XX вв., которые составлялись по результатам экспедиций Русского географического общества, всегда присутствует указание на географическую принадлежность входящих песен (например, «записана в селе Бельском, Иркутской губернии»), что позволяет увидеть широкий территориальный охват работы экспедиций. Также в более поздних сборниках видна тенденция к включению объяснений и комментариев к песням (например, приводится информация о том, какие варианты рассматриваемого в сборнике текста имеются, в чем отличие от других сборников, кто из фольклористов-собираателей обращался к тому или иному тексту, кто записывал песню и т.д.).

Знаковыми сборниками считаются издания 1776, 1790, 1797 годов.

Одним из первых печатных был «Сборник русских простых песен с нотами» Василия Фёдоровича Трутовского, вышедший в 1776-1795 годы в Санкт-Петербурге четырьмя частями (выпуска-

ми). О В. Ф. Трутовском (1740-1810) существует мало биографических сведений. Известно, что в ноябре 1766 года он был произведен в чин придворного квартирмейстера в ранге сухопутного прапорщика со специальным указанием на то, что «единственно употребляется во внутренних апартаментах для игrania на гусях» [2, с. 3]. Он действительно хорошо играл на этом инструменте, но прославился тем, что был автором первого печатного сборника русских народных песен. В двадцатилетний период издания четырех частей Трутовский успел выпустить третье издание первой части в 1796 г. В первых трех частях песни изложены в виде вокальной строчки для солирующего голоса с сопровождением баса, что подчеркивало преимущественного сольного одноголосного исполнения русских песен. Лишь в последней части и переизданной первой изложение песен сопровождалось полной гармонизацией. В Российской государственной библиотеке сохранились экземпляры отдельных частей «Сборника» за разные годы – ч. 1 – 1782, 1796 гг., ч. 2-3 – 1778 г., ч. 2-4 – 1778-1795 гг.

В 1790 году в Санкт-Петербурге издается «Собрание народных русских песен с их голосами, положенных на музыку И. Прачем». Иван Прач (Иоганн Готфрид (Ян Богумил), 1750-1818), чех по национальности, композитор, пианист, педагог «взял» на себя ответственность за гармонизацию русских народных мелодий. В течение XIX века и до наших дней этот сборник сохранил важное значение как один из главных источников в области русской музыкальной фольклористики. В фондах Российской государственной библиотеки сохранилось второе, дополненное до 150 песен, издание 1806 года и третье издание 1815 года.

Иван Прач указан в «Собрании народных русских песен» как единственный составитель и собственник издания, который «с глубочайшим благоговением подносит» книгу «Его императорскому величеству всемилостивейшему государю императору Александру Павловичу, самодержцу Всероссийскому». Однако в истории русской музыки и фольклористики издание более известно как сборник Львова-Прача.

Обсуждение авторства сборника велось с момента выхода в свет уже первого издания. Участники литературно-поэтического кружка под руководством Николая Александровича Львова, куда входили Гавриил Романович Державин (1743-1816), граф Василий

Васильевич Капнист (1758/9-1823), Иван Иванович Хемницер (1745-1784) бурно обсуждали творческие проекты Львова, активно высказывались о разделении функций Львова и Прача при создании сборника, считая, что идея создания, подбор материала, его систематизация и научное исследование принадлежит Н.А. Львов: он в течение многих лет собирал материал, опираясь в качестве источника на крестьянских и городских исполнителей сольных и хоровых песен. Н. Львов также изучал рукописные песенные сборники, повсеместно бытовавшие в XVIII веке, подбирал наиболее ценных образцов. Ему принадлежит первая в истории жанровая классификация народной русской песни, которая не теряет научного значения и в наши дни.

Н.А. Львову принадлежит вводный раздел к сборнику, но ни в одном из изданий автор текста не указан. В первом выпуске эта статья называлась «О русском народном пении», в дальнейших изданиях – просто «Предупреждение». «Предупреждение» – фактически исследовательская статья, в которой автор пытался определить особенности русских песен. Например, во вступлении к первой части третьего издания (1815) Львов пишет, что только русский народ, «столь способный к сложению песен», может создавать такое мелодическое «обилие» и многообразие, что найти две одинаковые песни невозможно (даже, если «простое» ухо слышит, казалось бы, одно и то же). Далее он сравнивает разные народности с точки зрения близости народной песни к народу. Например, у древних греков очень много народных песен на разные случаи жизни, но почти у всех песен известен сочинитель; во Франции тоже много песен, они приписываются трубадурам и т.д. Далее он говорит: «... в России сочинители народных песен совсем неизвестны, и следовательно оные более принадлежат всему народу» [3, с. I]. Кроме того, в названии «Собрания» впервые применен термин «народные» взамен «простые» песни, песни «простолюдинов».

Музыкальное оформление сборника осуществил И. Прач, который, по свидетельству участников кружка Н.А. Львова, записывал «с голоса» или «с голосов» мелодии песен и гармонизовал их. Историки отмечают Прача как талантливого аранжировщика: его музыкальные переложения сделали «Собрание народных русских песен» самым популярным из всех бытовавших в то время сборников.

Наконец, обратим внимание на «Песенник или Полное собрание старых и новых российских народных и протчих песен для форте-пиано, собранные издателями. Ч. 1-2. – Санкт-Петербург : у Герстенберга и Дитмара, [1797]. На титульном листе песенника помещена гравюра, представляющая группу крестьян на фоне деревенского пейзажа (приложение, рис. 1).

Этот сборник, превышающий первые два по объему, на какое-то время выпал из поля зрения исследователей. Уже в 70-е годы XIX века «Песенник» Герстенберга и Дитмара являлся очень редким изданием. Сейчас уже известен факт, что в XIX веке его не было в главных собраниях – ни в Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге (сейчас – Российской национальной библиотеке), ни в известных крупных частных библиотеках – князя Владимира Федоровича Одоевского (1803-1869), Осипа Максимовича Бодянского (1808-1877). Первые две части «Песенника» (сплетенные в один корешок) были позже обнаружены Петром Алексеевичем Бессоновым (1828-1898), что дало возможность исследователям изучать этот сборник [4, с. 177-178].

Помимо исторической значимости представленные экземпляры представляют интерес в точки зрения наличия в нотах автографов, экслибрисов. Рассмотрим с этой стороны «Песенник» Герстенберга и Дитмара.

Экземпляр «Песенника» уникален тем, что он хранит различные рукописные записки, надписи и экслибрис – здесь присутствуют «следы» как минимум пяти владельцев, двое из которых хорошо известны. Во-первых, на форзаце имеется книжный знак (экслибрис) графа Сергея Дмитриевича Шереметева (1844-1918) (приложение, рис. 2). Цветной литографированный экслибрис с такой же надписью владельца и сюжетной композицией выполнен около 1902 года художницей Елизаветой Меркурьевной Бём (1843-1914).

Во-вторых, в I томе «Песенника» имеется вклеенная записка с собственноручными комментариями князя Владимира Федоровича Одоевского (1804-1869). В Российской государственной библиотеке хранится уникальная коллекция князя, где наряду с книгами по всем специальностям присутствуют нотные издания, музыкальные труды, его собственные музыкальные пьесы. В. Одоевский всегда интересовался музыкальным фольклором: любил записывать народные песни (с голоса Владимира Ивановича Даля или Ивана

Евстратьевича Молчанова), собирал сборники народных песен. Его исследования по фольклору часто появлялись в печати.

Небольшой лист (записка) является историко-культурным памятником. Исследователи русской музыкальной культуры конца XVIII—XIX в. знакомы с этим документом. В трудах Бориса Львова Вольмана, Бернарда Борисовича Грановского и других исследователей имеются ссылки на него [подробнее об этом см. 5, с. 111-118] (приложение, рис. 3).

Назовем еще один сборник, о котором уже шла речь – «Собрание русских народных песен с их голосами» И. Прача (изд. 3, 1815). Любопытна история бытования нот. На форзаце размещены два экслибриса: шрифтовой, литографированный знак князя Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского и вензельный экслибрис Николая II (приложение, рис. 4).

Известно, что у князя А. Б. Лобанова-Ростовского (1824-1896), русского дипломата, историка, была значительная по масштабу и ценности библиотека, где были и ноты. В библиотеку императора сборник попал после смерти князя. Экслибрис представляет полное имя владельца – «Ализий Борисович Лобанов-Ростовский»; надпись выполнена шрифтом, стилизованным под древнерусскую титульную вязь. Этот образец был разработан уже в библиотеке Николая II и стал обозначением всех экземпляров княжеской коллекции, вошедших в состав императорской библиотеки.

Экслибрис Николая II – узнаваемый круглый вензельный, представляющий изображение короны и монограммы «Н.А.» – один из созданных вариантов экслибрисов для библиотеки императора художником, хранителем галереи драгоценностей Эрмитажа, Арминием Евгеньевичем фон Фелькерзамом (1861-1917).

В некоторых сборниках народных песен сохранились дарственные надписи или автографы владельцев. Примером могут служить два издания (приложение, рис. 5, 6).

Культура книжной традиции чрезвычайно важна в истории русской музыки. Это в первую очередь можно наблюдать при оформлении нотных изданий, в том числе многих изданий сборников народных песен. Приведем несколько примеров.

В 1781 году книгопродавец Ф. Мейер выпускает первую часть издания «Собрание наилучших российских песен». Издание награждено с большим вкусом и умением. Внешне титульный лист

«Сборника» оформлен простой рамочкой, которая его изящно обрамляет, а в правом нижнем углу награвирована запись: «Вырезаны Д. Шлеппером», позволяющая утверждать, что мастер гравировал не только титульный лист, но и другие страницы – с нотами и текстами (приложение, рис. 7).

Дмитрий Шлеппер был одним из лучших граверов в Санкт-Петербурге со времен Екатерины II и Александра I. Рука мастера видна во всем: словесный текст награвирован красивым курсивом; так же аккуратно награвированы ноты (отдельно мелодия, отдельно сопровождающий бас). Кроме того, по словам музыковедов-исследователей музыкальный текст практически выполнен без опечаток и ошибок. Это означает, что в руках Шлеппера был выверенный текст, который легко было перевести на бумагу.

Что касается содержания сборника, то музыковеды считают, что оно было составлено в основном из арий и песен, заимствованных из тогдашних опер или сольных канцонетт, подчеркивая тем самым несамостоятельным («песенником на русский лад»). С другой стороны, есть и другое мнение, что «Сборник» Мейера является едва ли не самым ценным образцом песенников конца XVIII века в силу красоты мелодии и гармонии включенных в него песен.

Большим разнообразием отличается художественное оформление титульных листов песенных сборников, хотя некоторые выпускались в «слепых» переплетах («бумажках», т.е. без обложек) или были оформлены скупо без каких-либо украшений. Наиболее привлекательны обложки и титульные листы, отражающие специфику русского стиля, который проявлялся в использовании различных мотивов растительного орнамента, в сочетании ярких красок, в изображении мифологических птиц, инициалов, идущих от русских рукописных книг и т.д. (приложение, рис. 8).

Во внешнем оформлении сборников интересно проявился лубок, называемый лубочной картинкой, потешным или лубочным листом, который был особенно широко распространен в России со второй половины XVII столетия и до конца XIX века. Его лаконизмом и, одновременно, колорит изобразительных средств, простота техники, ёмкость образов – все это проявилось в оформлении сборников народных песен (приложение, рис. 9).

Кроме того, представленные в сборниках песни были так популярны, что нередко можно было увидеть лубочные картинки, иллюстрировавшие ту или иную песню. Для сравнения представляем известную народную песню «Лучина лучинушка» в нотках (приложение, рис. 10) и лубке (приложение, рис. 11).

Примеры можно продолжать.

В заключении отметим, что ценность сборников народных песен XVIII – XIX вв. заключается в первую очередь в том, что они широко и полно отражают картину музыкального быта того времени. Многие из них рассмотрены в музыковедческих исследованиях, обзорах, диссертациях. От сборников XVIII века начала свою историю российская фольклорная нотография. Уже в них определились важные принципы русской фольклористики: они включают самые популярные песни в несложной обработке для голоса с фортепиано, что делает их доступными для широкого круга любителей музыки; в песнях, отобранных в сборники, характерна опора на бытовую песенную традицию, сложившуюся в городской среде. Сборники составлялись не только в познавательных целях, но и практических: они могли исполняться в сельском или городском быту наряду с различными формами музицирования и в самых разных местностях, привнося при этом в песню особенности этих местностей и создавая тем самым новые мелодические варианты. Вследствие этого, кстати, можно проследить процессы преобразования песни, которая имеет устно-письменную природу. Говоря о нотопечатании фольклорных текстов, мы не только фиксируем хронологию выхода в свет сборников народных песен, что само по себе исторически ценно, но и затрагиваем такую важную тему, как «грамматика нотно-фольклорного правописания» [6, с. 15], которая в последнее время все шире становится объектом исследовательской работы.

Рассмотренные сборники послужили серьезной базой для композиторского творчества – оперного, симфонического, камерного инструментального, сыграв решающую роль в процессе формирования русской национальной композиторской школы. Кроме того, русские композиторы XIX в. и последующего времени, понимая значение русской народной песни, целенаправленно занимались фольклористикой, составляя свои сборники. Перечислим лишь некоторые имена: Милий Алексеевич Балакирев, Анатолий Константинович Лядов, Николай Андреевич Римский-Корсаков, Митрофан

Ефимович Пятницкий, Александр Тихонович Гречанинов и многие другие.

Краткий обзор представленных нотных изданий позволяет утверждать, что дошедшие до нашего времени печатные сборники русских народных песен, «имея свойство российского народного пения [...] и имея достоинство подлинника [...]», где нет никаких нарушений, представляют единый богатейший источник для любого, кто собирается постичь русскую музыкальную культуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Путевые записи от Москвы до С.-Петербурга одного англичанина. – М., 1837. – 68 с.
2. Трутовский В. Ф. Собрание русских простых песен с нотами / под ред. и вступ. ст. В. Беляева. – Москва, 1953. – 184 с.
3. Собрание русских народных песен с их голосами : [ноты] / положенных на музыку Иваном Прачем ; «Предупреждение» [Н. Львова]. – СПб.: Медицинская типография, 1815. – VII, 156 с.
4. Вольман Б. Л. Русские нотные издания XIX – начала XX века. – Л., 1970. – 216 с.
5. Семенюк А.А. Ноты из коллекции князя В.Ф. Одоевского (из фондов Российской государственной библиотеки) / Семенюк Алла Алексеевна // Музыкальное наследие в современном обществе. Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 1 – 5 октября 2012 года. – М., 2014. – 463 с.
6. Русский музыкальный фольклор в публикациях нотных текстов, исследований и педагогических источников XVIII – начала XXI / сост., вступ. ст., ред. Н. П. Лабзенко. – Екатеринбург, 2006. – 408 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ШКОЛЬНИКОВ НА ПРИМЕРЕ ФОЛЬКЛОРА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Артём Сергеевич Степанов

*Нижегородский государственный педагогический университет
им. К. Минина, преподаватель кафедры русской и зарубежной филологии
г. Нижний Новгород; e-mail: artemstep123@yandex.ru*

В статье рассматриваются основы формирования экологической культуры школьников в процессе обучения в школе, в частности на уроках родного языка и родной литературы. Оценивается роль и значение народных обычаев и традиций для привития бережного отношения к окружающей среде. Отмечается, что знакомство с произведениями устного народного творчества своего региона способствуют формированию практических умений рационально использовать природные ресурсы. Обуславливается необходимость повышения экологической культуры школьников.

Ключевые слова: экологическая культура; воспитание; устное народное творчество; традиции; предания; легенды

Об экологическом состоянии окружающей среды говорят уже давно. Проблема загрязнения воздуха, воды, почвы последние десятилетия волнует всё большее количество людей. Экологическая культура является составной частью общей культуры, именно поэтому экологическое воспитание является одним из направлений воспитательной работы, что способствует общественному осознанию экологических проблем современности, их последствий, путей решения и предотвращения возникновения новых.

Экологические проблемы современности требуют от учебных заведений различного уровня уделять больше внимания формированию экологического сознания, понимания окружающего мира и себя. Начинать этот воспитательный процесс нужно со школьной скамьи. Среди причин, обуславливающих необходимость этого процесса, следует назвать наличие угрозы экологической катастрофы, разворачивающейся на различных уровнях – глобальном, национальном, локальном, противостояние современной цивилизации окружающей среде, формирование новой системы взаимоотношений – «человек – природа – культура».

Если охарактеризовать структуру экологической культуры, то субъектом, то есть носителем экологической культуры в образовательном сообществе являются сами школьники, учителя, родители, а её источниками оказывается сама культура как совокупность общечеловеческих ценностей, информация, передаваемая человеку природой. Обучаясь в школе, ребенок должен научиться осознавать природу как среду своего обитания, как эстетический феномен. Знания, получаемые на уроках естественно-научного цикла, позволяют сохранить окружающую природу, предотвратить необратимое разрушение ее целостности. Это невозможно без умения осмысливать экологические явления, устанавливать связи и зависимости, существующие в мире растений и животных. Наряду с этими знаниями биологии, химии, географии необходимо сформировать у школьников нравственное и эстетическое отношение к природе. Чувство восхищения величием и красотой родной природы, чувство ответственности за сохранение прекрасного в природе будет являться выражением патриотизма. Этот аспект экологической культуры школьников формируется на уроках гуманитарного цикла.

Следует понимать, что каждая из форм организации учебного процесса стимулирует разные виды познавательной деятельности

учащихся. На первых этапах наиболее целесообразны методы, которые анализируют и корректируют сложившиеся у школьников экологические ценностные ориентации, интересы и потребности. Используя их опыт наблюдений и природоохранительной деятельности, учитель в ходе беседы с помощью фактов, цифр, суждений вызывает эмоциональные реакции учащихся, стремится сформировать у них личное отношение к проблеме.

Познавательная деятельность стимулирует моделирование экологических ситуаций нравственного выбора, которые обобщают опыт принятия решений. Активизируется потребность в выражении эстетических чувств и переживаний творческими средствами.

В этой связи огромное значение имеет внеурочная деятельность – посещение памятников природы родного края, участие в месячниках по благоустройству и т.д. Нижегородская область в этом – кладезь природных богатств. Это и объект федерального значения Керженский заповедник, и легендарное озеро Светлояр, Пустыньские озера в Арзамасском районе, эрзянские священные рощи, Борнуковские пещеры, Пешеланские шахты, многочисленные реки. Даже в областном центре в Нижнем Новгороде есть уникальные природные объекты – урочище Слуда на правом берегу Оки, Щелоковский хутор, Артёмовские луга. Подробнее об удивительной флоре и фауне Нижегородской области можно узнать из книги Н.В. Морохина «... И берег, милый для меня» – сборник художественной публицистики, посвященный проблемам родного края [0].

Посещение экскурсий активизирует познавательную деятельность учащихся, однако немаловажную роль в формировании экологической культуры школьников может послужить фольклор родного края.

Предания и сказовую прозу объединяет принципиальная установка на достоверность повествования. Правдивость, установка на достоверность описываемых событий создают в этих произведениях особый понятный, приближенный к слушателю мир. Это заставляет безусловно верить в предлагаемый вывод, легко воспринимать преподносимую идею. Именно поэтому предания как жанр любимы школьниками. Однако идея защиты окружающей среды, экологическая составляющая редко оказывается центральной в таких произведениях. Зачастую в центре внимания преданий оказываются социальные проблемы общества, огромное значение прида-

ется оценке исторических событий и оценке поступков исторических личностей, ретроспективный взгляд в прошлое. Однако эти темы не исчерпывают идейно-художественное наполнение преданий как жанра. Подробнее об экологическом потенциале фольклора см. в книге Н.В. Морохина [0].

Рассмотрим те типы исторических преданий, где в той или иной мере реализуется экологический потенциал жанра. В преданиях такого типа тема природы как будто бы должна уходить из произведения. Между тем предание конкретно локализует место действия, тем самым достигается мощный эффект: в сознании людей природный фон события превращается в своего рода памятник ему. Таковы, например, предания, посвященные походу Ивана Грозного на Казань, бытующие в поселке Гремячево Кулебакского района. Иван Грозный со своим войском был поражен обилием родников, которые били из-под земли и буквально «гремели». В «Нижегородском топонимическом словаре» (сост. Н.В. Морохин) приводится и другая версия – ратники Ивана Грозного громко пели песни [0, с. 83]. По наблюдениям автора статьи именно с обилием родников местные жители связывают название своего поселка, очень гордятся этим. А родников, или, как их тут называют, ключей, в Гремячево насчитывается несколько. Гремячево стоит на доломитовых породах. В них имеется водоносный пласт, который выходит на поверхность земли совсем рядом с Казанской церковью, фактически из-под нее. Можно сказать, что этот храм стоит прямо над подземной рекой. Количество выходящей на поверхность воды столь велико, что из нее образовалось довольно большое озеро. В трех километрах от Казанского родника, на противоположном берегу реки Тёши, находится еще один источник. Его в народе называют Михаило-Архангельским. По преданию, на этом месте некогда стояли три неохватных вяза. На одном из них произошло чудесное явление иконы Архистратига Божия Михаила, и тогда же из-под вяза забил святой источник. Здесь тоже построены часовня и купальня. В народе этот источник называют еще «Колнакс». При въезде в Гремячево со стороны Арзамаса можно увидеть информационный щит, указывающий, что на берегу Тёши есть еще один священный источник, названный в честь апостола Иоанна Богослова. Таким образом, знакомство с богатой природой родного поселка заставляет школьников беречь родную природу, прикладывая усилия для бла-

гоустройства территорий родников, не допускать разведение костров, мытье машин вблизи этих природных объектов.

Следует отметить, что преданий и легенд о водных объектах на территории Нижегородской области фиксируется достаточно много (подробнее см. в книге «Земля Нижегородская в её легендах и преданиях»). Множество легенд о родниках посвящено исцелению больных («Исцеление больного» [0, с 64], «Глазной родник» [0, с. 67] и др.), о том, как родники спасали целые села во время засухи.

Таким образом, мы видим, как природа благосклонна к человеку, готова спасти его от гибели. Однако и человек должен в свою очередь беречь этот бесценный дар природы. Посещение водных объектов школьниками, проектная деятельность по сбору легенд и преданий, связанных с ними, дает мощный стимул к сохранению и бережному отношению природных богатств.

Среди событийных преданий есть произведения, призванные изобразить картины далекой уже от современников местной жизни. Экологическая информация может происходить и на периферии текста. Например, современные предания о марийских священных рощах и языческих капищах омрачены другим – в настоящее время идет хаотичная застройка, рощи вырубаются, а природоохранные организации неохотно присваивают этим рощам статус памятника природы.

Велик экологический потенциал другой разновидности предания – топонимического. В основе предания жесткая привязка сюжета к определенному месту, иногда совсем непримечательному – река, овраг, болотце. Зачастую такие предание небольшие по объему, скупы на описания. Однако в таких преданиях воплощен своеобразно преломленный идеал, озаряющий все грани народной культуры, запечатлен опыт поколений.

Одной из фундаментальных работ, посвященной топонимике Нижегородской области, следует отметить работу Л.Л. Трубе «Как возникли географические названия Горьковской области» (1962) [0]. Исследователь выделяет топонимы, указывающие на местоположение объекта и природные условия, связанные с историей заселения и хозяйственной деятельностью, с именами отдельных лиц, с религией, преданиями и легендами. Географические названия в этом плане выступают мощным источником внетопонимической информации, сведений о природе, истории, населении, хозяйстве.

Так, например, школьникам Нижнего Новгорода будут интересны предания о происхождении Нижнего Новгорода, о том, почему горы называются Дятловы. Изучение топонимических преданий дает мощный стимул к исследовательской и проектной деятельности – сбор преданий и легенд, объясняющих те или иные географические названия. В данном случае собирание и изучение преданий, связанных с основанием населенных пунктов, помогает корректировать подход к топонимике, заявленный экологом В.К. Рахилиным [0]. Предание принимает на себя функции хранителя информации об эталонном состоянии среды, имевшим место в период заселения территории и нередко утраченном в настоящее время. Такое состояние предания представляет школьникам как благоприятное, нормальное, давая возможность сравнить с ним теперешнюю картину природы.

Интересны предания, которые несут свидетельства о былом развитии хозяйства – охоты, земледелия. Так, например, в объяснении названия села Оранки Богородского района, содержится напоминание о том безграничном лесе, который рос когда-то по реке Кудьма. Эти земли отвоевываются под пашни, которые «орали», то есть пахали, обрабатывали земли, теперь вместо леса – пашни.

Подводя итоги, можно отметить, что несказочная проза региона нередко обнаруживают такие повороты сюжета, которые позволяют насытить произведения информацией о былом состоянии ландшафта, сравнить его с нынешним состоянием, показать, каким было отношение к природе наших предков. Всё это помогает школьникам получить правильное и необходимое представление о родной природе как о мире прекрасного, как о кладовой богатств, которые нуждаются в сохранении, рачительном отношении, в любви и почитании не только природы в целом, а конкретных природных объектов: рек, озер, родников, деревьев, лесов. Предание, закрепляющее собственное имя за природным объектом, делает его неприкосновенным, передача таких произведений из поколения в поколение способствует сбережению ландшафта, повышению экологической культуры подрастающего поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морохин Н.В. «... И берег, милый для меня»: Очерки о природе Нижегородского Поволжья и о нас, здешних жителях. – Н. Новгород: Просвещение, 1992. – 244 с.
2. Морохин Н.В. Фольклор в традиционной экологической культуре Нижегородского Поволжья. – Киев: Эколого-культурный центр, 1997. – 224 с.
3. Морохин Н.В. Нижегородский топонимический словарь. – Нижний Новгород: КиТиздат, 1997. – 216 с.
4. Земля Нижегородская в ее легендах и преданиях: Учебное пособие. Сост. М.П. Шустов. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2008. – 320 с.
5. Трубе Л.Л. Как возникли географические названия Горьковской области. – Горький: Горьк. кн. изд-во, 1962. – 192 с.
6. Рахилин В.К. Общество и живая природа: краткий очерк истории взаимодействия. – М: Наука, 1989. – 213 с.

**МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЗАВОЛЖЬЯ
В ХРОНОТОПЕ РУССКОГО ДЕТЕКТИВА НАЧАЛА XX В.**

Нелли Александровна Шульман

*Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, магистрант
г. Москва; e-mail: nashulmans@mail.ru*

Статья анализирует некоторые аспекты репрезентации географического и культурно-исторического пространства Заволжья в русской детективной литературе начала XX века. Заволжский хронотоп, несущий в себе черты фронта и мифологизированного пространства, описывается в детективе, как арена столкновения добра и зла, источником которого становятся традиционно проживающие в Заволжье старообрядцы.

Ключевые слова: массовая литература; русский детектив; Заволжье; старообрядчество; русская мифология; русский фольклор

Согласно определению современных исследователей, Поволжье и Заволжский регион могут быть охарактеризованы как «внутренняя окраина» [3, с. 5-6], территория, обладающая одновременно чертами пограничья или фронта метрополии и исконных ее территорий. Данная ситуация не могла не повлиять на процесс мифологизации определенных характеристик Поволжья и Заволжья, развивавшийся под влиянием исторических и географических обстоятельств.

Прежде всего необходимо заметить, что сама река Волга в мифологии как русского, так и поволжских народов зачастую рассматривается, как граница между порядком и хаосом, свободой и несвободой. Переправа с правого на левый берег Волги является своеобразным актом перехода из упорядоченного пространства ис-

конных русских земель в мифологизированное пространство, несущее в себе как и опасность столкновения с кочевниками, так и возможность доступа к невидимому сказочному граду Китежу, который, согласно М.В. Шалденковой «воспринимается как символ, воплощающий идеал сохранения старинного быта в его неприкосновенности». [6, с. 338].

Кроме того, разнообразный этнический состав населения Поволжья предоставлял возможность для контакта с различными обычаями местных жителей. Языческие верования поволжских народов, резко отличающиеся от привычной православной традиции, вносили свой вклад в создание мифологизированного образа этого региона, включая и нередко встречающиеся слухи о практиках человеческого жертвоприношения. [5, с. 295].

Следующим важным аспектом мифологизации Заволжья является присутствие в этом географическом пространстве старообрядческого населения. Старообрядцы в заволжском мифе несут в себе черты хранителей традиционно русского образа жизни, однако старообрядчество и сектанство могут одновременно стать источником опасности, своеобразной демонической силой, способной увлечь в свои ряды человека, пересекшего границу мифологизированного пространства, обозначенного рекой Волгой.

Мифологизация пространства в сюжете детективного произведения играет чрезвычайно значимую роль. Гипердетерминированность детективного жанра предполагает четкое разграничение между силами добра и зла, оперирующих, соответственно, в различных географических пространствах.

В классической детективной повести Артура Конан Дойля «Собака Баскервильей» отдаленный болотистый ландшафт, где совершено преступление, представлен как прибежище демонических сил: «Остерегайтесь выходить на болото в ночное время, когда силы зла властвуют безраздельно» [2, с. 16]. Как пишет J. Ellison: «Конан Дойл изгоняет ландшафты зла на окраину своего мира...на унылые пустоши Дартмура». [7, с. 30].

Таким образом, Дартмур в этом произведении противопоставляется сосредоточению сил добра, а именно резиденции Шерлока Холмса и доктора Ватсона на Бейкер-стрит, 221Б. В других произведениях Конан Дойля подобными ландшафтами становятся окраинный Корнуолл («Дьяволова нога»), колониальная Индия

(«Знак четырех») или Скалистые горы («Этюд в багровых тонах», «Долина страха»).

С точки зрения классического русского детектива XIX – начала XX веков именно окраины Российской империи являются средоточием сил зла, которые могут быть представлены в образе коренного населения этих окраин. Так, например, в цикле рассказов о сыщике Путилине Романа Лукича Антропова в таких произведениях, как «Поцелуй Бронзовой Девы», «Тьма египетская» или «Похитители невест» действие разворачивается, соответственно, в Польше, в черте оседлости и в Одессе.

Однако авторы детективных произведений не могли обойти вниманием и «внутреннюю окраину» империи, то есть Заволжье. В цикле рассказов о Путилине образ Заволжья встречается в таких рассказах, как «Белые голуби и сизые горлицы» и «Ключ поволжских сектантов». Оба рассказа объединены схожими сюжетами, а именно таинственной пропажей молодого наследника богатого купеческого дела, произошедшей либо после его поездки в Заволжье, либо непосредственно во время путешествия по Волге.

В «Белых голубях и сизых горлицах» агентом сил зла, обитающих в мифологизированном пространстве Заволжья является молодая красавица, привлекающая жертву в сети запрещенного сектанства.

Описание Аглаи Тимофеевны, хлыстовской Богородицы, одновременно перекликается и с многочисленными портретами заволжских красавиц, изображенных в дилогии П.И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На Горах» и с описанием подобных героинь в романах Д.С. Мережковского «Петр и Алексей» и «Серебряный голубь» Андрея Белого.

«Одета она была довольно странно и необыкновенно. Длинный, светло-лилового цвета бархатный сарафан-летник облегал ее роскошную, пышную фигуру. На груди сверкали ожерелья из всевозможных драгоценных камней. Руки были все в кольцах. На голове - простой коленкоровый белый платок, низко опущенный на лоб. Из-под него выглядывало красивое, удивительно красивое лицо. Особенно замечательны были глаза: огромные, черные, дерзко-властные». [1, с.50].

Однако если в «Белых голубях и сизых горлицах» посланцы мифологического Поволжья совершают преступления в сердце

Москвы, то в «Ключе поволжских сектантов» действие разворачивается во время поездки сыщика Путилина и его компаньона по Волге. Согласно Л.Н. Сарбаш, к концу XIX века «волжский травелог» выделяется: «как оригинальное художественное образование, объединяющее сочинения, в которых описывается «Великая река»..., ее природа и поселения, события прошедших веков и этнокультурная специфика многочисленных народов – уникального «Ноева ковчега» на берегах Волги». [4, с. 144].

В рассказе «Ключ поволжских сектантов» Р.Л. Антропов соединяет черты такого травелога («Ах, эта дивная красавица Волга! Что может сравниться с ней по мощи, удали, по прелести ее именно широкого раздолья! Один восхитительный вид сменяется другим»). [1, с. 387] с чертами герметического детектива, где отправной точкой развития сюжета является пропажа с парохода наследника купеческой династии Арефьевых. Расследуя загадочное исчезновение сына миллионера, Путилин и его спутник оказываются в отдаленном старообрядческом поселении.

Если в «Белых голубях и сизых горлицах» преступники являлись частью запрещенных радикальных сект хлыстов и скопцов, то в «Ключе поволжских сектантов» виновниками пропажи сына миллионера становятся члены секты так называемых «бегунов» или «странников», бывших одной из наиболее непримиримых и таинственных частей старообрядчества.

В рассказе подчеркивается «дикость» и «заповедность» места, где оказываются петербургский сыщик Путилин и его спутник. Заволжские леса, подобно болотам Дартмура в «Собаке Баскервилей» Артура Конан Дойла, являются не только декорацией, на фоне которой разворачивается действие расследования, но и таят в себе угрозу, подчеркнутую такими эпитетами, как «дебри» и «чернеющий».

В описании быта бегунов Р.Л. Антропов искусно использует устаревшую лексику («оница», «вран», «старче», «лепость», «пещь», «тако реку»). Песни бегунов, приводящиеся в рассказе, являются, однако, искусной стилизацией, в отличие, например, от подлинной старообрядческой песни, приводящейся Д.С. Мережковским в романе «Петр и Алексей». Финал рассказа тоже перекликается с содержанием вышеуказанного романа, где один из героев спасается во время старообрядческого самосожжения.

Таким образом, в рассказе «Ключ заволжских сектантов», входящем в цикл рассказов о сыщике Путилине, издававшемся с 1903 по 1908 года, Р.Л. Антропов соединяет традиции западного детектива, используя некоторые черты «Собаки Баскервилей», впервые появившейся на русском языке в 1901-1902 годах и традиции классической русской литературы, в частности, диалогии П.И. Мельникова-Печерского и романа Д.С. Мережковского «Петр и Алексей», изданного в 1905 году.

Богатая история Заволжья позволила Р.Л. Антропову создать произведение, в котором детективный сюжет дополняется фольклорными мотивами, подчеркивающими уникальность места, где разворачивается действие рассказа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антропов Р.Л. (Роман Добрый) Иван Путилин. Гений русского сыска. – М. Книжный клуб «Книговек». 2013. 480 с.

2. Дойл, Артур Конан Собака Баскервилей. Долина Страха. Перевод. Н.Волжина, наследники, 2017. Перевод. Д. Вознякевич, 2014. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2020. – 416 с.

3. Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.) / под ред. Э. Л. Дубмана, П. С. Кабытова. – Самара: Самар. отд-ние Литфонда, 2007.

4. Сарбаш Людмила Николаевна Волжский тревелог XIX века: идейно-художественное своеобразие и проблемы изучения // Вестник Марийского государственного университета. 2018. №2 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volzhskiy-travelog-xix-veka-ideyno-hudozhestvennoe-svoeobrazie-i-problemy-izucheniya> (дата обращения: 16.06.2022).

5. Сарбаш Людмила Николаевна Религиозно-мифологические верования народов Среднего Поволжья в изображении В. Г. Короленко // Вестник ЧГУ. 2011. №1 // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/religiozno-mifologicheskie-verovaniya-narodov-srednego-povolzhya-v-izobrazhenii-v-g-korolenko> (Дата обращения: 16.06.2022).

6. Шалденкова М.В. Феномен старообрядчества в диалогии П. И. Мельникова «В лесах» и «На горах»: культурно-художественный аспект // Вестник ННГУ. 2014. №2-2 // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-starobryadchestva-v-dilogii-p-i-melnikova-v-lesah-i-na-gorah-kulturno-hudozhestvennyy-aspekt-1> (Дата обращения: 16.06.2022).

7. Ellison, John. “Gandalf, Frodo, and Sherlock Holmes; Myth and Reality Compared in the Works of Tolkien and Conan Doyle.” Mallorn: The Journal of the Tolkien Society, no. 34, 1996, pp. 25–32. // Режим доступа: JSTOR, <http://www.jstor.org/stable/45321695>. Accessed 15 Jun. 2022.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ НИЖЕГОРОДСКИХ ЧАСТУШЕК (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ НГПУ ИМ. К. МИНИНА)

Михаил Парфёнович Шустов

*Нижегородский государственный педагогический университет им. К.Минина,
д.филол.н., профессор кафедры русской и зарубежной филологии
г. Нижний Новгород; e-mail: mparfenovich@yandex.ru*

Статья посвящена анализу современных нижегородских частушек. Основная цель работы – проследить эволюцию жанра частушки. Опираясь на метод сравнительно-сопоставительного анализа, автор статьи приходит к выводу, что эти частушки отражают реалии современной нижегородской действительности, отличаются широко развитой вариативностью и наследуют традиции частушек XIX века.

Ключевые слова: частушка; трансформация; стык культуры; манера исполнения; городское и деревенское происхождение; композиция

Сам термин «частушка» народного происхождения. Так они назывались из-за частой манеры исполнения. Впервые он был введён писателем Г.И. Успенским в очерке «Новые народные песни» (1889 г.), характеризуя услышанные стишки. В самом определении жанра частушки у исследователей нет никаких расхождений. Все определения практически однотипны: частушки – короткие рифмованные лирические песенки разнообразного содержания. В большинстве случаев – это песни, состоящие из 4-х строк, однако выделяют 6-ти , 8-ми строчные частушки, а также 2-х строчные (страдания).

Вопрос о происхождении частушек дискусионен: спорят о времени и месте появления частушек. Одни исследователи (Ю.М. Соколов [1], Н.П. Колпакова [2]) считают частушку древним жанром (время появления – XVIII век), другие (М.К. Азадовский [3], В.И. Чичеров [4]) видят в частушке новый жанр фольклора, время возникновения относят ко второй половине XIX века. Эту точку зрения разделяют В.П. Аникин [5] и С.Г. Лазутин [6].

Действительно, частушка обратила на себя внимание и стала записываться в массовом количестве во второй половине XIX века. Ее появлению способствовали процессы, которые происходили внутри самого фольклора: проникновение в фольклор песен литературного происхождения; дозникновение под их влиянием новых народных песен; трансформация жанра народной песни.

Споры велись и о месте появления частушки: городское происхождение (Д. Зеленин [7], Г. Успенский [8]), деревенское (В.И. Симаков [9]). С.Г. Лазутин предложил среднюю позицию: на стыке городской и крестьянской культуры (пригороды крупных городов, большие торговые села).

Частушки бессюжетны, выражают сюиминутное переживание человека. Они всегда актуальны и злободневны. Композиция частушек имеет много общего с композицией лирических песен. Различают несколько композиционных форм частушек: монолог, диалог, символическая часть плюс реальная. Все художественные средства – это, прежде всего, приемы создания определенного настроения. В зависимости от темы и художественного своеобразия частушек существует тематическая и внутрижанровая классификация. Например, любовные, солдатские частушки или лирические припевки, нескладухи, небылицы.

Частушки пользуются большой любовью народа. Это самый распространенный и любимый жанр фольклора на сегодня. Он моментально откликается на все социально-бытовые изменения нашей жизни. Пользуясь тематической классификацией, можно сказать, что наиболее популярными являются любовные, свадебные, эротические, политические и социально-бытовые частушки. В народных частушках передаются все оттенки человеческих взаимоотношений. Мягким юмором наполнены даже любовные частушки: «сидит милый на крыльце с удивлением на лице, а его лицо закрывает все крыльцо».

Это особая песенная форма, основанная на игровых и плясовых припевках, шутливых свадебных песнях и даже детских дразнилках, характеризовалась живо проговариваемыми словами на фоне многократно повторяющейся мелодии. Обладающий необычайным задором, зародившийся вид народного творчества активное развитие получил в среде молодежи. Самые первые частушки исполнялись только во время молодежных вечеринок. Ими сопровождалась пляска и танцы. Затем частушки стали бытовать и в других условиях. Первоначально частушки сочинялись главным образом юношами. Затем инициатива в их создании все более и более переходила к девушкам. С конца XIX века частушка становится и по созданию, и по бытованию преимущественно женским жанром

фольклора. Поэтому любовные частушки занимают самое значительное место среди этого жанра.

Самым главным вопросом для женщины второй половины XIX века было устройство личной жизни: замужество. Тогда она обретала хоть какую-то самостоятельность, а не была бесправной приживалкой в семье родителей или старшего брата. Поэтому девушки стремились поскорее выйти замуж.

Только семья, по мнению крестьян, была добропорядочной формой жизни, где у женщины появлялись кое-какие права. Хороший брачный союз превращал человека «безумного в разумного». Девушки, для того чтобы обеспечить хороший брак, предъявляли к жениху особые требования, в корне отличающиеся от требований к почетнику. Хотя инициатива в создании семейной пары должна была исходить от парня, девушка могла привлечь внимание ухажера модной одеждой, скромным поведением и своей красотой. Причем на протяжении многих десятилетий у народа сложился определенный стереотип девичьей красоты: добрый рост, высокая грудь, крутые бедра, чернобровая, черноокая с длинной косой. Кроме внешней привлекательности ценилась жизненная активность. В свою очередь, девушки считали привлекательными парней высокого роста с открытым румяным лицом и широкими плечами. Ценили парней чернобровых и сероглазых, особенно немногословных и хорошо одетых, умеющих играть на гармонике.

Поэтому первые любовные частушки учитывали эти пристрастия. Например: «Пошла плясать, головой качну, кто тут с серыми глазами, завлекать начну»; «У меня на сарафане длинная оборочка, мой миленок – редкобай, я – частоговорочка» Ухажеру дарили подарки: «Платочек синие каемочки дарила милому: утирайся – не стесняйся, замараешь – вымою». Неписаным законом считалась верность, девушка тяжело переживала измену. Частушек на эту тему очень много. Причем, девушка относилась к этому философски: «Дроля, схватишься, да поздно, пожалеешь, да не раз, пожалеешь, ягодиночка, моих веселых глаз». В таких случаях девушка часто прибегала к магии: «Если ты мне изменяешь, обращусь к колдуну, станут ноги кочерыжкой и глаза по чугуну». Девушка не просто хочет вернуть парня, но и высмеять свою соперницу: «Супостаточка моя маленького ростика, она похожа на собаку, только нету хвостика»

ка». Девушка легко находит другого кавалера. Много частушек посвящено нежелательному браку, браку по воле родителей.

Современная любовная частушка во многом сохраняет традиции своей предшественницы. Сегодня девушка не грозит изменщику колдуном, но свою соперницу, как и прежде, высмеивает и уничтожает: «Я свою соперницу Отвезу на мельницу, Измельчу ее в муку И лепешек напеку» [10]. По-прежнему речь идет о внешнем виде парня: «Полюбила парня я, Ох, какая красота! Глаз совиный, нос орлиный И усы как у коня» [10]. Рассказывается и об активном поведении девушки: «Ах, топну ногой, Да притопну другой, Сколько я не захочу, Все равно плясать хочу» [10]. Девушка легко находит замену изменщику: «Милый уехал – наплевать, На примете еще пять. Неужели из пяти Такого гада не найти?» [10] Фигура гармониста по-прежнему занимает значительное место среди современных любовных частушек: «Как заслышу я гармошку, Заиграет кровь ключом. Увлеклась я гармонистом, А гармошка – ни при чем!» [10]

Однако теперь частушку о браке по воле родителей заменили совсем другие частушки, в которых, с одной стороны, говорится о самостоятельности девушки при выборе жениха, с другой – звучит сожаление о том, что родителям жениха она не нравится, и они его отговаривают: «Ты пришел, а я сказала: “Больше замуж не зови. Брось курить и пить сначала, Потом руки моей проси!”»; «Я у милого в дому На фотографии стою. Говорят его родители: Не пара я ему [10]. Появляются частушки о попытке разбить чужую семью: «Полюбила, полюблю Женатого миленочка, Пусть походит, поревет, Его законна женочка» [10]. Очень много иронических и юмористических частушек этой тематики: «У меня милёнок лысый Я не знаю куда деть, Если зеркала не будет, Буду в лысину глядеть»; «Всё бы пела, всё бы пела, Всё бы веселилася, Да любовь меня сгубила – В старика влюбилася»; «Меня сватать приезжали На седой кобыле, Все приданое забрали, А меня забыли» [10]. В любовных частушках приводится много бытовых деталей из семейной жизни, часто ни привязаны к конкретным героям и определенному месту действия: «Как в Сокольское идти Кочками да кочками Мы Сокольских мальчишек Задарим платочками» [10].

К любовным частушкам примыкают свадебные частушки. Обнаруживается определённая последовательность появления частушки в свадебном сюжете. Прежде всего, частушки пели на поси-

делках, где молодёжь занималась рукоделием и веселилась. Посиделки, как известно, непосредственно в свадебный сюжет не входили. Однако они нередко проводились в домах просватанных девушек, которые должны были вечерами готовить себе приданое с помощью подруг. Затем частушки стали петь в свадебных обрядовых ситуациях, где главную роль играла молодёжь, а именно: на девичнике, во время «плаканья и красования» невесты, когда последняя прощалась «с девичьей волей». Следующим актом свадьбы, где появилась частушка, был пир. Во время пира молодёжь пела в сенях под гармонь плясовые частушки и частушки, фиксирующие новые свадебные обычаи. Пожилые же участники свадьбы исполняли старые хоровые песни. Старшее поколение твёрже держалось традиций, долгое время предвзято относилось к частушкам. Понадобилось несколько десятилетий, чтобы отношение к новому жанру изменилось и чтобы среднее и старшее поколения стали носителями частушек, усвоенных ими в молодости.

Позднее частушки стали петь и в других обрядовых ситуациях. Например, в Горьковской области их поют во время сватовства и утром после брачной ночи, когда теща угощает зятя яишницей, на пропое и сговоре, при отъезде к венцу, во время угощения подруг невесты, принёсших постель в дом жениха.

Частушки стали проникать на молодёжную часть свадьбы уже в начале XX века в связи с возрастающей популярностью жанра и в связи с утратой веры в Бога, а также в магическую силу слова и обряда. Частушки пелись наряду с причитаниями невесты и песнями... И уже в 30-х годах частушки заняли ведущее место во время «плаканья и красования» невесты. С тех пор частушки прочно вошли в обряд, ни одна свадьба не проходила без них». В Горьковской области частушки эротического содержания исполнялись на свадьбе до начала 30-х годов XX века.

Во всём многообразии распеваемых на свадьбах частушек отчётливо видны две группы: 1) частушки, генетически и тематически связанные со свадьбой, исполнявшиеся в процессе свадебной игры наряду со свадебными причитаниями и песнями; 2) частушки, возникшие и бытующие независимо от свадьбы. На свадебных торжествах их стали петь по аналогии с праздниками в связи с изменением характера свадьбы, превращением последней в весёлое ликование по случаю рождения новой семьи. Строгой за-

кономерности в отборе текстов частушек второй группы для исполнения на свадьбах нет, хотя усматривается тенденция петь частушки преимущественно любовной тематики или юмористические, позволяющие создать у участников свадьбы весёлое настроение. К примеру: «Кабы знать, кабы знать, У кого снохой бывать, Каждый вечер бы ходила Я капусту поливать».

В частушках, как и в свадебных песнях, о чём говорилось выше, отражён старый взгляд на девушку-невесту как на дополнительные рабочие руки в семье будущего мужа: «Женят милого мово, Женят по неволюшке: У них некому работать На зелёном полюшке».

В старинной свадьбе наказ невесте быть в «чужих людях» покорной, ласковой, поклонной, догадливой и спохватливой давала её мать в причитании. С чем соглашается и невеста в песне: «Ключница, ключница я Чужому отцу, чужой матери.» Теперь это делают подружки невесты частушками: « На чужой сторонushке Надо всем уноровить: Старому и малому, Ещё свекрови-дьяволу». Зафиксировала частушка практически все картины свадьбы, начиная с ухаживания («Он меня, молоденьку, // Всё замуж уговаривал») и сватовства («К нам приехали сваты // Прямо на крылечко»). В отдельных частушках указывается на то, кто решает вопросы сватовства («Вы не сватайте тихонько –// Есть родители на то»), и называется состав сватов («Я не сам милашку сватал –// Отец с матерью ходил»). Родители были главными и со стороны невесты: «– Вставай, доченька, родная, // Я тебя просватала». Упомянутая частушка свидетельствует, что при сватовстве нередко жених и невеста отсутствовали: «Мою милку сватали, // В чугуны меня спрятали». Частушка напоминает и о наличии ранних браков: «Приходили меня сватать, // Я играла в куклы», «Не дала родная матушка // Годочек погулять». Языком частушки дочь просит: «Не губите мою молодость, // Не ставьте под венец». Не обошла вниманием частушка и процесс подготовки невестой приданого: «Все подружки шьют подушки, // А я кружева вяжу», вариант: «а я одеяло», его содержимое: «Мама замуж отдала, // Перину новую дала». Сватов, однако, не устраивает традиционное приданое невесты, состоящее из постельных принадлежностей. Они хотят большего: «Приходили меня сватать, Запросили тёлку. А жених такой попался – Без коровы не берет».

В настоящее время свадебный обряд в его полноценном виде не сохранился на территории Нижегородской области. От него остались лишь отдельные фрагменты, да и то, как правило, в сельской местности: сватовство, сговор, рукобיתье и свадебный пир. Частушки поются во время свадебного пира. Причем, поются частушки возникшие и бытующие независимо от фрагментов свадебного обряда. В них, как правило, упоминаются основные главные действующие лица: родители, жених и невеста, сваха. Содержание во многом традиционно: «Вы родители-губители, Губительница мать: За кого хотела замуж, Не сумела дочь отдать» [11, с.19]. В отличие от старой традиционной частушки, здесь говорится о потере власти родителей. Хотя отголоски этой власти еще сохраняются: «Просватали меня В дом деревянный Свекровь – сатана Свекор окаянный» [11, с.167]. Однако, в тоже время, невеста говорит о своей независимости: «Ох-ох-ах-ха-ха, Чья же буду я сноха? Кто же будет мой жених? Повеюю я у них [11, с.165]. Также о своей независимости от родителей говорит и будущий жених: « Позволь, батюшка, жениться, Позволь взять, кого хочу. Не позволишь мне жениться, Я те стулья сворочу»[11, с.164]. Часто упоминается сваха: «Ох, свяхонька, Кака махонька, На что уродилася – К делу пригодилася» [11, с.158]. Теща, как свекровь, не вызывает симпатии и подается с иронией: «Ах, теща моя, Хуже лихорадки, Щи варила – пролила, Обварила пятки» [11, с.159].

Свадебные частушки плавно переходят в эротические или матерные (их еще называют «воронастыми» частушками). Они делятся на две группы. Первая группа пользуется иносказательными выражениями: «Мойся, усок, Промывайся усок, Тебе завтра, усок, Дадут мяса кусок» [11, с. 169]; «Полосатая рубаха, Полосатые портки, А в портках такая штука, Хоть картошку ей толки» [11, с.175]; «Меня бабушка учила, Как у девушек просить: “Голубочек, дай разочек, На руках буду носить”» [11, 172]. Затем в иносказательных частушках появляются грубые выражения: «Я к молоденькой соседке Не однажды хаживал, У нее была подруга, я обеим всаживал» [11, с.172] Во второй группе вещи называются своими именами, так появляется ненормативная лексика: «Передвинули часы По Рязанской области, Раньше х... стоял в постели, А теперь – в автобусе» [11, с.174]; «Не ходите девки замуж, Ничего хорошего, Утром встанешь – Сиськи набок, И п... взьерошена.» [11, с.175]. Это, так

называемые, физиологические частушки. Если раньше они преследовали определенную цель: подготовить жениха к предстоящей брачной ночи, способствовали увеличению потомства, причем чем откровеннее и грубее была частушка, тем было больше шансов получить удачного продолжателя рода. Для этой цели в частушку вводились сразу два ненормативных выражения: «Шел я вечером поздно – Двадцать две п...ы ползло. Я старался их ловил, Одну х... придалил» [10]. Сегодня символический смысл этих частушек утерян и они превращаются в откровенное фривольное развлечение. Исполняют их, как правило, сильно подвыпившие люди.

Следующей разновидностей являются политические частушки. Современные политические частушки довольно часто дают критическую оценку современным руководителям, довольно таки грубоватую, например, Л.И. Брежневу: «Брови черные густые, Речи длинные пустые, Молока и мяса нет, На хрен нужен этот дед» [10]. Досталось и Н.С. Хрущеву: «Наш Никита дело знает, Со стратегией знаком, А пока он ударяет По трибуне башмаком» [10]. Отмечают грубость и невоспитанность Хрущева, а также высмеивается его увлечение кукурузой: «У Никиты нет мозгов, Живет как тумане, Велит сеять кукурузу даже в океане» [10]. Не забыл народ и М.С. Горбачева, сразу не принял его «перестройку»: «По России мчится тройка, Мишка, Райка, перестройка, Мясо десять, водка семь, Одурил мужик совсем» [10]. С едким сарказмом высмеивается его борьба с алкоголизмом: «В два часа петух поет, В десять Пугачева, Магазин закрыт до двух, Ключ у Горбачева» [10]. Жесткая оценка дается и Б.М. Ельцину: «Алкоголик Ельцин Боря, Нам принес немало горя, Кто мне скажет почему, “Храм” построили ему?» [10]. Лет десять назад в Починковском районе мы записали очень любопытный текст: «Возле дома мы сидим И по сторонам глядим, Спасибо Путину родному, Хлеб и пенсию приносят прямо к дому» [10]. Превратится ли этот текст в частушку, покажет время. Кроме критики государственных деятелей политическая частушка откликается на важные политически события, например, критикует безвозмездную помощь лидерам других государств в ущерб себе: «Пароходами везем Продукты Фиделю, Сами конскую колбаску Видим раз в неделю» [10]. Окликнулась частушка и на массовую эмиграцию евреев в Израиль: «Надоело жить в Рязани, Всюду грязь, говно и пыль, Милый сделай обрезанье И поедем Израиль» [10]. Следует,

наверное, отметить литературное влияние на политические частушки, как например, «Мой миленок десидент, Все читает Континент, Встану рано спозаранку, Сдам миленка на Лубянку» [10].

Социально-бытовые частушки порой трудно отделить от политических частушек. Они посвящены социальным и бытовым проблемам. Так, например, заводские частушки нащупали болезненную проблему: нежелание молодежи осваивать рабочие специальности: «Стало некому работать, Вот и делай чего хошь. И приличная зарплата – Не затаишь молодежь»; говорится также об устаревшем оборудовании: «Передайте министерству Вы наш пламенный привет. Все станочки изломались, Только нам износу нет» [10]. Упоминают частушки и перестройку: «Перестройка, перестройка, Я и перестроилась, У соседа денег много, Я к нему пристроилась» [11, с.115]; говорят о колорадских жуках: «Говорят картошку съели колорадские жуки, Проживем и без картошки, Лишь бы были мужики» [10]. Много частушек посвящено работе: «Мы с подругою вдвоем Работаем вместе План давали мы на сто А теперь на двести» [10] и заработной плате. С одной стороны, говорится о нерегулярности выплаты зарплаты: «Вот и праздники прошли И пусты карманы Третий день мы без еды Ждем зарплату мамы», а с другой, прибавка не радует: «Повышения к зарплате Объявляют дважды в год, Но душа к такой доплате Песен все же не поет» [10]. К этим частушкам относятся и переживания девушки по поводу ограничения ее свободы: «Меня мама била, била, Что я поздно приходила. Чтобы маму не будить, Буду утром приходиться» [10]. Вообще к бытовым частушкам относятся и многие любовные и социальные частушки.

Художественные средства современных частушек. Частушка всегда использует рифму: «Я свою соперницу Отвезу на мельницу, Измельчу ее в муку И лепешек напеку». Рифма бывает внутренняя и внешняя, полная и приближительная («зови»-«проси»), составная («парня я»-«как у коня»).Использует частушка повторы слов, строчек («полюбила»-«полюблю»; «все бы пела»-«все бы пела»). Часто используются одиначатия («все бы пела»-«все бы веселилася»). Частушка богато использует песенную символику. В ней появляются цветущие или увядшие цветы, заросшая дорожка к милой, тоскующая кукушка, горькая осина, белая береза, речка быстрая, калина, малина, месяц ясный, звездочка небесная... Все эти образы, в ос-

новной грустной и природной тематики очень характерны народной лирике в целом – свадебным причитания невесты, лирическим песням о несчастливой любви. Используются постоянные эпитеты (совиный, орлиный), сравнения при помощи сравнительных союзов как, как будто (как у коня), метафоры (усок, сатана). Широко используется юмор, сатира, насмешка («ключ у Горбачева») деревенский народный язык (миленок, изменщик). Любит частушка уменьшительно-ласкательные суффиксы (миленочек, махонька, плюшке, неволюшке). Используется в частушке и прием разрядке – это расстановка одного и того же предлога перед каждым словом в строчке, а не только перед одним: («План давали мы на сто, А теперь на двести»).

Чаще всего частушка представляет собой высказывание от первого лица и по содержанию обращена к кому-либо: милому, подруге, сопернице, матери... Это позволяет нарисовать разнообразные характеры персонажей. Довольно популярны частушки в диалогической форме, реже встречаются в форме высказывания от третьего лица. Богато используется психологический параллелизм («Рожь посеял – не взошла, Сватал милку – не пошла. Пересею рожь – взойдет, Пересватаю – пойдет») [11, с.160]. В современных частушках, в отличие от традиционных, чаще встречается литературный язык, используются междометия («Ох-ох-ах-ха-ха, Чья же буду я сноха»).

Таким образом, можно констатировать следующее: современная нижегородская частушка полностью наследует традиции старой частушки как в стилевом, так и в тематическом плане. По сравнению с традиционной частушкой, испытывает сильнейшее влияние литературы и отличается грубоватой натуралистичностью. Отражает современные реалии Нижегородской действительности в ее неприкрашенном виде. Политические частушки критически, порой гранича с откровенной грубостью, оценивают руководителей государства и затрагивают целый ряд социальных и международных проблем. Политическая частушка сближается с социально-бытовой, а последняя – с любовной частушкой. Современные частушки отличаются широко развитой вариативностью. Наибольшее распространение получили четырех стиховые частушки с разными видами рифмовки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколов Ю.М. Русский фольклор. – М., 1941
2. Колпакова Н.П. Типы народной частушки // Русский фольклор. – М.; Л., 1966. – Вып. 10.
3. Азадовский М.К. Две мнимые частушки начала XIX века // Литературное обозрение. – 1916. – С. 43-44.
4. Чичеров В.И. Русское народное творчество. – М., 1959.
5. Аникин В.П. Русское устное народное творчество. – М., 2001.
6. Лазутин С.Г. Русская частушка. Вопросы происхождения и формирования жанра. – Воронеж, 1960.
7. Зеленин Д. К. Новые веяния в народной поэзии. – М., 1901.
8. Успенский Г.И. Новые народные песни // Русские ведомости. – 1889. – № 110.
9. Симаков В.И. Что такое частушка? – М., 1927.
10. Документы личного архива М.П. Шустова переданы на хранение в Центральный архив Нижегородской области. В них приведены записи Нижегородского фольклора с 1988 по 2018 годы.
11. Свадьба на земле Нижегородской: Учеб. пособие / Сост. М.П. Шустов. – Н. Новгород, 2004.

ВОЛШЕБНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЕ МОРДОВСКИЕ СКАЗКИ НА УРОКАХ РКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭРЗЯНСКОЙ СКАЗКИ «ВИРЯНЯ»)

Наталья Геннадьевна Юрина

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва, д.ф.н., профессор*

Республика Мордовия, г. Саранск; e-mail: takarova-ng@yandex.ru

В статье рассматривается возможность использования краеведческого (фольклорного) материала на уроках русского языка как иностранного. В качестве дидактического средства предлагается волшебная мордовская сказка, выстраивается система заданий, позволяющих, по мнению автора, познакомиться с особенностями мордовской национальной культуры, ментальностью народа, его мировидением. В силу особенностей волшебной сказки данный материал подходит для среднего и продвинутого этапов обучения русскому языку. Использование его в процессе обучения позволяет подчеркнуть многонациональный характер русского народа, расширить лингвострановедческие знания обучающихся, сформировать уважительное отношение к ценностям народов, населяющих Россию.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; региональный компонент; мордовская волшебная сказка; лингвострановедение

На сегодняшний день специалисты в области русского языка как иностранного (РКИ) единодушны в оценках использования краеведческого компонента в практике обучения языку. Продуктивность такого подхода доказана: он позволяет изучающему язык

быстрее освоиться в новых социокультурных условиях, понять логику языкового общения окружающих, осмыслить особенности поведения представителей региона, где он будет проживать какое-то время. Как мы отмечали ранее, «целенаправленное совмещение языкового материала с краеведческим, систематическое лингвокультурное сопоставление (у нас / у вас), подбор этнокультурного эквивалента позволят достичь глубокого усвоения языка» [15, с. 68].

Фольклор народа – ключ к его мировосприятию. Он отражает его культурные особенности, ценностные ориентации, ментальность, склад ума, степень эмоциональности. Использование фольклорных текстов на уроках русского языка как иностранного обосновано методистами и активно используется преподавателями-практиками [13, 1]. Это позволяет познакомиться с особенностями национальной среды, понять ключевые черты менталитета народа региона обучения, отдельные факты его культуры. Вместе с тем нельзя не учитывать и то обстоятельство, что «русская народная сказка с ее особой поэтикой, с ее специфической традиционно сложившейся и консервативной образно-символической системой, насыщенная культурно-историческими, этнографическими и стилистическими лакунами, представляет особую трудность для восприятия и интерпретации иноговорящими коммуникантами» [10, с. 152]. Эти же сложности мы должны учитывать при использовании национальных сказок народов России на уроках русского языка.

Мордовский народ имеет богатейший фольклор, представленный различными жанрами. Один из них – народная сказка. Сказки о животных позволяют показать особенности национальной ассоциативности. Бытовые сказки – представить быт мордвы, предметы, которые окружали (или до сих пор окружают) эрзю и мокшу в обыденной жизни, национальные ремесла. Волшебные сказки способны отразить мифологические представления народа, его религиозные верования, понять суть отдельных обрядов.

Понятно, что для каждого этапа обучения русскому языку подходит своя разновидность сказки: на раннем этапе – небольшие адаптированные тексты о животных, на среднем – бытовые сказки, на продвинутом – волшебные-фантастические. Чтение мордовских волшебных сказок можно предлагать учащимся не ранее среднего этапа обучения (при хорошей подготовке группы) в силу специфики

такого рода текстов: усложненного сюжета, присутствия фантастического элемента, большего объема текстов, наличия персонажей, характерных для данной культуры, особенностей языка (обилие национальных реалий). Для адекватного восприятия такого рода текста необходим определенный уровень владения чужим языком, способность логически размышлять и делать обобщения и выводы на нем.

Мы предлагаем разработку системы заданий на материале эрзянской сказки «Виряня», относящейся к волшебнo-фантастической разновидности. Как отмечалось ранее, при работе с волшебными сказками необходимо отбирать тексты «с ключевыми персонажами, отражающими национальный менталитет» [14, с. 250].

Так как материал насыщен региональным компонентом, то чтение текста следует предварить снятием соответствующего рода трудностей. В качестве домашнего задания обучающиеся получают текст «Богиня леса» из учебного пособия Н.Ф. Мокшина «Боги и сказания мордвы», где в доступной форме рассказывается о мордовской богине леса, Виряве: «Покровительницей и держательницей леса наши предки считали Вирь-аву. Полагали, что каждый лес имеет свою богиню.

Некоторые старые люди утверждают, что видели Вирь-аву. Вот, например, несколько рассказов про нее.

– Мальчишками мы впятером ходили на заготовку леса, а ведь раньше леса были не то, что теперешние. Пришли вечером с работы в построенную тут же землянку, поужинали, легли спать. Слышим – женщина какая-то кричит. Проснулись. «Кто-то кричит. Наверное, заблудилась, давайте кричать ей».

Кричали-кричали, кто-то подошел ближе к землянке. Мы заробели, видим: стоит голая женщина, волосы распущены вдоль тела, нога у нее одна, но ходит – не хромот. Как засмеется нам в лицо – лес задрожал и закачался. Потом плюнула и ушла...» [5, с. 13].

Занятие начинаем с обсуждения прочитанного.

Как вы думаете, почему у мордвы существовала богиня леса?

Мордва – лесные жители, отсюда – объяснимый страх перед лесом, где могла подстерегать опасность – дикие звери, непроходимая чаща, потеря пути и т. д. Земли под поля мордвы также приходилось отвоевывать у леса, вырубая деревья, выкорчевывая пни.

Отсюда – обозначившееся противостояние: люди, отбирающие богатства леса, и духи, защищающие эти богатства.

Какой Вирява, хранительница леса, представлялась мордовскому народу? Опишите ее (даются разные описания мордовской богини). По мнению мордвы, это мифологическое существо доброе или злое? Какие рассказы бытовали о Виряве в мордовском народе? Почему именно такое имя получила Вирява? (Вирь – «лес», ава – «женщина», то есть «хозяйка, покровительница леса»; распространено и вариативное написание имени: с выделением двух корней – Вирь-ава.)

Перед чтением сказки «Виряня» предлагаем затекстовую и притекстовую работу.

Затекстовая работа.

Сегодня вы познакомитесь с эрзянской сказкой «Виряня». Вы знаете, что в мордовском фольклоре есть разные разновидности сказок. Ранее мы читали мордовские сказки о животных и бытовые сказки, выяснили, что «образы животных у двух народов очень близки» [16, с. 158], часто одинаково место действия, предметы быта и стилистика сказок (зачины и концовки, тоекратность действия, повторы и эпитеты). Волшебные сказки двух народов в большей степени демонстрируют отличия в их мировосприятии, так как в них отражаются национальная мифология, обычаи, обряды и традиции. В «Виряне» действуют национальные мифологические существа, в которых верил мордовский народ, происходят чудесные события, на которые представители народа реагируют определенным образом.

По представлениям эрзян и мокшан, в каждом лесу была своя хозяйка – Вирява. Виряве подчинялось все, что находилось в лесу. «Как показывают материалы быличек, – пишет С. Синенко, – встреча человека с Вирявой не предвещала ничего хорошего, из персонажа положительного, богини, хранительницы лесных богатств она превратилась в отрицательный персонаж, в темную силу, несущую людям зло, страх, неприятность, болезнь» [12]. Внешний вид Вирявы описывался по-разному, ее функции также могли различаться. Т.П. Девяткина сообщает о двух версиях происхождения Вирявы: рождение от Маторонь кирди – божества, покровителя Земли, и превращение в Виряв самоубийц и проклятых детей [3, с. 57]. Сбереечь себя от Вирявы человек мог, окуривая пространство

дымом бересты или уходя от нее, пятясь спиной (запутывая таким образом следы).

Предтекстовая работа.

На этом уровне необходимо снять лингвострановедческие и языковые затруднения, обеспечить адекватное понимание содержания сказки.

Мордва – лесные жители, поэтому дерево часто использовалось этим народом как материал: из него строили дома, предметы быта, музыкальные инструменты, игрушки. Какие глаголы, связанные с обработкой дерева, вы знаете? В тексте встретятся слова «рубить», «отпилить», «свалить» (дерево), «ударить» (топором), «кололотить», «вбить», «расколоть». Знаете ли вы их значения?

Какие предметы использовались при обработке дерева? (Топор, молоток, пила, клин, гвозди – демонстрация картинок.)

Семантизация незнакомой лексики.

Орган – «музыкальный духовой клавишный инструмент, состоящий из труб, в которые мехами нагнетается воздух. *Органная музыка*» [9, с. 392].

Ёлчк – звукоподражание.

Нора – «углубление под землей с ходом наружу, вырытое животным и служащее ему жилищем» [9, с. 359].

Караулить – «охранять, сторожить. *Караулить сад*» [9, с. 230].

Подол – «нижний край платья, юбки» [9, с. 466].

Устаревшие слова:

Аршин – «русская мера длины, равная 0,71 м. *Пять аршин ситца*» [9, с. 28].

Верста – «русская мера длины, равная 1,06 км. *Исчисление в верстах*» [9, с. 65].

Малахай – «род старинной крестьянской одежды – широкий кафтан без пояса» [9, с. 288].

Крестный отец – мужчина, «участвующий в обряде крещения кого-нибудь в роли так называемого духовного отца» [9, с. 262]. На свадьбе своего крестника (крестницы) занимал почетное место.

Сватать – «просить в жены» [9, с. 608]. Сватовство у мордвы проходило по определенному ритуалу [4].

Разговорные слова и выражения: «погоди» (разг.) – подожди; «ничего не слышать» – не слышно; «маяться» (прост.) – «то-

миться, мучиться» [8. с. 295]; «забоялась» – начала бояться; «сперва» (прост.) – сначала; пачкать (разг.) – грязнить; «пустились бегом» – побежали.

Региональная лексика: «вай» – ой; «пулай» – поясное украшение мордвы.

Фразеологизмы: «отдать свою голову» – погибнуть; «рукой подать» – близко; «выдать замуж» – согласиться на замужество дочери, сыграть свадьбу; «жить в согласии» – жить дружно; «лежит без памяти» – без чувств; «пошел следом» – пошел за кем-то.

Какие суффиксы в русском языке имеют уменьшительно-ласкательное значение? Выделите их в словах «дедушка», «доченька», «деточка».

Сказка называется «Виряня». Виряня – имя девочки (указывает на место проживания ребенка) от мордовского «вирь» – лес и уменьшительно-ласкательного суффикса, обозначающего лицо женского пола.

Задания по грамматике.

В тексте много глаголов в повелительном наклонении: «отдохни», «закури», «научи», «засунь», «покажи» и др. Найдите и выпишите такие глаголы, подерите к ним формы изъявительного и условного наклонений.

Синтаксис сказки достаточно простой: преобладают простые и сложные бессоюзные или сложносочиненные предложения из двух частей. Много бессоюзных предложений с тире между частями. Удобно показать их разновидности.

Сказка – это всегда повествование, рассказ о каких-то событиях. Для передачи быстрой смены событий в русском языке используется тире между двумя предложениями: «Вирявы пришли – девочки нет» (пришли, обыскали жилище, увидели, что девочки нет); «Поглядели – и золота нет».

Тире между предложениями ставится также, если во втором из них излагается вывод, следствие из того, о чем говорится в первом: «Поглядел он – позади большая и красивая девушка»; «Как закричит она – весь лес стал шуметь»; «Спустился на берег, смотрит – там большая нора»; «Вошел он, видит – девушка с оторванными руками без памяти лежит на лавке»; «Утром девочка проснулась, смотрит – деда Ватушки нет»; «Дед Ватушка сидел, сидел, молчал, молчал – жалко ему стало родителей девочки».

Если содержание одного предложения в составе бессоюзного противопоставляется другому, то между ними также ставится тире: «Тушили, тушили – (а) не потушили».

Притекстовая работа.

Где старик Ватушка встретил Виряву? При каких обстоятельствах?

Как выглядела Вирява?

Как старику удалось перехитрить Виряву? Почему он это делает?

Кто пытается освободить Виряву? Удается ли это сделать?

Почему старик пошел по следам Виряв? О каких чертах характера это свидетельствует?

Где жили Вирявы? Какие предметы мордовского быта упоминаются при описании жилища Виряв? Лавка, сундук, сени, чуланчик. Каково назначение этих предметов?

Кого встретил старик в норе у Виряв? Что она там делала?

Почему старик решил взять девочку с собой? Какая угроза исходила от Виряв?

Что еще берет старик в жилище Виряв? Свидетельствует ли его поступок о его алчности, жадности?

Как старик Ватушка защитил себя и девочку от погони?

Куда старик отвел девочку, когда они попали в деревню?

Как сложилась дальнейшая судьба Виряни?

Послетекстовая работа

Обратите внимание на диалог старика с Вирявой:

«– Будь здоров, дедушка!

– И ты тоже, – ответил старик...

– Дедушка, ты что делаешь?

– На органе играю, – отвечает старик.

– Научи и меня играть.

– Научу, – отвечает ей старик. – Ты подойди, засунь вот сюда руки.

– Да куда?

– Вот в эту щель.

Вирява подошла и обе руки засунула в щель. Старик стал вытаскивать клин. Качает его в обе стороны, клин понемногу выходит. Вирява говорит:

– Ой, дедушка, очень жмет!

– Погоди, погоди немного, научишься!» [2, с. 301]

Соблюдаются ли в диалоге правила этикета? Как Вирява называет старика? Как старик называет ее? Почему? Понимает ли он, с кем разговаривает? А как старик называет незнакомую девочку, которую встретил в норе Виряв («доченька», «деточка», «дитятко»)? Почему в диалогах с ней Ватушка использует обращения? Отличаются ли формы речевого этикета у русских и мордвы?

В предложении «Как закричит она – весь лес стал шуметь, как сто коров мычат» есть выразительное языковое средство – сравнение. Найдите его. Как вы думаете, почему используется именно такое сравнение? Как вы понимаете сравнение «лес, как скошенный, валится»?

В сказке неоднократно используется повтор глаголов (например, глагол движения: «Шел, шел старик...»). Какова его функция? Есть ли в сказки еще повторы с той же функцией? «Маялись, маялись Вирявы...»; «Тушили-тушили – не потушили»; «Постоял, постоял старик и говорит...»; «Покрутились, покрутились они вокруг огня и ушли обратно»; «Дед Ватушка сидел, сидел, молчал, молчал – жалко ему стало родителей девочки». Та же функция у повтора «Останусь, останусь...» или нет?

Вирявы живут в норе, а не в доме. Как вы думаете, почему?

На какие черты характера Ватушки указывают его поступки? А какие его черты прямо называются в тексте? («Не из боязливых был»; «Он был умный, просто так свою голову Вирявам не отдал бы».) Можно ли считать старика Ватушку воплощением мордовского характера? По-эрзянски «вата» – тесть, поэтому имя главного героя сказки можно перевести как «тестьюшка». Знаете ли вы значение этого слова? Предположите, почему именно такое имя получил старик.

Назовите предметы мордовского костюма, которые дают девочке родители? Сапоги, кафтан со сборами, платок, платье, пулай. Как украшают ее костюм? Серьги, бусы. Каких из названных предметов нет в русском женском костюме?

Когда девочку привели в деревню, незаплетенные волосы, как и грязь на теле и одежде были восприняты жителями как признак неухоженности, дикости. Исследователь русского фольклора В.Я. Пропп предполагал, что мотив неумывания в волшебной сказке связан «с невидимостью и слепотой, с животным обликом и неузна-

ванием» [11, с. 111]. Девочку вымыли и заплели ей косы. Какие старые русские традиции (обряды), связанные с уходом за волосами вы знаете?

Где моется Виряня после спасения? Знаете ли вы, как устроена баня? Прочитайте об особенностях мордовской бани в этнографическом справочнике Н.Ф. Мокшина [6, с. 38–39]

Названия каких деревьев упоминаются в сказке (дуб, ель)? Есть ли такие деревья в вашей стране? Мордва как лесной народ почитала деревья. Некоторые из них считались «чистыми»: дуб, липа, береза, вяз, сосна. Под ними устраивались моления. В мифологических представлениях мордвы мордовские боги часто выбирали в качестве жилья деревья. Даже счастье людям они раздавали с высокого дуба, растущего на широком поле, на большом бугре [5, с. 11]. «Нечистыми» деревьями считались осина, ель. Из них обычно не строилось жилье.

Старик Ватушка защищается от Виряв в прочитанной сказке при помощи огня. По представлениям мордвы, огонь обладал чудодейственной силой, мог охранить человека от многих несчастий. Как пишет Н.Ф. Мокшин, «ругать огонь, плевать в него или бросать какие-либо нечистоты строго запрещалось. Огонь мог оскорбиться и наказать виновного: обжечь или сделать пожар» [5, с. 22]. Отсюда мордовские пословицы и загадки об огне: «Огнем играть опасно», «Огонь горит – свет светит», «Смелый в огне не горит и в воде не тонет» [8, с. 132, 165, 196], «День и ночь работает, / Никогда не устает», «Ест белое, / Оставляет все черное», «Нет клюва – клюет, / За собой золу оставляет», [7, с. 35–36]. Как вы понимаете значения этих пословиц? Какое отношение к огню в вашем народе?

Выпишите имена собственные, которые встретились в эрзянской сказке: Ватушка, Виряня, Вирява, Матря, Федоркины. Разграничьте имена, фамилии, прозвища.

Виряня, героиня сказки, рассказывает, что ее украли у родителей Вирявы, а взамен положили большеголового мальчика. Ее мать упоминает, что растили его 14 лет (7+7 – сакральное число для мордвы!) и он умер год назад. Мотив оборотничества / подмены частотен в мордовском фольклоре. Найдите тексты, где он присутствует.

В мордовском фольклоре есть пословица «Вирень ломань паксяда пели» / «Вирень ломань паксядо пели» («Лесной человек поля боится») [8, с. 259]. Как вы ее понимаете?

В мордовских сказках Вирява со временем стала аналогом русской Бабы-Яги, но в мифологии мордвы у этого лесного духа был и мужской аналог – Вирь-атя («атя» – старик), который заманивал в лес женщин и девушек, но мог и помочь мужчинам в заготовке дров, лыка. В русском фольклоре, наоборот, лесом владеет Леший (мужское начало), но иногда как о лесном духе говорят о Кикиморе. Порассуждайте, о чем свидетельствует такие представления у русских и мордвы.

Какие эпизоды можно выбросить из сказки безболезненно? (Старик расспрашивает свою жену о пропавших в деревне детях; первая встреча Виряни с родителями.)

Темы для проектов: «Вирява как божество мордвы и как хужожественно-мифологический персонаж», «Мордовская Вирява и русский леший».

Таким образом, мордовская волшебная сказка – это богатый в лингвострановедческом отношении материал для уроков РКИ, который позволяет продемонстрировать важные черты мировидения народа и показать разнообразие культуры России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсукова-Сергеева О.М. Русская народная сказка как инструмент формирования коммуникативной компетенции иностранных учащихся // Русский язык за рубежом. – 2013. – № 4. – С. 28–35.
2. Виряня // Мордовские народные сказки. – Саранск, 1978. – С. 300–305.
3. Девяткина Т.П. Мифология мордвы: энциклопедия. – Саранск, 2006. – 332 с.
4. Евсевьев М.Е. Мордовская свадьба. – Саранск, 2012. – 280 с.
5. Мокшин Н. Боги и сказания мордвы: рассказы о родном крае для маленьких читателей. – Саранск, 2007. – 48 с.
6. Мокшин Н.Ф. Материальная культура мордвы: Этнограф. справочник. – Саранск, 2002. – 208 с.
7. Мордовские загадки / сост. К.Т. Самородова. – Саранск, 1987. – 288 с.
8. Мордовские пословицы и загадки / сост. К.Т. Самородова. Т. 1. – Саранск, 1959. – 428 с.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1987. – 797 с.
10. Подручная Л.Ю. Интерпретация пространства и времени волшебной сказки в процессе обучения русскому как иностранному // Известия КГТУ. – 2007. – Т. 12. – С. 151–156.
11. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – М., 2000. – 336 с.

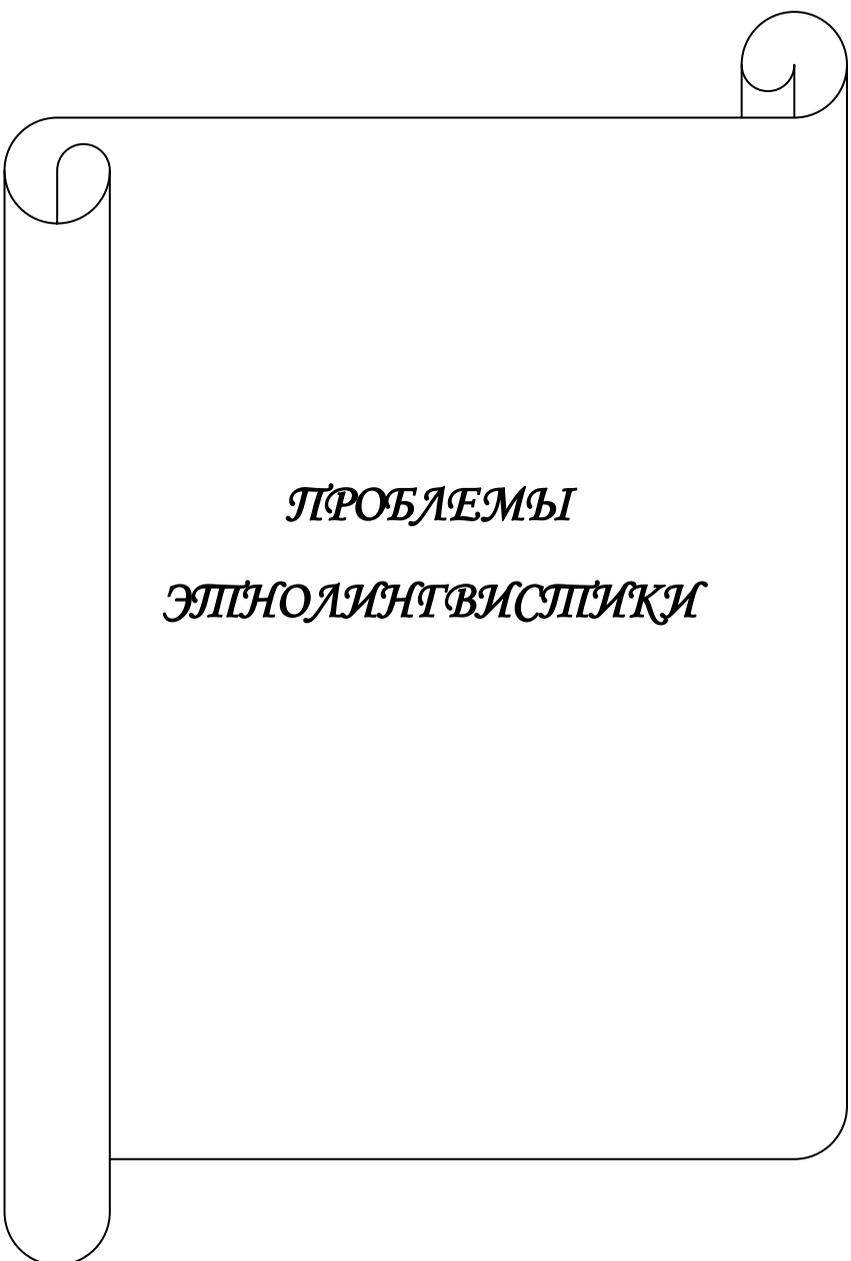
12. Синенко С. Персонажи мордовской мифологии Виравя и Ведява // Посреди России [сайт] // Режим доступа: URL: https://posredi.ru/b14_02_17_virava_vidava.html (Дата обращения: 19.08.2022).

13. Трыгуб И.С. Лингвометодический потенциал народных сказок в обучении русскому языку как иностранному младших школьников: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 2006. – 48 с

14. Юрина Н.Г. Изучение фольклорной сказки на уроках РКИ // Современные исследования в филологии, лингводидактике и журналистике. – Астрахань, 2018. – С. 249–253.

15. Юрина Н.Г. Краеведение на уроках РКИ (на материале Республики Мордовия) // Русский язык в поликультурном мире: VI Международный симпозиум (8–12 июня 2022 г.): сб. науч. статей: в 2 т. Т. 2. – Симферополь, 2022. – С. 66–72.

16. Юрина Н.Г. Мордовские сказки на уроках РКИ: лингвострановедческий аспект // Карповские чтения: сб. статей участников IX Всерос. науч.-практ. конф. «Проблемы региональной фольклористики и исторического краеведения» (Карповские чтения). – Арзамас, 2020. – С. 154–162.

*ПРОБЛЕМЫ
ЭТНОЛИНГВИСТИКИ*

**СОДЕРЖАНИЕ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ
ДЛЯ 6-7 КЛАССОВ «ЖИВОЕ СЛОВО ЗАБАЙКАЛЬЯ»
В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ
И ЛИНГВОДИДАКТИКИ**

Татьяна Юрьевна Игнатович¹,

Юлия Викторовна Биктимирова²

¹ *Забайкальский государственный университет,
д. филол. н., доцент, профессор кафедры РКИ
Забайкальский край, г. Чита; e-mail: ignatovich_chita@mail.ru*

² *Забайкальский государственный университет,
к. фил. н., доцент, заведующий кафедрой РКИ
Забайкальский край, г. Чита; e-mail: pravo_chita@mail.ru*

В статье в контексте региональной лингвистики и лингводидактики анализируется лингвокультурологическое содержание учебных пособий для 6-7 классов «Живое слова Забайкалья, которое позволяет через региональные факты языка дать школьникам представление об истории и культуре страны и Забайкальского региона в частности, в том числе особенностях мировосприятия и системе национальных нравственных ценностей жителей в Забайкалье.

Авторы статьи полагают, что обучение школьников по лингвокраеведческому модулю «Живое слово Забайкалья», входящему в интегрированный школьный курс «Забайкаловедение» и разработанному на основе лингвокультурологического и системно-деятельностного подходов к содержанию курса, способствует активизации познавательного интереса у учащихся и обеспечивает формирование и развитие культурологической и лингвистической компетенций деятельной личности.

Ключевые слова: Забайкаловедение; лингвокраеведческий модуль; лингвокультурологический подход; инновационные формы обучения; содержание учебников; дидактические принципы

Актуальность регионализации образования и необходимость разработки и введения регионоведческих курсов как в начальной, так и в основной школе обусловлена, несмотря на интеграционные процессы в стране, исторически сложившейся региональной дифференциацией различных территорий. Сегодня государственная образовательная политика направлена на учёт в образовании региональной, национальной этнокультурной специфики регионов Российской Федерации как многонационального государства. Этому тренду способствовала повсеместная работа ученых-лингвистов и научных школ, которые в середине прошлого века не только актуализировали изучение региональных разновидностей русского национального языка, но и стали популяризировать новые знания в вузовском и школьном образовании. Введение регионального компо-

нента в учебных заведениях Забайкальского края началось в 80-е годы прошлого века. Учёными и педагогами Забайкалья были разработаны программы, проведены конференции, изданы сборники научных докладов [7, 8, 9, 13].

В первое десятилетие этого столетия забайкальскими учёными был разработан программный комплекс для учителей «Лингвистическое краеведение Читинской области. Национально-региональный компонент ГОС основного общего образования по русскому языку» [8]. Силами лингвистов и педагогов кафедры русского языка разработан курс «Лингвистическое краеведение».

Интегрированный курс «Забайкаловедение» для 5-9 классов общеобразовательных организаций Забайкальского края состоит из 7 учебных модулей, взаимосвязанных с предметными областями и Программой воспитания и социализации Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования (2010 г.) [14], разработанных с учётом региональной, национальной, этнокультурной специфики Забайкальского края

Своевременность введения курса обусловлена его социальной ролью, заключающейся не столько в углублении у учащихся основной школы предметных знаний, умений и опыта деятельности с учётом региональной специфики, сколько в реализации его воспитательного и развивающего потенциала: воспитания патриотических чувств и любви к «малой Родине» как части Отечества; ориентированностью на достижение учащимися метапредметных и личностных результатов обучения. Всё это содействует успешной социализации обучающихся и их самореализации в учебной и бытовой, а затем и профессиональной деятельности в условиях региона, их идентификации как граждан России и жителей Забайкальского края.

Курс «Забайкаловедение» является интегрированным, состоящим из 7 взаимосвязанных модулей [6]. В рамках курса «Забайкаловедение» источником знаний, помимо учебных пособий, дополнительной литературы, интернет-информации, выступают предметы культуры и быта, достопримечательности культурного и исторического наследия, личный опыт обучающихся по взаимодействию с природой и людьми, живущими рядом, которые содействуют формированию у обучающихся эмоционального и оценочного отношения к окружающему миру.

Цель курса: содействие воспитанию патриотизма и успешной социализации, становлению личности обучающегося основной школы как гражданина России и достойного представителя региона, который знает, понимает и способен созидательными действиями сохранять и приумножать природное, культурное и историческое наследие Забайкальского края, реализовывать идеи устойчивого развития природы и общества, с уважением относиться к людям, профессионально самоопределиться в региональных условиях.

Курс рекомендован для 5-10 классов общеобразовательных организаций Забайкальского края.

В структуре учебного курса выделены следующие логически взаимосвязанные модули, каждый из которых вносит определённый вклад в достижение целей и задач курса: «Живое слово Забайкалья», «Фольклор и литература Забайкалья», «География Забайкальского края», «Художественная культура Забайкалья», «История Забайкалья», «Живая природа Забайкалья», «Устойчивое развитие региона».

Лингворегионоведческий модуль включает Программу модуля и учебные пособия «Живое слово Забайкалья» для учащихся 6 (12 часов) и 7 классов (12 часов) общеобразовательных организаций.

Учебные пособия знакомит учащихся с региональными особенностями русского языка в Забайкальском крае. Рассматриваются вопросы территориальных говоров края, региональной фразеологии, топонимики и антропонимики. Через региональные особенности языка даётся представление об истории и культуре страны и региона, в том числе о мировосприятии и системе нравственных ценностей жителей Забайкальского края. Содержание и методический аппарат учебных пособий призваны помочь школьникам творчески подойти к изучению языка родного края, способствуют активизации познавательного интереса у учащихся и формированию и развитию культурологической и лингвистической компетенций деятельной личности.

В Забайкальском крае русская народно-разговорная речь складывалась на протяжении трех столетий со времён прихода русских в Забайкалье.

Изучая особенности русского языка своего региона, учащиеся знакомятся с диалектами, в которых ярко проявляется самобыт-

ность народного разговорного языка, с обычаями, бытом, культурой и традициями народов, проживающих на территории Забайкальского края, а также с явлениями заимствования и взаимодействия языков и традиционных культур этих народов.

Из содержания курса учащиеся узнают, что слово сохраняет свидетельства об исторических событиях, о жизненном укладе предков и несёт информацию о национальных культурных традициях и ценностях, которые передавались из поколения в поколение и сохранялись веками и позволяет увидеть, как стремительно меняется жизнь людей в современном мире.

Информационными источниками содержания дисциплины, кроме школьного учебника по модулю «Живое слово Забайкалья», являются записи забайкальской русской народно-разговорной речи, материалы словарей [11, 15, 16 и др.], научных и научно-популярных изданий [3, 4, 5].

Содержание учебных пособий отвечает основным дидактическим принципам, а именно: научности, доступности, систематичности, учета возрастных и психологических особенностей школьников определенной возрастной группы и др.

Принцип системности. При целеполагании и отборе содержания учитывается система требований к результату образования. В предложенных авторами пособиях содержание теоретического материала в главах и параграфах и практических заданий и упражнений коррелируется с программой русского языка для 6-7 классов и учебником «Русского языка» для 6 и 7 классов под общей редакцией Е.А. Быстровой [12]. Учебник и учебное пособие выполнены в одном дизайнерском решении, одинаково структурированы, а также сочетают научный подход к изучению языка, увлекательный, игровой способ подачи теоретического материала и практическую речевую направленность, которая является не только целью, но и средством обучения.

В учебных пособиях «Живое слово Забайкалья» углубляется и актуализируется материал школьных учебников по русскому языку для 6-7 классов.

Содержание учебного пособия для 6 класса выявляется в наименованиях параграфов:

§ 1. Забайкалье в пространстве России

§ 2. Народы Забайкалья в культурном и языковом взаимодействии

§ 3. Русский язык в Забайкалье. Забайкальские говоры

§ 4. Языковые особенности забайкальских русских говоров

§ 5. Забайкальская диалектная лексика

§ 6. Заимствованная лексика из языков коренных народов в разговорной речи забайкальцев

§ 7. Диалектные словари и словари забайкальских русских говоров

§ 8. Забайкальская народная фразеология

§ 9. Забайкальская фразеография

§ 10. Топонимика Забайкалья

§ 11. Личные имена забайкальцев

§ 12. Фамилии забайкальцев

Содержание учебного пособия для 7 класса:

§ 1. Старинные забайкальские памятники письменности и их языковые особенности

§ 2. Региональная языковая картина мира как отражение местной картины мира

§ 3. Жилища и хозяйственные постройки в живом слове забайкальцев

§ 4. Одежда и обувь в живом слове забайкальцев

§ 5. Традиционная еда и домашняя утварь в речи забайкальцев

§ 6. Сельскохозяйственная деятельность и орудия труда в забайкальской языковой картине мира

§ 7. Ремёсла и промыслы забайкальцев в региональной языковой картине мира

§ 8. Игры и развлечения детей и молодёжи в рассказах старожилов Забайкалья

§ 9. Забайкальская природа в живом слове Забайкалья

§ 10. Животный мир в живом слове Забайкалья

§ 11. Семья и родственные отношения в забайкальской народно-разговорной речи

§ 12. Человек и национальные ценности в забайкальской народной речи

– предполагает системно-структурное и лингвокультурологическое рассмотрение языкового материала.

Учебное пособие дополняет содержание учебника «Русский язык» в следующих главах: «Лексика (изучаем и повторяем новое)» с такими параграфами, как «Исконно русские и заимствованные слова», «Устаревшие слова», «Диалектизмы»; «Фразеология»; «Морфемика» с параграфом «Что такое этимология»; «Морфология». Сам учебник открывается вступительным параграфом «Русский язык в жизни России»

Учебное пособие «Живое слово Забайкалья» повторяет структуру параграфа учебников издательства «Русское слово», где имеются вкладки в теоретические и практические блоки: работа в группе; творческое задание; задание повышенной сложности; наш помощник Интернет; проектное задание и пр.

Идентичны способы формулировки заданий. Приведем пример:

95. 1. *Прочитайте текст. Сформулируйте его тему и главную мысль.*

2. *К какому типу речи вы отнесёте этот текст? Назовите его признаки, подтверждая свой ответ примерами из текста.*

3. *Определите стиль речи данного отрывка. Свой ответ подтвердите примерами, опираясь на текст.*

4. *Объясните значение выделенного слова. Можно ли подобрать к нему синонимы?*

5. *Каково название вашего населённого пункта? Что вам известно о происхождении этого названия? Есть ли, кроме официального названия, местное или старое?*

В конце учебника и учебных пособий имеются словарики, к которым обращаются школьники в процессе обучения по той или теме.

Принцип непрерывности и преемственности выражается в применении единых подходов при отборе содержания и его реализации на всех ступенях общего образования, а также сопряжение школьного и вузовского образования, содействующего подготовке будущих учителей к осуществлению данного процесса надо дать имя. Содержание исследуемых учебных пособий коррелируется не только по горизонтали, но и по вертикали: начальная школа – средняя школа – университет. Для забайкальского образования всех ступеней региональный компонент в большей мере был разработан

и достаточно быстро реализован в начальной школе и высшей школе

В начальных классах регионоведческое содержание в общеобразовательных учреждениях Забайкальского края реализуется в интегрированном курсе «Забайкаловедение» для 2-4 классов. Структура учебного курса представлена тремя логически взаимосвязанными модулями:

«Фольклор народов Забайкалья. Основы безопасной жизнедеятельности» (2 класс, 34 ч.) направлен на изучение устного народного творчества народов населяющих Забайкальский край и правила поведения для обеспечения безопасности;

«Природное наследие Забайкалья» (3 класс, 34 ч.) направлен на изучение проблемы взаимодействия человека и природы в условиях Забайкалья;

«Историческое и культурное наследие Забайкалья» (4 класс, 34 ч.) предполагает изучение первоначальных основ истории и культуры родного края.

В вузе дисциплина «Лингвистическое краеведение» изучается на основании освоения вузовских курсов «Русская диалектология» и «Современный русский язык (лексикология)», связана с изучаемыми в вузе дисциплинами «История», «Историческая грамматика русского языка», «История русского литературного языка». Предполагается, что полученные знания будут способствовать развитию умений и навыков студентов в процессе исследования местного варианта языка, более успешной их реализации в дальнейшей профессионально-педагогической деятельности.

Изучение осуществляется в нескольких направлениях, которые позволяют студенту в полной мере осмыслить специфику региональных языковых особенностей «Говоры Забайкальского края», «Региональная топонимика», «Язык фольклора», «Язык художественных произведений забайкальских писателей», «Языковая ситуация в Забайкальском крае» [1, 2].

Принцип междисциплинарности. Интеграция лингвотурологического содержания с естественнонаучным, социальным и др. в процессе изучения региональных проблем

Содержание учебных пособий «Живое слово Забайкалья» включает лингвистические знания, опирается на фоновые знания и

расширяет их в области таких наук, как история, краеведение, этнография, культурология, география.

При разработке теоретико-методологических основ модуля «Живое слово Забайкалья» была создана новая концепция, согласно которой содержание модуля и содержание учебника базируется на основе лингвокультурологического подхода, который позволяет через рассмотрение региональных языковых особенностей дать школьникам представление об особенностях быта, реалий жизни, занятий, мирозерцания и системы ценностей забайкальцев, что в целом представляет и национальную картину мира, и региональную картину мира жителей Забайкалья с культурной её составляющей, включающей значимые общечеловеческие, национальные культурные смыслы. А это в свою очередь соответствует принципу фундаментальности и научности.

Вот одно из заданий, которое демонстрирует междисциплинарные связи с этнографией:

12. 1. Прочитайте текст. Определите его стиль и тип речи.

В Чите прошёл фестиваль национальных культур «Забайкалье многонациональное - страна в миниатюре». Этот фестиваль, проходивший в Забайкалье в течение трёх месяцев, представил традиции, обряды, песни, танцы народов, проживающих на территории Забайкальского края (русских, бурят, армян, украинцев, белорусов, дагестанцев, татар, узбеков, эвенков и др.). Программа фестиваля включала художественную самодетельность, презентацию экспонатов национального декоративно-прикладного искусства и национальной кухни.

Цель, которую ставили организаторы фестиваля, - сохранение и пропаганда культурных национальных традиций народов. (По материалам газеты «Комсомольская правда»)

2. Расскажите, что вы знаете об особенностях национальных культур и языков народов Забайкальского края.

3. Подготовьте доклад об одном из народов вашего региона. Расскажите об их образе жизни, укладе, обычаях, народном творчестве.

4. Проведите в классе выставку народных промыслов жителей Забайкалья. Русский язык является государственным языком и языком межнационального общения в Российской Федерации, в том числе и в Забайкальском крае. Все народы Забайкалья хорошо

владеют русским языком. Для русских людей русский - родной язык. Для представителей других национальностей родным языком является язык своего народа, и они с рождения осваивают сразу два языка – родной и русский [3].

В содержании курса проявляется и **принцип культуросообразности**, который предполагает учёт традиционной и изменяющейся культуры и специфики формирования общей культуры школьников как личностного результата обучения

Принцип регионализации предполагает учёт культурной, социальной и природной специфики региона в содержании образования.

Например, реализация этого принципа проявляется в упражнении:

1. Прочитайте текст. Определите его стиль. Перечислите основные признаки этого стиля, подтверждая ответ примерами из текста.

Забайкалье уникально своим географическим положением. Поясним: оно 22 находится на юго-востоке Сибири и традиционно делится на Западное Забайкалье, которое занимает Республика Бурятия, и Восточное Забайкалье - Забайкальский край. Площадь Забайкальского края составляет 431 892 км². Протяжённость с севера на юг — 1000 км, с запада на восток — 850 км. По форме Забайкальский край напоминает невысокий сапожок на низком каблучке.

Забайкальский край граничит с Республикой Бурятия, Республикой Саха (Якутия), Иркутской и Амурской областями. На юге региона проходит государственная граница России с Монголией и Китаем. Климат в Восточном Забайкалье суровый, резко континентальный: долгая, малоснежная морозная зима, короткое, но жаркое и засушливое лето, большие перепады между летними и зимними температурами.

Ландшафт Восточного Забайкалья разнообразен. Здесь соседствуют высокие горные хребты (из них особенно впечатляет и завораживает Кодар) и сопки, обширные лесные массивы, тайга и бескрайние степные просторы, реки и озёра с живописными берегами.

Растительность и животный мир региона уникальны.

Чтобы сохранить их для потомков, в Забайкальском крае создано несколько биосферных заповедников, национальных парков, заказников. Так, широко известны Сохондинский заповедник, Даурский заповедник, Алханайский и Чикойский национальные парки, Акишинский заказник, заказник «Цасучейский бор». Забайкалье — хранилище богатейших недр: угля, се-ребра, меди, вольфрама, урана, золота и др. Поэтому ещё со времён освоения края русскими первопроходцами здесь занимаются добычей этих полезных ископаемых. (По книге «Забайкалье устами первопроходцев и старожилов»)

2. Что нового о своём крае вы узнали из текста?

3. Найдите на географической карте Российской Федерации Забайкальский край и его соседей. Запишите их названия и выделите морфемы в этих словах.

4. На карте Забайкальского края найдите основные реки, озёра, хребты, города. Обозначен ли на карте ваш населённый пункт? Выпишите пять — семь названий географических объектов и объясните их правописание. Сформулируйте правило написания слов с большой буквы, приведя свои примеры.

5. Какие растения и животные характерны для Забайкалья? Какие из них встречаются в вашей местности? Напишите об этом небольшое сочинение.

6. Нарисуйте или найдите в Интернете забайкальский пейзаж, который отражал бы характерные особенности края.

Знаете ли вы, что...

Площадь Забайкальского края превышает площадь таких государств, как Германия (357 168 км²), Япония (377 944 км²), Италия (301 340 км²).

В Забайкальском крае проживает 1 миллион 73 тысячи человек. И это совсем немногочисленно. Сравним: в Германии живёт 80 миллионов 62 тысячи человек.

В Забайкалье много солнечных дней в году. Учёные подсчитали, что количество солнечных часов в году в Забайкалье превышает количество солнечных часов в Сочи.

(Из книги «Забайкалье устами первопроходцев и старожилов»).

4. Найдите в книге «Энциклопедия Забайкалья» (гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2002) или в Интернете сведения о Забайкальском крае и подготовьте устное сообщение по плану:

1. Местоположение. Природные особенности, животный мир края.

2. Города регионального значения.

3. Население. Плотность населения по районам.

4. Виды хозяйственной деятельности.

5. Достопримечательности края.

5. Найдите в Интернете информацию о заповедниках, заказниках, национальных парках Забайкальского края и подготовьте устное сообщение об одном из них. В сообщении расскажите о расположении, времени создания, природных особенностях, уникальности данного комплекса. Поделитесь своими впечатлениями, если вы посещали этот природный комплекс.

6. Рассмотрите эмблему Московского зоопарка, одного из старейших зоопарков в Европе (см. вклейку). Эта эмблема была символом зоопарка с 2012 по 2014 год. Кто на ней изображён? Что вы знаете об этом интересном животном и почему оно было выбрано для изображения на эмблеме самого известного зоопарка в России? [3].

Таким образом, содержание модуля «Живое слово Забайкалья», входящего в интегрированный школьный курс «Забайкаловедение», разработано с учётом ключевых дидактических принципов на основе лингвокультурологического, системно-деятельностного подходов к содержанию курса и системно-структурной подачи языкового материала, что способствует логическому структурированию знаний, активизации познавательного интереса у учащихся и обеспечивает формирование и развитие культурологической и лингвистической компетенций деятельной личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абросимова О.Л. Лингвистическое краеведение Забайкалья: учебно-методические материалы для студентов филологического факультета. - Чита, 2002. -33 с.

2. Абросимова О.Л. Основные направления лингвистического краеведения Забайкалья: учебное пособие. - Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2015. – 118 с.

3. Игнатович Т.Ю., Биктимирова Ю.В. Забайкаловедение. Живое слово Забайкалья. Учебное пособие для 6 класса общеобразовательных организаций. – М.: ООО «Русское слово - учебник», 2018. с. - (Региональный компонент).

4. Игнатович Т.Ю., Биктимирова Ю.В. Забайкаловедение. Живое слово Забайкалья: учебное пособие для 7 класса общеобразовательных организаций / Т.Ю. Игнатович, Ю.В. Биктимирова. - М.: ООО «Русское слово - учебник», 2020. - 128 с.: ил. - (Региональный компонент).

5. Игнатович Т.Ю., Биктимирова Ю.В. Забайкалье устами первопроходцев и старожилов. Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2016. 244 с.

6. Игнатович Т.Ю., Биктимирова Ю.В. Программа модуля «Живое слово Забайкалья» для 6-7 классов // Программа интегрированного учебного курса «Забайкаловедение» для 5-10 классов общеобразовательных организаций Забайкальского края. – Чита: ИРО Забайкальского края, 2018. – С. 18-45.

7. Концепция Регионального (национально-регионального) компонента Государственного образовательного стандарта общего образования для общеобразовательных учреждений Читинской области // Региональный компонент содержания образования: опыт, проблемы, перспективы: сборник материалов научной конференции. Ч.3 / Т.К. Клименко, А.В. Константинов, С.В. Кузьмина, Е.А. Игумнова, И.А. Грешилова, Б.Б. Даширабданова. – Чита : Изд-во ЗабГГПУ, ЧИПКРО, 2007. – С. 114-126.

8. Лингвистическое краеведение Читинской области. Национально-региональный компонент государственного образовательного стандарта основного общего образования по русскому языку. Программный комплекс. – Чита, 2004. – 57 с.

9. Лингвистическое краеведение Забайкалья: В помощь учителю-словеснику. - Чита, 1992. - 74 с.

10. Лингвистическое краеведение Забайкалья: сборник материалов региональной научно-практической конференции. – Чита: Изд-во ЧГПУ, 1998, - 98 с.

11. Пашенко В.А. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края / под науч. ред. Т.Ю. Игнатович; Забайкал. гос. ун-т. – Чита: ЗабГУ, 2014. – 484 с.

12. Русский язык учебник для 6 класса общеобразовательных учреждений: в 2 ч, Часть 1 / Е.А. Быстрова, Л.В. Кибирева, Ю.Н. Гостева, Е.С. Антонова; под ред. Е.А. Быстровой – 3 изд. - М.: ООО «Русское слово - учебник», 2014. - 128 с.

13. Стратегия организации и развития системы экологического образования и формирования экологической культуры на территории Забайкальского края на период до 2020 года». Официальное издание / отв. Редактор Е.А. Игумнова. – Чита: Экспресс-издательство, 2010. – 28

14. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (от 17.12.2010 г. № 1897). URL: <https://rg.ru/2010/12/19/obrstandart-site-dok.html>.

15. Федотова Т.В. Топонимический словарь Забайкальского края. – Чита: ЗабГУ, 2017. – 272 с.

16. Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. – Москва: Наука, 1980. – 472 с.

**«СКАЗКИ ИЗ БОЛДИНСКОЙ ОСЕНИ»:
СВОЕОБРАЗИЕ РЕЧЕВОЙ ТКАНИ**

Людмила Алексеевна Климкова

Доктор филологических наук, профессор

Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: dialekt_arz@mail.ru

В статье рассмотрены колоритные текстовые черты сказок, записанных в XX веке от одной языковой личности в условиях диалектной микросистемы. Внимание сосредоточено на диалектных единицах, деминутивах как художественных средствах, отражающих бытие народа, его традиционную культуру, этническое своеобразие, характеризующих языковую личность сказительницы. Утверждается мысль о неоднородности значимости русских народных сказок.

Ключевые слова: сказка; диалектные единицы; лексика; деминутивы; народная культура; этнические черты; языковая личность

Современная языковая ситуация в нашей стране характеризуется, в частности, заметной трансформацией территориальных диалектов (диалектного языка), переходом их в статус региолектов (см., например, исследования В.И. Трубинского, А.С. Герда и др.) в связи с динамикой жизни: изменением социальных условий, в том числе исчезновением сел и деревень, их укрупнением, урбанизацией, унификацией под влиянием литературного языка и других компонентов национального языка, сменой поколений. В этом можно убедиться, в том числе сопоставляя разновременные полевые записи народной речи в населенных пунктах Правобережья Нижегородской области, Окско-Волжско-Сурского междуречья, например, середины и конца XX–начала XXI вв., выполненные с отражением всех ее разноуровневых черт и интерпретированные преподавателями, студентами, аспирантами Арзамасского педагогического института им. А.П. Гайдара, ныне Арзамасского филиала ННГУ им. Н.И. Лобачевского, в рамках проблематики нашей научной школы «Региональное слово в контексте народной культуры». Эти записи прошлых лет (с 1955 года) имеют историко-лингвистическую, историко-культурную значимость, своеобразно выполняя (ак)кумулятивную функцию (функцию накопления и сохранения) и сопряженную с ней транслирующую (функцию передачи последующим поколениям, потомкам).

То же относится и к фольклорным текстам, передающим особенность речи сказочника, сказителя (сказитель – «создатель, а

также рассказчик, певец былин, сказок и других произведений устного народного творчества» [9, IV, с. 102]).

И полевые записи, и фольклорные тексты воспроизводят русскую языковую картину мира в диахронии, отражающую народную крестьянскую культуру прошлого, причем диалектная речь предстает частью этой культуры. При этом номинанта *культура* понимается, используется в широком смысле слова (известно около двухсот определений этого феномена – общих и частных): «совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни», «совокупность таких достижений в определенную эпоху у какого-либо народа или класса общества» [9, II, с. 148].

Предметом нашего рассмотрения в обозначенном аспекте послужило произведение со своеобразным, метафорическим названием «Сказки из болдинской осени» [6]. В нем зафиксировано, как указано в подзаголовке, *фольклорное наследие* талантливой сказительницы, представительницы большеболдинской диалектной микросистемы – *Александры Васильевны Алексеевой*. В речевой ткани сказок в ее исполнении, естественно, отражены диалектные черты, зафиксированные в какой-то своей части собирателями (образцом в плане отражения в произведениях устного народного творчества черт народной речи во всем их своеобразии являются записи известного собирателя фольклора, фольклориста-классика – В.И. Чернышева) [см.: 7; а также: 1].

В фольклорных текстах сказительницы отражены разноуровневые диалектные черты, в частности – фонетические: чередование ударных [а] – [е]: *распречь, запрег* (37 – здесь и далее указываются страницы источника [6], в том числе без названий сказок); твердый долгий шипящий [шш]: *ишию* (40,44 и др.), *шиюлкает, свишиет* (42), *нишиий, нишиие* (55), *проишу* (44), *ишию, ишиите* (95), *ишие* (62), *эшию* (27, 29), *плоишиадь* (121), *хлышиет* (133), *сбрушишал* (135) и др.; субституция: *каровод* (39, 120); афереза: *эишо* (27, 29); диереза: *баушка* (30, 120), *хошь* (57), *сечас* (28), *скоко* (120), *выдь* (83), *перночевать* (55), *перпугалась* (71), *хозяйвы* (29); эпентеза: *пондравилась* (43); апокопа: *сколь* (71), *порось* (28) «порознь», *выдь* (83); устранение чередования: *хотит* (93,102), а также др.; синкретичное, фонетико-морфологическое явление утраты интervoкального <j> и стяжения гласных с предшествующей ассими-

ляцией их: *старенька избушка, целу ляжку* (25), *нога липова, припеват* (26), *в праву сторону* (28), *обуват* (38), *помалкиват* (39), *зелененьку травку* (45), *друго ушко* (46), *нову бочку* (57), *нову колоду* (68), *каки руки-то холодны, ножки-ти холодненьки* (69), *кака жещина, мому отцу* (96), *широкеньку доску* (79), *в заморски края* (92), *зеват* (118) и др.

Перечисленные явления отражены в текстах сказок наряду с общенародными вариантами, на фоне соответствующих единиц без диалектных особенностей. И здесь создается ситуация неоднозначности интерпертации для исследователя-лингвиста, диалектолога: то ли это действительно вариативность в речи сказительницы, а тем самым (или может быть) и во всей диалектной микросистеме, то ли это недочеты фиксации материала собирателями. И это далеко не праздный вопрос: он, ответ на него связан с оценкой состояния русских народных говоров на современном этапе развития русского национального языка. В этом же ряду находится неотраженность (тем самым невозможность определения) фонетических явлений первой позиции: оканье или аканье, ёканье или иканье – еканье – различие гласных, а также абсолютного начала слова и др. Кроме того, необозначенность буквы *ё* не дает возможности судить о наличии или отсутствии перехода [e] в [o] под ударением после мягких согласных, то есть *зелененький* или *зелёенький*; также для правильного прочтения и понимания диалектных слов необходимо обозначение ударения, чего нет в записях. (Вспомним здесь опять-таки В.И. Чернышева).

Отражены в сказках диалектные грамматические черты:

– морфологические, касающиеся характера образования форм слов: *мене возьмите* (28), *оне* (частотное, 28, 85, 58, 60, 68 и др.), *к ихому поместью* (54), *у тя* (69), *подружков* (68), *кутенков* (23), *веточков* (103), *в карманья* (63), *сарафаньев* (109), *ишьлями* (121), *поросёнки* (108), *делов-то* (46), *боле* (79), *метчей* (106), *грудьми* (104), *барину долаживают* (54), *вытимши* (102), *выдь* (83), *глядь* (84), *смилится* (=смиляется, 96) и др.;

– синтаксические, в частности, деепричастие в роли сказуемого: *Устала. Не тимши, не емиши* (103), частность постпозитивной частицы *-то*, в том случае согласуемой: *ножки-ти* (69), *на бани-ти* (120), *пьяны-ти* (130) и т.д.; иное управление: *ей уж молчат, ничего не говорят* (40), <...> и *все восхитились на её красоту* (101),

<...> старуха гонит по проселку наседку, палкой **стучит её** (119), с **обманом** привезли (111) и т.д.

Перечисленные языковые черты характеризуют большеболдинскую диалектную микросистему как часть нижегородских говоров (Окско-Волжско-Сурского междуречья) в составе Владимирско-Поволжской группы среднерусских говоров.

Бытие народа, его культура непосредственно передается лексикой, лексической составляющей языковой картины мира. Колоритной в этом плане предстаёт диалектная лексика, отражающая жизнь сельского человека, его макрокосм (окружающий мир, физическое, социальное бытие), – так называемая терминологическая лексика, и микрокосм (внутренний мир) – характеризующая лексика. Традиционность русского бытия передают произведения фольклора именно и прежде всего через диалектную лексику и лексику, вошедшую в литературный язык, но характеризующую деревенский уклад жизни. Показательны в этом плане и сказки рассматриваемого нами источника. В них используются диалектные слова разных типов по соотношению со словами литературного языка:

– лексико-фонематические – *куды* (18, 36, 40, 69, 95 и др.), *ни-куды* (18), *туды-то* (58), *туды* (14, 43, 94), *тама* (35), *туда* (11, 95), *нады* (56), *на нашесте* (76, 79), *церква* (39, 101) и т.д.;

– лексико-структурные (лексико-словообразовательные) – *откудова* (72, 96), *исъем* (92), *огневался* (93), *надоскучило все* (94), *подследил* (=выследил) (10), *назавалено* (109), *вечере* (=вечером) (108), *подкрычем* (42), *обряда*, *обрядить* (101), *сряжать* (71) и т.д.;

– лексико-семантические – **заболтать** «приготовить что-либо съестное» [8, вып. 9, с. 266: Зап. Брян.]: *А сама блинов заболтала, пышек наделала* (53), **запарить** «убить жарой, паром в бане»: *За мной разбойники гонятся. Хотят меня запарить, хотят меня искалечить, хотят меня терзать, издеваться надо мной хотяют* (113), ср.: *запарить* «измучить зноем кого-либо» [8, вып. 10, с. 302: Тул. Терск. Кубан.; ср.: «паря в бане, довести до смерти, до изнеможения». Прост. [9 I, с. 553]; **запись** «записка, бумажка с текстом: *Он ему пишет в записке <...> – Вот от него записка <...> – Ты приказал, вот твоя запись, твоя бумажка...* [58, 60]; **вершина** «овраг»: *У них там дом, построенный в берегу, в глубокой вершине* (110), ср.: *вершина* «овраг» [8, вып. 4, с. 173: Тул. Калуж. Курск. Орл. Тамб. Саратов. Самар. Филин [с примеч. «в северновели-

корусских говорах слово неизвестно»]; **плохой** «худой»: *Она стала худая, плохая* (95); **разгоревался** (72) «опечалился, расстроился»; **короб** «ящик», ср.: «ящик на мельнице, из которого зерно сыплется в жернов» [8, вып. 14, с. 344: Новг.]; **вольный** «не входящий куда-то»: *Оделись такими вольными, не разбойники* (109), ср.: **вольный** «находящийся вне чего-либо, внешний» [8, вып. 5, с. 87: Том.]; **уделать** «привести в порядок, убрать» [8, вып. 46, с. 288: Вят. Волж.-Свияж. Ряз. Волог. Морд. Новг.]; **пропечь** «сжечь»: *Все пропекла, все в печку, сказала, большие дров нет* (с. 112); **старик** (11) «муж, глава семьи» [8, вып. 41, с. 69: Новг. Омск. Том. Кемер. Перм. Р. Урал]; **старуха** (11) «жена» [8, вып. 41, с. 84: Южн. Сиб. Сиб. Южн. Урал. Ср. Прииртышье], ср.: частотное *Жили были старик со старухой* («Три зятя» и др.) – *Жили-были муж и жена* («Разбойники»); **баба** (50) «жена» [обл., см.: 9, I, с. 53]; **убиться** (20, 22) «ушибиться, упав» [8, вып. 46, с. 119: Дон.] и др.

– Собственно лексические диалектные слова – **баять** (54) «говорить, рассказывать»; **калякать** (76) «говорить, разговаривать, беседовать»; **разрядить** (40) «раздеть, снять праздничную одежду»; **лощило** (118) «валёк», ср.: «доска с ребристой поверхностью для катания белья, валёк», «валек для выколачивания белья при стирке» [8, вып. 17, с. 170: Влад. Калуж. Моск. Твер. Калинин.]; **подлавка** (21, 26, 34) «чердак», ср.: **подловка** «чердак» [8, вып. 28, с. 68: слово широкого ареала, в том числе южнорусского и среднерусского – Иван. Влад. Калинин. Нижегород. и др.]; **почать** (14) «начать», ср.: слово широкого ареала, в том числе нижегородское [8, вып. 31, с. 13]; **просек** (35) «полоса, очищенная от деревьев для дороги, межи и т.д. в лесу; просека» [8, вып. 32, с. 228: Моск. Горьк. Костром. Влад. Новг. Киров.]; **подпол** (109) «то же, что подполье, помещение под полом, подвал» [8, вып. 28, с. 141]; **простенка** (109) «часть стены между окнами, дверьми; простенок» [8, вып. 32, с. 240: Ряз.]; **беремечко** (112) от **беремя** «охапка, вязанка», ср.: слово широкого ареала функционирования [8, вып. 2, с. 112]; **запон** (36) «передник, фартук», ср.: слово широкого ареала, в том числе нижегородское [8, вып. 10, с. 342]; **гожо** (29) «хорошо», слово широкого ареала, в том числе нижегородское [8, вып. 6, с. 276], **гасик** (78) «то же, что гасник», «керосиновая лампочка без стекла; коптилка» [8, вып. 6, с. 150, 151: Смол. Ворон.]; **корчага** (12) «большой, глиняный сосуд, горшок, служащий для разных хозяйственных надобностей», слово

имеет широкий ареал функционирования» [8, вып. 15, с. 29]; **китайка** (36) «холст с льняной основой и бумажным утком» [8, вып. 13, с. 240: Нижегород.]; **кумачник** (=кумачник) (36) «хлопчатобумажная ткань красного цвета, кумач» [8, вып. 16, с. 81: Костром. Новг. Яросл.], «сарафан из такой ткани» [там же: Костром. Новг. Яросл. Олон. Онеж. Сев. Двин. Влад. Вят. Нижегород. Горьк. Перм. Пенз. Ряз. Морд. АССР. Чуваш. АССР]; **напехтать** (16) от **пехтать** «взбивать (сметану, сливки и т.п.) мутовкой, рогаткой» [8, вып. 25, с. 296: Костром. Новг. Волог. Самар.]; **опарница** (12) «посуда для опары для кислого теста» [8, вып. 23, с. 237: Волог. Влад. Горьк. Иркут. Верховья Лены]; **суровая нитка** (88) «прочная» [8, вып. 42, с. 283]; **сусек** (72) «огороженное место в амбаре, куда ссыпают зерно, муку и т.п.» [8, вып. 42, с. 298, дан широкий ареал бытования слова]: *По сусеку помети, по коробу поскреби; уркнуть* (135) «упасть в воду» [8, вып. 47, с. 337: Влад.]; **лежебочиться** (45) «бездельничать, лениться»: *Там вы не лежебочьтесь. Я вам туда дам работы*, ср.: лежебочить [8, вып. 16, с. 331–332: Вят. Волог.] и др.

Привлечение для рассмотрения анализируемых лексем данных сводного диалектного словаря показало, кроме всего прочего, широкий ареал функционирования многих слов, что ещё раз подтверждает высказанную в своё время М.В. Ломоносовым мысль о значительной близости русских народных говоров.

Приведенные примеры лексем как объёмная (но не вся!) часть диалектного словаря сказок в исполнении А.В. Алексеевой свидетельствуют о его денотативном, тематическом разнообразии, о наполнении разных тематических групп, таких, как: природа, ландшафт; хозяйственный уклад (см. еще *лыко, лыки, лычки, луб, лубок, сошники, палицы, сердечники к телегам* (124), а также термины прядения *кудель, рученька, мотушка, повесмо, талька* (45-50) и т.д.); семейные отношения; постройки, жилище (кроме приведенных выше слов, *поветь, погребница* и вошедшие в литературный язык, но характеризующие деревенский быт *сени, приступок, палати* и др.); утварь, посуда (в том числе *ступа, пест, помело* и др.); одежда, головные уборы, обувь (см. также *глинский платок, фальба, платок с фальбой, черыки* (с. 36-37) и др.); речь (*баять, калякать* и др.).

Колоритной в сказках является группа терминов родства и свойства: *мамонька* (71), *маменька* (91, 108), *мама* (107), *маманька* (88), *матушка* (54), *мать* (105), *папанька* (88), *папенька* (105), *тятенька* (71, 92, 108), *дочь* (97), *свекровка* (102), *кума*, *кумушка*, *куманёк* (11, 12) и др. Частотны, типичны в сказочном дискурсе термины родства в роли обращений. (О них и об обращениях в целом как сильной позиции в русских фольклорных текстах – сказках, частушках, см., например, в нашей статье [2]).

В сказках отражен и такой русский феномен как обращение термином родства к совершенно незнакомому человеку: *Вдруг идет старенькая старушка <...> Бабушка, дорогая, я не могу уйти и убежать. <...> Дяденька-дяденька, спрячь меня.* («Разбойники», 111, 113). – *Ой, что ты, тетка, делаешь! <...> – Ой, баушка, баушка, ты вынеси им хлеба кусочек <...>* («Про Лутоноюшку», 119, 120). *Что же это за старичок зашёл? <...> Дедушка, дедушка, <...> что у ты как руки-то холодны?* («О бедной девушке», 69). *Сидит старик. Идет лиса. – Дедуленька, дедуленька, ты что такой печальный, об чем загоревался так, об чем ты так задумался?* («Про лису», 22) и мн. др.

Это явление связано и с русским риторическим идеалом – доброжелательностью. Очень ярко передают его уменьшительно-ласкательные образования. Их обилие характеризует русский язык, его своеобразие – тоже русский феномен. Множественность, частотность таких единиц отличает все сказки в исполнении А.В. Алексеевой, можно даже говорить о своеобразном доминировании этого речевого, художественного средства в её текстах. Думается, они отражают, хотя и своеобразно, и такой этнический феномен, как общение ради удовольствия. Возьмем выборку единиц названного типа только из одной сказки: *лошадка* (2 употребления в разных формах), *дочка Аленушка, Аленушка* (60 употреблений в разных формах), *дочка, сыночек Ванюшка, Ванюшка (7), Ванюшка-братец, Иванушка (3), Буренушка (21), коровушка Буренушка (3), коровка Буренушка, Буренушка-матушка (2), доченьку, сыночка, коровка, коровушка, жеребеночка Алешеньку (4), жеребеночек (3), постилочку, немножечко, старенькая, маленькие, блинки, на травку на зелененьку (3), травку (4), блинчиков (2), в бутылочку (2), водички (3), водицы (3), коленочки (2), глазок (3), ушко (8), солнышко (7), солнышко тепленькое, Васюшенька (7), Васюшка, Матрюшенька,*

Парашенька (3), тихонечко, тихонько, маленечко, к братику, по горбушечке (2), воробушки, синички (2), воробьишки, птички-синички, скворушки (3), кудельку (2), куделюшку (3), скотинушку (3), кашики, хлебца, рядом, сестрица, кровку, в чашечку, кружечку (2), под окошечком (3), кровушку, садик, листочки, цветочки, яблочко (6), с блюдечком (3), сучок, во всем стареньком, собачка, петушок (2), сундучок, бледенькая, домик («Про коровушку Буренушку», 44-54).

Подборка впечатляет, свидетельствуя о том, что деминутивы в сказочном дискурсе многочисленны, многообразны в семантическом, структурно-деривационном и прагматическом аспектах. Способствуя отражению коммуникативной обстановки, ситуации, они частотны, активны в речи сказительницы, персонажей. Деминутивы участвуют в выражении доброго отношения, сочувствия к героям, персонажам страдающим, переживающим разные невзгоды, превратности судьбы, к героям правдивым, честным, совестливым. Участвуют они в выражении дидактизма сказок: всё хорошее в жизни человека, природы достойно одобрения, похвалы, умиления, любования, следования (и как результат – именование эмоционально-экспрессивными словами, каковыми являются гипокористики, деминутивы), а всё недоброе, злое, несправедливое, плохое вызывает порицание, осуждение, неприятие, поэтому для его обозначения уменьшительно-ласкательные единицы неуместны, здесь закономерно использование единиц с уничижительной, иронической, саркастической коннотацией, аугментативов, в частности с формантом *-ище* (типах: *волчище-серый бочище (17), бычищи, на спищице (19), хвост-хвостище, такой негодище (24)*).

В целом деминутивы в числе других языковых средств эксплицируют в сказках особое отношение к самому человеку, ко всему, что его окружает: к другим людям, природе (растительному и животному миру, метеорологии, рельефу и т.д.), предметам быта, сельскохозяйственного труда и др. [см.: 3]. Усиливается эффективность этого художественного средства в единицах второй степени уменьшительности-ласкательности (типа *сыночек, блиночков*), а также при сочетаемости деминутивов с единицами того же свойства – «согласование в представлении», по А.А. Потепне (типа *солнышко тепленькое*), при сочетаемости по контрасту, на фоне модификатов с увеличительным (тем самым пренебрежительным) формантом -

ище: *блин-блинище, блинище, пес-псище, петушище* (53), здесь тоже наблюдается «согласование в представлении», например: *Она увалила свою голову ей на колени* (47). Ср. также: *Аленушка, Ванюшка, Васюшка, Васюшенька, Парашенька, Матрюшенька*, но – *Васюха, Матрюха, Параха* (45).

Выразительны в этом плане номинанты (своеобразные онимоиды) якобы новорожденных в сказке «Лиса-повитуха»: *починушка, середочка, поскребушка* (с. 14-15). Объектом особого рассмотрения могут быть собственно онимы, задействованные в болдинских записях сказок. (Однако это тема отдельного разговора).

Обращает на себя внимание способ подачи значения некоторых диалектных слов. Толкования требуют лексико-семантические и собственно лексические единицы, и подаются они самой сказительницей пояснительными, вставочными конструкциями в тексте, а также через синонимические отношения слов, или ее дефиниции помещаются составителями сборника в подстрочнике, с указанием «объяснение сказочницы А.В. Алексеевой», «объяснение А.В. Алексеевой». См. эти объяснения: *Но сразу этого не сделала и поставила горшок под судную лавку**. <...> *В лесу старик нашел глубокую вершину*** <...> («Кот и лиса», 16). *Судная лавка – полка, которая оборудуется под кухонной лавкой. Полку в Болдине раньше называли розинкой. **Вершина – овраг. Побежал за гасиком*. *Гасик зажег* («Три зятя», 78). *Пузырек с маслом, вроде лампадки. На полянке лошадь стоит с роспуском. <...> И положили её на роспуск* в самый низ. <...> *Если попадут, то я косячком** кровку-то утру. <...> И не пошла прямо в свою-то избу, а на погребницу* и в погреб* («Разбойники», 113, 116). *Воз – две слеги на четырёх колесах. **Кончиком. *Сарай над погребом.

Ср: *Филенушка Роганок раз – и улез на подлавку* (так называют «чердак») и там сидит («Про Филенушку Роганка», 34). – *Да вон на чердаке, на подлавке* («Про лису», 21). – *А, ускреблись, спрятались, а то бы не видеть вам вашего Ванюшку* («Гуси-лебеди», 66) и др. Однако, думается, при всей приемлемости такого способа введения диалектных слов в текст не лишним было бы оформление их в виде словаря в конце книги.

Тексты сказок в исполнении Александры Васильевны отличаются своеобразием: в них многочисленные повторы слов, в том числе однокоренных, варианты слов разного типа, синонимы.

Например: *А бывало, на гумнах **молотьбу молотили** (129). Там уже **войска воюют** (105). Тут **переночевала ночку-то** (115). Ходила-ходила – давай **собирать шалашок**. Сделала из веточек **шалаш**. Приходит ночь, другая, она все в этом **шалашике** (104). И вот они воевали лучшие всех, стреляли **метче** всех <...> А вот скажите, кто всех храбрее, всех **метчей** и кто лучше всех воевал? <...> Они всех храбрее, всех **метче** (106). Корми её, пои, **постилай ей постилочку** (44). **Соловушка-то** больная, **кричать-то** – **наряды-то** никто не принесет. – У ней был **соловушка**, он ее наряжал <...> (43). Поп стоит и думает: «**Два мальчика маленькие, а умнее меня. Я-то вот опростофилился**». <...> **Опять он обмитрофанился** (125). **Вбежала в глухой, темный, дремучий, непроходимый лес** (103) и др. текстовые фрагменты.*

Таким образом, в речевой ткани рассмотренных сказок проявляется незаурядная языковая личность сказительницы. Сказки в ее исполнении подтверждают вывод, сделанный на основе анализа русских народных сказок в целом в их разносубъектном исполнении в результате разновременной и разнолокальной фиксации: «Русские народные сказки глубоко национальны по отражению действительности, этнического мирозерцания, по языку, языковым феноменам» [1, с. 325]. В сравнительно-сопоставительном плане лексика, задействованная в сказочном дискурсе А.В. Алексеевой, на фоне зафиксированной в начале XXI века в полевых записях студентов во время диалектологической практики в селах Большеболдинского района Нижегородской области проявляет, с одной стороны, ее сохранность (стабильность системы) – это касается характеризующей лексики; с другой стороны, – ее динамику, продвижение в пассив системы – это относится к терминологической лексике, обозначающей реалии хозяйственного уклада сельского населения, быта, жилища, природы [ср.: 1]. Тем самым сказки, их содержательное и речевое наполнение, диалектная лексика в них представляют собой историко-культурное свидетельство.

Сказки имеют значение и для лексикографии, национальной и региональной, в частности, их лексика может быть включена в публикуемый «Диалектный словарь Нижегородской области»; для лингвогеографии: может быть учтена при подготовке соответствующих карт «Лексического атласа русских народных говоров».

Сказки в исполнении А.В. Алексеевой, как и все русские народные сказки, имеют мощный воспитательный потенциал, представляя собой дидактический материал для обучения школьников, молодежи в плане познания своеобразия родного языка, его динамики, в плане познания народной культуры, расширения лингвистического, филологического и общего кругозора, повышения культурного уровня [см.: 4, 5]. Следовательно, рассмотренные сказки имеют многомерную значимость, представляя простор для интерпретации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Климкова Л.А. Русская народная сказка: историко-лингвистический аспект // Русский язык в контексте национальной культуры: материалы III Международной научной конференции. Саранск, 21-23 мая 2014 г. / редкол. Ю.А. Мишин / отв. ред. [и др.]. – В 2-х т. – Т.1. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. – С. 325–332.
2. Климкова Л.А. Сильные текстовые позиции в русских народных сказках // Карповские чтения: сб. статей. Выпуск 5 / отв. ред. Ю.А. Курдин. – Арзамас: АФ ННГУ, 2014. – С. 89–96.
3. Климкова Л.А. Деминутивы в русских народных сказках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 12 (42): в 3-х ч. – Ч. 1. – С. 92–96.
4. Климкова Л.А. Русская народная сказка: варианты текста и прочтения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – № 2. Часть 2. – Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2015. – С. 421–427.
5. Климкова Л.А. Фольклорная составляющая лингвокраеведения // Вторые Громовские чтения: русские народные говоры: прошлое, настоящее: сб. материалов и исслед. Всерос. науч.-практ. конф. Кострома, 17-18 окт. 2014.– Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. – С. 220–229.
6. Сказки из болдинской осени. Фольклорное наследие Александры Васильевны Алексеевой / Сост. Н.В. Морохин, Ю.А. Курдин. – Н. Новгород: Литера, 2021. – 184 с.
7. Сказки: В двух книгах / Сост. и автор проекта Ю.А. Курдин / Серия «Народная поэзия Арзамасского края. – Кн. 2. – Арзамас: АГПИ, 2003. – 701 с.
8. Словарь русских народных говоров. / Гл. ред. Ф.П. Филин. Ред. Ф.П. Сороколетов. – ЛО «Наука», 1965–1987. Вып. 1–23 / Гл. ред. Ф.П. Сороколетов. – СПб.: Наука, 1989–2007. Вып. 24–46 / Гл. ред. С.А. Мызников. – СПб.: Наука, 2014–2018. Вып. 47–50.
9. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984.

НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ П.И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО

Ольга Валентиновна Никифорова

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, к.филол.н., доцент,
декан историко-филологического факультета
Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: snegaovnik@rambler.ru*

В статье рассматриваются праздники народного календаря, определяющие и организующие в течение года в соответствии с установленными канонами каждодневную жизнь старообрядцев и широко представленные в диалогии П.И. Мельникова-Печерского. Кроме того, названия праздников из художественного текста сопоставляются с наименованиями народного календаря, зафиксированными в нижегородских говорах.

Ключевые слова: нижегородские говоры; народный календарь; праздник; П.И. Мельников-Печерский; дискурс; художественный текст

В произведениях П.И. Мельникова-Печерского (Андрея Печерского) мастерски изображены картины прошлого русской глубинки – деревенский быт, представления сельских жителей о жизни, а также народные верования, обычаи и традиции, которые были неотъемлемой частью мировосприятия поселян и свято ими почитались. Бережными хранителями древней русской культуры, допетровского жизненного уклада, старинных обрядов, веры предков, преданий и легенд у писателя являются старообрядцы. П.И. Мельников-Печерский подчеркивает, что герои-старообрядцы выступают как хранители исконных православных ценностей, старой веры, духовности и напоминают древнерусских подвижников. Все: и жители скитов, соблюдающие строгие уставы обители (мать Манефа), и мирские люди, хранящие завещанный предками старинный уклад (Дарья Никитишна, Груня, Гаврила Маркелыч Залетов, Иван Григорьевич Заплатин, Патап Максимыч Чапурин) – живут в настоящем по канонам прошлого, и на них П. И. Мельников-Печерский возлагает надежду в будущем.

Предметом рассмотрения в данной статье является представление народной культуры заволжских старообрядцев в дискурсе П.И. Мельникова-Печерского на примере фрагментов народного календаря. Анализируя соотношение художественного времени и действия в диалогии «В лесах» и «На горах», Гневковская Е.В. обращает внимание на следующие особенности. [1, с. 202]. Действие строится по принципу от праздника (христианского или языческо-

го) к празднику, от одного календарного обряда к другому. Именно во время праздника происходят самые значительные события. Очень важны временные соотнесения в романах: «*На Михайлов день столы строили. Разве не станешь на Троицу?*» Исследователь выделяет два подвида прошлого времени: имперсональное древнее прошлое, то есть легендарное, почти мифическое время, и недавнее прошлое, а именно прошлое героев. Последнему времени свойственна большая степень персонализации. Гневковская Е.В. подчеркивает, что события недавнего прошлого героев рассказываются чаще всего от лица автора, а вот давнее прошлое вспоминают, передают друг другу, как правило, сами персонажи, что создает эффект максимальной достоверности исторического события для читателя. Кроме того, выделяется время, которое можно рассматривать с другой точки зрения. Не прошлое или настоящее, а, во-первых, мирское, «реальное» и, во-вторых, время ирреальное, сакральное. Сакральное время – это ежегодно повторяющиеся религиозные праздники и из века в век существующие народные обряды: «*Здесь, у Воскресенья, стерляди первый сорт, не хуже васьилсурских. Спосылать, что ли, к ловцам на Левиху. – В великий-то пост? – испуганно воскликнул Стуколов. – В пути сущим пост разрешается, – сказал Патап Максимыч*». Эти потоки времени органично слиты в произведении и часто сосуществуют в пределах одной главы. В «реальное» же время заключены события, которые произошли однажды с героями романов: «*В нынешнем мясоеде свадьбы сыграть не успеть, а с весны во все лето, до осенней Казанской, Снежковым некогда да и мне недосуг. Раньше Михайлова дня свадьбы сыграть нельзя, а это чуть не через год*».

Действительно, П. И. Мельников-Печерский не указывает годы происходящих событий, часто нет чисел месяца. Между тем роман сохраняет твердую временную логику художественной системы, педантично выверенную автором. По словам А.А. Курочкиной, «Художественное время романа – это время народного календаря». [3, с. 232]. Народным календарем называют исторически сложившуюся систему членения, счета и регламентации годового времени, организующую обрядовый цикл (календарные обряды), хозяйственную и бытовую практику. В основе народного календаря лежит христианский календарь, определяющий состав, порядок, иерархию единиц годового времени, однако содержательная сторона, интер-

претация праздников, а также их «ритуальное оснащение», то есть приуроченные к ним обряды, обычаи, запреты, предписания, являются органическим компонентом народной традиции. [10, с. 442]. При указании той или иной даты назывались не число и название месяца, как сейчас, а событие церковной истории или имя того или иного святого, причем названия существовали в двух формах – официальной церковной и народной – сокращенной и трансформированной: «*А там на **Фоминой** к тебе буду...*», «*Сядьте-ка лучше да псалтырь ради **праздника Христова** почитайте*».

В диалогии в народном календаре наблюдается соотношение языческого и христианского начал: «*Только трижды в зиму и пьют. На **Никола**, на **Рождество** да на **масленицу**, и то по самой малости. Брагу да сусло пьют и в зимницах, но понемногу и то на праздниках да после них...*». Эту особенность идиостилия П. И. Мельникова-Печерского подчеркивают И.В. Кудряшов и Ю.А. Курдин, говоря о том, что русские фольклорные прецедентные тексты, широко используемые в диалогии, непосредственно формируют представление о двоеверии, то есть совмещении в мировосприятии языческих и христианских представлений. [2, с. 122–124]. Согласно традиционной интерпретации, языческие праздники либо соединяются в диалогии с христианским календарем (что рассматривается как следствие «двоеверия»), либо преобладают. Подробное и поэтичное изображение народных календарных обычаев, восходящих к дохристианским временам, подчиняется христианским представлениям о любви и браке, прощении и благословении, воплощенным непосредственно в сюжете. Например, кульминация и развязка одной из основных сюжетных линий (болезнь и смерть Насти Чапуриной) приходится на пасхальный период, включая Радуницу – праздник пасхального единения живых и умерших. В согласии с этой особенностью народного календаря, благословение Насти на смерть и ее прощание с остающимися жить становится торжеством соборного единения. Исследователями отмечено, что формально в художественном времени романа «В лесах» действительно преобладает языческое начало. Так волей фантазии писатель объясняет весь весенне-летний цикл народных праздников почитанием бога Ярилы: «*Радуница, Красна Горка, Русальная неделя, Бисериха, Земля-именинница, Семик, Зеленые святки, Девята пятница, Ярило Кострома, Клечалы, Кукушки, Купало, хороводы: радуницкие, русаль-*

ные, николющица, зилоты, семицкие, троицкие, всевятские, пятицкие, ивановские или купальские – все это ряд праздников одному и тому же Яриле, или Купале». Ср. «Девять годов Груне на Купальницу исполнилось...». Подобно А.Н. Островскому в «Снегурочке» (1873), П.И. Мельников-Печерский изображает Ярилу как верховное божество, источник продолжения жизни. Между тем в народной мифологии Ярило – персонаж «низшей» обрядности с сильным развитием обеденных черт (В.В. Иванов, В.Н. Топоров); представление о нем как о «русском Эроте» возникло уже в XX в., под влиянием творчества П. И. Мельникова-Печерского и А. Н. Островского.

Писатель рассеивает по тексту значимые детали народного календаря, показывая, что в описываемом мире прошлого, патриархальном мире заволжских старообрядцев сохранялись архаические приемы измерения и счета годового времени, при которых ориентирами и точками отсчета служили природные явления, хозяйственная деятельность, крупные церковные праздники: «С самого пожара пошел ходить по бедам: на **Покров** пару лошадей угнали, на **Казанскую** воры в клеть залезли». В систему определения временных отношений оказываются включены все этапы годового календарного цикла. Функцию выражения временных отношений в дискурсе выполняет целый ряд хрононимов.

Наиболее известный и значимый праздник зимнего цикла – **Рождество** (в нижегородских говорах – **Рождество Христово, Рожество, Христов день**), посвященный рождению Иисуса Христа. В православном календаре по значимости Рождество Христово является вторым праздником после Пасхи. Помимо различных церковных ритуалов, по народной традиции верующие устраивали праздничный обед, во время которого разговлялись, а также ходили колядовать: «И то с **Рождества** не видались.»; «Слушай, до самого **Рождества Христова** единого словечка про свадьбу тебе не молвлено...», «На Ветлуге и отчасти на Керженце в редком доме брага и сыченое сусло переводятся, даром что хлеб чуть не с **Рождества** покупной едят».

19 января верующие отмечают **Крещение Господне**, или **Богоявление**. Крещение, как и Пасха, считается самым древним праздником в христианской культуре. Этот день связан с евангельским событием – крещением Иоанном Предтечей Иисуса Христа в

реке Иордан. В дилогии маркировано и **Крещение**: «*Была и я молодая, хаживала и я под **Крещенье снежок полоть...***», «*Притаив дыханье, глаз не спускали они с чашки, наполненной водою и поставленной у божницы: как наступит **Христово крещенье**, сама собой вода колыхнется и небо растворится; глянь в раскрытое на один миг небо и помолись Богу: чего у него ни попросишь, все даст.*», «*Это было как раз через неделю после **Крещенья***», и **Богоявление**: «*На **Богоявленье** в Городце воду святил, сам Патап Максимыч за вечерней стоял и воды богоявленской домой привез*».

Вечер накануне праздника – **Крещенский сочельник** – собирал вместе всю семью: «*Вечер **крещенского сочельника** ясный был и морозный.*», «*С **крещенского сочельника**, когда Микешка вновь принят был зятем в дом, он еще капли в рот не брал и работал усердно*».

Двенадцать дней после Рождества Христова называются Святками, то есть святыми днями. Святки – праздник христианский, но к нему примешалось немало языческого: ряжение животными, шумное колядование, веселые игры и забавы на улице и на вечеринках в домах, гадание и другие суеверные обычаи, оставшиеся с древних времен, что возбранялось христианской церковью. В гаданиях девушка, мечтающая устроить свое счастье через брак, часто была главным и самым заинтересованным лицом. Для нижегородских невест важен был круг вопросов, которые можно объединить одной темой: определение характеристик будущего мужа. [6, с.210]. С этой целью использовалось народное гадание **полоть снег** ‘тряся снег, предугадывать характер будущего мужа’: «– *Пусти нас, мамынька, с девицами **снежок пополоть**, – просилась меньшая дочь у Аксиньи Захаровны*».

Главным праздником православного мира является Светлое Христово Воскресение, **Пасха**. Известно, что этот праздник связан с искупительной жертвой Иисуса Христа, его смертью на кресте и воскресении и символизирует обновление и спасение мира и человека, торжество жизни: «*Горько бывало безродной сиротке глядеть, как другие ребятишки отцом, матерью пригреты, обуты, одеты, накормлены, приголублены, а ее кто приласкает, ей кто доброе словечко хоть **в светло Христово воскресенье** вымолвит?*», «*Это честной братии ко **Христову дню** на куличи, а вот это на сыр да на красны яйца*». Комплекс пасхальных праздников и обрядов –

один из самых разработанных в народном календаре, что связано как с большой значимостью этого события для официального церковного календаря, так и с языческими представлениями о пробуждении природы, культе плодородия и обновлении жизни. Светлое Христово Воскресение в нижегородских говорах называется *Пасха, Паска, Пасха Христова, Святая Паска, Христово воскресенье, Христов день, Хрисов день, Великий день, Светлое воскресенье, Святое воскресенье, Святой день*. [7, с. 220].

Не менее значима в православном календаре *Троица*, отмечаемая на 50-й день Пасхи, когда церковь вспоминает сошествие Святого Духа на Апостолов и чествует Святую Троицу. Этот праздник связан с древним славянским культом поминовения, почитания предков. В троицкой обрядности также прослеживаются древние обычаи, связанные с празднованием пышного расцвета природы, прихода на землю тепла и света, поэтому на Троицу все украшают свежей зеленью, прихожане во время службы держат в руках берёзовые ветки – символ обновления людей силой нисходящего Духа Святого: «У Патапа Максимыча столы строили дважды в году: перед *Троицей* да по осени, когда из Низовья хозяин домой возвращался».

В примере «*А теперь вот что, – продолжал он, значительно понизив голос после окрику, – на той неделе, накануне Иванова дня, Груня именинница.*» выделенное сочетание синонимично общеизвестному наименованию – Празднику Рождества Предтечи и Крестителя Господня Иоанна (7 июля), считающемуся вершиной расцвета природы, одним из поворотных моментов в годовом круге. В нижегородских говорах встречается несколько наименований, называющих этот день по его обрядовому содержанию и репрезентирующих две составляющие купальского комплекса – культ воды и культ растительности. С культом воды связаны названия *Иван Купала, Иван Купальник, Иван Обливан, Иван Купальский, Иван Росник*. Культ растительности отразился в наименованиях *Иван Цветник, Иван Травник*. В Иванов день принято было плести венки, которые спускали на воду. Венки давали возможность заглянуть в будущее: «*В Иванов день плели венки. Если смотреть на воде внутрь, можно увидеть суженого*» (д. Белая Чкаловского р-на).

В диалогии встречается наименование еще одного летнего праздника – *Петров день*. Конец Петровского поста – День святых

первоверховных апостолов Петра и Павла (12 июля) – в нижегородских говорах именуется *Пётр и Павел, Пётр-Павел, Петры и Павлы, Петровки, Петров день*. Петров день считался началом сенокоса, поэтому с утра старшие члены семьи шли на покос, а младшие – собирать ягоды: землянику, клубнику. «*Сколько годовото? – Семнадцатый с Петровок пошел. Как есть заправская невеста*».

Особо почитаемым религиозным осенним праздником является *Покров*, полное название которого Покров Пресвятой Богородицы связано с именем матери Христа, которая свою милость и заступничество распространяет на всех верующих, защищая их своим святым покровом. Для крестьянина Покров – один из важных аграрных праздников, поскольку это период завершения сельскохозяйственных работ: «*На сплав рубить рядят лесников высковские промышленники, разделяют им на Покров задатки, а расчет дают перед Пасхой либо по сплаве плотов*». Каноническое название праздника Покров Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии (1 октября 14 октября), мотивированное чудесным событием, в нижегородских говорах пережило редукцию, то есть сократилось до двухкомпонентного словосочетания *Покров Богородицы, Покров день, День Покрова* или даже до одного слова *Покров, Покрова*. Жители Нижегородской области считают Покров Пресвятой Богородицы символом святости и света, этот праздник завершает полевые работы, начало зимы, первый снежный покров земли – защита от беды, страдания. [8, с. 358].

С осенним народным календарём связан Праздник в честь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня (27 сентября): «*На самое **Вздвиженье** токарня у него сгорела с готовой посудой ста на два рубля*». Записанные нижегородских в говорах наименования *Воздвиженье, Воздвижен день, Здвиженье, Здвиженьев день* связывается с особым поведением (движением) зверей в преддверии зимы: «*В этот день фсе звери выходят, у них сварьба*» (д. Вязовка Ковернинского р-на), «*В Здвиженье фсе звери движуцца, на зимофку, на спячку*» (д. Пижма Тоншаевского р-на).

Кроме широко известных церковных праздников в народном календаре представлено большое количество дат, в названиях которых в большей степени раскрывается «природный» характер праздника. Как правило, это составные наименования, где один из ком-

понентов имя собственное или производное от него (например, к XIX веку русский народный календарь содержал более четырехсот православных святых, мучеников, духовных лиц, князей), второй отражает народный мифоритуальный смысл. П.И. Мельников-Печерский знакомит с несколькими календарными праздниками:

*«С Никитина дня вся лесная нечисть мертвым сном засыпает: и водяник, и болотняник, и бесовские красавицы чарус и омутов – все до единого сгинут, и становится тогда в лесах место чисто и свято... На покой христианским душам спит окаянная сила до самого вешнего Никиты, а с ней заодно засыпают и гады земные: змеи, жабы и слепая медяница, та, что как прыгнет, так насквозь человека проскочит... Леший бурлит до **Ерофеева дня**, тут ему на глаза не попадайся: бесится косматый, неохота ему спать ложиться, рыщет по лесу, ломит деревья, гоняет зверей, но как только **Ерофей-Офеня** по башке лесной его хватит, пойдет окаянный сквозь землю и спит до **Василия Парийского**, как весна землю парить начнет.»*, *«После **Ерофеева дня**, когда в лесах от нечисти и бесовской погани станет свободно, ждет не дождется лесник, чтоб мороз поскорей выжал сок из деревьев и сковал бы вады и чарусы, а матушка-зима белым пологом покрыла лесную пустыню.»*, *« – А расчеты когда? – спросил Патап Максимыч. – После **Евдокии-плющихи**, как домой воротимся, – отвечал Артемий. – У хозяина каждая малость на счету...»*.

Все выделенные выше имена – в прошлом реальные люди: Святой Никита Мидикийский (16 апреля, в нижегородских говорах **Никитин день**, **Никита Водопол**, по поверьям в этот день после зимы просыпается водяной), Святой Иерофей Афинский (17 октября, в нижегородских говорах **Ерофеев день**, **день Ерофея**), епископ города Пария Святой Василий Парийский (12 апреля), Святая Преподобная мученица Евдокия (14 марта).

Диалектные материалы свидетельствуют о том, что значимыми оказываются не все святые. Самыми важными являются праздники, органично вписанные в годовой круг крестьянской хозяйственной деятельности и связанные с началом пахоты, сева, с первым выгоном скота на пастбище, с началом и окончанием сенокоса и жатвы и др. К ним относятся праздники в память Великомученика Георгия Победоносца, в память святителя и чудотворца Николая, день пророка Илии, день усекновения главы Иоанна Предтечи, день

Святых первоверховных апостолов Петра и Павла и т.д. [4, с.397]. В диалогии П. И. Мельникова-Печерского встречается усеченная форма праздника Дня Святого Николая (дата празднования 19 декабря и 22 мая), которая либо сокращается до однословного наименования, либо употребляется с атрибутивным уточнением, указывающим на сезонную отнесенность праздника: «*Порядися с ним на лето аль до зимнего **Николы**.*», *Я бы до Михайлова дня, а коли милость будет, так до **Николы**...*», «*–До **Николы** так до **Николы**. До зимнего, значит? – сказал Патап Максимыч. – Известно, до зимнего, – подтвердил Алексей.*», «*– Рядились до зимнего **Николы**.*», «*Зима-то ноне стала поздняя, только за два дня до **Николы** лесовать выехали...*»

Одним из самых веселых, самых разгульных народных праздников является **Масленица**: «*Масленица на дворе – ни гречневой мучки на блины, ни маслица достать им негде.*», «*На срок, к масленице, поспела бы беспрременно.*», «*После масленицы Патап Максимыч обещался съездить на Ветлугу вместе с паломником повидать мужиков, про которых тот говорил, и, ежели дело окажется верным, написать со Стуколовым условие, отсчитать ему три тысячи ассигнациями, а затем, если дело в ход пойдет и окажутся барыши, давать ему постепенно до пятидесяти тысяч серебром.* В нижегородских говорах хрононимы называют и характеризуют каждый день масленичной недели. Основной массив хрононимов представляют составные наименования: *широкая масленица, разгульная масленица, коренная масленица, обжорская масленица, масляный вторник, сопливый четверг, широкая суббота, прощенное воскресенье, чистый понедельник.*

Самым почитаемым и продолжительным постом является Св. четырехдесятницы, который длится сорок дней и наступает после Масленицы. Это период в семь недель, во время которого существуют большие ограничения. Христианская церковь предписывает верующим воздержаться от скоромной пищи, запрещает участие в увеселениях, вступление в брак. Думы нижегородского крестьянина сосредоточены на новом сельскохозяйственном годе. В нижегородских говорах в качестве наименований этого поста используются лексические сочетания, опорной номинацией в которых является имя прилагательное, содержащее сему 'отношение к посту': *Великий пост, Главный пост, Большой пост, Коренной пост.* Будучи

почитаемым и воспринимаемым как общеобязательный, название поста Св. четырёхдесятницы употребляется в диалогии и без определения: **пост**: «Мать Манефу Аксинья Захаровна поместила в задней горнице, возле моленной, вместе с домашней канонницей Евпраксией да с Анафролией. Манефа, напившись чайку с изюмом, – была великая постница, сахар почитала скоромным и сроду не употребляла его, – отправилась в свою комнату и там стала спрашивать Евпраксию о порядках в братнином доме: усердно ли Богу молятся, сторого ли **посты** соблюдают, по скольку кафизм в день она прочитывает; каждый ли праздник службу правят, приходят ли на службу сторонние, а затем свела речь на то, что у них в скиту большое расстройство идет из-за епископа Софрония, а другие считают новых архиереев обливанцами и слышать про них не хотят.», «Сказывал тятенька, что с **великого поста** рекрутов брать зачнут, – отвечала Настя.», «Года уж, видно, такие становятся. **Великим постом** на седьмой десяток перевалит, – говорил Авдей, провожая гостя».

Во время поста вычленяются знаковые периоды времени. Так, первый день после Масленицы называется **чистый понедельник** (д. Жекино Вачского р-на). В этот день совершались ритуалы, имеющие семантику очищения: уборка дома, мытье посуды, баня для всех членов семьи. Действия, совершаемые в первый день поста, обозначены обрядовым фразеологизмом **смыть масленицу** (д. Богомолово Городецкого р-на). Символическое значение имеет середина поста Св. четверьдесятницы – **перелом поста, преломление поста** (с. Кадницы Кстовского р-на). Четвертая неделя Великого поста в нижегородских говорах называется **средокрёстная неделя**. В среду на четвертой неделе **пост ломается**, то есть половина поста остается позади. В наименованиях среды на четвертой неделе Великого поста следует отметить фонетическое варьирование, которое осуществляется в соответствии с различными звуковыми процессами языка. Так, наблюдается явление звукозамен в лексеме **хрясты**, в композитах, образованных из основ ключевых по значению слов: **средокрестье, средохристье, христорхрьсье**. [5, с.259–260]. В диалогии знаковые периоды времени поста нашли свое отражение: «На **первой неделе великого поста** Патап Максимыч выехал из Осиповки со Стуколовым и с Дюковым. Прощаясь с женой и дочерьми, он сказал, что едет в Красную рамень на крупчатные

*свои мельницы, а оттуда проедет в Нижний да в Лысково и воротится домой к **середокрестной неделе**, а может, и позже».*

Итак, сведения о праздниках и связанном с ними ритме хозяйственной и религиозной жизни растворены в ткани диалогии. Знание народного календаря выступает в дискурсе П.И. Мельникова-Печерского как пресуппозиция текста. Сформировавшись на протяжении ряда веков, начиная с язычества, традиционный народный календарь отражает разнообразный спектр воззрений, определяющих и организующих в соответствии с установленными канонами каждодневную жизнь героев-старообрядцев в течение года. В большинстве своем с содержательной точки зрения праздники включают несколько смыслов: базовый, как правило, канонический, церковный, и вторичный – народно-бытовой, более популярный, которым руководствовались в своей практической деятельности наши предки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гневковская Е.В. Проблемы поэтики диалогии П.И. Мельникова (Андрея Печерского) «В лесах» и «На горах»: характерология, художественное пространство и время: Дис. ... канд. филол. наук. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2003. – 207 с.
2. Кудряшов И. В., Курдин Ю. А. Диалогия «В лесах» и «На горах» в контексте творчества П. И. Мельникова-Печерского: Монография. — Арзамас: АГПИ, 2002. – 302 с.
3. Курочкина А.А. Традиционный посевной календарь в романе П.И. Мельникова-Печерского «На горах» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Филология. – 2015. – № 4. – С. 232–236.
3. Никифорова О.В. Антропонимы в названиях контаминированных праздников (на материале нижегородского народного календаря) Ономастика Поволжья: материалы XV Международной научной конференции. – Арзамас-Саров: Интерконтакт, 2016. – С. 396–400.
4. Никифорова О.В. Представление весеннего цикла календарных обрядов в нижегородских говорах // Фортунатовские чтения в Карелии: сборник докладов международной научной конференции (10-12 сентября 2018 Г. Петрозаводск): в 2х ч. Ч.1 – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. – С. 258–261.
5. Никифорова О.В. Номинация гаданий в составе фразеологических единиц нижегородских говоров // Карповские чтения: сборник статей. Вып. 8. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2018. – С.208–214.
6. Никифорова О.В. Рациональное и эмоциональное представления о пасхе (на материале нижегородских говоров // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2019 [Электронный ресурс]: сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой памяти профессора П. А. Леканта (г. Москва, 19 ноября 2019 г.) / ред. колл.: Н. Б. Самсонов (отв. ред.) и др. – Электрон. текстовые дан. (8,70 Мб). – М.: ИИУ МГОУ, 2019. – С.219–223.

7. Никифорова О.В. Представление осеннего цикла календарных обрядов в нижегородских говорах // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвящённой 120-летию со дня рождения профессора Ивана Александровича Фигуровского. – Елец: Елецкий гос. университет, 2019. – С. 356–360.

8. Мельников П.И. (Андрей Печерский). В лесах. На горах. – Минск: Мастацкая літаратура, 1986. – 1912 с.

9. Славянские древности: этнолингвистический словарь. – М.: Международные отношения, 1999. – Т. 2. – 704 с.

ОППОЗИЦИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ **ПАТРИОТИЧНЫЙ** – **ПАТРИОТИЧЕСКИЙ** В ЯЗЫКОВОМ ВОПЛОЩЕНИИ КОНЦЕПТА «ПАТРИОТИЗМ»

Наталья Валерьевна Радбиль

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, к.филол.н., старший преподаватель кафедры преподавания русского языка в других языковых средах Института филологии и журналистики г. Нижний Новгород; e-mail: nagov@list.ru

*В работе освещаются концептуальные схождения и расхождения производных прилагательных **патриотичный** и **патриотический** как репрезентантов признаковой составляющей концепта ПАТРИОТИЗМ. Материалом исследования являются языковые данные современных русских толковых словарей и Национального корпуса русского языка. Показано, что основные смысловые и функциональные различия между этими прилагательными определяются их грамматическими свойствами: **патриотичный** является качественным, а **патриотический** – относительным прилагательным. Делается вывод, что прилагательное **патриотичный** выражает градулируемый признак патриотизма, имманентно присущий лицу или предмету, при этом определяемый предмет может быть конкретным, мыслиться как живое существо, вещь, вещество; прилагательное **патриотический** выражает неградулируемый признак патриотизма через отношение к другому абстрактному понятию, опредмеченному отвлеченному свойству, состоянию или действию.*

*Ключевые слова: концепт ПАТРИОТИЗМ; дериваты; лексемы **патриотичный** и **патриотический**; прилагательные качественные и относительные; концептуальный анализ; лингвокультурология*

В работе представлен фрагмент комплексного лингвокультурологического описания концепта ПАТРИОТИЗМ в современной русской языковой картине мира, начатый в наших предыдущих исследованиях [5], а именно – особенностей его словообразовательной экспликации в системе языка и в русской речи [6; 7]. Методологической базой исследования являются идеи и принципы теории

языковой концептуализации мира [1; 2; 11] и основы лингвокультурологического направления в современном гуманитарном знании [2; 4; 13]. Предлагаемая в исследовании комплексная методика анализа элементов «языка культуры» и своеобразия их репрезентации в речевых практиках носителей русского языка основывается на разработанных в Нижегородской научной школе методах концептуального анализа в словообразовании [19], анализа активных процессов в языке [14; 15] и анализа «языка ценностей» в национальной культуре [10; 12]. Материалом исследования являются языковые данные современных русских толковых словарей [5; 17; 18; 21] с включением иллюстративного материала из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Непосредственным предметом данного исследования является оппозиция производных прилагательных *патриотичный* и *патриотический* как фрагмент словообразовательного гнезда с вершиной – лексемой *патриот*, взятого по данным «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова [20]. Данные дериваты репрезентируют признаковую составляющую концепта ПАТРИОТИЗМ, выражая разнообразные свойства и характеристики субъекта или объекта, имеющие отношение к патриотизму. Концептуальная специфика данной оппозиции заключается в том, что образующие ее прилагательные, при наличии определенной содержательной общности, представляют в чем-то противоположные типы атрибуции характеризуемого субъекта или объекта. При этом сами семантические типы определяемых этими прилагательными существительных также различаются. Все вышесказанное подтверждается наблюдаемыми языковыми свойствами прилагательных *патриотичный* и *патриотический*.

В соответствии с принятой концепцией исследования, сначала рассматриваются словарные значения указанных прилагательных.

Прилагательное *патриотичный*: ‘свойственный патриотизму, характерный для него’; ‘проникнутый патриотизмом’ [5; 17].

Прилагательное *патриотический*: ‘соотносящийся по знач. с сущ.: *патриотизм*, связанный с ним’; ‘относящийся к патриоту, патриотам’; ‘свойственный патриотизму, характерный для него’; ‘проникнутый патриотизмом’; ‘выражающий чувства патриотизма’ [5; 18; 21].

Анализ показал общие семантические признаки для двух этих прилагательных: 'свойственный патриотизму, характерный для него'; 'проникнутый патриотизмом'. При этом прилагательное **патриотический** имеет больший семантический объем, за счет трех добавленных признаков: 'соотносящийся по знач. с сущ.: *патриотизм*, связанный с ним'; 'относящийся к патриоту, патриотам'; 'выражающий чувства патриотизма'.

Наиболее существенными для концептуального расхождения между этими прилагательными являются их **грамматические различия**. Так, судя по данным словаря паронимов О.В. Вишняковой, пара **патриотичный – патриотический** входит в характерную для русского языка корреляцию дублетных образований двух иноязычных по происхождению прилагательных – паронимов от одного корня с разными суффиксами: *трагический – трагичный, романтический – романтический, артистический – артистичный* и пр. [3]. При этом члены пары на *-ичн-* обычно относятся к качественным прилагательным и обозначают имманентно присущее лицу или предмету свойство, качество, которое может мыслиться в большей или меньшей степени, а члены пары на *-ическ-* тяготеют к относительным прилагательным, определяя один предмет или лицо через отношение к другому предмету или лицу, названному производящим словом.

Как утверждается в «Русской грамматике – 1980»: «Качественные прилагательные обозначают свойство, присущее самому предмету или открываемое в нем, часто – такое, которое может характеризоваться разной степенью интенсивности: *белый – белее, красивый – красивее, прочный – прочнее, упрямый – упрямее, хороший – лучше*» [16, с. 542]. Прилагательное **патриотичный** однозначно выступает как качественное, доказательством чего является тот факт, что из 8 возможных признаков качественных прилагательных, отмечаемых в научной или учебной литературе, например, в той же «Русской грамматике – 1980», это прилагательное характеризуется шестью:

(1) возможна краткая форма, употребляемая в роли сказуемого: *Быть может, именно потому мы столь патриотичны, что слишком часто должны были быть гражданами страны, которой не существовало на карте... [НКРЯ – Владимир Молчанов, Консуэло Сегура. И дольше века... (1999-2003)]; Мне кажется, это будет*

очень актуально и очень **патриотично** [НКРЯ – Григорий Тарасевич. Чего бы еще запретить? // «Русский репортер», 2013]

(2) имеет степени сравнения: *По крайней мере, это **патриотичнее**, чем уносить крайне дефицитный российский капитал и инвестировать его в зарубежные проекты* [НКРЯ – У нас есть калькулятор, мы умеем считать деньги // «Эксперт», 2015]; *Несколько **патриотичнее** средний бизнес. Не более 40% акций компаний с выручкой от 1 до 30 млрд рублей хранится в офшорах, а материнскую структуру или центр консолидации прибыли в налоговых гаванях имеет только каждая десятая из них* [НКРЯ – Евгения Обухова, Евгений Огородников. Пора возвращаться с островов // «Эксперт», 2013]; *С той поры лыжи стали одним из национальных символов Норвегии – **самым патриотичным** из всех видов спорта* [НКРЯ – Александр Золотарёв. Осло (2004)];

(3) сочетается с наречиями степени типа *очень*, *крайне* и под.: *Между прочим, со стороны американцев это был **очень патриотичный** поступок: мы не только покупали товары, но еще и платили довольно высокий (8 процентов) налог с продаж, который целиком идет в казну муниципалитета* [НКРЯ – Маргарита Спиричева. Америка знакомая и незнакомая (2003) // «Богатей» (Саратов), 27.11.2003]; *Нет, все-таки Россия лучше. **Очень патриотичная** книга* [НКРЯ — Дмитрий Быков. Книжная полка Дмитрия Быкова // «Новый Мир», 2003];

(4) образует наречие на –о – *патриотично* ‘оценка каких-л. действий, поступков как характеризующихся проявлением патриотизма’ [5]: *«Забудь про Кипр, забудь про Мальту — гуляй по нашей асфальту!» **патриотично** призывали со сцены «Поющие вместе»* [НКРЯ – Рустем Фаляхов. То ли больных стало больше, то ли все выздоровели // «Газета», 2003.06.30]; *С позиций отлично образованного, **патриотично** настроенного человека он пытался своими знаниями, опытом, порядочностью воздействовать на принятие правильных решений царем и правительством* [НКРЯ – В. Г. Глушкова. Путешествие из Москвы в Ярославль. Москва – Сергиев Посад – Переславль-Залесский – Ростов Великий – Ярославль (2015)];

(5) образует отвлеченное имя существительное на –ость (имя качества) – *патриотичность* ‘свойство / качество любви к родине, преданности своему народу, готовности на жертвы и подвиги во

имя интересов своей родины»: *Патриотичность* – знаковая характеристика для чиновника, но, если есть возможность привлечь профессионального управленца из другого региона, грех этим не воспользоваться [НКРЯ – Петр Скоробогатый. Свежий взгляд на кадры // «Эксперт», 2015]; Он был необычайно энергичен и организован, работоспособен до иступления, что при его глубинных знаниях и подлинной *патриотичности* определило право стать советником министра науки и технологий Российской Федерации и оставаться им до тех пор, пока была в нем нужда [НКРЯ – Памяти товарища // «Наука и жизнь», 2006];

(6) образует антоним, в том числе с приставкой *не-* – *непатриотичный* ‘не отличающийся патриотизмом’ [5]: Факт: теперь выходит, что правда – очень *непатриотичная* вещь [НКРЯ – Ольга Боброва. Теперь выходит так, что правда непатриотичная вещь... // Новая газета, 2015.08]; Прекратить все *непатриотичные* речи, казнить всех преступников, победить всех врагов... [НКРЯ – Душа не велит. Reader@izvestia.ru (2002) // «Известия», 07.04.2002].

Таким образом, в число признаков качественных прилагательных, нерелевантных для *патриотичный*, попадает только два: непроизводность и образование форм субъективной оценки с суффиксами типа *-еньк-*. Напомним, что для того, чтобы признать прилагательное качественным, достаточно только одного признака, а прилагательное *патриотичный*, как видим, реализует 6.

В свою очередь, прилагательное *патриотический* – относительное. Как утверждается в «Русской грамматике – 1980»: «Относительные прилагательные называют признак через отношение к предмету или к другому признаку: мотивирующей основой обозначается тот предмет или признак, через отношение к которому представлено данное свойство: *деревянный, стальной, летний, купальный, вчерашний*. Характер выражаемых отношений очень разнообразен: это может быть обозначение признака по материалу (*деревянный, металлический*), по принадлежности (притяжательные прилагательные: *отцов, рыбий, сестрин, мужнин, мой*), по назначению (*детская книга, школьные пособия*), по свойственности (*осенние дожди, вечерняя прохлада*). Относительные прилагательные называют признак, который не может проявляться с разной степенью интенсивности» [16, с. 542].

Семантика прилагательного *патриотический* – ‘имеющий какое-либо отношение к патриотизму (свойственный / присущий патриотизму, характерный для патриотизма, проникнутый патриотизмом, выражающий чувство патриотизма и пр.)’: *патриотическое содержание* = *проникнутое патриотизмом содержание*, – или ‘имеющий отношение к патриоту’: *патриотические чувства* = *чувства патриота*. Ср., например: Для *патриотической оппозиции* представляет серьёзную проблему чётко определить отношение к нынешнему, антинародному, по своей сути, государству [НКРЯ – Андрей Андреев. Будущее принадлежит нам! // «Завтра», 2003.08.22]; Во время войны образ Деда Мороза широко использовался в целях *патриотической пропаганды*: «Новогодняя открытка к 1942 году изображает Деда Мороза, изгоняющего фашистов» [НКРЯ – Елена Душечкина. Дед Мороз и Снегурочка // «Отечественные записки», 2003]; *Тематика концерта* в определённом смысле была для русских *патриотическая* – Александр Невский, знаменитый военачальник и защитник Древней Руси [НКРЯ – И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)].

Не случайно и сложные производные прилагательные на базе *патриотический* выполняют функцию конкретизации общего смысла, и их семантика тяготеет к терминологичности. Например, прилагательное *военно-патриотический* ‘связанный с воспитанием чувства гордости за героическое военное прошлое страны и с подготовкой к воинской службе’ [5]: Не менее важным элементом в *военно-патриотическом* воспитании нации стали обращения к героическим страницам древней истории, наряду с недвусмысленно возрастающей ролью традиционной индуистской религии [НКРЯ – Станислав Турецкий. Индия морально готова к войне // «Вечерняя Москва», 2002.02.07]. – Употребление данного прилагательного возможно только в составных терминологических наименованиях учреждений, политических сил, общественных явлений и пр.

Аналогично прилагательное *национально-патриотический*: Да, это важное дело, но лишь в той степени, в какой даёт нам время и возможность для накопления сил и всё более полного завоевания тех местных и региональных структур, которые приблизят нас к главной цели: победе на выборах президента Российской Федерации и формированию нашего *национально-патриотического* правительства [НКРЯ — Владимир Федоткин. Власть и оппозиция

// «Советская Россия», 2003.07.03], – Для такого прилагательного вообще характерно терминологизованное употребление в общественно-политической лексике (обозначает приверженность к идеологии консерватизма, с позиции либеральных сил, употребляется как контекстуальный антоним для общественно-политических лексем *либеральный* или даже *демократический*).

Таким образом, несмотря на то что прилагательные *патриотический* и *патриотичный* имеют существенный общий блок значений и в ряде контекстов взаимозаменяемы: *патриотический поступок* = *патриотичный поступок*, существенным обстоятельством, важным для языковой экспликации концепта ПАТРИОТИЗМ, является возможность тонкого семантического и функционального различения прилагательных *патриотический* и *патриотичный*.

Это проявляется в их различной сочетаемости. Так, например, прилагательное *патриотичный* может определять одушевленное лицо, человека, а *патриотический* – нет: *В Корее живут невероятно патриотичные люди, с которыми об их родине лучше не шутить* [НКРЯ – коллективный. Чон больше, чем любовь // «Русский репортер», 2013], – нельзя **патриотические люди*. Ср. также – в контекстах иронического употребления: – *А что, – спросила я у Володи, – повёз бы ты иностранца без пропуска в секретный город за 150 тысяч?* // – *Нет, – твёрдо ответил мне патриотичный водитель. – За 150 ни в жизнь не повезу* [НКРЯ – Екатерина Костилова. Наша бронелодка стоит на запасном пути // «Столица», 1997.05.27].

С другой стороны, прилагательное *патриотический*, в отличие от *патриотичный*, часто тяготеет к сочетанию с отвлеченными, абстрактными существительными (*движение, направление* и под.): *Но приоритетным направлением для нас всегда было патриотическое воспитание* [НКРЯ – Светлана Беллендир. Уфа - Луганск. Дорога дружбы // «Бельские просторы», 2018], – нельзя **патриотичное воспитание*. Чувство, например, может быть *патриотическим*, но не **патриотичным*: *Советский народ не потерял этого, не даст ослабить патриотическое чувство независимости, чувство любви к Советской стране* [НКРЯ – Алексей Голицын. Последыши эстетства и их космополитические уши. Протокол одного собрания // «Волга», 2016].

Также эти прилагательные несколько отличаются стилистически. Прилагательные на *-ическ-* обычно имеют более высокий стилистический регистр, ориентированы на книжно-возвышенную речь, даже на употребление в терминосочетаниях. Поэтому для обозначения, к примеру, общественно-политических сил в идеологическом дискурсе или в официальной речи нормально употребить, например, **патриотический**: *Победу одержал лидер правящей партии «Зимбабвийский африканский национальный союз – Патриотический фронт» Эммерсон Мнангагва.* [НКРЯ – Новый президент Зимбабве приведен к присяге // Коммерсант, 2018.08], – но нельзя* *патриотичный фронт*. Аналогично: *«Принятие закона об установлении памятной даты города Москвы – ещё одна страница в нашей патриотической программе* [НКРЯ – В столице будут отмечать День Московского народного ополчения // Парламентская газета, 2021.09], – нельзя* *патриотичной программе*.

Прилагательные на *-ичн-* тяготеют к нейтральному стилю, к обыденным контекстам употребления. Поэтому в обыденной коммуникации, особенно в контекстах иронического употребления или в моделях «языковой игры», используется, скорее, **патриотичный**: *Третий бунтарь, с патриотичной щекой в красном, голубом и белом разводах, облизывал тумбу слюнявой кистью и жаловал дебелой – цельные экипировки, впрочем – до последней виньетки те же, что содранные, но за свежие платы, и особенные – за деловитость исполнения* [НКРЯ – Ю. М. Кокошко. Дорога, подписанные шаги и голоса // «Уральская новь», 2004]; *А еду сейчас к тебе на патриотичном «Москвиче», свою телегу оставил рядом с новостройкой* [НКРЯ – Н. Леонов, А. Макеев. Эхо дефолта (2000-2004)], – нельзя* *патриотическая щека, *патриотический «Москвич»*.

В целом проведенное исследование продемонстрировало, что с точки зрения особенностей репрезентации признаковой составляющей концепта ПАТРИОТИЗМ прилагательные **патриотичный** и **патриотический** воплощают концептуально различные типы свойств, атрибутов патриотизма. **Патриотичный** выражает градуируемый признак патриотизма, имманентно присущий лицу или предмету, при этом определяемый этим признаком предмет может быть конкретным, мыслиться как живое существо, вещь, вещество. **Патриотический** выражает неградуируемый признак патриотизма

через отношение к другому абстрактному понятию, опредмеченному отвлеченному свойству, состоянию или действию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика: Сб. науч. статей. – М.: Наука, 1986. – Вып. 28. – С. 5–33.
2. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Языки русской культуры, 1997. – 574 с.
3. Вишнякова О. В. Словарь паронимов русского языка. – М.: Русский язык, 1984. – 352 с.
4. Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы): монография. – М.: Издательство Российского Университета дружбы народов, 1997. – 331 с.
5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 3-х т. – М.: Русский язык, 2000. — Т. II. – 1088 с.
6. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. науч. трудов / ВГПУ. – Волгоград: Перемена, 2001. – С. 3-16.
7. Наговицына Н. В. Особенности языкового воплощения концепта «патриотизм» в современном русском языке: синтагматический, парадигматический и деривационный аспекты // Русский язык в поликультурном мире: II Международный симпозиум (8-12 июня 2018 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко: Сб. науч. статей. В 2-х т. – Том 2. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 270-277.
8. Наговицына Н. В. Словообразовательное гнездо с вершиной *патриот* в языковой объективации концепта «патриотизм» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2019. – № 2. – С. 192-195.
9. Наговицына Н. В. Дериваты лексемы *патриотизм* как выразители оценочного потенциала одноименного концепта // Национальные коды в языке и литературе. Язык как культурно-историческое достояние народа: Сборник статей. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. – С. 98-104.
10. Радбиль Т. Б. Концепт *игры* в аномальном художественном дискурсе // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2006. – С. 308-316.
11. Радбиль Т. Б. Прагматические аномалии в среде языковых аномалий русской речи // Русский язык в научном освещении. – 2006. – №2 (12). – С. 56-79.
12. Радбиль Т. Б. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 6. – Ч. 2. – С. 569-573.
13. Радбиль Т. Б. «Прецедентные имена» как элементы «языка культуры» // Ономастика Поволжья: Материалы XV Международной научной конференции (Арзамас, 13–16 сентября 2016 г.) / Под ред. Л. А. Климковой, В. И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас – Саров: Интерконтакт, 2016. — С. 49-54.
13. Радбиль Т. Б. Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2017. – Т. 13. – С. 107-115.

14. Радбиль Т. Б., Рацибурская Л. В. Палоши И. В. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект // Научный диалог. – 2021. – № 1. – С. 63-79.
15. Русская грамматика: В 2 т. / Редкол. Н.Ю.Шведова (гл. ред) и др. – М.: Наука, 1980. – Т.1. – 783 с.
16. Словарь русского языка: В 4-х т. (МАС) / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985-1988. – Т. III. – 750 с.
17. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. (БАС). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1965. – Т. VIII. – 1959. – 1842 стлб.
18. Социокультурные и прагматические аспекты современных словообразовательных процессов: коллективная монография / под ред. Л.В. Рацибурской. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. – 232 с.
19. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка в двух томах: Ок 145000 слов: В 2-х т. – М.: Русский язык, 1985. – Т 2. – 885 с.
20. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. (СУ) / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: «Терра», 1996. – Т. 3. – 1424 стлб.

АРЗАМАС КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН: СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ НАЗВАНИЯ ГОРОДА В СВЕТЕ КОРПУСНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Тимур Беньюминович Радбиль

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики
Россия, г. Нижний Новгород; e-mail: timur@radbil.ru*

В работе рассматриваются возможности символизации названия города Арзамас в роли «прецедентного феномена», актуализуемые в дискурсах разного типа. Материалом для исследования являются контексты, извлеченные методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка. Использована авторская технология корпусного лингвокультурологического исследования непрямых, интенциональных репрезентативных контекстов употребления лексем Арзамас и арзамасский в режиме вторичного означивания. Рассматриваются явления апеллативизации онима, его метафорические употребления, модели «языковой игры», а также вхождения в устойчивые фразеологические и паремнологические выражения. Делается вывод о повышенной культурной значимости прецедентного феномена Арзамас в русской языковой картине мира, его существенного семантического и экспрессивного потенциала, его богатых возможностей выразить важные для русского мира ценностные смыслы.

Ключевые слова: оним Арзамас; прилагательное Арзамасский; корпусные лингвокультурологические исследования; прецедентные феномены; «язык ценностей»; апеллативизация онима; русская языковая картина мира

В работе на новом, краеведческом материале развиваются идеи, высказанные нами ранее, в статье «Прецедентные имена» как элементы “языка культуры”», в которой рассматривались возможности личных имен выступать в качестве знаков и символов культуры. Мы постулировали, что одним из путей культурной апроприации собственного имени является его использование в качестве «прецедентного феномена», когда оно приобретает несвойственные ему в стандартном употреблении номинативные и экспрессивные свойства [9, с. 49]. В настоящем исследовании мы рассмотрим возможности символизации названия города в роли «прецедентного феномена», актуализуемые в дискурсах разного типа. И город этот называется Арзамас.

Научное понятие «прецедентные феномены» восходит к понятию «прецедентные тексты», введенному Ю.Н. Карауловым [3, с. 216]. Развитие теории «прецедентности» привело к тому, что лингвисты стали говорить именно о «прецедентных феноменах» как о любых явлениях знаковой природы, имеющих потенциал закрепиться в языковом сознании общества и постоянно ретранслироваться в дискурсе в режиме вторичного означивания, выражая значимую для носителей языка информацию, не совпадающую с семантикой первоисточника [5, с. 50-51]. Благодаря этому свойству они становятся феноменами не только языка, но и сознания, культуры и поведения [4; 9;]. Значительными возможностями в этом плане обладают онимы, в частности названия городов. При определенных условиях они способны выступать в качестве носителей культурно значимой информации, т.е. приобретают символические свойства. Это делает собственные имена, в том числе и географические наименования, важными механизмами языковой концептуализации мира [1], а значит, напрямую вводит в сферу интереса современной лингвокультурологии [2].

Эти особенности онимов давно востребованы в культурной традиции и задействуются в художественном творчестве, в религиозном и публицистическом дискурсе, в науке, в рекламе и т.д. См., например, пространный контекст из Национального корпуса русского языка, в котором в «наивной модели мира» [1; 11] жители определенной местности связываются с определенными качествами: *Люди видят в своих земляках такие качества, как эгоизм, «жлобство», трудолюбие и сообразительность (Новохопёрск, Бо-*

рисоглебск), коллективизм, агрессивность, нахрапистость, дерзость и угрюмость (Тамбов), склонность к пьянству (Мичуринск), любопытство, завистливость, терпеливость и пьянство (Богородицк), замкнутость, завистливость, злопамятство (Нижний Ломов), сердобольность (Сердобск), мягкость, доброту (Моршанск, Балашов), доброжелательность и завистливость (Плавск), предприимчивость, прижимистость, открытость, лень и доброту (Новомосковск, Тула), прагматичность («куркули»), доброжелательность, любовь к сплетням (Арзамас, Муром), доброту и инертность (Кострома), суетливость, беспокойность и трудолюбие (Галич) [М. П. Крылов. Региональная идентичность населения европейской России (2008) // «Вестник РАН», 2009]

Парадигма отечественного лингвокультурологического направления в гуманитарном знании в наши дни существенно расширяет научный инструментарий, исследуя, к примеру, языковые аномалии [6; 7], активные процессы в языке [10;11], а благодаря развитию контент-аналитических и корпусных технологий, напрямую выходит на проблему количественного исчисления «языка ценностей» [8; 9] и пр. Последнее основано на выявлении так называемых репрезентативных контекстов, которые, извлекаясь из больших массивов языковых данных, позволяют обнаружить в единице языка наличие некоего регулярно воспроизводимого скрытого смысла оценочной природы, не выявляемого при ее обычном использовании в единичном коммуникативном акте или тексте [8, с. 569–570].

Указанная выше корпусная технология была использована и в настоящем исследовании. Материалом для исследования являются контексты, извлеченные методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка. На предварительном этапе анализа все выбранные контексты употребления слова *Арзамас* были подвергнуты определенной селекции. Из сферы исследования были исключены прямые номинации, так называемые «экстенциональные контексты» [1; 11], типа *Я вчера приехал в Арзамас*, собственные наименования – эргонимы типа *кафе «Арзамас»*, в том числе онимы, относящиеся к деятельности известного литературного общества начала XIX в. «Арзамас». Мы сфокусировали наше внимание, только на таких репрезентативных контекстах, в которых *Арзамас*

попадает в область символической переинтерпретации, в том числе в поле оценочности, позитивной или негативной.

Примером таких контекстов могут выступать модели атрибутивной сочетаемости (какой Арзамас?): Таким образом, по-видимому, тебе, мама, придется остаться в **проклятом Арзамасе** [Александр Гнедин. Письма (1939-1941)]; *Туркестан караваном ваты // Посетил глухой Арзамас* [Н. А. Клюев. «Зурна на зырянской свадьбе...» (1921)]. – Нетрудно усмотреть в этих примерах наличие негативной оценочности, которая имплицитруется в ониме Арзамас атрибутивной сочетаемостью с качественным прилагательным. Такие контексты мы называем «эмпатийными», потому что в них выражается личная оценочная позиция говорящего по поводу каких-то его собственных впечатлений, связанных с этим городом, но не его объективная характеристика.

В поэтическом дискурсе имеются прямо противоположные примеры «эмпатийных контекстов», в которых атрибутивная сочетаемость имплицитует положительно-окрашенное представление об Арзамасе как о символе недостижимого идеала, «града небесного», земли обетованной: *Не ждали мы девических проказ, // И даже ты переступила меру: // К безвестному бежала офицеру // В неведомый небесный Арзамас!* [В. Ф. Перелешин. Комета Когутека : «Твой след простыл, и шлейф уже погас...» (17.01.1974)]

Представление о недостижимой дали, к которой стремится душа, выражено в следующем поэтическом фрагменте: *Но глаз, глядящий в дальний Арзамас, // заплыл слезою* [Н. Е. Горбаневская. «Ничто не повторится. Никогда...» (1993)].

Именно поэтому и в репрезентативных контекстах другого типа, так называемых «расшифровочно-характеризующих», т.е. в контекстах, выступающих как развернутые логические предикаты по отношению к субъекту мысли Арзамасу, наводится как положительная, так и отрицательная оценочность.

Так, положительная оценка Арзамаса как символа святости, причем именно русской святости, наводится в следующем примере: *Арзамас как точка священной географии Руси* появляется у Клюева довольно часто, как, между прочим, и Саров (Арзамасского уезда), и Афон [Владимир Карпец. От отроков Маковицких (2004) // «Наш современник», 15.10.2004]. – Здесь Арзамас – не просто город, но воплощение средоточия русской духовности.

Арзамас как собирательный образ подлинно русского творческого начала, как изделия русских мастеров имплицитно в следующем метафорическом уподоблении: *Я помню Арзамас с плетеными корзинами румяных крепких яблок и таким обилием похожих на эти яблоки, таких же румяных куполов, что казалось, этот город был вышит в золотошвейной мастерской руками искусных мастериц* [К. Г. Паустовский. Повесть о жизни. Беспокойная юность (1954)].

В поэтическом дискурсе Арзамас часто употребляется в развернутых пространственных метафорах как воплощение необъятности русских просторов, подлежащих духовному освоению: *Наследники Батя и Мама, // Командовать мы приучили глаз // И, площади за степи принимая, // Хотим глядеть из Тулы в Арзамас* [А. К. Толстой. Портрет : «Воспоминаний рой, как мошек туча...» (11.1872-10.1873)]; *Между Муромом и Арзамасом, // Гордо глядя в лицо автотрассам, // Золотятся церковные луковицы, // Храмы древние вновь штукатуруются* [Л. Н. Мартынов. Двенадцатое колено : «О Былое / Равнина ты ровная...» (1967)]. – В последнем примере также Арзамас участвует и в построении собирательного образа истинной традиционной Руси, Руси православной, которому противопоставлен символ механистического, вещного прогресса, лишённого духовности.

Негативная оценочность по отношению к Арзамасу связана, как правило, с его восприятием как символа глухой провинции, отсталости, удаленности от силовых линий цивилизации: *Вот почему «Сарова больше нет», а город Арзамас кажется просто окраиной чего-то...* [протоиерей Георгий Чистяков. В поисках Вечного Града (1999)]; *И мне обидно стало, что Арзамас такой плохой город, что в нем ничего не слышно про революционеров* [А. П. Гайдар. Школа (1929)].

Негативная оценка имплицитно выражается в такой разновидности «расшифровочно-характеризующих» контекстов, как контексты сопоставления: *Описал бы бой, атаку или какие-нибудь героические подвиги, а то прочтешь письмо, и остается впечатление, что будто бы скука на этом фронте хуже, чем в Арзамасе грязной осенью* [А. П. Гайдар. Школа (1929)]; *Мама, уже больше года как я не был дома, в Арзамасе, и как бы мне не был противен*

этот город, но сейчас бы я в нем побывал с удовольствием [Александр Гнедин. Письма (1939-1941)].

На этом фоне вполне понятно появления контекстов, где Арзамас вообще утрачивает исходную семантику обозначения города – ее полностью вытесняет образно-символическое значение чего-то местечкового, ограниченного: ... *трудно критику судить-рядить о литературе, предполагая, что вся она сосредоточена на территориальном пятчке нашего арзамаса, а за его пределами хоть шаром покати, ничего нет, сплошная terra incognita* [Владимир Соловьев. Три еврея, или Утешение в слезах. Роман с эпиграфами (1975-1998)]. – Здесь оним переходит в апеллатив (*арзамас* – со строчной буквы неслучайно), *арзамас* – нарицательное обозначение недостаточной осведомленности, отсутствия широты взгляда.

Апеллативизация онима не обязательно связана с негативно-оценочным переосмыслением. В следующем примере нарицательное *арзамас*, наряду с другими апеллативами-городами, символизирует недостижимый дальний край, в том числе и в духовном измерении, то есть надежду на будущее: ... *сущие дети они // ладони в цыпках // заусеницы ссадины шрамы // гусеничные следы // колени да локти в зеленке // под ногтями — воронез тамбов // пенза или зола арзамаса // там я не был но все поправимо // буду быть может // еще не вечер* [В. Б. Кривулин. Сущие дети : «сущие дети они...» (2000)].

Более высокая степень символической насыщенности прецедентного онима – названия города, которая приводит к его максимальной культурной нагруженности, на наш взгляд, проявляется в случаях, когда оним становится компонентом фразеологизма, пословицы или поговорки, типа *Язык до Киева доведет*. Прецедентный оним *Арзамас* также входит в контексты устойчивых воспроизводимых выражений как знаков «языка культуры»: *Вижу, что одна нога короче другой, вижу, что «один глаз на вас, а другой на Арзамас», — а все равно люблю.... потому что другой нет!* [В. Ф. Кормер. Крот истории или революция в республике S=F (1979)].

Культурная емкость подобных устойчивых паремиологических выражений подтверждается их активным вхождением в дискурсы разного типа, например, в поэтический, в котором она обыгрывается и расширяет свое исходное значение: *Глаза косых, со-*

гласно поговорке, // *На Арзамас глядят — и на Кавказ* // [В. Ф. Перелешин. Глаза: «Глаза косых, согласно поговорке...» (17.10.1972)].

В узусе эта поговорка иносказательно выражает идею косоглазия. Но она может иронически трансформироваться применительно к обозначению совершенно другой ситуации: *Не очень-то привлекательными выглядят позы некоторых девиц, когда они, мужеподобно развалясь на стуле, располагают колени по линии, как говорится, одно на нас, другое в Арзамас...* [Л. А. Кассиль. Дело вкуса (1964)].

Таким образом, оним *Арзамас* становится значимым и востребованным в речевой практике носителей русского языка культурным символом. Его активность в русском языковом сознании подтверждает, например, обнаруженный нами репрезентативный контекст, где лексема *арзамас* используется в перифрастической замене неприличного слова в известном нецензурном рифмованном речении в рамках речевой стратегии эвфемизации: «*Один раз — не арзамас*», — говорила тетя Ира, когда подруги начинали осуждать ее за очередную измену мужу [Юрий Буйда. Йолотистое мое йолото // «Октябрь», 2013].

Также аргументом в пользу культурной значимости символического наименования *Арзамас*, на наш взгляд, может служить его употребление в метаязыковой функции в моделях «языковой игры», где, с использованием приема паронимической аттракции, шутивно обыгрывается именно звуковой состав лексемы: Ещё путаю: *Ростана и Расина, Бутан и Бенин, Арзамас и Армавир* [Н. С. Работнов. Дневник (1981)].

«Культурная разработанность» того или иного концепта, о которой говорится в работах А. Вежбицкой [2], выражается, в числе других факторов, активностью дериватов – производных слов. Исходя из этого, на следующем этапе нашего исследования мы выделили вхождения в корпус прилагательного *арзамасский*. В соответствии с принятой методикой, мы исключили прямые, «экстенциональные» контексты типа *арзамасские девушки*, вводя в рассмотрение только контексты вторичного, непрямого означивания.

Вот пример подобного образно-символического употребления: *Я долго занимался пограничными (арзамасскими) стереометриями и теперь продолжаю их разбирать. Арзамас и Саров друг от друга в семидесяти верстах. Здесь отметились многие, в*

том числе оба моих московских сочинителя, Пушкин и Толстой. Интереснейшее место: ментальный обрыв, «балкон» — здесь **московская бумажная плоскость висит над древним морем мордвы** [Андрей Балдин. Московские праздные дни (1997)]. — Здесь семантически емкое сочетание *пограничные арзамасские стереометрии* в конденсированном виде метафорически передает идею границы между русской культурой, русским миром и чуждым, неосвоенным, «неокультуренным» неоформленным пространством иных народов, своего рода форпоста русской цивилизации (аналог североамериканского понятия «фронтир» эпохи освоения Америки колонизаторами).

Однако максимумом символической значимости прилагательное *арзамасский* обладает в устойчивом фразеологизованном прецедентном выражении **«арзамасский ужас»** / **«арзамасский страх»**, которые вошло в культурный обиход благодаря произведению Л.Н. Толстого «Исповедь»: ... и я бы вспомнил здесь рядом с паническим ужасом еще один текст Льва Толстого («Исповедь»), где он описывает **переживания в Арзамасе**: понятие это так и осталось в литературе как **«арзамасский ужас»**. Это очень сильный текст, где Толстой неожиданно и беспричинно переживает само бытие как источник ужаса, бессмысленное, обреченное на смерть, но очень мощно наличествующее бытие [А. Л. Доброхотов. Елена и Фауст (2011)]

За прецедентным выражением **«арзамасский ужас»** не только в русской, но и в мировой культуре закрепилось представление об экзистенциальном страхе смерти, который приводит к острому и трагичному ощущению бессмысленности существования: *В ту известную нам всем ночь его «арзамасского страха» он записывает в дневнике: «Ничего нет в жизни, есть только смерть, а ее не должно быть»* [В. Д. Пришвина. Невидимый град (1962)]; *Это одна из его [Толстого – Т.Р.] неотступных дум: фундаментальнейшее переживание (в пределе «арзамасский ужас»), определяющее все остальное* [Игорь Волгин. Уйти ото всех. Лев Толстой как русский скиталец // «Октябрь», 2010]; *В этом чувстве — истоки метаний Паскаля, «арзамасского страха» Толстого, философии абсурда Камю* [Андрей Козырев. Введение в систему Джордано Бруно // «Менестрель», 2014].

В нашей концепции культурного освоения прецедентных феноменов максимум прецедентности, а значит – культурной нагруженности прецедентного феномена проявляется при возможности его трансформации в дискурсе. Именно в этом случае максимально задействуется «культурный фон» данного выражения, потому что активизируются фоновые знания адресата [9, с. 52]. Низший уровень трансформации – формальная перестройка устойчивого выражения, как в следующем репрезентативном контексте: *Лев Толстой, например, его знаменитое арзамасское чудо — 53 или 56 лет ему было, когда его взяло за шкуру, потрянуло, и он понял, что он, оказывается, должен быть не только писателем, но еще и философом, и строить мировоззрение, и читать Евангелие* [Юлия Капишникова. Львиный зев // «Пятое измерение», 2002]. – Нетрудно видеть, что замена ужас на чудо не разрушает полностью исходный пратекст, но обогащает его новыми культурно значимыми смыслами. Здесь негативное чувство страха переосмысливается в позитивном ключе, как переломная точка духовного перерождения человека, как толчок к переосмыслению жизненного пути.

Более высокий уровень трансформации, значимый в плане «культурной разработанности» – это трансформация прагматическая, когда формально не изменившееся выражение употребляется в других коммуникативных условиях, применяется к ситуации, изначально не связанной с исходной: *Я смотрел киножурналы с ужасающими кадрами немецких зверств и не боялся, зная, что мы все равно побьем немцев, но испытал истинный, «арзамасский» страх — не смерти, а смертности, прочитав в дореволюционной (изд-во «Задруга») книжке по астрономии, что через миллиарды лет солнце погаснет и земля остынет* [Омри Ронен. Миф // «Звезда», 2003].

В таких случаях речь идет о семантическом расширении исходного выражения, которое обогащает его выразительные возможности и увеличивает сферы его возможного применения: *Арзамасский ужас — это древний ужас Запада перед Востоком, некогда испытанный Ягайло перед Куликовым полем* [Рустам Рахматуллин. К метафизике русского юга // «Октябрь», 2005]. – Именно в этом и состоит подлинный символический потенциал подобных конструкций как знак их существенной культурной нагруженности в речевой практике носителей языка и, соответственно, в их языковом сознании.

В целом проанализированный корпусный языковой материал является объективным свидетельством повышенной культурной значимости прецедентного феномена *Арзамас* в русской языковой картине мира, его существенного семантического и экспрессивного потенциала, его богатых возможностей выражать важные для русского мира ценностные смыслы. Это в полной мере доказывают факты самых разнообразных употреблений этого онима в неэкстенсиональных, в том числе апеллятивных контекстах, в моделях вторичного символического означивания и метафорической номинации, а также его вхождения в состав устойчивых фразеологических и паремиологических конструкций, воспроизводимых в дискурсивных практиках носителей русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ.; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
4. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Прецедентный текст как редуцированный дискурс // Язык как творчество. К 70-летию В.П. Григорьева: Сб. научн. трудов. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1996. – С. 297–302.
5. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
6. Радбиль Т. Б. Концепт *игры* в аномальном художественном дискурсе // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2006. – С. 308–316.
7. Радбиль Т. Б. Прагматические аномалии в среде языковых аномалий русской речи // Русский язык в научном освещении. – 2006. – №2 (12). – С. 56–79.
8. Радбиль Т. Б. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 6. – Ч. 2. – С. 569–573.
9. Радбиль Т. Б. «Прецедентные имена» как элементы «языка культуры» // Ономастика Поволжья: Материалы XV Международной научной конференции (Арзамас, 13–16 сентября 2016 г.) / Под ред. Л. А. Климковой, В. И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас – Саров: Интерконтакт, 2016. – С. 49–54.
10. Радбиль Т. Б., Рацибурская Л. В. Палоши И. В. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект // Научный диалог. – 2021. – № 1. – С. 63–79.
11. Социокультурные и прагматические аспекты современных словообразовательных процессов: коллективная монография / под ред. Л.В. Рацибурской. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. – 232 с.

ДИЛОГИЯ «В ЛЕСАХ» И «НА ГОРАХ» П.И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО КАК СРЕДСТВО ПРИОБЩЕНИЯ К РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

*Елена Александровна Сорокина¹,
Ольга Валентиновна Никифорова²*

¹*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, студент
Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: elenasorokina235@gmail.com*

²*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, к.филол.н., доцент, декан историко-филологического факультета
Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: snegaovnik@rambler.ru*

В статье рассматриваются примеры использования диалогии П.И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» на уроках русского языка и литературы в старших классах.

Ключевые слова: П.И. Мельников-Печерский; урок русского языка; урок литературы

Федеральный базисный учебный план для 10-11 классов, помимо федерального компонента и компонента образовательного учреждения, предполагает использование в школьном образовании регионального (национально-регионального) компонента. Он направлен на формирование у учащихся представления о своеобразии региональной культуры, а также на приобщение к культурным ценностям через изучение родного языка, литературы, истории, краеведения.

Одним из писателей Нижегородской области, с которым необходимо познакомить старшеклассников, является П.И. Мельников-Печерский. Павел Иванович – выдающийся писатель-реалист, фольклорист, этнограф, археолог, публицист. Являясь коренным нижегородцем, с молодости он изучал край, побывал во многих деревнях и селах, собирая информацию о жителях и их быте. П.И. Мельников-Печерский внес огромный вклад в фольклористику, поскольку не просто собирал материал, а еще пояснял, давал наглядное представление «жизни» языковых единиц и явлений. Он помогал В.И. Далю в составлении «Толкового словаря живого великорусского языка» и «Пословиц русского народа». Вместе с В.И. Далем и А.С. Гациским Павел Иванович входит в «знаменитую триоцию «богатырей» нижегородского народоведения» [2; с. 91].

Дилогия «В лесах» и «На горах» П.И. Мельникова-Печерского – это «огромное художественное полотно общерусского масштаба», созданное благодаря собиранию и изучению писателем нижегородских материалов [3; с. 5]. Несмотря на то, что основным местом действия произведения является Нижегородский край, который к середине XIX века стал торгово-промышленным и культурным центром, писатель стремился показать в романах судьбу всего государства в переломный момент ее развития. Рассказы и очерки писателя о жизни на Волге, печатавшиеся в «Русском вестнике», сложились в крупное эпическое полотно – в роман «В лесах», который потом получил и продолжение под названием «На горах».

Особую актуальность использование художественного текста как дидактического материала получает в 10-11 классах, поскольку в старшей школе русский язык изучается в тесной взаимосвязи с литературой.

Работа с дилогией П.И. Мельникова-Печерского на уроках русского языка и литературы способствует формированию у школьников культуроведческой компетенции, предполагающей знания о языке и культуре в их взаимосвязи, об отражении в языковом материале традиций народа, национального характера и менталитета.

Народнопоэтическая основа «В лесах» и «На горах» позволяет познакомить учеников с пословицами и поговорками, а также с историческими преданиями (о «невидимом граде Китеже на озере Светлом Яре», «Батыевом разорении» и др.), с помощью которых старшеклассники вслед за автором дилогии смогут оценить и сравнить старое общество и новое, проследить изменения в жизни людей. Немаловажно на уроке литературы акцентировать внимание учеников на смысле названий частей дилогии: «мир лесов» – прошлое, а «мир гор» – настоящее? [1; с. 15] Необходимо показать старшеклассникам, что в центре внимания П.И. Мельникова-Печерского стоят не столько религиозные проблемы, сколько вопросы судьбы русского народа и экономического развития страны. Двойственность национальной жизни порождает душевный разлад старообрядцев, которые для писателя являются воплощением патриархального мира. Следует проанализировать с учениками и авторскую позицию – П.И. Мельников-Печерский стремится раскрыть

как достоинства, так и недостатки старообрядчества, но на примере положительных героев писатель выражает мысль о сохранении традиций, ценностей народа и предостерегает о возможной потере духовности.

Основной современного образования является инновационно-деятельностная парадигма («учить учиться»), образовательный процесс представляет собой познавательную деятельность по той или иной дисциплине. Исследовательская и проектная деятельность предполагает личностно-ориентированное обучение, развивает у учеников логическое мышление, творческие способности, умение работать во взаимодействии с учителем или в группе, умение выступать на публике. В качестве тем для исследовательских проектов по литературе школьникам можно предложить следующие:

«“Мир лесов” и “мир гор”: связь прошлого и настоящего (на материале диалогии П.И. Мельникова-Печерского “В лесах” и “На горах”»);

«Тема старообрядчества в диалогии П.И. Мельникова-Печерского “В лесах” и “На горах”»;

«Одежда как «иллюстрация» внутреннего мира старообрядцев в диалогии П.И. Мельникова-Печерского “В лесах” и “На горах”»;

«Никита-репорез, Кузьма-Демьян, Евдокия-плющиха: праздники в диалогии П.И. Мельникова-Печерского “В лесах” и “На горах”»;

«Нравственные семейные устои в диалогии П.И. Мельникова-Печерского “В лесах” и “На горах”»;

«Образ женщины в диалогии П.И. Мельникова-Печерского “В лесах” и “На горах”»;

«Особенности портретных характеристик героев диалогии П.И. Мельникова-Печерского “В лесах” и “На горах”»;

«Пейзаж в диалогии П.И. Мельникова-Печерского “В лесах” и “На горах”»;

«“Снег полоть” и другие языковые особенности диалогии П.И. Мельникова-Печерского “В лесах” и “На горах”»;

«“На травке-муравке, рвите цветочки, пошли в хоровод!” – песня как душа народа в диалогии П.И. Мельникова-Печерского “В лесах” и “На горах”»;

«Не видать грешным людям славного Китежа», или Город-легенда в различных видах искусства (П.И. Мельников-Печерский, Н.А. Римский-Корсаков, М.В. Нестеров)).

С помощью дилогии «В лесах» и «На горах» можно вовлечь учеников и в практическую самостоятельную работу по изучению Нижегородской области. Данное произведение наполнено огромным количеством диалектизмов и афоризмов, значения которых школьникам непонятны. Задание от учителя может быть таковым: школьникам нужно обратиться за разъяснением слов и выражений к бабушкам и дедушкам, а на следующем занятии можно разделить класс на несколько групп, чтобы классифицировать диалектизмы на фонетические, лексические, словообразовательные и морфологические и определить, какие диалектизмы преобладают в дилогии и с чем это связано.

Таблица

Примерный ответ ученика

Фонетические диалектизмы	Лексические диалектизмы
<p>Мамынька – «маменька» («Пусти нас, мамынька, с девицами снежок пополють», – просилась меньшая дочь у Аксины Захаровны.) Сумнение – «сомнение» (А что есть у иных сумнение, так это правда, точно есть.)</p>	<p>Помочь – «угощение за работу» (...кто полагал, не будет ли у него в тот день какой-нибудь «помочи».) Витаться – «здороваться, подавая друг другу руку» («Гостя московского, распевалу», – отвечал Родион, слезая с козел и витаясь с Дементием.) Дубец – «розга» («А вот я тебя дубцом!...»)</p>
Словообразовательные диалектизмы	Морфологические диалектизмы
<p>Откудова – «откуда» (Откудова это такие деньги взяли у него?) Завсегда – «всегда» (Не знаешь ты, что одна только ты завсегда во всех моих помышлениях...) Отецкий – «отцовский» (Старый отецкий устав не смей нарушать – исстари так дедами-прадедами уложено и навеки ими установлено.) Бычачий – «бычий» (Пили чай с изюмом, потому что сочельник, а сахар скоромен: в него-де кровь бычачью кладут.)</p>	<p>Рублев – «рублей» («Восемьсот рублев на серебро», – отвечал Петр Степаныч.) На церкву – «на церковь» (...на церкву божию вклады не пожалей...) Со льду – «со льда» Был распотевши – «вспотел» («Кваску чрез меру испил... – молвил казначей. – Холодный, прямо со льду, а я был распотевши».) В городу – «в городе» (У меня в городе дом есть на примете, хороший, поместительный; надо его купить да убрать как следует...)</p>

Несомненно, работа на уроках русского языка направлена и на подготовку учеников к Единому государственному экзамену. Так, совершенствование орфографических умений учеников старших классов опирается на условия обобщения и систематизации материала. На проверку орфографических навыков в тестовой части ЕГЭ направлены задания 9-15. Ученикам можно предложить следующий комплекс упражнений по орфографии в формате ЕГЭ с реализацией текстоцентрического подхода, а именно – с использованием дилогии П.И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» [4].

Задание 9. Укажите варианты ответов, в которых во всех словах одного ряда содержится безударная проверяемая гласная корня. Запишите номера ответов.

- 1) голова, разгораться, шестой
- 2) искоса, деревья, прокатиться
- 3) предложение, городишко, склоняясь
- 4) болото, шоссе, плечо
- 5) косички, приходиться, насмехаться

Задание 10. Укажите варианты ответов, в которых во всех словах одного ряда пропущена одна и та же буква. Запишите номера ответов.

- 1) пр...бежали, пр...мудрый, пр...доставив
- 2) в...глянуть, ра...горалось, бе...звучно
- 3) раз...яснить, об...явить, из...ян
- 4) пр...дедушка, п...молчать, от...всюду
- 5) раз...скать, с...грать, до...скаться

Задание 11. Укажите варианты ответов, в которых в обоих словах одного ряда пропущена одна и та же буква. Запишите номера ответов.

- 1) прислуш...ваться, масл...це
- 2) наде...лся, врем...ни
- 3) ноч...вать, милост...во
- 4) порыв...стый, разносч...к
- 5) рыж...ватый, потч...вать

Задание 12. Укажите варианты ответов, в которых в обоих словах одного ряда пропущена одна и та же буква. Запишите номера ответов.

- 1) потуха...щий, (ягоды) поспе...т

2) не увид...т (она), (человек) поруга...тся

3) неслыш...мый, не расплат...шься

4) (он) обид...т, (она) пробира...тся

5) (колеса) кат...тся, шип...щий

Задание 13. Определите предложение, в котором НЕ с выделенным словом пишется **СЛИТНО**. Раскройте скобки и выпишите это слово.

За Волгой и у крестьян родовые прозвания ведутся и даже свои родословные есть, хотя ни в шестых, ни в других книгах они и (НЕ)ПИСАНЫ.

Поморщился Патап Максимыч, сунул тетрадку в карман и, ни слова (НЕ)СКАЗАВ дочерям, пошел в свою горницу.

Заехав в шумный (НЕ)ЗНАКОМЫЙ город, она как в лесу очутилась.

Настя с Парашей, воротясь к отцу, к матери, расположились в светлицах своих, а разукрасить их отец (НЕ)ПОСКУПИЛСЯ.

Посредине часовня стояла, вокруг нее кельи, совсем (НЕ)ПОХОЖИЕ на кельи Каменного Вражка и других чернораменских женских скитов.

Задание 14. Определите предложение, в котором оба выделенных слова пишутся **СЛИТНО**. Раскройте скобки и выпишите эти два слова.

А там, дальше, (В)ВЕРХ по реке, друг за дружкой медленно, (ЗА)ТО споро, двигаются кладнушки с покатыми шире бортов палубами, плоскодонные уемистые дощаники, крытые округлою палубой шитики, на ходу легче тех судов нет никакой посуды.

(ТАК)КАК Петр Степаныч еще не приискал, каким торговым делом заняться, то и отпустил в Москву своего приятеля Семена Петровича, наказав ему, (ЧТО)БЫ по весне он, оставив дела у Ермолая Васильича, приезжал к нему

По наслуху переходили они (В)ТЕЧЕНИЕ веков из одного поколения в другое, (НЕ)СМОТРЯ на запрещенья церковных пастырей творить языческие плачи над христианскими телами.

Только крыша виднелась (ИЗ)ЗА кустов, а окна совсем были закрыты вишневыми деревьями, (ОТ)ТОГО в комнатах даже и в летние дни был постоянный сумрак.

Невзрачная была та изба, сквозь прогнившую тесовую крышу текли ручьи, сама изба скривилась (НА)БОК, а ставней на окнах ДАВНЫМ(ДАВНО) уже не было.

Задание 15. Укажите все цифры, на месте которых пишется **НН**.

Из двадцати с лишком часовен и моле(1)ых только три уцелело после бывшего пожара, прочие, как вновь построенные(2)ые, остались запечата(3)ыми и через несколько времени земскою полицией были слома(4)ы.

Работа на уроках русского языка и литературы над диалогией П.И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» позволит старшеклассникам рассмотреть произведение с различных сторон: как идейное содержание и композиция раскрывают специфику языковой структуры художественного текста и как языковые средства, взаимодействуя друг с другом, создают языковую оболочку литературных образов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудряшов И.В. Русская литература в поисках духовной самоидентификации: национальная жизнь в изображении П.И. Мельникова-Печерского, Н.С. Лескова, В.Г. Короленко, Г.И. Успенского: специальность 10.01.01 «Русская литература»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Кудряшов Игорь Васильевич. – Волгоград, 2008. – 38 с.

2. Курдин Ю.А. Подвижники народоведения / Ю.А. Курдин // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 7-1(19). – С. 90-93.

3. Курдин Ю.А. Предвестник грядущей Руси (к юбилею П.И. Мельникова-Печерского) / Ю.А. Курдин, А.В. Пряников // Карповские чтения, Арзамас, 18–19 октября 2018 года / Ответственный редактор Ю.А. Курдин; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2018. – С. 3-6.

4. Мельников П.И. (Андрей Печерский). В лесах. На горах. / Печерский Андрей. – Минск: Мастацкая літаратура, 1986. – 1912 с.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ТОПОНИМИКА КАК ОСНОВА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЛОКАЛЬНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Ольга Васильевна Шаталова

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, д.филол.н., доцент,
профессор кафедры русского языка, методики его преподавания и документоведения,
Липецкая область, г. Елец; e-mail: shat_o_v@mail.ru*

В статье предлагается историко-лингвистический комментарий к некоторым региональным идиомам, этимологически связанным с топонимикой Липецкого края и обосновывается значимость изучения и сохранения региональной фразеосреды как компонента русской культуры.

Ключевые слова: топонимика; фразеология; Липецк; Романово; Сселки; Телелюй; малая родина

Топонимика и фразеология – это разделы лингвистики, которые на протяжении XX века считались бесспорными фаворитами при изучении истории народа, культурного контекста. С развитием когнитивной лингвистики именно фразеологизмы и топонимы часто исследуются в качестве опорных единиц для выявления особенностей ментальности народа, определения духовно-нравственных и этических приоритетов.

Несомненно, значимую роль при этом играют фразеологические словари и словари топонимов, составленные в рамках так называемой большой науки. Естественно, что в спектре внимания ученых в таком случае оказываются общенациональные единицы, известные с более древних или относительно недавних (по меркам истории языка). Например,

1) «за тридевять земель», «у черта на куличках», «где Макар телят не пас» – в значении «очень далеко»;

2) «взять / брать на себя много» – в значении «переоценивать себя, превышать свои возможности, права»;

3) «разодеться в пух и прах», «при полном параде» (ирон.) – в значении «в нарядной или праздничной одежде».

Однако наряду с общеязыковыми (общекультурными) устойчивыми единицами в языке определенного региона, по нашим наблюдениям, формируются языковые константы, характеризующие те или иные качества личности или параметры действительности через местные реалии, в частности, через топонимы (или микротопонимы).

Причем очень часто эти, обозначим их как «региональные идиомы», в своем денотате соотносимы с общеязыковыми фраземами.

Приведем несколько примеров.

Телелюй – село Липецкой области, которое, в целом располагаясь на незначительном расстоянии от областного центра – около 70 км, по своему географическому положению было достаточно неудобно: лежало в стороне от основных дорог и к городу, и к районному центру. Жителям приходилось добираться пешком, как говорили в свое время, «до трассы», что даже в 70-80 гг. XX века делало положение села изолированным от основных социально-

культурных событий региона. Дополнительную эмоциональную окраску наименованию населенного пункта придавало происхождение самого слова – от финно-угорского слова, называющего протекающую здесь же речку, в котором мордовский компонент «лей / льяй» обозначает «ручей, небольшая река». Помимо бытующих стереотипов о национальных чертах мордвы, значение слова, представленное в курских говорах и записанное в словаре В.И. Даля – «рохля, разиня, нерасторопный, глуповатый» – также влияло на семантический контекст топонима Телелюй. В результате сформировалось выражение «*ехать в Телелюй*», обозначавшее «совершить неоправданно далекое и бессмысленное путешествие в глухие, некультурные места».

Ссёлки – сообщающееся с дачными поселками большое пригородное село, жители которого, имея транспортную доступность к областному центру, могли реализовывать продукты подсобного хозяйства на рынках города мобильно, что обеспечивало стабильный доход. Подобное положение выделяло жителей Ссёлок из общей массы сельского населения региона, формируя некие нюансы высокомерия в поведении, демонстрации своей «несельской» конъюнктуры по отношению к жителям других деревень. В то же время явная демонстрация финансового благополучия посредством внешней атрибутики (одежда, обувь, аксессуары) при появлении в городском контенте создавало контрастный образ в сравнении с рабоче-служащим населением города, граничило с кичем. Все это способствовало появлению устойчивой идиомы «*ссёлковские ребята*» / вариант – «*ссёлковские девчата*» в значении «лица, активно, но безосновательно демонстрирующие материальное и социальное преимущество перед окружающими, не обладающие эстетическим вкусом».

Одним из старейших поселений городского типа Липецкой области является основанный в 1614 году г. Романов, по указу Екатерины II переименованный в с. Романово Городище, а с 1920 года получившее название с. Ленино, но в массовом употреблении сохранившее оба названия. Возможно, это было связано с тем, что Романово-Ленино на протяжении всего XX века (и до сих пор) оставалось центром сохранения фольклорных традиций и ремесла – изготовления глиняной романовской игрушки. Интересен историко-культурный контекст этого села. С XVIII века по близкому положе-

нию к городу Липецку на быт Романова оказывает большое влияние городская мода, местные крестьянки начинают носить так называемую пару – юбку и кофту. Кофта имела трапециевидную форму, в верхней части застрачивались складки, по лифу и спинке пришивалась рюшь из тюля, край рюши застрачивался атласной лентой, собранной в так называемые «бухты»; к воротнику-стойке пришивался подшейник. Рукав у плеча собирался в мелкую складку, у локтя рукав отрезался: здесь вставлялась тюлевая рюшка, а нижняя – зауженная часть рука была собрана в круговую складку. Юбка также шилась из нескольких отдельных элементов, украшалась кружевом и атласными лентами. Учитывая, что в качестве обязательного аксессуара полагалось иметь стеклянные бусы в несколько рядов и кокошник, облик романУшки – жительницы села Романово был весьма экстравагантным в оценках XIX-XX века. Поэтому и появился в обиходе оборот *«как романУшка»* – то есть броско, безвкусно одетая женщина. (Хотя сегодня можно заметить идеи романовского стиля и цветовые сочетания в коллекциях модных дизайнеров).

Выражения типа: «ехать в Телелюй», «селковские ребята», «как романушка» и другие – формировали определенный местный контекст, который характеризовал специфическую среду, которая в силу развития региона не была ни чисто сельской / крестьянской, ни чисто городской, так как Липецк как город не обладал достаточной исторической перспективой, активно, развиваясь в основном как промышленный центр в XX веке. Отсюда и интонации иронии, заводского шика по отношению к «пригородному» населению и, напротив, вызывающее поведение – в том числе языковое – «поселковых» о отношении к «городским». Эта культурно-языковая среда была специфичной.

К сожалению, в начале XXI века в силу социально-экономических и политических изменений произошел перенос акцентов: глобализация определила и своеобразное «укрупнение» культурно-географических соотношений: жители российской провинции сегодня часто осознают свое бытование через координаты «Москва», весь мир и ... провинция. При подобном соотношении, естественно, микропонимы и местные фразеологизмы нивелируются.

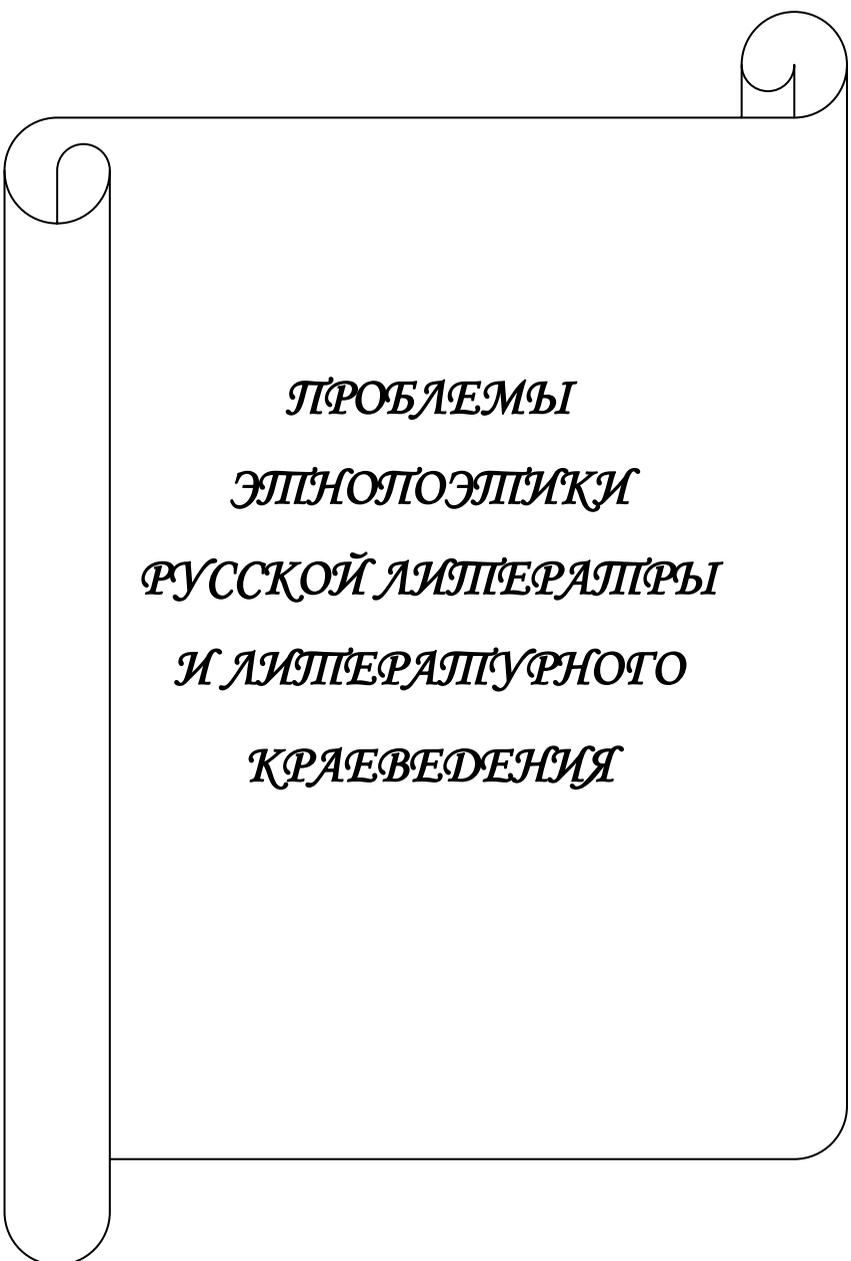
По результатам проведенного небольшого исследования (в опросе приняли участие 48 жителей Липецка), оказалось, что

- лица старше 60 лет имеют ясное представление о значении перечисленных здесь выражений,

- из 20 представителей возраста 40-55 лет только 8 смогли достаточно внятно объяснить смысл этих выражений, причем в основном соотнося объяснение с конкретными личностными примерами,

- для лиц 18-30 лет «региональные идиомы» оказались полностью неизвестными.

На наш взгляд, изучение топонимики через призму местных устойчивых выражений способствует формированию связи человека с родиной. Невозможно не вспомнить в данном случае Дмитрия Сергеевича Лихачева: Любовь к родине «начинается с малого – с любви к своей семье, к своему дому. Постоянно расширяясь, эта любовь к родному переходит в любовь к своему государству, к его истории, его прошлому и настоящему, а затем ко всему человечеству». К сожалению, сегодня мы ориентируемся сразу «на человечество», теряя самое близкое.

*ПРОБЛЕМЫ
ЭТНОПОЭТИКИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
И ЛИТЕРАТУРНОГО
КРАЕВЕДЕНИЯ*

**ИМЯ ИЗВЕСТНОЕ, НО ЗАБЫТОЕ:
МАРИЯ ЖУКОВА — РУССКАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА
И ХУДОЖНИЦА XIX В.**

Александр Алексеевич Безруков

*Центральная городская библиотека им. А. М. Горького МБУК ЦБС
г. Арзамаса, библиотекарь 1-й категории*

*Нижегородская область, г. Арзамас; e-mail: arzbiblio@yandex.ru;
sasha.bezrukoff@yandex.ru*

Сделана попытка восстановить биографию русской писательницы и художницы XIX века Марии Семёновны Жуковой.

Ключевые слова: М. С. Жукова; русские писатели XIX века; краеведение; Арзамас; Саратов

В настоящее время в нашем обществе растёт интерес к истории и культуре родного края. Краеведение – один из основных источников обогащения человека знаниями о прошлом своей Родины, воспитания любви к ней, формирования гражданской позиции.

Сохранение и возрождение культуры родного края, поддержание у молодёжи интереса к изучению нашего историко-культурного и литературного наследия – одна из главных задач нашего исследования, посвящённого жизнеописанию Марии Семёновны Жуковой, русской писательницы и художницы, чьё яркое дарование было хорошо известно её современникам, но, к сожалению, почти забыто сегодня.

Мария Жукова была, пожалуй, одной из самых ярких творческих женщин в России середины XIX столетия. Обладая разносторонними дарованиями, она с одинаковой лёгкостью владела пером писательницы и кистью живописца. Но многим ли известно её имя сегодня? Большинство не знает практически ничего о нашей замечательной соотечественнице. Даже литературоведы порой удивлённо приподнимают брови. Увы, имя Марии Жуковой забыто и в столице, и в провинции: за весь XX век был издан только один её сборник «Вечера на Карповке» и повесть «Дача на Петергофской дороге», да и те давно стали библиографической редкостью. Между тем при жизни у неё вышло собрание сочинений в 6 томах, не считая ряда повестей, очерков и романов, которые печатались в «Литературной газете» и «толстых» журналах — «Отечественных записках», «Современнике», «Сыне Отечества».

До сих пор не существует сколько-нибудь значительного биографического труда, где судьба нашей землячки получила бы полное освещение. К сожалению, информации о ней мало: короткие некрологи в периодических изданиях, некоторые сведения в справочных пособиях да материалы литературоведа М. С. Коноплёвой и краеведа П. В. Еремеева.

Мария Семёновна Жукова (в девичестве — Зевакина) родилась в 1805 г. в Арзамасе Нижегородской губернии. Здесь, да ещё в деревне Липовке, недалеко от Саровской пустыни, прошло её детство и юность.

Отец будущей писательницы Семён Семёнович Зевакин был уездным стряпчим, титулярным советником, капралом, фурьером, адъютантом, сержантом и даже писарем в штабе генерал-лейтенанта Николая Ладыженского. За ревностную службу был награждён орденом Святой Анны III степени. Не сохранилось материалов, которые позволяли бы судить о его воспитании и образовании, существует лишь одно мемуарное свидетельство весьма лестного характера. Писатель Иван Михайлович Долгорукий, случайно познакомившись в 1813 г. с Зевакиными, был крайне удивлён оказанным ему приёмом и «хорошими правилами», которых он не ожидал увидеть в доме простого стряпчего. Особое внимание писателя привлёк сам хозяин: «Муж – человек молодой ещё, но умный и, что всего мудрёнее, с хорошими правилами в таком низком месте. Разговор с ним нимало не скучен. Он хорошо учился, имел приятные познания. Странно было бы панегирик писать уездному стряпчему, но коротко скажу, что я в первый раз ещё в таком слое людей встречал человека с его качествами; жена у него хозяйка хорошая, русская женщина без всяких фигур» [1, с. 176].

В семье Зевакиных, не считая старшей Марии, росли ещё четверо детей – Евдокия, Михаил, Алексей и Александра. Жили Зевакины, согласно архивным данным, в Спасском приходе Арзамаса на Сальниковой улице в доме № 7. Однако сегодня определить местоположение дома невозможно, поскольку в первой половине XIX века жилищные объекты нумеровались иначе.

Располагая ограниченными средствами, отец не мог дать детям достаточное образование. Известно, что Маша обучалась дома, где получила основы грамоты у сельского дьякона. В дальнейшем восполнить пробелы в образовании ей помогла княгиня Софья

Алексеевна Голицына, урождённая Корсакова, в доме которой часто бывала писательница.

Уже в первых повестях Жуковой виден широкий кругозор. В эпиграфах писательница использует строки из произведений Жуковского, Пушкина, Леклерка, Гюго, Шатобриана, Вольтера, Ларошфуко. В примечаниях даются ссылки на исторические сведения, толкуются малоупотребительные и диалектные слова.

Дружба Марии Жуковой с Софьей Голицыной, по-видимому, началась ещё с детства, так как Корсаковы были нижегородскими помещиками, и, как отмечает литературовед М. С. Коноплёва, «имя это часто мелькает в адрес-календарях одновременно с именами Зевакина и Жукова» [2, с. 28]. Роль Голицыной в жизни Жуковой была значительной. Об этом можно судить по посвящению, которым Мария Семёновна предварила вторую часть «Вечеров на Карповке»: «Её сиятельству княгине Софье Алексеевне Голицыной. Простите мне, Княгиня, что беру смелость украсить именем вашим ничтожный труд мой; примите его как слабый знак глубочайшей преданности моей и позвольте надеяться, что вы станете смотреть не на достоинства дара моего, но на чувство, которое вам его приносят» [3, с. 110].

В 1822 г. семнадцатилетняя Маша Зевакина вышла замуж за нижегородского помещика Разумника Васильевича Жукова. Об этом свидетельствует «Брачный обыск» [4, д. 29, л. 4], составленный в Арзамасском Воскресенском соборе 16 апреля 1822 г. Жуков служил в департаменте государственных имуществ, а в 1824—1830 гг. занимал должность уездного судьи в Арзамасе.

После свадьбы молодые люди уехали в поместье матери мужа, в Липовку. Свекровь Марии Жуковой — Анна Сергеевна — происходила из рода Бутурлиных, в своё время слыла удивительной женщиной: она собрала в своей усадьбе богатейшую библиотеку с преобладанием французских изданий XVIII века. Современники знали её как печатавшуюся поэтессу, автора известного в то время сочинения «Любовь». Её покойный муж также был не чужд литературного творчества и даже водил знакомство с Чаадаевым. Творческая обстановка в доме свекрови, безусловно, повлияла на юную Марию Жукову.

Однако семейная жизнь молодой пары не сложилась, супруг Марии был человеком, духовно ей чуждым и не отличавшимся

твёрдостью нравственных правил, что и послужило причиной распада семьи. В 1830 г. супруги разъехались. Вероятнее всего, с 1830 по 1837 г. писательница жила в Петербурге, так как её сын нуждался в образовании. Возможно, что в этот период она наездами и подолгу жила в Саратове, куда переехала родительская семья после её замужества.

Оставшись одна с малолетним сыном на руках, Мария Жукова оказалась в стеснённых материальных обстоятельствах, что и явилось одной из причин её обращения к литературному творчеству.

Имя писательницы обрело известность в 1837 году, когда вышел первый сборник её повестей «Вечера на Карповке». Автор скромно скрыл своё имя, но книга обратила на себя внимание критиков, которые единогласно признали за Жуковой «талант, ум, тонкую наблюдательность, искреннее тёплое чувство, живой, увлекательный рассказ и целомудренность мысли» [5, с. 37].

Из-за нехватки средств Мария Семёновна нередко зарабатывала на жизнь кистью художника — делала копии с картин Эрмитажа. Сохранилось предание о том, как однажды царица Александра Фёдоровна увидела в Эрмитаже Жукову: мастерство художницы восхитило императрицу настолько, что она заказала ей портрет-миниатюру своего царственного супруга Николая Первого. Первые графические и живописные навыки наша землячка получила в Арзамасе, в школе живописи А. В. Ступина [6]. Академик был хорошим знакомым отца и с удовольствием давал уроки рисования его дочери.

Пребывание Жуковой в северной столице было недолгим. Петербургский климат подорвал и без того слабое здоровье писательницы, и в 1838 г. из-за болезни лёгких она была вынуждена уехать для лечения за границу — на юг Франции. Эта поездка длилась около трёх лет. После 1842 г. писательница за границу больше не выезжала и попеременно жила то в Петербурге, где её сын учился в университете, то в Саратове, куда она окончательно переехала только в 1853 г., незадолго до смерти.

Живя в Саратове, Мария Жукова сблизилась с семьёй губернатора Андрея Михайловича Фадеева, особенно с его женой Еленой Павловной, урождённой Долгоруковой, чей глубокий ум, замечательное образование и многосторонние познания отмечали совре-

менники. Она была почитаема в учёном мире за свои труды по естественным наукам, преимущественно по ботанике.

Сохранившееся письмо Марии Жуковой к Елене Фадеевой указывает на то, что между женщинами существовали дружеские отношения: «Научите меня, как вас благодарить. Я не знаю и не умею. Вы столько добры ко мне. Хотела бы сама ехать к вам. Но сегодня почта, а у меня есть письма, которые не могу отложить. Завтра, если будет возможность, явлюсь не для того, чтобы благодарить, а чтоб вы научили меня, как это сделать. С совершенною преданностью остаюсь истинно чтущая вас покорная к услугам Марья Жукова» [7, с. 339].

У супругов Фадеевых было четверо детей: сын Ростислав и дочери — Екатерина, Надежда, а также Елена, в замужестве Ган, которая вошла в литературу под псевдонимом «Р-ва, Зенеида». Была ли Мария Жукова лично знакома с Еленой Ган — неизвестно. По нашим предположениям, их встреча могла произойти, так как с конца 1839 по весну 1841 Елена проживала в доме родителей в Саратове, а Жукова, находясь в это время за границей, периодически приезжала в Россию. Позже судьба сводит Жукову со многими образованными молодыми людьми — историком Н. И. Костомаровым, молодым учителем словесности Н. Г. Чернышевским, редактором «Записок императорского общества сельского хозяйства Южной России» Иваном Палимпсестовым.

Жукова, страдавшая долгие годы туберкулёзом лёгких, скончалась в Саратове 14 апреля 1855 г. Сразу после смерти писательницы в «Отечественных записках» и «Санкт-Петербургских ведомостях» был помещён некролог, автор которого, видимо, хорошо её знал: «В ночь с 13 на 14 апреля скончалась в Саратове даровитая писательница наша Мария Семёновна Жукова, на 51 году своей жизни, после продолжительной болезни, перешедшей месяца за полтора до смерти в водяную».

У нас, как везде, даровитая писательница — редкость, а может быть, ещё больше. Такая женщина, как покойная Марья Семёновна, соединяла в своём характере так много достоинств, что их трудно определить в общих чертах. Все знавшие её не могут не подтвердить этого. Лицо её, не отличавшееся красотой и смолоду, внушало невольное почтение к этой женщине; голос её увлекал ис-

кренностью, звучащей в нём; беседа, всегда оживлённая умом и интересом, обличала в ней знания жизни и обширные сведения в науках, которыми она занималась с удивительной скромностью. Этим характером проникнуты и её сочинения.

Все её повести и рассказы, вышедшие в разное время в журналах и отдельной книге «Вечера на Карповке» дышат такой сердечной искренностью, что ни один строгий читатель, наверное, не мог не сделаться несколько снисходительнее в своём на них взгляде. Они увлекали, скорее, тоном, чем содержанием. Зато её путешествие по Южной Франции отличается любопытным и в высшей степени живым изложением, так что оно занимательно и по тону, и по содержанию.

Впрочем, кто же не знает, что покойная М. С. Жукова принадлежала к числу даровитейших наших писательниц? В Саратове она жила не раз по несколько лет сряду вместе с отцом своим, матерью, сёстрами и братьями и, наконец, сыном, который служил там. Три года назад она приехала в Петербург с сыном и прожила здесь два года. В это время явилась в «Современнике» последняя повесть её «Наденька», написанная, впрочем, гораздо прежде.

В прошедшем году плохое состояние здоровья заставило её отправиться в Саратов. В последнее время своей жизни М. С. Жукова занималась естественными науками и живописью, для которой имела прекрасный талант, достаточное знание и изящный вкус. В бытность в Саратове она собирала по окрестностям травы и составила значительный гербарий, любопытный для каждого ботаника» [8].

Некролог в «Санкт-Петербургских ведомостях» ещё сопровождался обещанием напечатать более подробную биографию этой «замечательной женщины». Однако оно не было выполнено, поэтому биография Марии Жуковой по-прежнему нуждается в обстоятельном изучении.

Место её захоронения долгое время оставалось неустановленным, но благодаря стараниям краеведа Евгения Леонидовича Лебедева стало известно, что на саратовском Воскресенском кладбище, открытом в 1836 году, сохранилась могила покойной Жуковой. Во время расчистки одного из памятников была обнаружена надпись с именем и фамилией писательницы.

Род Жуковых продолжил сын писательницы Василий, который впоследствии женился на Наталье Стремоуховой — дочери героя Отечественной войны, майора Фёдора Стремоухова. Некоторое время Жуков служил помощником столоначальника в Саратовской палате Государственных имуществ, а в 1865 г. получил назначение в Оренбург вице-губернатором. Через пятнадцать лет был переведён на ту же должность в Полтавскую губернию, где и скончался в 1896 г.

В семье Василия Жукова было пять дочерей и два сына: Александра, Вера, Зинаида, Лидия, Мария, Иван и Константин. Константин Васильевич был ранен во время Брусиловского прорыва и взят в плен, умер в Вене в 1917 г. Иван Васильевич окончил в Оренбурге казачье училище, служил чиновником и скончался в Астрахани в 1927 г. Три его сына стали крупными инженерами и профессорами, один из них, Анатолий Иванович Жуков, является отцом Дмитрия Жукова (1927—2015) — русского советского писателя, литературоведа, переводчика, члена Союза писателей. Продолжатели династии Жуковых стали ныне здравствующий сын Александр, российский политик, и внук Пётр.

Сегодня, возвращая память о незаслуженно забытом имени Марии Семёновны Жуковой, мы восстанавливаем утраченную кровную связь со своим духовным началом, своими корнями. Это позволяет нам противостоять тем разрушительным тенденциям, которые существуют в современном обществе.

Ещё в 1856 г. Н. И. Греч, сожалея, как легко мы предаём забвению многие имена, писал: «С каким удовольствием начертал бы я вам картину жизни, характера и трудов какой-либо из прежних русских писательниц! Это было бы интересно и поучительно, но — где набрать к тому материалов? ...Имена отошедших литераторов мелькают перед нами, как лёгкие, неосязаемые тени, а о женщинах-литераторах нет и помину...» [9, с. 226]. Хочется верить, что когда-нибудь выйдет в свет труд с подробным жизнеописанием Марии Семёновны Жуковой, а её произведения переиздадут и сделают доступными для современного читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долгорукий И. М. Изборник : 1764—1823 / И. М. Долгорукий. — М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1919. — 222 с.

2. Коноплева М. С. Мария Семёновна Жукова // Голос минувшего. — 1913. — №7. — С. 19–38.

3. Жукова М. С. Вечера на Карповке / М. С. Жукова. – М.: Советская Россия, 1986. – 281, [7] с.
4. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 58. Оп. 1.
5. Комиссарова Е. «Успех необыкновенный...»: к 200-летию со дня рождения М. С. Жуковой / Е. Комиссарова, Б. Кондратьев // Арзамасская сторона. – 2005. – № 5. – С. 37–40.
6. Еремеев П. В. Мария Семёновна Жукова // Арзамасская сторона. – 2004. – № 4. – С. 74–79.
7. Старина и новизна. Исторический сборник. Кн. 9. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1905. – 438 с.
8. Мария Семёновна Жукова: [некролог] // Отечественные записки. – 1855. – № 6. – С. 57–58.
9. Карповские чтения. Сборник статей. Вып. 2 / отв. ред. Е. П. Титков – Арзамас; Саров: [б. и.], 2009. – 405, [1] с.

И.С. ТУРГЕНЕВ КАК ПСИХОПАТОЛОГ

Евгений Леонидович Бобылев

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, к.псих.н., кафедры общей и практической психологии психолого-педагогического факультета
Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: arzjen@mail.ru*

В статье представлено творчество и личность выдающегося отечественного писателя И.С. Тургенева в несколько ином ключе, а именно, в ракурсе психопатолога. Отражена выдающаяся наблюдательность классика и поражающая точность описания многих душевных болезней, носителями которых являются некоторые художественные персонажи И.С. Тургенева.

Ключевые слова: творчество; патография; душевная болезнь; художественный образ

В отличие от произведений многих отечественных классиков, в творчестве И.С. Тургенева патологические психиатрические явления играли сравнительно небольшую роль. Так, в своей работе «И.С. Тургенев как психопатолог» (1899г.), психиатр В.Ф. Чиж отмечал, что только в последние годы жизни писатель проявил интерес к этим явлениям, оценил их важное значение. Врач отмечал, что ранее Тургенев не обращал внимания на патологические отклонения душевной жизни, они его не интересовали: «Тургенев дал нам относительно немного описаний патологических проявлений души, но эти описания поражают своей точностью; ничего выдуманного, вычитанного мы в этих описаниях не находим. Эти необычайно верные изображения действительности можно рекомендовать для изучения всем интересующимся душевными болезнями» [3; с. 228].

В произведениях И.С. Тургенева описания патологических душевных явлений, по мнению В.Ф. Чижа, можно найти в рассказах «Клара Милич» (описаны вырождение и обман чувств), «Песнь торжествующей любви» (явления гипноза и внушения), «Отчаянный» (вырождение), «Рассказ отца Алексея» (обман чувств и идеи бреда), «Странная история» (явления гипноза и внушения) [4; с. 624]. Так как раньше считалось, что И.С. Тургенев, в отличие от Ф.М. Достоевского, не обращал внимание на психопатологические явления, изучение его творчества с новой точки зрения было особенно важным. Необходимо выяснить, как понимал великий реалист душевнобольных, в чем особенность этого понимания.

Желание исследовать произведения реалиста возникло у В.Ф. Чижа намного раньше, но до 1898 года в России не было полного общедоступного издания произведений писателя. С его появлением психиатрическое исследование стало возможным. В очерке В.Ф. Чиж хотел — «... проверить данными психиатрии некоторые рассказы Тургенева с целью установить, насколько верно изображал патологические душевные явления наш великий реалист» [3; с. 282].

В.Ф. Чиж писал, что анализу и проверке психиатра доступно сравнительно немного в произведениях И.С. Тургенева. Поэтому психиатр не мог способствовать детальному разъяснению произведений классика. Одним из таких произведений являлся рассказ «Отчаянный». На его основе В.Ф. Чиж рассматривал физиолого-психологические признаки вырождения у главного персонажа Миши Полтева. Герой И.С. Тургенева, еще до совершеннолетия, сразу после смерти родителей, продал за бесценок свое имение и начал дико, безумно кутить. Всю свою жизнь он пьянствовал и, когда не на что было пить, выпрашивал милостыню и пропивал ее.

Психиатр отмечал на первый взгляд не важное, но весьма серьезное обстоятельство: примерным юношей Миша оставался до 18-летнего возраста, до самой смерти родителей. Дядя Миши, рассказывавший его историю, весьма основательно говорил: «И в самом деле, как мог этот смирный и скромный мальчик превратиться вдруг в пьяного шалопаю?!» [1; с. 354] В.Ф. Чиж отмечал, что действительно, здоровый нормальный мальчик не может в течение нескольких месяцев превратиться в «пьяного шалопаю». Во-первых, нормальный мальчик не имеет потребности в спиртных напитках,

не может без продолжительного приучения много пить. Во-вторых, «смирный и скромный» мальчик всегда начинает пить под руководством более опытных пьяниц. Миша, как вырождающийся, имел потребность в спиртных напитках; неудержимая потребность в алкоголе у таких лиц, по мнению психиатра, появляется очень рано, и потому они еще до совершеннолетия делаются пьяницами, и притом сразу. В.Ф. Чиж писал, что пьянство как болезнь, или, правильнее говоря, проявление болезни, отличается от пьянства как порока именно тем, что больные начинают пить очень рано, сами ищут кутежа, а здоровые понемногу привыкают к пьянству и после многих лет употребления спиртных напитков становятся пьяницами.

Миша, начав пить очень рано, уже не мог обходиться без спиртных напитков; он не мог не пить, потому что у него была органическая потребность в алкоголе; его организм требовал спиртных напитков. Его дядя несколько раз спрашивал: «Какой это злой дух его толкает, заставляет пить запоем, рисковать жизнью» и т. п.? У него всегда был один ответ: «Тоска!», причиной же тоски являлись размышления о бедности, о несправедливости, о России...» [1; с. 356].

Миша вполне верно объяснил свое пьянство тоской; некоторые вырождающиеся, как считал В.Ф. Чиж, имеют то мрачное настроение духа, которое называется тоской. Алкоголь — могущественное анестезирующее средство; оно притупляет все неприятные чувствования, и в этом его и морфия огромная власть над всеми несчастными, каковы бы ни были причины их несчастья. Тоска, горе, физические страдания заглушаются спиртными напитками и морфием, и потому несчастные вследствие болезни или внешних обстоятельств нуждаются в их употреблении. Весьма естественно, что Миша объяснял свою тоску не патологической организацией, а более возвышенными мотивами. «Человек, болевающий меланхолией, стремится объяснить свое мрачное настроение, подыскивает ему причины и или находит в своем прошлом какой-либо проступок, объясняющий это настроение, или же ждет в будущем несчастья как причины своего мрачного настроения. ... Врач совершенно напрасно будет уверять его, что мрачное настроение обусловлено патологическим изменением в питании мозга, — такое объяснение так непривычно, чуждо обычно принятым суждениям, что больной не может его усвоить» [3; с. 112]. В.Ф. Чиж считал, что для Миши

«бедность», «несправедливость» и т.п. не имели никакого значения; в продолжение всей своей жизни он ничего не сделал и не мог сделать для уменьшения страданий ближних.

Вырождающиеся, по мнению психиатра, весьма различно реагируют на алкоголь; одни могут пить непостижимо много, другие, наоборот, пьянеют от очень небольшого количества. Известно, что отношение к алкоголю есть самая чувствительная проба в том смысле, что на вырождающихся алкоголь как количественно, так и качественно действует иначе, чем на здоровых. Они пьянеют не от тех доз, от которых пьянеют здоровые, и опьянение у них проявляется иначе, чем на здоровых. Именно поэтому Миша «был очень слаб на вино». В.Ф. Чиж писал, что здоровый кутила пьет хорошие напитки в подходящем обществе, в хорошей обстановке, почему, конечно, всюду и процветают рестораны и трактиры. Если здоровый пьяница по своему общественному положению не может пить в подходящей ему компании, он пьет один, вечером. Совсем иначе пьют вырождающиеся; им не нужна ни подходящая веселая компания, ни хорошая обстановка. Они как бы ищут самого низменного общества, самых грязных кабаков. Миша пьянствовал всюду, где только мог. Автор статьи утверждал, что психиатры того исторического периода не знали действительной причины такого странного влечения вырождающихся пьяниц, но весьма вероятно, что такое общество соответствовало тому душевному состоянию, в котором они находились.

Так как Миша пил вследствие органической потребности, он не мог даже при самом искреннем желании прекратить пьянство; как бы ни желал такой пьяница начать новую жизнь. Особенно поразительно, что Миша спокойно играл в карты, зная, что в случае проигрыша он должен будет прострелить руку. Именно врожденные преступники могут беззаботно кутить в ожидании травмы. Из диагностических признаков вырождения и психопатии В.Ф. Чиж выделял именно «неранимость», когда пациенты удивительно легко переносят истощающие болезни, и на них мало влияют вредные для здоровья условия. Он объяснял этот феномен (отрицаемый сейчас большинством психиатров) с реакционных ломброзианских позиций: как врожденную притупленность ощущений, способствующую жестокости и «преступному» равнодушию к последствиям. По мнению В.Ф. Чижа, преступники – страстные игроки, и нет той жертвы,

которой не принес бы преступник для удовлетворения страсти. Таким же страстным игроком был Миша. Так же как и вообще врожденные преступники, он был расточителен.

В этом маленьком рассказе, по мнению психиатра, И.С. Тургенев с полной точностью и достаточной подробностью изобразил вырождающегося врожденного преступника — бродягу. Писатель объяснил читателю, от чего зависело вырождение Миши, указал физические или телесные признаки вырождения, рассказал о физиолого-психологических признаках вырождения: неудержимой потребности к алкоголю, неспособности к труду, неспособности приспособиться к среде, слабости половой жизни, непредусмотрительности, трусости, страсти к играм.

Так же, как и первая работа В.Ф. Чижа о русских писателях (о Ф.М. Достоевском), исследование творчества И.С. Тургенева, впервые опубликованное на страницах журнала «Вопросы философии и психологии» (1899г.), вызвало ряд откликов. В 1900 году в третьем номере того же журнала была опубликована статья А.П. Флерова «Русский психиатр о Тургеневе». Автор с первых слов замечал, что при всех заслугах работы В.Ф. Чижа его «последний труд... не лишен и весьма существенных недостатков» [2; с. 339]. А.П. Флеров говорил о В.Ф. Чиже как представителе господствующего тогда направления психологии, которое, увлекшись физиологическими наблюдениями и психометрическими экспериментами, не признавало личности, субъекта (по терминологии Канта), мыслящей субстанции (по Декарту). Анализировать с таких позиций художественное творчество И.С. Тургенева автору статьи казалось ошибочным и даже неприемлемым. Для писателя раскрытие человеческой личности — главная цель и интерес. Для психиатра человек, личность — это физиологическое существо, что, по мнению А.П. Флерова, приводит к «раздвоению», «колебаниям» и «противоречиям» при анализе образов И.С. Тургенева.

Анализ рассказа «Отчаянный», как писал А.П. Флеров, велся В.Ф. Чижом не под «совсем правильным углом зрения». Автор статьи критиковал психиатра за односторонность и узость в толковании образа Миши Полтева и всех ему подобных пьяниц. А.П. Флеров считал, что нельзя объяснить поведение героя только его «физической организацией». Необходимо учитывать и более высокие

моральные мотивы (в доказательство приводится тот факт, что Миша бросил пить после женитьбы на кроткой девушке).

В итоге А.П. Флеров заключал, что «подмена психологии физиологией помешала г. Чижу уловить психологическую канву произведений И.С. Тургенева и сущность выведенных в них характеров, что подрывает доверие и к причислению их к типу вырождающихся» [2; с. 345]. Так же не совсем понятно восхищение В.Ф. Чижом людьми психически не здоровыми. Чего только стоят такие его слова: «в их жизни много необыкновенного, великого, страстного, поэтического; только они могут любить любовью более сильной, чем смерть; только в их песнях звучит торжествующая любовь; они способны и на всякие подвиги, и на всякие преступления» [5; с. 774]. Более того, психиатр ставил их в пример здоровым людям: «Ненормальные, вырождающиеся невропаты пробивают для нормальной массы новые пути, потому что обладают таинственными непонятными нам силами» [5; с. 776]. Эти симпатии А.П. Флеров пытался объяснить тем, что В.Ф. Чиж в силу своей профессии близко общался с такими людьми.

Таким образом, В.Ф. Чиж в работе о И.С. Тургеневе всячески пытался подогнать его произведения под каноны тогда еще недостаточно разработанной психопатологии. Значимость этой работы заключалась в том, что В.Ф. Чиж смог в общедоступной форме познакомить широкий круг читателей с пока еще мало известными вопросами «молодой» психиатрии. Он разъяснил целый ряд фактов в произведениях И.С. Тургенева, которые до сих пор были непонятны и с психиатрических позиций не рассматривались. Сам В.Ф. Чиж признавал, что проблема вырождения в тот исторический период была еще недостаточно изучена наукой, поэтому использовать это понятие, и применять его в анализе литературного творчества нужно было осторожно. Излишняя смелость и поспешность на этом пути как раз и привела к тем противоречиям, которые справедливо были обозначены А.П. Флеровым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тургенев И.С. Собрание сочинений. – М., 1956. – Т. 8. – 670 с.
2. Флеров А.П. Русский психиатр о Тургеневе // Вопросы философии и психологии. – 1900. – № 3. – С. 339-352.
3. Чиж В.Ф. Болезнь Н.В. Гоголя: записки психиатра. – М.: Республика, 2001. – 511 с.

4. Чиж В.Ф. Тургенев как психопатолог // Вопросы философии и психологии. – 1899. – 4. – С. 624-678.

5. Чиж В.Ф. Тургенев как психопатолог // Вопросы философии и психологии. – 1899. – № 5. – С. 724-762.

АРЗАМАССКИЙ ПОЭТ А.И. ПОГОДИН: ВЕХИ БИОГРАФИИ

Алексей Александрович Исаков

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, к.филол.н., доцент кафедры истории, обществознания и права историко-филологического факультета; Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: blauer-reiter@yandex.ru

Статья посвящена систематизации биографических сведений об Александре Погодине (1947 – 1995). В качестве источника используются мемуары друзей поэта и его рукописный архив. Обосновывается положение о том, что негативный перелом в судьбе А.И. Погодина произошел не в эпоху перестройки, а в эпоху застоя.

Ключевые слова: Александр Погодин; Арзамас; провинциальная поэзия; советская поэзия; биография

Данная статья предваряет собой выход собрания сочинений выдающегося арзамасского поэта Александра Ивановича Погодина (16 августа 1947 года – 2 августа 1995 года). В ней мы кратко остановимся на основных вехах его биографии и попробуем ответить на вопрос о причинах динамики его жизни и творчества.

Источниками для нашего исследования послужили, во-первых, опубликованные произведения А.И. Погодина, которые можно разделить на три группы – персональные книги, публикации в сборниках и публикации в газетах, во-вторых, черновики и различные документы, в том числе, фотографии, из личного архива автора, любезно предоставленного сохранившим его другом поэта, выдающимся фотохудожником М.В. Филатовым, в-третьих, устные и письменные воспоминания друзей Александра Ивановича – Михаила Филатова, Александра Рудта и Владимира Мороза.

К сожалению, даже имеющаяся источниковая база не всегда позволяет ответить на все вопросы, в частности, датировать большинство произведений. Здесь мы, в принципе, можем опираться на дату первой публикации, но есть немало случаев, когда она отстоит от даты написания на весьма значительный промежуток времени. Датировать же рукописи А.И. Погодина тяжело, так как он нередко

возвращался к работе в одной и той же тетради в разные годы. По свидетельству М.В. Филатова, столь же осторожно нужно относиться и к посвящениям – поэт нередко менял их от публикации к публикации и даже в рукописных копиях.

Родился Александр Иванович в селе Абрамово Арзамасского района Горьковской области 16 августа 1947 года. В семье его мамы Варвары Андреевны к тому времени была только дочь – Вера Михайловна, ее отец Михаил Погодин погиб на Великой Отечественной войне. Александр Иванович был сыном другого мужчины, который не стал признавать отцовство, что оставило в жизни поэта заметный след. Переживаниям безотцовщины он позже посвятил стихотворение «Он», в котором, судя по всему, несколько приукрасил свою личную трагедию, бывшую в реальности более грубой и приземленной [1, с. 122-123].

Когда Александру было пять лет, семья переехала из старого домика в центре села в более добротный пятистенок на окраине, у самого кладбища, на улице под названием Калёнов конец. По воспоминаниям М.В. Филатова, это было вызвано желанием зажиточного односельчанина сменить место жительства на более престижное. Здесь быт Погодиных замер на одной точке на полвека, пока в 2000 году Варвара Андреевна не перебралась к дочери в Лукоянов, где и скончалась. Дом Погодиных также вскоре был снесен.

Однако если с отцом Александру не повезло, то очень повезло с учителями. В Абрамовской средней школе он стал одним из любимых, хотя и далеко не образцовых учеников. Наибольшую роль в его судьбе сыграл Александр Иванович Плотников, воспитывавший в детях тягу к «отсебятине» в хорошем смысле слова. Хотя ни в коем случае не стоит рассматривать А.И. Плотникова как ментора и опекуна Александра Погодина – дорогу в поэзии тот пробивал себе сам и порой вопреки учителю.

В школьные годы Александр зарекомендовал себя как заядлый спортсмен. Ему в одинаковой степени были интересны и футбол, и шахматы, в обоих видах спорта он добился успехов, хотя и на местном уровне. Особенную ценность в его глазах спорт имел, видимо, как средство самоутвердиться среди сверстников, которые не спешили отдавать дань уважения эксцентричному бастарду (одноклассники называли его «шваброй»). Так или иначе, уже в детстве в кровь Александра вошло сильнейшее агональное начало, стремле-

ние быть лучшим в том деле, которому он себя был готов посвящать. И поэзия в этом плане не была самым выигрышным выбором. По словам М.В. Филатова, односельчане умели оценить мастерство гармониста, певца или художника, но не очень понимали тогда ценность поэтического слова. Впрочем, Погодину как раз удалось переломить эту ситуацию – сегодня его стихи знают и любят не только в Абрамове.

Еще одним институтом для Александра стала сельская библиотека. В беднейшей семье просто не было средств на покупку книг, и поэтому Погодин становится самым прилежным читателем маленькой, но современной Абрамовской сельской библиотеки. О его пристрастиях до сих пор помнят ее работники, например, А.И. Авдеева.

Следующий этап в становлении поэта – служба на Северном флоте, начавшаяся, правда, с учебки в Кронштадте. В море Погодин не выходил, участвовал в береговом обслуживании АПЛ. Однако и природа края, и армейская атмосфера товарищества оставили на его характере неизгладимый отпечаток. Здесь же, видимо, впервые увидел свет стихи Александра – но мы не можем пока точно сказать, была ли это публикация в многотиражке или всего лишь стенгазета. После демобилизации Александр не сразу вернулся в родное село, на какое-то время оставался работать на севере. Он окончил топографическое училище и трудился геодезистом на Урале, в Норильске, чтобы накопить денег на семейную жизнь.

Вернувшись домой и устроившись по уже привычной профессии геодезиста, он женится на своей давней любви – Галине, заводит семью, в которой появляется сначала дочь Елена, а потом и сын Алексей. Семья получает свое жилье, пусть и в старом доме на углу улиц Кирова и Куликова (теперь на этом месте – здание банка).

Первая публикация стихов Александра Погодина в газете «Арзамасская правда» состоялась в 1973 году. Интересно, что первым стихотворением, опубликованным поэтом в Арзамасе стал «Сказ о петухе», завершающийся именно в агональном ключе: «Надо друга близкого иметь, / Чтобы жить. И петь. И состязаться!» [2]. Нового поэта публике представил Александр Плотников, заметивший среди прочего, что Погодин печатается уже пять лет. Нам не удалось найти его более ранних публикаций в местной периодике. Поэтому речь, скорее всего, идет о публикациях в газетах на Се-

вере. Впоследствии сам А.И. Погодин указывал в качестве даты первой публикации 1975 год [1, с.4], а Александр Плотников – середину семидесятых.

В литературной группе при газете «Арзамасская правда» Погодин тесно сходится с Геннадием Потемкиным, печатавшимся под уличной фамилией Зимняков, Вячеславом Васильевым и Василием Ратаевым. Почти сразу к Погодину приходит известность на областном уровне. На его стихи обращают внимание Борис Пильник и Валерий Шамшурин, последнему посвящена уже первая публикация «Сказа о петухе». Неоднократно Погодин становится лауреатом областного поэтического конкурса имени Бориса Корнилова при газете «Ленинская смена». Его печатает областной ежегодник «Современники», газеты и журналы областного центра.

Поэтому неудивительно, что Погодин на фоне этих успехов решает получить литературное образование. В 1976 году он поступает на литфак АГПИ, но не удовлетворяется арзамасским учебным заведением, и год спустя мы уже встречаем его в семинаре литературного критика В.В. Дементьева в Литературном институте им. А.М. Горького в Москве. По воспоминаниям однокурсников Александра Рудта и Владимира Мороза, Александр Погодин быстро приобрел большой авторитет среди студентов, приехавших из разных уголков СССР. При этом он не стремился быть лучшим по успеваемости, наоборот, нередко предпочитал стать героем студенческого анекдота, нежели получить хорошую оценку. Во многих случаях это объяснялось нежеланием спорить с преподавателями, нередко дававшими идеологическую оценку литературной классики, а Погодин, как мы помним, был воспитан на тяге к «отсебятине». Не вызвали у него большого интереса и теоретические дисциплины – его хватало лишь на небрежное конспектирование вводной лекции.

Однако Литинститут оказался в двух отношениях для Погодина судьбоносным. Во-первых, в эти годы среди его студентов царил не самая радужная атмосфера. Условия застоя, начавшейся в 1979 году войны в Афганистане мешали талантливой молодежи найти своего читателя. Это нередко становилось темой разговоров и причиной застолий. По крайней мере, один из друзей Погодина по Литинституту прозаик Николай Эглит покончил с собой, немного не дотянув до получения диплома. Во-вторых, годы в Литинституте

подорвали семейное счастье Александра. Многие студенты этого вуза не получали поддержки от своих близких, которые не видели в них выдающихся поэтов и прозаиков. На этой почве Погодин, по воспоминаниям В. Мороза, сошелся с молодой женщиной по имени Надежда. Их роман не получил какого-то осязаемого продолжения, но оканчивал Литинститут Александр уже разведенным человеком. Конечно, решающую роль в этом сыграла не учеба, а алкоголь, который мешал Александру, в том числе, и в поэтическом деле. Печатался он крайне неравномерно, порой на годы пропадая со страниц газет.

В этом отношении период его жизни между 1981 и 1983 годами можно оценить как абсолютно уникальный. С одной стороны, в 1982 году семья Погодиных распадается, а сам он оказывается на скамье подсудимых и осуждается к принудительным работам. Однако уже в 1983 году в Волго-Вятском издательстве выходит его первая книга стихов «Сундучок». Она является составной (и самой маленькой – всего 14 текстов) частью кассеты «Русло», в которую вошли также книги поэтов Г. Беднова, И. Чурдалева и С. Карасева. Завершал книгу опять же «Сказ о петухе» [3]. Погодин в это время живет уже снова в Абрамове, у матери, и поэтому ее образ, образ сельского дома и самого села становятся для книги основными. С отзывом на нее в «Арзамасской правде» выступил преподаватель АГПИ Б.С. Кондратьев, охарактеризовавший поэтическую манеру Погодина как элегическую [4].

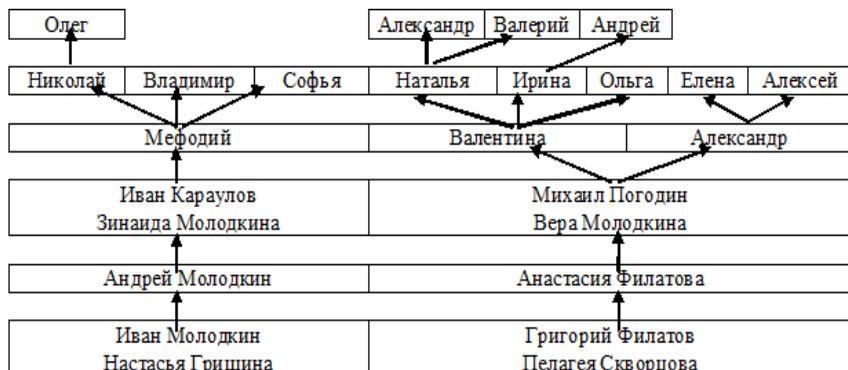
В книге перипетии личной жизни автора абсолютно не ощущаются, и остается лишь подивиться душевной силе автора, сумевшего не выплеснуть отрицательный опыт на голову читателя. Более того, именно на фоне этих тяжелых переживаний он создает венки сонетов «Тишина», который становится его дипломной работой в Литинституте. По свидетельству В. Мороза, этот диплом стал полной неожиданностью для руководителя семинара В. Дементьева, причем Погодин даже не посчитал нужным оформить его в соответствии хоть с какими-то требованиями. Сам факт создания венка сонетов должен был стать заметным событием в литературе, но в силу косности преподавателей Литинститута не стал. При жизни поэта его опубликовала только «Арзамасская правда» [5]. Так или иначе, Литинститут Александр Погодин успешно окончил и с дипломом поэта вернулся в Абрамово.

Вторая половина 1980-х годов для Погодина становится временем частичного отвоения утраченных позиций. Он налаживает отношения с семьей и детьми, хотя и возврата к прошлому уже не ждет и живет в основном в Абрамове. Здесь он в 1984 году устраивается на очень подходящую, казалось бы, должность заведующего сельским клубом, но не удерживается на ней. Его снова начинают публиковать газеты в Арзамасе, Лукоянове, Дивееве, Горьком. Кроме того, несмотря на непрекращающееся злоупотребление алкоголем, Погодин в то время находится в хорошей физической и интеллектуальной форме. Подтверждением тому – его победы в местных турнирах по бильярду и шахматам в 1987 году. Он активно общается со своими друзьями по Литинституту, ездит в гости к В.Морозу, а в 1990 году принимает его у себя в Абрамове.

Даже 1991 год не сломил поэта, наоборот, с созданием в 1992 году новой газеты «Арзамасские новости» он получает более регулярную и благожелательную площадку для публикаций, чем «Арзамасская правда». Именно здесь в 1992 году впервые появляется его персональная страница, украшенная интересным карандашным портретом руки М. Бачурина [6]. С большим трудом он пробивает дорогу второй своей книге – «Две березы», вышедшей в Москве в 1994 году в «Рекламной библиотечке поэзии» [7]. Книжка была невелика, но и ее набор мог бы быть рассыпан, если бы она не нашла читателя. К счастью, нашла. Более объемная рукопись «Яблоко добра», однако, всеми издательствами была отклонена.

На этом фоне летом 1995 года поэт заболел и умер, не дожив ровно две недели до своего сорокавосемилетия. Похоронен он был в Абрамове. Друзья поэта доработали рукопись «Яблока добра» и последняя книга Александра Погодина «Храни свечу» увидела свет в 1996 году в Арзамасе. Редактором ее и автором предисловия выступил Александр Иванович Плотников [1]. Однако канон лучших погодинских текстов был сформирован двумя его прижизненными книгами и подборками в сборниках «Рамзай» (1991) [8] и «Голос музыки арзамасской» (2000) [9]. В XXI веке Погодин уже почти не переиздавался.

В качестве приложения к этой биографической статье, мы предлагаем родословие Александра Погодина, составленное им самим в одной из черновых тетрадей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Погодин А.И. Храни свечу: Стихотворения / Предисл. А.И. Плотникова. – Арзамас: Арзамасская типография, 1996. – 250 с.
2. Погодин А.И. Сказ о петухе (стихотворение) // Арзамасская правда. – 1973. – 17 апреля.
3. Погодин А.И. Сундучок. Стихи. – Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1983. – 14 с.
4. Кондратьев Б.С. «Мне маяком единственным служили...» // Арзамасская правда. – 1984. – 18 февраля.
5. Погодин А.И. Стихи (венок сонетов) // Арзамасская правда. – 1982. – 17 июля.
6. Погодин А.И. За счастьем иль за новой бедою? // Арзамасские новости. – 1992. – 28 мая. – С. 3.
7. Погодин А.И. Две березы. – М.: Рекламная библиотечка поэзии, 1994. – 7 с.
8. Погодин А.И. // Рамзай: Сборник стихов и рассказов арзамасских литераторов / Сост. А.И. Плотников. – Арзамас: Арзамасская типография, 1991. – С. 49-52.
9. Погодин А.И. // Голос музы арзамасской / Сост. А.И. Плотников. – Арзамас: Арзамасская типография, 2000. – С. 85-94.

О ЗНАЧЕНИИ ДРУЖБЫ В ТВОРЧЕСТВЕ И ЖИЗНИ ПОЭТА А.И. ПОГОДИНА

Денис Андреевич Квирам

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,*

*Арзамасский филиал ННГУ, историко-филологический факультет, студент,
Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: dkviram9@gmail.com*

Научный руководитель – Ю.А. Курдин, к.филол.н., доцент кафедры русского языка и литературы историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ

В статье анализируются стихотворения А.И. Погодина о дружбе и взаимопонимании. Особое внимание уделено людям, сыгравшим в жизни поэта ключевую роль, что особенно отразилось на его творчестве.

Ключевые слова: А.И. Погодин, поэзия, Арзамас, дружба, взаимопонимание, родство душ

У Александра Ивановича Погодина есть совершенно замечательное стихотворение, в котором он лаконично выразил свое поэтическое мастерство и при этом продемонстрировал глубину философских ощущений. Личное понимание счастья он уложил в пять строк, из которых и состоит одноименное стихотворение:

*Счастье в чем?
А друга ты увидел!
Строчку стихотворную родил!
Никого вчера ты не обидел.
И тебе никто не досадил [4, с.51].*

Общение с другом – одна из четырех составляющих счастья для поэта. Сказано для красного словца? Возможно. Но не раз и не два возвращался он к этой теме в стихах разных лет.

Стихотворение, опубликованное в 1984 году:

*Друг, взгляни,
Какой снег:
Аж волокнами.
Значит, скоро наступит тепло.
– Доживем?
– Доживем.
Вновь за окнами
Зашумит тополями село [2].*

И написанное через годы и вошедшее в его посмертный сборник:

*Настанет день, мои сомкнутся веки.
Приди, мой друг, и, голову склоня,
Простись со мной, простись со мной навеки.
Живи и за себя, и за меня!* [4, с.180]

О том, что обращение к другу – не просто поэтический прием, который служит классическим шаблоном в различных вариациях – стихотворение под названием «Попутчик». На первый взгляд, немного странное определение для героя стихотворения, который на жизненном пути был поэту «и опорой, и броней»:

*Но дорожке всего:
Я с ним побеждал и себя самого!* [4, с.207]

Поэт А.И. Плотников, образ которого угадывается в цитируемых строчках – именно попутчик. Встретил маленького Сашу на школьном пороге и сквозь все его последующие годы прошел рядом. Не провез в золоченой карете, не протащил за руку по извилистой дороге. Нет – в нужные моменты поддержал под локоть, заслонил собой. А то и в спину подтолкнул – иди!

И в самом конце великотрудной тропы поэта – «что не год, то беда» – примчался из города в Абрамово, но немного не успел к его последним минутам. И стихами оплакал, когда опускали в могилу. До самой ямы проводил надежный попутчик.

*И была у попутчика
Жизнь не проста.
И жизнь не проста,
И душа не пуста* [4, с.207].

Это о человеке, который разглядел талант в мальчишке, помог ему опереться и встать на крыло. И собственные немалые трудности не помешали до конца исполнить однажды возложенную на себя миссию наставничества и поддержки.

Поэт – на то и поэт, чтобы не пользоваться избитыми определениями в местах, которые несут смысловую нагрузку. Вспомнить Маяковского: «изводишь единого слова ради сотни тонн словесной руды». Не в характере Погодина выразить глубину своей благодарности человеку много старше себя заголовком «Учитель», «Наставник». Но это и не «Старший друг». Автор сохранил возрастную ди-

станцию и, возможно, указал на расстояние, которое не позволяет заявить о душевном родстве.

Всю жизнь поэт размышляет над феноменом родства душ, преданности, взаимопонимания, доверия – которые и олицетворяют настоящую дружбу. Можно сказать, он не мог полноценно жить без этих каждодневных ощущений. С таким максимализмом нельзя пройти по жизни без глубоких разочарований. Не в них ли причина пагубного пристрастия, что свело его в могилу раньше срока?

Персонаж старого фильма «Доживем до понедельника» сдал на проверку школьное сочинение, состоящее из одной фразы: «Счастье – когда тебя понимают». Непонимание, нестроение в диалоге сердец, часто оборачивающееся душевной черствостью одного по отношению к другому, порой очень близкому человеку, ранило чувствительное сердце поэта, и до конца всей его жизни рана так и не зажила.

Какую боль испытывал Погодин, свидетельствует обращение «К другу» его товарища и поэта Геннадия Зимнякова. У стихотворения нет посвящения, но уже первая строфа не оставляет сомнения в адресате. Здесь и обращение по имени, и детали погодинского сельского быта:

Саня,

Ничего тебе не надо.

У тебя куда ходит мать.

Есть изба – вот главная отрада.

К ней прибавь округу – благодать [3, с.60].

И сразу после автор выступает не с советом в деле, в котором советчиков не может быть, а скорее с просьбой:

О любви прошедшей не печалься,

Не жалея настолько, чтоб не быть... [3, с.60]

Им двоим понятно, а для нас «НЕ БЫТЬ» следовало бы выделить прописными. Ведь речь идет о пребывании на этом свете...

Значит, Зимняков был в курсе глубины погодинского отчаяния и периодов депрессии, которые сопровождали вторую, неуспешную часть его жизни. Да и сам поэт подтверждает в обращении к ушедшей от него жене, с которой сохранил добрые отношения «Галине»:

Прости за нечастые встречи –

Все глубже моя колея [1, с.2].

Образ друга в творческом наследии Погодина, скорее всего, не подразумевает одно конкретное лицо. Друг – это понятие собирательное, чрезвычайно важное для его жизни и творчества. Друг в погодинском изображении – это динамичный образ. В разных ситуациях он меняется, что добавляет его героям жизненной достоверности.

В одном случае он выступает надежной опорой. В «Двух берегах» – достаточно иносказательно – сраженную «стрелой с небес» в тот же миг, объятия раскрыв, другая «от паденья удержала». В «Сказе о петухе», который, попав в город, не дождался ответа соплеменников, о том же говорится «в любовую»:

*Смолк петух... Да разве мог он петь,
Если мир с овчинку стал казаться?
... Надо друга близкого иметь,
Чтобы жить. И петь. И состязаться!* [3, с.51]

В другом случае сам друг нуждается в утешении и поддержке. Как в стихотворении, которым он ответил Зимнякову:

*Это ничего, что мы не в моде.
Главное, живем в родном народе!* [4, с.81]

А иногда друга не грех и упрекнуть («Отпуржит и – тишина...»):

*Снова сяду у окна,
Буду друга поджидать.
Никого на большаке
Уж не видно столько дней* [4, с.155].

Простые и такие естественные детали интерьера сельской избы – и печка, и кот Васька. Поэт не случайно здесь обращает на них внимание. Они становятся поэтическими образами, сопровождающими его томительное ожидание.

*Видно, кот меня умней:
На дорогу не глядит,
Не волнуется, не ждет* [4, с.155].

И остывающая печка, как символ крепнущего разочарования. Томительность ожидания и не сразу зародившийся в сознании горький вывод мастерски переданы выразительной стилистикой последней строфы – многоточием в начале и увеличенным межстрочным интервалом в ее середине:

*...И не пишется никак,
Дело валится из рук.
Что не смог бы сделать враг,
Сделал ты, любезный друг [4, с.155].*

Еще не раз он будет говорить о том же в других своих произведениях. По ним и еще по многим фактам его биографии мы можем судить, как не хватало поэту дружбы в его собственном, погодинском, понимании. Он искал ее в жизни, взывал к ней в своих стихах. И потому то, чего он недополучал от современников, сегодня возвращается ему памятью от благодарных читателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Погодин А.И. Две березы. – М.: «Рекламная библиотечка поэзии», 1994. – 7 с.
2. Погодин А.И. Друг, взгляни... (стихотворение) // Арзамасская правда. – 1984. – 20 декабря.
3. Погодин А.И. // Рамзай: Сборник стихов и рассказов арзамасских литераторов / Сост. А.И. Плотников. – Арзамас: Арзамасская типография, 1991. – 129 с.
4. Погодин А.И. Храни свечу: Стихотворения / Предисл. А.И. Плотникова. – Арзамас: Арзамасская типография, 1996. – 250 с.

МНОГОГРАННЫЕ АСПЕКТЫ ЛЮБВИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В РОМАНЕ И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»

Алина Алексеевна Кузина

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, историко-филологический
факультет, студент*

Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: MayHim221L@yandex.ru

Научный руководитель – Н.Е. Титкова, к.филол.н., доцент кафедры русского языка и литературы историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ

В статье исследуется феномен любовного чувства и разные аспекты художественного воплощения темы любви на примере романа И.А. Гончарова «Обломов». Выделяется несколько типов любви, имеющих образную репрезентацию в произведении, а также анализируется лексический пласт, связанный с эмоцией любви.

Ключевые слова: тема любви; роман; образ семьи; лексический пласт; лексические единицы; синонимы

Издrevле русская литература исследует человека, его место в обществе и в мире. Чувства также являются неотъемлемым объектом изучения писателей. Всё это привело к появлению так

называемых вечных тем в литературе. Каждый автор раскрывает их по-разному, находит такие грани, которые не были замечены до него. Вечные темы являются неиссякаемым источником для творчества, так как они связаны с человеком, а человек – существо очень сложное и многогранное.

И. А. Гончаров понимал это, поэтому он не стал избегать одной из вечных тем – темы любви, стремясь показать, что любовь обнажает духовную сущность человека, раскрывает его в самых неожиданных ракурсах, толкает подчас на непредсказуемые поступки. Многие герои Гончарова проходят испытание любовью, которая может быть губительной, разрушительной, но способна и полностью преобразить, духовно обновить человека. С этим связана определенная сложность изучения любви как художественного феномена. И.А. Гончаров смог мастерски изобразить разные аспекты любви в романе «Обломов». Писатель не стремится показать на первых же страницах своих произведений прямые проявления любви, наоборот, он мастерски скрывает это чувство в едва заметных душевных движениях героев, заставляя читателей обращать внимание на его оттенки и нюансы, позволяя им глубоко прочувствовать душевные состояния героев.

Тема любви в романе «Обломов» занимает центральное место. Мы можем видеть глубокое раскрытие Ильи Ильича Обломова, как личности, в тех эпизодах романа, когда он показан находящимся во власти этого поистине великого чувства, можем понять его поступки, мысли, желания и сомнения.

В романе представлены несколько типов любви. Помимо любви как чисто романтического чувства, в произведении можно найти и другие его проявления:

1. любовь семейная;
2. любовь дружеская;
3. любовь-привычка / любовь-преданность;
4. любовь романтическая.

Первый вид любви – любовь семейная, показана нам в IX главе («Сон Обломова»). Именно здесь И. А. Гончаров знакомит читателя с детством героя, его родителями, общим укладом жизни в Обломовке. Именно родительская любовь, переходящая в чрезмерную заботу о ребенке, сделала Илью Ильича таким, каким мы его знаем на протяжении всего произведения. Рожденный в «благосло-

венном уголке земли», маленький Илья был под постоянным контролем со стороны взрослых. Описание характера семилетнего героя пропитано лаской и нежностью к нему; за словами автора скрываются чувства родителей и няnek: «какой он хорошенький, красненький, полный! Щечки такие кругленькие...» [2, с. 117]. Употребление слов с уменьшительно-ласкательным суффиксом подчеркивает безграничную любовь к ребенку.

Далее автор говорит о том, что спустя много лет после смерти матери Обломов с теплотой и радостью вспоминает ее, ведь она любила его больше жизни. Мальчик получал много ласки с ее стороны, в материнском «гнезде» его называли «душенькой», баловали и лелеяли.

Чрезмерная забота стала синонимом любви у Обломовых: после пробуждения сына мать «осмотрела его жадными, заботливыми глазами», расспросила няnek о его самочувствии. Даже «штат и свита дома Обломовых» без усталости восхищались маленьким баринком и следили за каждым его шагом, волнуясь о его безопасности. Желание постоянно держать сына подальше от зла, горя и опасности слилось с материнской любовью; страх за Илью был также причиной того, что молодого барина старались держать как можно ближе к себе. Забота о благополучии ребенка – вот та первостепенная задача, которая была возложена родителями на самих себя и на все окружение. Это проявлялось как в младшем возрасте, так и во время учебы: постоянные пропуски занятий объяснялись плохой погодой, выходными и праздниками. Мальчик был воспитан в окружении ласки и нежности с полной уверенностью в том, что так и должно быть. Всё то тепло, которое он каждый день получал в своей семье, оказало на него сильное влияние во взрослой жизни. К примеру, это сказалось на его отношении к работе, где начальник представлялся ему главой большой семьи, а подчиненные – членами этой самой семьи. Любовь-опека сформировала из Ильи Ильича мягкую и добрую личность, не способную на зло. Семья и ее окружение оказали сильное влияние на будущую жизнь Ильи Ильича. Безусловно, можно говорить о том, что родительская любовь – одна из самых сильных.

Следующий тип любви – любовь дружеская. По сути, дружба есть не что иное, как любовь, не перетекающая в близкие отношения, любовь неромантическая. Дружбу можно еще назвать и плато-

нической любовью, ведь прежде всего между людьми, вне зависимости от пола, возникает связь на уровне их душ. У них схожие мысли и взгляды на мир, такие люди поддерживают друг друга; само чувство строится на доверии, взаимопонимании и поддержке. Именно такая любовь возникла между Обломовым и Штольцем.

Можно смело говорить о том, что эти герои дополняют друг друга: Андрей Штольц – своеобразный рычаг для Ильи Обломова, потому что всегда стремится подтолкнуть его к деятельной жизни, не оставляет одного и постоянно заставляет снять халат, являющийся символом лени. Для Штольца Обломов ценен тем, что воплощает в себе качества, отличающие его от представителей высшего света: доброту, открытость, детскую чистоту и невинность. Именно этого не хватает Андрею Ивановичу, когда он находится далеко. Рядом с Обломовым герой чувствует покой и умиротворение. Можно сказать, что Обломов дарит Штольцу часть своей вдохновенной природы в то время, как Андрей Иванович «заземляет» друга и открывает ему глаза на реальные вещи. Будучи знакомыми с ранних лет, герои через многое прошли вместе: учились, мечтали, строили планы на будущее. Их судьбы оказались разными, но каждый из них влиял друг на друга до конца дней. Постоянно находясь в движении, в делах и разъездах, Штольц мысленно всегда рядом с Обломовым, его разоблачительные монологи о позоре «обломовщины» произносятся вовсе не из-за гнева на друга. Наоборот, это один из признаков дружеской заботы и волнения, ведь Андрей не хотел потерять чистую, преданную душу в лице Ильи Ильича. Он видел в нем не ленивого барина, а, в первую очередь, – поистине хорошего человека, способного на большее, который в силу обстоятельств не оказался способен снять с себя «оковы» в виде халата.

При первой встрече в романе Штольц без тени иронии волнуется о здоровье друга: «А что, болен? – спросил заботливо Штольц» [2, с. 181]. Одно лишь слово «заботливо» дает нам понять, что Илья Ильич небезразличен ему. Андрей Иванович тут же начинает думать о делах Обломова. Штольц ставит проблемы Ильи Ильича на первое место в списке собственных проблем, которые срочно нужно решить, считая, что это его дружеский долг – помочь в трудную минуту. Он делает все для того, чтобы вырвать друга из плена апатии и лени. В свою очередь, Обломов искренне благодарен другу за всё, что он делает для него, ему приятно общение с ним. Герой даже

посещает ряд светских вечеров, так ненавидимых им, а ведь в этом можно увидеть знак того, что Илья Ильич хочет таким образом отблагодарить Штольца.

Казалось бы, можно упрекнуть Андрея в том, что тот не был рядом с другом до самого конца, не смог уберечь его от «обломовщины». Однако Штолец уважал личные границы Обломова, не приказывал ему, что делать и куда идти. Он был для него советчиком, наставником, который никогда не давил на друга и давал тому свободу выбора. Да, Штольцу не было приятно видеть Илью Ильича снова на диване в доме с Пшеницыной. Но он не мог неволить друга, насильно увезти его с собой. Можно сделать вывод, что Штольца и Обломова связывает дружеская любовь, сильная привязанность друг к другу.

Достаточно интересной разновидностью любви является любовь-привязанность, или любовь-преданность, любовь-привычка. Она существует между Обломовым и его слугой – Захаром. Захар с самого детства знает Илью Ильича. Герой рос на его глазах: «Захар нянчил маленького Обломова на руках, а Обломов помнит его молодым, проворным, прозорливым и лукавым парнем» [2, с. 81]. В первой части романа автор пишет о «безграничной преданности дому Обломовых» и, соответственно, самому барину. Именно слово «преданность» лучше всего описывает отношение Захара к Обломову. Данное существительное становится синонимом любви в паре «Обломов – Захар».

Захара нельзя назвать честным и открытым. Он легко может вступить в спор с бариним, обокрасть его и нагло не выполнять обязанности по дому, о чем пишет автор. После перечисления отрицательных качеств персонажа Гончаров пишет следующее: «это Захар делал не из злости и не из желания повредить барину, а так, по привычке, доставшейся ему по наследству от деда его и отца, – обругать барина при всяком удобном случае» [2, с.74].

Зная Обломова с самого детства, Захар не удивляется привычкам и вкусам героя, он знает его натуру «вдоль и поперек». Поэтому любовь как чувство привязанности перетекает в привычку. Захар и Обломов знают, что не могут друг без друга не потому, что им двоим выгодно жить рядом, но потому, что они прочно связаны уже на духовном уровне. Невозможно представить Захара без Обломова, может, точно так же, как и Илью Ильича без халата. Если

их разлучить, то часть личности каждого будет навсегда потеряна. Недаром Гончаров пишет о том, что Захар, имея привычку поносить барина, все же искренне любит его и готов даже пойти на смерть: «он бы не задумался сгореть или утонуть за него, не считая этого подвигом, достойным удивления... Он смотрел на это, как на естественное, иначе быть не могущее дело...» [2, с. 77-78]. Захар никогда не сомневался в своей любви к Обломову, он до конца был верен всему барскому роду. Для него это не работа, а именно преданность, долг. И пусть они оба не выказывали внешне своих чувств, глубоко в душе и тот и другой знали, как много значит Захар для Ильи Ильича и наоборот. Захар понимал, что его барин может быть хуже других господ, но он искренне любил героя, возвышая его перед другими, называя его идиолом.

Гончаров не раз упоминает о различиях героев, противоречиях в отношениях. Они прекрасно знают о недостатках друг друга, бранятся и спорят, однако в силу привычки и преданности их ничто не может разлучить. Зная эти факты, невозможно себе представить искреннюю злобу Захара на Обломова так же, как и ненависть барина к слуге. Их конфликты только внешние; глубоко в душе ими руководит как раз любовь-привычка, любовь-преданность – тот тип любви, который порой так же прочен, как и любовь романтическая.

Четвертый тип любви является сюжетобразующим в романе. Гончаров мастерски передал первую влюбленность Обломова, его отношения с Ольгой Ильинской. Время, проведенное с Ольгой, для героя является самым деятельным, активным периодом в жизни. Он буквально расцветает, обретает силы и уже без помощи Штольца обдумывает каждый свой шаг на пути к счастью. Любовь явилась причиной «пробуждения» героя, открыла в нем жажду деятельности. Обломов, пораженный до глубины души пением Ольги, вдруг предстает перед нами человеком, на лице которого сияет «заря пробужденного, со дна души восставшего счастья» [2, с. 19]. Любовь кардинально меняет Обломова и его образ жизни: «Встает он в семь часов, читает, носит куда-то книги. На лице нет ни сна, ни усталости, ни скуки. На нем появились даже краски, в глазах блеск... Халата не видать на нем...» [2, с. 206]. Апатия исчезла, герой даже физически преобразился.

Любовь романтическая сродни искусству. Об этом нам говорит эпизод, в котором Ольга поет арию «Casta Diva». Музыка и

пробудившееся чувство в Обломове слились в одно целое. Причины, по которым Обломов поллюбил Ольгу, объяснимы: герой боялся томных, экзальтированных красавиц, любивших от избытка чувств падать в обморок. Ольга привлекла его как раз отсутствием этих качеств. В ней не было кокетства и жеманства, как у большинства в высшем свете. Обломов каждый день жил с мыслью об Ольге: «лишь проснется утром, первый образ в воображении – образ Ольги... Засыпал он с мыслью о ней, шел гулять, читал – она тут...» [2, с. 260]. Любовь к Ольге Ильинской заставляет апатичного и даже консервативного героя взглянуть на жизнь по-новому. Сильное чувство становится для него испытанием. Яркая и целеустремленная девушка старается сделать героя деятельным и смелым. Можно сказать, что любовь создает из Ильи Ильича новую личность. Автор тонко показывает развитие отношений героев, описывая тревожащие их моменты, отражающиеся в диалогах и поступках. Для Ильи Ильича девушка становится тем ориентиром, к которому нужно стремиться.

Помимо художественного воплощения любовного чувства, в романе важен и лексический пласт, через который происходит качественное раскрытие понятий, так или иначе соприкасающихся с темой любви. Лексические единицы как элементы системы до сих пор являются актуальным аспектом в исследовании лексики художественных произведений. Именно лексика заключает в себе особые, главные смыслы, через которые раскрывается настоящая идея, замысел книги того или иного автора.

Концепт «любовь», представляющий собой отражение мировоззрения писателя и его взгляд на данную тему, в романе выражается достаточно ярко и глубоко, что позволяет сделать вывод о том, что тема любви в произведении – одна из главных и связующих.

Произведя подробный анализ лексико-семантических единиц романа, можно сделать вывод о том, что основными, наиболее часто встречающимися единицами являются «любовь», «любить», «сердце» (как обозначение любовного чувства главных героев, но не внутреннего органа).

Например, в письме Обломова Ольге, в котором герой говорит откровенно о их взаимоотношениях и размышляет о сути любви, само слово «любовь» встречается около шести раз. Это можно проиллюстрировать следующим отрывком:

«Пока между нами любовь появилась в виде легкого, улыбающегося видения...», «... я стал болен любовью...», «ваше настоящее люблю не есть настоящая любовь, а будущая...» [2, с. 275-276]. Такое частое употребление слова и повторение его порой в каждом предложении, что следуют друг за другом, указывает на важность и необходимость существительного в данном контексте. Наличие слова «любовь» в первом его значении придает особое значение сцене и усиливает эффект напряжения в письме. Частота употребления данного слова в романе: 50 единиц. Конечно, это не единственное слово, которым определяется любовь в романе. Есть схожие словоформы, а также такие слова и выражения, в которых понятие любовного чувства вторично: сирень, счастье, любоваться, ошибка, влюбленный, преданный, название арии *Costa Diva* и другие.

В художественном произведении слово порой заменяется выражением и даже целым абзацем. Делается это для того, чтобы передать как можно лучше и точнее все процессы, протекающие в душе главного героя, все его изменения и преобразования. Любовь в романе «Обломов» представлена не только синонимами и контекстуальными синонимами, составляющими основу описания чувства, но и целыми предложениями и даже монологами героев. Так, любовь в произведении показана следующим образом:

«И для него настал счастливый, никому не изменяющий, всем улыбающийся момент жизни, расцветания сил, надежд на бытие, желания блага, доблести, деятельности, эпоха сильного биения, пульса, трепета, восторженных речей и сладких слез.» [2, с. 260]; «... Обломов во время обеда испытывал ту же пытку, что и накануне, жевал под ее взглядом, говорил, зная, чувствуя, что над ним, как солнце, стоит этот взгляд, жжет его, тревожит, шевелит нервы, кровь.» [2, с. 212]

Чувство в романе из абстрактной категории переходит в категорию вещественную и видоизменяет ее, внося в нужный момент определенные смыслы.

Любовь в романе «Обломов» описывается не только через синонимы, но и через метафоры и сравнения. Так, Гончаров описывает данное чувство следующим образом: «игра сердечных молний», «взаимных отношений обоих полов», «сияла заря пробужденного, со дна души восставшего счастья», «разве любовь не служба»,

«Любовь – претрудная школа жизни!», высочайшая нега духа, «любовь – тоже долг», «свет, который горел ярко», опухоль у сердца, душевный антонов огонь, логика увлечения и страстей, кипение у сердца. Подобные выражения являются описательными и яркими. При помощи сравнений и метафор Гончаров усиливает функцию любви в романе, делает ее одним из сюжетообразующих звеньев. Причем стоит заметить, что не всегда любовь сравнивается с чем-то высоким и одухотворенным. По мере развития сюжета выясняется, что чувство для главных героев – не только счастье, благородный огонь и ветка сирени. Например, метафора «душевный антонов огонь» привносит в описание любви негативный оттенок. Антонов огонь не что иное как гангрена, вызванная отравлением спорыньей:

«Недели через три, через месяц было бы поздно, трудно: любовь делает невероятные успехи, это душевный антонов огонь» [2, с. 277].

Рассмотрев подробно особенности воплощения темы любви в романе И.А. Гончарова «Обломов» и ее семантическое наполнение, можно сделать вывод о том, любовь в произведении передается при помощи самых разнообразных слов и словосочетаний, объединенных в контексте общим значением. Те эмоции, которые испытывают главные герои по отношению друг к другу, лишней раз подтверждают мысль о том, что любовь проявляет себя в нескольких ипостасях и что в различных ситуациях она ощущается по-разному.

Любовь до сих пор остается стержневой темой в литературе, которую нельзя считать «избитой» и банальной. Любовное чувство способно выражать себя через разные эмоции и поступки, которые на первый взгляд могут и не совпадать с классическим определением любви и ее «симптоматикой».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилова А.С. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 50000 слов. — М.: «Аделант», 2014.— 800 с..

2. Гончаров Иван Александрович. Обломов. — М.: Эксмо, 2021. — 544 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

3. Матлин М.Г. Мотив пробуждения в романах И.А. Гончарова // И.А. Гончаров: Материалы Международной конференции, посвященной 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова / Сост. М.Б. Жданова и др. — Ульяновск: ГУП «Обл. тип. "Печатный двор"», 1998. — С. 18—25.

4. Петров С. И.А. Гончаров: (Критико-биографический очерк) // Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 8 т. — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952—1955.

5. Писарев Д.И. Обломов: Роман И.А. Гончарова // Гончаров И.А. в русской критике: Сборник статей / Вступ. ст. М.Я. Полякова; Примеч. С.А. Трубникова. — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. — С. 94—137

6. Шведова Н.Ю. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: «Азбуковник», 1998. — 800 с.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МАНЕРА Н.С. ЛЕСКОВА: ФОЛЬКЛОРНЫЙ СТИЛЬ

Ася Васильевна Сулонова

МБУК «Межпоселенческая централизованная библиотечная система» Арзамасского района Нижегородской области, Арзамасская центральная районная библиотека им. И.Н. Сахарова, заведующая сектором краеведческой литературы, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: libsa@bk.ru

В статье рассматривается своеобразный стиль написания произведений Н.С. Лескова и созданные автором с помощью него образы. В этом стиле отразилось мировоззрение писателя, стремящегося к истине в своем творчестве и ставящего выше выдумки и фантазии реальную правду жизни.

Ключевые слова: Н.С. Лесков; сказ; рассказчик; народный быт; разработка характеров; стиль повествования; жанр анекдота; анекдотизм

Одним из самых ярких русских писателей XIX века является Николай Семенович Лесков. Его роль в русской литературе с течением лет представляется все более значимой. Как справедливо заметил М. Горький, «Н.С. Лесков вполне достоин встать рядом с такими творцами литературы русской, каковы Л. Толстой, Гоголь, Тургенев, Гончаров» [13, с. 7].

Лесков создал в искусстве свой особый мир, мир идей и героев. Он отдавал своему народу себя без остатка. В самой Руси, как и всяком русском человеке, есть удадь, размах, есть великое дарование, но оно, по Лескову, скованно злыми чарами. Лесков чувствовал в народе сокрытые великие силы, но и предупреждал об опасности навязываемых народу абстрактных идей и принципов.

Лескову удалось создать целый ряд произведений из народного быта, имеющих различные акценты в разработке характеров. По его убеждению, в современной русской действительности «все перебурилось». Он видит ее в великом множестве оригинальных натур, в мозаической пестроте положений и ситуаций, в борении противоположных начал, контрастах света и тьмы.

Лесков – большой труженик, неутомимый правдоискатель и подлинный новатор в литературе. Сам он с горечью отмечал в конце своего творческого пути: «Литература – тяжелое, требующее великого духа поприще...»

Стиль Лескова был столь же своеобразен, как и его взгляды и созданные им образы; в нем отразилось мировоззрение писателя, стремящегося к истине в своем творчестве и ставящего выше выдумки и фантазии реальную правду жизни.

Особое внимание к личности естественно привело Н.С. Лескова к такой форме повествования, которая давала возможность индивидуальной оценки событий самим героем, ибо характер всегда определяется не только в действии, но и в осознании, и в оценке героями самих себя, окружающей действительности, своих помыслов и стремлений, иными словами – в их мироощущении. Поэтому многие произведения писателя строятся, в основном, на монологе (например, «Воительница»), на повествовании от имени героя-рассказчика («Запечатленный ангел», «Очарованный странник» и многие другие). Такой способ повествования придавал необычное звучание всем событиям, описанным в повести, ибо события оценивались с точки зрения повествователя, поэтому и приобретала особое значение интонация рассказчика, в значительной степени определявшая стиль повествования.

Острая сюжетность и обилие фактов, своеобразный «бытовизм» в повествовании заложены в самом принципе лесковской художественной манеры и определяются той особой ролью, которую Лесков отводил рассказчику. Сюжет и композиция его произведений сложно связаны с речевым самораскрытием рассказчика.

Обратимся, например, к уже упоминавшимся произведениям. «Очарованный странник», «Запечатленный ангел» и другие произведения писателя построены как имитация живого повествования, по принципу – от истории к истории или от анекдота к анекдоту.

В каждом из упомянутых произведений повествование ведет рассказчик, переживший все повествуемое. Такая экспозиция не встречается в тех произведениях, где история, основной сюжетный узел связаны в первую очередь не с судьбой рассказчика, а с какими-либо историческими событиями, с какими-либо происшествиями, имеющими в первую очередь самостоятельное значение. Роль рассказчика здесь в значительной степени ограничивается ролью

передатчика событий, а события эти либо связаны с каким-то одним случаем в его судьбе, либо с каким-то ярким происшествием, случайным свидетелем которого он был. И хотя эти события подаются также «через призму» речи рассказчика, роль его в сюжетно-композиционной структуре произведения иная. На первый план здесь выступают типичный анекдот, история, случай, ценные и значительные сами по себе, иллюстрирующие ту или иную историческую обстановку. К произведениям такого характера относятся, например, «Овцебык», «Леди Макбет Мценского уезда» и некоторые другие.

Рассказчик Лескова, как уже говорилось, принес с собой в литературу не только особенную манеру повествования, но и самобытные «идеи», свое мироощущение, своеобразную форму. Этим объясняется такое необыкновенное разнообразие видов повествовательных форм, которые мы встречаем у Лескова. Здесь и житие, и очерк, и рапсодия, и такие эпические произведения, для которых автор не находит более определенных подзаголовков, чем «пейзаж и жанр» или «картинка с натуры».

Образ рассказчика у Лескова отличается обычно достаточно определенными социальными и профессиональными чертами, переданными через мастерскую стилизацию, что создает иллюзию «отдельности» героя, достоверности событий, будто бы взятых непосредственно из жизни, способствует динамическому воссозданию действительности в речевом изображении героя.

Воссоздание действительности через восприятие рассказчика, требуя своеобразного приспособления к его манере, заставляло внимательнее отнестись к нему самому, к его высказываниям, пристально оценивать его взгляды, рассуждения, действия, ибо рассказчик этот должен был ощущаться как третье лицо, через призму чувств, интеллекта и жизненного опыта которого воспринималась и передавалась действительность.

А.С. Орлов справедливо замечал, что особенность повествования Н.С. Лескова состоит в возбуждении интереса и внимания оппонента-слушателя путем ретардации, например, изображения само собою разумеющегося в специальном эпизоде, а также, к примеру, обстоятельностью каждой фразы, повторением выдуманных и эффектных слов, путем изменения своей речи в связи с показанием

речи каждого лица соответственно его характерности [14, с. 153-154].

В свое время академик В.В. Виноградов, ставя проблему исторической стилизации, рассмотрел образ автора в системе социально-экспрессивных речевых средств художественного произведения [12]. Указав на «прикрепленность» форм сказа к рассказчику, «посреднику между автором и миром литературной действительности», исследователь охарактеризовал рассказчика как «форму литературного артистизма писателя» и, анализируя «Левшу» Лескова, наметил динамические соотношения между автором и рассказчиком в произведении со сказовой структурой. Однако стилизация проявляется не только в лексико-синтаксическом строе языка, но в стиле речи в самом широком смысле слова.

Рассказ бывалого человека из народа должен передавать уровень его культуры, выражающийся прежде всего в естественно-повествовательных разговорных интонациях, и, разумеется, должен отражать наиболее запомнившиеся рассказчику события. Очевидно, что это будут события, касающиеся чего-то значительного, необычного в судьбе рассказчика, а также картины его быта.

Наиболее ярко из всех авторов в 60-80-е годы XIX века имитация стиля проявилась у Н. С. Лескова. Его интерес к стилизации связан с особым вниманием к народной речи, с борьбой писателя против неоправданного засорения языка, против «заполнения» речи иноязычными словами.

Стилизация Лескова отличается, как правило, глубокой реалистичностью, отражая полно и всесторонне мироощущение героя. Примеры подобного рода очень характерны для Н. Лескова. Достаточно упомянуть «Воительницу», «Левшу» и др. Такие произведения немислимо понять без верной интерпретации самого образа рассказчика. От правильного понимания роли и художественной функции рассказчика зависит верное осмысление творческого метода писателя.

Стилистическая манера Лескова основана на «демонстрации» речи рассказчика «из народа», с помощью которого передаются его (рассказчика) взгляды на вещи и отношения к окружающему. Автор как бы овладевает характерной манерой речи, вживаясь в образ героя или «подставного» автора-рассказчика до той степени, что грани между автором произведения и автором-рассказчиком стирают-

ся. Автор произведения сам выступает «в роли», чтобы дать, как, например, в *Левше*, нарочито «простонародное» толкование историческим событиям и лицам.

Однако в этом случае для правдоподобия рассказа необходим был живой образ, образ индивидуализированный, обладающий, следовательно, чертами, присущими в определенных социально-исторических условиях определенному классу, конкретной личности. Так, в процессе имитации стиля создается в том же «*Левше*» и во многих других повестях Лескова реалистический образ рассказчика, ибо во всяком реалистическом произведении характер проявляется как твердая определенность... который представляет собой новые или незамеченные, или мало проясненные явления жизни, ее черты и особенности, а вместе с тем и обобщающую, указующую, так сказать, идею писателя наряду с типической общественно-исторической характеристикой; в языке отражаются и индивидуальные черты данной личности.

При этом создание художественных образов с помощью использования устно-разговорной речи неизбежно сообщают рассказчику социально-бытовую (и отчасти психологическую) характеристику. Но для создания реалистических художественных образов общих черт фольклорного стиля недостаточно. Ценность сказа, как и вообще стилизации, определяется тем, насколько полно через «языковую призму» и через «языковое сознание» рассказчика раскрываются и его характер, и его отношение к событиям. Когда рассказчик выступает как личность, определенная в социально-историческом, национальном и морально-психологическом отношениях, то стилизация в сказе не может не отразить всех этих черт его личности. В развертывании повествования и в особенностях языка эти черты постоянно подчеркиваются писателем. Народный взгляд на события, отношение к людям, вещам передается в речи героев характерным «простонародным» переименованием слов. Так, в сказе о *Левше* и *стальной блохе* Лесков использует лексику и народную этимологию, переделывает слова не просто «на манер» народного русского языка, но всегда с определенным, иногда социальным, переосмыслением.

Совсем не случайно документ, например, назван «тугаментом». Крестьянам нередко приходилось туго от всевозможных бумаг, в значении которых они часто не разбирались, чем, бывало,

пользовались чиновники и прочие должностные лица. Или совсем не случайно фельетон переделан в «клеветон», а таблица умножения в «долбицу умножения». Дело не только в том, что эта таблица заучивалась наизусть, но и в общем отношении к школе, которая, как известно, была школой «зубрежки и муштры».

Хотя повествование в этих сказках по характеру передачи событий часто отзывается наивным пониманием общественных отношений рассказчиком через имитацию разговорного стиля, постоянно проступают черты трезвой народной оценки событий и людей.

В сказе Лескова «Левша», а также в других повестях, в которых стилизация занимает значительное место («Воительница», «Леди Макбет Мценского уезда» и др.), имитация стиля помогает создать характер с его общественно-историческими, национальными, общечеловеческими и индивидуальными чертами. Быт городского мещанства, например, в том виде, в каком его представил Н. Лесков в «Воительнице», ранее не был воспроизведен в литературе. Писатель обращается здесь к стилизации, ибо в речи не может не отразиться внутренний мир людей этой или другой этнографической и общественной группы.

Предложенная Н. Лесковым лексика в повести «Воительница» в сочетании с характерным синтаксисом – обилием вводных слов и предложений, придающих ей своеобразный, просторечно-экспрессивный оттенок, с наличием сложных синтаксических периодов, возникающих от частого употребления союзов иногда даже в случаях, когда отсутствует их непосредственная необходимость, частое употребление вопросительных и восклицательных предложений и необычайные обороты речи – создают своеобразную, пеструю, но вместе с тем цельную речь героини, вырисовывая как ее социально-исторический, так и индивидуальный облик.

Там, где речь автора близко «соприкасается» с речью героини, язык его в какой-то степени стилизован. Эту черту отмечал ранее Н. С. Антошин: «В подавляющем большинстве своих рассказов он свою авторскую речь стилизует под тот речевой фон, который создается в произведении, потому четко отделить авторский язык от языка персонажей весьма затруднительно». Это обусловлено не тем, что собеседник желает говорить «в тон» героине, а скорее стремлением автора не разрушать репликами собеседника своеобразный колорит диалога.

Особенно же важно заметить, что ориентация на стилизацию и сказ связана у Лескова не только с воссозданием речи отдельных героев. Стилизация здесь играет роль коллективно переосмысленной традиции речи. Через нее привносятся в речь героя чувства и опыт народной массы.

Жанр анекдота – небольшого сюжетно-острого бытового рассказа, иногда заключенного почти в афористическую форму, родствен народным прибауткам, пословицам и коротким сказкам. Поэтому многие герои Лескова по ходу дела рассказывают анекдоты. Рассказчик Лескова – почти всегда выходец из народной среды или тесно с ней связанный – не мог не пользоваться богатейшей кладовой народной мудрости инородного опыта, наблюдений и воспоминаний, сохранившихся и бытовавших в народе; в этом отношении Лесков явился продолжателем гоголевских традиций, заключавшихся в пристальном изучении и художественном использовании бытового материала, особом интересе к историко-этнографической и социальной стороне быта, к житейским «побасенкам» и историям. Картины, включавшие этот материал, становились тем более колоритны, что все возможные «вставные» истории, полубыли зачастую отражали не только реальные события, но и характерные черты миропонимания тех людей, среди которых они бытовали.

В критических заметках Н. Лескова постоянно встречается мысль о необходимости верного соответствия речи «быту». «Соответствие слов предмету имеет несомненное значение», – пишет он в одной из статей. Там же он отмечает необходимость поисков типических черт устной народной литературы, представляющей лиц отдаленной от народной среды быта. Писатель стремится связать работу «по изучению быта» с работой «по подделке языка» даже тогда, когда воссоздает мир, о котором источники дают только слабый и самый короткий намек. Лескову свойственно пристальное изучение «обстановочного» материала, особый интерес к историко-этнографической и социальной сторонам действительности, к житейским «побасенкам» и историям, отражавшим характерные черты миропонимания тех людей, среди которых они бытовали.

Само по себе указание на эту черту писательской манеры не может объяснить существо дела, ибо для понимания и оценки произведения нужно выяснить, какую функциональную роль играет тот или другой художественный элемент. Между тем до сих пор иссле-

дователи в основном ограничивались лишь самыми общими указаниями, говоря о природе анекдотизма Лескова. Анекдотизм Лескова носит своеобразный характер и вызван рядом причин, коренящихся, во-первых, в самом предмете изображения, во-вторых, в своеобразии реалистической поэтики писателя.

Несмотря на самое широкое использование разнообразных анекдотов, Н. Лесков все же никак не может быть назван «анекдотистом», ибо у него анекдот – не некая случайная, «ходячая» история, рассказанная кстати, но органическая часть его произведений, отвечающая общему идейному замыслу и закономерности развития реалистического характера. Как отмечал сам автор, всякий оригинальный анекдот, всякий непосредственный характер очень дороги писателю, стремящемуся воспроизводить жизнь в верных действительности чертах при этом он замечал, что все дело в том, как анекдот этот обработан. Как бы то ни было, в ряде произведений Лескова, несмотря на самую разнообразную «обработку», присутствие анекдота все же ощущается вполне определенно. Некоторые из его произведений построены в целом на обработанных «ходячих» анекдотах. Например, «Левша», выросший из целого ряда анекдотов и прибаутки: «англичане из стали блоху сделали, а наши туляки ее подковали да им назад отослали». Как указывает Б. Бухштаб, «приведенная Лесковым «прибаутка» могла возникнуть как конспект анекдота» [11, с. 72-101].

Своеобразие анекдотизма у Лескова определяется прежде всего художественными принципами писателя. Изображая жизнь «изнутри», Лесков стремился запечатлеть быт как бы самораскрывающимся в характерных бытовых историях, рожденных в самой гуще народной жизни. Сам писатель отмечал не только «вымышленность» многих из «историек», бытующих в народе, но понимал, что в них всегда сильно и ярко обозначается настроение умов, вкусов. Жизнь широких слоев простолюдинов, крестьян, купцов, мелкого духовенства, мастеровых была почвой, из которой вырастали и формировались всевозможные бывальщины и анекдоты, привлекавшие внимание писателя.

Тем же объясняется включение анекдотов в ткань исторических произведений писателя, ибо для рассказчика-простолюдина история – не общегосударственные события, но прежде всего события, связанные со всевозможными случаями, слышанными и пере-

житыми им самим. История, освещенная субъективным опытом рассказчиков и свидетелей, у Лескова, как правило, приобретает характер анекдотичности. Фактическая достоверность как один из признаков реалистического изображения в этом случае отступает на второй план, и особое значение приобретает типичность рассказа.

Анекдот у Лескова всегда сюжетно оправдан. Именно поэтому писатель никогда не боится использовать в произведениях «ходячие» анекдоты. Бывает, что на ходячем анекдоте Лесков строит и сюжет всего произведения в целом. Иной раз один и тот же анекдот, передаваемый разными лицами, живо воссоздает галерею характеров и типическую обстановку «с натуры», объединяет все изображения среды.

На анекдотах, распространенных в народе, автор строит рассказ, значение которого гораздо шире, глубже, значительнее рассказанного случая, ибо в нем верно отразились темный быт и страшное невежество крестьянства, бедность и нищета, царившие повсюду.

Лесков не выдумал свой «сказ» и свой язык, он как бы «отточил» речь выдуманного рассказчика, которую положил в основу своего повествования; речь эта определялась взглядом на мир через призму рассказчика, через его «самораскрытие». Искусство речи Лескова, та «игра словом», которую не раз отмечали у него, расширяло возможности изобразительности, образности слова, увеличивая тем самым «весомость» и полноту отраженных писателем картин.

Переиначенные на народный манер слова приобретали иной смысловой оттенок, передавали новые ассоциации и новое, по сравнению со словом-первоисточником, эмоциональное содержание. Это новое содержание слов обогащало речевую палитру Лескова-художника. Овладев языком и «образом мышления» массы, полно воплотив этот образ мысли и чувствований в речах «самовыражающихся» личностей из народа, Лесков немало способствовал дальнейшему развитию реализма.

Старательно сдерживаемое автором личное отношение к событиям постепенно прорывается в его беллетристике. Н.С. Лесков всегда оставался больше публицистом там, где речь его не вытеснялась речью рассказчика-повествователя, не соотносилась с ней, а выступала самостоятельно. Эти тенденции нашли свое яркое выра-

жение в современной Лескову и последующей литературе, с ее новым активным героем, требовавшим собственного слова.

Мы ценим в Лескове непревзойденное по богатству, яркости, самоцветности, воистину самобытное русское слово, редчайшую способность художественного перевоплощения, художественное чутье и знание народной языковой стихии.

Мы ценим в Лескове ту богатейшую эмоциональную стихию глубоко национального, русского юмора, который ненавязчиво окрашивает почти все его рассказы и повести, придавая им совершенно особый национальный колорит, беспощадную едкость его сатиры, направленной против всего уродливого и бесчеловечного в окружающей его деятельности.

Мы ценим в Лескове глубочайшую любовь к своей родине и простым людям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лесков Н.С. Полное собрание сочинений: В 30-ти тт. – М.: ТЕРРА, 1996.
2. Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 11-ти тт. / Под общей редакцией В.Г. Базанова, Б.Я. Бухштаба, А.И. Груздева, С.А. Рейсера, Б.М. Эйхенбаума. – М., 1956-1958.
3. Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 12-ти тт. / Составление и общая редакция В.Ю. Троицкого. – М., 1989.
4. Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 6-ти тт. – М.: Экран, 1993.
5. Лесков Н.С. Собрание сочинений: В 5-ти тт. / Составление и общая редакция В.Ю. Троицкого. – М., 1981.
6. Лесков Н.С. Захудалый род. Детские годы. Павлин / Составление и вступительная статья В.С. Семенова. – М., 1985. – 448 с.
7. Лесков Н.С. Повести и рассказы / Вступительная статья и примечание Л. Крупчанинова. – М., 1981.
8. Лесков Н.С. Повести и рассказы / Составление и вступительная статья С.Ф. Дмитриенко. – М., 1997.
9. Лесков Н.С. О литературе и искусстве. – Ленинград, 1984.
10. Аннинский Л.А. Лесковское ожерелье. – Москва, 1986.
11. Бухштаб Б.Я. Литературоведческие расследования. – М.: Современник, 1982. – 176 с.
12. Виноградов В.В. Язык и стиль русских писателей. – М., 1990.
13. Горький А.М. Собрание сочинений: В 30-ти тт. – Т. 8. – М., 1953. – 512 с.
14. Орлов А.С. Язык русских писателей. – М.-Л., 1948.

**«ДЕТСТВО» МАКСИМА ГОРЬКОГО
И «БУРЕПОЛОМ» ФЁДОРА СУХОВА:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Елена Фёдоровна Сухова

*к. филол. н., методист ООО Судоходная компания «Ока»
г. Нижний Новгород, e-mail: malikaulya@yandex.ru*

Сопоставительный анализ автобиографических повестей: «Детства» М. Горького и «Буреполома» Ф. Сухова - позволил прийти к следующим выводам. Несмотря на совпадение выбранных авторами эпизодов из детства мальчиков, Алёши и Федяшки: похороны родных, нелёгкая жизнь матерей, болезни, драки со сверстниками, обучение дедушками грамоте, рассказы бабушек о старине, умерших младенцах, Боге; приобщение к религии, знакомство с нечистой силой, отношение к работникам, живущим в доме, – повести сильно разнятся по взглядам авторов. Ф. Сухов, продолжая горьковские традиции, расходится с пролетарским писателем мировоззренчески: вера в Бога, критика нового порядка, любовь к родному краю, дому, нижегородскому наречию, родным людям, – в «Буреполоме» всё против человеконенавистнической идеологии, при которой жил и творил автор.

Ключевые слова: Максим Горький; Фёдор Сухов; «Детство»; «Буреполом»; автобиографическая повесть о детстве

Нижгородские (в советское время горьковские) писатели найдись, да и сейчас находятся под огромным влиянием таланта Максима Горького – величайшего пролетарского писателя, родившегося и выросшего в Н. Новгороде.

В 1893 году Горький набрасывает две заметки о своем детстве, а в 1906 году пишет И.П. Ладыжникову о том, что собирается взяться за работу над автобиографией: «...Очень много разных литературных планов, и кстати, уж думаю взяться за автобиографию...» К работе над повестью «Детство» Горький приступает в 1910-е годы, и продолжает её в 1912-1913 гг. С августа 1913 года в газете «Русское слово» «Детство» публикуется отдельными главами. Сначала повесть «Детство» выходит в Берлине (в 1914 г.), а в 1915 г. в России, в издательстве «Жизнь и знание». Повесть оценили: поэт Д. Н. Семеновский пишет: «...Ваше “Детство” прекрасно, я благоговею пред ним... бабушка – прелесть...», литератор П.Х. Максимов – «Детство» – очень хорошо, замечательно, искусно...». Отмечали и недостатки: писатель М. М. Пришвин пишет в письме М. Горькому: «Детство» – очень хорошая книга, но это все-таки половина того, что нужно: не хватает в ней самого мальчика Пешкова...» [1].

Многие пишущие шли по стопам великого пролетарского писателя, продолжали традиции, предоставляя на суд читателя свои повести о детстве, вот и Фёдор Сухов вслед за именитым земляком не избежал желания описать своё детство в книге «Буреполом» [2].

Автобиографическая повесть Ф. Сухова (1922-1992) русского поэта-фронтовика «Буреполом» впервые опубликована отрывком «Масленица» в газете «Земля нижегородская», в 1991 году, в №9. В 1993 году волгоградский журнал «Нива» опубликовал уже посмертно подготовленный автором отрывок из повести «Горицвет». «Авдотьян подол», небольшой отрывок из повести опубликовала в 1994 году газета «Литературная Россия». В ней же в 1995 году напечатано «Рождество 1929 года» – тоже отрывок из повести. «Горицвет» – отрывок опубликован в 1997 году в журнале «Наш современник», «Рождество 1929 года» – в 1998 году напечатала газета «Старообрядец», выходящая в Н. Новгороде. В 2016 году в волгоградском журнале «Отчий край» опубликована вся повесть «Буреполом». Нижегородский журнал «Нижний Новгород» напечатал повесть в 2017 году. Отдельной книгой повесть вышла в том же 2017 году в издательстве «Книги» в Н. Новгороде [3]. Издание распространено по всем библиотекам города Н. Новгорода и Нижегородской области и нашло широкий читательский отклик. Учёные-филологи ННГУ им. Н.И. Лобачевского предложили включить повесть в список, рекомендованный для чтения школьникам [4].

Ф. Сухов убеждён и пишет в авторских философских раздумьях на страницах «Буреполома», что «потеря родного языка, забвение семейных устоев равносильны потери самой человеческой сущности...» [2]. Основным героем автобиографической повести, как и у М. Горького, является сам автор в семилетнем возрасте – Федяшка – растущий в «староверском доме», под присмотром бабушки Анисьи Максимовны и дедушки Петра Матвеича, истового старовера, главы большого дома, на который уже наступают атеистические нововведения и коллективизация, события повести происходят в селе Красный Осёлок, Нижегородской губернии.

Музей детства Алёши Пешкова – «Домик Каширина» открылся в 1938 году, но Ф. Сухов попал в него только после войны, когда сторожем в музее работал прекрасный поэт Михаил Тимонин. Сухов узнал о стихах М. Тимонина из газеты «Горьковская коммуна» в седьмом классе неполной средней школы:

*Зима дрожащими осинами
Качает полную луну.*

Демобилизованный колхозник хозяйства «Победитель», Ф. Сухов, не смея зайти в газету «Горьковская коммуна», чтобы предложить свои стихи, решил поискать там автора полюбившегося стихотворения. Вернувшийся с войны, бесприютный сирота Михаил Тимонин проживал в сторожке домика Каширина. И вот: послевоенный город Горький, домик Каширина, Михаил Тимонин и Фёдор Сухов, бездомные, как и в дни своей юности Максим Горький, оба фронтовики, разница между ними 12 лет, не устроенные в жизни, никем не облаканные талантливые поэты, пишущие об одном и том же, встретились под крышей музейного домика. Разговоры с близким по духу поэтом, обстановка домика, напоминавшая обоим их отчие дома, из которых они рвались в поэзию, в известность, вызвали у Сухова желание воспеть свой родной край, своё село, свой староверский дом. «Улеглись на полу», – вспоминал Ф. Сухов о той встрече в год смерти Тимонина в предисловии к своему сборнику ... всю ночь говорили о поэзии, читали стихи. «И лежу я здесь в музее, как не нужный экспонат», – грустно читал Тимонин, тогда-то Ф. Сухов «понял, настоящая поэзия обитает не на небе, а живёт и дышит на нашей земле». А когда через годы его спрашивали: «Что нужно, чтобы стать поэтом?» – отвечал, – «Нужна серебряная рубашка», – считая строки Тимонина гениальными.

*Пробежал в серебряной рубашке
Шаловливым мальчиком ручей [5].*

Попытка сопоставить повести «Детство» и «Буреполом», привела к выводу, что Ф. Сухов писал свою повесть с оглядкой на горьковскую, не подражая ей, а в чём-то противореча и споря с «Детством».

1. Обе повести начинаются с похорон. В «Детстве» – похороны М. Пешкова, умершего от холеры, в «Буреполоме» – похороны дяди по матери Василия Архипова, тоже молодого, ушедшего раньше времени, убившегося при падении в колодезь. Те же пятаки на глазах покойника, но другое отношение у Сухова к происходящему: «не страшат, ни борода, ни руки, только пятаки страшат». Поведение вдовы Овдотьи резко отличается от поведения Варвары, матери Алёши Пешкова: Варвара не верит в Бога, обозляется на всех, ожесточается на свою мать, пытающуюся проявить свои чув-

ства: «бабушка ... плачет, дрожит вся и дергает меня, толкая к отцу; я упираюсь, прячусь за нее; мне боязно и неловко и теперь мне хочется, чтобы она скорее ушла со мною из этой комнаты» [6]. Сухов приводит вдовий плач, настраивающий на скорбь, волнующий даже детей, поэтизирует крестьянский похоронный обряд.

Отработали твои рученьки

Отдержали соху-сошеньку...

Маленький Федяшка, не выдерживал, залившись слезами «выкатился на улицу», тогда как Алёша с интересом рассматривает лягушек в могиле отца, не испытывая никакой скорби...

2. В повести «Детство» между дядьями и матерью Алёши и имущественный, и духовный разлад. Её братья, Яков и Михаил, выживают сестру из родного дома, после смерти матери Алёша становится никому не нужным: «Мать сказала тяжело и громко: «Я сама на всю жизнь сирота! Если бы не Алексей, ушла бы я, уехала! Не могу жить в аду этом, не могу, мамаша! Сил нет...». В «Буреполоме» братья после смерти отца сестру Марию девочкой, выставили из родного дома без приданого, выдали замуж за вдовца с двумя детьми. Мать Федяшки всю жизнь страдает от своей нищеты, чувствует себя униженной в семье мужа, убегает из дома, но в конце концов смиряется, Варвара тоже бежит из родного дома, чувствует себя в нём сиротой, смерть избавляет её от мучений и страданий, причиной которых был разлад в родном доме, незащищенность, а в сущности-то уничтожение её братьями. В повести Сухова в семье намечается ещё и религиозный разлад: сыновья Петра Максимовича, дядя автора по отцу – Егор и Фёдор, по-разному относятся к насильственному искоренению религии: Егор Петрович при живом отце с удовольствием бросает домашние иконы дониконовского медного литья в колодец; Фёдор Петрович, после смерти отца спасает из разорённой моленной книги и иконы, хранит их в своей кладовой, передаёт сыну Степану, некоторые из них Степан даст для работы над драмой об Аввакуме «Красная палата» (1970г.) своему двоюродному брату Фёдору Григорьевичу. Книги, отданные Ф. Сухову, помогут поэту и при написании «Буреполома» (1984-1992г.г.). «Видел Пётр Матвейч, какая рознь, какая заболоть пролегла промежь его последышами, молодшими сыновьями, один – в дом, другой из дому, один в дело, другой – в безделье. И не токмо в безделье – в тяжкий грех, в преступление». Бабушка рассказывает

Федяшке: «Оженился Егор Петрович, невесту он взял из Кремёнок, взял не по вере (не старообрядку *прим. Е. Суховой*). Тогда дедушка-то твой и проклял его, анафеме предал».

3. Общим для обеих повестей является отношение сверстников к Алёше и к Федяшке. Алёша чужой в доме, безотцовщина, мать не может заступиться за него, когда дед решает для науки выпороть внука, только бабушка пытается вступить за него: «Лексея не дам! Не дам, изверг!» Позднее тот научится отбиваться: «Я не знал, что такое «бырь», и прозвище не обижало меня, но было приятно отбиваться одному против многих...». Федяшку тоже задирают, обзывают «кулугуром», заставляют грязно ругать мать, не уроженку села, к ней на всю жизнь пристали прозвища «беглянка, молодка», сын также отчаянно дерется со сверстниками. Следует добавить, что ни отец, ни дед, ни сам Ф. Сухов, как истинные староверы, никогда не ругались матом. Мать поэта даже слово «чёрт» не произносила.

4. Болезнь для Алёши после порки деда была хорошим временем, с рассказами и заботами о нём бабушки; – у Федяшки, заболевшему после падения в талую воду, болезнь тоже стала единением с близкими: сказка о Горлице, рассказанная сестрицей, чудесный сон о Боге, изменивший его понимание мира, страх матери потерять единственного сына и проявления любви и заботы к больному всей семьи.

5. Рассказы детям про смерти и болезни младенцев чем-то похожи в обеих повестях. Акулина Ивановна: «Ведь у меня восемнадцать было рожено; да вот полюбил Господь кровь мою, всё брал, да и брал ребятишек моих в ангелы». Мария Ивановна: «А ты ведь тоже чуть, было, не умер. Родила я тебя худюшего. Рука, нога по соломинке. Поутру родила, думала голос подашь, не подал... А коли на кровать тебя положила, двигаться перестал, неживым сделался, только слёзы из глаз текли... Дедушка твой лампаду засветил, стал молитву творить. Долго творил, долго стоял перед божницей. Не знаю, не могу сказать за здоровье али за упокой усердствовал, наверно, за здравие. Дедушка-то любит тебя...»

5. Близки в повестях и сны о Боге. У Сухова: «восседает на своём престоле сам Бог Саваоф. И мне захотелось увидеть Бога, и я его увидел. Ко мне подошли два ангела, они-то и спровадили меня к Престолу Всевышнего... Я испугался, я знал, что Бог невидим, что

только чистые души узрят его, да и то не на этом, а на том свете». У Горького бабушка Акулина делится с внуком: «Сидит Господь на холме, среди луга райского, на престоле синя камня яхонта, под серебряными липами, а те липы цветут весь год кругом; Бога видеть человеку не дано, — ослепнешь; только святые глядят на него во весь глаз. А вот ангелов видела я; они показываются, когда душа чиста».

6. Оба деда учат внуков грамоте по Псалтыри, но по-разному. «Я знал, что я молодец, батя-батенька не только читать (правда, по-славянски), но и считать меня научил», Федяшкой гордятся дома, хвалят за тягу к книге. У Горького: «Я очень рано понял, что у деда – один бог, а у бабушки – другой. Дед, поучая меня, тоже говорил, что Бог – существо вездесущее, всеведущее, всевидящее, добрая помощь людям во всех делах, но молился он не так, как бабушка... он крестится часто, судорожно, кивает головою. Позднее, бывая в синагогах, я понял, что дед молился, как еврей. Дед водил меня в церковь. Я и во храме разделял, когда какому богу молятся: всё, что читают священник и дьячок, – это дедову богу, а певчие поют всегда бабушкину... дедов бог вызывал у меня страх и неприязнь... Бог был самым лучшим и светлым из всего, что окружало меня, – бог бабушки, такой милый друг всему живому». В «Буреполоме»: «Вначале сотвори Бог небо и землю. Земля же бе невидима и не устроена...», – по складам, часто запинаясь, читал мой батенька, читал отрешённо, без тени какого-либо сомнения в правдивости непонятно звучащих слов. Батенька не держал меня возле себя, но он радовался, светлел всем своим существом, всей собью, когда я, встав на скамью, клал поясные поклоны... Я шёл по стопам деда, потому-то так незабвенно, так трепетно любил меня не утративший своего древлего благочестия, набожный старик».

7. Рассказы бабушек представлены в обеих повестях, воспоминания Акулины Ивановны о своём житье с матушкой, возможно, лучшие страницы повести «Детство»: «Ходим, бывало, мы с ней, с матушкой, зимой-осенью по городу, а как Гаврило Архангел мечом взмахнет, зиму отгонит, весна землю обымет, – так мы подальше, куда глаза поведут. В Муроме бывали, и в Юрьевце, и по Волге вверх, и по тихой Оке. Весной-то да летом хорошо по земле ходить, земля ласковая, трава бархатная; пресвятая Богородица цветами осыпала поля, тут тебе радость, тут ли сердцу простор!» У Сухова

бабушкины рассказы несут политическую остроту. Тяжело было видеть бабушке Анисье Максимовне, как уродует жизнь села, его устои новый порядок – коллективизация. Не отступивших от веры христиан, обвиняют в том, что они кулаки, снимают с них сапоги, уносят из красных углов на переплавку святыни, разоряют дома, гонят на Соловки, превращённый из монастыря в лагерь для заключённых. Ни один из угнанных односельчан не вернулся живым, никто не знает, как и где они сгинули. Ф. Сухов приводит великолепно стилизованный под народный «Плач бабушки Анисьи», в котором есть такие слова:

*По Заволжью кони топали –
Хан Батый скакал по Заволожью,
Подступался, подбирался к граду Китежу.*

8. Рассказы детям о нечистой силе присутствуют в обеих повестях: у Сухова колдун Протас, который может всю избу водой наполнить, людей с места на места перенести, у Горького – чёрт чудится бабушке: «Иду как-то великим постом, ночью, мимо Рудольфова дома; ночь лунная, молосная, вдруг вижу: верхом на крыше, около трубы, сидит черный...» Гляжу, а на меня тройка вороных мчится, и дородный такой чёрт в красном колпаке колом торчит, правит ими, на облучок встал, руки вытянул, держит вожжи из кованных цепей».

9. Описание жестокого отношение мужа к жене представлены в обеих повестях, но поданы по-разному. В рассказе бабушки Алеши страшная жестокость преувеличена: «Все-таки теперь уж не бьют так, как бивали! Ну, в зубы ударит, в ухо, за косы минуту потреплет, а ведь раньше-то часами истязали! Меня дедушка одна бил на первый день Пасхи от обедни до вечера. Побьет – устанет, а отдохнув – опять». Матери Федяшки тоже не сладко в семье мужа, но Сухов не обвиняет отца: «я понимал, как (матери) тяжело вспоминать те дни, которые выматывали последние силы. На жнитве, на молотье и на иной тяжелой работе: «Дотащусь до загона, сброшу тебя с руки-то и – к постати... сердце-то не на месте. К твоей холстине всё оборачивается, разрывается на части, за тебя боязно и серп-ат не бросишь, с постати-то не уйдёшь. Отец-ат твой, он как зверь, всё поле мог сграбастать в свою пятерню. «Гриша, передохни!», – куды там, до передыха ли. Горсть за горстью кладёт. Далеко

ушёл от меня. А ведь поstattь-то в два раза шире моей. Зверь, чистый зверь!...»

10. Лапотник Гаврила и красильщик Григорий, работники в обоих домах, отношение Алёши и Федяшки к ним схожее, хотя Алёша побаивается работника, а Федяшка набирается от них ума-разума: «ему (Гавриле) сам Бог велел ночевать у тех, кто позвал, кто испытывал нужду не в лаптях, так в ступнях. Не так уж много было в моём мальчишестве радостей, одной из них, пожалуй, самой памятной была радость присутствия в нашем кержацком полудомке постороннего человека, кто бы он ни был – гость из-за Волги, странник с нищенской сумой, отбывший свой срок заключения лагерник, все они возбуждали во мне живое любопытство, я упивался их рассказами». У Горького Григорий, с одной стороны, вызывает уважение, а с другой - страх у детей и насмешки у молодёжи: «Ты не бойся его, он добрый; ты гляди прямо в глаза ему, он это любит... с Григорием – просто, как с бабушкой, но жутко, и кажется, что он из-под очков видит всё насквозь...».

Обе повести близки только по вышеперечисленным сюжетным линиям, персонажам, но в главном: по отношению к Богу, к дому, к родному языку, по идеологической направленности произведения сильно разнятся.

«Зачем Вы это написали?» – спрашивал Лев Толстой М. Горького. Несмотря на гениальность М. Горького, повесть «Детство» слишком грубо представляет нам уродливую жизнь мещанской семьи, не давая положительного примера для подрастающего поколения. Писатель Федор Сологуб отзывался о повести так: «Рубит фигуры из слов, как Ерзя из мрамора. <...> Читаешь и досадуешь» [1].

1. Как ни приучали Алёшу Пешкова к Богу, вырос он неверующим человеком. Его основной постулат: «Люди способны изменить всё, от Бога ничего не зависит», у Толстого, а вслед за ним и Сухова: «Человек – слуга Бога!» Сухов, как глубоко верующий человек, несмотря на советскую власть, членство в партии (куда его приняли на фронте, как командира взвода противотанковых ружей), членство в Союзе писателей СССР, основывался и в своём творчестве, и в жизни на христианские ценности. Невзирая на советскую цензуру писал духовные стихи, опубликовал при жизни историческую драму «Красную палату» (1971) – о великом протопопе Авва-

куме, написал, но была опубликована после смерти драма «Великий государь» (1984 г.) - о патриархе Никоне. Вышел из членов КПСС осознанно: написал заявление в партийную организацию Горьковского отделения СП СССР, уплатил требуемые членские взносы, чтобы не исключили формально за неуплату. Заявление обсуждали, оно получило огласку не только в Горьком. Ездил на открытие памятника протопопу Аввакуму в Григорове, в присутствии высокого начальства, молился, припав на колени перед гением великого земляка, прочитал крамольный, даже по сегодняшним меркам отрывок из своей драмы; совершал паломничество на Соловки, перед смертью исповедался и причастился, обвенчался с женой, завещал похоронить себя в могиле дедушки и бабушки на оскверненном староверском кладбище в колхозных садах села Кр. Осёлок.

2. Бабушка М. Горького, хоть и верующая, но по словам дедушки не образована и глупа, Святого писания не читала, а любила молиться по-своему. Горький не любит правду, его Лука тоже уводит в ложь. У Сухова во всём творчестве только правда Христа и правда жизни, староверы – противники лжи, стремление Сухова к великой истине стало смыслом его жизни: «Чтоб только великая истина мои обжигала уста» [7, с. 157]. Герои Горького - бабушка и дедушка – далеки от прототипов, Хорошее дело – придуманный персонаж, считают критики «Детства». А персонажи «Буреполома» подлиннее, описаны любовно, без осуждения, с указанием настоящих имён и фамилий, на память их близким, помнившим родных в момент написания повести.

3. У Горького картины природы встречаются в рассказе бабушки, но читатель так увлечен сюжетом повести, что не замечает их. Для Сухова – мир природы божественен, формирует душу ребёнка, чрезвычайно важен для становления человека, автор хочет рассказать потомкам, как в селе праздновали и христианские, и языческие праздники по Солнцевороту, вспомнить связанные с ними пословицы, поговорки, колядки, песни селян, ушедшие, ко времени написания повести, из их колхозной жизни.

4. Детство Федяшки проходит в крестьянском доме, поэтому любовь к животным естественна для ребенка: кормилица корова Жданка, лошадь Боярыня, ягнята, пойманный и погибший зайчик, птички – всем нашлось место в «Буреполоме». У Сухова в рассказе каторжника медведь, с которым тот подружился, спасает его от

верной гибели. В «Детстве» только бабушка проявляет жалость к животным, скворцу «на место откушенной ноги ловко пристроила деревяшку и, вылечив птицу, учила ее говорить», останавливает во время пожара испугавшегося коня.

5. М. Горький попеременно увлекался народничеством, толстовством, нищезанятием, марксизмом, в политических взглядах оставался на радикальных позициях. В 1928 году возвращается из Италии, восхваляет успехи коллективизации, оправдывает деятельность ОГПУ, прославляет Сталина. Ф. Сухов избегал общения с чуждыми ему по духу людьми – отсюда уход в одиночество, изоляцию, отказ от премий. Ему удалось не предать веру предков, сохранить в чистоте свою душу. В «Буреполоме» Сухова всё против человеконенавистнической идеологии, при которой он жил и творил, и которую обличал и в стихах, и в прозе.

6. Огромная разница между повестями обнаруживается в языковом их оформлении. Отдавая должное «Детству» М. Горького, Ф. Сухов не понимал, почему Алексей Пешков, нижегородец, родившийся в 19 веке, выросший в семье деда и бабушки, выходцев из нижегородской глубинки, не передал прекрасную речь Нижегородчины в своей повести, а использовал немного просторечных выражений только для речевой характеристики бабушки, а в целом, избегает, как бы стесняясь нижегородского диалекта.

Автор статьи изучила словарь к повести «Детство», составила к повести «Буреполом» небольшой словарик особенных, нижегородских слов [8]. Появилась возможность сравнить оба словаря. Совпадений в них нет, то есть каких-то особых, нижегородских слов, М. Горький избегал. Только одно слово - «Запон» – обозначение женской рабочей одежды – передник - является общим. Бабушка о Цыганке «Лежит, в запон обернут». Приведём несколько слов из речи бабушки Алёши - запылилася; окоптела; молосная; окститься; едучий; самонужная; осела на Балахне; калашница; неслух; сердечушко; седни; томаша [9]. Сухов же высоко оценивает язык своих односельчан: «мало кому ведомо, что деревенская женщина, которая не могла расписаться и считалась неграмотной, была несравнимо грамотней дипломированных выпускников филологических факультетов, многих преподавателей отечественной словесности, вряд ли наши просвещённые сударыни-сударыни знают столько сказок, песен, поговорок, пословиц, сколько их знала моя бабушка

Анисья Максимовна, да и мать моя владела таким запасом слов, какой и не приснится завятым лексикологам, составителям многотомных словарей». Вдова Ф. Сухова, Сулова Клавдия Ермолаевна, под чьи молитвы, и на чьих руках поэт упокоился, оставила подробные воспоминания о муже. В них она вспоминает, что профессор Литинститута А. А. Реформатский, интересовался у своего студента Ф. Сухова, из какой тот местности и кто так красиво говорит в его семье, узнав, что мать поэта, съездил в Красный Осёлок, побеседовал с ней, записав образцы её речи [10].

7. Повесть Сухова в отличие от повести Горького пронизана благодарностью своим родным, особенно матери: «Милая моя, моя незабвенная страдальца, мать моя, через много-много лет на закате полной разными превратностями жизни, я вспоминаю и запечатлеваю, в сущности-то ничем не примечательные события. Запечатлеваю не ради удовлетворения какого-то тщеславия, не ради поучения или назидания. Возможно, в меру сил мне посчастливилось воссоздать некую картину бытия. Пусть эта картина не будет выставлена для всеобщего обозрения, она живописуется не для вернисажа, хорошо, ежели попадёт в какой-то запасник, в какую-то кладовую. Кладовая человеческой памяти да сохранит мой холст, моё полотно...». Горький же писал: «Вспоминая эти свинцовые мерзости дикой русской жизни, я минутами спрашиваю себя: да стоит ли говорить об этом? И, с обновленной уверенностью, отвечаю себе: стоит; ибо это – живучая, подлая правда, она не издохла и по сей день». Сухову пришлось жить и творить при новой «дикой жизни», он пытался противостоять ей, и всегда был верен своим корням, своему «древлему благочестию».

ЛИТЕРАТУРА

1. <https://www.literaturus.ru/2016/05/istorija-sozdanija-detstvo-gorkij.html> (Дата обращения 5.03.2022 г.)

2. Сухова Е.Ф. «Я в староверском возрастал дому...» // Сухов Ф. Буреполом. – Н. Новгород: Книги, 2017. – С. 5–18.

3. Фёдор Григорьевич Сухов: Библиографический указатель. – Н. Новгород, РИО НГОУНБ, 2022. – 156 с.

4. Изумрудов Ю.А. «Радость долгожданного урожая»: автобиографическая повесть Федора Сухова «Буреполом» // Современная русская литература для детей и о детях. – Н. Новгород, 2021. – С.28.

5. Сухов Ф. Серебряная рубашка: [предисловие] // Сухов Ф. Сладкая польнь: лирика. – Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1978. – С. 3–4.

6. Горький Максим. Детство: Повесть. – М.: Дет. лит., 2002. – 248.

7. Сухов Ф. Вербное воскресенье: стихотворения и поэмы. – Волгоград: Издатель, 2012. – 591 с.
8. Словарь автобиографической трилогии М. Горького в 6 вып. – Л., 1974-1990.
9. Сухов Ф. Буреполом: – Н. Новгород: Книги, 2017. – 271 с.
10. Суслова К.Е. Русский поэт Федор Сухов // Русская речь (Саратов). – 1998. – № 3. – С. 4.

ОБРАЗ БЫТИЯ КАК БОЖЬЕГО ДАРА В ТВОРЧЕСТВЕ Б.К. ЗАЙЦЕВА

Наталья Евгениевна Титкова

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, к.филол. н., доцент кафедры
русского языка и литературы историко-филологического факультета
Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: nataly.arzamas@yandex.ru*

В статье рассматривается творчество Б. К. Зайцева, яркого представителя русской литературы Серебряного века, творчество которого развивалось в русле неореализма. Доказывается мысль о том, что одним из глубинных истоков стиля писателя, в частности, его импрессионистской манеры изображения действительности, является его православное мировоззрение, восприятие жизни как Божьего дара, умение ценить каждое мгновение жизни. Жизнелюбивый пафос произведений Зайцева, своеобразие художественной трактовки тем «маленького человека», смерти, любви в его произведениях обусловлены «христианским» кодом сознания писателя.

Ключевые слова: неореализм; импрессионизм; пантеизм; динамика чувств; герой; образ; сюжет.

В 1907 г. в статье «О реалистах» А. А. Блок писал: «Есть среди реалистов молодой писатель, который намеками, еще отдаленными пока, являет живую весеннюю землю, играющую кровь и летучий воздух. Это Борис Зайцев» [1, с. 124]. Эти слова прозвучали как радостное приветствие вступления в русскую литературу нового продолжателя ее лучших традиций.

Борис Константинович Зайцев вырос и получил воспитание в настоящем «дворянском гнезде» – в атмосфере богатого барского дома, в высококультурной семье, где родители заботились, прежде всего, о нравственном и интеллектуальном развитии детей, а природа «тургеневско-толстовской полосы России» щедро питала их души впечатлениями красоты и гармонии. Это ощущение красоты Божьего мира отразилось в первых же произведениях Зайцева, а

писать он начал с семнадцати лет, и первые его литературные опыты получили сдержанно-благодарные оценки современников.

Первые рассказы Зайцева, опубликованные в 1901 – 1903 гг. в московской газете «Курьер» («В дороге», «Соседи», «Гора угрюмая» и др.) хотя и были во многом подражательными, несли на себе явственный отпечаток влияния Л. Андреева, были наполнены теплом и светом, сочувствием к «слабому человеку», который находится в орбите мирового зла.

В раннем творчестве Зайцева наиболее четко в русской прозе начала XX века проявились черты импрессионизма. «Я начал с импрессионизма. Именно тогда, когда ощутил для себя новый тип писания: «бессюжетный рассказ-поэму», с тех пор, считаю себя писателем» [2, с. 587], – писал Зайцев в эмиграции, вспоминая начало своего пути в литературе.

Импрессионизм, как известно, это особый тип творчества, для которого характерно стремление автора запечатлеть первоначальное, часто мимолетное впечатление от предмета или явления. Реальный мир в произведении импрессиониста предстает таким, каким он был увиден в данный момент. Писателю-импрессионисту для создания образа важно подобрать такие слова, чтобы они передавали впечатление во всей полноте ощущений – зрительных, слуховых, осязательных и т. п. Зайцев обладал редким даром при помощи слова передавать цветовое и звуковое многообразие окружающего мира, его изменчивость и подвижность. Он был подлинным импрессионистом и в изображении внутреннего мира человека, стремясь отобразить трудноуловимые настроения и ощущения своих персонажей, сложную динамику чувств.

Почему же он рисует картины в своих произведениях именно кистью импрессиониста? Думается, одним из глубинных истоков такой стилевой манеры писателя является его православное мировоззрения, восприятие жизни как Божьего дара, умение ценить каждое мгновение жизни, отсюда и стремление остановить как можно больше таких мгновений, посредством искусства слова, сохранить их, поделиться ими с читателями. Тот же исток имеет и другая стилевая доминанта его творчества – лиризм. Зайцев считается создателем лирической прозы в русской литературе XX века. Это проза, во многом идущая от поэзии, объединяющая в сложном художе-

ственном единстве элементы эпического и лирического изображения мира и человека.

В 1903 – 1910 гг. Зайцев создает ряд произведений, которые критиками определяются как лирико-импрессионистические рассказы-настроения: «Земля» (1902), «Мгла» (1904), «Тихие зори» (1906), «Деревня» (1904), «Полковник Розов» (1907), «Заря» (1910) и др. Они почти бессюжетны. Предметом описания для автора может стать летний день влюбленных в пустой усадьбе («Миф», 1906), охота на волка («Мгла»), детские воспоминания («Заря») и т.п. Но все эти рассказы наполнены обостренным ощущением живой жизни, являют красочные, эмоционально насыщенные образы русской природы.

Связь человека и природы, проявления их органического единства, идеи космизма, - все это находило живой отклик в душе писателя и получило освещение в его творчестве. Человек в художественной системе Зайцева представлен как часть космоса, он существует в нераздельной слитности с природой, ощущает свою причастность к вселенской жизни, к ее ритмам, стихиям и энергиям. Такое восприятие мира с полным основанием можно назвать пантеистическим. Однако в то же время, этот художественный «пантеизм» вырастает из православного мировосприятия: природа воспринимается как Божие творение, а в образах природных стихий ощущается присутствие энергии Божественной благодати.

В представлении писателя, жизнь в своей основе неуничтожима и неистребима. В органическом единении человека и природы он видит тайну вечного круговорота жизни. В этом круговороте смерть является необходимым моментом обновления, залогом продолжения жизни, необходимым слагаемым космического ритма. Человек в этом контексте осмысливается как звено в цепи поколений. Смысл его жизни – в исполнении своего природного предназначения. Осуществив его, человек уходит из мира, завершив определенный природный цикл, освободив на земле место следующим поколениям. В таком ракурсе смерть представляется целесообразной, поэтому приближение к смерти, и вообще какое-либо соприкосновение с ней в художественном осмыслении Зайцева лишено обостренного трагизма. В рассказах «Тихие зори» (1906), «Гость» (1909), «Смерть» (1910), «Аграфена» (1908) «Спокойствие» (1909) выражено это особенное, просветленное восприятие смерти. Оно

тоже обусловлено «христианским» кодом сознания писателя, смерть воспринимается им не как конец, уничтожение жизни, а как ее продолжение, переход в инобытие.

Вот почему скорбь смерти в произведениях Зайцева растворяется в ощущении вечного торжества жизни. А жизнь принимается и поэтизируется писателем во всех ее проявлениях. Это драгоценный Божий дар, и человек должен ценить его, и распорядиться им так, чтобы оставить после себя на земле добрую память.

В начале 1910-х гг. в творчество Зайцева входят новые темы. В это время его начинают серьезно интересовать вопросы социального, нравственного и философского порядка. Один из центральных мотивов этих произведений – неудовлетворенность жизнью. «Что мы видим вокруг себя? Какова наша жизнь? – рассуждает персонаж из рассказа «Сны» (1909), швейцар Павел Захарыч, - Мы видим, Никандр Иваныч, безбожную тьму, озверение человека и погибель» [3, с. 185]. Раздумья о смысле и цели человеческой жизни, о настоящем и будущем, о возможностях «переделать жизнь» пронизывают эти, уже по-новому звучащие, рассказы и повести.

В них проявляется интерес писателя к углубленному исследованию обыденной жизни. Именно в ее стихии Зайцев находит своих героев. Его внимание привлекают судьбы самых простых людей: дворников, белошвеек, провинциальных актеров («Сны», «Актерское счастье» (1910), «Кассандра» (1915) и др.). Вот, например, как представлена одна из типичных героинь рассказов этого периода: «Было бы неверно сказать, что дела Антонины Владимировны по шляпной части шли блестяще. Ее таланты были скромны, вкус умерен, средства невелики. Все же она оправдывала свою квартиру на Бронной, с полутемной лестницей и запахом сырости в нижнем этаже» [4, с. 68]. В малозаметном, ничем не примечательном человеке писатель умеет обнаружить высокие душевные качества: ум и сердечность, умение радоваться жизни и стойко переносить невзгоды. Он умеет видеть в своих героях образ Божий.

Жизнелюбивый пафос, пристальное внимание к обыденной жизни обыкновенных людей, умение создавать обобщающие картины действительности, – все это свидетельствует о том, что творчество Зайцева в 1910-е гг. развивалось в русле реализма. «За последнее время чувствуется растущее тяготение к реализму», писал он в «Автобиографии» в 1913 году [5, с. 215]. Но реалистом он был

нетипичным. В его реализме отсутствует какой-либо обличительный пафос, даже в изображении явно негативных явлений, темных сторон бытия. В рассказе «Путники» (1917) писатель размышляет о двух «правдах» земного бытия: «Мир страшен» и «Мир прекрасен». В творчестве Зайцева эти две «правды» диалектически переплетены, но перевес оказывается на стороне жизнеутверждающей истины. Через многие его произведения рефреном проходит мысль о преходящем характере зла и страданий перед лицом Космоса. Из осознания этого закона бытия рождается то ощущение «тихой радости», высокого смысла жизни как дара Божия, которое характеризует стиль Зайцева-реалиста.

1910-е гг. – в целом «безроманный» период в творчестве Зайцева. Единственное крупное художественное полотно, созданное писателем в 1913 г. – роман «Дальний край», в котором писатель обратился к осмыслению первой русской революции, анализу ее результатов. Это роман о вспышке социального катаклизма, ярко осветившей Россию, показавшей ее светлые и темные стороны, открывшей новую страницу в русской истории.

В изображении Зайцева революция опалает души людей, попавших в ее водоворот. Его герои, в конце концов, отрекаются от революционных идей, и находят смысл существования вне ее разрушительной стихии. Мотив ухода человека от социальных проблем становится одним из основных и в произведениях названного периода («Путники» (1917), «Осенний свет» (1918), «Голубая звезда» (1918)). Вера, любовь, искусство, природа, все то, что образует религиозные основы бытия – вот истинные ценности, которые противопоставляются у Зайцева любым социальным доктринам. Он предостерегает читателя от обольщения идеями революционного переустройства жизни, возлагая надежды на ее саморазвитие, указывая эволюционный путь обращения к неиссякаемым источникам духовного обновления.

Героев произведений Зайцева 1910-х годов можно назвать по заглавию одного из этих рассказов – «путниками». Это люди, томимые духовной жаждой. В этих образах воплощена важнейшая, родовая черта русского национального характера – созерцательность. Выдающийся философ XX века В. Ильин позднее увидел в этом качестве краеугольный камень русской идеи: «Русская идея – идея сердца, – писал он. – Она утверждает, что главное в жизни есть лю-

бовь и что именно любовью строится подчас жизнь на земле, ибо из любви рождается вера и вся культура духа» [6, с. 420]. В созерцательности нельзя видеть выражение пассивности души. Это проявление внутренней духовной активности человека, выражающей его любовь к миру и доверие к Богу.

Высший смысл земной жизни зайцевские герои чаще всего находят в любви. Любовь в изображении Зайцева почти всегда драматична, часто трагична, неизбежно связана со страданием и смертью. Но в то же время она показана у Зайцева как «цветение человеческих душ»: счастье, которое вселяет в сердце человека «вечный дух любви», столь велико, что дает ему силы пережить все тяготы и невзгоды. Зайцев показывает, что даже измена в любви не может уничтожить ее животворящую силу («Лина», 1909). Любовь способна пробудить и преобразить душу самого простого человека, живущего в грубости и нищете, как это происходит с героем рассказа «Сны», швейцаром Никандром. Его любовь к Мариэтт, жилище фенешенебельного дома, где он служит, переживается им как какое-то божественное касание к иным мирам.

Любовь придает мистически возвышенный смысл жизни любого человека, утверждает Зайцев. В повести «Аграфена» (1909) он изображает жизнь простой женщины-прислуги, жизнь совсем не легкую, прошедшую через сложные перипетии, испытания любовью и ревностью, материнское горе. Любовь к кучеру Петьке наполняет ее жизнь высоким смыслом, кажется ей «буйным служением на алтаре жизни». Смерть Аграфены воспринимается как уход в вечность: «монахиня подала ей руку, она взяла ее, медленно-медленно затянулось все туманными занавесями... и чей-то голос сказал: «Вот идет та, которую назвали бедным именем Аграфена, вкусьте причастие вечной жизни...» [3, с. 117].

Среди героев Зайцева много представителей интеллигенции. Лучшие из них показаны как люди, ощущающие свою связь с родной почвой, с жизнью простых людей, которая представляется им символом цельного и мудрого существования. Такова героиня рассказа «Вечерний час» (1913), Вера, бывшая артистка Большого театра, оказавшаяся после развода с мужем в Италии, в деревушке, где живут русские эмигранты. Период острой депрессии у героини сменяется спокойствием и радостным открытием для себя новых сторон жизни, когда она оказывается способной забыть о себе и со-

переживать людям: «Да, меня интересуют и прачки, полошущие белье в ручье, и работники, собирающие оливки, и рыбаки, и камелотесы. Снова мир передо мной раздвигался и я... прижимала к сердцу и лобызала всех, кто жив, кто счастлив и несчастлив, кто придет еще в жизнь, кто добр и кто зол, кто чист и кто грешен» [7, 256]. Новые жизненные и духовные горизонты ей открывает ощущение тесной связи с людьми.

Таким образом, жизнелюбивый пафос произведений Зайцева, своеобразии художественной трактовки тем «маленького человека», смерти, любви в его произведениях обусловлены «христианским» кодом сознания писателя. Тихий свет любви, рождающийся из ощущения связи людей друг с другом, с природой и с Богом, пронизывает всю прозу Зайцева. По словам К. Мочульского, «о чем бы ни писал Борис Зайцев – о русской деревне, Париже, Москве или Риме, – это всегда наше, настоящее, родное... Что-то смутно-радостное и светло-печальное, испытанное в детстве или ранней юности, возникает опять; слова будят неясные воспоминания; так бывает, когда вдруг налетит ветер, и пахнет знакомой свежестью, полем и дымком» [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок А. А. Собр. соч. в 8-ми т. Т. 5: Проза. 1903-1917. – М., 1962. – 799 с.
2. Зайцев Б. К. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. Путешествие Глеба. – М.: Русская книга, 1999. – 624 с.
3. Зайцев Б. К. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. Тихие зори: Рассказы. Повести. Роман. – М.: Русская книга, 1999. – 608 с.
4. Зайцев Б. К. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. Улица святого Николая. Повести. Рассказы – М.: Русская книга, 1999. – 544 с.
5. Черников А. П. Серебряный век русской литературы. – Калуга, 1998. – 449 с.
6. Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. – М.: Русская книга, 1993. – 496 с.
7. Зайцев Б. К. Собр. соч.: В 5 т. Т. 8. Усадьба Ланиных. Повести. Рассказы – М.: Русская книга, 2000. – 675 с.
8. Мочульский К. В. Кризис воображения. – М., 1926. – [Электронный ресурс] – URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=133084&page=35> (Дата обращения: 10.07.2023).

НАСЛЕДИЕ П.В. ЕРЕМЕЕВА КАК ОБЪЕКТ БИБЛИОТЕЧНО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЙ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ РАБОТЫ

Елена Викторовна Ямщикова

*МБУК Централизованная библиотечная система г. Арзамаса Нижегородской области, Центральная городская библиотека им. А. М. Горького, заведующая информационно-библиографическим отделом
Нижегородская область, г. Арзамас; e-mail: arz-ibo@yandex.ru*

Автор делится опытом работы Централизованной библиотечной системы Арзамаса с художественными и публицистическими произведениями писателя и краеведа П. В. Еремеева.

Ключевые слова: краеведение; П. В. Еремеев; Централизованная библиотечная система Арзамаса; краеведческая работа библиотек

«**Л**ицом к лицу лица не увидать...». Удивительно, но эта затёртая цитата из Есенина оказывается актуальной для такой сферы деятельности, как краеведение. Казалось бы, изучение истории, географии, фольклора какой-то местности - удел её уроженцев. Но многие значимые арзамасские краеведы новейшего времени – не коренные жители. Возможно, это и не закономерность, но посудите сами: Станислав Фёдорович Кирилков родился в Воронежской области, Вячеслав Михайлович Панкратов – в Свердловской, Алексей Андреевич Иванов – в Тюменской, Игорь Александрович Гордеевцев и Николай Иванович Рыбаков – в Нижегородской, но в Лукояновском районе.

Не был арзамасцем и Пётр Васильевич Еремеев. Он появился на свет в 1930 г. в Сибири, в Красноярском крае, в наш город приехал уже зрелым человеком в конце 1961 г. И с энтузиазмом неопита начал постигать его богатую событиями многовековую историю, а затем делиться своими познаниями с теми, кто жил здесь давно, но чей глаз замылился, а любознательность притупилась, для кого всё вокруг было привычным, не требующим объяснений и разысканий. Места работы П. В. Еремеева тоже способствовали углублению и развитию его интересов: он служил в архиве, в краеведческом музее, в газете, преподавал в школе. Он был постоянным читателем арзамасских библиотек, часто занимался в читальном зале центральной городской библиотеки им. А. М. Горького (ЦГБ), умело пользуясь её фондами, ведь по профессии он – библиотекарь: окончил библиотечный техникум, а затем Московский институт культуры, некоторое время работал в этой сфере. В Арзамасе Пётр Васи-

льевич состоялся не только как историк-краевед, но и как писатель: все его книги написаны здесь, хотя первые рассказы и очерки он опубликовал ещё в сибирских газетах. Свою тягу к литературному творчеству он объяснял духовным влиянием на него «благословенной Нижегородской земли» [4, 58]. В автобиографии П. В. Еремеев писал: «Здесь пришли важные для творческого человека озарения: о духовном звучании русской земли, осознание, что в слове – душа народа, его память, что талант жив совестью, что ничего нет более русского, чем язык наш, что он есть воздух народного бытия, что свою каждую новую книгу надо пережить, особо выстрадать» [4, 58]. Его становлению как писателя немало способствовало участие в литературной группе при газете «Арзамасская правда», где он был единственным прозаиком. В 1988 году П.В. Еремеев был принят в члены Союза писателей СССР.

Центральная городская библиотека располагает всеми 13-ю прижизненными изданиями писателя, а также книгой «Где встречаются реки», изданной Арзамасского филиала ННГУ в 2021 г. За исключением последней, эти книги есть во всех подразделениях централизованной библиотечной системы (ЦБС) г. Арзамаса. Библиографические записи на них внесены как в традиционные, так и в электронные каталоги библиотеки, включая корпоративный электронный каталог (КЭК), общий для государственных и муниципальных библиотек области. Арзамас представлен в нём литературой краеведческого характера и любыми изданиями (ретро и текущими), вышедшими на его территории. Имя П. В. Еремеева, конечно, занимает в КЭК достойное место. Наиболее полно творчество писателя отражено в краеведческом каталоге ЦГБ. Здесь собрана информация не только о его книгах, но и публикациях в прессе. Писатель представлен в нём в двух разделах библиотечно-библиографической классификации: «Художественная литература (произведения) местных писателей. Проза» и «Personalia». В первом содержатся записи на издания его произведений, во втором – на любые печатные сведения о нём. Еремеев был членом Союза журналистов, плодотворно работал в газетных жанрах. В местной периодике им опубликовано около двухсот очерков и статей. Некоторое время он работал в «Арзамасской правде», а затем активно сотрудничал с ней. С появлением в 90-х городской газеты «Арзамасские новости» печатался и там. Его творчество не обошли вниманием и

областные издания: работы писателя есть в «Записках краеведов», сборниках «Современники» и «Буревестник», альманахе «Земляки», а также газетах «Ленинская смена», «Земля нижегородская», журнале «Нижний Новгород». Почти всё, что, начиная с 1963 г., издано им в периодике и сборниках, библиотека хранит в своих фондах, а библиографами расписано в краеведческий каталог.

Эти записи, в свою очередь, собраны в биобиблиографические пособия. В 2010 г. к 80-летию писателя в ЦГБ был подготовлен указатель «П. В. Еремеев – хранитель арзамасской старины». Он содержал 161 запись о книгах и статьях, связанных с именем краеведа. Библиографические записи были объединены в три раздела: книги П. Е. Еремеева, его публикации в сборниках и периодической печати, литература о нём. Таким образом, указатель давал представление как о творчестве писателя, так и об оценке его трудов современниками. Пособие позволяло не обращаться к каталогам и картотекам, т. к. содержало шифры хранения книг и указания на подразделения, где хранится тот или иной источник информации. Кроме того, раздел «От составителя» содержал краткую биографическую справку о П. В. Еремееве. Пособие было также снабжено вспомогательным именованным указателем, который включал в себя фамилии лиц, о которых тот рассказывал в своих работах, со ссылкой на номера библиографических записей. Указатель был переиздан в 2021 году с сохранением прежней структуры, но с рядом изменений. Были исправлены неточности и добавлены новые записи, их число достигло 273-х, поэтому объём пособия увеличился с 18 страниц до 36. Основная часть этого библиографического указателя стала прикнижным списком литературы в издании Арзамасского филиала ННГУ 2021 г. «Где встречаются реки».

Наибольшей популярностью среди краеведов всех уровней пользуются две книги Еремеева: «Арзамас-городок» и «Арзамасские мастера». Они содержат много фактографической информации, которую при значительном объёме этих книг зачастую трудно в них отыскать. Для облегчения работы исследователей информационно-библиографическим отделом составлены предметно-именные указатели к этим изданиям. В них в алфавитном порядке расположены как имена собственные, встречающиеся в книге, так и ключевые понятия текста. Рядом указываются номера страниц, на которых их можно найти. Работать с указателями нетрудно. Напри-

мер, если нужна информация об общественных объединениях в Арзамасе, достаточно открыть указатели к обеим книгам на букву «о» и найти отсылку на те страницы, где рассказывается об обществе любителей церковного пения, обществе трезвости, обществе хоруговеносцев (в «Арзамасе-городке»), а также мещанском и вольнопожарном обществах (в «Арзамасских мастерах»).

Информация о самом писателе, его жизни и творчестве представлена в краеведческом каталоге разрозненными статьями, заметками, рецензиями, напечатанными в разных изданиях. Чтобы отчасти их систематизировать, заведующей методическим отделом И.Н. Огневой в 2012 г. был составлен дайджест «Творчество П.Еремеева». Он включает в себя статьи общего характера, написанные Г. А. Пучковой, В. М. Панкратовым, В. А. Шамшуриным, В.Я. Шаниным, а также публикации об отдельных произведениях писателя: «Арзамас-городок», «Пушкины и Арзамас», «Чулымские повести» и «Ярём Господень». В своё время они были напечатаны в газетах «Нижегородские новости», «Арзамасская правда» и «Арзамасские новости», альманахе «Арзамасская сторона», сборнике «Православие и русская литература». Т. к. книга о Еремееве пока не написана, дайджест послужит хорошим подспорьем для тех, кто начинает знакомиться с биографией и творчеством Петра Васильевича.

Произведения П. В. Еремеева – благодатный материал для проведения массовых мероприятий различных форм. В библиотеках ЦБС регулярно организуются персональные выставки работ писателя и литературы о его творчестве. А также ни один показ книг на краеведческую тему не обходится без того, чтобы на нём не были представлены сочинения Еремеева об Арзамасе.

Пётр Васильевич активно сотрудничал с библиотекой-филиалом № 8, расположенной в 11-ом микрорайоне: участвовал в её мероприятиях, дарил книги, помогал советами. В 2010 г. в ней был создан уголок памяти П. В. Еремеева. Здесь на протяжении ряда лет в мае открывалась выставка-экскурсия «Арзамасский Нестор», материалы которой ежегодно обновлялись: библиотекари разыскивали ещё не отражённые в каталогах статьи писателя, информацию о нём, новые фотографии. В 2015 г. филиал провёл вечер памяти «С душою слово сказано» с участием семьи писателя. Его дочь Юлия Петровна Юрочкина поделилась воспоминаниями об

отце, рассказала о том, как он работал над книгами, а члены семьи становились первыми слушателями его произведений. Присутствующий на мероприятии краевед В. М. Панкратов, хорошо знавший Петра Васильевича, на примерах показал, каким глубоким, добрым и отзывчивым человеком тот был.

Другие библиотеки тоже регулярно обращаются к наследию П. В. Еремеева. Например, на филиале № 6 для школьников был подготовлен обзор «Писатель-краевед», знакомящий с его книгами и литературой о нём.

В своей пропаганде творчества П. В. Еремеева библиотека не оставляет без внимания и виртуальное пространство. В 2015 г. в соответствии с действующим законодательством был заключён договор с наследниками писателя о передаче библиотеке на безвозмездной основе права на размещение для публичного использования тринадцати книг П. В. Еремеева. Они должны были быть представлены в сети Интернет на официальном сайте МУК ЦБС в виде оцифрованных полнотекстовых документов. В том же году работниками отдела информационных технологий были переведены в электронный формат первые две книги: «Арзамас-городок» и «Арзамасская муза». Итоги года показали, что дело того стоило: количество обращений к электронной библиотеке превысило полторы тысячи. В следующем году были оцифрованы ещё 6 книг, а в 2017-м – последние 5. В прошлом году издательский отдел АФ ННГУ выпустил сборник Еремеева «Где встречаются реки». Его тоже оперативно оцифровали. По данным на 1 июня 2022 года книги писателя набрали 23615 просмотров. Предсказуемо лидирует «Арзамас-городок» (5524), далее по рейтингу – «Арзамасские мастера» (2224) и «Арзамасская муза» (2027).

Библиотекари ЦБС создают разнообразные по форме онлайн-работы по творчеству П.В. Еремеева, такие как виртуальная выставка «П.В. Еремеев об Арзамасе», выставка одной книги «П. Еремеев «Арзамасские мастера», интерактивный плакат «П. Еремеев «Обиход», видеоролик на основе фотоархива библиотеки-филиала №8 «П.В. Еремееву посвящается» и т. д. В социальной сети ВКонтакте действует 9 виртуальных сообществ библиотек ЦБС, которые регулярно рекомендуют книги П.В. Еремеева в рубриках #Читай-Дома и #Читай_онлайн. В 2020 г. к 90-летию Еремеева был организован и проведён библиомарафон «Рассказы о былом», в рамках

которого размещены циклы публикаций «Читаем «Арзамас-городок» и «Творчество Еремеева» (свыше 2000 просмотров). На портале «Вики-Сибиряда» прошла сетевая акция «Путешествие в прошлое», организованная методическим отделом ЦГБ. Задачей участников было составить словарь-справочник повседневной русской жизни по книгам П.В. Еремеева в форме постерной презентации. В акции приняли участие 42 человека из 14 населенных пунктов 6 регионов России, из них 8 – дети, 34 – взрослые. Наиболее активными были жители Нижегородской (27 чел.) и Новосибирской (10 чел.) областей. По одной или нескольким историям из выбранной книги необходимо было составить постер со следующей структурой: название и автор работы, указание источника (книга, глава или история из произведения П. Еремеева), цитатник (выдержки из книги П. Еремеева), словарь (незнакомое или забытое слово из текста книги и его значение), творческий продукт (рисунок или работа, созданная с помощью онлайн-сервиса). В результате было создано 32 слайда, отвечающих всем этим условиям. Их творческая составляющая была представлена фотографиями, рисунками, интерактивными плакатами, онлайн-кроссвордами, играми и викторинами, ребусами, облаком слов, онлайн-пазлами, флеш-картами, видеоклипом. Для цитирования участники акции использовали следующие произведения писателя: «Арзамас-городок» – 12 раз, «Арзамасская муза» – 3 раза, «Арзамасские мастера» – 3 раза, «Обиход» – 5 раз, «У околицы давних лет» – 1 раз, «Чулымские повести» – 7 раз, «Ярем Господень» – 1 раз. Эта масштабная акция позволила привлечь внимание к творчеству П.В. Еремеева аудитории гораздо более широкой, чем арзамасские читатели.

Казалось бы, творчество писателя за почти 20 лет, прошедших со времени смерти Петра Васильевича Еремеева в 2005 г., представлено и обыграно арзамасскими библиотеками во всех его проявлениях. Но интерес к работам краеведа не угаснет, как не угас он, например, к книгам Н. М. Щеголькова, поскольку всё, что связано с малой родиной, всегда будет волновать и интересовать арзамасцев, а задача библиотек своими способами и методами всячески поддерживать этот интерес.

ЛИТЕРАТУРА

1. П.В. Еремеев – хранитель арзамасской старины: библиографический указатель / сост. Н.Г. Комаровецкая. – 2-е изд., перераб. и доп. – Арзамас: Центр. гор. б-ка, 2021. – 36 с.
2. Предметно-именной указатель к книге П. В. Еремеева «Арзамас-городок» / сост. Е. В. Ямщикова. - Арзамас: Центр. гор. б-ка, 2004. – 32 с.
3. Предметно-именной указатель к книге П. В. Еремеева «Арзамасские мастера» / сост. Н.Г. Комаровецкая. – Арзамас: Центр. гор. б-ка, 2015. – 40 с.
4. Сто писателей-нижегородцев: жизнь и творчество: краткие сведения / сост. В.А. Шамшурин. – Н. Новгород: Книги, 2004. – 214 с.
5. Творчество П. Еремеева: дайджест / сост. И. Н. Огнева. – Арзамас: Центр. гор. б-ка, 2012. – 48 с.

*РОССИЯ В ИСТОРИИ
ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ*

ПОРТРЕТ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ОТ «НАЦИОНАЛИСТОВ» К «ЛИБЕРАЛАМ» И ОБРАТНО

Владимир Алексеевич Болдин

*МГУ имени М.В.Ломоносова, факультет политологии, к.п.н., ассистент кафедры истории социально-политических учений
г. Москва; e-mail: boldin.v.a@gmail.com*

В статье рассматриваются существующие в отечественной историографии традиции освещения идеологии славянофильства. Делается вывод о том, что однозначное отнесение славянофилов к «либералам» или «националистам», имеющее место в некоторой литературе, неуместно. На основе подхода, предложенного А.Валицким, указывается, что славянофильство – это европейское консервативное учение, ставшее ответом на рационалистически-индивидуалистическую философию Просвещения, Великую французскую революцию и индустриальную революцию в Англии.

Ключевые слова: славянофильство; историография; А.Валицкий

Пробуждение славянского самосознания и формирование разнообразнейших славянской идеи было обусловлено культурно-мировоззренческим и цивилизационным кризисом, охватившим европейские народы после Французской революции. Славянские народы, в большинстве своем находившиеся в политической зависимости от других стран и испытывавшие угрозы культурной ассимиляции и потери идентичности, в этой кризисной ситуации старались выработать собственные идеологические ответы на сложившуюся ситуацию. Одной из форм проявления славянской идеи стало славянофильство в России, оформившееся позднее европейских аналогов – в 40-х гг. XIX в. [7, с.692; 12, с.17-19]

С начала 90-х гг. XX в. исследования, посвященные славянофильству приобрели невиданную ранее популярность. Эта «мода» продолжается до сих пор. Открыв РИНЦ и используя функцию поиска по ключевым словам, можно легко убедиться, что только за последние 5 лет (с 2018 по 2022 гг.) были опубликованы тысячи и тысячи публикаций разной степени качества, так или иначе посвященную славянофильству. Конечно, интерес к теме обусловлен конъюнктурой, связанной с политическими заявлениями о России как самобытной цивилизации, о консерватизме как потенциальной идеологии государства и т. п. Однако, большинство работ, посвященных славянофильству, лишь находят созвучия в современной

политической риторике и взглядах славянофилов, поверхностно рассматривая идеи основных идеологов «московских славян». При этом данная статья не ставит своей целью подробно проанализировать ни качество выводов многих работ о славянофильстве, ни взгляды самих славянофилов. Основная ее исследовательская задача – обозначить некоторые тенденции, которые присущи в отечественной историографии проблемы.

Можно выделить несколько основных историографических клише, существующих о славянофилах, которые по разным причинам кочуют из одной работы в другую. Первое тянется еще из советской историографии, когда славянофильство, по понятным причинам, рассматривалась хоть и не так враждебно, но тоже как некий вариант «ереси». Возможно, не столь негативное отношение к славянофильству было вызвано тем, что согласно, например, тому же Г.В. Плеханову, народничество было «незаконным ребенком» славянофильства [8, с.77]. И действительно можно найти некоторые параллели между антикапиталистическими, антимоdernными взглядами народников и славянофилов. Но все же традиционно советской науке были ближе западники. Что же оставалось делать историкам, которые хотели заниматься исследованиями славянофильства? Выход был найден в том, что их объявили «либералами». Как пишет С.М. Сергеев, славянофилы объявлялись не реакционерами-крепостниками, а своеобразными либералами, «которых можно не только клеймить, но и – конечно, оговариваясь насчет их «классовой ограниченности» – изучать. Для убедительности такого вывода требовалось: 1) не придавать большого значения философско-исторической концепции славянофилов и, напротив, 2) выпячивать их прогрессивную практическую деятельность накануне и во время Великих реформ, а также 3) отсекал любых компрометирующих их «эпигонов» вроде Данилевского и Леонтьева» [9].

Безусловно, тезис о некотором либерализме славянофилов уместен. Но с большими оговорками. Тут нам импонирует мнение известного русского слависта Г.А. Ильинского, согласно которому славянофилов можно считать либералами именно в гуманистическом смысле, так как они были настоящими эмансипаторами, не ограничиваясь отстаиванием духовной и политической свободы человека как индивидуальной личности, а распространили принцип свободы на всю коллективную личность – народность. В концепции

славянофилов воплотилось «стремление к эмансипации русского народа не только от помещичьей или бюрократической опеки, но и от опеки западноевропейской цивилизации» [4, с.263]. Именно славянофилы первыми развенчали мифы об универсальности западной культуры и несостоятельности культуры национальной [1, с.250-252].

Второе историческое клише, встречаемое во многих работах, это то, что славянофилов ставят в один ряд с «махровыми» националистами. Здесь так же сказалось влияние советской парадигмы – «когда советские же “западники” от любых проявлений русского национализма шарахались, как черт от ладана» [9].

Третье клише, и оно результат современной моды, – это попытки представить славянофилов как рупоров идеи о России как отдельной цивилизации, ничего не имеющей общего с Европой. Не будем вдаваться в тонкости аргументации сторонников этой позиции, скажем лишь, что это абсолютно не так. Славянофилы – принадлежали, пожалуй, к первому вполне европеизированному поколению, и европейская культура была для них тем, вне чего они себя не мыслили, в чем они выросли [10, с.94]. Для славянофилов быть «европейцем» означало быть «русским», «французом», «немцем», так как не существует «универсального европейца», универсальной культуры. Недаром журнал И.В. Киреевского (1806–1856), одного из отцов-основателей славянофильства, носил название «Европеец». Кроме того, сама философия славянофильства органически связана с европейским интеллектуальным контекстом той эпохи, и является типичным, на наш взгляд, проявлением европейского консерватизма той поры. Безусловно со своими особенностями, но не выпадающим из общего ряда возникавших европейских консервативных идеологий. Здесь нам близка точка зрения польского историка мысли А.Валицкого, который в своих работах, используя методологию М. Вебера и Ф.Тенниса, находит в трактовках славянофилов множество перекрестных моментов с европейским консерватизмом, особенно с немецким романтизмом. При этом, как отмечает М.А.Маслин, при анализе славянофильства А.Валицкий «делает акцент на необходимости понимания консерватизма в целом и философии славянофилов в частности как производных не от какой-либо политической позиции, а как типа мировоззрения» [6, с.450]. Сущность подобного «консервативного» мировоззрения заключает-

ся в том, что оно противостоит «буржуазному либерализму и рационалистически-просветительской философии, сформировавшиеся в виде различных концепций консервативного философского романтизма» [5, с.451].

Таким образом, славянофильство родилось как одна из форм защиты против зарождения эпохи капитализма и общества модерна (здесь уместно вспомнить интеллектуальных предтеч славянофильства – «шишковцев», князя Щербатова), оно родственно другим европейским консервативным идеологиям позапрошлого столетия, возникшим «как ответ на рационалистически-индивидуалистическую философию Просвещения, Великую французскую революцию и индустриальную революцию в Англии» [3, с.212]. Как отмечает С.М. Сергеев, «пресловутый же славянофильский “либерализм”, столь старательно реконструирующийся и сейчас рядом исследователей, является “архаическим”, это был “либерализм” в самом общем, туманном смысле этого слова; с либерализмом как исторически определенным общественным мировоззрением, мировоззрением буржуазным, он, в сущности, не имел ничего общего» [9].

Из вышесказанного напрашивается логичный вывод. При всем пафосе противопоставления Западу, славянофильство – это явление именно европейской культуры, напрямую выросшее из нее. О родстве «славянофилов» и европейской мысли писали Ф.Степун, В.Розанов, Н.Бердяев и другие отечественные авторы. При этом важно упомянуть, когда в СССР появлялись основные монографии о славянофилах, и Розанов, и Бердяев, и Степун находились под идеологическим запретом и их идеи могли быть не известны ряду авторов в полной мере.

Другим важным моментом является рецепция славянофилами немецкой идеалистической философии, на которой они основывали свои выводы. Главным идейным вдохновителем славянофилов становится немецкий философ Фридрих Шеллинг, на этом, например, настаивал Н.О. Лосский [5, с.10-49]. При этом славянофилы критически переосмысливали философскую систему немецкого идеалиста, выстраивая на ее основе собственные оригинальные положения. В преломлении славянофилов идеи Шеллинга могут служить не только основой национальной философии, но и инструментом критики рационализма. У славянофилов можно проследить и ду-

ховное влияние немецкого романтизма, в частности Гердера, а также влияние философии Гегеля. Но в силу того, что славянофильство оформляется лишь в 40-е гг. XIX в., к этому времени все-таки философия Гегеля и Шеллинга вытесняет по популярности романтизм Гердера. Но еще раз стоит особо отметить, что философская база славянофильства не предопределялась сугубо идеями гегельянства или шеллингианства, а была оформлена под влиянием общего модного тогда круга идей немецкой идеалистической философии [2, с.116].

Вывод о европеизме славянофильства, о котором Г.Флоровский писал вовсе как о звене «в цепи русского европеизма» [11, с.323], позволяет по-другому взглянуть на исторический опыт России и ее место в мире. Этот важный на наш взгляд вывод поможет противостоять традиционной русофобии и попыткам представить Россию как «азиатского варвара», так и нам самим понять, что Россия в отрыве от европейской культуры никогда не мыслилась ее лучшими представителями, даже такими самобытными как славянофилы. А все интеллектуальные процессы, происходящие в нашей стране, являются часто отражением общеевропейских культурных трансформаций и наоборот. И идеология славянофильства лучшее доказательство этому тезису.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдин В.А. Истинное славянофильство Г.А. Ильинского // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2018. – Т. 14, № 2. – С. 246–259.
2. Болдин В.А. Панславистские политические концепции: генезис и эволюция / Под общей редакцией А.А. Ширинянца. – М., 2018. – 376 с.
3. Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. – М., 2019. – 704 с.
4. Ильинский Г.А. Что такое истинное славянофильство? // Славянский век. 1901. – Вып. 33–34. – С. 261–264.
5. Лосский Н.О. История русской философии. – М., 1991. – 482 с.
6. Маслин М.А., Волконская А.А. Концепция русского консервативного романтизма Анджея Валицкого // Тетради по консерватизму. – 2020. – № 2. – С. 450–455.
7. Павлов А.Т. Славянофильство // Русская философия. Энциклопедия. 4-е изд., дораб. и доп. / Под общ. ред. М. А. Маслина. Сост. Ю. П. Апрышко, А. П. Поляков, Ю. Н. Солoduхин. – М., 2022. – С.692–694.
8. Сергеев С.М. Как возможна русская русофобия? Заметки ангажированного историка // Вопросы национализма. – 2013. – №1. – С.66–85.
9. Сергеев С.М. Консерваторы, а не либералы. Рец. на: Анджей Валицкий. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М.: Новое литературное обозрение, 2019. Пер. с польск. Константин Душенко

// Горький [электронный ресурс]. URL: <https://gorky.media/reviews/konservatorya-ne-liberalu/> (дата обращения 25.07.2022)

10. Тесля А.А. Россия и «другие» в представлениях русских консерваторов // Тесля А.А. Русские беседы: лица и ситуации. – М., 2018. С.80–101.

11. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. / Отв. ред. О. А. Платонов. – М., 2009. – 848 с.

12. Ширинянц А.А., Мырикова А. В. Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века. – М., 2010. – 72 с.

«СООБЩЕСТВО ПРАВ» А. ГЕВИРТА В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ

**Владимир Александрович Гуторов¹,
Сергей Станиславович Царегородцев²,
Александр Андреевич Ширинянц³**

*Санкт-Петербургский государственный университет, факультет политологии,
доктор философских наук, заведующий кафедрой теории и философии политики
г. Санкт-Петербург; e-mail: gut-50@mail.ru*

*Межрегиональное общественное движение «За политическую стабильность
и общественное согласие», кандидат политических наук, председатель
г. Москва; e-mail: stsar@phoibos.ru*

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, факультет
политологии, доктор политических наук, заведующий кафедрой истории социаль-
но-политических учений, г. Москва; e-mail: jants@yandex.ru*

Теория согласия, разработанная американским философом Аланом Гевиртом (1912–2004), на протяжении нескольких десятилетий и вплоть до сегодняшнего дня является объектом интенсивных политико-философских и этических дискуссий, которые являются свидетельством предельной актуальности самой проблемы. Важным следствием этих теоретических споров является устойчивая тенденция, определяемая поиском «третьего пути», в рамках которого окажется возможным если не компромисс между теорией общественного договора и альтернативными подходами, то, по крайней мере, достижение точки «динамического равновесия» между ними.

Ключевые слова: теория согласия; А. Гевирт; «принцип общей согласованности» (PGC); «гевиртианцы»; «анти-гевиртианцы»

Теория согласия, разработанная американским философом Аланом Гевиртом, на протяжении нескольких десятилетий и вплоть до сегодняшнего дня является объектом интенсивных политико-философских и этических дискуссий. Теоретические дебаты вокруг творчества американского философа постоянно возникают в самых престижных журналах и объемных монографиях [1, 49-75; 2,345-346,350-353, 357-360,362; 3, p.30].

Основные положения этой теории он аргументировал в книге «Сообщество прав» (1996) [4]. Центральным пунктом дискуссий обычно считается сформулированный Гевиртом «принцип общей согласованности» (Principle of Generic Consistency – PGC), которому подчинены все основные элементы его теории, включая концепт согласия. «Мой центральный аргумент, - отмечает философ во введении к своему труду, - заключался в том, что в силу наличия неотъемлемой потребности в свободе и благополучии как необходимых благ для дальнейшего действия, каждый реальный или потенциальный актер вполне логично должен считать, что он или она имеют права на эти блага и что все другие реальные или потенциальные актеры также обладают этими правами. Таким образом, данный аргумент приводит к принципу равных и универсальных прав человека, который я также назвал «принципом общей согласованности», потому что он объединяет формальный анализ согласованности с вполне материальным учетом общих элементов и прав, связанных с действием. Последние две главы книги “Разум и мораль” посвящены тому, что я назвал “прямым” и “косвенным” применением PGC. Применяемые косвенно, оправдательные требования PGC о равных правах оказывают воздействие, в первую очередь, на социальные правила четырех типов институтов – добровольных ассоциаций, минимального государства, демократического государства и поддерживающего государства – и в дальнейшем требования этих институтов, в свою очередь, определяют действия отдельных индивидов. Основная функция поддерживающего государства – это инструментальная динамическая функция продвижения определенно важных форм равенства эффективных прав на свободу и благополучие там, где это равенство имеет институциональные источники. Центральный проект данной книги — представить развернутое изложение требований поддерживающего государства, которое я также называю “сообществом прав” ... Как и большинство других исследователей политической философии, на меня сильно повлияли институциональные изменения нашего времени. Драматическое падение Советского Союза подтвердило моральное банкротство политической диктатуры и централизованного планирования. Но далеко не все так хорошо обстоит в либеральных демократиях и рыночных экономиках США и Восточной Европы... Западные общества, в том числе Соединенные Штаты, в важных

аспектах весьма далеки от того, чтобы служить адекватными моделями развития в других странах Восточной Европы или в так называемом третьем мире» [4, р. XI–XII].

По мнению Гевирта, даже если предположить, что сообщества или группы сами по себе обладают правами, остаются существенно важные доводы в пользу того, чтобы не «ассимилировать» эти сообщества с сильным ощущением «сообщества», противопоставленного правам. С одной стороны, существует извечный вопрос, можно ли свести права сообщества к правам отдельных лиц? Если это возможно, враждебные отношения между правами и сообществом могут сохраняться, коль скоро права имеют явно выраженный корыстный характер. Кроме того, если предположить, что права принадлежат сообществу как юридическому лицу, отличному от его индивидуальных членов, это может вызвать вопрос о том, уважает ли сообщество права своих отдельных членов и делается ли это в равной степени. Такое предположение исходит из реальности продолжения враждебных отношений между правами и сообществом в том или ином сегменте. В итоге сохраняется потенциальная опасность восстания людей против сообщества во имя своих личных прав [4, р. 3].

Сторонники либертарианства и различных направлений консерватизма, в отличие от многих коммунитарянцев, придают первостепенное значение правам личности; но они полагают, что эти права исключают использование одних людей в качестве средства удовлетворения потребностей или интересов других лиц [5; 6; 7, р. 132–141]. В той мере, в какой считается, что идея сообщества поддерживает такую возможность, особенно посредством государственного вмешательства или принуждения, эта идея должна быть отвергнута как морально порочная и тираническая. Вместо этого следует полагаться на свободный рынок, который уважает права людей на свободу и извлекает другие права из добровольных договоров, которые люди заключают друг с другом в соответствии с собственными представлениями о своих интересах. Таким образом, концептуальная противоположность между правами и сообществом приводит к решительному противодействию правительственному вмешательству в экономические дела, за исключением предотвращения применения силы или мошенничества и, возможно, обеспечения стабильной денежной массы для экономики в целом. В этом

плане Гевирт рассматривает в качестве первостепенной задачи разработку аргументации, опровергающей «анти-политический тезис» об отсутствии «утвердительной связи» между правами и сообществом. Конечная цель его аргументации – «показать, что права – особенно права человека, которые в равной степени принадлежат всем людям как таковым – являются как положительными, так и отрицательными, и что в положительном своем аспекте права требуют серьезной и активной государственной заботы о защите и поощрении свободы и благополучия всех людей, особенно наиболее обездоленных» [4, р. 4; 8, с.238-255; 9, с.11-24]. Правительство нарушает права человека, если его политика невмешательства допускает, чтобы наиболее уязвимые члены общества страдали от вреда и таких травматических явлений, как бедность, болезни, неграмотность или безработица, в то время как оно вполне способно принять меры для предотвращения или облегчения их страданий, особенно в ситуациях, когда пострадавшие не могут отразить их собственными усилиями. Государственная политика защиты не исключает индивидуальных инициатив; напротив, главная ее цель должна состоять в том, чтобы дать людям возможность самим проявлять активность. Но было бы серьезной ошибкой отождествлять желательность этой цели с верой в то, что ее реализация уже полностью находится в пределах возможностей отдельных индивидов или групп, которых остается только «наделить» соответствующими полномочиями [4, р. 4].

Особого внимания в этом плане заслуживает подробный анализ Гевиртом деятельности политических институтов в демократических системах, связанных с активной реализацией программ, укрепляющих структуры «общества всеобщего благосостояния». По его мнению, функционирование этих институтов может стать эффективным только с учетом «метода согласия»: «право на политическую демократию также является процессуальным правом. Ибо политическая демократия — это процедура, которая используется для определения лиц, которые будут иметь политическую власть в государстве, включая законодателей, определяющих содержание конкретных законов, и руководителей, которые их исполняют. Суть этой процедуры — метод согласия, который можно проанализировать как имеющий три основных признака. Во-первых, гражданские свободы взаимно и в равной степени доступны всем взрослым лю-

ням в обществе (за такими незначительными исключениями, как преступники). Во-вторых, эти свободы используются для обсуждения и защиты различных форм социальной политики и выборов должностных лиц, которые будут их продвигать. В-третьих, власть этих должностных лиц зависит от их победы на выборах необходимым большинством или множеством голосов, а выборы проводятся периодически, с постоянным использованием гражданских свобод, доступных как проигравшим, так и тем, чья сторона выиграла выборы» [4, р. 314–315].

Философ специально подчеркивает, что особое внимание необходимо обратить на реальную опасность подчинения прав человека согласованным процедурам политической демократии. Вместе с тем следует учитывать и то важное обстоятельство, что эти процедуры сами по себе рациональны и делают доступными публичный анализ и обсуждение противоположных аргументов, характеризующих специфику «сообщества прав» и «демократического метода согласия», апеллирующего к гражданским свободам. Таким образом, хотя нет никакой гарантии, что эти процедуры будут иметь своим результатом реализацию экономических прав на конституционном и законодательном уровнях, демократический их характер в практическом плане ближе всего подводит «к рационально оправданному решению» [4, р. 323–324].

Нужно отметить, что именно нормативные аспекты анализа Аланом Гевиртом проблемы согласия в структуре политических демократий стали в дальнейшем предметом острой дискуссии среди политических теоретиков [10;11;12]. В начале XXI века некоторые, хотя и далеко не окончательные, на наш взгляд, итоги этой дискуссии были подведены в содержательной монографии Дерека Бейлелвельда и Роджера Брансуорда «Согласие и право». По мнению этих ученых, исходные моменты спора между «гевиртианцами» и «антигевиртианцами» формулируется следующим образом: «Если человек дает свое явное согласие, это “объективно” означает именно согласие. Можно ли в связи с этим предполагать, что нас не должно интересовать, дают ли также люди свое согласие “субъективно”?... Из этого следует, что нам необходимо прежде представить удовлетворяющие нас доказательства относительно того, что явное согласие было дано свободно именно тем индивидом, который имеет возможность его давать и обладает соответствующей информацией.

Мы также должны повременить с выводами, если есть свидетельство того, что сторона, в отношении которой было выражено согласие, осведомлена о том, что согласие проблематично (особенно, если первая использовала некоторый обман в отношении второй или знает, что последняя совершает ошибку)» [13, р. 21].

Традиционно большинство теоретиков обычно стремится установить политико-правовое обязательство относительно согласия в следующих терминах: вы обязаны подчиняться, если и только если вы дали согласие. Таким образом, ваше согласие определяет пределы ваших обязательств, а также обязательств того или тех, которым вы чем-то обязаны. Законная власть отличается от простой силы принуждения именно вследствие согласия тех, кто ей подчиняется. Оправданием добровольного подчинения является ваше собственное согласие: поскольку вы согласились, вы вправе брать на себя обязательства. Однако, по мнению ряда ученых, существует немало доводов против такого рода аргументации, поскольку она содержит в себе две фундаментальные ошибки. Во-первых, она допускает ложный довод, который можно назвать «софизмом неизбежности» (Fallacy of Necessity). На самом деле процедурное обоснование на основе согласия — не единственный источник прав и обязанностей. Во-вторых, теоретик неизбежно совершает «грех фиктивного согласия», если он будет утверждать, что обозначенная выше схема управления является единственным примером законной власти. Ибо, хотя такая схема управления действительно может быть примером законной власти, ее полномочия как таковые не основываются на согласии ни в принципе, ни на практике. В принципе, максимум, чего может достичь процедурное обоснование на основе согласия (например, в сфере частного управления), — заключается в том, что те люди, которые получили согласие, всегда имеют в своем распоряжении «оправдательный ответ» индивиду, давшему свое согласие.

Чтобы эта схема была оправдана, требуется гораздо больше доводов. На практике индивиды могут просто не соглашаться со схемами государственного управления. Для «гевиртианцев» смысл процедурности заключается в том, что она увеличивает шансы сообществ претендентов на право ведения своего бизнеса — частного и государственного — законными способами. Другими словами, процедурность существует в конечном итоге ради легитимности. Там,

где проблема заключается в моральном плюрализме, легитимность имеет тенденцию уступать место процедуре легитимации. Там, где диапазон взглядов невелик, процедурность привлекательна именно как стратегия легитимации. В той мере, в какой процедурный подход в любом контексте соответствует модели санкционированного частного управления, он основан на согласии; и, как правило, согласие исключает жалобы.

Какими бы ни были достоинства «управления на основе согласия», например, в отказе от грубой силы в пользу надлежащей правовой процедуры и верховенства закона, «сигнализирующих об инклюзивной позиции» со стороны руководящих органов и в целом упрощающих процесс легитимации – его не следует сразу отождествлять «с управлением, которое оправдывается согласием». По большей части, то, что оправдывает государственное управление (там, где оно легитимно), заключается в утверждении о том, что само управление соответствует ценностям «принципа общей согласованности» (PGC), а не тем, что оно получает свои полномочия от самих индивидов, которые согласились быть связанными правилами, установленными на его основе. По большей части, утверждение о том, что правительство обладает полномочиями в результате согласия, является фикцией (очень обширной и эндемичной): всегда будет ошибочным впадать в заблуждение, фетишизируя согласие до уровня верования, в соответствие с которым правительство, не обладающее полномочиями, подтвержденными согласием, не может иметь возможности стать легитимным [13, p.330-331].

Критический анализ доводов «гевиртианства» позволяет его противникам выстраивать систему аргументов, которая может рассматриваться как хорошая основа для дальнейшей дискуссии по сложным проблемам общей теории согласия. В целом, многообразные дискуссии между сторонниками и противниками концепции согласия, разработанной в трудах А. Гевирта, сами по себе являются свидетельством предельной актуальности самой проблемы. На наш взгляд, не менее важным следствием этих теоретических споров является устойчивая тенденция, определяемая поиском «третьего пути», в рамках которого окажется возможным если не компромисс между теорией общественного договора и альтернативными подходами, то, по крайней мере, достижение точки «динамического равновесия» между ними.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kohen A. The possibility of secular human rights: Alan Gewirth and the principle of generic consistency // *Human Rights Review*. 2005. October – December. Vol. 7. Issu. 1. – P. 49–75.
2. Gaus G. *The Order of Public Reason: A Theory of Freedom and Morality in a Diverse and Bounded World*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 621 p.
3. Persson I. *From Morality to the End of Reason: An Essay on Rights, Reasons, and Responsibility*. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 328 p.
4. Gewirth A. *The Community of Rights*. – Chicago; London: The University of Chicago Press, 1996. – 328 p.
5. Miller W. G. *Faith, Reason, and Consent: Legislating Morality in Early American States*. – New York: LFB Scholarly Publishing, LLC, 2008. – 298 p.
6. MacCormick N. *Practical Reason in Law and Morality*. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 300 p.
7. Gutorov V.A., Shirinyants A.A., Shutov A.Y. Two Civilizations: The Relations of Russia and Western Europe at the Beginning of the 21st Century // *Baltic Region*. 2018. Vol. 10. No. 4. – P. 132–141.
8. Гуторов В.А. Пост-правда и неолиберализм как факторы кризиса гуманистической традиции и образования: о некоторых дискурсивных аспектах современных теоретических дискуссий // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2021. Т. 17. № 3. – С. 238–255.
9. Гуторов В.А. Современные концепции толерантности: философские и политико-теологические аспекты (опыт дискурсивной аналитики) // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2022. Т. 23. Выпуск 1. – С. 11–24
10. Sieckmann J.R. *The Logic of Autonomy: Law, Morality and Autonomous Reasoning*. – Oxford; Portland, Oregon: Hart Publishing, 2012. – 248 p.
11. *Morality, and Law: The Philosophy of John Finnis*. Ed. by John Keown, Robert P. George. – Oxford: University Press, 2013. – 615 p.
12. *Theories of Action and Morality: Perspectives from Philosophy and Social Theory*. Ed. by José M. Torralba, Mark Alznauer. – Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag, 2016. – 271 p.
13. Beyleveld D., Brownsword R. *Consent in the Law*. – Oxford; Portland, Oregon: Hart Publishing, 2007. – 406 p.

БЛАГОДАРНОСТИ/ФИНАНСИРОВАНИЕ

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований (проект «Современные концепции общественного согласия: актуальные проблемы политической теории и практики»).

Исследование проведено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

Владимир Николаевич Ерохин

*Северо-Восточный государственный университет,
д.и.н., доцент, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук
г. Магадан; e-mail: erohin_vladimir@inbox.ru*

В статье представлена характеристика публичной истории и исторической политики как подходов к репрезентации прошлого, используемых для популяризации исторического знания историками, различными общественными группами и движениями, и ставших также инструментами в деятельности органов государственной власти. Публичная история и историческая политика, как отмечает автором, имеют также потенциал для репрезентации полученного историками знания в историческом регионоведении и историческом краеведении.

Ключевые слова: публичная история; историческая политика; историческое регионоведение; краеведение

Термин «публичная история» описывает совокупность практик, направленных на перевод исторического знания с академического языка на язык публичных репрезентаций, в том числе, медийных, и на представление его в формах, предназначенных для широкой публики. Публичная история рассматривает вопрос о том, что происходит с историческим знанием и, шире, с прошлым в процессе его публичного осмысления, и какие инструменты при этом используются. Появление публичной истории к настоящему времени стало оказывать влияние также на развитие исторического регионоведения и краеведения.

В качестве формы специализированной деятельности, а также в виде учебной дисциплины в структуре исторического образования публичная история оформилась в середине 1970-х годов в США. К этому привело стечение ряда обстоятельств. Интеллектуальная атмосфера, благоприятствовавшая возникновению публичной истории, стала складываться в результате активизации демократического, молодежного, студенческого движения на Западе в середине и второй половине 1960-х годов. Значимым рубежом в социально-политическом развитии Запада стали молодежные и студенческие волнения в США и Западной Европе в 1968 году. На рубеже 1960-1970-х годов стал заметно проявляться кризис основных политических идеологий и связанных с ними исторических метанарративов, представлявших общий ход понимания общественно-

го развития. Социалистическая идея и социалистическое общество в его административно-командном варианте многими интеллектуалами стали рассматриваться как репрессивные по отношению к личности. Либеральная же идея, функционирование рыночной экономики тоже вызывали разочарование тем, что основанное на них капиталистическое общество оказывалось неспособным преодолеть сильнейшие имущественные различия, безработицу, отчуждение индивида от власти, диктат бизнеса и финансового капитала, который тоже способен подавлять личность, пусть, в первую очередь, экономическими методами (но в принципе способен на любые действия). Так что и социалистическое общество, и парламентская демократия западного типа стали проблематизироваться как социально-политические идеалы.

В целом явления в области культуры и историописания второй половины XX века – разочарование в установках модерна, развитие мемориальной культуры, усилия по диверсификации нарративов и привлечению внимания к прежде маргинализированным социальным группам – способствовали росту интереса к прошлому [1, с. 9].

Возник кризис в понимании того, к чему же следует стремиться в общественном развитии, проблематизировалось, в определенной мере, даже линейно-векторное понимание истории и представление о том, что история движется в направлении какой-то цели. Появление публичной истории оказалось также связанным с экономическим кризисом середины 1970-х годов на Западе, повлекшим за собой сжатие рынка труда для профессиональных историков, не находивших для себя трудоустройства в университетской системе. Вместе с тем, возникновению публичной истории способствовал также возросший к 1970-м годам встречный спрос на историю со стороны все более широких слоёв населения.

В результате стали складываться предпосылки для академической институционализации публичной истории. Осенью 1976 года в Калифорнийском университете в Санта-Барбаре по инициативе историка Роберта Келли впервые был открыт приём студентов на бакалавриат по специальности «публичная история». Далее осенью 1978 года в США вышел в свет первый номер научного журнала «The Public Historian», а в 1979 году был учреждён Национальный совет США по публичной истории. Эти инициативы породили

довольно широкую поддержку новой дисциплины со стороны государственных и крупных коммерческих структур, в частности, и Центра военной истории Армии США. Финансовое участие и поддержка программ публичной истории корпорациями и государственными структурами были подвергнуто критике радикально настроенной частью научного сообщества.

На сегодняшний день публичная история наиболее институционализована как дисциплина в США и других англосаксонских странах. В США действует Национальный Совет по публичной истории (National Council on Public History) и ещё целый ряд организаций. Соответствующие курсы входят в программы более чем ста пятидесяти североамериканских университетов по всей стране, выходит целый ряд периодических изданий, таких, как «The Public Historian» и ежеквартальный вестник «Public History News». Национальный Совет, кроме всего прочего, демонстрирует расширение методов воздействия исторического знания на общественное сознание и ведёт довольно содержательный блог «History@Work» [2]. Специалисты по проблематике публичной истории к настоящему времени в США работают в музеях, в правительственных организациях разного уровня, а также в университетах и колледжах. Национальный Совет также ежегодно вручает Мемориальную премию Роберта Келли за «выдающиеся достижения в деятельности, ведущей к повышению значения истории в жизни отдельных людей за пределами академического сообщества».

Вслед за США публичная история завоевала себе место среди академических дисциплин в других странах (Канада, Австралия, Великобритания). В Канаде институционализация публичной истории произошла после кризиса 1970-х годов. Рабочая группа по публичной истории в рамках Канадской исторической ассоциации была образована в 1987 году. Курсы по публичной истории преподаются во многих университетах, наиболее давние традиции в этом отношении — у Университета Западного Онтарио.

Специфика развития публичной истории в Австралии вызвана, не в последнюю очередь, тем, что постиндустриальная трансформация городов в этой стране наложилась на постколониальное переосмысление истории и поиски новых, более широких рамок национальной идентичности. Публичная история оформилась в Австралии позднее по сравнению с США (австралийский научный

журнал «Public History Review» издаётся с 1992 года). Публичная история преподаётся, по крайней мере, в пяти университетах, а в составе Университета им. Джона Монаша существует с 2004 года Институт Публичной Истории [3, p. 83–93].

В Великобритании 1970-е годы были временем интенсивных публичных дебатов о мемориальном наследии, толчок к которым дала развернувшаяся после 1968 года борьба за сохранение аристократических усадеб. Решающий перевес в ней сторонники выделения средств на охрану наследия из государственного бюджета получили, в конце концов, воспользовавшись именно инструментом публичной истории: организацией тематических выставок, подчеркивавших культурное значение таких усадеб. Тем не менее, до середины 1990-х годов предпринимавшиеся время от времени попытки институционализации публичной истории не имели особого успеха, и до самого конца девяностых в Великобритании такая деятельность именовалась «история в широкой перспективе» (*history at large*).

В Великобритании Комитет по Публичной Истории действует с мая 2009 года. При Университете Йорка функционирует Институт общественного понимания прошлого (*Institute for the Public Understanding of the Past*). Журналы «*History Workshop Journal*» и «*The Journal of the Oral History Society*» имеют в своём составе рубрики, посвящённые публичной истории. Профильные программы преподаются во многих университетах, однако самой известной и первой в Великобритании является магистерская программа Колледжа Раскин Оксфордского университета, деканом которого долгое время была Хильда Кин, автор нескольких книг по публичной истории.

В континентальной Европе подход к публичной истории отличается от принятого в англосаксонских странах, а сама дисциплина оказалась институционализована позже. Собственно, сам термин ещё не до конца укоренился в академической практике, и в Германии, например, по сей день конкурирует с термином «прикладная история» (нем. *Angewandte Geschichte*). На протяжении 1980-х годов в академической среде в западноевропейских странах происходило не развитие публичной истории, а дебаты вокруг её концептуальных рамок и методологии. В Германии серединой 1970-х годов датируется активизация протестов против замыкания исто-

рии и историков в академической среде и против чрезмерного влияния государственных институтов на производство исторического знания. В результате появилось «Новое историческое движение» (нем. *Neue Geschichtsbewegung*), сформировавшееся в Германии во внеуниверситетском контексте исторических семинаров и заинтересованных в изучении истории общественных объединений».

Ситуация в Германии в 1980-е годы вызвала к жизни также появление еще одного находящегося сейчас на слуху понятия: «историческая политика». Понятие «историческая политика» (*Geschichts politik*) возникло в Германии в первой половине 1980-х годов и было связано с попыткой пришедших к власти христианских демократов пересмотреть сложившуюся вокруг «негативной памяти» о Холокосте традицию «проработки прошлого» в таком духе, чтобы национал-социалистическое прошлое перестало быть призмой, через которую воспринималась бы теперь вся немецкая история: заявлялось о том, что у Германии достаточно долгая и насыщенная история вне всякого влияния национал-социализма. Развернулась напряженная полемика (получившая название «спора историков», *Historikerstreit*) между активизировавшимися сторонниками пересмотра немецкой национальной идентичности, возникшей за десятилетия после окончания Второй мировой войны, и теми, для кого нередуцируемым ядром немецкой идентичности оставался категорический императив признания коллективной вины за Холокост [4, с. 7].

Институционализация германского аналога публичной истории в последние годы идет быстрыми темпами. Соответствующие программы предлагают Цюрихский университет в Швейцарии, Католический университет Айхштет-Ингольштадт и Университет Мангейма, Свободный университет Берлина и Гейдельбергский университет. Публичная история встречает в Германии до сих пор противодействие со стороны академического сообщества. Во Франции (а также в Италии) дебаты вокруг публичной истории, прежде всего, связаны с проблематикой коллективной памяти и конструированием «культурной нации» [5].

В России летом 2012 года Московская высшая школа социальных и экономических наук первой открыла приём на магистерскую программу «Public history. Историческое знание в современном обществе», научным руководителем которой является извест-

ный российский историк и литературовед Андрей Леонидович Зорин (р. 1956). К настоящему времени магистерские программы по публичной истории открыты еще в Высшей школе экономики в Москве и в Казанском (Приволжском) федеральном университете [6, с. 27].

Полемика относительно практики публичной истории сводится в основном к двум пунктам. Во-первых, не существует точного определения публичной истории, кроме того, что это совокупность различных подходов, с помощью которых осуществляется репрезентация истории за рамками научно-академической коммуникации. Междисциплинарность позволяет в поле публичной истории обращаться к различным способам презентации исторического знания за пределами университета. Второй аспект сводится к тому, что у публичной истории нет собственной методологической базы, дисциплина носит прикладной характер, поэтому академическое сообщество испытывает затруднения с её принятием. Те, кто работает в поле публичной истории, подчеркивают значение своей деятельности вопросом: «Кто в таком случае расскажет обществу, что такое история, и что она значит?». Возросший за последние десятилетия интерес к истории, несмотря на сопротивление научного сообщества, потребовал от университетов готовить историков не только ради истории, но и ради совершенствования коммуникации с обществом. Специалисты в области публичной истории обращали внимание на то, что история, наряду со своей познавательной ролью, представляет собой также инструмент легитимации или же, наоборот, делегитимации конкретных политических (идеологических) построений, выступает как определённая политика памяти. Образ прошлого, таким образом, оказывается сконструированным и, во-первых, напрямую зависит от властных отношений в обществе и, во-вторых, является предметом манипуляций сил, имеющих своей целью достижение тех или иных политических результатов в настоящем.

Одна из точек зрения на публичную историю состоит в том, что она является полем, в котором могут происходить дискуссии между представителями исторической науки, носителями исторической памяти и представителями гражданского общества. В этом случае представители публичной истории выступают в качестве трансляторов методов исторической науки. Появление в 1970-е го-

ды истории повседневности как дисциплины, альтернативной по отношению к широко распространённой тогда социальной истории с её вниманием к глобальным общественным и социальным структурам, открыло для истории то, что ранее было предметом рассмотрения только в антропологии — условия жизни «обычных людей». История повседневности с её вниманием к бытованию «маленького человека» в истории связана с интересом к каждому отдельному индивидуальному опыту, который характерен и для публичной истории. Открытие новых сфер в качестве объекта исторического познания совпали с распространением таких практик, как исторические семинары, переносившие изучение истории в контексты отдельных городов, деревень и предприятий. В соответствии с представлением шведского публициста Свена Линдквиста, (автора принципа «копай, где стоишь» (*Grabe wo du stehst*), каждый человек мог быть компетентен в собственной истории.

Из проблемных полей в рамках публичной истории большое внимание в настоящее время привлекают к себе исследования исторической памяти и исторической политики.

С 1980-х годов стало происходить сближение истории и памяти: повышается ценность живого опыта, личных воспоминаний, субъективных свидетельств, особенно значимость морального свидетеля, который на собственном опыте хотя бы отчасти испытал то, что выпало на долю жертв. Мемориальная перспектива помогает дополнить историческое исследование эмоциональным компонентом и индивидуальным переживанием, демонстрирует мемориальную функцию исторического исследования как памяти, а также акцентирует этическую ориентацию исторического исследования. На фоне происходящего сближения истории и памяти публичная история представляется, прежде всего, сферой практического применения профессионального исторического знания, а память — методологическим подходом в рамках исторической науки. Историки создают знание, используя, в том числе, метод устной истории, а это знание затем попадает в публичное пространство и там осмысливается дальше.

В настоящее время новые исследования, прежде всего, пытаются понять взаимоотношения между разными версиями прошлого в публичном пространстве. Новые подходы делают упор на множестве разных смыслов, которые аудитории извлекают из одной и той

же исторической репрезентации. В предельном выражении этой тенденции выявилось, что у каждого человека свое прошлое – и каждый человек сам себе историк. Индивиды и группы интерпретируют и используют прошлое по-разному. Публичная история предстает в этом контексте подходом, объединяющим существующие в публичном пространстве репрезентации прошлого, создаваемые как академическими историками, так и другими акторами. Историки в этом контексте выступают, с одной стороны, «поставщиками» знания о прошлом, на основе которого создаются его публичные репрезентации, а с другой – своего рода регуляторами, призванными стоять на страже таких репрезентаций: критиковать, исправлять, корректировать их. Констатируя эти изменения, французский философ Поль Рикёр как сквозной вывод в своем фундаментальном труде отметил, что «историю событий сменила история интерпретаций» [7].

Историческая политика в последние два десятилетия стала привлекать внимание как средство использования истории государством в политических целях, как способ консолидации социальных групп, их ценностной и аффективной самоидентификации. Историческая политика акцентирует идею защиты государственных интересов и государственного суверенитета, подчеркивает нормативную национальную идентичность, определяемую через отсылку к исторической традиции, сосредоточивается на патриотизме и защите нормативной трактовки исторического прошлого и сферы национальной культуры, легитимирует унифицированный исторический нарратив и его возможные интерпретации, распространяя на историческое поле логику национальных интересов, нуждающихся в отстаивании как внутри страны, так и на международной арене (пой и на законодательном уровне).

Исследователи выделяют также пункты схождения и расхождения исторической политики и публичной истории.

Публичная история принципиально диалогична. Она представляет собой горизонтально организованное пространство взаимодействия различных сообществ, не стремящихся к монополизации прошлого, не обладающих административными ресурсами, опираясь на которые можно было бы стремиться к непререкаемой культурной гегемонии.

Историческая же политика видит своей целью символическое обоснование единства политического тела нации, стремясь установить контроль над процедурами включения/исключения и допуская партикулярность только в качестве частной манифестации единого целого, занимающего специально отведенное ей место.

Публичная история развивает особую форму чувствительности к мемориальным правам депривированных групп и индивидов, отставая ценность локального и преданного забвению, возвращая вытесненное и маргинализированное в социальное пространство коммеморации.

Историческая политика дискурсивно объективирует свой предмет в качестве историко-культурного наследия – устойчивой совокупности символических ресурсов, доступ к которой регулируется требованиями национальной безопасности.

Публичная история обращается к историческому или биографическому опыту, вызывающему к необходимости в свидетельстве.

Историческая политика исходит из вертикальных отношений между субъектом этой политики и теми, кто является ее адресатом, становясь результатом деятельности хорошо скоординированных сил (государственных институтов и сертифицированных государством общественных организаций).

Публичная история предполагает подвижные и взаимобратимые отношения между «производителями» и «потребителями», представляя собой динамичный обмен между различными субъектами, которые участвуют в тех или иных формах репрезентации истории/коммеморации прошлого, и внутренне разнородной публикой, структурная дифференциация которой происходит через вовлечение в те или иные формы репрезентации/коммеморации. С усилением присутствия государства в публичной сфере и в поле символического производства публичная история может превратиться в суррогат исторической политики [1, с. 355 – 364].

К практикам публичной истории и исторической политики в настоящее время в России активно прибегают крупнейшие политические деятели, органы государственной власти. Специфика реставрации прошлого, предпринимаемой исторической политикой в современной России, состоит в производстве общего для всех ее граждан «историко-культурного наследия». В 2012 году Владимир Путин назвал Россию «полиэтнической цивилизацией, скрепленной

русским культурным ядром» [8]. В качестве одного из наглядных олицетворений характерных черт исторической политики современной Российской Федерации исследователи обращают внимание на композиционное содержание монумента Победы на Поклонной горе в Москве: в центре композиции трехгранный штык русской винтовки возносит ввысь греческую богиню Нику, двух трубящих ангелов и статую Георгия Победоносца. Транслируется идея о культурном, этническом и конфессиональном многообразии, лежащем в основе исторического единства российского государства. Мемориальный комплекс включает находящиеся неподалеку друг от друга православную церковь, мусульманскую мечеть и еврейскую синагогу, закладной камень буддийского храма. Установлены памятники ликвидаторам аварии на Чернобыльской АЭС, Мемориальная композиция «Трагедия народов», Памятник фронтовой собаке, памятник «Пропавшим солдатам», памятник «Испанцам, павшим в Великой Отечественной войне», Памятник «Встреча на Эльбе», Памятник антигитлеровской коалиции, многочисленные экспозиции военной техники [1, с. 364 – 366]. Создатели композиции включили в мемориальный комплекс символическую репрезентацию и осуществили синтез очень широкого круга важнейших событий и явлений многовековой истории российской государственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всё в прошлом: теория и практика публичной истории / Под ред. А. Завадского и В. Дубиной. – М., 2021. – 448 с.
2. Contribute to History @ Work // <https://ncph.org/history-at-work/guidelines/> (04. 07. 2022).
3. Liddington J. What is Public History? Publics and Their Pasts, Meanings and Practices // *Oral History*. – 2002. – Vol. 30. – № 1. – P. 83–93.
4. Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. – М., 2012. – 648 с.
5. What is Public History Globally? Working with the Past in the Present / Ed. by P. Ashton, A. Trapeznik. – London – New York, 2019. – 392 p.
6. Завадский А. И., Исаев Е. М., Кравченко А. В., Склез В. М., Суверина Е. В. Публичная история: между академическим исследованием и практикой // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. – 2017. – №2 (112). – С. 22–34.
7. Рикёр П. Память, история, забвение: пер. с фр. М., 2004. 728 с.
8. Путин В. Россия: национальный вопрос // *Независимая газета*. – 2012. – 23 января // https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (04. 07. 2022).

**ИЗ ИСТОРИИ АМЕРИКАНСКОЙ РУСОФОБИИ:
ФОУЛК У.Д. «СЛАВЯНИН ИЛИ САКС. ИССЛЕДОВАНИЕ
РОСТА И ТЕНДЕНЦИЙ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»**

Анна Валериевна Мырикова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, к.п.н., доцент
г. Москва; e-mail: an_my@mail.ru*

В статье представлен авторский перевод фрагментов текста книги американского журналиста У.И. Фоулка «Славянин или сакс. Исследование роста и тенденций российской цивилизации» (1887). Видя в Российской Империи угрозу британским и американским интересам в Средней Азии и на Дальнем Востоке, он многие факты из жизни России трактовал в откровенно русофобском духе.

Ключевые слова: Фоулк У.Д.; США, Великобритания; Россия; славяне; англосаксы; цивилизация; царизм

Фоулк (Foulke) Уильям Дадли (1848-1935) был американским журналистом, литературным критиком, поэтом и реформатором. Будучи сенатором штата Индиана с 1882 по 1886 г., вносил законопроекты о реформировании системы государственной службы штата. Президент Теодор Рузвельт назначил Фоулка комиссаром Комиссии по государственной службе в 1901 г. Писав на различные темы, Фоулк интересовался Россией и русской историей с 1880-х гг. Его страшили посягательства Российской Империи на Среднюю Азию и на Дальний Восток. Он полагал, что амбициозная внешняя политика России будет большой угрозой для институтов свободы. В 1887 г. он опубликовал книгу «Славянин или сакс. Исследование роста и тенденций российской цивилизации» (Slav or Saxon. A study of the growth and tendencies of Russian civilization), где описал агрессивные, с его точки зрения, намерения царской России. В то время он также протестовал против ратификации российско-американского договора об экстрадиции, но в 1893 г. договор был ратифицирован. В 1903 г. Фоулк стал президентом Общества друзей российской свободы. Это общество поддерживало русских революционеров и либералов в их борьбе против самодержавия. Книга была впервые опубликована в Нью-Йорке в 1887 г. (Wm.D. Foulke. Slav or Saxon. A study of the growth and tendencies of Russian civilization. New York: G.P. Putnam's Sons, 1887), затем переиздана в 1891 г.

Фоулк У.Д.

Славянин или сакс. Исследование роста и тенденций российской цивилизации

[Фрагменты]

Глава I. Грядущая борьба

... мысль о том, что Англия и Россия должны стать двумя великими нациями Старого Света, должна была приходиться в голову тем, кто наблюдал за развитием великой северной державы и противопоставил его росту англосаксонской цивилизации и остальной части континентальной Европы. Единственная ошибка — это вера в то, что славяне и англосаксы могут продолжать колонизировать и завоевывать без столкновения. Эти две великие ветви арийского рода, столь разные по характеру, обычаям, политической жизни и образу мыслей, никогда не смогут в гармонии удержать разделенную власть над Восточным континентом. Глубоко укоренившаяся ревность и недоброжелательность, которые Англия и Россия проявляют друг к другу, имеют более логичную основу, чем выводы г-на Гладстона; и рано или поздно должна начаться борьба за господство, которая определит, будет ли славянская или саксонская цивилизация мировой цивилизацией [1, с. 2].

Нам в Америке нелегко осознать серьезность кризиса. Близость наших собственных форм цивилизации скрывает из поля зрения развитие более отдаленного типа, а если мы его и видим, то недостаточно учитываем перспективу. Россия далеко. Ее идеи настолько диковинные, настолько полуварварские, настолько нежелательные во всех отношениях, по нашему мышлению, что мы не видим, как их можно насильно протолкнуть в глотку человечеству. Наши собственные формы социальной жизни настолько выше и лучше, что мы уверены, что они должны, в конечном итоге, пережить российские.

Но хотя в социальной, как и в органической жизни, преобладает закон выживания наиболее приспособленных, это не всегда означает выживание высшего типа. В животной жизни исчезли многие высокоразвитые организмы, а одни из самых простых и грубых типов существуют и по сей день. Итак, в истории мы находим, что многие интеллектуальные расы пали жертвой варваров [1, с. 2-3].

<...> ... нельзя сказать, что, поскольку русская культура уступает культуре англосаксонской, русская раса должна погибнуть в борьбе. Вопрос в следующем: обладает ли Россия теми условиями физической силы, которые обеспечивают ее будущее господство? Характеристики земли и расы, населяющей ее, дают большую пищу для размышлений.

<...> среди народов Восточного континента только Англия и Россия имеют будущее. Крошечная территория остальной части континентальной Европы недостаточно велика, чтобы на ней можно было расти. Ни один народ не может добиться прочного господства, если он ограничен рамками, столь же узкими, как границы любой страны Западной Европы. Действительно, повсюду, кроме Англии, Америки и России, мы можем видеть признаки того, что пределы роста не за горами [1, с. 4].

Глава II. Территория России

Что касается земли, то Россия владеет почти одной шестой частью всего мира, и ее территория постоянно увеличивается за счет завоеваний и колонизации. Ее владения больше, чем у любого другого народа, существующего сегодня или когда-либо существовавшего. С постепенным заселением мира вопрос о земле становится все более и более важным. По-видимому, единственное, что остается постоянным, — это простое количество земли. Если бы было достаточно места, тогда то же умение, которое спасло Голландию от моря, которое отправило Великую Американскую пустыню в царство воображения, которое построило Санкт-Петербург на болоте, а Архангельск на берегу Ледовитого океана, кажется способным везде превратить это пространство в продуктивное средство для удовлетворения потребностей человека. Самая негостеприимная порода дает бесценную руду. Болото и трясина содержат наилучшую почву; сама Арктика кишит неутомимой жизнью. Сама Сахара не нуждается ни в чем, кроме предприимчивости и умения будущих поколений, чтобы превратиться в сад. Пока нация растет, ценность ее земли продолжает расти. Было время, когда богатейшие земли России не имели значения. Придет время, когда пустоши Туркестана и леса Сибири будут так же ценны, как сегодня равнины Центральной России. Прежде большая протяженность территориальных владений была элементом политической слабости. Силы государства были рассредоточены по обширной области, где

связь была невозможна. Когда провинция подвергалась нападению, требовалось слишком много времени, чтобы получить от нее известие, слишком много времени, чтобы отправить помощь. К тому времени, когда мышление поменялось, все условия были другими.

Император Адриан отказался от обширных провинций, потому что их защита ослабляла Рим. Но теперь за неделю мы можем совершить путешествие длиной в год; при передаче мысли пространство полностью уничтожается. Протяженность территории есть сильнейшая гарантия русской деспотии; она препятствует концентрации противоборствующих сил, в то время как центральная власть, контролирующая пути сообщения, может быстро направить всю свою силу в одну точку в любом месте своих владений [1, с. 12-13].

<...> Монотонность и ровный характер земли не могут не влиять на темперамент людей. Недостаток оригинальности и индивидуальности, замечаемый путешественниками в России, отчасти объясняется этой причиной. С промышленной точки зрения это единство имеет свои недостатки; занятия людей не диверсифицированы. Россия исключительно аграрная держава. Но с политической точки зрения ничто не может быть лучше приспособлено к концентрации власти. Люди становятся единым целым, как земля; их занятия одинаковы, их мысли, их стремления. Они гораздо легче поддаются контролю единой воли [1, с. 13].

Однако в природе есть одно большое разнообразие — смена времен года. От лютого холода арктической зимы до жаркого лета, более чем тропического, всего несколько недель. Преображение природы блестяще и поразительно. Зимы ослепительны, летние ночи — одни длинные сумерки. Крестьянские весенние песни, прославляющие прилет «райских птиц», жатвенные мелодии, темой которых является внезапное созревание зерна, и осенние песни, оплакивающие уход всякого плодородия природы, свидетельствуют о влиянии этих процессов на русский темперамент. Гибкость русского характера во многом обязана этим внезапным переменам. Если русским не хватает оригинальности в интеллекте, в их чувствах, вкусах и привычках есть большая оригинальность. Бесчисленные секты религиозных фанатиков, странные типы характеров, иллюстрациями которых являются Иван Грозный и Петр Великий, способность русских к огромным усилиям при случае, а не к постоян-

ным стараниям, не лишены связи с их долгими зимами оцепенения и бездеятельности и их короткими, обжигающими летами, когда работа года должна быть сжата до нескольких коротких месяцев. Этим, отчасти, может быть также обусловлен двойкий характер, замечаемый исследователями русской жизни: крайности либерализма и консерватизма, благоговения и цинизма, надежды и уныния, ума и невежества; смелость в проектах реформ, робость в исполнении. Эти противоречия, однако, сглаживаются практическим здравым смыслом русских, их склонностью к реализму, а не к абстрактному мышлению, их склонностью к физической науке, а не к интеллектуальной философии. Во всем этом нация проявляет импульсы и склонности детства, и дальнейшая культура и развитие могут исправить ее недостатки. Стремление к реформам материального и физического характера во многом напоминает ту же тенденцию среди нашего собственного народа. С большим образованием и большей свободой русские вряд ли отстали бы от нас в этом отношении [1, с. 14-15].

Введение парового двигателя для путешествий и транспорта даст России больше преимуществ, чем какой-либо другой стране. Прежде её слабостью было отсутствие доступа к морю. Чтобы исправить это, Петр Великий завоевал балтийские провинции и построил Санкт-Петербург. В значительной степени для этого он, Екатерина и Николай замыслили низвергнуть Османскую империю и завладеть Босфором. Но в наши дни, когда сообщение по суше проще и быстрее, чем по морю, этот недостаток почти не ощущается. Из своего нынешнего положения Россия могла бы захватить весь Восточный континент без военно-морского флота. В целях международной, а также внутренней торговли железная дорога скоро заменит корабль и пароход. В борьбе между Англией и Россией превосходство Англии на море мало поможет [1, с. 15-16].

<...> Нынешняя система земледелия очень расточительна. Кочевые племена последовательно каждые несколько лет оставляют большие участки земли, которые обрабатывают самым примитивным образом. Но казачьи кибитки постепенно превращаются в постоянные станицы русских крестьян.

Минеральные ресурсы России почти полностью не освоены, хотя мы знаем, что в недрах Уральских и Алтайских гор скрыты богатые месторождения золота, серебра, свинца, меди и платины.

Кажется, этим регионам суждено открыть новую цивилизацию, как Калифорнии и Австралии.

В то время, когда сила воды была так важна для мануфактур, Россия отставала в этой значительной отрасли промышленности; но теперь, когда пар узурпировал место этой старой движущей силы, ее преимущества равны любым. По природным возможностям для земледелия, торговли и промышленности, а также по полезным ископаемым Россия не уступает наиболее благополучным нациям. Ее естественные продукты делают ее полностью самодостаточной. Если бы порты всех цивилизованных стран были закрыты для нее, Россия почувствовала бы потерю меньше, чем какая-либо страна в мире. В этом тоже мы видим большое преимущество с военной точки зрения.

В то время, когда сила воды была так важна для мануфактур, Россия отставала в этой великой области промышленности; но теперь, когда пар узурпировал место этой старой движущей силы, ее преимущества равны любым. По природным возможностям для земледелия, торговли и промышленности, а также по полезным ископаемым Россия не уступает наиболее благополучным нациям. Ее природные ресурсы делают ее полностью самодостаточной. Если бы порты всех цивилизованных стран были закрыты для нее, Россия почувствовала бы потерю меньше, чем какая-либо страна в мире. В этом тоже мы видим большое преимущество с военной точки зрения.

Есть некоторый недостаток в вопросе климата; вся Россия и Сибирь зимой подвержены сильным холодам. Летняя жара едва ли менее интенсивна; климат имеет большие крайности. Северные равнины Сибири, уходящие за полярный круг, как и значительная часть севера России, кажутся необитаемыми. На всем Севере период вегетации короче, и поэтому производительность земли ограничена. Теперь нам кажется, что большая часть России навсегда останется пустырем. Но вполне вероятно, что мы мало знаем о способностях цивилизации будущего использовать самые унылые и бесплодные регионы. Древнему миру и в голову не могло прийти, что на берегу Белого моря можно построить великий город [1, с. 16-18].

Большая протяженность ее территории, суровый климат и отсутствие крупных населенных пунктов делают невозможным прочное завоевание страны. Россия может быть захвачена, многие ее

города разрушены и, возможно, даже ее столица взята; но терпения народа, готового пожертвовать своим домом по велению своего императора, подчиняться и страдать, сколько потребуется, и который один способен вынести суровость русской зимы, достаточно, чтобы обеспечить окончательное уничтожение любой армии, пытающейся завоевать Россию. Его слишком много, чтобы его преодолеть. Природа объединяется с человеком, чтобы истребить захватчика [1, с. 19-20].

Заключение

Исход борьбы между Англией и Россией будет зависеть от двух вещей: во-первых, от того, насколько быстро будут действовать силы дезинтеграции в Британской империи и как далеко они простираются; во-вторых, от политических и социальных перемен в России, которые могут лишить ее мотива агрессии.

Опасность не является насущной; но от этого она не становится менее серьезной. ... хотя Россия могла бы успешно вторгнуться в Индию, в настоящее время она не может удержаться в Индостане в течение длительного времени, воюя против власти Англии. Но если смотреть дальше этого, то, вероятно, наступит день, когда трудящиеся массы Англии, которым предстоит контролировать ее политику в будущем, не захотят идти на необходимые жертвы, чтобы сохранить далекую империю, от которой они так мало могут получить. Скрытая угроза господства России для европейской цивилизации слишком далека, чтобы вызывать у них серьезное беспокойство. Можно сказать, что народы Западной Европы объединятся, когда российская агрессия станет слишком опасной, и что Россия не сможет противостоять их объединенной мощи. Это может показаться правдой; но если дипломатия царя достаточно искусна, чтобы избегать столкновений с непосредственными интересами других наций; если самодержец ограничит свои завоевания Азией, действуя постепенно и спокойно, как его предшественники, против наций, в которых державы Западной Европы особо не заинтересованы, отдаленная опасность русского превосходства может оказаться недостаточной, чтобы вызвать объединенное сопротивление. За исключением ее планов на Балканском полуострове, российская агрессия до настоящего времени не вызвала какой-либо объединенной оппозиции. Зависть и разногласия других великих держав между собой и их прямые посягательства друг на друга,

скорее всего, побудят их к немедленным действиям, чем отдаленная опасность, которая угрожает им с Востока. Сегодня Россия может найти во Франции союзника, на которого она может положиться, когда ей будут угрожать Германия и Австрия. Но даже если европейская дипломатия окажется достаточно мудрой, чтобы потребовать прекращения завоевательного похода России, остановка будет лишь на ограниченный период. Россия, вероятно, уступит и какое-то время будет молчать только для того, чтобы двигаться дальше более скрытно, когда давление будет снято, и между ее противниками возникнут проблемы. Таким образом, Россия уступила велению благоразумия в последнем болгарском деле; но никто не верит, что она навсегда ушла с Балкан. Даже если она потерпит поражение, как это было в Крымской войне; даже если бы она была вынуждена уступить какую-то небольшую часть своей территории, это все равно было бы не более чем временной задержкой. Тот факт, что Россия в целом никогда не может быть покорена, дает ей практическую безнаказанность, пока ее цель остается неизменной, и большая масса ее народа продолжает полностью подчиняться воле своего господина. Если политика Англии также не останется неизменной, если английский народ не решит через долгие годы, а может быть, и поколения, сохранить во что бы то ни стало свое теперешнее положение в Азии, продвижение России может быть остановлено только силами *внутри* царской империи. Этого народ Великобритании делать не будет. Сила, которая должна остановить поток завоеваний в случае с Россией, как и в случае с древним Римом, должна исходить из самой империи. И следующая проблема, которую следует рассмотреть, заключается в том, какова вероятность изменения, которое приведет к такому результату?

Легко сказать, что социальные условия России не могут оставаться такими, какие они есть сейчас; что огромную массу народа нельзя бесконечно держать в неведении; что самодержавие не будет оставаться их идеалом правления; что зло деспотизма найдет свое лекарство и что мотив, который толкает Россию к завоеваниям, постепенно исчезнет само собой. Все это не лишено доли истины. Кажется невозможным, чтобы великая империя, находящаяся в такой непосредственной близости от свободы и цивилизации девятнадцатого века, могла и дальше оставаться подчиненной азиатскому деспотизму. Но мы не должны забывать, что девять десятых всего

населения России состоит из совершенно невежественного крестьянства, живущего небольшими общинами, совместно обрабатывающего свою землю и представляющего тип общества, которому тысячи лет; что привычки подчинения и послушания составляют основу их существования; что власть царя над ними, как моральная, так и физическая, никогда не ослабевала ни на йоту. Центральное правительство, контролирующее все перспективы образования, а также возможности связи между ними, держит их как в тисках; от этого класса нельзя ожидать никакого спонтанного движения к свободе; именно от небольшого числа образованных подданных царя должны исходить надежды на будущее улучшение положения России. Эти люди принадлежат в основном к дворянству. Вряд ли в России есть такое понятие, как средний класс. Городское купечество, сравнительно немногочисленное, невежественное, нечестное, консервативное, не является теперь важным фактором русской общественной и политической жизни. Они, быть может, вырастут как в числе, так и в интеллектуальном отношении, но Россия почти исключительно земледельческая страна, и пройдет много времени, прежде чем жители городов будут иметь влияние, которое будет соответствовать влиянию купеческого или бюргерского сословия других европейских стран. Дворянство в России, однако, гораздо многочисленнее, чем где бы то ни было, и в освобождении крепостных, а также после того, оно проявило дух бескорыстия и самопожертвования, какой редко встретишь в истории. Классовый дух в России почти неизвестен. Дворяне и крестьяне заседают вместе в местных собраниях и действуют в великой гармонии. Во время освобождения многие дворяне работали против интересов своего класса. Это бескорыстие особенно заметно у мелкой знати. Многие из них вступили в ряды революционеров и посвящают свою жизнь делу социальной и политической свободы и равенства. Именно из этого образованного класса должно прийти политическое спасение России. Политика нынешнего царя была консервативной и даже реакционной. Многие реформы, начатые его предшественником, были урезаны и отменены его более жесткой и нелиберальной системой. Это приписывается заговорам нигилистов, и говорят, что революционеры увековечивают, а не уничтожают деспотизм, на который они жалуются, но не следует забывать, что реакционные тенденции Александра II зародились некоторое время назад, до того,

как на его жизнь были совершены какие-либо покушения или до того, как против его правительства была организована революция. Для русских, которые хотели улучшить положение своего правительства, было только два пути. Они должны либо довериться капризам самодержца, которому довелось править, либо они должны стремиться уничтожить самодержавие. Следование первому курсу не дает надежды на перманентную реформу, а второй курс предполагает революцию. Царь не даст конституции. Он не допустит никакой агитации в пользу конституции. Даже петиции, поданные с такой целью, подвергаются суровому осуждению, а их авторы наказываются. Реформатор не может распространять свои идеи там, где они расходятся с политикой правительства; единственными альтернативами являются молчание и вооруженное восстание. Благоразумие может советовать молчать, но патриотизм требует реформ любой ценой. Поэтому более смелые духом стремятся к революции. Там, где население так рассеяно, а центральная власть всемогуща, восстание не может принять форму народного восстания. Повстанцы должны действовать тайно, и инструменты, которые наполняют мир ужасом, являются единственным средством, имеющимся в их распоряжении. Мы не ставили цели оправдать их использование, а стремились только указать на обстоятельства, которые привели к их принятию людьми, которые при других условиях считались бы патриотами и реформаторами; людьми, у которых, безусловно, нет личных целей, достаточных, чтобы оправдать их в принятии ужасных наказаний, предусмотренных российским законодательством.

Нам, живущим в стране, где мысль не подавлена, где даже поведение ограничено только тогда, когда оно причиняет прямой вред нашим ближним, трудно понять ужасную серьезность реформатора, когда ему не позволено высказывать свои мысли. Нам трудно понять глубину религиозного энтузиазма в прошлые времена, когда люди скорее подвергались мучительным пыткам, чем отрекались от какой-то догмы, которая сейчас кажется слишком тривиальной, чтобы заставить нас серьезно думать. Но могли бы мы жить во времена, когда вера в христианство влекла за собой позор, заточение и смерть, или во времена, когда отрицание духовного авторитета римской иерархии наказывалось пытками и кострами? Нет сомнения, что в некоторых из тех, кто смотрит теперь на эти вещи спокойно, философски, был бы пробужден энтузиазм, способный

подчиниться чему угодно, а не изменить или отречься от своей веры. Нет предела выносливости ума, возвышенного принципом, который он считает великим.

Аналогичным образом, преданность свободе наиболее сильна и всепоглощающа там, где ее проявление сдерживается железной рукой военного деспотизма [1, с. 135-140].

ЛИТЕРАТУРА

1. Wm.D. Foulke. Slav or Saxon. A study of the growth and tendencies of Russian civilization. –New York: G.P. Putnam's Sons, 1887. – 148 p.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ МЫСЛЬ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.: ОСНОВНЫЕ ТЕМЫ И ЦЕННОСТИ

Ольга Евгеньевна Сорокопудова

*МГУ имени М.В. Ломоносова, к.п.н., старший научный сотрудник;
Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН),
к.полит.н., ведущий научный сотрудник
г. Москва; e-mail: srkpdv@gmail.com*

Статья посвящена характеристике специфических черт, основных тем и ценностных ориентиров интеллектуальной мысли России в конце XIX – начале XX вв. Делается вывод, что несмотря на уникальность исторических обстоятельств и разноплановость отечественной социально-политической философии, можно выделить ряд характерных национальных черт, присущих отечественному общественному дискурсу в этот период и сохраняющих свою актуальность до сих пор.

Ключевые слова: история; социально-политическая философия; ценности; Россия; литература; интеллектуальная мысль; традиция

В общественном дискурсе сегодня общим местом стали рассуждения об уникальности исторического момента, невиданных трансформациях геополитического баланса и беспрецедентных вызовах, стоящих перед российской цивилизацией. Это, безусловно, так. И однако в этой связи особенно любопытно проследить некоторые параллели в истории, в частности как никогда созвучным современной социально-политической рефлексии представляется этап развития отечественной интеллектуальной мысли «на изломе» XIX-XX вв. Можно отметить несколько главных тем и ценностных векторов, характерных для социально-политической мысли того периода, которые и сегодня не потеряли своей актуальности.

1. На протяжении всего XIX в. Россия в идейно-интеллектуальном плане находилась в заметной зависимости от Европы. Пристрастие отечественной элиты к зарубежным мыслям и

теориям, почти коленопреклонение перед западной культурой для России самым ярким образом выразилось, например, в галломании русской интеллигенции вплоть до первой половины XIX вв. Идеалы рационализма, позитивизма, приоритета практики над теорией, революционные устремления были восприняты отечественной благодатной интеллектуальной средой и даже политической элитой. Деятнадцатое столетие было отмечено бурным развитием отечественной социально-политической мысли, пусть и спровоцированным во многом западным опытом: М.М. Сперанский с его идеями либеральных преобразований, декабристы, П.Я. Чаадаев с критикой российской истории и ее значения в мире, славянофильские и западнические теории развития России, социалистические идеи А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского, революционное народничество П.Л. Лаврова и П.Н. Ткачева и т.д. Однако к концу XIX в. российское общество все в большей степени начинает осознавать бесперспективность своего увлечения радикальными и рационалистскими теориями, понимая их ограниченность в деле стратегического и созидательного развития страны. Оценивая эти события с нравственной точки зрения, для большей части отечественных мыслителей стал очевиден недостаток универсальности в приложении этих принципов и ценностей, неполнота и узость такого подхода.

2. Религиозный ренессанс в отечественной мысли в XX в., обращение к нравственной и религиозной составляющей общественной жизни во многом были вызваны теми же причинами. Русское «духовное возрождение» было связано с преодолением узкого рационализма, обогащением его духовными ценностями. Это был крутой, хотя внутренне органичный и закономерный для отечественной мысли поворот, когда нравственная, этическая парадигма, изначально определявшая его смысл, стала абсолютной доминантой ценностного мировидения, его социологического и политического преломления. Несмотря на то, что в традиции отечественной общественной мысли сильная этическая составляющая является отличительной чертой, тем не менее, особое обращение к религиозной составляющей миропонимания и мирообъяснения в этот период произошло особенно ярко.

На смену чрезмерному рационализму, секуляризации общественного сознания, кризису самого института Церкви приходило переосознание роли духовного начала в жизни человека и всего об-

щества. Искание Бога – перманентное свойство души русского человека, мучительный поиск абсолютной истины. Религиозное осмысление мира происходило у разных авторов в этот период нашей истории по-своему: В.В. Розанов, В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, С.Н. Булгаков, Л.П. Карсавин. И в конечном итоге всех их объединяет творчески-критическое отношение к религиозной ортодоксии, которое неминуемо должно было возникнуть вследствие равнодушия авторов к религиозной теме и тонкости самого предмета.

3. Следующей существенной характеристикой культурного кода политической и философской культуры России является идея ответственности за будущее и настоящее страны и народа. Постоянные политические и социальные искания для русской интеллигенции были адекватны нравственному императиву: ответственность за судьбу России.

Интересно, что обозначенная тенденция имманентно присуща русскому сознанию во всех формах его политического выражения: консервативного, либерального, радикально-революционного. Поразному преломляясь, императив нравственного долженствования определял, в конечном счете, и характер декабризма, и философские искания Любомудров, всей русской мысли пушкинского времени с ее явлением П.Я. Чаадаева, здесь же истоки западничества и славянофильства.

Идея ответственности интеллектуальной элиты за революционные катаклизмы России пронизывает, например, все творчество В.В. Розанова. По его мнению, революция стала неизбежностью, потому что несколько предшествующих поколений утратили способность к истинно патриотическим, монархическим и религиозным чувствам. Это как раз и есть «воспитанники» 60-х гг., взращенные на ярких и привлекательных, но порочных по сути идеалах. И вину за такое «воспитание» русского народа автор «Апокалипсиса нашего времени» возлагал именно на интеллектуальную интеллигенцию, публицистов, философов, литераторов, которые будучи сами идейно «больны», в своих работах «заражали» и остальное общество.

4. Еще одной важной содержательной особенностью интеллектуальной мысли России этого периода является идеологический синкретизм. По мнению Е.Л. Рудницкой [1], генезис социально-политических идей в России в силу исторических реалий, самого

характера государственно-политических устоев тесно приблизил друг к другу консервативную и либеральную тенденции. Поэтому, например, такие понятия как «либеральный консерватизм» или «консервативный либерализм» были для России не отвлеченной теоретической конструкцией, а органичным фактом ее политической культуры.

5. Сущностной чертой русского типа интеллектуальной рефлексии является его интуитивный характер. Ф.А. Степун дал такую общую характеристику русскому «философствованию»: «Основные принципы русской философии никогда не выковывались на медленном огне теоретической работы мысли, а извлекались в большинстве случаев уже вполне готовыми из темных недр внутренних переживаний» [2, с. 2]. Это интеллектуальный инсайт, интуитивное озарение как способ познания в русской культуре, в которой так тяжело приживался западный логичный и структурированные рационализм.

Интуитивизм русской философской традиции как гносеологическая особенность проявился в наследии С.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрна, И.А. Ильина и др. С.Л. Франк вообще считал, что «особенностью русского мышления является то, что интуиция присуща ему, так сказать, с малолетства» [3, с. 720]. Именно поэтому только для отечественной духовно-политической культуры характерной и показательной является ориентация не столько на поиск «истины», сколько на поиск «правды», которая совмещает в себе понятия справедливости и абсолютного знания.

6. Общность формы выражения общественно-политических идей в отечественной мыслительной традиции, проявилась, по мнению практически большинства исследователей, в «литературоцентричности» русской духовно-идеологической культуры или – что то же самое – в «философичности» русской литературы и публицистики. Действительно, исторические условия развития России с одной стороны, и объективная молодость и незрелость русского духа, с другой стороны, привели к тому, что наиболее глубокие и значительные мысли и идеи были высказаны не в систематичных научных работах, а в литературной форме. Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, Ф.И. Тютчев и др. являются не только выдающимися литературными величинами отечественной культуры, но самобытными и оригинальными мыс-

лителями и философами наравне с К.Н. Леонтьевым, П.Я. Чаадаевым, А.С. Хомяков, И.В. Киреевским, В.С. Соловьевым, Н.Н. Стравовым, В.В. Розановым.

Собственно формой русского идейно-философского и политического творчества выступает свободно написанная статья, которая крайне редко посвящена определенной теме и обыкновенно пишется «по поводу», связанному с какой-либо новой проблемой исторической, политической и литературной жизни и в то же время затрагивает глубокие и важные мировоззренческие вопросы.

7. Наконец, одной из значимых тем общественной рефлексии этого периода выступала идея обреченности, «ненужности» целого пласта культурно-исторического развития России, который постепенно, но неизбежно вытеснялся новым революционно-социалистическим сознанием. Эсхатологические настроения среди отечественной интеллигенции в конце XIX – начале XX вв. – серебряном веке русской культуры, получали все большее и большее распространение.

Подобное умонастроение отражало общую логику развития мировой культуры этого периода, некий цивилизационный сдвиг в сознании человека вообще, его реакцию на значительные пертурбации общественной и социально-политической жизни. Преобладание материалистических устремлений, утилитаризм и рационализм как ключевые установки общественного развития привели в конечном итоге к забвению духовной составляющей жизни общества, кризису культуры и общественного сознания, разрушению традиционных идеалов и ценностей, что выразилось в эсхатологических настроениях, прежде всего, среди интеллигенции. Конец XIX – начало XX вв. как в европейской истории, так и в России неслучайно характеризуется таким явлением как декадентство, проявившееся во всех сферах общественной жизни – литературе, искусстве, социально-политической мысли и т.д. Разочарованность, отчужденность, боязнь будущего и критическое отношение к настоящему, индивидуализм и эстетизм, пассаизм и романтизация прошлого явились естественной реакцией человеческой психики на происходящие изменения.

Разумеется, такой беглый обзор основных тем и специфических черт отечественной философской и социально-политической мысли конца XIX – начала XX вв. далеко не отражает всей полноты общественной дискуссии и рефлексии того периода. Но тем не менее

очевидно, что в кризисные периоды истории российского общества и государства обостряется национальное своеобразие интеллектуального дискурса, который и сегодня во многом сохраняет свои существенные черты более чем столетней давности. А значит обращение к собственной истории и интеллектуальному опыту в настоящий момент приобретает особую актуальность и принципиальную значимость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рудницкая Е.Л. Лики русской интеллигенции. – М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2007.
2. Степун Ф.А. и др. От редакции. Современный культурный распад и культурное значение философии // Логос. – 1910. – № 1.
3. Франк С.Л. Сущность и ведущие мотивы русской философии // Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. – М., 1995.

Исследование выполнено в рамках проекта № FZNF-2022-0004 «Аксиологические основы российской государственности: история и современность», реализуемого в ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» по итогам отбора научных проектов, проведенных Министерством высшего образования и науки РФ и ЭИСИ.

ИДЕЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX В. В ТРУДАХ М.А. ТЕРЕНТЬЕВА

Ольга Дмитриевна Тальская

*МГУ имени М.В. Ломоносова, ассистент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии, младший научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН
г. Москва; e-mail: ollytalsky@gmail.com*

Империализм в означенный период был характерным феноменом эпохи. Одним из малоизученных авторов рубежа XIX–XX вв. был М.А. Терентьев – практик, принимавший непосредственное участие в процессах реализации имперской политики, в своих основных трудах описавший процесс присоединения Россией территорий Центральной Азии. На основе политико-текстологического анализа его трудов выявляется недостаточно изученная часть философии российского империализма. Актуальность статьи обусловлена тем, что анализ идеи устойчивого развития всех форм империализма позволит с большей точностью понять и спрогнозировать действия различных сторон, осуществляющих империалистическую политику в современном мире.

Ключевые слова: М.А. Терентьев; философия империализма; Центральная Азия; политико-текстологический анализ

Одним из полузабытых сегодня, но важных исторических лиц является М.А. Терентьев (1837–1909), военный востоковед и

историк, лингвист, юрист, вышедший в отставку в чине генерал-лейтенанта, большую часть своей карьеры служивший в Центральной Азии на управляющих и судебных военных должностях [11, с. 28–31].

Михаил Африканович Терентьев в своих исторических работах описывает процесс реализации имперской политики в Центральной Азии и многочисленные проблемы, с которыми столкнулась Россия. Он является представителем в определенном смысле уникального сословия военных управленцев, работавших в Центральной Азии, и его можно считать выразителем мнения целого профессионального служебного слоя, который существовал в России того времени. В его произведениях часто встречаются статистические данные, в основном связанные с оснащением войск и крепостей, а также с расходами. В этих случаях он ссылается на документы, к которым имел прямой доступ непосредственно или благодаря архивам. Также он опирается на тексты законов, указов и распоряжений, которые цитирует дословно. С точки зрения идеологического обоснования и описания российской политики, М.А. Терентьев не ссылается на другие исследования, вместо этого он интерпретирует факты и дает им свою оценку.

Сам термин «империя» возник в античные времена. Изначально под ним понималась власть монарха, которая распространялась на всю территорию государства. Так, в своем труде «Политика» Аристотель не упоминает империй, когда описывает типы государственного устройства. Можно предположить, что, по Аристотелю, империи могли бы быть классифицированы как монархии или тирании [1, с. 487]. С течением времени термин эволюционировал и начал обозначать большие по размеру государства, отличающиеся разнородностью населения и культур на его территории, а также тем, что все государство подчинялось одному политическому центру [8, с. 341–347].

Несмотря на то что не существует научного консенсуса о том, что представляет собой империя, принято выделять такие характерные черты, как единство политической и экономической системы при разрозненности территорий, неравноправные экономические взаимоотношения метрополии и колоний, высокую значимость центра империи и строгую иерархическую структуру управления, неоднородность периферии с точки зрения этнических и культурных

особенностей, а также стремление политических элит имперского общества на расширение территории и сфер влияния. При этом каждая конкретная империя обладает своими собственными уникальными качествами [6, с. 7].

В качестве особенностей российского империализма Н.А. Бердяев выделяет такие ее черты, как стремление к объединению Востока и Запада. Исходя из этого он представлял себе империю как «великую объединительную... ее универсализм должен обнимать всякую индивидуальность» [3, с. 369]. В этом ясно прослеживается философское осмысление имперского строя как силы объединения и благоденствия для народов, которые включаются в состав государства в ходе имперской экспансии. При этом невозможно не отметить, что Н.А. Бердяев был в первую очередь теоретиком, осмысляющим империи и их внутреннюю логику *sub specie aeternitatis*. На рубеже XIX и XX вв. завершался процесс присоединения территорий Центральной Азии к Российской империи. В этот период в стране жил и работал М.А. Терентьев, который в своих трудах обосновывал имперскую политику России исходя из своего практического опыта по ее непосредственной реализации. С точки зрения обоснования политической философии империй, его труды не введены в современный научный оборот в достаточной мере, в связи с чем необходимо описать исторический контекст его жизни и работы.

По мнению Терентьева, завоевание и присоединение территорий – оправданный, естественный процесс, несущий благо народам колонизированных территорий. В своих работах он стремился к тому, чтобы учитывать все факты, в том числе и неблагоприятные для Российской империи, такие как коррупция, жестокое или неуважительное отношение к местным народам.

Представляет интерес соотношение взглядов М.А. Терентьева и Н.А. Бердяева. Николай Александрович Бердяев был одним из наиболее значимых философов-исследователей в сфере теории империи. В частности, он рассматривал вопросы генезиса, развития и распада империй и пришел к выводу, что мировой политической процесс в XIX–XX вв. был благоприятен для возникновения империй.

В труде «Судьба России» Н.А. Бердяев противопоставлял империализму национализм, описывая последний как стремле-

ние к универсализации. При этом Бердяев утверждал, что империализм и национализм антиномичны, но не исключают друг друга [3, с. 366]. Как это описывают исследователи трудов Бердяева, «национализм в данном контексте – стремление малых наций создать (сохранить) свою государственную идентичность, империализм – стремление больших и сильных наций создать огромное многонациональное государство, выходящее за рамки государства национального, идущее к империалистическому объединению, а империя стремится быть вселенской империей» [4, с. 126].

Кроме того, Н.А. Бердяев рассматривал империи как закономерное развитие государств, возникших в результате насилия. По его словам, империи существовали на протяжении известной человеческой истории со времен Александра Македонского. Он утверждал, что конечная цель империи – «всемирное соединение». Рассматривая особенности русского империализма, Бердяев говорил о том, что главная его цель – объединение Запада и Востока, Европы и Азии.

Крайне интересно отношение Бердяева к самому явлению империализма: «Проблему империализма нельзя ставить на субъективно-моралистическую почву нашего сочувствия или несочувствия империалистической политике. Можно совсем не иметь империалистического пафоса и даже с отвращением относиться ко многим неприглядным сторонам империалистической политики и все же признавать объективную неизбежность и объективный смысл империализма» [3, с. 367].

Как мы видим, Н.А. Бердяев рассматривал империализм как объективное политическое явление и прилагал усилия к его объективному изучению. В его основе он видел стремление построенных на насилии государств к расширению вплоть до мирового политического единения, но при этом не отрицал экономические аспекты и национальные различия имперских моделей. Особенностью русского национализма (в том числе в советскую эпоху) он видел объединение Запада и Востока, Европы и Азии.

Сравним такой взгляд с точкой зрения М.А. Терентьева. В первую очередь необходимо отметить сходство в том, что и Бердяев, и Терентьев соглашались, что российская модель империализма обладает собственными национальными особенностями. Также совпадает их взгляд на то, что эти особенности обусловлены

географическим положением России на стыке Европы и Азии. При этом Бердяев считал, что русский империализм является синтезирующей, объединяющей силой для Европы и Азии, а Терентьев полагал, что Россия – это часть Европы, которая одновременно играет роль «жандарма», защищая Европу от Азии, а также приносит европейские ценности в Азию.

Н.А. Бердяев рассматривал империализм как объект исследования. Невозможно утверждать, что сам он разделял идеалы этого политического процесса. М.А. Терентьев, в свою очередь, явно выражал свое положительное отношение к русской модели империализма.

М.А. Терентьев проявлял определенное стремление к тому, чтобы в позитивном свете показывать российских офицеров средних чинов, которых он называл «строителями империй», и в негативном свете отзываться о замене военных администраторов в регионе на чиновников, которые не были знакомы с особенностями и обычаями региона. Он прямо демонстрирует и свое отношение к имперской политике России. В частности, он заявляет, что Россия не имеет секретов в среднеазиатской политике, не прибегает к закулисным интригам и не боится публичности. Этот абзац – яркий пример отношения Терентьева к Российской империи и ее политике. Из сказанного очевидно, что автор считает Россию справедливой силой в мире, а процесс колонизации – благом для всех сторон. Он также показывает контраст между Россией и Великобританией. Если России присваиваются те положительные качества, которые он упоминает, то, по умолчанию, Великобритании приписывается их отсутствие, то есть скрытность и тягу к интригам [10, с. 2–3].

В другом аспекте русский генерал-лейтенант утверждал, что политика веротерпимости дает России большое преимущество как империи, но если она переходит в политику покровительства, то чужая религия начинает наносить вред империи. Также он упоминает важность использования школ и обучения русскому языку как средств воздействия на покоряемые территории.

Крайне негативное отношение М.А. Терентьева к жителям Центральной Азии становится понятным и легко объяснимым в контексте его опыта в регионе. Постоянные баранты (набеги с целью увода скота), любовь к щедрым дарам, несоблюдение договоров, восприятие дипломатии как слабости, отдельные случаи рели-

гиозного фанатизма, работорговля, пытки и другие нарушения закона в своей совокупности дают достаточную почву для пренебрежительного отношения к жителям региона и могут объяснить, почему Терентьев видел в цивилизованной Российской империи идеал добра и справедливости, выполняющий высшую миссию по внедрению западной цивилизации в Азии [9]. Во многом это отношение сходно с отношением британских офицеров в Индии: местные народы воспринимались как требующие просвещения, однако предполагалось, что они понимают только язык физической силы и принуждения.

Анализ трудов М.А. Терентьева с использованием метода политико-текстологического анализа позволяет сделать ряд выводов о том, как философия империй раскрывается и обосновывается в его трудах. Империя с этой точки зрения представляется строем, который нацелен на внедрение цивилизации, порядка и культуры менее развитым народам. С этой позиции насильственные действия рассматриваются как оправданное зло, а процесс присоединения новых территорий – как обоюдное благо и для центра, обретающего доступ к новым ресурсам и сферам влияния, и для периферии, получающей блага цивилизации. Особенность философии российского империализма рубежа XIX–XX вв. в интерпретации М.А. Терентьева заключалась в политике веротерпимости и в тезисе о том, что Россия выполняла в Азии миссию по распространению ценностей и идеалов западной цивилизации. При этом Российская империя выступала одновременно в качестве и жандарма в отношениях между Европой и Азией и форпоста европейской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Политика. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.
2. Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. – М.: Канон+, 1999. – 464 с.
3. Бердяев Н.А. Судьба России: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 734 с.
4. Лучков Н.А., Аношкин П.П. Империя как стадия развития государственности в философии политики Н.А. Бердяева // Вестник Поволжского ин-та управления. – 2017. – Т. 17, № 3. – С. 124–131.
5. Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. – М.: Книга по Требованию, 2011. – 52 с.
6. От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, Э.Г. Соловьев. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. – 204 с.

7. Послужной список Военного Судьи Виленского военно-окружного Суда Генерал-майора Терентьева. Составлен 6 февраля 1901 г. // Российский государственный исторический архив. Фонд 409, опись 1, дело 4/9/15, заголовок дела п/с 67-803.

8. Тальская О.Д. Феномен империй в современных политических теориях // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 2. – С. 341–347.

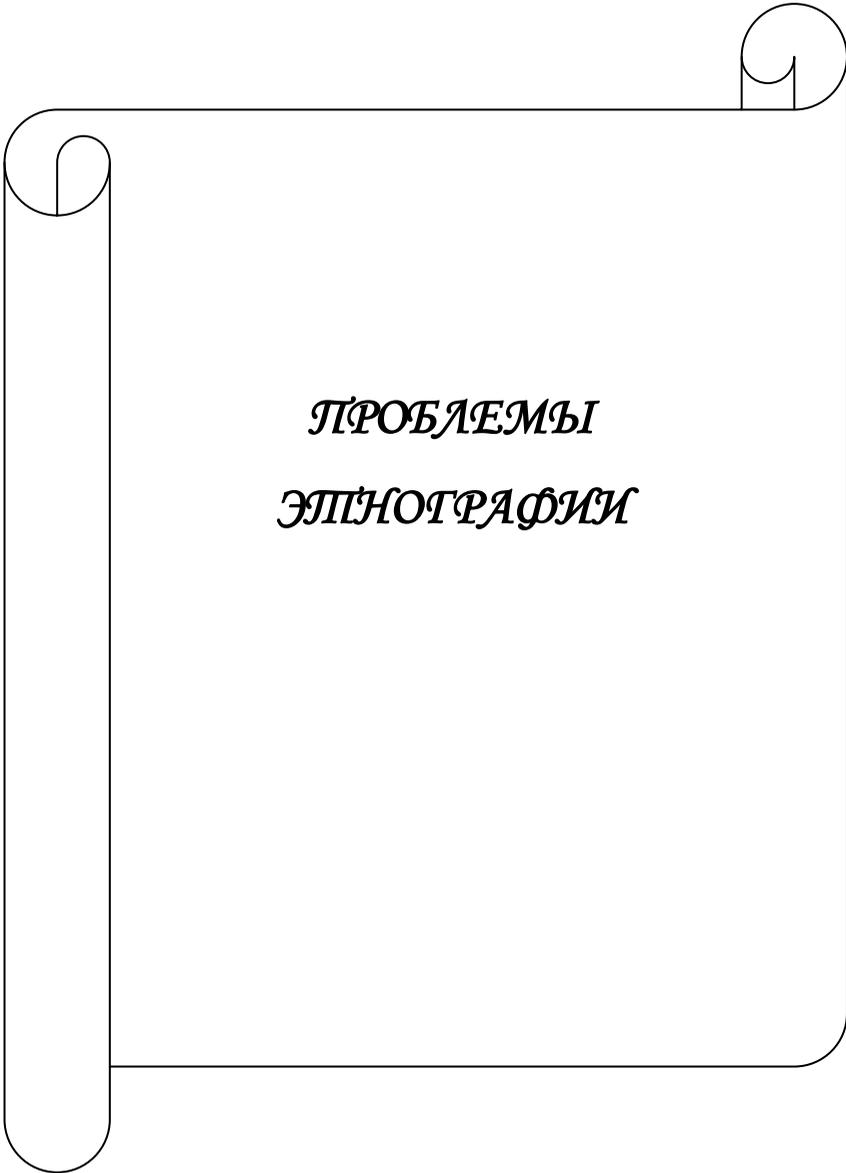
9. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии: В 3 т. – М.: АИРО-XXI, 2018. – 544 с.

10. Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии. – СПб.: П. Меркурьев, 1875. – 361 с.

11. Цыганков П.В. М.А. Терентьев и его труд «Россия и Англия в Средней Азии»: У истоков азиатской геополитики России (вторая половина XIX в.) // Омский научный вестник. – Исторические науки. – 2010. – № 4 (89). – С. 28–31.

БЛАГОДАРНОСТИ/ФИНАНСИРОВАНИЕ

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований

*ПРОБЛЕМЫ
ЭТНОГРАФИИ*

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦЕРКВИ И КРЕСТЬЯНСТВА ТЕРЮШЕВСКОЙ ВОЛОСТИ В 70-Е ГГ. XVIII В.

Артём Андреевич Калачёв

*ГБОУ «Нижегородский Радиотехнический колледж», преподаватель;
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ,
магистрант кафедры истории, обществознания и права
историко-филологического факультета
г. Нижний Новгород; e-mail: artiomkalachev@yandex.com*

Основной целью работы является изучение исторической ситуации в Поволжье и Терюшевской волости (пятине) спустя 15-20 лет после восстания 1743-1745 гг. Главной задачей – проведение на основе архивных данных анализа того, насколько изменилась обстановка на данной территории, были ли решены основные противоречия между местным населением и органами власти Российской империи в лице Русской Православной церкви, как складывались отношения между церковью и населением.

Ключевые слова: пятина; новокрещены; недоимки; подати; церковь; произвол; секуляризация

В XVIII в. самодержавное Российское государство активно включало Поволжье в единую экономическую и политическую систему, что обернулось не только массовым закрепощением населения, введением повинностей, но и введением подушной подати. Для эффективного сбора средств необходим был четкий контроль над численностью податных людей, для этого их нужно было приписать к церковному приходу, то есть крестить. Контроль церкви над посещением служб, фиксирование браков, рождения детей и смерти людей позволял государству иметь четкое представление о численности податного населения и о динамике его изменения. Жесткая и безвыходная для самодержавного государства политика наткнулась на череду массовых восстаний инородцев (татар, мордвы, чувашей). На территории Нижегородской губернии недовольство выразилось в восстании терюханской мордвы.

Для начала необходимо проанализировать ситуацию в крещеном Поволжье в целом, так как территория Терюшевской волости – неотъемлемая часть региона, затем на основании документов выстроить целостное представление о взаимоотношениях новокрещен и церкви. После на основании архивных данных необходимо проанализировать, что происходило в Терюшевской волости и устано-

вить, насколько взаимоотношения между крестьянством и церковью были схожи или отличны от таковых в Поволжье. Так же необходимо установить общие моменты в отношениях и особенности, характерные только для волости.

Наиболее подробную информацию о ситуации в крещеном Поволжье дает «Экстракт о монашеском и священном чине» от 1765 г., составленный на основе крестьянских челобитных, начиная с 1743 г., комиссией полковника А.И. Свечина, который являлся членом Казанской адмиралтейской конторы, назначенной Сенатом для разбора жалоб крестьян Казанской губернии.

В документе было указано, что введение подушной подати привело крестьян к массовому обеднению, разорению, из-за чего часть населения ушла в разбойные отряды, другая приняла православие на основании 3-х летней льготы по неуплате податей. Однако, несмотря на все это, по истечению отсрочки крестьянство так же было не способно исправно нести повинности. Население оставалось в бедности. К этому добавлялись поборы со стороны священнослужителей: «По крещении же оных, определенные проповедники, кои выбирались из священников, протопопов и игуменов, и протчих чинов, езжали по новокрещенским жителствам, яко-бы для обучения закона, а, в самой вещи, толко для собрания не неподлежащих интересов, збирая с каждой души по две копейки, кроме содержания своего, которую они по требованию своему правизию, сколко хотели, также лисицами, куницами, что найти могли надобное для их, обирали без платежа за то денег» [1, с. 90].

Фактически, священнослужители имели вполне себе экономический интерес, вызванный сохранением своего благосостояния. Кроме того, само население лишь фиктивно исповедовало православие, чем также пользовались представители церкви, которые брали взятки с местных жителей, о чем говорит следующий отрывок: «Оные ж проповедники, бывая у тех новокрещен в среду и в пяток, также и в посты, домогаясь выспрашивают, не едят ли мяса. И хотя оные новокрещены зная, что и за сие от них между прочими чинятся привяски, и в неведении того с клятвою объявляют, однако не уверяясь сему, ходя по клетям осматривают. И естли у кого найдут оставшие от мясоеду початые кринки с маслом, ветчину, а от прошедшего дня вареное мясо и протчее, делая посягательство все оное и что им еще сверх того потребно обирали» [1, с. 92].

Незначительно увеличился и поток средств, получаемых с налогов, иногда на сбор подушных податей отправляли солдат, которые завышали цены для получения собственной выгоды, часть средств шла на взятки командирам, причем сбор происходил не только в виде денег, плату брали медом и провиантом. С новокрещенов, сохранивших приверженность старой вере плату брали больше, сохранилась расценка процентов, которые добавлялись к сборам: «За новокрещен с оставших в неверии: когда указами повелено бывало собрать доимочных денег, по 2 копейки, то сотники забирали по 4, когда по 3 – то по 6» [1, с. 92].

Распространение и закрепление нового вероисповедания происходило не без жесткости, имеется свидетельство о совершении разбоя по отношению к новокрещенским селам: «Оне ж, проповедники и помощники, езда по новокрещеным жителствам, тех, кои еще и поныне не крестились, не чрез проповеди слова божия оных приводили в закон, но совершенным раззорением, а имянно: окны и двери рублили, печи и трубы ломали, били плетьюми без всякого милосердия и сему подобные дела делали, что с монашеским и священным чином нимало не согласно» [1, с. 90]. Местное население, не исповедавшее православие или отторгнувшее его, подвергалось избиениям плетей, а их имущество порче.

Так же новокрещеным крестьянам было позволено продавать свою землю, чем они и воспользовались, чтобы получить деньги для выплаты повинностей, однако этим самым они оказывались в еще более бедственном положении, часть крестьянства, лишившаяся дома, ушла в разбойничество или на новые места. Участки земли, проданные крестьянами, пополняли фонд дворянства и других «зажиточных» хозяев.

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод, что в общем на 1765 г. ситуация в Поволжье сохранялась крайне напряженной и противоречивой, с одной стороны самодержавное государство закрепило свое присутствие в жизненно важном для себя регионе, включив его в свою экономическую и политическую систему, а с другой стороны местные крещеные народы, подвергались дискриминации. Она проявлялась в виде поборов, разбоя, вынужденного подчинения органам власти – церкви и армии. Более того, после окончания 3-х летней льготы в уплате податей, новокрещены столкнулись с нехваткой средств на выплату повинностей, крестья-

яне разорались, часть из них уходила на новые земли или пополняла ряды разбойников. Новое вероисповедание для части новокрещен являлось фикцией, за которую они так же вынуждены были платить, чтобы сохранять приверженность прежней вере.

Теперь необходимо перейти к анализу ситуации в Терюшевской волости. После восстания 1743-1745 гг. правительством было осуществлено крещение мордовского населения, с 1744-го по 1747 год было обращено в государственную религию 8257 человек, которым полагалось 8102 рубля за принятие христианства, но вместо вознаграждения были списаны недоимки от не выплаты подушной подати и от рекрутских лошадей. Большая часть населения Терюшевской волости оказалась крещенной, но при этом без выплат полагающегося ему денежного вознаграждения за это, что вызвало возмущение у владельца волости – грузинского царевича Георгия [1, с. 87]. Кроме того, из края продолжалось бегство населения, имеется свидетельство 1746 г. о 25-ти семьях, пойманных в Симбирске. То есть, после восстания и крещения проблемы между крестьянами и государством сохранялись, но как обстояли дела спустя 30 лет после восстания? Наиболее подробно о взаимоотношениях государства в лице церкви и крестьян волости изложено в архивных документах XVIII в.

Первый документ представляет собой дело (21 января 1771 – 18 декабря 1772) по прошению Терюшевской пятины, с. Шаргалей прихожан, об отводе от них той же церкви иерея Григория Осипова, не исполнявшего мирских треб и берущего взятки: «Иерей Осипов берет взятки с крестьян за исполнение своих обязанностей, которые проводит плохо» [6]. Один из эпизодов, подтверждавших это – взятка за отпевание крестьянина Никиты Иванова. То есть, сельчане написали челобитную на своего иерея, который в свою очередь жаловался во втором документе на двух крестьянок, которые отказывались посещать службы и платить за это двойную подать: «Св. Феофану – епископу Нижегородскому и Алатырскому. В приходе моего князя Михаила Петровича Ефимова в селе Шарголи вдова Степана Михайлова из села Лапшиха и Меланья Терентьева не поддались моему увещеванию к посещению святого престола и на службу не приходили. От церковной жизни удалились, двойную подать платить отказываются, императорскую обязанность не исполняют» [5].

Иерей Осипов жаловался на своих крестьян, отклонявших ся от службы, крестьяне же жаловались на иерея, обвиняя его в халатном отношении к своим обязанностям и во взяточничестве. Исходя из этого, можно предположить, что взаимоотношения между священником и местными жителями были достаточно напряженными.

Но не только взаимные обвинения свидетельствовали о тяжелых взаимоотношениях между местными крестьянами и священнослужителями. Есть сведения о насильственных действиях в отношении представителей власти. Первый документ «Дело по прошению дьячка с. Борисово Терюшевской пятины Козьмы Степанова о защите его от избияния и прочих обид, причиняемых ему крестьянами того села. 18.03.1770 – 30.04.1770», в котором насильственные действия описаны следующим образом: «С Единым Господнем, преосвященному Феофану – епископу Нижегородскому и Алатырскому. В епархии Вашего преосвященства Терюшевской пятины села Борисово дьяк Козьма Степанов пришел в дом крещенного крестьянина Василия Омитриева для прочтения канона умершему тестю – Егору Тихонову. В момент совершения таинства в дом пришли крестьянин Петр Иванов и его сотоварищи, которые избили дьяка, обрезали волосы, поломали руки, проббили голову и надели женское платье крестьянки Анны Васильевны Омитриевой. Позже хулиганы провели дьяка по улице в сильный февральский мороз, тем самым оскорбив представителя Священного Синода и церковь Христову в его лице». Поводом для избияния стали требования оплаты [7].

Это не единственное свидетельство, которое описывает крайне недоброжелательное и агрессивное отношение местного новокрещеного населения к церкви. Следующий документ содержит в себе достаточно подробную информацию, которая подтверждает еще один немаловажный факт фиктивного и пренебрежительного отношения к православию. Документ имеет название «Дело по жалобе церковнослужителей Терюшевской пятины с. Ишина на своих прихожан, изгоняющих их из села и угрожающих убийством. 21 сент. 1780 г. – 13 июля 1782 г». События в нем описываются следующим образом: «Из доходной преосвященного Антония – епископа Нижегородского и Алатырского. Жалоба от иерея Кондрата Иванова и дьячка Ивана Никифорова на крестьянина Алексея Григорьева, который не причащался 4 года, вследствие чего заслужил епити-

мью. На указы священнослужителей не реагировал, на исповедь и причастие не ходил, штраф платить отказывался. Крестьяне села Ишино, как оказалось, тоже отrekliсь от венчания и выгораживали Григорьева. Местные жители подвергли священников брани, а также попытались прогнать из села. Староста села Таможниково – Данила Иванов угрожал священникам убийством. В селе Ишино и в деревне Городищи священники подвергаются наибольшей опасности» [2].

Крестьяне отказывались исполнять обряды, учитывая и обязательную для всех исповедь, которую за год необходимо было совершить хотя бы раз, о причастии и исправном посещении служб не могло быть и речи. Крестьянин мог не посещать службы 4 года и к нему отправляли представителей церкви для взыскания штрафа или для наложения исправительной, воспитательно-профилактической меры – епитимии.

Священнослужители сталкивались с агрессивным сопротивлением местного населения во время исполнения своих должностных обязанностей, ибо новокрещены сохраняли приверженность старой вере, а к крещению относились с пренебрежением. Церковные приходы и государство сталкивались все с теми же недоимками и трудностями в учете населения. Вероятнее всего, чтобы окупить недоимки с приходов и для сохранения собственного благосостояния представители духовенства шли на взяточничество и активно пользовались своим положением.

Существуют любопытные сведения о связи представителя духовенства с разбойниками. Эти сведения хранятся в деле о лишении дьякона села Селитьба Нижегородского уезда Михаила Алексеева духовного чина за сообщничество с разбойниками от 3.04. по 4.09.1772 г.: «Доношение от иерея Спасо-Преображенского собора Степанова Андрея, определенного по делам доходных лиц. Разбойничавшая в Терюшевской пятине банда атамана Курилы Ногина опиралась на поддержку дьяка Михаила Алексеева, который неоднократно укрывал в своем доме разбойников и вместе с ними участвовал в делах» [4].

Отсюда можно сделать вывод, что на новокрещенных территориях духовенство не имело стабильного дохода, тем самым собирали взятки или сотрудничали с разбойниками. Крестьянство, в свою очередь, не имело возможностей платить подати или намеренно

уклонялось от них, прогоняя священнослужителей или совершая в отношении них насильственные действия. Еще одним распространенным явлением было увеличение количества разбойных банд, состоявших из некрещенных или разорившихся крестьян.

Говорить о недоимках и проблемах в Терюшевской пятины мы можем и на основании зафиксированных данных о задолженностях крестьян. В частности имеется документ «Реестр Терюшевского Духовного правления о количестве взысканных недоимок с церковнослужителей за 1775 год», по которому были взысканы долги за банные сооружения. Наиболее крупные недоимки имели следующие села: Лапшиха – 6 рублей Сиуха – 6 рублей, Афанасьевое – 6 рублей, крупные недоимки имелись так же в селе Борисово – 3 рубля, Маргуша – 3 рубля, наименьшие в Терюшево – 2 рубля и Чернуха – 1 рубль [3]. К большому сожалению, данных о крестьянских подушных задолженностях не было найдено, однако на основании этих, вроде бы, скудных данных, можно с уверенностью подтвердить вышесказанное, что экономическое положение края было проблемным, и оно отражалось в недоброжелательных взаимоотношениях между крестьянством и государством в лице церкви, даже после восстания и крещения терюханской мордвы. Противоречия никуда не делись.

Распространение государственной религии по территории Терюшевской волости происходило с большим трудом не только из-за антагонизма местных крестьян и церкви, но и из-за отсутствия достаточного количества православных храмов. Это означало затруднение контроля государства над населением, а, значит, население могло отречься от крещения. Эту проблему хорошо описывает документ «Дело об отсутствии церквей в новокрещенных селах Инютино и Сиуха Терюшевской пятины. 1772 – 1773 г.». В нем указано: «В 1772 году в канцелярию епископа Феофана пришло уведомление об отсутствии в новокрещенных селах Инютино и Сиуха церквей, и что люди вынуждены справлять требы в мирских избах или в соседних селах. Дело дошло из Комиссии новокрещенных дел. Комиссия постановила немедленно устранить нарушение и выстроить церкви. Однако церкви выстроены не были. Проблема заключалась в неоконченном разграничении монастырских владений. В силу этих причин выстроить церкви было трудно» [8].

Документ свидетельствует о неразрешенности земельного вопроса между государством и церковью и, следовательно, об отсутствии необходимых средств получаемых с монастырских держаний, на построение церквей, вероятнее всего, на этом сказалась секуляризация церковных земель и монастырских владений 1764-1796 гг., целью которой было продолжение политики русского самодержавия в интеграции церкви в систему государственного механизма, что подчиняло финансовые потоки и ресурсы церкви контролю самодержавной власти и ограничивало некоторую мобильность принятия решений [10].

В качестве обобщения отметим, что нерешенные противоречия на территории Терюшевской волости сохранялась, ситуация во взаимоотношениях между церковью и местным новокрещеным населением в целом соответствовала сложившимся взаимоотношениям во всем Поволжье после крещения в целом. Для местного населения были характерны те же явления, что и для новокрещен Казанской губернии: взяточничество и поборы со стороны духовенства, обеднение крестьян, фиктивное вероисповедание православной религии, приверженность старой вере, большое количество недоимок из-за разорений новокрещен или из-за уклонения от выплат, тяжелые выплаты с иноверцев и рост разбойничьих банд. Однако в Терюшевской волости имелись и особенности, которые выражались в насилии над представителями власти, проявившимися в обвинениях священнослужителей и крестьянства в неисполнении обязанностей. Серьезной проблемой было сохранения контроля над селами и населением из-за отсутствия приходов, что прямо отражалось на налоговых сборах. Одной из особенностей являлось сотрудничество священнослужителя с разбойниками. Все это в совокупности приводило к росту недовольства и ересей на территории Терюшевской волости, в остальном же Поволжье новокрещены и иноверцы стали активно пополнять ряды восставших крестьян против феодально-крепостнической и самодержавной системы государства.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что после Терюшевского восстания 1743 – 1745 гг. ситуация в волости так и осталась напряженной, после подавления стихийного сопротивления и последующего крещения встала проблема сохранения, упрочнения и распространения политики государства. Главным ее выразителем была церковь, как государственный аппарат, и именно она

стала отражением взаимоотношений между крестьянами и государством. Крестьянство сохраняло враждебность по отношению к духовенству, отклонялось от податей и от церковной жизни, более того представители духовенства становились жертвами насилия. Главные противоречия между государством и самобытностью местного населения сохранялись, а это значит, что край был по-прежнему не спокоен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы по истории мордвы // Сборник выписок из печатных источников / А. Гераклитов; Предисловие: А. Шестаков. – М.; Л.: Гос. соц - экон. изд-во, 1931. – 124 с.

2. Центральный архив Нижегородской области, г. Нижний Новгород. (Далее – ЦАНО). Ф.№ 570 Дело по жалобе церковнослужителей Терюшевской пятины с. Ишина на своих прихожан, изгоняющих их из села и угрожающих убийством. 21 сент. 1780 г. – 13 июля 1782 г. Оп. № 555 (1780 г.) Д. 1. Л.12.

3. ЦАНО. Ф. № 570 Реестр Терюшевского Духовного правления о количестве взысканных недоимок с церковнослужителей за 1775 год. Оп. № 555 (1775 г.) Д. 1. Л.5.

4. ЦАНО. Ф. № 570 Дело о лишении дьякона с. Селидьбы Терюшевской пятины Михаила Алексеева, сана за связь с разбойниками. Оп. № 555 (1772 г.) Д. 1. Л.30.

5. ЦАНО. Ф. № 570 Дело по доношению священника с. Шарголей Терюшевской пятины об уклонении от православной церкви двух крестьянок. 5 окт. 1771 – 31 окт. 1771. Оп. № 555 (1771-1772 г.) Д. 1. Л.8.

6. ЦАНО. Ф. № 570 Дело по прошению Терюшевской пятины, с. Шаргалей прихожан, об отводе от них той же церкви иерея Григория Осипова, не исполнявшего мирских треб и берущего взятки. 21 янв. 1771 – 18 дек. 1772. Оп. № 555 (1771-1772 г.) Д. 1. Л.73.

7. ЦАНО. Ф. № 570 Дело по прошению Терюшевской пятины с. Борисова дьячка Козьмы Степанова о защищении его от нанесенных ему от некоторых крестьян побоев и обид. 18 марта – 17 апр. 1770 г. Оп. № 555 (1770 г.) Д. 1. Л.5.

8. ЦАНО. Ф. № 570 Сведения о церквях в новокрещенных селах Терюшевской пятины. Июль 1772 г. – декабрь 1773 г. Оп. № 555 (1772-1773 г.) Д. 1. Л.22.

9. Рождение новой России: [Сборник] / В.В. Мавродин; ЛГУ им. А.А. Жданова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 534 с. [электронный ресурс] – URL: https://royallib.com/read/mavrodin_vladimir/rogdenie_novoy_rossii.html#0

10. Федоров Владимир Александрович (1926-2006). Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700-1917). – М.: Рус. панорама, 2003. – 479 с. [электронный ресурс] – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/russkaja-pravoslavnaja-tserkov-i-gosudarstvo/6

**ПАНОК, КУЛЕБАКИ, МАЙДАН: К ВОПРОСУ
ОБ ИРАНСКОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СЛЕДЕ
В ФОЛЬКЛОРЕ И ТОПОНИМИКЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ**

Алексей Владимирович Малышев

Отдел этнологии МОО «Историческое сознание»

Нижегородская область, г.о.г. Кулебаки; e-mail: ma2502@mail.ru

В статье обосновывается происхождение из древних североиранских диалектов скифов и сарматов известного в социальной организации древних волжских финнов титула панок, а также топонимов Кулебаки и Майдан.

Ключевые слова: скифы; сарматы; волжские финны; меря; мордва; панок; панки; топонимика Среднего Поволжья; Кулебаки; Майдан

На протяжении многих веков южными соседями предков волжских финнов были ираноязычные народы степей Восточной Европы. Данное соседство сопровождалось тесными культурными и языковыми контактами. Многие лексические заимствования из древнеиранских наречий скифов и сарматов до сих пор живы в языках финно-угров Центральной России [1, с. 82-106], другие сохранились в легендах и топонимике. О некоторых таких заимствованиях пойдет речь в этой статье.

В 50-х гг. XIX в. родоначальник российской археологии, граф А. Уваров, исследовавший курган Панова могила у деревни Ивановской близ Ростова Великого, зафиксировал местную легенду о том, что: «здесь жил богатырь, воевавший с другим богатырем, жившим Ростове, который и убил его». При этом археолог особо выделил название этого кургана, вместе с другими курганами именуемыми «паны» и «панские могилы». Не найдя объяснения появлению таких названий древних могил, А. Уваров связал их происхождение с «опустошением литовским» [2, с. 676, 683].

В свою очередь известный исследователь Нижегородчины П. Мельников в «Очерках мордвы», пересказывая легенду об основании Нижнего Новгорода, назвал мордовского вождя Абрама «панком» [2, с. 287]. В работе описывающей поход Ивана Грозного, он вновь привел этот титул как записанный от мордвы Нижегородской губернии. П. Мельников указал, что легенды о панках он фиксировал в местностях рядом с Варнавиным и в селе Панино (совр. Сосновский р-он), где мордвины рассказали ему, что «отцы их жили независимо и управлялись властителями особой высшей породы». Мельников полагал, что эти панки руководили мордвой и череми-

сами, строили в их землях города, памятью о которых остались в Нижнем Новгороде «сглаженное» место Панские бугры, Мещерские горы возле Горбатова, древнее городище рядом с Павловым, Саканское городище на реке Тёше и десятки других городищ и курганов с характерной топонимикой [4, с. 479-481].

Получая сведения о панках, что называется «из первых рук», Павел Иванович, безусловно, осознавал, что панок – это очень древний туземный титул. Но будучи человеком своего времени, с определенным научным кругозором, он сомневался в его финно-угорском происхождении, так как «панок» звучал, в его понимании, «слишком» по-славянски. Пытаясь разрешить для себя и читателя это противоречие, П. Мельников связал наличие такого титула у финно-угров с русами Ибн Фадлана, видя в этих русах славян [4, с. 479].

Несомненно, для исследователя, жившего в XIX в., было «странно» встретить «славянский» титул у финно-угров. Однако и поступиться истиной П. Мельников не мог, найдя наиболее приемлемое, по его мнению, объяснение такому явлению. Известный собиратель фольклора В. Даль, несомненно, получил сведения о мордовских панках от П. Мельникова. Не случайно, перечисляя в своем словаре значения, вкладываемые в этот термин великороссами, одним из них указал, что: «Панки, забытые потомки мордовских князей, как мурзы у татар» [5, с. 16].

Уже в XX в. исследователь мордовского фольклора А. Маскаев, изучавший предания нижегородской мордвы опять упомянул о панках. В записанных им легендах говорится, что мордва из района Дятловых гор (устье Оки) переселилась в земли будущей Терюшевской волости «где всякий поселился кто где хотел, строил дом кто как вздумал, стал жить кому как угодно, под властью панков, которые были вроде начальников деревни» [6, с. 311].

Упоминание панков в таком контексте, в разное время и разными учеными говорит о том, что подобный титул действительно существовал у древних финно-угров, и, судя по всему, в средние века мог соответствовать статусу племенного князька или вождя выбранного общиной. Неслучайно в легенде мордовский вождь Абрам отвечает русскому князю: «Я не князь мордовский, а только выборный «панок»... Меня мордва не слушает...» [7, с. 415] Воз-

никает вопрос – откуда к мордве, или их предкам мог прийти подобный, «нехарактерный» для них титул?

Вывод П. Мельникова о заимствовании титула панок (пан) финно-уграми у «русов-славян» понять можно, настолько глубоко в общественном сознании, до сих пор превалирует мысль о западнославянском происхождении термина пан. Тот же В. Даль указывал, что в разных русских губерниях панами называли сосланных пленников ляхов и литву [5, с. 16], и это, безусловно, является весомым аргументом. Однако и «ляхи» и «литва» появились на Руси сравнительно поздно, отсюда, вероятно, и следует попытка П. Мельникова объяснить появление у предков мордвы «панка» контактами с «русью Ибн Фадлана» описанной в IX в.

Этот «западнославянский» стереотип настолько силен, что и современные исследователи, изучающие предания территорий, где когда-то расселялись финно-угры, столкнувшись с упоминанием в этих преданиях «панов» или «панков» также пытаются объяснить это заимствованием из языка какой-либо отрасли западных славян [8]. Другие исследователи, «не мудрствуя лукаво», толкуют происхождение географических названий Паны и Панки в своей местности, взаимодействием пришлого славянского и коренного финно-угорского племен, происходившим в течении XI-XIV вв.[9, с. 6]

Известно, что в западнославянских языках пан – это форма вежливого обращения, употребляемая в значении «господин». В форме бан слово существует в южнославянских языках в значении «правитель, наместник». В русском летописании оно впервые зафиксировано в XIV в. в актовых документах Галицко-Волынского княжества: «А при том были митрополит кїевскїи Кипрїанъ, владыка перемышльскїи Ларїонъ и князь Андреи Ярославовичъ и панъ Васко и иных бояр много было при том» [10, с. 663-664]. Отсюда, очевидно, и родился вывод о том, что термин пришел из Польши в западные земли Руси, а потом и в другие области Русского государства. При этом распространялся достаточно долго, и М. Фасмер полагал, что на север России это западнославянское слово, было занесено староверами, то есть уже после второй половины XVII в. [11, с. 195]

Действительно, в русском фольклоре Архангельской области мифологические «паны» предстают гонителями «чуди» [12]. Однако древность преданий о сказочной «чуди» заставляет усомниться в

версии западнославянского заимствования. Упоминание панов в связке с чудью говорит о том, что они являются, по меньшей мере «ровесниками». В фольклоре Заонежья «паны» представлены, или как разбойники, или как предки некоторых групп местного населения, создававшие городища и замки «с огромными воротами, на возвышениях, при реках и вообще в местах, по большей части неприступных» [13 с. 113]. О том, что часть населения Обонежья и Присвирья воспринимала панов как своих предков, свидетельствует местный обычай их поминовения [14, с. 422].

Если вернуться в Центральную Россию, то в XIX в. в землях Ростова Великого этнограф А. Титов записал местное предание о том, что здесь когда-то жили паны, и были они: «...одноглазые, одноногие и однорукие великаны, обладавшие непомерной силой и ловкостью: перекидывались топорами ...бегали, взявшись цепью за руки, от городца до городца в 3 минуты; от народа жили особняком; насыпали городцы, а под ними ходы рыли, где и хранили клады; они сильно обижали народ и принуждали его прятаться в леса. С течением времени, число панов становилось все меньше и меньше...». В другом месте он приводит легенду о селе Непотягове разрушенном «панами», после которых осталась местность «Панинские бочаги» [15, с. 120, 123].

В городе Городце Нижегородской области записана легенда о панах, в которой говорится, что: «Городец – русский город, древний. Но раньше тут жили не русские. Кто это был, уже неизвестно. А у нас их называют паны. Паны были великаны, сильные. А потом умерли. Место тут есть такое – Пановы горы. Тут на берегу Волги они схоронены. Кости у них огромные, видно их иной раз, когда бугор подмоет» [16, с. 141]. В другой местной легенде говорится, что здесь: «в седую старину жило могучее племя воинственное Панов на левом обрывистом берегу Волги от реки Яхры до реки Белой. Мужчины этого племени ходили в дальние походы и возвращались с богатой добычей. Густые леса укрывали панов от врагов, а под холмистой грядой полноводная река поила и кормила людей этого племени [17, с. 17-18].

Этнограф В. Смирнов, изучавший легенды Костромской губернии, также упоминал «о каких-то панах». При этом он, следуя своим предшественникам, хотя и связывал упоминания этих панов с шайками поляков и литвы, тем не менее, отмечал, что ряд элемен-

тов этих преданий говорит о том, что сложились они в более раннюю эпоху, чем Смутное время. Кроме того, что паны – это, как правило, разбойники, и вдобавок люди крупного телосложения, – В. Смирнов отмечал, что из местности в местность повторяется легенда о том, что «паны – старинные люди, до наших дедов жили», или «паны – это не нашей веры люди, которые когда-то в старину неожиданно и неизвестно откуда появились...» С панами, по его мнению, связаны и многие костромские топонимические легенды: озеро Паново, в которое побросали мертвых панов, «Панские станы», «Панова гора», просто «Паны», или поляна под названием «Панщина», где жили какие-то панки. Этнограф отмечал, что: «Особенно много рассказов о панах в поволжских уездах... Многочисленные курганы с названием «паны», «панки», «панские могилки» рассеяны по всем уездам Приволжья» [18, с. 27-30].

Двигаясь на восток от нижегородских и костромских пределов, мы узнаем, что в мифологии народа коми Пан (Пам) – это жрец, верховный вождь. Под таким именем в «Житии святого Стефана...» – древнерусском памятнике агиографической литературы, выступает главный противник Стефана Пермского в его миссионерской деятельности, верховный жрец древних пермяков. Епифаний Премудрый, автор «Жития...», говорит, что Пан: «... некий волхов, чародеевный старец, лукавый мечетник, нарочит кудесник, волхвам начальник, обавникам старейшина... его же древле перьяне нехрещении чтяху паче всех прочих чаровник, наставника и учителя себе нарицающе его» [19, с. 6]. И хотя в словаре М. Фасмера приводится мнение, что в коми язык слово пан пришло из русского [11, с. 195], мы все же позволим себе усомниться в этом, основываясь на значительно большей древности легенд народа коми, составленных задолго до прихода в их края русских переселенцев.

В легендах паны описываются или как предки, или как противники предков, обладающие невероятной силой и сверхъестественными способностями. Очевидно, что этот термин был в ходу у финно-угров, задолго до появления в их краях «ляхов» или старообрядцев, и со временем перенесся на захоронения этих панов. Дело в том, что упомянутый выше А. Титов указывал, что в окрестностях Ростова существовало несколько групп курганов называемых «паны» [15, с. 42-43]. Добавим, что не только там – например, в пред-

местях Суздаля и теперь известен курганный могильник Панки [20].

Еще в 1878 г., А. Кельсиев, участвовавший в раскопках, в окрестностях Ростова Великого, писал по этому поводу: «Меня давно занимало широко распространенное название курганов: паны, панки, панские или пановы могилы, равно и обилие деревень с такими названиями в местностях, где встречаются курганные кладбища. В подмосковных областях эти названия можно было бы объяснить присутствием поляков, но употребление для курганов того же названия даже в Олонецкой и Архангельской губерниях, где поляки никогда не были, заставило меня предполагать в звуке пан нечто иное, – именно, у исчезнувших языческих инородцев этот слово не означало ли кладбища, смерти предка, загробного мира и т.п.» [21, с. 11]

Догадку археолога подтвердили лингвисты, разъяснив, что: «по-весьски или по-чудски, “панен” значит класть, полагать, а “пангед” – могила; по-карельски “панан” – хоронить; по-мордовски у мокши “панда” значит холм, курган, могила, у эрзи “пандо” – гора, могила, холм» [15, с. 51].

Уже в середине XX в., эстонский филолог Ю. Мягисте также связал топоним «паны», «панки» с финским и карельским *rapna* и вепским *randa* – «класть». Он производил их из архаичного финно-угорского термина – **rāNä* – «вершина», «голова», «холм». Однокоренное вепское слово «*maharanend*» означает – «похороны», дословно – «в землю положение» [22].

Известный реконструктор мерянской лексики лингвист О.Ткаченко также указывал, что курган в мерянском языке звучал как **rapo* (от **rape* – класть) [23, с. 116].

Опираясь на выводы лингвистов, археолог Е. Горюнова также в свое время указала, что названия курганов «паны» и «панки» можно объяснить корнями финно-угорских языков, и предположить, что оставлены они народом, обитавшим до прихода славян в районах Ростова Великого и Переславля-Залесского, возможно мерей [24, с. 61].

Топонимика действительно везде сопутствует легендам о панах, и даже выходит за пределы распространения легенд. На территории Заонежья, в тех местах, где бытуют предания о панах, отмечены топонимы Пан-камень, Панская Гора [8]. В Подмоскowie были

известны Панки (ныне г. Люберцы). В средневековье в самой Москве существовал топоним Замоскворецкие Паны. В Нижегородской области есть селения Панино, Паново, Паново-Леонтьево, Паново-Осаново и деревня Круглые Паны, а также многочисленные микротопонимы: овраг Паниха (Дальне Константиновский р-он) [25], Паняв угол (г. Кулебаки) [26, с. 52], овраг и часть села Панино (Бутурлинский и Сергачский р-оны), болото Паниха (Княгининский р-он), Панкин усад и гора, Пановская вершина и дорога (Дивеевский р-он), Пановы лес и улица, и улицы Пановка и Пановский овраг, Панская стрелка и Панской враг, поле Паняй (Арзамасский и Лукояновский р-оны) и др. [27, с. 8-11] Топонимы с корнем *пан* есть во Владимирской, Ивановской, Ярославской, Вологодской, Костромской, Тульской областях, в республике Марий-Эл, в республике Мордовия.

Из вышесказанного можно заключить, что термин пан был известен по всей территории Верхнего и Среднего Поволжья и, очевидно, существовал здесь задолго до появления славян. Только длительное противостояние Руси с Речью Посполитой, кульминацией которого была польская интервенция XVII в., сделалось причиной того, что термин пан стал ассоциироваться с поляками.

Возникла так называемая «абберрация близости». В том смысле, что исследователи стали связывать происхождение названий и терминов с корнем пан с западнославянским титулом пан или производными от него, игнорируя возможность существования такого слова у финно-угров ставших одним из основных субстратов русского населения центра Европейской России. Кстати сказать, коснулась эта абберрация и современных ученых [28].

Термин пан был известен финно-уграм с глубокой древности. При этом первоначально, вероятно, именно в том значении, в котором его знают теперь западные славяне – «господин». Паном, или панком волжские финны называли своих вождей, и это название перенеслось потом на могилы вождей – курганы. При этом и у финно-угров и у предков славян был общий источник заимствования.

Рассмотрим, откуда пан (бан) появился у западных и южных славян. Лингвистические исследования позволяют утверждать, что слово «пан» восходит к праславянскому **gъpanъ*, происходящему от скифского **gipān(a)* (ср. с древнеиранским **gaupana* – «оберегающий, пасущий скот, коровий пастух»). Слово стало известно

предкам славян в эпоху контактов их со скифами в последние века до н. э., что подтверждается наличием в старочешском языке слова «пан» в форме *hran* [29, с. 197-198]. Затем «жупан» закрепился у праславян посредством сарматов в первых веках нашей эры [30, с. 174]. Лингвистика позволяет говорить о заимствовании этого слова предками славян в первой половине I тысяч. н. э. у воинственных скифских наследников – сарматов.

Но хорошо известно, что и скифы и сарматы в Среднем Поволжье активно взаимодействовали и с предками финно-угров, причем началось такое взаимодействие гораздо раньше, нежели взаимодействие степняков с предками славян.

И те и другие проникали в среду древних финно-угров, а представители городецкой культуры (предки волжских финнов) расселялись среди скифов [31]. По мнению лингвистов, контакты индоиранцев и финно-угров начались уже в V в. до н. э., и были долгими и двусторонними, о чем свидетельствуют мордовские заимствования в осетинском языке [1, с. 92]. При этом в первых веках нашей эры предки волжских финнов – городецкие племена Поволжья подверглись массивированному вторжению народов сарматского круга, которые в короткое время покорили лесные племена и стали править среди них [32, с. 47; 33, с. 1-13].

Это завоевание привело к возникновению культуры рязано-окских могильников. Представители рязано-окцев распространили свою власть и влияние на все волжско-финские племена будущей Центральной России. Они проникли на Верхнюю Волгу, их следы отмечены в Волго-Камье.

Кроме археологии правление сарматов подтверждают и предания. В. Татищев приводит легенду о древней Сарматии в Окско-Волжском междуречье, при этом называет ее «Белой Россией». Он пишет, что: «древние наши писатели под именем Белой России разумели Польской и Мерянской, или Суздальской предел... границы сея части простирались на север до Великой России на Волгу, на восток до Югров и вниз по Волге до устья реки Оки с Мордвою, на юг до Оки же с княжеством Рязанским и Болгарами, а потом до реки Воронежа. Престол древнейший со времён Сарматских государей в сей части был град Шуя» [34, с. 519-520].

Финно-угры многое унаследовали от ираноязычных степняков, неслучайно ученые-историки XVIII-XIX вв. считали их «сар-

матским» народом. В. Татищев, и вслед за ним М. Ломоносов считали европейских финно-угров потомками скифов и сарматов, и всерьез обосновывали этот вывод [34, с. 400; 35, с. 68-69]. В «Российском географическом словаре» самого начала XIX века сказано: «Меря, или моруа, народ Сарматский... ныне же известны они под именем Мордвы» [36, с. 238].

Эти версии нашли свое подтверждение в наше время: современные исследования говорят о том, что генетически часть скифов и сарматы были похожи на современную мордву и народы Северного Кавказа [37].

Финно-угры многому научились у северных иранцев, начиная от приемов ведения хозяйства и заканчивая металлургией и военным делом, и восприняли от воинственных соседей социальные структуры. Так, одним из терминов общественной иерархии, стало у предков мордвы обозначение господина азор (ар., инд.-ир. *asura*). Другим, ему подобным, безусловно, является пан (ар., инд.-ир. *gaupana*). Титул азор, древнее, и был заимствован в период древнейшего этапа контактов финно-угров с индоиранцами, который согласно Н. Бутылову происходил во II тыс. до н.э. [1, с. 116]

Следующий этап проходил в I тысяч. до н.э. – первых веках н.э., и его Н. Бутылов назвал скифо-сармато-аланским. На этом этапе к волжским финнам и пришел титул пан. Сарматоидные племена Прикамья принесли его к предкам мерян, марийцев и мордвы. Этим и объясняется его распространение от берегов Камы до Волго-Окско-Сурского междуречья.

Можно допустить, что пришлые паны правили финно-уграми, будучи, вероятно, на первых порах завоевания отдельной кастой, что и отразилось в легендах. Они и принесли на Среднюю и Верхнюю Волгу обычай курганного захоронения. Ассимиляция пришельцев местным населением привела постепенно к тому, что курганные захоронения сменились грунтовыми погребениями, а термин «пошел в народ», и стал общераспространенным, чтобы впоследствии, с приходом тюрков и славян уйти в легенды, сменившись на «мурза» и «князь».

Отсюда мы видим, что финно-угры узнали слово пан гораздо раньше западных славян, и в частности «ляхов» (поляков), к которым он пришел в первых веках I тысяч. Спустя много веков волжско-финский и западославянский «паны» «встретились» в Среднем

Поволжье, западный, в виде действующего социального термина, а восточный в виде легендарного.

В этом контексте интересно, что Средняя Волга стала «местом встречи» еще некоторых терминов принадлежавших в древности сарматам. Мы имеем в виду лексемы *кульбак* и *майдан*. Дело в том, что в польском языке седло называется *kulbaka*, а седлать коней – *kulbaczus*. От поляков в белорусском и в украинском языках *кульбака* также означает седло. Но и в русской средневековой кавалерии татарское седло называлось *кульбак* [38, с. 144-145]. Хотя сами татары к тому времени так седло уже не называли, следовательно, для них оно стало устаревшим. Очевидно, что и татары, и поляки унаследовали *кульбак* из своего «степного прошлого», так как и тюрки были прямыми наследниками поздних сарматов-аланов, так и территория будущей Польши, согласно исследованиям, до V в. принадлежала аланам и антам [30, с. 149-150]. При этом характерно, что у В. Даля *кульбака* толкуется в южнорусских диалектах как *седло*, и в тамбовских говорах казачье седло называлось *кульвак*, а в южнорусских степях переметные седельные сумки звали *кульбаками* [39, с. 217].

Седло-кульбак стало именем нарицательным. Так стали называть перекладные пункты, где можно было починить или приобрести необходимые детали сбруи коня. Так в Западной Белоруссии в 1669 году существовала деревня Кульбаки (ныне Банцевичи) известная как станция смены лошадей. Жители однозначно толковали название своего селения как «седло». Местные краеведы допускают, что и получила деревня свое название из-за того, что здесь можно было «поменять седло» [40].

Но и в Нижегородском Поволжье имеется город Кулебаки, впервые упомянутый как деревня Кулебака, и характерно, что расположен город на старинном сухопутном тракте, соединявшем в старину Муромскую переправу на Оке и переправу через Волгу в районе современного Ульяновска. Очевидно, что этот путь использовался с глубокой древности и был известен сарматам-аланам. Со временем значение слова забылось, но название осталось напоминанием о прошлых временах.

Что касается термина *майдан*, толкуемого В. Далем как «площадь, место, поприще», «сборное место» [39, с. 290], то он в Среднем Поволжье распространен самым широчайшим образом.

В одной только Нижегородской области насчитывается несколько десятков «майданов» в виде названий поселений, водных объектов, урочищ, площадей и улиц. Нижегородские исследователи топонимики «ничтоже сумняшеся» объясняют его как принесенное западно-белорусскими мастерами-поташниками в XVII-XVIII вв. в период усиленного развития поташного промысла [41, с. 352]. Однако и здесь мы можем допустить явление абберрации близости, когда «за деревьями не разглядели леса».

Советский ученый-топонимист В. Никонов указывал, что слово майдан в значении «площадь» и производные от него - это тюркское заимствование из иранских наречий распространенное на огромной территории от Балтийского моря и Балкан до юго-восточной Азии [42, с. 249].

Слово «майдан» употреблялось и в североиранских языках, было известно сарматам и от них пришло в языки тюрков. Не случайно это слово изначально входило в лексикон казачества южных степей, тюркскую основу которых не оспаривает сегодня ни один серьезный исследователь.

Эти же сарматы и тюрки «принесли» майдан в западнославянские земли Польши и Белоруссии. Но и в Волжско-Оско-Сурское междуречье майдан также пришел с ними. Здесь он закрепился, очевидно, в виде «мадан», «мадай» или «модан», и им называли открытые пространства и реки протекавшие по ним. «Майдан» слышится в древнем гидрониме Медяна, а также в личных мордовских дохристианских именах Майдан и Мадай. Любопытно, что Н. Морохин со ссылкой на Инжеватова, объясняет имя Мадай как «мощный источник», что опять отсылает нас к «водной» составляющей термина [43, с. 127, 128].

Реки, протекавшие в открытых местностях, кочевники называли Майдан, а финно-угры переименовывали в Мадан (Модан). В русском языке название изменялось по женскому роду (река Майдана – Мадана – Медяна). Реки Модан приток Сережи, и Модан приток реки Озерки, сохранили свои названия неизменными из-за позднего прихода сюда русских переселенцев.

А те реки Маданы-Моданы, на берега которых русские пришли до начала поташного производства переименовывались в Медяны-Медянки. И уже потом в конце XVII –нач.XVIII вв., с приходом поташников-литваков майданами стали называть места, где из-

готовливался поташ, из-за чего, вероятно и небольшие речки Моданы переименовали в Майданы. Например, речушка Быков Майдан выпадающая в Тёшу до XVIII в. называлась Модан [44, с. 31].

Таким образом, мы можем убедиться, что древний североиранский, условно скифо-сарматский, лингвистический след сохранился и в преданиях, как социальный термин, и в ономастике Нижегородского Поволжья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутылов Н.В. Иноязычная лексика в мордовских языках (индоевропейские заимствования). – Саранск, 2006. – 220 с.
2. Уваров А.С. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды Первого археологического съезда в Москве в 1869 г. – М., 1870. – 712 с.
3. Мельников П.И. Очерки мордвы // Незнакомый Павел Мельников (Андрей Печерский). Сост. Н.В. Морохин, Д.Г. Павлов. – Н. Новгород, 2011. – С. 279-385.
4. Мельников П.И. Путь Иоанна Грозного/Незнакомый Павел Мельников (Андрей Печерский). Сост. Н.В. Морохин, Д.Г. Павлов. – Н. Новгород, 2011. – С. 472-495.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том III (П). – М., 1955. – 556 с.
6. Маскаев А.Н. Мордовская народная эпическая песня. – Саранск, 1964. – 438 с.
7. Мельников-Печерский П.И. Очерки мордвы/ПСС. Т. VII. – СПб. 1909. – С. 410-484.
8. Агапитов В.А. Предания о «панах» и топонимия Заонежья. Электронный ресурс URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabininskie-chteniya-2015/1621.html> дата обращения 01.08.22.
9. Яблоков А.В. Особенности сложившейся топонимической системы на территории Ивановской области: дипломная работа / Науч. рук. проф. К.Е. Балдин. – Иваново, 1994. – 11 с.
10. Купчинский О. Акти та документи Галицько-Волинського князівства. Дослідження. Тексти. – Львів. 2004. – 1283 с.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4-х томах. Пер. и доп. О.Н. Трубачева. Том III (Муза-Сят). – СПб., 1996. – 832 с.
12. Этнографические материалы. Валдиево (сельский приход Каргопольского уезда) // Олонецкие губернские ведомости. 1892. № 46.
13. Чудские предания и предания о «панах» // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 г. – Петрозаводск, 1867. – 232 с.
14. Куликовский Г.И. Похоронные обряды Обонежского края//Олонецкий сборник. – Петрозаводск. 1894. Вып. 3. Отд. 2. – С. 44-60.
15. Титов А.А. Ростовский уезд Ярославской губернии. – М., 1885. – 630 с.
16. Нижегородские марийцы. Сост. Н.В. Морохин. – Йошкар-Ола, 1994. – 250 с.
17. Легенды Городецкой земли /Составитель Л.А. Климова. – Городец, 1997.– 218 с.

18. Смирнов В.И. Клады, паны и разбойники: Этнографические очерки Костромского края//Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып.26. – Кострома, 1921. – 49 с.
19. Журавлев С.В. Повесть о Стефане Пермском, первом учителе зырян. – Сыктывкар, 1996. – 31 с.
20. Курганный могильник «Мжарки» («Панки») Электронный ресурс URL: <http://lubovbezusl.ru/publ/istorija/suzdal/m/38-1-0-1233> дата обращения 6.08.22.
21. Кельсиев А.И. Раскопки в Ярославской и Тверской губерниях. – М., 1879. Отд. II. – 16 с.
22. Неславянская жизнь Московского посада. Электронный ресурс URL: <https://www.gumilev-center.ru/neslavyanskaya-zhizn-moskovskogo-posada/> дата обращения 01.08.22.
23. Ткаченко О.Б. Исследования по мерянскому языку. – Кострома, 2007. – 352 с.
24. Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. Материалы и исследования по археологии СССР. № 94. – М., 1961. – 264 с.
25. Мининзон И.Л. Ономастика терюхан/Открытый текст Электронный ресурс URL: <http://opentextnn.ru/space/littlesities/mininzon-i-l-onomastika-terjuhan/> дата обращения 04.08.22.
26. Чернов В.Ф. Кулебаки, Велетьма, Тумалейка... Тайны географических названий. – Кулебаки, 2009. – 64 с.
27. Климкова Л.А. Микропонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье). Ч. 3 (П-Я). – Арзамас, 2006. – 406 с.
28. Селезнев Ф.А. Абрамов городок – мнимый предшественник Нижнего Новгорода//Знание – Сила. № 8 (1130). 2021.
29. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. О.Н. Трубачёва. – М., 1980. Т. 7. – 223 с.
30. Сулимирский Т. Сарматы. Древний народ юга России. – М., 2007. – 191 с.
31. Сарапулкина Т.В. Городецкая культура на Среднем и Верхнем Дону Эл. ресурс URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1649070617&tld=ru&lang=ru&name=Sarapulkina.pdf&text=сарапулкина%20диссертация...> (Дата обращения 26.08.22).
32. Степанов П.Д. Андреевский курган: к истории мордовских племен на рубеже нашей эры. – Саранск, 1980. – 108 с.
33. Ставицкий В. В. У истоков этногенеза древней мордвы//Genesis: исторические исследования. 2014, № 4.
34. Татищев В.Н. История Российская... – М., 1769. Кн. I. Ч. 2. – 720 с.
35. Ломоносов М.В. Избранные произведения. В 2-х томах. Т.2. История. Филология. Поэзия. – М., 1986. – 496 с.
36. Щекатов А. М., Максимович Л. М. Словарь географический Российской государства, описывающий азбучным порядком... все губернии, города и их уезды. Ч. 4. Отд. 1. – М., 1805. – 686 с.
37. Генетики прояснили происхождение скифов и сарматов Электронный ресурс URL: <http://nplus1.ru/neus/2018/10/04/descendants> дата обращения 10.11.22.
38. Крижанич Ю. Политика. – М., 2003. – 655 с.

39. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том II (И-О). – М., 1955. – 780 с.
40. Имения Лидского уезда. Имение Кулебаки. Электронный ресурс URL: <http://www.lida.info/imeniya-lidskogo-ue...> дата обращения 12.07.22.
41. Морохин Н.В., Арзамазов А.А. Наши реки, города и села. – Н. Новгород, 2014. – 480 с.
42. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. – М., 1966. – 509 с.
43. Морохин Н.В. Нижегородский топонимический словарь. – Н. Новгород, 1997. – 216 с.

**СУДЬБА ПОСЛЕДНЕГО СТАРООБРЯДЧЕСКОГО
МОЛИТВЕННОГО ЗДАНИЯ «ВОЛОКОЛАМСКОГО ЛЕСА»:
МОЛЕННАЯ В ДЕРЕВНЕ ПРОЗОРОВО
В СЕРЕДИНЕ XX СТОЛЕТИЯ**

Сергей Сергеевич Михайлов

Независимый исследователь

г. Москва, Россия. mesherdkay@mail.ru

В своей статье автор рассказывает о судьбе одного из старообрядческих молитвенных зданий, находившихся в западной части Московской области. До революции деревня Прозорово, в которой оно располагалось, административно входила в состав Можайского уезда Московской губернии, и местный ареал проживания старообрядцев входил в самобытный регион «Волоколамский лес». После Великой Отечественной войны эта церковь, закрытая в 1931 г., оставалась единственным сохранившимся старообрядческим молитвенным зданием этого региона. Во второй половине 1940-х гг. старообрядцы безуспешно пытались добиться официального открытия этой церкви. Автор, опираясь на архивные сведения, рассказывает о судьбе этого молитвенного здания, включая и историю его разрушения в 1960 г.

Ключевые слова: старообрядчество; Волоколамский лес; Московская область; регион; деревня; Прозорово; молитвенное здание; группа верующих.

Локальная история старообрядчества включает и прошлое отдельных сельских сообществ и деревенских молитвенных зданий, вокруг которых была сконцентрирована богослужебная и иная духовная жизнь. Внимательное изучение таких моментов помогает нам разобраться и в региональной истории, и также по новому увидеть через нее и историю в общероссийском масштабе. Автор этих строк с середины 1990-х гг. занимается изучением региональной истории старообрядчества Подмосковья, уделяя, главным образом, внимание локальным сельским и городским сообществам, находившихся в разных частях упомянутого региона. Помимо старообрядческих общин, находившихся в знаменитых Гуслиц (юго-

восточный угол прежнего Богородского уезда), Коломны и Коломенского уезда, Вереи, Сергиева Посада и ряда других мест, была рассмотрена и история почти неизвестного для историков староверия Можайского уезда, где небольшой анклав старообрядцев находился в северной части административной территории.

В этой работе нам хотелось бы поговорить об одном из моментов местного старообрядческого прошлого, а именно самого позднего периода истории существования одного из молитвенных зданий местных старообрядцев – моленной в деревне Прозорово. Этому, вроде бы рядовому сельскому молитвенному сооружению, обслуживавшему духовные потребности преимущественно жителей одного селения, довелось быть последним, которое оставалось целым в регионе в послевоенные годы, и его во второй половине 1940-х пытались безуспешно возродить к богослужебной жизни. Судьба старообрядческого молитвенного здания в деревне Прозорово в рассматриваемый нами период – середина XX ст., является важной иллюстрацией в изучении общей судьбы как старообрядчества в нашей стране этого времени, так и судьбы религиозных организаций в целом.

В Можайском уезде старообрядцы, преимущественно поповцы белокриницкого согласия, проживали, как мы уже упомянули, в северной его части. на границе с Волоколамским и Рузским уездами. Ядром местного старообрядческого «угла» были селения официального прихода погоста Пески: Псово, Репотино, Лазарево, Прозорово и др.[2]. Этот анклав входит в массив расселения старообрядцев, охватывающих ряд уездов трех губерний (Московской, Тверской и Смоленской), восточная часть которого, с подачи Г. Есипова, именуется как «Волоколамский лес» [1, с.237]. В советский период, в результате советских переделок административных границ, территория Песковского прихода оказалась разрезанной – часть деревень осталась в Можайском районе, часть, включая и приходской центр, попала в Шаховской район, в основном выкроенный из западных волостей Волоколамского уезда, а Прозорово в конце 1920-х гг. попало в Осташевский район, а после его упразднения, вместе со всей его территорией оказалось в районе Волоколамском. Можайские староверские селения находятся вблизи бывшего Куниловского леса (назван по соседней деревне Кунилово), в западной части Волоколамского уезда, в котором в начале 1730-х

гг. властями обнаружены и разорены кельи старообрядческих иноков поповщинского толка [1, с.237-254]. Именно от этого духовного центра, исчезнувшего на раннем этапе, следует полагать, и утвердилось старообрядчество в Песковском приходе и его окрестностях.

К сожалению, ни в одном источнике нам не попалось упоминания о посвящении прозоровской моленной. Потомки местных старообрядцев ныне также уже утратили эту информацию. Поскольку деревня эта являлась самой молодой в Песковском приходе – она выселилась сюда только в первой половине XVIII в., – то, возможно, ее жители не унаследовали типичного для коренных старообрядцев той или иной местности выводиться преемственность посвящения своего молитвенного здания от древнего дониконовского престола местного приходского храма (в Песках церковь испокон веков Срегенская). В соседней деревне Псово, согласно упоминаниям в старообрядческой периодике начала XX в., моленная была Никольской. Возможно, аналогичное посвящение было и в Прозорово.

Впервые о старообрядческой моленной в деревне Прозорово мы узнаем из «Ведомости о состоящих в Москве и ее губернии старообрядческих и раскольнических часовнях и молельнях», 1826 г., составленной в канцелярии московского военного генерал-губернатора, где она показана существующей «с давних времен» и имеющей «вид церкви» [5, л.156об]. Учитывая многие моменты местной старообрядческой истории, мы можем предположить, что впервые ее здание было здесь построено не ранее середины XVIII в., когда в этом уголке могло произойти окончательное оформление старообрядческого самосознания вместо формы, которую Г. Есипов именует как «малый раскол» [1, с.186-187]. Последний заключался в сохранении двоеперстия и других внешних элементов дониконовской церковной традиции, которая практиковалась в рамках официальной церкви, без разрыва с ней. «Малых раскольников» было весьма много в первые лет сто после церковной реформы в русских регионах Центральной и Северной России. Впоследствии «малый раскол» или утрачивал свои черты, растворяясь в обычно новом православном обряде, или же его адептов, которых особо не надо было агитировать за старину, рекрутировали агитаторы старообрядческих согласий.

Старообрядческое молитвенное здание в Прозорово регулярно упоминается в документах духовного и светских ведомств в те-

чении XIX ст., вместе с моленными в соседних деревнях Псово, Репотино, Лазарево. После объявления религиозных свобод, в 1907 г., местные старообрядцы зарегистрировали «Прозоровскую Старообрядческую Общину Австрийской Белокрыницкой иерархии» [3, с.484].

В советский период старообрядцы деревни Прозорово не стали легализовывать существование своего молитвенного здания, которое продолжало действовать неофициально. В связи с этим мы не знаем о событиях его истории 1920-х – первой половины 1930-х гг. Из документов более позднего времени мы только знаем, что фактически прозоровская церковь-моленная прекратила свою деятельность в 1931 г. [8, л.49; 13, л.12-13]. Информации об обстоятельствах закрытия молитвенного здания нам обнаружить не удалось. Возможно, столь раннее прекращение его деятельности (обычно подобные заведения закрывались в сельской местности уже во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг.) связано с отсутствием священнослужителя. Что находилось в здании моленной в 1930-х гг., мы не знаем, ниже мы увидим, что впоследствии оно показывалось как «не используемое».

По состоянию на июнь 1945 г. молитвенное здание в деревне Прозорово, административно входившей на тот момент в состав Осташевского района Московской области, оставалось единственным из существовавших прежде на территории Волоколамского леса, принадлежавших поповцам (из беспоповских еще сохранялась каменная моленная в деревне Якшино, прежнего Рузского уезда). Каменный храм в сел. Кельч-Острог был разрушен властями еще в 1935 г., поскольку его здание пустило опасные трещины [4, л.1-17], моленные в соседних Псово, Репотино и др., судя по всему, исчезли во время боевых действий и оккупации в 1941 г. Моленная в Прозорово на 1 июня 1945 г. показана как «не используемая», в каменном федосеевском молитвенном здании в Якшино находился молокозавод [7, л.12-13]. По идее, никаких проблем с возвращением прозоровского молитвенного здания не должно было возникнуть, однако, на деле все пошло по иному сценарию.

Старообрядцы во второй половине 1940-х гг. неоднократно ставили вопрос о возвращении им храма, который, к сведению, пустовал, т.е. из него ничего не надо было переводить в другое здание или помещение. В отчетах уполномоченного Совета по делам куль-

тов по Москве и Московской области мы обнаружили упоминания о таких попытках 1947 и 1948 гг. [9, л.67; 10, л.1] В этой части Московской области, где еще сохранялось относительно большое белокрыницкое старообрядческое население, действующих храмов «того же толка» не было, верующие за пределами обращались в Москву, на Рогожское кладбище. Часть белокрыничников, проживавшая в населенных пунктах, близких к линии Рижской железной дороги, в этот период была ориентирована на Покровский храм в городе Ржев Тверской (на тот момент – Калининской) области, который избежал закрытия. Причина отказа в возвращении здания церкви, которое стояло пустым и из него ничего не надо было выводить и переселять в другие помещения, непонятна. В 1949 г., когда было отклонено последнее прошение верующих старообрядцев, формулировка отказа, на наш взгляд, звучала достаточно странно: «...Учитывая значительную давность со времени фактического прекращения функционирования в 1931 году старообрядческой церкви белокрыницкого согласия в деревне Прозорово Осташевского района Московской области, ходатайство верующих об открытии церкви отклонить...» [8, л.49]. Также неясна и позиция духовного центра в лице рогожской Архиепископии, которая фактически не поддержала местных представителей своей паствы. Даже по официальным сведениям из документов уполномоченного, верующими себя считали все взрослые жители деревни Прозорово, явно достаточно много практикующих старообрядцев жило в соседних населенных пунктах, ранее составлявших север Можайского уезда. Прихожанами возрожденного храма стали бы и белокрыницкие старообрядцы других сопредельных местностей. В тех же отчетах говорится, что за передачу храма просили в основном жители соседнего Шаховского района. Версия уполномоченного Совета по делам культов относительно местной статистики, звучала так: «...Осташевский район, расстояние от Москвы более 130 км. В деревне Прозорово Осташевского района имеется молитвенное здание. Этот населенный пункт небольшой, всего 24 двора. Взрослые – почти все верующие. В районе старообрядцев немного. Но в соседнем Шаховском районе имеется старообрядцев 300-400 человек, разбросанных в различных населенных пунктах. Ходатайство об открытии молитвенного здания в дер. Прозорово возбуждали главным образом жители населенных пунктов Шаховского района...» [6, л.160].

В отчете уполномоченного ситуация в селении Прозорово описывалась следующим образом: «В дер. Прозорово существует закрытое молитвенное здание. По освобождении от фашистских захватчиков верующие, у которых хранились ключи от церкви, собирались по праздникам в количестве 15-20 человек и проводили службы. По получении сведений о деятельности группы были приняты меры к прекращению деятельности ее в 1947 году. Поступившее после этого ходатайство верующих об открытии молитвенного здания Исполкомом Мособлсовета было отклонено. Руководителями этой группы верующих были братья В.И. Чураков и Д.И. Чураков. В настоящее время группа не действует» [11, л.11]. Однако, «группа» на деле продолжала собираться на молитву, пусть и не в закрытом храме, а по домам собратьев по вере. Последние сведения о ее сборах, причем также числом 15-20 человек молящихся, у уполномоченного датированы 1950 годом [12, л.13]. Здесь нам также хотелось бы обратить внимание на наличие у верующих ключей от здания храма. В те времена они еще являлись чуть ли не главным документом на него – фактическое закрытие церкви наступало, когда у верующих изымались ключи. Если ключи находились у старообрядцев с 1931 г. и не попадали в руки представителей советской власти, то моленная все это время могла стоять не тронутой, просто запертой на замок. Однако, не будем забывать, что в 1941 г. здесь, пусть и на краткое время, была оккупация. Ключи в этот период могли быть добыты верующими сел. Прозорово от перешедших на нелегальное положение руководителей колхоза или сельсовета. Точной информации у нас об этом нет. Также мы не знаем, сохранялся ли интерьер молитвенного здания – если в нем вообще не успели похозяйничать представители власти, то он мог быть совсем не тронут, и даже при устройстве в храме зернохранилища или иного подобного заведения, зачастую, как это было, к примеру, во многих моленных Гуслиц, на востоке Подмосковья, внутри оставались не только иконостас с образами, но даже висящие перед ними лампы.

Из отчетов уполномоченного Совета по делам культов по Москве и Московской области, нам известно, что в Прозорово и другие белокриницкие старообрядческие селения Волоколамского леса регулярно навещались священники из Москвы и других мест. В 1948 г. здесь с требами бывал Степан Петрович Баленков

[12, л.27]. Также в эти годы здесь бывали священники Абрамов и Королев [6, л.160-161]. Мы полагаем, что «наезды» в Прозорово и другие старообрядческие населенные пункты этой местности священников продолжались и позже. Однако, если о них не становилось известно чиновникам и информация о них не попадала на страницы документов, то рассказать могли бы только непосредственные участники и свидетели, которые давно уже ушли из жизни.

Здание прозоровской старообрядческой церкви-моленной простояло пустым до 1960 г., разумеется, быстро разрушаясь. Заброшенное сооружение привлекало внимание местных детей, устраивавших здесь игры, взрослые вытаскивали из фундамента кирпич, уносили доски внешней обшивки и другие материалы, которые еще можно было использовать в хозяйстве. Вскоре оно уже реально стало угрожать падением. В архиве Московской области, в фонде Исполкома Мособлсовета, нами обнаружены документы, которые можно считать приговором его существованию.

23 марта 1960 г. в Прозорово прибыл «инженер по строительству в колхозах Волоколамского исполкома райсовета», И.И. Кудрявцев. Им была осмотрена моленная и составлен акт о ее состоянии. В разделе «Общая характеристика здания церкви» инженер написал: «Здание церкви по опросу жителей с. Прозорово существует свыше 80 лет. Последние 30 лет ремонт не производился. Здание обосновано (мы приводим терминологию документа – С.М.) на кирпичном фундаменте, стены деревянные, рубленные из бревен, обшиты досками с наружной стороны, кровля из черной кровельной стали, по обрешетке из горбылей.

Чердачное перекрытие деревянное, накат из пластин. Полы деревянные досчатые...» [14, л.7].

Далее, в акте Кудрявцев описывает состояние, в котором сооружение пребывало на момент осмотра. Здесь им представлено восемь пунктов:

«...1. Фундаменты по всему периметру стен отсутствуют на 85%. Кирпич фундамента изъят гражданами. Стены имеют опору на сохранившиеся участки фундамента, которые находятся в полуразрушенном состоянии.

2. Стены деревянные, рубленные из бревен, очень ветхие.

3. Наружная обшивка стен по всему зданию сорвана полностью.

4. Кровля в центре здания отсутствует, конструктивные элементы крыши обрушены.

5. Купола, опиравшиеся на стены, не имеют прочной опоры из-за ветхости стен и отсутствия фундамента под стенами, деформированы, имеют наклон 1,5 мет. (метра – С.М.).

6. Чердачные перекрытия и полы обрушились.

7. Оконные переплеты и дверные полотна отсутствуют, за исключением одной две (судя по всему, входной – С.М.).

8. Внутри помещения оборудования никакого нет...» [14, л.7-8].

Исходя из приведенного выше, а также личных бесед с жителями деревни Прозорово, инженер Кудрявцев, в заключении, писал: «...Вопрос о ликвидации молитвенного здания требует самого срочного решения. Незначительное промедление решения данного вопроса может привести к человеческим жертвам, так как по заявлению граждан в данном здании часто собираются дети для игр и шалостей, которые и могут стать жертвами обрушения...» [14, л.8].

В июле-августе того же года, по распоряжению уполномоченного Е. Лишанкова, было составлено заключение о прозоровском молитвенном здании, в котором говорилось: «...Молитвенное здание в с. Прозорово в течении многих лет не используется по прямому назначению, десятки лет не ремонтировалось, пришло в ветхое состояние и угрожает обвалом...указанное молитвенное здание на государственной охране, как памятник архитектуры, не стоит...ходатайства об открытии церкви в с. Прозорово со стороны верующих не возбуждалось...» [14, л.5]. О том, что местные старообрядцы чуть более десятка лет до этого неоднократно возбуждали ходатайства об открытии моленной, чиновники почему-то не вспомнили. Касательно же рубежа 1950-1960-х гг., когда составлялась рассматриваемая документация, периода массового закрытия молитвенных зданий всех конфессий, разумеется, старообрядцы чтобы попытаться открыть свой храм не могли и думать.

Решение Исполкома Мособлсовета за №1113 от 5 сентября следующего 1961 г. гласило: «...Принимая во внимание, что бывшее (в документе это слово дописано от руки – С.М.) молитвенное здание в селении Прозорово, не используемое по прямому

назначению (фраза зачеркнута – С.М.), пришло в ветхость и в настоящее время угрожает обвалом...разрешить исполкому Волоколамского райсовета произвести слом бывшего молитвенного здания в с. Прозорово...» [14, л.2]. Так закончилась история последней старообрядческой моленной самобытного исторического региона «Волоколамский лес» и была закрыта одна из последних страниц истории местного староверия. По нашим данным, верующие белокрыницкого согласия еще продолжали собираться на молитву по домам и поддерживали духовные контакты со священниками в Москве, Ржеве и, иногда, в других местах, где действовали единоверные приходы, но, касательно Прозорово и других селений Песковского прихода, это постепенно сошло на нет. Храм официального православного исповеданий в самом погосте Пески функционировал в советский период, что стало причиной постепенной ориентации бывших старообрядческих семей на него. Уже в 1990-х гг. никаких сведений о практикующих старообрядцах в этой местности не встречалось.

В настоящее время прежний старообрядческий регион «Волоколамский лес» фактически стал историей. За послевоенные десятилетия, с уходом поколений практикующих старообрядцев, молившихся по домам, поддерживавших связь с действующими приходами в Москве и Ржеве, постепенно ушло и само местное старообрядчество. По нашим сведениям, память о том, что предки были староверы, еще сохраняется во многих деревнях, но большинство потомков себя уже отождествляют с официальной церковью. Более-менее самосознание, да и то, в остаточном виде сохраняется в селении Орешки (прежний Кельч-Острог), Шаховского района, некоторое число практикующих старообрядцев остались в западной части этого же района. Из них несколько человек стараются более-менее регулярно ездить в Покровский храм, в Ржев. Как мы полагаем, в 1990-х гг., да и позже, можно было открыть белокрыницкую церковь в райцентре – поселке Шаховская, - и она способствовала сохранению, пусть и в незначительном виде, наследия Волоколамского леса. Однако, ни на Рогожском кладбище в Москве, ни в Ржеве, никто этого не стал делать. Автор этих строк за последние полтора десятилетия, дважды при личных беседах с ржевским настоятелем, о. Е. Чуниным (служит на приходе с 1989 г.), дважды задавал вопрос: почему бы не открыть хотя бы дочерний от Ржева приход,

дабы остатки старинного самобытного староверческого региона не ушли совсем? В обоих случаях собеседник, с определенным раздражением, отвечал, что в этом якобы нет никакой необходимости. Почитание местного наследия сводится у него исключительно к установке считанных памятных крестов на месте старых молитвенных зданий и других важных мест и посещению участниками ежегодно устраиваемого при ржевском приходе летнего детского лагеря «Ржевская обитель». О том, чтобы его участники приезжали в Прозорово или какое-то другое селение бывшего Песковского прихода, у нас сведений нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия. Т.1. СПб., 1863.
2. Карта раскольничьих селений Московской губернии. Издание Московского губернского статистического комитета. М., 1871.
3. Список старообрядческих и сектантских общин, находящихся в г. Москве и Московской губернии. // Памятная книжка Московской губернии на 1914 год. М., 1914.
4. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р-5263. Оп.1. Д. 1411.
5. Центральный Государственный Архив г. Москвы (далее – ЦГА Москвы). Ф.16. Оп.109. Д.4.
6. ЦГА Москвы. Ф.Р-3004. Оп.1. Д.2
7. ЦГА Москвы. Ф. Р-3004. Оп.1. Д.4.
8. ЦГА Москвы. Ф.Р-3004. Оп.1. Д.6.
9. ЦГА Москвы. Ф. Р.-3004. Оп.1. Д.9.
10. ЦГА Москвы. Ф. Р-3004. Оп.1. Д.11.
11. ЦГА Москвы. Ф. Р-3004. Оп.1. Д.18
12. ЦГА Москвы. Ф. Р-3004. Оп.1. Д.23.
13. Центральный Государственный Архив Московской Области (далее - ЦГАМО). Ф.2157. Оп.1. Д. 3260.
14. ЦГАМО. Ф.2157. Оп.1. Д.5673.

**СВЕДЕНИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМПЛЕКСНОЙ
АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1 МГУ
В НИЖЕГОРОДСКОМ КРАЕ В 1929 г.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ НГИАМЗ, ЦАНО,
ЦГАЛИ СПБ)**

Анна Владимировна Сорокина

*ГБУК НО «Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник», старший научный сотрудник
г. Нижний Новгород; e-mail: anntn_2008@mail.ru*

Серией организованных Б.С. Жуковым ежегодных (1925-1929 гг.) Комплексных антропологических экспедиций 1 МГУ по Центральной промышленной области (в том числе по Нижегородской губернии и краю) был собран обширный материал. Однако результаты работы экспедиции остались в большей степени неопубликованными. До недавнего времени сведения о деятельности экспедиции в 1929 г. были немногочисленны и не позволяли сделать вывод о том, чем занималась экспедиция в этот год. Рассмотрение документов из ЦАНО, ЦГАЛИ СПб и фондов НГИАМЗ помогло восстановить историю деятельности Комплексной экспедиции по Нижегородскому краю в 1929 г.

Ключевые слова: Комплексная антропологическая экспедиция 1 МГУ; документы экспедиции; материалы экспедиции; Михаил Петрович Званцев; Вера Владимировна Милютина, НГИАМЗ

Комплексная антропологическая экспедиция, организованная на базе 1 МГУ сотрудником Института антропологии при 1 МГУ (сейчас НИИ антропологии им. Д. Н. Анучина МГУ им. М. В. Ломоносова) Борисом Сергеевичем Жуковым, работала на территории Нижегородской губернии ежегодно с 1925 по 1929 гг. В 1929 году вместо Нижегородской губернии был образован Нижегородский край, поэтому экспедиция 1929 года проходила уже на территории Нижегородского края. В следующем 1930 году работа экспедиции хотя и была запланирована, но не осуществилась в связи с ликвидацией Ассоциации по изучению производительных сил Нижегородской губернии, материально поддерживавшей экспедицию, так как после ликвидации Ассоциации, её полномочия и имущество были разделены между разными организациями, и финансирование экспедиции прекратилось. Ассоциация, ликвидированная по причине образования Нижегородского края, проводила ежегодные конференции, где озвучивались результаты работы экспедиции. Конференция, намеченная на 1929 г., не состоялась опять же в связи с ликвидацией Ассоциации. Публикации докладов на проводимых

Ассоциацией конференциях, стали единственными публикациями трудов комплексной экспедиции.

В 1929 г. Борис Сергеевич Жуков подготовил к печати первый том результатов работы Комплексной антропологической экспедиции – «Труды Комплексной антропологической экспедиции». Рукописи были набраны в типографии, но так и не напечатаны из-за отсутствия средств: ни один из «наследников» Ассоциации, не взял на себя расходы на издание [5, л. 35, 35об, 39]. Набранный текст был рассыпан, а рукописи Б. С. Жукова, вероятно, утрачены, поскольку в 1931 году учёный был арестован (сведения о его смерти и дате ареста разнятся).

Помимо публикаций докладов ежегодных конференций, о деятельности экспедиции мы можем судить по документам (отчёты, переписка, сметы, списки участников), хранящимся в Центральном государственном архиве Нижегородской области (ЦАНО), дневникам, отчётам и фотографиям участника экспедиции, сотрудника краеведческого музея (сейчас ГБУК НО НГИАМЗ) М. П. Званцева, хранящимся в фондах Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника и отражающим работу М.П. Званцева в экспедиции в течение нескольких лет, а также другим документам, фотографиям и предметам из фондов НГИАМЗ, имеющим отношение к экспедиции. Все находки экспедиции передавались для исследования в Институт антропологии при 1 МГУ. За годы работы был собран огромный материал (антропологический, этнолого-этнографический, палеоантропологический, археологический, лингвистический), часть которого по завершении каждого полевого сезона передавалась в Государственный историко-бытовой музей Нижегородского края, сейчас это коллекция НГИАМЗ.

Всего Комплексной антропологической экспедицией с 1925 по 1929 гг. было сделано до 200 шт. фотографий, 130 чертежей и планов, порядка 20 зарисовок жилищ, а также большое количество зарисовок по костюму, с/х орудиям, промыслам [4, л. 46об, 47об, 48об]. В настоящее время в основном фонде документов и фотографий НГИАМЗ имеется почти 260 единиц (карт, планов, фотографий, схем и чертежей), поступивших от Комплексной антропологической экспедиции за все годы работы, а также рукописи известного археолога Е. И. Горюновой, иллюстрирующие её работу в экспе-

диции, в том числе важная для описания и интерпретации костюма мордвы-терюхан рукопись «Легенда к терюханскому костюму» [3].

Среди этих разнообразных источников не удавалось обнаружить отчёт о работе экспедиции за 1929 г. Вывод о том, что экспедиция всё же состоялась, можно было сделать только на основе переписки Б.С. Жукова с Ассоциацией [3, лл. 7-7об., 16, 17-17об.], а также на основе конспективных записей М.П. Званцева в его записной книжке за 1929 г. [1]. Однако М. П. Званцев (1902-1977) – искусствовед, фотограф, художник, автор книг по истории народных художественных промыслов Нижегородской области, будучи сотрудником Исторического музея Нижнего Новгорода 1925-1933 гг., отправлялся в многочисленные экспедиции по заданию музея. Таким образом, нельзя было однозначно сказать, что записи М.П. Званцева об экспедиции 1929 г. имеют отношение именно к Комплексной антропологической экспедиции 1 МГУ. В записной книжке в черновом варианте делались записи исторических справок, этнографических опросов, зарисовки наиболее интересных предметов и надписей на них, также начерно обозначались сметы всех расходов (в том числе транспортные), фиксировались покупки вещей для музейных коллекций и экспедиционного быта. Всё достаточно сжато, кратко, наиболее подробные записи (на несколько страниц) касаются гончарного промысла г. Богородска. Среди списка расходов встречается единственное очень лаконичное упоминание о работе с художницей В. В. Милютиной, благодаря которому удалось связать воедино записную книжку М. П. Званцева и дневник В. В. Милютиной за 1929 г.: «уплачено художнице Милютиной В. В., согласно договорённости, за работу по зарисовкам жилищ и быта мишарей. Суточные по по 1 р. в сутки за 8 суток... В возмещение расходов на дорогу.... 28 р.» (отчеркнуто как итоговая сумма – примечание А.В. Сорокиной) [1, с. 6 об.].

Вера Владимировна Милютина (1903-1987) – художник театра, график, иллюстратор. Во время блокады Ленинграда создала известную серию акварелей и графики «Ранения Эрмитажа». Принимала участие в экспедиции по приглашению М.П. Званцева в течение полевых сезонов 1928 и 1929 гг., о чём свидетельствует её дневник, оказавшийся важным источником для исследования работы комплексной антропологической экспедиции [2]. Дневник нахо-

дится в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб).

Вместе с записной книжкой М.П. Званцева дневник В. В. Милютиной помог датировать один из отчётов экспедиции 1929 годом [3, л. 63-66 об.], хотя ранее предполагалось, что отчётов за данный период не сохранилось. На отчёте не стоит дата его создания, поэтому датировать его можно было только при помощи других источников, какими явились в данном случае дневник художницы В.В. Милютиной за 1929 г. и записная книжка М.П. Званцева за 1929 г.

М. П. Званцев и В.В. Милютина составляли, как сказано в отчёте, Этнографический отряд Нижгосмузея А.К.Э. Задачами отряда были: «приобретение коллекции по быту татар-мишарей Сегачского у.; обследование быта колхозов Нижегород. уезда; обследование горшечного промысла в г. Богородске» [3, л. 64-64об.]. Этнографический отряд выполнил поставленные задачи. В районе деревни Андреевка приобрели коллекцию по быту татар-мишарей: женскую и мужскую рабочую одежду, кухонную утварь, образцы национального печенья, орудия производства коновала. Обследовали быт колхозников в колхозах «Заозёрье» и «Красный Пахарь» (Богородский район). В г. Богородске не только обследовали горшечный промысел, но приобрели коллекцию по технике изготовления посуды [3, л. 64-64об.].

В результате работы М.П. Званцевым было сделано порядка 80 фотографий [3, л. 64об.]. В фондах НГИАМЗ удалось обнаружить некоторые из них, что существенно помогает как проиллюстрировать деятельность экспедиции, так и дополнить атрибуцию данных фотографий, соотнося их с записями из дневника В. В. Милютиной.

Согласно дневнику В. В. Милютиной, работа проходила с 3 по 21 августа 1929 г. в Деревне Андреевка, в г. Богородске и его окрестностях. В отчете экспедиции за 1929 г. сказано, что этнографическим отрядом было сделано 22 рисунка [3, л. 64об.]. В фондах НГИАМЗ находятся акварели, автором, по крайней мере, одной из которых, судя по дневниковым записям, может быть В. В. Милютина. В отличие от М. П. Званцева, В. В. Милютина, ведя не экспедиционный, а личный дневник, не только фиксирует работу экспедиции, но и описывает экспедиционный быт, отношения между участ-

никами экспедиции, некоторые их черты характера, подробности пути из одного населенного пункта в другой, свои впечатления от г. Богородска, села Андреевки. Личные впечатления оживляют экспедиционные отчёт и записи М.П. Званцева, дополняя их интересными деталями, позволяющими узнать, например, как местные жители относились к сотрудникам экспедиции, взаимодействовали с ними, воспринимали их. Художница обращала внимание на особенности речи, образа жизни и быта людей, у которых жили члены экспедиции. Интересны впечатления от города Богородска.

В целом, можно сделать вывод о том, что за лето 1929 г. была проведена обширная экспедиционная работа, завершавшая сбор материала по национальным меньшинствам, населявшим Нижегородскую губернию, и охватившая два уезда (Сергачский и Лукояновский). Начальник экспедиции Б.С. Жуков пишет: «Работами минувшего лета заканчивалось собирание материала на территории бывшей Нижегородской губ., начатое И-том в 1925 г.» [3, л. 63]. Были комплексно исследованы (антропологический облик, духовная и материальная культура, язык) татары-мишари, мордва, будаки и отчасти русские (великороссы). Упор делался на антропологические и этнографические исследования, палеоэтнологический отряд в 1929 г. на территории Нижегородского края не работал, раскопки не велись. В составе антропологических отрядов работали 4 специалиста-антрополога. Исследование татар-мишарей проводилось по «очень полной программе» [3, л. 63] Антропологического Научно-Исследовательского института 1 МГУ, остальные группы обследовались не настолько подробно. Наиболее тщательно в плане этнографии были изучены будаки. Было сделано 200 записей, более 30 планов, чертежей и зарисовок жилища и 12 зарисовок и чертежей костюма. Имеются фотографии женского костюма будаков. Кроме того, согласно комплексному подходу были изучены исторические источники и литература: «Летопись Соборной Христорождественской церкви заштатного города Починок (Очерк по истории данной местности с времен Годунова)...К Летописи Лукояновского уезда (свящ. А. Н-ский) /вопросы владения с 1746 г./... Обзорение церквей Нижегородской епархии священным Модестом епископом Нижегородским в 1887 г. (о возникновении на данной территории поташных заводов или майданов)... Статьи из заметки о будаках из сборника Гацисского» [3, л. 65об.-66]. 1929 год был итоговым в

пятилетнем плане работы Комплексной экспедиции. Осенью, после написания отчёта, Б.С. Жуков вел переписку с ещё функционировавшей Ассоциацией о подготовке к полевому сезону 1930 г., предложил пятилетний план работы экспедиции на 1930-1935 гг. [3, л.61-61об., 62-62об.], а также подготовил рукопись первого тома «Трудов Комплексной антропологической экспедиции».

Невероятно ценно для изучения деятельности Комплексной антропологической экспедиции в 1929 г. обнаружение отчёта, фотографий и особенно описания экспедиционного быта полевого сезона 1929 г. Датировка отчёта 1929 г. позволила завершить серию отчётов экспедиции последовательно по каждому полевому сезону, начиная с 1925 г., и увидеть как целостную картину, так и завершающий этап работы комплексной антропологической экспедиции в рамках пятилетнего плана 1925-1929 гг. Сопоставление сведений отчёта, записной книжки М. П. Званцева и дневника В. В. Милютиной, позволило по-новому атрибутировать некоторые предметы из фондов НГИАМЗ и выявить их принадлежность к Комплексной экспедиции, что в свою очередь стало важным дополнением к отчётам и рукописям. Рассмотрение документов экспедиции, предметов и фотографий, переданных в Государственный историко-бытовой музей Нижегородского края (сейчас НГИАМЗ), помогает воссоздать историю деятельности и отчасти восстановить практически утраченные труды Комплексной экспедиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Званцев М. П. [Рукопись] Записная книжка за 1929 г. 42 с.
2. Милютина В.В. [Рукопись] Дневник за 1929 г. ЦГАЛИ СПб. Ф.495. оп.1. д.163. л. 1-10 об., 51-52.
3. ЦАНО. Ф. Р-56, оп. 1, д. 1738. 67 л.
4. ЦАНО. Ф. Р-993, оп. 1, д. 15. 167 л.
5. ЦАНО. Ф. Р-993, оп. 1, д. 110. 104 л.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОБЩЕСТВА БЕЛОРУСОВ В РЕГИОНЕ ПРИАНГАРЬЯ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Татьяна Петровна Урожаева

*Иркутский государственный университет, лаборатория исторической
и политической демографии, к.и.н., научный сотрудник
г. Иркутск; e-mail: olgou@ua.ru*

К началу 1990-х гг. в регионах Сибири возникли различные белорусские общественные организации, землячества и фольклорные коллективы, деятельность которых вносила свой вклад в сохранение и популяризацию национальных традиций. Многовековые процессы этнокультурного синтеза сделали белорусскую культуру одной из заметных составляющих формировавшегося многочисленными народами культурного пространства Сибири. В г. Иркутске была создана региональная общественная организация Иркутское товарищество белорусской культуры им. Я. Черского.

Ключевые слова: белорусы; Иркутское товарищество белорусской культуры; национальные традиции

Трудно найти более многонациональное место, чем Сибирь. Украинцы и татары, белорусы и поляки, армяне и немцы. Целые национальные поселения, многие сохранили свои национальные обычаи и традиции, свою культуру. Выходцы из Белоруссии появились в Восточной Сибири в составе первых экспедиций казаков и первопроходцев.

Первое упоминание о белорусских деревнях в Приангарье встречается в архивных документах еще в 1680 г. На территории Иркутской области до сих пор сохранились белорусские деревни. Самые крупные из них: Тургеневка, Марининка, Тарнополь, Анучинка, Андрюшино.

Вторая волна была связана с участием белорусов в восстаниях 1830 и 1863 гг. Тогда, особенно после подавления восстания 1863 г., белорусов ссылали в Сибирь целыми деревнями. Но так как в основном это были католики, то зачастую их начали стереотипно называть поляками. Так в Иркутск попал Я. Черский, уроженец Северо-Восточной Беларуси, Ю. Калиновский, ближайший помощник К. Калиновского – руководителя восстания в Западной Беларуси.

Третья волна связана с реформами П. Столыпина. Начиная с 1903 г. в Иркутский край потянулась целая вереница переселенцев. Они стали основывать свои поселения, сохраняя свой уклад и даже манеру строить дома. Так были образованы деревни Анучинка Ба-

лаганского района, Тургеневка Баяндаевского района, Андриюшино Куйтунского района, Мариинка Заларинского района.

Четвёртая волна – 1930-е гг. И это были не только политические ссыльные. Объявленная коллективизация заставила переехать в Сибирь многих крестьян, не желавших идти в колхозы. Им обещали, что в Сибири они будут жить одиночно. Правда, слова, как водится, не сдержали, и уже в 1939 г. коллективизация прошла и в Сибири. Так была образована деревня Тарнополь Балаганского района.

Пятая волна была связана с комсомольскими стройками. Братская ГЭС, Усть-Илимская ГЭС были построены в большей степени белорусскими строителями, которые с тех пор остались жить в Иркутской области. Последняя массовая волна переселенцев из Беларуси была связана с чернобыльской катастрофой и выводом ракетных войск из Беларуси [12, с. 3].

К началу 1990-х гг. по официальным данным в Сибири проживало и работало более 200 тыс. белорусов. Практически во всех регионах Сибири действовали различные белорусские общественные организации, землячества и фольклорные коллективы, деятельность которых вносила свой вклад в сохранение и популяризацию национальных традиций. Многовековые процессы этнокультурного синтеза сделали белорусскую культуру одной из заметных составляющих формировавшегося многочисленными народами культурного пространства Сибири. В г. Иркутске была создана региональная общественная организация Иркутское товарищество белорусской культуры им. Я. Черского (ИТБК).

Первое собрание прошло в кабинете профессора Иркутского мединститута А. Реута. В мае 1996 г., в день первого съезда ИТБК были утверждены название, эмблема, сформированы цели и задачи и приняты основные направления деятельности товарищества, шла организационная работа. Основной целью поставили возрождение древних белорусских праздников. Тогда же было решено, что Иркутское товарищество белорусской культуры будет носить имя Я. Черского [20, с. 2].

В конце июня 1999 г. на станции Олха иркутские белорусы провели традиционный национальный обряд «Купалле». Организовало этот красочный народный праздник Иркутское товарищество белорусской культуры им. Я. Черского. Председатель товарищества

О. Рудаков играл роль князя Купалиша. Большая культурная программа была подготовлена фольклорным коллективом «Ленушка» и участниками товарищества. Прошли историческая викторина, игра «Белорусские города», обряды вокруг традиционного костра. Главные идеи праздника – единение человека с природой, стремление к духовному совершенству и воспитание детей в родных культурных традициях [2, с. 3].

В 1999 г. в Иркутской области проживали представители свыше 100 народов. Самые многочисленные из них – это русские (2,5 млн. чел.). На втором месте были украинцы (97 тыс. чел.), буряты (77 тыс. чел.), 40 тыс. татар, 25 тыс. белорусов [7, с. 2].

Был создан вокальный ансамбль «Ленушка», в репертуаре которого и русские, и белорусские песни, начал работу детский ансамбль «Пралески». Особой гордостью стала газета «Маланка» («Молния»). Выходила она (на белорусском языке) регулярно почти полтора года. Уникальное, редчайшее в мире издание. Есть о ней особая статья даже в «Энциклопедии истории Беларуси», в Белорусском институте науки и истории в Нью-Йорке бережно ее подшивали. А когда в августе 1998 г. выпуски прекратились, директор института собственноручно написал в г. Иркутск: «Где газета?» Но она еще заблестит, иркутская «Маланка», О. Рудаков в этом был уверен.

Планировалось основать в г. Иркутске национальную библиотеку, создать молодежное объединение «Кривичи» (древние славянские предки белорусов). Была задумка собрать в союз предпринимателей, завязать с Белоруссией экономические связи. Началась работа по наведению мостов с белорусскими сообществами Сибири. Целью товарищества стало развитие и распространение информации именно о белорусской культуре [11, с. 3].

По данным на 2000 г., в Иркутской области проживало около 30 тыс. белорусов. Многие из переселенцев и вдалеке от родины сумели сохранить язык и обычаи, многовековую культуру своего народа. С образованием товарищества белорусской культуры эти тенденции еще более окрепли. В местах компактного проживания белорусов создавались отделения ИТБК.

Достойна признания, например, деятельность актива д. Тургеневка Баяндаевского района, который сумел объединить потомков белорусских переселенцев, здесь организовали даже свой фольк-

лорный коллектив. Присутствие троих делегатов в зале – свидетельство жизнеспособности тургеневского отделения ИТБК [8, с. 2].

Товариществом белорусской культуры были организованы и проведены обрядовые белорусские праздники: «Белорусские коляды» и «Вясну загукали» – зазывание весны. Уже традиционным стало проведение праздника Троицы в архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» на 47 км Байкальского тракта совместно с другими национальными славянскими центрами [19, с. 3].

В октябре 2002 г. в музее истории г. Иркутска открылась выставка «Белорусы в Иркутской области». Музей истории г. Иркутска традиционно проводил выставки, посвященные народам, проживающим на территории Иркутской области. Выставка рассказывала об особенностях национального быта белорусских переселенцев, о белорусах-участниках войны. На открытии выставки гости попробовали блюда национальной белорусской кухни. Фольклорный ансамбль «Ленушка» спел белорусские песни [6, с. 4].

Первые «Белорусские вечерки» и первая национальная тематическая молодежная дискотека прошли в г. Иркутске в декабре 2002 г., сообщил председатель рады Иркутского общества белорусской культуры им. Я. Черского О. Рудаков. Эти мероприятия стали первыми мероприятиями, реализуемых в рамках двух проектов, которые получили гранты Губернского собрания общественности Иркутской области в 2002 г. [16, с. 8].

В 2002 г. на территории нашей области, согласно официальным данным, проживало около 27 тыс. белорусов. Причем это уже четвертое-пятое поколение, идущее от переселенцев конца XIX в.

В марте 2002 г. в областном центре прошел пятый съезд Иркутского товарищества белорусской культуры им. Я. Черского (ИТБК). В работе съезда приняли участие делегаты из районных, городских и деревенских отделений ИТБК. Зарегистрированными членами Иркутского товарищества белорусской культуры являлись всего 152 чел. Хотя на самом деле белорусов, проживающих в Иркутской области, было гораздо больше [24, с. 2].

Начиная с 2001 г. Черемховское отделение Белорусского областного общества им. Я. Черского (председатель В. Ракито) проводило народный праздник купальской ночи в д. Инга, на берегу тихой холодной саянской р.Ингушки. Счастливая мысль проводить в

Инге народное гуляние в честь древнего славянского праздника пришла к В. Ракито, чистокровному белорусу, приехавшему после окончания института на машиностроительный завод. Сибирь стала его второй родиной. Василий вошел в областное общество белорусской культуры и возглавил Черемховское отделение [9, с. 2].

В марте 2005 г. в г. Иркутске прошел семинар «Основные направления организации социокультурной деятельности в национальных культурных центрах и национальных творческих коллективах». На занятия приехали представители белорусского национального центра из 19 муниципальных образований региона. На заседании «круглого стола» руководители центра обменялись опытом организационной работы. Они также посетили Иркутское товарищество белорусской культуры им. Я. Черского, где познакомились с белорусскими традициями, библиотекой, национальной газетой и творчеством музыкального ансамбля «Ленушка» [13, с. 3].

31 мая 2006 г. региональной общественной организации «Иркутское товарищество белорусской культуры им. Я. Черского» (РОО ИТБК) исполнилось 10 лет. 10 лет сибирские белорусы искали свои корни, восстанавливали историю своего народа, изучали свой язык, верования предков [20, с. 2].

В Ольхонском районе 25–26 июня 2006 г. состоялся белорусский праздник «Купала» [3, с. 7-8]. Праздник «Купалье» состоялся в купальскую ночь и в Иркутском районе. Мероприятие прошло недалеко от архитектурно-этнографического музея «Гальцы». В программе праздника были конкурсы, художественные номера, игры, хороводы, гадания на веночках, проводы русалок. Обрядам, которые провели члены товарищества, более 2 тыс. лет. «Купалье» состоится независимо от погоды. Приглашались все, кто хочет больше узнать о белорусской культуре [14, с. 9].

В рамках многотомной серии «Белорусское народное творчество» планировалось издание книги, посвящённой декоративному искусству белорусов Прибайкалья. Как сообщил председатель Иркутского товарищества белорусской культуры им. Я. Черского О. Рудаков, книга будет издана в Белоруссии в ближайшие годы. Идея издания книги принадлежала учёным Белорусской академии наук и Иркутскому товариществу белорусской культуры. Серия «Белорусское народное творчество» насчитывало около 80-ти томов, которые были изданы в течение нескольких десятков лет [4, с. 4].

– Белорусы – одни из самых верных хранителей своей древней культуры, – убеждён председатель товарищества О. Рудаков. Выходцы из теперь уже другой страны учили редкой, как и в давние времена, терпимости и уважению к «чужим». Иркутское товарищество белорусской культуры сплотило более 1 тыс. чел. (только в областном центре около 250). При вступлении никто не заглядывал в паспорт для определения национальной принадлежности, не «тестировал» на знание языка. На деле исконных белорусов в этой общественной организации не так уж много, но один из самых романтических и певучих народов умел заводить и ценить друзей [17, с. 3].

В 2007 г. численность белорусов в Иркутской области составила около 50 тыс. чел., в д. Андриюшино проживало 800 чел. Первоначально деревня действительно делилась на две части – Гродненскую и Витебскую стороны, по названию губерний, откуда приехали белорусы. Однако граница проходила не по реке, а по месту, где был клуб, а раньше была часовня. «Гродненские и витебские враждовали, поэтому свадьбы между молодыми с разных сторон не разрешались», – позже рассказала председатель совета белорусской культуры деревни Н. Кузнецова [1, с. 4].

В декабре 2010 г. в г. Иркутске состоялась научно-практическая конференция «100-летие Столыпинской реформы – самого массового переселения белорусов в Прибайкалье». Конференция была организована по инициативе Иркутского товарищества белорусской культуры имени Я. Черского. Обсудить проблемы, связанные с социальными процессами во время реформы, взаимоотношением белорусов с местным населением, культурной ассимиляцией, в г. Иркутск приехали учёные из Минска, Москвы, Новосибирска [15, с. 4].

Свою национальность указали 2,34 млн. чел., принявших участие во Всероссийской переписи населения 2010 г. В том числе бурятами себя назвали 3,3 % (77,67 тыс. чел.), украинцами – 1,3 % (30,83 тыс.), татарами – 22,88 тыс. чел. Кроме того, в регионе проживало 7,93 тыс. белорусов [26, с. 3].

В Баяндаевском районе белорусскую усадьбу в составе музейного комплекса планировалось достроить к лету 2012 г. Как рассказал председатель Иркутского товарищества белорусской культуры им. Я. Черского О. Рудаков, проект получил свое развитие благодаря поддержке вице-спикера Законодательного Собрания Иркут-

ской области Г. Истомина. Строительство музейного комплекса в целом приостановилось из-за отсутствия финансирования. По словам О. Рудакова, власти Баяндаевского района представили проект на федеральном уровне, и, возможно, дальнейшее финансирование начнется уже в начале 2012 г. «Но даже если нет, свою усадьбу мы достроим все равно», – подчеркнул О. Рудаков [23, с. 3].

Международный «Фестиваль славянских языков на Байкале» открылся в Иркутской области 13 августа 2012 г. и продлился до 21 августа. Его организаторы – кафедра русского языка и общего языкознания Иркутского государственного университета и Фонд М. Прохорова. На фестивале было представлено восемь славянских языков: белорусский, болгарский, польский, русский, сербский, словацкий, украинский и чешский. Минский профессор, научный сотрудник Белорусского государственного университета Е. Руденко прочитал лекцию «Что знали о счёте предки восточных славян» [22, с. 3].

Прибайкальские белорусы постоянно поддерживали связь со своей исторической родиной, но в 2014 г. эта непрерывная связь народов и поколений особенно рельефно просматривалась в последовательности событий, предшествовавших празднику. Праздник завершения урожая «Бохач» иркутские белорусы праздновали в начале октября 2014 г. в селе Тарнополь Балаганского района. Вернувшись с «Бохача» в Белоруссии, активисты Иркутского товарищества Я. Черского отправились в Марининское, на празднование «Дажынкі» [10, с. 2].

Белорусская община была открыта для культурного обмена – организаторы праздника, активисты региональной общественной организации «Иркутское товарищество белорусской культуры им. Я. Черского», отмечали, что в ночь на Ивана Купалу к ним приезжало всё больше людей, непосредственно с белорусской диаспорой никак не связанных, просто посмотреть, поучаствовать, познакомиться [25, с. 3].

Лето 2015 г. оказалось урожайным на этнографические праздники, обращение к духам предков и восстановление национальной идентичности. Началось всё с русского православного праздника Троицы в Анге, на малой родине святителя Иннокентия, продолжилось бурятскими Ёрдынскими играми, потом белорусы праздновали всю самую короткую ночь лета своё Купалье. И апогея

подобного рода мероприятия достигли в минувшие выходные в Заларях. Только в конкурсной программе показали себя 109 мастеров из 14 городов и районов области – Свирска, Черемхова, Саянска, Зиминского, Нукутского, Боханского и многих других районов [21, с. 2].

В областном центре, в предместье Марата, стояла белорусская хата, музей-мастерская. Несмотря на отдалённость от центра, в неё часто наведывались туристы. «Сегодня приезжали румыны, были в приятном шоке. В нашем музее собраны этнографические экспонаты. Можно увидеть старинные коловороты и другие интересные вещи. Культура ведь проявляется в прикладном искусстве. Это надо представлять», – отметил О. Рудаков [18, с. 4].

Байкальский международный фестиваль-выставка «Хоровод ремёсел на земле иркутской» прошел в августе 2016 г. на территории архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Его участниками стали более 170 представителей из 20 муниципальных образований Иркутской области, а также армянские, китайские, белорусские мастера. В числе участников были заявлены вокальные, фольклорные, хореографические и театральные коллективы [5, с. 4].

Несмотря на то, что белорусы оставались пятым по численности народом Прибайкалья, их число постепенно и повсеместно сокращалось. На это повлияло множество причин: и распад Союза, и экономический спад, и ассимиляция. Однако украинцы остаются важной составляющей культурной жизни Прибайкалья.

Деятельность различных этнических организаций помогала их членам не забывать свои корни, чтить память и знать историю. Но, наряду с позитивной динамикой, в жизни организаций были свои взлеты и падения. В данном процессе большую роль играла инициатива членов коллектива и позиция руководства.

Развитие различных объединений белорусов на территории Приангарья проходило не одинаково. И нынешний этап выживания некоммерческих объединений также весьма сложен. Поэтому, очень важно не потерять общего духа, позитивного настроения и желания помнить историю и донести ее до своих детей и внуков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арбузова Е. Сибиряки поневоле // Конкурент. – 2007. – 31 марта. – С.4.
2. Белорусский обряд на Олхе // Вост.-Сиб. правда. – 1999. – 30 июня. – С.3.
3. Бешнова Е. Приангарье – территория согласия // Иркутская неделя. – 2005. – 18–25 мая.

4. В белорусских традициях // Вечерний Иркутск. – 2007. – 21 авг. – С.4.
5. В «Хороводе ремёсел» // Иркутский репортер. – 2016. – 2 авг. – С.4.
6. Выставка сибирских белорусов // Вечерний Иркутск. – 2002. – 9 окт. – С.4.
7. Деньги для национальной политики // СМ-номер один. – 1999. – 20 апр. – С.2.
8. Загальский С. Съезд белорусов Приангарья // Вост.-Сиб. правда. – 2000. – 15 марта.
9. Ковальская Т. Живет деревня праздником // Черемховский рабочий. – 2005. – 13 июля.
10. Корк Б. Праздник урожая у белорусской Марии // Иркутский репортер. – 2014. – 30 сент.
11. Костанова Т. Забодай тебя коза! // Губерния. – 1999. – 19 янв. – С.3.
12. Крючкова Т. Сибирские белорусы // АиФ в Восточной Сибири. – 2002. – 2 февр. – С.3.
13. Культурных центров прибудет // Губерния. – 2005. – 2 марта. – С.3.
14. Купальские обряды // Иркутская неделя. – 2006. – 14–21 июня. – С.9.
15. Мутовина О. В поисках лучшей доли: 100 лет назад началась Столыпинская реформа // Вост.-Сиб. правда. – 2010. – 23 дек. – С.4.
16. На стыке диско и колядок // Иркутская неделя. 2002. 3–10 дек. – С.8.
17. Очищение огнём: иркутские белорусы устроили праздник в самую короткую ночь года // Вост.-Сиб. правда. – 2007. – 26 июня. – С. 3.
18. Петрова И. Национальные центры – это визитка Иркутска // Губерния. – 2015. – 25 авг.
19. Рудаков О. КАЛП Ласка запрашаем у «Тальцы»! // СМ-номер один. – 2000. – 11 сент.
20. Савченко А. Белые росы в Сибири // Губерния. – 2006. – 13 июля. – С.2.
22. Самый вкусный этнофестиваль // Иркутский репортер. – 2015. – 30 июня. – С.2.
23. Славяне едут на Байкал // Иркутский репортер. – 2012. – 4 авг. – С.3.
24. Строительство усадьбы возле Баяндая // Парламентские вести. – 2011. – 12 дек. – С.3.
25. Съезд местных белорусов // Вост.-Сиб. правда. – 2002. – 5 марта. – С.2.
26. Четыре чистки Ивана Купалы // Иркутский репортер. – 2014. – 24 июня. – С.3.
27. 91,4 % жителей области составляют русские // Иркутский репортер. – 2011. – 24 дек.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА КРЕСТЬЯН В АРЗАМАССКОМ УЕЗДЕ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)

Ирина Сергеевна Юрманова

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ,*

*магистрант кафедры истории, обществознания и права историко-
филологического факультета;*

*МБУК Музей «Природа» им. С.И. Трофимова Арзамасского района,
структурное подразделение Музейно-выставочный центр, научный сотрудник
Нижегородская область, Арзамасский р-н, р.п. Выездное;
e-mail: irenyurmanova@yandex.ru*

Научный руководитель – В.И. Грубов, к.и.н., доцент кафедры истории,
обществознания и права историко-филологического факультета
Арзамасского филиала ННГУ

В данной статье речь идет о некоторых сторонах семейного уклада крестьян Арзамасского уезда на рубеже XIX–XX вв., о его обрядах и традициях, связанных с природными, экономическими и социальными условиями проживания. Особо выделяется свадебный обряд, отражающий одно из наиболее ярких событий в жизни народа.

Ключевые слова: свадебный обряд; свадьба самоходкой; сватовство; смотрины; запой; приданое; перекрещенцы

Пожалуй, одним из самых ярких событий в жизни человека является свадьба. Веками народ оберегал свадебный обряд от вторжения цивилизации, сохраняя его в первозданном виде.

В Арзамасском уезде свадьбы играли рано. Дольше 19 лет в холостяках не засиживались. Как только парню исполнилось девятнадцать, его женили по принуждению родители – «дня не переждут». Сватали еще раньше: обычно за два года до свадьбы. Ранее XIX в. обычным делом был брак с девушками 12 лет (д. Котиха).

Сам свадебный обряд начинался со смотрин и сватовства. Но сначала сваты выясняли, отдавалась ли присмотренная девушка замуж. Если девица *отдашна*, проводили смотрины. Во время смотрин по прибытии сватов невеста с поклоном выходила на порог. Жених приходил с родней (8–10 человек). Осматривал невесту. В этот же момент выяснялось, согласны ли молодые на брак. При этом девушка свое согласие передавала молчанием, в то время как парень открыто мог сказать понять о своих намерениях.

После молодых сажали в горницу отдельно от народа. Невесту *пытали*, заставляя пройтись по комнате, посмотреть на сватов. Невеста в ответ тоже *пытала* своего жениха.

В это время родня готовила подарки жениху и невесте, это называлось *рядой*. На стол родня с обеих сторон выкладывала красный «кумашный» (кумачовый) платок, деньги, овчинный полушубок невесте, пониток (верхнее платье, кафтан), полушубок суконный, плисовую безрукавку, длинные летние полушубки плисовые, терновые (терн – тонкая шерсть [1, с. 78]), милитоновые (милистин, молескин – плотная хлопчатобумажная ткань с начесом [2, с. 161]), мыло, зеркальце, лапти, онучи, водку, пиво, солод, харчи (баранину, говядину). Все это действие называлось *малым запоем*, который проводился обычно за две недели до свадьбы.

У невесты к этому моменту уже было собрано приданое, которое обычно состояло из двух–трех синих сарафанов, столько же рукавов, одного–двух полотенец, одной столешницы (скатерти), для мужа готовилось 12 пар рубах и портов. В подарок родне мужа невеста обязательно приносила свое рукоделие: рубаху и порты для свекра, для свекрови – рубашку с становинками (вероятно, нижняя холщевая часть отрезной женской рубашки [1, с. 52]).

Одежда в свадебном обряде – это символическое согласие на брак. Так, невеста давала сватам в качестве задатка что-то из своей одежды, жениху или невесте в знак верности вручался подарок – заклад, невеста перед венчаньем носит сговоренный платок. Перед свадьбой девушки продавали жениху рубашку, сшитую невестой (это называлось «ходить с рубашкой») [3].

О значении одежды в обряде сватовства можно найти информацию и в воспоминаниях Н.Н. Шипова, крепостного Выездной казачьей слободы (ныне р.п. Выездное) тогдашнего Арзамасского уезда:

«На другой день, 5 ноября [1820 г. – *Авт.*], мы ожидали к себе рубашечницу, т.е. женщину из дома отца невесты за моей рубашкой, по образцу которой у невесты должны были нашиваться для меня рубашки. <...> В 3 часа пополудни приехала рубашечница, которая оказалась женой брата моего будущего тестя, т.е. родная тетка невесты. Тотчас мои родные вышли к ней навстречу, привели в горницу и начали усердно угощать. <...> ...эта новая сваха взяла мою рубашку и поехала в дом Ланина. Дорогою она непре-

менно должна петь песни. Невеста встречает ее на дворе и приглашает войти в комнату. Все это время жених и невеста еще не знакомы» [4].

Через неделю организовывался *коренной запой*. Угощение в этот раз было в доме жениха [5].

У Н.Н. Шипова читаем: «По отъезде рубашечницы мы собрались к невесте на смотренье. Со мной поехали дядя Феоктистов, называющийся с этого времени дружкой, и его жена. Мы взяли с собой фунтов 20 гостинцев, каждый фунт в особом свертке; кроме того, отец дал мне два полуимпериала, завернутые в бумажку, 5 рублей серебром в свертке и 5 рублей по одному рублю – в бумажках. <...> Приехали мы во двор к Ланину. <...> Меня посадили за стол, впереди; рядом со мною, по правую руку, сел священник и дядя, а по левую – тетка; далее поместились за столом родственники Ланина. На столе поставлен был сладкий пирог с разными украшениями. Несколько минут посидели молча; потом тетка моя начала: “Время нам посмотреть и пирожницу, которая для стола пирог готовила”, то есть невесту» [4].

Отметим, что стол играл в свадьбе важную роль. Посажение за стол – это особенно торжественный момент: «Как посадят за стол – свадьбы уже не минуешь», «можно попить-поесть да и разойтись подобру-здорову, и подарками разменяться, а если за стол посадили, тут уже окрутили, дело кончено: и запили, и запродали» (Арзамасский уезд, повсеместно). «Дело сговорённое», «дело столовое». Недаром о столовом сидении поется даже в свадебных песнях:

«Не сажай-ка меня, батюшка,

За дубовый стол,

Дубовый стол – разлушник мой

Разлучил меня с кормильцем-батюшкой...» [6].

Далее устраивали *девишник* в доме у жениха, на который шла вся молодежь села, семейные люди, вся родня жениха и невесты. Гостей бывало обычно 70–80 человек.

На другой день после девишника была сама свадьба.

В с. Большое Туманово на свадьбе дружка обходил свадебный поезд шесть раз и читал молитву «Да воскресну». В качестве оберегов широко использовались металлические предметы, особенно иголки и булавки. В некоторых селах невесте в одежду втыкали девять иголок – оберег от порчи [5].

Венчались молодые, держась за платок, второй платок соединял руки жениха и дружки.

Еще одной старинной традицией на рубеже XIX–XX вв. была стрельба из ружей. Стреляли в день свадьбы трижды: когда жених выезжал за невестой, когда подъезжали ко двору невесты, и третий раз – когда подвозили невесту. Это пережиток традиции похищения невесты.

На другой день бабы разносили *сыр* (подарки молодым [7, с. 148]). Молодым клали на поднос подарки – *на обзаведенье*, в ответ молодые благодарили поклоном.

Масленая неделя для молодых была особенной. В четверг со всех сторон собирались новожены в Стёксово на ярмарку. Молодожены старались не пропускать маслennyй торг: «Отец родной помирай, и его молодые бросят, а в Стёксово отправятся». По субботам на масленой неделе базар был в Большом Туманове, на который молодожены также стремились попасть обязательно.

На масленой неделе в народе принято кататься с горки, в субботу катали молодых. «Кто не катаны, кто не катаны?», – кричали на горе. Новоженов хватали и сажали в санки, приказывая мужу посадить свою молодую жену на колени и целоваться. Если молодые сопротивлялись, их принуждали соблюсти обычай.

На Масленицу обычно молодожены ездили *отвязываться* к родителям жены и привозили с собой каравай хлеба. А те в ответ покупали им расписную посуду – деревянную чашку с двумя ложками как символ отдельного существования.

Нередко замуж в Арзамасском уезде выходили *самокруткой*, то есть без благословения родителей. Об этом сохранились указания и в песнях:

«Во пятницу сосватали,
Во субботу запили,
В воскресенье ко венцу,
Не сказались мать-отцу,
Приехали от венца,
Взяли пива и винца...» [5].

Воля родительская в Арзамасском уезде часто игнорировалась. Молодежь здесь неохотно подчинялась каким-либо правилам. При первом же отказе благословить на брак девушка сбегала и выходила замуж тайно.

После же самовольного венчания нужно повиниться перед родителями, поэтому за венчанием следовала *покура*. Когда дело уже сделано – свадьба сыграна, молодые со всем свадебным поездом, в том числе и с родителями жениха, шли к дому родителей невесты, падали на колени и не вставали, пока не получали прощения. В некоторых селах уезда родителям невесты несли водку и подарки для примирения. Итогом примирения становилась свадьба по всем правилам обряда.

Иногда *самовыходки* и свадьбу не справляли по причине бедности, и только если над молодыми начинали смеяться, то гулянку все-таки справляли, но уже позже. Мир тут как бы принуждал к мирскому «узакониванию», *показательству*, брачных отношений [5].

Публичная покура и как итог свадьба по правилам означало так или иначе признание миром брака молодых. Однако не всегда покура заканчивалась примирением с родителями. Так, в Чернухе молодых, обвенчавшихся без благословения родителей, выселяли на край села. В обиходе до сих пор существует неофициальное название улицы Свердлова – *Выселки*, куда отселяли непокорных молодых в знак неприятия их брака. Скорее всего, это связано с большим количеством старообрядцев разного толка в Чернухе и с более строгими правилами у них.

Однако несмотря на строгость правил, тайное венчание довольно часто встречалось и в старообрядческой среде, причем зачастую вступавшие в брак отправлялись венчаться не к старообрядческому, а к православному священнику, считая, что в этом случае молодых родители уже не разведут. В Чернухе за вечер бывало тайное венчание более пяти–шести пар: «Так гуськом на папертях и стоят, очереди ждут, почитай, все разом окручаются» (с. Чернуха).

У *перекрещенцев* (под этим общим названием понимается целый ряд толков беспоповского старообрядчества, последователи которых принимали переходивших к ним из Православной церкви по т.н. первому чину, совершая над ними повторное крещение. Такая практика объяснялась представлением о том, что все духовенство Православной церкви, приняв «новый обряд», перешло на службу Антихристу, – следовательно, никакое таинство, совершенное православным священником, не может считаться действительным) обычным делом была погоня за самоходками, которая часто

заканчивалась кровью. Родственники девушки всеми силами старались отбить невесту. Если же догнать беглецов не удавалось, то через пару дней после венчания молодые отправлялись просить прощения у родителей девушки, кланялись им в ноги. Нередко родители за послушание лишали дочь приданого, иногда лишали ее и прощения, часто молодых пороли.

Анна Добротина, жена земского доктора, с которым она приехала в Чернуху в 1890 г., была однажды приглашена на старообрядческую свадьбу «самокруткой». Вот как она описывает процесс тайного венчания и впечатления от него в своих воспоминаниях: «Помню случай “самокрутки”, то есть свадьбы “уходом”. <...> У молодых колец не было, взяли на время наши. Было уже совсем темно, и мы, как тени, вошли в церковь. Там, впущенные сторожем, жались к стенам жених и невеста. В церкви горела одна свеча, и когда шел отец Павел, свету не принесли, он, наказав сторожу запретить на замок церковные двери снаружи, начал службу. <...> Венчались с нашими кольцами, без фаты и прочих атрибутов. Но в абсолютной темноте церкви, освещенной лишь одной копеечной свечкой, было что-то необычайно мистическое, и я долго не могла оправиться от этого впечатления.

Обидно было за эту молодую пару, которой пришлось начинать свою жизнь не со светлого радостного веселья свадебного вечера, а в мерцании одной тоненькой свечки, с чужими кольцами, без веселого колокольного звона увозивших домой молодых нарядных троек.

Что ждало их дальше? Плети! По возвращении домой повинились перед родителями жениха и невесты, они должны оба, упав на колени перед отцом и матерью, перенести побои плетью и пинки ногами. У них так было. Оба были староверы, а венчались в православной церкви, чтобы этот брак был прочен. Староверческое венчание можно было расторгнуть, а наше нельзя» [8].

В целом же, свадебные традиции старообрядцев мало отличались от православных. К брачному возрасту у каждой девушки собиралось приданое: одежда, постельные принадлежности, домашняя утварь, кровать. В зажиточных семьях отец мог позволить себе купить дочери мебель, посуду. Вот описание девичьего приданого в романе П. Мельникова-Печерского «В лесах»: «А тут подоспели Парашины сборы. В один чемодан всего не убрать, другой прихва-

тили... Одного платья что брала... Платки левантиновые, две шали турецкие, лент в косу десятка два, передники всякие, рукава, сарафанов дюжины полторы: ситцевые для прохлады, шерстяные для обиходу, шелковые для наряду в часовню аль при гостях надеть...» [9].

У перекрещенцев не бывало развода. Они, вероятно, не принимали его даже в рамках, разрешенных законом. Так, прелюбодение супруга никак не влияло на отношения между супругами: «Пускай детей чужих пригуливает, а развести вас нельзя» (с. Чернуха, с. Ковакса).

Однако при большом желании повенчанные у перекрещенцев находили развод в обход канонов, обращаясь за этим опять же к православному священнику.

Редко, но бывало, что молодая самовольно уходила от мужа к своим родителям. Как правило, те старались вернуть ее мужу. В Арзамасском уезде бытовала история об одной девушке, которая самовольно ушла от мужа-перекрещенца к матери и жила у нее три года. Волосник (головной убор замужней женщины в Арзамасском уезде [3]) свой она сбросила и объявила себя девкой. Но мать, приложив все старания, все-таки свела дочь снова с законным супругом [5].

В современных условиях, когда большинство старинных народных обычаев забывается и исчезает, свадебный ритуал живет и не умирает. Свадьба как обряд и сегодня представляет живой интерес. На протяжении многих веков народ держится ее крепко, подогревая тем самым живой интерес к изучению старинного свадебного обряда [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь русских народных говоров. Выпуск 41 / Сост.: Н.И. Андреева-Васина, Е.В. Колосько, О.Н. Крылова; гл. ред. Ф.П. Сороколетов, ред. О.Д. Кузнецова. – СПб: Наука, 2007. <https://iling.spb.ru/dictionaries/srng/41.pdf>
2. Словарь русских народных говоров. Выпуск 18 / Сост.: Н.И. Андреева-Васина, О.Д. Кузнецова, А.Ф. Марецкая и др.; гл. ред. Ф.П. Филин, ред. Ф.П. Сороколетов. – Л.: Наука, 1982. https://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng_18.pdf
3. Никифорова О.В. Наименования одежды в Нижегородской свадебной лексике: лингвокультурологический аспект // Приволжский научный вестник. – 2013. – и№8 (24), т. 2 <https://cyberleninka.ru/article/n/naimenovaniya-odezhdy-v-nizhegorodskoy-svadebnoy-leksike-lingvokulturologicheskiy-aspekt/viewer>

4. Шипов Н.Н. История моей жизни и моих странствий // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. – СПб., 1881. – № 5, май. – С. 141–148 <https://runivers.ru/bookreader/book199515/#page/148/mode/1up>

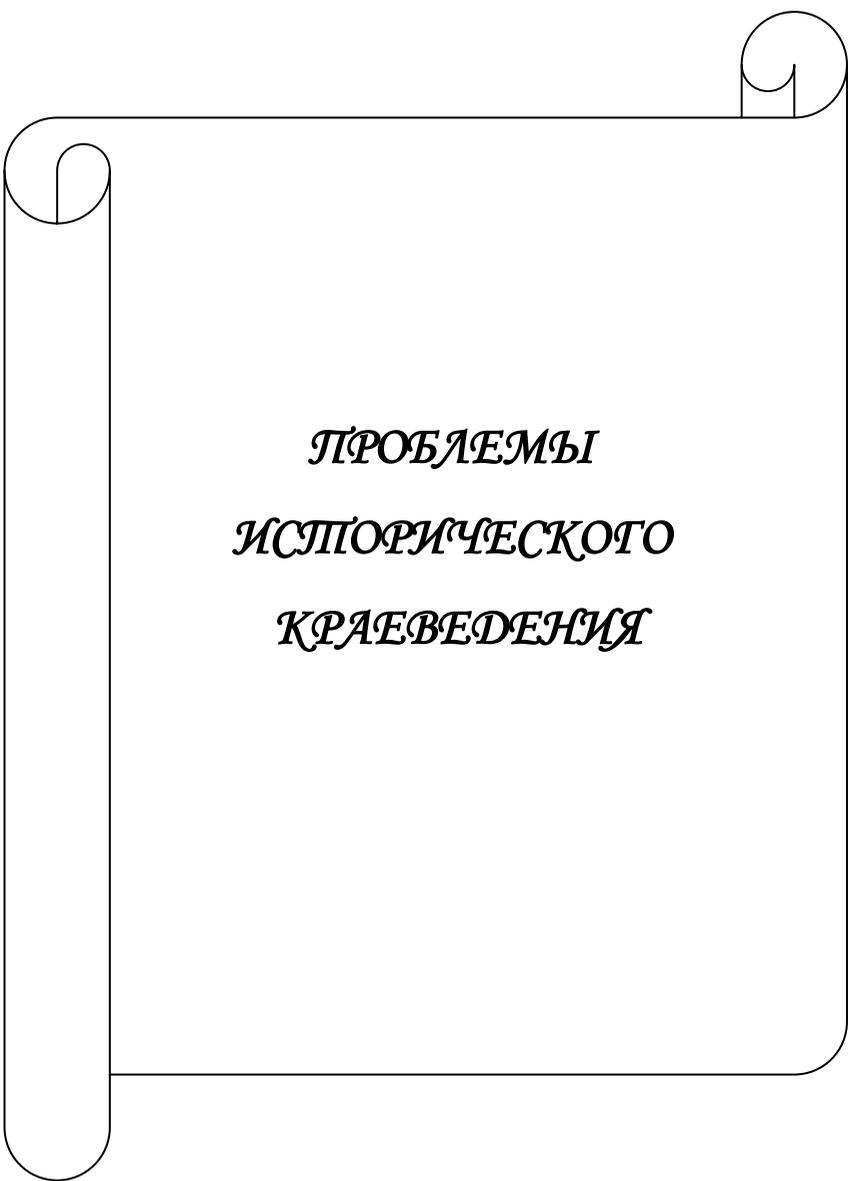
5. Пономарев С. Очерки народного быта // Северный вестник. – СПб., 1887. – № 2, февраль. – С. 45–63. https://viewer.rusneb.ru/ru/005664_000048_RuPRLIB12050138?page=5&rotate=0&theme=white

6. Пономарев С. Очерки народного быта // Северный вестник. – СПб., 1890. – № 5, май. – С. 58–81. https://viewer.rusneb.ru/ru/005664_000048_RuPRLIB12053993?page=1&rotate=0&theme=white

7. Словарь русских народных говоров. Выпуск 43 / Сост.: Н.И. Андреева-Васина, И.В. Бакланова, Е.В. Колосько и др.; гл. ред. Ф.П. Сороколетов, ред. С.А. Мызников. – СПб: Наука, 2010. https://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng_43.pdf

8. Добротина А. На грани столетий. – Чернуха: Чернухинская участковая больница, 1990.

9. Мельников-Печерский П.И. В лесах. Книга 1. – М., 2015.

*ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО
КРАЕВЕДЕНИЯ*

**ОБ ОПЫТЕ ПРИМЕНЕНИЯ ЛОКАЛЬНОГО
МЕТОДА В ТРУДАХ В.И. СНЕЖНЕВСКОГО
ПО ИЗУЧЕНИЮ КРЕПОСТНИЧЕСТВА
АРЗАМАССКОГО КРАЯ**

Олег Евгеньевич Андреев

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ,
к.и.н., старший преподаватель кафедры экономики, управления и информатики
Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: andreevoe@yandex.ru*

В статье автором рассматривается вопрос о применении локального метода в трудах В.И. Снежневского и его влияния на формирование и развитие местной историографической традиции Арзамасского края.

Ключевые слова: В.И. Снежневский; локальный метод; крепостничество; местная история; провинциальная историография

Период середины и второй половины XIX века в отечественной историографии ознаменован поворотом в предмете изучения национальной истории от государства и его правителей в сторону изучения истории народа, народных движений, локальных («областных») особенностей социального и хозяйственного развития. Главным историческим условием такого поворота становится возрастание научного и общественного понимания необходимости переключения с изучения государственной политической конструкции и обращения к социальной истории.

Общественный интерес к данному предмету в значительной степени был обусловлен масштабной работой по расширению исследователями источниковой базы для краеведческого изучения. «Местная история» в данный период времени по праву занимает одно из влиятельных мест в отечественной историографии. Открытие новых источников и публикация краеведческих материалов охватывает в то время все области и окраины России. Огромное значение для местной истории и источниковедения во второй половине XIX века имела деятельность губернских ученых архивных комиссий. С этого момента можно говорить о научном становлении и развитии местной историографической традиции в России как свершившемся факте [1].

В сферу научного исторического исследования приходит «локальный метод» [2]. Свою научную формулировку и характеристику данного метода в свое время дал советский историк, выдающийся-

ся нижегородец Сергей Иванович Архангельский, работавший над теорией краеведения [7, с. 151]. С.И. Архангельским сделан неоспоримый вывод о том, что локальные исследования необходимы не только для краеведения, но и для исторической науки в целом. По его мнению, следовало создавать из локальных исследований «опорные пункты» для более широкого изучения различных вопросов истории страны [7, с. 151]. Биография, научное и творческое наследие в целом, а также вопросы, связанные с краеведческими разработками С.И. Архангельского, хорошо изучены нижегородскими исследователями и заслуженно продолжают являться объектом научного и общественного внимания.

Несмотря на то, что данная сфера является предметом отдельных научных исследований, в свете рассматриваемой проблемы следует коснуться его вклада в изучение локального метода применительно практики нижегородского краеведения на рубеже XIX-XX веков. В сферу научного внимания С.И. Архангельского закономерно попал А.С. Гациский, по праву считающийся «основоположником нижегородского краеведения». Краеведческая деятельность Гациского рассматривается С.И. Архангельским в рамках одного из трех этапов (2 этап – 60-80-е гг. XIX в.) развития краеведческой мысли в Нижегородской губернии в XIX в. Ему предшествовал период деятельности П.И. Мельникова (1 этап – 40-50-е гг. XIX в.), а заключительный он посвятил деятельности В.Г. Короленко. По мнению С.И. Архангельского, на становление краеведческой деятельности А.С. Гациского оказала теория областничества А.П. Щапова. Влияние последнего на взгляды Гациского, позволяло говорить ему об их тесной «связке». Ключевым считалось мнение Щапова о том, «что русская история есть история народных масс; чем и обусловлен, в первую очередь, интерес к общине, а не к государственности, бюрократии, политической истории» [3, с. 345-346].

«Локальный метод» (в понимании С.И. Архангельского) определил специфику работы мелких исследователей, которая велась в рамках губернских архивных комиссий, а также работу земских статистических бюро, в которых отражалась текущая жизнь деревни. Земские статистические исследования, таким образом, получили значение исторических документов и исторических изысканий по тем явлениям социальной жизни, к которым они относились [3, с. 346].

В связи с вышесказанным, следует отметить значение публикации Нижегородской губернской ученой архивной комиссией (НГУАК) богатого по содержанию актового материала раскрывающего картину многих социальных явлений в жизни Нижегородского края, Арзамасской земли.

В вопросах изучения истории Арзамасской земли невозможно не отметить масштабный вклад кропотливой, исследовательской, созидательной работы многих членов Нижегородской губернской архивной ученой комиссии, и, в частности, ее правителя дел Виктора Ивановича Снежневского (1861-1907) [1, с. 122-123].

Современники, коллеги и единомышленники писали о нем как о неутомимом архивисте-исследователе, всей душой отдававшемся работе. Только в течение нескольких лет им была осуществлена работа по разборке и составлению описей архивных дел, и за 1889-1894 годы. Объем данной работы представлял собой систематизацию 3000 дел из общей массы числом в 150000 дел [5, с. 140].

Исследовательская деятельность В.И. Снежневского в свое время была отмечена А.С. Гацисским, В.Г. Короленко. По словам последнего: «Из всех журнальных работ В.И. Снежневского следует указать на статьи из истории нижегородского крестьянства во время крепостного права, а также эпизоды из времени освобождения крестьян, которые в свое время были замечены в исторической и общей прессе» [6, с. 19].

Данный аспект творчества Виктора Ивановича Снежневского представляет интерес для более глубокого исследования на местных материалах социально-экономических процессов, развивающихся в период середины и второй половины XIX века на территории Нижегородской губернии. Изучение темы крепостничества в Арзамасском крае в его трудах, составленных на основе описей уездных судов, а также систематизации изученных источников, создало условия для составления научной картины данного явления, раскрываемого посредством локально-исторического исследования [8; 9].

Предметом краеведческой деятельности В.И. Снежневского в свое время становится изучение явления крепостного состояния в Нижегородской губернии, освещение которого занимает в историографии края достойное место, а его оценки нашли отражение в многочисленных публикациях, посвященным его творчеству [12].

Вспоминания о жизни и трудах Виктора Ивановича Снежневского заслуживают отдельного научного исследования. В воспоминаниях современника А. Звездина с большим уважением к кропотливому труду исследователя отмечается: «В частности в материалах по истории крепостного права он с особенной настойчивостью выделял вопрос о морально-правовом и экономическом положении крепостных людей, в особенности крестьянства, которое безропотно выносило на своих плечах крепостной гнет. И это не случайность. В предпочтительном выборе данных материалов и вопросов сказались не только личные взгляды и убеждения В. И – ча, но и его доброе, отзывчивое, сострадательное сердце» [4, с.24].

Перед читателем, который знакомился с картиной быта крепостной России из документов Арзамасского уездного суда, предстает ужасное социальное явление во всех подробностях, свойственных ему повсеместно. Прежде всего, на что обращает внимание В.И. Снежневский, это ничем не ограниченный произвол помещиков в отношении крестьян. Именно он является главной темой судебных разбирательств и показывается с точки зрения ведущих их местных властных органов. Как следует заметить, рассмотрение дел о притеснении крестьян не всегда обращалось в пользу помещиков. Об этом свидетельствуют некоторые материалы, которые приведены в опубликованных материалах. Кроме помещичьих злоупотреблений, в приведенных в «Описи» документах сообщается и о других сторонах крепостного быта. В частности, сообщается о межевых делах, крестьянских выступлениях, о многочисленных случаях побегов, делах, связанных с нарушением различных положений касающихся крепостных крестьян и их семей. Весьма интересными являются упоминания фактов неповиновения помещиков уездным и губернским властям [1, с.123-124].

В работе «К истории побегов крепостных в последней четверти XVIII и в XIX столетиях» [10; 11] В.И. Снежневский писал: «...материалом для настоящего очерка послужили дела старых уездных судов нижегородского округа, а потом губерний, находящиеся в историческом архиве нижегородской ученой архивной комиссии» [1, с.125-126].

Развивая тему побегов крепостных крестьян, В.И. Снежневский описывает дело о побеге в 1831 году крестьянина Н. Шипова,

уроженца села Выездное Арзамасского уезда, принадлежащего помещику Салтыкову [12].

Исследование В.И. Снежневским явления крепостного состояния на территории Арзамасского края вполне вписывается в характеристику «локального метода», данную С.И. Архангельским. По его мнению предполагается, что для изучения собираются факты узкого района, который может определяться людским поселением, бытованием определенной этнографической группы, административным делением, хозяйственными и географическими признаками, обособляющими район из ряда других. Таким образом, выделение фактов узкого района предполагает их детальное обследование, их всесторонний охват исследующей мыслью. Затем, согласно С.И. Архангельскому, следует введение новых установленных фактов в общий научный оборот, что обычно приводит, если новых фактов накопилось достаточно, к пересмотру старых схем и построению новых на основе вновь добытого материала [2, с.194].

Исследование В.И. Снежневским явления крепостничества на территории Арзамасского края и перенос изучения проблемы в рамки общероссийского масштаба позволяет говорить об успешном применении им локального исторического метода в том смысле, в котором он трактовался С.И. Архангельским в ранней советской историографии. Как единомышленник и последователь исторической традиции краеведения, заложенной А.С. Гациским, В.И. Снежневский и его творчество в полной мере соответствуют современному научному представлению о локальном историческом исследовании и его методах. Таким образом, следует подчеркнуть, что исследовательская деятельность В.И. Снежневского значительно обогатила опыт исторического изучения социально значимых явлений Нижегородской губернии и с полным основанием заслуживает рассмотрения в ракурсе становления и развития «провинциальной историографии».

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев О.Е. К вопросу о деятельности Нижегородской губернской ученой архивной комиссии и ее роли в развитии «провинциальной историографии» Арзамасского края // Вопросы исторического и экологического краеведения. Вып. 3. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2022. – С.122-127
2. Архангельский С.[И.] Локальный метод в исторической науке // Краеведение. – 1927. – № 2. – С. 181-194 // Адрес доступа: <http://opentextnn.ru/old/history/index.html?id=3131>

3. Егорова Н. П. Наследие нижегородского краеведа А. С. Гацкого в оценке С. И. Архангельского // Диалог со временем. – 2012. – Вып. 40. – С. 345-352 /Адрес доступа: https://roii.ru/publications/dialogue/article/40_21/yegorova_n.p./the-works-by-a-local-historian-of-nizhny-novgorod-a-s-gatskiy-in-the-reappraisal-of-s-i-archangelsky

4. Звездин А. Памяти В.И. Снежневского // Сборник Нижегородской губернской ученой комиссии. Т. VII. – Н. Новгород, 1908.

5. Каптерев Л. Страницы из нижегородской историографии // Открытый текст [Электронное периодическое издание]. – Адрес доступа: <http://opentextnn.ru/history/historiography/kapterev-l-stranicy-iz-nizhegorodskoj-istoriografii/>

6. Короленко В.Г. Памяти Виктора Ивановича Снежневского //Сборник Нижегородской губернской ученой комиссии. Т. VII. – Н. Новгород, 1908.

7. Седов А.В. Вклад С.И. Архангельского в изучение аграрной истории Нижегородского края // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2009. – № 2. – С. 151-155.

8. Снежневский В.И. Описание делам Арзамасского уездного суда (1785-1803) // Действия НГУАК. Т. I. Вып.5. – Н.Новгород, 1889.

9. Снежневский В.И. Дело о застрелившемся в 1828 году ученике академика А.В. Ступина, дворовом человеке г. Гладкова, Григории Мясникове. В.И. Снежневского. (Приложение к заседанию 26 мая 1889 года, стр. 120) // Описание делам Арзамасского уездного суда // Действия НГУАК. Т.1. – Н.Новгород, 1889

10. Снежневский В.И. К истории побегов крепостных в последней четверти XVIII и в XIX столетиях //Нижегородский сборник. Т.Х. – Н. Новгород, 1891.

11. Снежневский В.И. Крепостные крестьяне и помещики Нижегородской губернии накануне реформы 19 февраля 1861 г. и первые годы после нее // Действия Нижегородской ГУАК. Т. 3. – Н. Новгород, 1898.

12. Ярем барщины старинной... Крепостничество Нижегородского Поволжья в документах, исследованиях, мемуарах, художественной литературе и фольклоре: сборник/ Авт. проекта Ю.А.Курдин; сост., вступ. ст., примеч. Ю.А. Курдин, О.Е. Андреев, А.А. Исаков; науч. ред. Е.П. Титков; АГПИ. – Арзамас: АГПИ, 2011. – 614 с.

ПАМЯТНИК КУЛЬТУРНОГО ЗНАЧЕНИЯ – ПОЧИНКОВСКИЙ КОННЫЙ ЗАВОД №23

Мария Александровна Беготова

*ГБОУ Починковский сельскохозяйственный техникум,
преподаватель истории,*

Нижегородская обл., с. Починки; e-mail: Begoutova.mariya@yandex.ru

Статья представляет собой обобщенный экскурс в историю становления в с. Починки конного завода. Комплекс застройки территории завода является объектом культурного наследия России. Одно из важных достижений в работе советских селекционеров было сделано на Починковском конном заводе № 23. Именно здесь 70 лет назад была выведена порода лошадей «советский тяжеловоз». Значительный вклад в развитие как военной, так и мирной жизни в Российской

империи внес конный завод, обеспечивая поставку на фронт лошадей и пополнение конных отрядов. Продолжив свое существование в советское время, завод выстоял и в 90-е годы XX века. Когда многие заводы, где разводили тяжеловозные породы лошадей, пришли в упадок. В настоящее время Починковский конный завод является старейшим конным заводом в стране из сохранившихся.

Ключевые слова: Починковский конный завод № 23; архитектор Кутепов А.С.; порода «советский тяжеловоз»; селекционная работа

В 2022 году исполняется 70 лет со дня государственной регистрации рожденной на починковских просторах породы лошадей «советский тяжеловоз».

История возникновения коневодства в селе Починки берет свое начало с появления первых конюшен боярина Бориса Ивановича Морозова. На конюшенном дворе насчитывалось 68 «стоялых аргамачих и нагайских жеребцов, и коней, и меринов, и кобылиц ногайских, и стадных и русских жеребят» [7, с. 190].

Конный завод продолжил свое развитие уже в XVIII веке. В своей работе по истории Починковского конного завода педагог, краевед А.М. Рожалин отмечает: «В 1732 году обер-шталмейстер А.П. Вольнский, по указу императрицы Анны Иоанновны, подбирал места, “кои удобны для конских заводов”». В списке мест сенат утвердил Починковскую волость Нижегородской губернии. В 1732 г. в Починки приехал «конструктор», снял план левобережья реки Рудни с заводом, потребовал отремонтировать старую конюшню и уехал. В 1739 г. смотритель поташной конторы Лодыгин, по распоряжению А.П. Вольского, отобрал 20 крестьянских и 3 дьячковских детей 15-20 лет, снял их с подушного обложения и отправил их учиться в Москву на конюхов и ветеринаров. Парней одели в сермяжные мундиры, выдали кормовые деньги и повезли с поташным обозом в Москву. Через год вернулись конюхи, а через 2 года – ветеринары. В 1744 г. из Ямполья прибыл табун коней, которых разместили в старой конюшне. По указу Елизаветы Петровны завод должен был поставлять лошадей не армейским драгунам, а лейб-гвардии конному полку» [5, с. 17].

Первоначально было построено четыре линии конюшен. Первая линия была для содержания маленьких жеребцов, затем там же содержали табунных кобыл. Во второй линии конюшен содержались «жеребые кобылы». В так называемой «мериновой» третьей

линии содержались лошади, которых готовили для кавалерийских полков. Четверную линию конюшен занимали «жеребые» кобылы.

«Здание имело форму квадрата с четырьмя рублеными башнями по углам. На каждой башне на шпиле был установлен конь-флюгер. Четыре стороны квадрата делились пополам выездными воротами, образуя 8 двухрядных конюшен с капитальной стеной в середине. С двух сторон здания на полсажени друг от друга тянулись полукруглые оконца. Внутри квадрата конюшен – манеж. Все постройки возведены из мощных дубовых бревен, расколотых пополам и покрытых по верху лубом» [5, с. 18].

Указом Елизаветы Петровны от 18 сентября 1760 г. вместе с конным заводом во владение лейб-гвардейского полка была отдана вся Починковская волость. Основная цель конного завода в этот период составляла – выращивание верховой полукровной лошади для комплектования кавалерийских частей.

По воцелению императора Павла I на престол, в 1796 г. все придворные заводы, вместе с Починковским конным заводом были изъяты из ведения Придворной конюшенной конторы и переданы вновь учрежденной «Экспедиции государственных конских заводов».

Приписанные к заводу крестьяне обязаны были платить оброк на содержание завода, а также выполнять натуральные повинности. Заводу были переданы во владения пастбища и леса по левому берегу р. Рудня, которыми раньше пользовались крестьяне с Починок, с. Байково, с. Новоспасского, с. Дивеева Усада и Шишадеева. Крестьяне указанных сел неоднократно обращались с жалобами в правительственные учреждения о незаконном изъятии обрабатывавшихся ими земель в пользу конезавода, однако эти жалобы оставались без удовлетворения.

До начала XIX в. на заводе работали только приписанные к нему крепостные крестьяне, численность которых в 1797 г. составляла 15007 человек. В начале же XIX в. на завод, кроме крепостных, стали присылать рекрутов вместо службы в армии [1, с. 17-18].

С началом Отечественной войны 1812 г., перед страной встала задача восстановить конский состав по количеству и качеству поголовья. С 1819 года Починковский конный завод начал иметь статус военного. В его задачу входило снабжение строевыми лошадьми гвардейских полков.

К концу царствования императора Александра I всего военных конных заводов было 17, из них 11 заводов расположены в военных поселениях, остальные же 6 составляли: Деркульский, Стрелецкий, Лимаревский, Ново-Александровский, Починковский и Скопинский заводы с количеством до 182 жеребцов с 2200 матками. Починковский завод в отдельные годы имел 300 кобыл, а всего 1200 – 1300 лошадей.

В 1829 г. упразднены два старейших Дворцовых завода Хорошевский и Гавриловский. Несмотря на ряд реорганизаций в коннозаводстве России, положение с лошастью остается неудовлетворительным и 7 января 1843 г. император Александр I в своем указе повелел: «Императорские военно-конские заводы, со всеми их способами, предназначить для улучшения коннозаводства в государстве» [2, с. 13].

При смотрителе, Карачарове Иване Андреевиче, здание Починковского конного завода значительно изменилось. Вся территория Коннозаводской Слободы была значительно расширена и перестроена. Появились новые улицы Карачаровка (в настоящее время улица Садовая) и Нижегородская (улица Красная). Сам завод был возведен из кирпича, крыши зданий были покрыты железом.

Конюшни имеют вид замкнутого квадрата размером 250x250 м с четырьмя манежами по углам. С северо-восточной стороны расположен главный въезд, акцентированный башней. Внутри замкнутого конюшенного двора расположены манеж и два амбара выстроенные в кирпиче. Перед башней расположен заводской ипподром. Вдоль дороги были выстроены хозяйственные постройки, ветеринарный лазарет и пять жилых 2-х этажных домов с мезонионами.

Весь коннозаводской комплекс отнесен к уникальным в архитектурном отношении памятникам и сооружениям русского зодчества. Архитектором данного памятника культурного значения является Кутепов Александр Сергеевич. Им была выполнена серия рисунков усадьбы Гребнево кн. А.М. Голицына в Подмоскowie, генеральный план строений Конного двора в Бронницах. Кутепов А.С. являлся архитектором Московского конюшенного отдела и многих других строений.

Проект Починковского конезавода пока не найден, но авторство Кутепова установлено по документам из заводского архива. В

рапорте Карачарова за 1818 г. говорится следующее. «При бытности здесь от его высокородия, господина 5-го класса и кавалера Дмитрия Ивановича Бакаева объявлено мне, что его превосходительство двора Его Императорского Величества господина штальмейстера, военных конских заводов главный директор и кавалер Александр Рицерович Козенс приказать изволил, чтоб у построенной по плану архитектора Кутепова манежа поперечную от запада стену сломать и прибавить в длину пять сажень, вследствие чего, прибывшими для кладки мастеровыми людьми минувшего апреля 28 числа разломка та начата и по окончанию имеет быть производиться оной манежа 20 строение». По неизвестной причине Кутепов не опубликовал проект Починковского конезавода в своем альбоме 1859 г. среди 30 других проектов. Вероятно, описываемый проект корректировался во время строительства Петербургским управлением коннозаводства. Существует предположение, пока не документированное, что по проектам Кутепова также были построены Александровский, Гаврило-Посадский и ряд других конных заводов [3, с. 8].

В 2009 г. архитекторами Агафоновой И.С., Давыдовой А.А. и другими был составлен план паспорта объекта культурного наследия, комплекса Починковского конного завода. В котором подчеркнута значение данного архитектурного памятника.

Комплекс конного завода имеет высокое градоформирующее значение как достаточно целостное крупное градостроительное образование в структуре рабочего поселка Починки. Представляет собой замечательный пример классицистического ансамбля, выстроенного по единому архитектурному замыслу в органичной связи с окружающим природным ландшафтом, характеризующегося высокой степенью сохранности композиционной структуры и облика главных построек, их высоким архитектурно-художественным качеством. Конезавод является уникальным архитектурным комплексом преемственно и логично развивавшегося до недавнего времени предприятия. За столетия он не изменил своего первоначального функционального назначения [4].

В 1848 г. архитектором государственного Починковского конезавода был назначен Август Иванович Шеффер (1801-1850-е гг.). Архитектор Шеффер приехал в 1819 г. в Нижний Новгород в качестве помощника А. Бетанкура для строительства ярмарочного ком-

плекса. С 1833 г. он являлся членом строительного комитета, с 1836 г. – помощником губернского архитектора [6, с. 126].

В 1865 году в Починках организуется государственная конюшня, на которой стала выращиваться рысистая порода. Жеребцы были набраны из ранее расформированного Починковского конного завода, а также верховые жеребцы из бывших владений графа А.Г. Орлова-Чесменского. Затем стала выращиваться и тяжелая порода лошадей, так называемые тяжеловозы. Тяжеловозные жеребцы закупаются главным образом за границей. Закуплено было несколько жеребцов из Бельгии, в провинции Брабант, а отсюда происходило и название породы лошадей – брабансоны [1, с. 23].

Починковские коневоды в течение многих лет упорно продолжали селекцию, скрещивая бельгийских лошадей с другими породами тяжелоупряжных лошадей (першероны, арденны и суффолки). Существенный вклад в усовершенствование селекции внес профессор Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева Д.А. Кисловский. Директор Починковского конного завода № 23 Иван Алексеевич Анцин вместе с другими тружениками завода создали большой массив племенных лошадей тяжеловозного типа. Новая порода тяжеловозов под названием «советская тяжеловозная» получила официальное признание в 1952 г.

В настоящее время в сохранившемся памятнике культурного наследия и достижений отечественного коневодства, несмотря на трудное финансовое положение, продолжается выращивание лошадей породы «советский тяжеловоз».

ЛИТЕРАТУРА

1. Илюшечкин В.П. Починки и Починковский район Нижегородской области. – Н. Новгород, 1992. – 42 с.
2. Корольков А.Г. Из истории Починковского конного завода №23. – Починки, 2018. – 85 с.
3. Махаев В.Б. Московский архитектор А.С. Кутепов и его строительная деятельность в заштатном городе Починки [Электронный ресурс] // https://web.archive.org/web/20110820154804/http://marhdi.mrsu.ru/2008-2/pdf/25_Mahaev.pdf
4. Материалы паспорта объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) – комплекса Починковского конного завода в селе Починки Нижегородской области, 2009 г. [Электронный ресурс] / Агафонова И.С., Давыдова А.А., Мареева Е.Е., Жилина Ю.С. // <http://opentextnn.ru/space/littlesities/materialy-pasporta-obekta-kulturnogo-nasledija-pamjatnika-istorii-i-kultury-kompleksa-pochinkovskogo-konnogo-zavoda-v-rabochem-poselke-pochinki-nizhegorodskoj-oblasti/>

5. Рожалин А.М. Починковские кони из истории конного завода № 23. – Горький: Волго-Вятское кн.изд-во, 1975.

6. Филатов Н.Ф. Нижний Новгород. Архитектура XIV – начала XX в. – Н. Новгород: РИЦ «Нижегородские новости», 1994. – С. 255.

7. Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. Ч. I. Хозяйство боярина Б.И. Морозова. – Л., 1933.

ХРАМ ИКОНЫ КАЗАНСКОЙ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ В СЕЛЕ РОЖНОВО – В ПРЕДАНИЯХ И ИСТОРИИ НИЖЕ- ГОРОДСКОГО КРАЯ XVII – XXI ВВ.

Лариса Юрьевна Варенцова

ФГКОУ ВО «Нижегородская академия

*Министерства внутренних дел Российской Федерации» (НА МВД РФ),
к.и.н., доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права
г. Нижний Новгород; e-mail: l_varentsova.65@mail.ru*

Статья посвящена духовной жизни Борского Заволжья в XVII – XXI вв. На протяжении столетий «жемчужиной» среди всех храмов Борской земли считалась церковь иконы Казанской Божьей Матери в с. Рожново. Предания о ней распространялись не только на левом берегу Волги, их хорошо знали во всем Нижегородском крае. Цель данной статьи – на основе, прежде всего, неопубликованных исторических источников изучить основные вехи истории Рожновского храма, разобраться в причинах его популярности и значимости для нижегородцев в течение почти четырех веков.

Ключевые слова: храм иконы Казанской Божьей Матери в с. Рожново; история Нижегородского края; духовное развитие России

История Нижегородского края хранит предания о многих иконах, благословлявших его жителей на ратные подвиги, совершавших чудеса исцелений и спасения от бед [1, с. 189]. Особое место в духовной жизни Нижегородского края, начиная с XVII в., занимал храм Казанской иконы Божьей Матери в с. Рожново, располагавшийся на левобережье Волги, при речке Ватоме, в 90 верстах от Нижнего Новгорода [2, с. 145].

Каждому жителю Нижегородчины было известно Рожново по храму Казанской Божьей Матери и его чудотворной иконе. Не будь ее, не стало бы это местечко таким знаменитым, овеванным легендами [1, с. 189]. По местному преданию, очень давно среди топкого болота Рожкова, почти безлюдного места «явилась» икона. Решили рожновцы из болота икону вызволить, перенести ее в деревню Заскочиха, в храм Николая Чудотворца, где место было для нее подходящее. Произошло чудо, ночью из Заскочихи икона вновь пере-

местилась на Рожковское болото. Трижды ее относили, и трижды она являлась [1, с. 190].

Следует предположить, что и название с. Рожново происходит от того самого болота Рожкова, где явилась икона Казанской Божьей Матери. На месте явленной иконы пришлось рожновцам строить сначала деревянную, а после ее пожара двухпрестольную каменную церковь.

Согласно другому преданию, икона Казанской Божьей Матери в с. Рожново считается не только древней и явленной, но и чудотворной. Вера в ее особую благодатную силу распространялась не только на прихожан с. Рожнова и близлежащих деревень (Глазково, Ватома, Сукино, Тоскуйки, Парашино, Матвеевка, Марково, Блины, Скородумки, Ваганьково, Вернягово, Горюшкино, Здорино) [3, с. 292], а также многолюдного с. Бор, нижегородцев. Это произошло в 1771 г., незадолго до Пугачевского бунта (1773 – 1775 гг.), когда в Нижегородском крае свирепствовала моровая язва, «открывавшаяся черными пятнами» [4, л. 2 об.]. Прихожане брали икону в свои села и деревни, к себе в дома, служили перед ней молебен и спасались от страшной болезни. Оберегала чудотворная икона, как полагали верующие, жителей Семеновского уезда Нижегородской губернии и от эпидемии холеры в 1888 г. [4, л. 3]. Многие жители Нижнего Новгорода считали своей святой обязанностью ежегодно воздавать поклонение святому образу [4, л. 3]. Для этого они отправлялись в с. Бор, располагавшееся прямо напротив губернского города, на левом берегу Волги, куда Рожновская икона приносилась с 15 июня по 6 июля, или ехали на праздник непосредственно в с. Рожново [4, л. 3].

Накануне крестного хода в Рожново на лошадях уезжали хоругвеносцы. Это были молодые, статные парни из известных борских фамилий – Баклановы, Макурины, Везломцевы, Торговановы и др. Ковчег с иконой из Рожнова на плечах несли 12 человек [1, с. 190]. Дорога занимала несколько дней, процессия проходила ежедневно по 20 км. Всех участников хода повсеместно пускали на ночлег, кормили. В с. Богоявление был отдых. Последняя остановка делалась в д. Владимирово [1, с. 190]. Считалось удачей и благословением нагнуться и пройти под иконой. В период пребывания иконы Казанской Божьей Матери в с. Бор молебны служились в

Напольной Крестовоздвиженской, затем в Никольской, Сергиевской и Успенской церквях.

6 июля ежегодно икона переносилась с Бора в Рожновскую церковь в сопровождении необозримых масс богомольцев. По воспоминаниям профессора Санкт-Петербургской духовной академии, профессора богословия А.И. Садова, вся видимая двухверстная дорога до ближайшей к селу деревни Ватомы, по которой двигалось шествие, обычно представляла собой сплошную широкую ленту пешеходов-богомольцев, сопровождавших святыню» [5, л. 1 об.]. Крестные ходы с иконой совершались и на правом берегу Волги в Нижегородском крае, но только в осеннее время [5, л. 1 об.].

В Рожновском храме на «летнюю» (21 (8) июля) и «осеннюю» 4 ноября (22 октября) «Казанскую» при большом стечении народа совершался торжественный молебен «с освящением воды, заканчивавшийся многопением Царствующему Дому, Святейшему Синоду и Нижегородскому Архипастырю, и всем православным христианам» [4, л. 2 об.].

Согласно «Описи имущества за 1822 г.», икона Казанской Божьей Матери была достаточно богата украшена: «венеч и риза серебряные позлащенные», «убрус и огорлие низаны жемчугом, коего по счету 2192 жемчужины», «в убрусе четыре запанка красного цвета, три зеленого, один бирюзового, и все они в серебряной и позлащенной оправе...» [6, л. 4 об.].

У стен церкви по случаю престольного праздника шумела ярмарка, в летнее время она функционировала с 6 по 9 июля, а в осеннее – только 22 октября [7, с. 240]. На этих сельских ярмарках можно было приобрести хлеб, бакалейные и мануфактурные товары, сельскохозяйственные и столярные изделия, деревянную посуду [8, л. 38]. Все эти факты из поколения в поколение передаются среди рожновцев. Они хранятся в преданиях Нижегородского края.

История церкви в честь иконы Казанской Божьей Матери в с. Рожново Семеновского уезда Нижегородской губернии вызывала особый интерес исследователей, начиная с конца XIX столетия, она не оставляет равнодушными ученых XX – XXI вв. В дореволюционный период к ее истории обращались представители местного духовенства, имевшие непосредственное отношение к храму (Н. Золотов, А. Садов).

В конце XIX – начале XX вв. не обделили своим вниманием Рожновский храм и составители адрес-календарей Нижегородской епархии А. Снежницкий [9, с. 940] и Н.И. Драницын [3, с. 292]. А. Снежницкий обратил внимание на икону Казанской Божьей Матери как святыню, почитавшуюся в Нижегородской епархии. Н.И. Драницын сообщил некоторые статистические данные о храме на начало XX в., указав, что ему принадлежало 2944 прихожан из 14 заволжских селений (1316 мужчин и 1628 женщин), в округе проживало 590 раскольников [3, с. 292].

Самый первый очерк по истории Рожновского храма, сохранившийся в фонде 570 Центрального архива Нижегородской области, подготовил в рукописном виде настоятель храма, священник Н. Золотов. Он отразил в нем события за 1882 – 1923 гг., он уделил особое внимание истории Казанского храма в первые годы советской власти. К сожалению, Н. Золотов не смог определить даже даты основания храма. Он отмечал, «из современных жителей с. Рожново никто не помнит, когда построена существующая ныне церковь. Существует только предание, что прежде построения каменной церкви существовал деревянный храм» [4, л. 2].

30 декабря 1912 г. доктор богословия, заслуженный профессор Санкт-Петербургской духовной академии А.И. Садов (1850 – 1930 гг.) – уроженец и сын священника с. Рожново И.Г. Садова и его жены М.С. Садовой (дочери священника того же села) [5, л. 2] создал рукопись на 19 листах под названием «Из воспоминаний о сельской жизни и школьном быте 50 – 60 лет назад» [10]. По воспоминаниям А.И. Садова, его родное село представляло собой небольшим и довольно бедно обстроенным, где дома под тесовыми крышами были наперечет, а большая часть жилых строений покрыта дранкой [5, л. 1]. С большой теплотой А.И. Садов вспоминал свои детские годы, проведенные в с. Рожново. Он отмечал, что жизнь у рожновцев простая и тяжелая. Они много трудятся на земле, косят сено, возят его с дальних лугов, зимой рубят в лесу мелкие деревья для дров. Обстановка в домах скудная: огромные русские печи, лавки, столы грубой работы, киоты с потемневшими иконами. Освещаются дома лучиной, свет от нее неровный, зато много гари и копоти [5, л. 5 – 6]. А.И. Садов писал, что «жизнь родителей была тяжелая, но он не помнил случаев, когда бы они жаловались на ее

тяжесть, они смотрели на труд как на нечто необходимое, Богом указанное человеку» [5, л. 7].

Только в постсоветское время стали выходить исследования по истории Рожновского храма. В 1998 г. историки Л.Ю. Варенцова, И.С. Гоголева, С.Н. Коршак, Г.А. Кустова – авторы книги «Борское отечество мое» [1, с. 152 – 211] проанализировали духовное развитие Борского лесного Заволжья, в том числе впервые познакомили читателей с преданиями и историей Казанского храма в с. Рожново Семеновского уезда Нижегородской губернии.

В 1999 г. профессор Нижегородского государственного университета Н.Ф. Филатов подготовил серию очерков под названием «Веси Нижегородского края», сконцентрировав внимание на значении иконы Казанской Божьей Матери в судьбе России XVII в. Примечательной она оказалась и в истории с. Рожново [11, с.144 – 157].

Рожновская церковь находится при въезде в село со стороны Нижнего Новгорода. Там и теперь стоит в каменной ограде, в окружении громадных дубов, берез, ив вековой давности. Все церковное здание представляет собой два отдельных строения: одно более древнее и невысокое, заключавшее в себе храм во имя пророка Илии, другое построенное позже рядом с первым, при одной общей стене, но гораздо более высокое – храм в честь иконы Казанской Божьей Матери.

Изначалие данной церкви относится к 1673 г., когда в Рожнове был впервые срублен деревянный храм [12, с. 58]. Сведения об этой дате содержатся в «Материалах для истории церквей Нижегородской епархии Балахнинской десятины», издававшихся по инициативе Нижегородской губернской ученой архивной комиссии в 1903 г. В них впервые под датой 181 (1673) г. упоминается «храм Пресвятой Богородицы Казанския в Заусольской волости на Ватоме, что починок Рожнов» [12, с. 58]. Строился он, прежде всего, для утверждения православия на левобережье Волги, борьбы с многочисленными раскольниками.

На месте сгоревшей деревянной церкви был возведен новый пятиглавый каменный храм. В описи 1822 г. читаем: «Церковь каменная во имя Казанския Божия Матере, на ней пять глав, таковые же обитые железом покрытым ярью, шестая глава над олтарем, деревянная обитая железом же, покрытым такой же ярью; кресты на сих главах деревянные обитые белою жестью, осмиконечные, оная

церковь и алтарь покрыты железом некрашенным ярью же...» [6, л. 1]. Каменный храм во имя пророка Илии имел одну деревянную главу, покрытую зеленой чешуей и восьмиконечным деревянным крестом с белой жостью... [6, л. 1].

В конце XIX в. при церкви имелась каменная колокольня с восьмью колоколами, самый «Большой» колокол весил 254 пуда 29 фунтов, «Полиелейный» – 99 пудов, «Будничный» – 41 пуд [4, л. 3–3-б], была возведена часовня в память об императоре Александре III. За прочной каменной оградой размещались кирпичная кладовая, деревянная строжка, амбар, богадельня, здание церковно-приходской школы, позади ограды – лавки [4, л. 3 об].

1 сентября 1886 г. в с. Рожново радением и средствами прихожанина храма И.Г. Климычева – крестьянина д. Ваганьково – открылась церковно-приходская школа [4, л. 3 об]. Преподавать в этой школе стали священник Н. Грацианов и выпускница Нижегородского женского епархиального училища Е.В. Цыганова. В школе одновременно обучались по 15 – 20 мальчиков и 10 – 15 девочек, в том числе и дети местных раскольников. Попечитель школы И.Г. Климычев приобретал для церковно-приходской школы в с. Рожново все необходимое, включая бумагу и перья [4, л. 4 об].

Священники храма – люди весьма образованные, хорошо понимали свои пастырские обязанности, стремились по возможности осуществлять их в своей деятельности. Они не только совершали церковные службы, осуществляли приходские требы, но и были учителями народными. Большинство священников Рожновского храма служили исправно, имели многие церковные награды и благодарности. Заботясь об образовании прихожан, в 1898 г., причт организовал в Рожнове библиотеку-читальню [1, с. 191].

Долгие годы в церкви служил священник Г.С. Гагинский. По его ходатайству к 1907 г. в храме был произведен ремонт [4, л. 11]. Крупные пожертвования для этого сделал благотворитель И.Г. Климычев и его сын А.И. Климычев. За тщательный ремонт Г.С. Гагинский получил благодарность епархиального начальства. Весь период своей службы в Рожнове он заботился о благоустройстве и благолепии храма. В 1912 г., когда он оставлял приход, все село, от мала до велика, вышло его провожать [4, л. 15]. Церковный староста А.И. Климычев от себя и от всех прихожан с благодарностью пре-

поднес Г.С. Гагинскому икону Спасителя в серебряно-позолоченной ризе [4, л. 11, 15].

Какие бы испытания ни посылала судьба российскому народу – глады, моры, болезни, войны, церковь помогала людям хранить веру и надежду на спасение. Так было в Крымскую, Русско-японскую, Первую мировую войны. Всякий раз церковная община оказывала помощь солдатским семьям, объявляло церковно-кружечный сбор в пользу больных и раненых воинов [1, с. 192].

Удивительна история Рожновской церкви, какие бы бедствия ни обрушивались на жителей окрестных деревень, храм при этом ни разу не пострадал. В 1908 г. были страшные бури, град, ливни, крыши сносило с домов, выбивало окна. В д. Собчино сорвало купол с колокольни церкви. Рожновский храм оставался целым и невредимым [4, л. 11]. 1914 г. принес сильнейшие пожары, многие дома близ церкви сгорели, но до храма огонь не дошел. 1926 г. памятен для жителей округа и Рожнова как год потопа. Водой было залито все село, но храм уцелел [1, с. 192].

Бурные события октября 1917 г. существенно повлияли на судьбу Рожновского храма. Закончилась устоявшаяся веками жизнь данной церкви, она начала борьбу за выживание. В 1918 г. в нашей стране активно проводилась политика воинствующего атеизма. В феврале 1918 г. патриарх Тихон предал анафеме гонителей. Нижегородская епархия предложила провести крестный ход.

2 февраля 1918 г. крестный ход из Рожнова с иконой Казанской Божьей Матери двинулся в с. Бор и в Нижний Новгород к Георгиевскому собору. С воззванием в соборе выступил настоятель Знаменской церкви с. Бор В. Державин. Священники из с. Бор, Кононово, Мухино, Рожново совершили молебен. Далее икона Казанской Божьей Матери была вставлена в ковчег и пронесена по улицам Полевой, Варварской и Благовещенской площади [1, с. 192].

В мае 1918 г. произошла попытка ограбления Рожновского храма. Предотвратил воровство сторож Е.Д. Катков, зазвонив в церковный колокол. Беда следовала за бедой. В этом же году цены на хлеб сильно подорожали, на Россию надвигался голод. Духовенство в с. Рожново осталось без земли, у причта отняли паровое поле. В 1918 г. был расстрелян Нижегородский епископ Лаврентий [1, с. 192].

В 1920 г. начал повсеместно свирепствовать сыпной тиф. Люди вновь вспомнили об иконе-заступнице. В январе 1920 г. икону Казанской Божьей Матери приносили в с. Бор, Мухино, Кононово, а в феврале – в с. Безводное, в марте – в Нижний Новгород.

В 1922 г., согласно директивы В.И. Ленина – Л.Д. Троцкого, предстояло изъятие церковных ценностей для борьбы с голодом и разрухой. Узнав о надвигавшейся беде, монашка М. Дюдина и церковный активист А.М. Уткин спрятали ключи от церкви в фундаменте дома А.М. Уткина. Эту тайну хранили староста церкви А.И. Поликанова, регент Т.Н. Папилова, К.Н. Забахтурина и все ее семейство. Род Забахтуриных был связан с Рожновской церковью более 100 лет, он стал частью ее истории. Еще в 1908 г. в церковном хоре пело шесть членов семьи: Иван, Василий, Николай, Капитолина, Татьяна, Анна [1, с. 193].

Церковным активистам, особенно членам «двадцатки», пришлось в годы гонений многое пережить, а некоторым – даже заплатить своей свободой. М. Дюдина, А.М. Уткин сидели в тюрьме. Десять лет в заключении находились И.Н. Забахтурин и его жена. Допрашивалась регент Т.Н. Папилова. Репрессий ждали все, кроме тех, кто ломал часовню, кто начал сбрасывать купола.

Жители села всеми силами пытались уберечь храм от разрушений и разграблений. В.Н. Забахтурин, избранный крестьянами председателем здешнего колхоза, приказал насыпать колхозное зерно на просушку на церковную паперть. Сторожить государственный хлеб В.Н. Забахтурин поручил своему отцу Н.К. Забахтуру [1, с. 193]. Таким образом, церковь осталась неприкосновенной. Церковь считалась закрытой, но находились смельчаки, которые убирались, чистили иконы даже в закрытом храме. В алтаре доверяли убираться только Н.И. Забахтуриной. Так было до 1943 г., до открытия храма в годы Великой Отечественной войны. Замечательные люди – уроженцы с. Рожново спасли церковь с уникальной историей.

Красотой и великолепием храма будут любоваться наши потомки через многие столетия. И в XXI столетии на летнюю и осеннюю «Казанскую» совершаются крестные ходы от Успенского храма в г. Бор до легендарного с. Рожново. И ныне, как и в былые времена у людей сохранилась вера в особую благодатную силу иконы Казанской Божьей Матери.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борское отечество мое. – Н. Новгород, 1998. – 316 с.
2. Нижегородская губерния. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые статистическим комитетом Министерства внутренних дел. – СПб., 1863. – 185 с.
3. Драницын Н.И. Адрес-календарь Нижегородской епархии на 1904 г. – Н. Новгород, 1904. – 412 с.
4. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 570. Оп. 4. Д. 3861.
5. ЦАНО. Ф. 1411. Оп. 822. Д. 254.
6. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 4. Д. 3860-а.
7. Нижний Новгород и Нижегородская губерния. Справочная книжка и календарь на 1905 г. – Н. Новгород, 1905. – 263 с.
8. ЦАНО. Ф. 340. Оп. 2. Д. 660.
9. Снежницкий А. Адрес-календарь Нижегородской епархии. В память исполнившегося в 1888 году 900-летия крещения Руси. – Н. Новгород, 1988. – 1031 с.
10. Варенцова Л.Ю. «Из воспоминаний о сельской жизни и школьном быте 50-60 лет назад»: рукопись заслуженного профессора Санкт-Петербургской духовной академии А.И. Садова // Исторический архив. – 2014. – № 2 (125). – С. 127 – 145.
11. Филатов Н.Ф. Веси Нижегородского края: Очерки историй сел и деревень Поволжья. – Н. Новгород, 1999. – 311 с.
12. Материалы для истории церквей Нижегородской епархии Балахнинской десятины. Жилья данные церкви и пустовья церковные земли 7136 (1628) – 1746 гг. – М., 1903. – 92 с.

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ АРЗАМАССКОГО ЗАВОДА РАДИОДЕТАЛЕЙ (К 55-ЛЕТИЮ ОРГАНИЗАЦИИ ЗАВОДА)

Юлия Николаевна Горохова

*Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас,
ведущий архивист отдела информационно-поисковых систем
и использования документов*

Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: official@arhiv.arzamas.kreml.nnov.ru

В статье рассматриваются основные направления работы Арзамасского завода радиодеталей по налаживанию выпуска электронной продукции в период его становления 1966-1974 годы.

Ключевые слова: завод; реконструкция; электронная промышленность; резисторы; коллектив

История Арзамасского завода радиодеталей (предприятия п/я Г-4476), впоследствии известного как ОАО «Рикор Электроникс», началась 8 декабря 1966 г., когда был подписан приказ министра электронной промышленности СССР Шокина

А.И. о создании в г. Арзамасе филиала Горьковского завода радиодеталей «Орбита» за № 629:

«В целях наращивания мощностей по выпуску резисторов МЛТ на Горьковском заводе радиодеталей

Приказываю:

1. Организовать филиал Горьковского завода радиодеталей в г. Арзамасе Горьковской области на базе переданного Арзамасским исполкомом городского Совета депутатов трудящихся (решение № 580 от 2 декабря 1966 года) Горьковскому заводу радиодеталей здания...» [1, д. 1, л. 1-2].

Для размещения завода было выделено неприспособленное двухэтажное кирпичное здание бывшего Дома крестьянина на улице Ленина с подвалом и мезонином, построенное в XIX веке (общей площадью 2762,6 м²), одноэтажное кирпичное здание банно-прачечной с котельной (общей площадью 209,8 м²), одноэтажное деревянное здание Заезжего двора (общей площадью 1033,5 м²) и одноэтажное кирпичное здание с подвалом Арзамасского треста столовых (общей площадью 379,5 м²) [1, д. 7, л. 1-3]. Реконструкция производственного корпуса на базе переданного здания Дома крестьянина началась в марте 1967 г. силами строительно-монтажного треста № 7 г. Арзамаса, РСУ г. Арзамаса, Горьковского завода радиодеталей «Орбита» и Арзамасского завода радиодеталей. Ремонтно-строительные и монтажные работы были завершены в сентябре 1967 г.

Директором филиала был назначен Александр Тихонович Ермаков, ранее работавший вторым секретарем Арзамасского горкома КПСС. В руководство завода также входили: главный инженер Е.В. Смирнов, инженер материально-технического снабжения А.П. Лукичев, инженер по технике безопасности В.С. Покровский, начальник техбюро З.И. Кабанова, начальник отдела сбыта Е.П. Тихонов, начальник отдела кадров З.Н. Цыбышева и др. В июле 1967 г. структура завода состояла из руководства, административно-хозяйственного отдела, бюро техники безопасности, отдела кадров, технического отдела, планово-производственного отдела, отдела технического контроля, бухгалтерии, отдела снабжения, отдела сбыта, узла связи, отдела главного механика, теплоэнергетического участка, ремонтно-

механического участка, цеха резисторов, отдела капитального строительства, охраны [1, д. 5, л. 1-5].

На 1 января 1968 г. численность всего персонала Арзамасского филиала Горьковского завода составляла – 481 человек (ИТР – 58, служащих – 26, рабочих – 360, МОП – 19, ВОХР – 18). Работников с высшим образованием – 24, со средним техническим образованием – 49, со средним общим – 248 (в том числе окончили обучение в 1966 г. – 75, в 1967 г. – 25), неполное среднее образование было у 82 человек, не имели 8-летнего образования – 78 человек. Было обучено новой профессии – 257 человек, продолжали обучаться – 17 человек, на курсах бухгалтеров проходят обучение 4 человека, на технических курсах ИТР – 42 человека, в вечерних школах – 16 человек, в техникумах – 8, в институтах – 11 [1, д. 6, л. 4].

Первой продукцией Арзамасского завода радиодеталей были резисторы МЛТ (металлопленочные лакированные теплостойкие) общего и специального назначения, которые являлись наиболее массовыми и распространёнными радиокомпонентами в любой радиоэлектронной технике. Технология изготовления была передана Горьковским заводом радиодеталей «Орбита». В июне 1967 г. промышленность страны получила первую продукцию завода – 160045 штук резисторов МЛТ 0,5 Вт.

В апреле 1968 г. были освоены новые технологические линии по производству резисторов МЛТ 0,5 Вт с производительностью 12,5 млн. штук в год [1, д. 10, л. 44]. Производственная программа по выпуску резисторов за 1968 г. была выполнена на 100 % (план 48500 тыс. штук, выполнение 48541 тыс. штук). В том числе резисторов МЛТ 0,5 Вт – 47514 тыс. штук или 98 % и резисторов ОМЛТ 0,5 Вт – 1027 тыс. штук или 2 % (это были более высококачественные резисторы, освоенные во втором полугодии). Повышение качества продукции дало возможность увеличить отпускную цену изделий в среднем на 25% (плановая отпускная цена – 15 руб. за 1000 штук резисторов, фактическая отпускная цена – 18 руб. 73 коп.) Производительность труда одного работающего возросла за год на 13%, тогда как средняя зарплата осталась на уровне плана. В IV квартале 1968 г. производительность труда резко понизилась и превысила плановую на 4,4 % [1, д. 17, л. 4-5, 33-34].

В конце 1968 г. было закончено строительство пристроя второго цеха для выпуска резисторов, в котором находилось помещение красного уголка завода, также был отремонтирован медпункт и столовая. В четвертом квартале 1968 г. начато строительство жилого дома для работников завода [1, д. 26, л. 8].

В эти годы шло бурное развитие радиоэлектроники, авиации, космонавтики, что требовало увеличения выпуска продукции. В 1969 г. началось строительство новых корпусов завода в районе железнодорожного разъезда 408 км. Директором завода радиодеталей был назначен Б.В. Востоков. В целях повышения производительности труда и улучшения качества выпускаемой продукции в 1969 г. на предприятии была модернизирована загрузка на полуавтоматах ПИТ-2, что позволило облегчить труд рабочих и ввести многостаночное обслуживание. Внедрены две поточно-механизированные линии по производству резисторов МЛТ 0,5 Вт с годовым выпуском 12,5 млн. штук, новые установки для никелирования колпачка (позволившие в два раза повысить производительность труда и ликвидировать в гальванике третью смену), сплав № 14 для изготовления резисторов МЛТ 0,5 Вт и ОМЛТ 0,5 Вт (с целью увеличения выхода безнарезных резисторов, экономия от внедрения составила 3,1 тыс. руб. и высвобождено 9 человек рабочих), две металлизационных установки типа «Радон» для металлизации керамики резисторов МЛТ 0,5 Вт [1, д. 26, л. 8, д. 58 л. 7].

Параллельно с основной продукцией перед коллективом была поставлена задача производства изделий народного потребления. Первым изделием, выпущенным в 1970 г., стали очки-фонарь. Следующее изделие – карманный фонарик – позволило освоить производство отражателя из прозрачного блочного полистирола с последующей металлизацией алюминием. Этот технологический процесс применялся и при производстве фотовспышек «СЭФ-2» и «СЭФ-3М». Было начато производство шкафчиков для ванной комнаты, аптечек, дорожных бытовых холодильников [1, д. 71, л. 109].

В июле 1970 г. заводским резисторам МЛТ 0,5-1-2 Вт присваивается Государственный знак качества. В этом была велика заслуга цехов № 10 (начальник цеха В.Н. Шехов), № 11 (начальник цеха В.А. Суслов), № 13 (начальник цеха Б.М. Есин) [1, д. 65, л. 16-

17]. 2695 человек рабочих, ИТР и служащих завода удостоены звания «Ударник коммунистического труда». Среди них – А.М. Жуков (председатель цехкома цеха № 6), В.И. Савинова (полудчица цеха № 9), Ф. Перунцова (окрасчица цеха № 11), Н.Я. Яшин (слесарь цеха № 17), В.И. Лебедева (литейщица цеха № 8), Р.С. Баранова (размольщица цеха № 10), В.В. Запевалов (токарь цеха № 15) [1, д. 65, л. 22].

На смену металлопленочным резисторам пришли проволочные типа СП5-2/3, первая партия которых была выпущена в 1971 г. В связи с острой необходимостью народного хозяйства в изделиях СП-2, СП5-3, СП-16ТА Госплан СССР письмом № ВР-189-57/134 от 12 октября 1971 г. дал согласие на перепрофилирование предприятия п/я Г-4476 [1, д. 95а, л. 9]. Расширение производства и номенклатуры проволочных резисторов шло за счет совершенствования технологии, внедрения новой техники и технологических процессов, дальнейшего расширения производства оснастки. Производственные площади на начало 1972 г. составляли – 1702 м², на конец 1972 г. увеличились на 1216 м², что составило 2818 м². Введены в эксплуатацию новые цеха, за счет арендуемых помещений фабрики им. Буденного: цех № 50 – площадью 440 м², РМУ – 340 м². За счет реконструкции существующих корпусов увеличились производственные площади: цех № 41 – на 380 м², цех № 65 – на 56 м², цех № 20 – на 42 м² [1, д. 96, л. 3].

В 1974 г. было завершено строительство первого заводского корпуса на новой площадке в районе разъезда 408 км. Были сданы в эксплуатацию: производственная часть (площадью 2592 м² с размещением двух цехов основного производства), служба вспомогательного производства и бытовые помещения (площадью 3644 м²), столовая на 25 посадочных мест; котельная (площадью 1004 м²), трансформаторная подстанция, склад мазута с мазутонасосной станцией, складской корпус (площадью 2760 м²), резервуары для воды (монолитные, железобетонные), очистные сооружения биологической очистки сточных вод, распределительный пункт, инженерные коммуникации [1, д. 143 в, л. 1-3].

В этот период завод специализировался на производстве переменных проволочных резисторов СП5-2, СП5-3, был освоен

серийный выпуск резисторов СП-20Т, ППЗ-40, ППЗ-41, ППЗ-43. Освоено и налажено производство изделия «Термобигуди» [1, д. 160, л. 5]. Производственные мощности не обеспечивали выполнение государственного плана, утвержденного на 1975 г. Предприятие было недоукомплектовано позиционными станками, намоточным и сварочным оборудованием, практически отсутствовало гидропрессовое оборудование, шлифовальные и револьверные станки, не был решен вопрос механизации ручных операций при изготовлении изделий из пластмасс [1, д. 160, л. 8].

В апреле 1974 г., согласно приказу министра электронной промышленности № 78 от 15 февраля 1974 г. Арзамасский филиал Горьковского завода «Орбита» был преобразован в специализированный завод и получил название «Арзамасский завод радиодеталей» [1, д. 145, л. 153].

Страницы истории становления завода были полны и трудностей, и ярких побед. И все-таки история завода – прежде всего это история людей. В каждом ее томе есть страницы, которые можно было бы посвятить трудолюбивому коллективу и конкретным работникам. Известно, что наилучшие результаты по сохранению кадров предприятия достигаются при максимальном использовании методов материального и морального стимулирования и минимального применения административного воздействия. За 1972 г. были премированы денежными премиями и ценными подарками – 135 работников, получили благодарственные письма – 120 работников, занесены на доску почета – 25 человек. После окончания вечерних школ, институтов, техникумов сотрудники завода приказом директора поощрялись денежными премиями. В 1972 г. на производство было принято 323 подростка (в основном в сборочный цех). За этот же период уволились 4 подростка, причем только по причине перемены места жительства родителей. Все подростки закреплялись за квалифицированными рабочими, с которыми инструкторы производственного обучения проводили теоретическую подготовку. В цехе в торжественной обстановке молодым рабочим, получившим специальность вручались аттестаты [1, д. 96, л. 19].

Из воспоминаний бывшего мастера цеха № 61 С.Л. Блинова: «Я был среди тех первых, которые уложили своими руками первую балку нового заводского корпуса. Строительство завода тогда

возглавлял Борис Васильевич Востоков – энергичный, требовательный руководитель. За короткое время благодаря его настойчивости и целеустремленности корпуса цехов росли на наших глазах. В июле 1970 г. государственная комиссия присвоила нашим резисторам МЛТ 0,5 Вт государственный знак качества. С тех пор мы высоко держали свою марку, пока не начался этот развал оборонной промышленности.

Да, к кадрам мы, руководители, все от маленького до большого начальника, относились бережно и ценили достоинства специалистов. Делали все для того, чтобы любой рабочий был на своем месте, трудился с максимальной отдачей. Вместе с заводом росли и наши специалисты. Так, В.П. Тропичев работал мастером с августа 1968 г., а через несколько лет мы видим его уже начальником участка сборочного цеха, а это большой коллектив.

Или Виктор Иванович Лоськов. Пришел работать в первые дни учеником наладчика. Затем поступил учиться в МАИ, получил высшее образование, стал инженером-технологом, возглавил группу ОГТ, потом назначен главным технологом. И таких людей на заводе – сотни.

А сколько молодежи приходило на завод сразу же со школьной скамьи! Н.В. Старцева, Л.В. Прокофьева, Г.Л. Михеева, Л.В. Павельева придя ученицами на производство, со временем стали высококлассными специалистами и как тогда называли, ударниками труда» [2, № 492, л. 16].

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас. (далее – ГАНО, г. Арзамас). Ф. Р-3400 Оп. 1.
2. ГАНО, г. Арзамас. НСБ // Рабочая неделя. – 1997. – 7 февраля (№ 6).

ОБРАЗОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРЗАМАССКОГО АРХИВА (1918-1939 ГГ.)

Алексей Александрович Гурьянов

*Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас, директор архива
Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: official@arhiv.arzamas.kreml.nnov.ru*

Статья посвящена Арзамасскому архиву с точки зрения развития и выявления причин его создания, раскрытию достоверной информации про Арзамасскую область, т.к. информации для исследования данного события не достаточно, а также раскрытию причин создания и ликвидации Арзамасской области.

Ключевые слова: Арзамас; Архив; архивная служба; архивариус; архивист

В настоящее время в Нижегородской области, почти в каждом из районов, существуют свои муниципальные архивы, которые в силу разных обстоятельств то создавались, то ликвидировались. А вот государственных учреждений, относящихся к архивной службе Нижегородской области всего 10. Из них 2 находятся за пределами областного центра. Арзамасский архив является самым отдалённым, старейшим и одним из самых крупных.

Отечественная историография истории российских архивов невелика, что подтверждает и Б.М. Пудалов в своей статье «Первые руководители Нижегородской архивной службы (1919-1935)» [16]. Он приводит факт замалчивания работы нижегородских и арзамасских архивистов в работах А.В. Чернова «История и организация архивного дела в СССР» [18]. Изучение биографий (работы) архивистов стало актуально лишь в XXI в., примером чего может служить такое справочно издание, как «Кто есть кто в архивной службе Нижегородской области» [9, 10, 11, 12].

В предисловии к одному из справочников тогдашний руководитель комитета по делам архивов Нижегородской области А.П. Арефьев подчеркивал: «... Мы решили отойти от традиционной схемы и выпустить не праздничный “самоотчет” (который, как правило, интересен лишь для узкого круга коллег); цель нашего издания – дать социальный портрет современной архивной службы, в частности, показать возрастной состав, образование, стаж и профессиональную подготовленность специалистов, соотношение мужчин и женщин, основные направления карьерного роста, поощрения и т.п.» [9, с.4]. В силу этого справочник «Кто есть кто» показывает общественности, что и в Нижегородском и Арзамасском крае были достойные архивисты. Еще один пример удачно реализованного биографического подхода к истории архивного дела – издание «Хранители документальной памяти. Нижегородская архивная служба в 1919-1938 гг.» [19]. Арзамасские архивисты также пытались осветить историю Арзамасского архива в продолжающемся издании «Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе» [1, с.5-7].

В ряду региональных научно-исторических изданий об архивах, выходявших во второй половине XIX – начале XX в., особое место занимают труды губернских учёных архивных комиссий (ГУАК), что описано в книге Л.Ф. Писарьковой «Губернские уче-

ные архивные комиссии. 1884 – 1923 гг.» [14]. Заслуживает внимания книга В.В. Митрофанова «С.Ф. Платонов и научно-краеведческие общества, архивные комиссии России» [13].

Все вышеуказанные источники дополнительно подтверждают, что «человеческий фактор» является решающим для проведения в жизнь декретов и нормативных указаний. Источниками исследования становятся не только документы о деятельности архивных учреждений (документация управленческая и по личному составу), но и фонды личного происхождения. Являющиеся гордостью Нижегородской архивной службы люди принадлежали к разным поколениям: А.Я. Садовский – «отец-основатель» (последний председатель НГУАК и первый руководитель губархбюро в 1919 – 1922 гг.); земляки-арзамасцы – А.И. Тихов, Н.И. Щегольков и др. трудившиеся и оставившие свой след в архивной отрасли. Всех их отличал высокий профессионализм; с их именами связаны выдающиеся историко-документальные издания; все они (в той или иной степени) пользовались заслуженным признанием в обществе.

1 июня 1918 г. председателем Совета народных комиссаров РСФСР В.И. Лениным подписан декрет «О реорганизации и централизации архивного дела». Документ предусматривал новую систему руководства архивным делом с централизованным управлением по единым правилам и дальнейшим развитием архивной службы.

В ряде регионов основная масса документов хранилась в учреждениях. Также в результате деятельности губернских ученых архивных комиссий (ГУАК) были сформированы исторические архивы. Нижегородская губернская ученая архивная комиссия, созданная 17 октября 1887 г., по оценке РАН была одной из лучших.

С января 1918 г. в Нижний Новгород создаются архивы определенной тематики документов хранения (архив революции, Военный архив).

В упомянутом выше декрете говорилось об областных управлениях архивным делом, но речь шла о Петроградском (объединяло 11 губерний) и Московском (объединяло 14 губерний и Нижегородскую в том числе) управлениях. Это укрупнение оказалось не эффективным и было отвергнуто.

В структуре Главархива бала создана инспекторская группа, сотрудники которой стали выезжать в губернии с проверкой состо-

яния архивов и определения объема работы по их реорганизации. Главархив вводит систему своих уполномоченных, которых рекомендовали инспектора в качестве уполномоченных, чаще всего знакомых с ситуацией на местах лиц из состава ГУАК.

13 января 1919 г. Постановлением коллегии Главного управления архивным делом, уполномоченным по охране архивов Нижегородской губернии был назначен профессор А.Я. Садовский [7], краевед, член-корреспондент Российской академии наук, председатель Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (НГУАК). На предложение коллегии поступил ответ: «Дело настолько большое, настолько важное и полезное, что отказаться от него было бы не только грешно, но и преступно. Поработаю, насколько хватит сил» [17, с. 9].

1 февраля 1919 г. А.Я. Садовским было проведено расширенное совещание представителей НГУАК, нижегородских научных обществ, университета, культурных и образовательных учреждений, на котором была дана объективная оценка архивам: «состояние архивов было отчаянное: зачастую они находятся «в подвалах, в сараях, в конюшнях, в сырых кремлевских башнях и т.п., почти все подвержены погромам, расхищениям...» [5]. После совещания было решено начать работу по перевозке частновладельческих и волостных архивов из уездов в г. Нижний Новгород для их учета и описания. На этом же совещании было образовано Нижегородское губернское управление архивным делом (НГУАД) во главе с А.Я. Садовским [8].

5 августа 1919 г. принимается Положение о Нижегородском губернском архивном управлении (губархив), которому подчинялись как нижегородские, так и 12 уездных архивов. А.Я. Садовский лично выезжал в уезды и выявлял архивы, находящиеся под угрозой уничтожения. К 1920 г. были осмотрены более 100 нижегородских и 46 уездных архивов, собраны сведения еще о 65 уездных и волостных архивах [6].

Работа первого поколения архивистов по реализации декрета была бы не возможна без создания продуманной сети архивных учреждений под руководством единого архивного управления (бюро). Этот замысел А.Я. Садовского был прорывом в архивной службе.

В марте 1919 г. Положение о губернских и уездных архивах дало начало огромной и активной работе по организации архивов на местах.

Расположение Арзамасского архива было плачевным для документов, так как это были не постоянные места и не предназначенные для хранения. Работа архивистов по улучшению условий работы и хранения велась, но пока безуспешно. Тем временем в апреле 1919 г. Арзамасским уездным исполкомом во все отделы и в волостные исполкомы было разослано письмо Нижегородского губернского управления архивном делом, в котором излагалось содержание декрета от 1 июня 1918 г. и давались рекомендации взять под охрану «беспризорные архивы и собрания бумаг».

20 ноября 1920 г. на заседании коллегии отдела народного образования был заслушан доклад заведующего музеем и архивами П.Н. Лекторского, по итогам чего было предложено «... принять меры к тому, чтобы все архивы были перевезены в Спасский монастырь и были сложены в порядке» [3]. После этого постановления в помещение архивохранилища была перевезена часть архивов городской, ремесленной и мещанской управ, уездного училищного совета, инспектора народных училищ, попечительства народной трезвости, духовного училища, полицейского управления и станových приставов.

Президиумом Нижегородского губернского исполкома 23 мая 1924 г. было принято обязательное постановление о порядке сохранения архивов, которое обязывало уездные исполкомы иметь уездных архивариусов и предлагала всем государственным и частным организациям и лицам предоставить сведения об имеющихся архивных документах как доворелюционной эпохи, так и за 1917-1918 гг.

В июле 1924 г. от областного музея по договору Спасо-Преображенский (кафедральный) собор принят губарбюро под центральное хранилище на 12 лет.

К концу 1924 г. в Арзамасском уездном архиве уже были составлены описи на первые 10 архивных фондов за 1917-1918 гг. Среди них: Арзамасское уездное статбюро, управление милиции, финансовый отдел и фонды волостных исполкомов.

Продуманный и дальновидный план руководящих работников помог создать фундамент для точки отсчёта. Кадры на местах суме-

ли реализовать поставленные задачи, создали отдельную архивную отрасль.

Постановлением Арзамасского уездного исполкома от 28 августа 1925 г. уездному архивариусу предлагалось созывать совещание лиц, ведающих архивом в уездных учреждениях и ознакомить их с правильной постановкой архивов.

К концу 1926 г. Централхивом издается «Положение об уездном архиве», после которого в Арзамасском архиве началась плановая и последовательная работа. Стояла основная задача собрать документы, представляющие историческую ценность, обработать их и систематизировать их для государственного хранения и учета, организации работы с документами по их практическому применению и научному использованию.

В докладной записке от 25 мая 1927 г. президиуму Арзамасского уездного исполкома архивариус В.И. Пожелаев предлагает увеличить штат работников уездного архива, создать постоянную разборочную комиссию и заказать штамп и печать архива.

10 февраля 1928 г. проходит заседание Президиума Арзамасского уисполкома, на котором рассматривалась докладная записка т. Наумова о помещении под архив: перевести архива из старого помещения в пустующий собор бывшего Спасского монастыря и предложить Горсовету немедленно приступить к оборудованию помещения и с 1 марта 1928 г. приступить к перевозке материалов [2].

Тем временем архив временно размещался в здании Алексеевского монастыря, но в связи с тем, что в 1928 г. все здания вышеуказанного монастыря перешли в ведение 51-го стрелкового полка, архив был вынужден переместиться в собор Спасского монастыря. К тому времени на учете в архиве состояло 87 фондов объединивших 16022 ед. хранения и 14628 кг неразобранных бумаг.

8 июля 1929 г. уполномоченному по организации архивных учреждений по Арзамасскому округу В.И. Пожелаеву направлено сообщение от архивного бюро Нижгубисполкома о реорганизации уездных архивов [4]. В августе 1929 г. Арзамасский уездный архив был реорганизован в Арзамасское окружное архивное бюро Нижегородского краевого архивного бюро, которое в июле 1930 г. прекратило свое существование в связи с ликвидацией округов на территории Нижегородского края.

С октября 1932 г. в связи с переименованием г. Нижнего Новгорода в г. Горький Арзамасский архив стал называться отделением Горьковского краевого Архивного управления. На тот период здание архива занимало площадь 347 м², в архивохранилище имелось 444 погонных метра стеллажных полок, на учете состояло 271 фонд, включавших в себя 54234 ед. хранения и еще оставалось более 7 тонн не разобранных бумаг.

Распоряжением Центрального архивного управления от 31 октября 1936 г. Арзамасское отделение Горьковского краевого архивного управления стало называться отделением Горьковского областного архивного управления. А от 10 февраля 1938 г. приказом по Центральному архивному управлению Арзамасский архив получает статус областного архива.

На основании приказа Управления НКВД по Горьковской области от 9 февраля 1939 г. Арзамасский архив передан в ведении системы Наркомата внутренних дел.

За годы существования Арзамасский архив не раз менял свой статус, но эта ситуация, как мы видим, не зависела от работы архива или его работников, а напрямую от внешних факторов. Однако данные процессы были неизбежны и при любом другом варианте развития событий: много времени и сил потребовалось, чтобы разобрать документы и систематизировать их для дальнейшего использования.

Анархия в архивном деле и делопроизводстве новых органов власти и управления сочеталась со стремлением ряда профессиональных архивистов, деятелей науки и культуры предотвратить гибель архивов. Одновременно высшими советскими исполнительными структурами были разработаны и приняты законодательные и нормативные акты, заложившие основы развития архивного дела в СССР на научных принципах архивоведения, разработанных виднейшими дореволюционными архивистами России Н.В. Калачовым, Д.Я. Самоквасовым. Что же касается описываемого хронологического периода, у истоков архивной революции в Нижегородской области стояли А.Ф. Изюмов, А.Я. Садовский, А.И. Тихов и др. Уникальность данного периода заключается в том, что на протяжении короткого временного отрезка был выстроен алгоритм работы на долгие годы.

Каждый архив, как и отдельное любое другое учреждение, имеет свою специфику. Созданный как Арзамасский уездный, наш архив выстраивал или приспособлялся к выполнению разного рода задач. Еще в 1924 г. архиву присмотрели «постоянное место пребывания» – Спасо-Преображенский собор, но не спешили переселять в него. Страна переживала тогда не самые лёгкие времена, в обществе ещё царило революционное сознание и принципы революционной целесообразности. Переехать, осознавая, что в 20-е годы XX века собор разграблен и очень сильно разрушен – равноценно тому, чтобы остаться на улице. Средств на ремонт нет, людей на ремонт нет. Руководство архива выбрало тактику – подготовка, а потом уже переезд, правильность которой была осознана годы спустя. Правильно разместили кабинеты (которые нужно было обогреть) и расположили общее хранилище так, чтобы была возможность увеличивать площадь стеллажей при минимальных затратах (за все время пребывания архива в разное время было построено 3 яруса со стеллажами почти до потолка).

Отдельно необходимо подчеркнуть, что при слиянии Арзамасской и Нижегородской архивной службы в 1929 г. Арзамасский архив был сохранен и получил статус Арзамасского окружного архивного бюро Нижегородского краевого архивного бюро, а не перемещен в Центральный архив Нижегородской области. Причиной тому было стремление руководства областного центра архива концентрировать в Арзамасе документы южного куста Нижегородской области (в Советский период наблюдалось закрытие районных архивов и передача документов в Арзамасский архив).

ЛИТЕРАТУРА

1. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе. – Арзамас: АГПИ, 2005. – 146 с.
2. Государственное казенное учреждение государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее ГАНО, г. Арзамас). Р-23, оп. 1, д. 888, л. 34 об.-35.
3. ГАНО, г. Арзамас. Р- 103. Оп. 1. Д 9. Л. 87, 88 об. - 89, 90-91 об.
4. ГАНО, г. Арзамас. Р-331, оп. 1, д. 49, л. 6;
5. Государственное казенное учреждение центральный архив Нижегородской области (далее ЦАНО). Ф. Р-1004. Оп. 1. Д. 1. Л. 256 – 256 об.
6. ЦАНО. Ф. Р-1004. Оп. 1. Д 11. Л. 1–2 об.; Д 15. Л 163–163 об.; Д. 3. Л. 66–66 об.
7. ЦАНО. Ф. Р-1004. Оп. 4. Д. 512. Л. 202 – 202 об.
8. ЦАНО. Ф. Р-3098. Оп. 1. Д. 36.

9. Кто есть кто в архивной службе Нижегородской области: биогр. справ. / сост.: О.С. Аржанова, Б.М. Пудалов, Г.А. Шестакова. – Н. Новгород: Ком. по делам арх. Нижегород. обл., 2004 (ООО Растр-НН). – 109 с.

10. Кто есть кто в архивной службе Нижегородской области: биографический справочник / сост. Г. А. Шестакова. – Изд. 2-е. – Н. Новгород: Ком. по делам архивов Нижегородской обл., 2009. – 121 с.

11. Кто есть кто в архивной службе Нижегородской области: биографический справочник / сост. Г. А. Шестакова. – Изд. 3-е. – Н.Новгород: Центральный архив Нижегородской обл., 2015. – 138 с.

12. Кто есть кто в архивной службе Нижегородской области: биографический справочник / сост. Г.А. Шестакова. – Изд. 4-е. – Н.Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2019. – 164 с.

13. Митрофанов В.В. С.Ф. Платонов и научно-краеведческие общества, архивные комиссии России: монография. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2011. – 322 с.

14. Писарькова, Любовь Федоровна. Губернские ученые архивные комиссии. 1884-1923 гг.: аннотированный указатель содержания изданий. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Новый хронограф, 2015. – 941 с.

15. Пудалов Б.М. Кадры решают все. И в архивном деле тоже (Историко-социологические портреты нижегородских архивистов) // URL: <https://pandia.ru/text/80/414/60127.php>;

16. Пудалов Б.М. Первые руководители Нижегородской архивной службы (1919-1935) // Отечественные архивы: научно-практический журнал. – 2003. – № 5. – С.10-15.

17. Пудалов Б.М. Первый руководитель нижегородской архивной службы / Материалы II Нижегородской архивоведческой конференции. – Н.Новгород, 2006. С. 124-125.

18. Чернова А.В. История и организация архивного дела в СССР (краткий очерк) / отв. ред. Бабурин Д.С. – М., 1940.

19. Хранители документальной памяти. Нижегородская архивная служба в 1919-1938 гг. / сост.: М. Ю. Гусев (отв. сост.), Б. М. Пудалов, Н. Н. Толстова. – Н.Новгород: Ком. по делам арх. Нижегородской обл., 2009. – 337 с.

ЛИКВИДАЦИЯ БЕЗГРАМОТНОСТИ В АРЗАМАССКОМ УЕЗДЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Олег Владимирович Ефимов

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, к.и.н., доцент кафедры истории, обществознания и права историко-филологического факультета
Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: oleg.efimov1965@mail.ru*

Настоящая статья посвящена процессам ликвидации безграмотности в Арзамасском уезде в конце XIX – начале XX веков. На примере местных конкретно-исторических материалов Нижегородской области и г. Арзамаса анализируются причины неграмотности русских людей. Определены коренные изменения в систе-

ме образования Российского государства, послужившие основой устранения неграмотности населения, укреплению позиций начальной школы и учителя.

Ключевые слова: российское образование; реформы образования; неграмотность; конкретно-исторические материалы; начальное образование; церковно-приходские школы; уездный отдел народного образования; школы малограмотных; культурная революция

Модернизация российской экономики и всей системы общественных отношений невозможна без системных и качественных реформ в сфере образования, и, прежде всего, начального, которое охватывает все слои нашего общества. В Российском государстве на протяжении всего его исторического развития любые реформы и преобразования были успешными, если мероприятия проводились в совокупности с изменениями и развитием системы образования. Для того чтобы понять важность и значимость народного образования, необходимо обратиться к прошлому, что выявит проблемы и противоречия, с которыми столкнулась наша страна и не смогла их пережить без великих и трагических потрясений.

Для понимания сложившихся в системе образования проблем необходимо обратиться к местным конкретно-историческим материалам. Нижегородский регион всегда представлял интерес для исследователей, так как имел широкое сочетание и взаимодействие аграрного и промышленного секторов, обеспечивающее взаимодействие различных социальных групп. По данным переписи 1897 года в Нижегородской губернии грамотными были 34,4% мужчин и 11,1% женщин [12, с.3]. В Арзамасском уезде из 62044 мужчин грамотными были только 22579 (36,4%), из 76736 женщин лишь 7681 (10%). В деревне, где проживала основная часть населения, уровень грамотности снижался соответственно для мужчин – до 34,1% и для женщин – до 6,8% [12, с.5].

Несомненно, эти показатели свидетельствуют об очень низком уровне развития начального образования, о его недоступности для широких слоев общества. Но нельзя говорить и о том, что власть и местные органы самоуправления были безучастны к развитию системы образования. Народное образование в 90-е гг. XIX века в Арзамасском уезде характеризуется по сравнению с прошлыми годами наиболее высокими темпами развития.

Появились попытки ввести так называемые «повторительные проверочные школы». Принимались своеобразные меры контроля

для того, чтобы не забывалась грамотность. Однако Уездная Управа не смогла высказаться за утверждение этого вопроса, т.к. слишком тяжелое экономическое положение заставляло земство заботиться об уменьшении расходов.

Широкое развитие получают церковно-приходские школы и школы грамотности. К 1894 г. их количество насчитывало 69 (соответственно 22 из 47). Вместе с постепенным увеличением количества школ увеличивалось и количество учащихся в них. В 1890 г. в церковно-приходских училищах училось 363 человека, в школах грамотности – 118 [8, с. 52]. В 1894 г. соответственно 781 и 971 человек. Эти школы были открыты на средства духовенства, Нижегородского Епархиального училищного совета, на средства благотворителей, попечителей и сельских обществ. Постепенное увеличение школ и учащихся в них говорило о том, что эти школы имели жизнеспособность, несмотря на то, что развивались при крайне неблагоприятной материальной обстановке, и были необходимы для местного населения, которое охотно обучало в них своих детей, что доказывалось фактом увеличения из года в год числа учащихся. Церковно-приходские школы создавались в пику земским и финансировались государством гораздо лучше, чем последние. Существовали также и препятствия в уезде к открытию церковных школ. Это отсутствие помещений и невозможность их строительства или найма ввиду бедности сельских обществ. Поэтому для этого необходима была постоянная помощь. Существовавшие помещения, так же, как и в земских школах, не вполне удовлетворяли требованиям хорошего учебного заведения.

В 1897/1898 учебном году насчитывалось 70 школ духовного ведомства: одна двухклассная, 37 церковно-приходских одноклассных, 32 школы грамотности. Из них 40 помещались в собственных зданиях, 14 в церковных караулках, домах причта, в частных бесплатных квартирах, 16 – в наемных квартирах. Училось в них 1790 человек; в церковно-приходских – 1197 и школах грамотности 593 человека [11, с. 4].

В 1899 г. появилась школа ремесленных учеников, в которую поступали не иначе, как окончившие курс в начальных училищах. Трехгодичный курс школы распределялся на три класса. По общеобразовательным предметам курс школы соответствовал курсу двухклассных училищ; по специальным практическим предметам

школы выпускала хорошо подготовленных учеников «в правильных приемах того или иного ремесла» [9, с.127]. Соответствующими отделениями школы ремесленных учеников являлись слесарно-кузнечное и столярно-токарное. Также в 1899 г. в Арзамасском уезде было 4 двухклассных министерских училища (в Выездной Слободе, Ваде, Мотовилове, Панове); 3 одноклассных министерских (в Вечкусове, Ново-Иванцеве и Старом Ивашкове); 53 сельских (общественно-земских). Двухклассное училище должно было служить непосредственным продолжением курса начальных училищ, и в этом их преемственная связь с начальными училищами.

Для 90-х гг. XIX века характерно увеличение количества учащихся. Так, в 1890 г. в уезде обучалось около 2000 человек. В среднем на одно училище приходилось 46 учащихся. К 1894 г. обучалось около 2500 человек – на каждую школу приходилось уже 54 учащихся. Постепенно возрастало число учеников, окончивших курс: в 1891 г. – 260 человек, в 1893 г. – 325, 1894 г. – 328, 1899 г. – 406. В 1899 г. количество учеников составляло около 3000 человек [9, с.75]. Безусловно, в городе и уезде наблюдалась положительная динамика роста учебных заведений, но количество населения росло значительно быстрее, поэтому существующая система народного образования не могла охватить всех желающих получить хотя бы начальное образование. Если же уровень образования соотнести с потребностями производства, будет понятна их прямая зависимость. В стране и регионе не проводились крупномасштабные индустриальные преобразования, поэтому не было потребности в квалифицированной рабочей силе. Подобное положение усугублял секторный разрыв между сельским хозяйством и промышленностью, т.е. нарушалась связь между городом и деревней: сельское хозяйство исчерпало возможности экстенсивного типа производства, город не мог вобрать в себя избыток сельского населения и дать селу новые средства производства, что в дальнейшем приведет к революционным потрясениям.

Критерием оценки качества образования может служить жалование учителей начальных школ. В церковно-приходских школах учителя получали ничтожное вознаграждение – от 4 до 10 рублей в месяц. Работники образования в школах грамоты имели для своего материального содержания не вполне определенные источники. Большая часть из них получала плату от родителей учащихся (в

среднем каждый получал 10 рублей в зиму). Следствием этого был уход преподавателей из школ в работники. В связи с низким уровнем оплаты своего труда они оставляли школы, на их места приходили менее опытные специалисты, что отрицательно сказывалось на качестве образования [10, с. 35]. Для сравнения приведем заработную плату поденного рабочего, которая равнялась 15 рублям, ткача – 20 рублям, рабочий – металлист получал до 50 рублей, машинист паровоза до 100 рублей.

В начале XX века содержание учителей улучшилось: от 200 до 400 рублей в год получали 20 человек (в основном учителя учебных заведений Арзамаса, а также двухклассных и одноклассных училищ в уезде); от 200 до 300 рублей – 27 человек, от 150 до 200 – 35 человек, меньше 150 рублей в год только 4 человека. Но и такое положение говорило о нищенском существовании учителей. Газета «Нижегородский листок» в 1913 г. поместила статью «Низкое жалование учителя», где один из педагогов с горечью писал: «Во всем ограничиваюсь: голодаю, мерзну, болею, тупею» [13, с. 41].

Коренные изменения в системе образования начнутся после Октябрьской революции 1917 года. Для школьной системы дореволюционной России характерно было многообразие преемственно не связанных между собой типов школ. Не было в стране и единой системы управления делом народного образования. По декрету Совнаркома РСФСР от 5 июня 1918 г. все учебные и общеобразовательные учреждения и заведения были переданы в ведение Наркомата по просвещению, что обеспечивало единство школьной реформы.

В сентябре 1918 г. в Арзамасе был образован Уездный Отдел народного образования, структура которого периодически менялась. Первоначально она состояла из подразделов: начальной школы, средней школы, профессионального образования, дошкольного воспитания. Как следует из отчета Уездного Отдела народного образования за 1920 г., его структура с того времени постепенно усложнялась: «Арзамасский Уездный Отдел народного образования распадается на следующие подразделения: школьный, внешкольный, финансовый, хозяйственный и секции: информационно-статистическую, библиотечную, искусств, дошкольного воспитания и социального воспитания» [1].

Первый учебный год советской школы характеризовался острой политической борьбой со старой школой, годом обновления административно-педагогического персонала и учительства. Основной формой пересмотра учительского состава являлись перевыборы. По Арзамасскому уезду выборы школьных работников в июле-августе 1918 г. показали, что было забаллотировано и уволено 20 человек, из них 11 учителей по школам Арзамаса [13, с.12].

Как показывают документы начала 1920-х гг., «надежных» работников не хватало. Поэтому в 1920-е гг. развернулась массовая подготовка педагогических кадров. Открылись педагогические курсы: краткосрочные (сроком от двух недель до двух месяцев), годовые, трехгодичные. В Арзамасе для подготовки учительских кадров в 1918-1919 гг. были организованы двухмесячные курсы, осенью 1919 года – двухнедельные краткосрочные курсы, бывшая учительская семинария была преобразована в трехгодичные Педагогические курсы, а также организованы командировки учителей для переподготовки в Нижний Новгород и Москву [2]. Столь интенсивная подготовка педагогического персонала способствовала тому, что к 1925 г. перебоев в работе школ по причине нехватки учительских кадров не было [2].

Другое направление работы органов образования – улучшение материального положения учителей, которое одновременно должно было способствовать и повышению роли учителя в обществе. В условиях Гражданской войны и иностранной интервенции государство не способно было обеспечивать удовлетворительное материальное положение учителя. Так, в отчете по Арзамасскому уотнаробу за октябрь-декабрь 1921 г. отмечалось: «Учительский персонал начал получать с сентября 1921 г. от 30 до 50 тысяч рублей в месяц. Очевидно, что при современной дороговизне это совершенно не обеспечивает работника» [3]. Однако местные власти проявляли заботу об учителях. Например, в 1922 г. Нижегородскому Губно было выделено 30 тысяч пудов хлеба. Со временем отмечается тенденция к повышению заработной платы учителя: в 1923 г. учителя первой ступени получали 16 рублей 12 копеек, в 1925 г. она увеличилась до 26 рублей 25 копеек и до 33 рублей 75 копеек в городе.

Размер оплаты труда в 1926-1927 учебном году выражался в твердой системе окладов: преподавателям школ I ступени – 38 руб-

лей, II ступени – 54 рубль. За заведование школой начислялась надбавка в размере 10 % от основного оклада в школах I ступени и 15 % - в школах II ступени. Обозначенные оклады обуславливались обязательной еженедельной нормой рабочего времени в 24 часа для преподавателей школ I ступени и 18 часов для преподавателей школ II ступени [3].

Чтобы несколько ослабить ту тяжелую обстановку, в которой оказались школы, УОНО провел организационную работу по созданию в городе пришкольных хозяйственных комиссий. В декабре 1921 г. при каждой школе в Арзамасе начали свою работу хозяйственные комиссии, которые избирались родительским собранием, в составе трех лиц. Комиссии выдвинули идею о необходимости введения самообложения среди родителей учащихся, которая была поддержана УОНО. В результате в школах города была введена плата за обучение с разгруппировкой ее на 4 категории в школах II ступени и на 3 категории – в школах I ступени. Было произведено деление учащихся по группам, выразившееся в следующих цифрах: по школам I ступени к первой категории было отнесено 68 человек с платой 9 миллионов, ко второй – 414 человек с платой 2 миллиона, к третьей (бесплатной) – 602 человека. По школам II ступени: к первой категории было отнесено 72 человека с платой в 10 миллионов, ко второй – 118 человек с платой 7 миллионов, третьей – 345 человек с платой 2 миллиона, четвертой (бесплатной) 220 человек. Таким образом, к плательщикам было отнесено 1017 человек, к неплательщикам – 822 человека [4]. Постановлением ВЦИК и СНК от 22 марта 1923 г. во всех школах Соцвоса РСФСР вводилась плата за обучение. Размер платы устанавливался в соответствии с социальным положением родителей учащихся. Как следует из отчетов Арзамасского УОНО, плата за обучение взималась от 8 до 40 рублей с учащегося и на количественном составе учащихся школ в целом не отразилась [4]. Проблемы образования решались не только за счет населения. По свидетельству архивных документов Уездный Исполком уделял особое внимание делу народного образования. Это подтверждается тем, что в бюджете 1921 г. на дело образования было отпущено две трети всех имеющихся средств [4].

Предпринятые меры и огромное желание населения учиться (долгое время оно было практически лишено такой возможности) позволили уже к началу 1926 г. существенно укрепить имевшиеся

школы, оборудовать и снабдить их всем необходимым. Занятия велись без перебоев. В начале 1925 г. в уезде было открыто 6 новых школ I ступени – всего функционировало 288 школ I ступени и 7 школ II ступени. Теперь школы I ступени удовлетворяли потребность желающих учиться на 95 %, а школы II ступени – на 87 %.

1 ноября 1925 г. в Арзамасе была открыта школа крестьянской молодежи, которая должна была комплектоваться детьми крестьян. При наличии свободных мест в школу принимались дети детских домов и служащих, имевшие склонность к занятию сельским хозяйством.

В целом в 1926-1927 учебном году структура школьных учреждений в Арзамасском уезде выглядела следующим образом: школ I ступени – 318, школ II ступени – 9, семилеток – 2 [5].

Параллельно с организацией и развитием школ шел процесс ликвидации неграмотности среди населения города и уезда. В конце 1919 г. при Внешкольном подотделе Арзамасского Уотнароба была организована Уездная комиссия по ликвидации безграмотности, в ведении которой находилось все дело ликвидации неграмотности. Работа по ликбезу находилась в ведении Волостных комиссий. Согласно обязательному Постановлению Уездной комиссии, на Волостные комиссии возлагались следующие обязанности: поиск и оборудование достаточного количества помещений, привлечение достаточного количества учительского персонала, наблюдение за аккуратным посещением школ неграмотными, привлечение к ответственности лиц, уклоняющихся от обучения, а также предоставление отчетов в Уездные комиссии [6].

Уездная комиссия пришла к заключению – привлечь к обязательному обучению, в первую очередь, неграмотных по уезду в возрасте от 14 до 20 лет, а в городе в возрасте от 14 до 50 лет. Общее количество неграмотных, привлекаемых к обучению в первую очередь, в городе и уезде составило приблизительно 11000 человек. Срок обучения этого количества неграмотных предусматривался с 28 марта по 20 мая 1920 г., при занятиях четыре дня в неделю по три часа ежедневно.

Однако первый опыт по обучению неграмотных оказался малоуспешным. Население игнорировало занятия в связи с различными и, в первую очередь, сельскохозяйственными работами. Отказавшись от методов «революционного штурма», в годы НЭПа

власть перешла к систематической, кропотливой линии по обучению неграмотных.

Ячейки «Долой неграмотность» начали свою работу в уезде в сентябре 1925 г. В городе на 30 сентября 1925 г. функционировало 16 ячеек, в которые входило 1000 человек, и работало 74 деревенских ячейки с общим количеством обучавшихся в них 1200 человек. В январе 1925 г. в Арзамасе было открыто 3 школы малограмотных с шестимесячными курсами обучения в них.

Существенно расширилась сеть учреждений по ликбезу в 1926-1927 гг. В этот период 34 основными пунктами было охвачено 1104 человека, 81 группой было охвачено 1.800 человек; в 10 школах малограмотных обучалось 248 человек; в 5 школах для неграмотных подростков – 181 человек. Большой процент обученных на ликпунктах и в группах приходился на долю подростков [7].

Таким образом, дело просвещения и образования населения в первые годы советской власти явилось делом государственной важности. Уже в период Гражданской войны органы власти заложили основы для будущей культурной революции, что станет основой великих модернизационных процессов 30-х гг. XX столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАНО, г. Арзамас). Ф. Р.-103. Оп.1.Д.441. Л.18.
2. ГАНО, г. Арзамас. Ф.Р.-23. Оп.1. Д.25.Л.48.
3. ГАНО, г. Арзамаса. Ф. Р.-23. Оп.1. Д.956. Л.380.
4. ГАНО, г. Арзамас. Ф.Р.-103. Оп.1.Д.498. Л.194.
5. ГАНО, г. Арзамас. Ф.Р.-103. Оп.1.Д.1089.Л.124.
6. ГАНО, г. Арзамас Ф.Р.-23. Оп.1.Д.283.Л.169.
7. ГАНО, г. Арзамас. Ф.Р.-23. Оп.1. Д.1089. Л.28.
8. Журналы XXX очередного Арзамасского Уездного Земского Собрания с приложениями на 1895 г. – Арзамас, 1985.
9. Журналы XXXV очередного Арзамасского Уездного Земского Собрания и чрезвычайно бывшего 16 мая 1899 г. с приложениями: сметы и раскладки уездного земского собора, докладов управы и других документов. – Арзамас, 1900.
10. Журналы XXX очередного Арзамасского Уездного Земского Собрания с приложениями на 1895 г. – Арзамас, 1895.
11. Краткий обзор по уездам положения народного образования в 1897-1898 гг. и постановления XXXIV очередного Уездного Земского Собрания. – Б.м., б.г.
12. Морозов А. Ленин и просвещение // Вестник просвещения. – Оренбург, 1926. – № 1 [4]. – С.3-7.
13. Школа советского общества: опыт политической истории (по материалам Нижегородской области) / Под ред. А.Д. Белявского. – Н.Новгород: Нижегородский гуманитарный центр., 1997. – 205 с.

**ЗЕМСКОЕ НАЧАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ
В С. КРАСНОЕ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРЗАМАССКОГО УЕЗДНОГО
УЧИЛИЩНОГО СОВЕТА)**

Сергей Александрович Зотов

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, к.и.н., доцент кафедры исто-
рии, обществознания и права историко-филологического факультета
Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: istagri@mail.ru*

В статье анализируется одно из важнейших направлений в деятельности земства на рубеже XIX-XX вв. – развитие народного просвещения. На основе архивных материалов прослеживается процесс создания и становления земского начального училища в с. Красное Арзамасского уезда, делается вывод о целенаправленной и результативной работе органов местного самоуправления в указанный период в сфере начального образования.

Ключевые слова: земство; начальное образование; с. Красное; Арзамасский уезд; рубеж XIX-XX вв.

Становление школьного образования в селе Красное, расположенного под Арзамасом, связано с кипучей деятельностью органов земского самоуправления в сфере попечения о народном образовании. Арзамасское земство на рубеже XIX-XX вв. создало широкую сеть сельских начальных училищ, охватившую практически все населённые пункты уезда, и только революционные потрясения 1917 года в России не дали земцам завершить близившуюся к концу работу по введению всеобщего начального образования среди детского населения. Это утверждение основывается на изучении архивных материалов обозначенного периода, в частности, фондах Арзамасского госархива «Арзамасский уездный училищный совет» (фонд 10) и «Инспектор народных училищ 4 участка Арзамасского уезда Нижегородской губернии» (фонд 43).

Согласно действующему в Российской империи с 1874 г. Положению о начальных народных училищах [1, с. 8] процедура открытия начальной школы в сельской местности имела ряд особенностей. Первоначально требовалась оформленная решением общего схода заявка сельского общества об открытии училища в адрес земских органов (земского собрания, земской управы) или уездного училищного совета, который непосредственно руководил всей школьной сетью. Относительно открытия земской школы в Крас-

ном в 1883 году подобный документ обнаружить в архивных фондах не удалось.

Финансирование учебного процесса в конкретной сельской школе практически полностью ложилось на земский бюджет (судя по документам около 75% всех затрат [1, с. 223]), также привлекались средства сельских обществ и меценатов. В скобках подчеркнём, что сопоставимые с земством финансовые ресурсы от казны и различных просветительских общественных организаций (например, в Арзамасский уезд доходили средства от Московского общества распространения грамотности) появились в земских бюджетных сметах на образование вскоре после завершения революционных событий 1905-1907 гг. и сравнялись с земскими к 1913 г. [2, с. 487].

Следует также отметить требование законодательства об избрании местными жителями попечителя для заведывания конкретным начальным училищем. Одним из первых попечителей Красносельского училища был избран крестьянин Я.И. Стулов, но из-за нерадивого отношения к своим обязанностям он был освобожден от почетной должности, в 1893 г. на его место была избрана супруга старшего лесничего Мария Елисеевна Россова. В 1902 г. на сходе 242 собственников земли с. Красного на выборах попечителя было оказано доверие 45-летнему крестьянину Тимофею Степановичу Меньшову. В приговоре схода ему давалась высокая характеристика («хорошего поведения, под судом и следствием не был и не состоит») и выражалась уверенность в достойном исполнении возложенных на него обязанностей [3, д. 52, л. 38].

Датой основания школы в с. Красное следует считать 1883 год, в этом году по документам уездного училищного совета было открыто земское сельское двухклассное начальное училище. На первых порах в нем обучались только мальчики в возрасте 8-14 лет. В учебный план входили: закон Божий, русский и церковнославянский языки, арифметика и геометрия, всеобщая и русская история, география и естествоведение, правописание и чистописание. Отдельно в табели ставилась оценка по поведению. В 1887 г. к этим предметам прибавилось пение по личной инициативе местного дьякона И.Ф. Паскевича. Он стал учителем пения на общественных началах. По отзывам земцев его занятия имели успех среди уча-

щихся, а сам Паскевич неоднократно получал за свои труды небольшие премии от уездного земства [3, д. 52, л. 38].

Достойные получить свидетельство о завершении обучения выпускники (в возрасте 12-14 лет) допускались к сдаче экзаменов, которые проходили в апреле-мае. Экзамены проводили члены уездного училищного совета, выезжавшие в школы Арзамасского уезда. Ученики из Красного проходили испытания в с. Абрамово, а экзаменаторами в 1880-90-х гг. выступали председатель училищного совета, предводитель уездного дворянства М.И. Степанов и член совета, священник Ф.И. Владимирский [4, д. 5, л. 68]. Среди самых первых выпускников Красносельского училища, получивших свидетельства по окончании курса в 1887 г., стали Иван Жулин и Иван Сазонов. В 1891 г. свидетельство было вручено вместе с тремя другими учащимися из Красного Ивану Маркеву [3, д. 9, л. 15, л. 128 об.], деду героя Великой Отечественной войны Ивана Николаевича Маркеева (1922-1945).

Первые двадцать пять лет существования земской школы в Красном учительский коллектив состоял всего из двух человек. Преподавательские обязанности законоучителя попеременно выполняли местные священники – Василий Архангельский и Николай Красотский (последний в 1914 г. был награжден училищным советом грамотой за «отличную, усердную и полезную службу» [3, д. 107, л. 23]). Основная учебная нагрузка всю указанную четверть века лежала на учительнице Марии Троицкой, первом педагоге с. Красное.

Приём обучающихся в Красносельскую школу был ограничен 60 учениками, а количество желающих получать начальное образование было больше. Это обстоятельство объяснялось теснотой наёмного двухкомнатного дома, в котором располагалось земское училище. Неоднократно земские гласные обращались к сельскому обществу с просьбой построить отдельное здание для школы, используя бесплатный пиломатериал из казённого леса и беспроцентную ссуду из земского бюджета. Но крестьяне на сходе отклоняли это предложение: в 1896 г. - за неимением денег, в 1898 г. – из-за неурожая [3, д. 9, л. 352 об., л. 460].

Только в 1911 г. Красносельское училище получило собственное здание. В том же году количество учащихся удвоилось по сравнению с предшествующим периодом и составило 115 человек.

Педагогический коллектив стал состоять из трёх учителей (кроме священнослужителя), ведущая роль в коллективе принадлежала Антонине Петровне Морковиной [3, д. 87, л. 8-8 об.]. О её выдающейся педагогической деятельности свидетельствует один факт: в 1915 г. А.П. Морковина в числе двадцати пяти учителей Арзамасского уезда была представлена к званию Почётного гражданина и награждена серебряной нагрудной медалью на Александровской ленте с надписью «за усердие» за вклад в развитие народного образования [3, д. 107, л. 30-30 об.].

Накануне Первой мировой войны учебный процесс в Красносельской школе приобрёл чёткие очертания. Учебный год начинался в сентябре и заканчивался экзаменами в мае. Занятия проходили с 9 часов утра, расписание состояло из 4-6 уроков в день, уроки длились 55 минут, а перемены – 5-10 минут, после третьего урока – 25-минутная перемена. В младших классах изучались русский язык, арифметика, закон Божий, чистописание, в старших – арифметика, геометрия, естествоведение, история, география, закон Божий, русский и церковнославянский языки. Педагогический коллектив состоял из четырёх учителей, в него входили Наталья Немцова, Анна Беляева, Мария Алмазова и Софья Смирнова [4, д. 75, л. 159 об.].

Кратко подводя итоги, следует подчеркнуть, что земское начальное училище в с. Красное Арзамасского уезда успешно прошло путь становления на рубеже XIX-XX вв. Архивные материалы свидетельствуют об объективных трудностях функционирования Красносельской школы, в первую очередь, о финансовых ограничениях земского бюджета, не позволявших на сто процентов охватить всех сельских детей. Одновременно можно делать вывод о результативности учебного школьного процесса в Красном: имелись талантливые педагоги и усердные выпускники, успешно проходившие экзаменационные испытания на получение документа о начальном образовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Учебные заведения г. Арзамаса в XIX – начале XX века: сборник документов / Сост. Н.С. Кондратьева, А.Н. Кузьмина, И.Г. Потороева. – Нижний Новгород: ЦАНО, 2021. – 492 с.
2. Производство XXXXIX очередного Арзамасского уездного земского собрания. Арзамас, 1913.
3. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас. Ф. 10. Оп. 1.
4. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас. Ф. 43. Оп. 1.

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И ГОРОДЕЦ

Артём Михайлович Искаков

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, магистрант кафедры русского языка и литературы историко-филологического факультета
Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: artem.iskakov@yandex.ru*

Научный руководитель – Ю.А. Курдин, к.филол.н., доцент кафедры русского языка и литературы историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ

Анализируется значение личность Александра Невского и его место в истории города Городец Нижегородской области. Раскрывается своеобразие архитектурного облика Городца.

Ключевые слова: Городец; Нижегородское княжество; Нижний Новгород; монастырь; Невский; памятник

Как сообщает летописец, князь Александр выехал осенью 1263 года из Орды на Русь уже тяжело больным. В Нижнем Новгороде он сделал короткую остановку и, едва доехав до Городца, 14 ноября (по старому стилю), приняв монашеский постриг и высший иноческий чин (схиму) с именем Алексия, окончил свой земной путь. Вот как повествует об этом Московский летописный свод конца XV века: «В лето 6771. ... Князь великий Александр поиде в Орду ко царю Беркаю, и удержа и царь, не пусти его в Русь, и зимава в Орде, тамо и разболеся, и доиде до Новагорода Нижнего и пребыв ту мало и иде на Городец и тамо в болший недуг впаде и пострижеса в чернцы ноемврия во 14, тое же ноци и преставися; святое же его тело понесоша ко Володимерю» [1, с. 144-145]. О том же сообщает и Житие: «Великий же князь Александр Ярославич взыйде от иноплеменник до Нова города до Нижняго и ту пребы дни мало здрав, дошед Городца и разболеся. ... Великий же князь Александр Ярославич ревновав по господе бозе своем крепко, оставя земное царство и желая небесного царствия, възприят ангилский образ мнишескаго житиа; еще сподоби его бог больший чин воспиати – скиму. Тако господеву дух предаст с миром, скончася месяца ноября в 14 день» [2, с. 161].

Из Городца траурная процессия отправилась во Владимир, где 23 ноября Александр Ярославич был погребён в соборе монастыря Рождества Пресвятой Богородицы. В каком возрасте умер князь Александр? В летописях не упоминается ни год, ни день его рождения. Вероятная дата – 13 мая: день памяти святого воина

Александра Римлянина, единственного святого, тезоименитого князю и отмеченного в Минее XIII века [3, с. 18–33; 4, с. 149–150]. Годом рождения Александра многие авторы считают 1220-й, хотя есть аргументированная точка зрения, что князь родился в 1221 году [5].

Со временем росло почитание князя не только как полководца, но и как православного святого. «Первое открытие и освидетельствование мощей святого князя состоялось после Куликовской битвы в 1381 году, при митрополите Киприане, который повелел с тех пор называть Александра Невского «блаженным» [6, с. 172]. После канонизационного собора 1547 года ему было установлено общерусское церковное празднование. С этого же времени Александр Ярославич именуется «Невским» (в конце XV века он был назван новгородцами «Храбрым» [7, с. 140, 144, прим. 1, 2; 8, с. 49, 53, прим. 22]).

«В связи с возрастающей популярностью Александра Невского как заступника Русской земли и основателя династии – московской ветви Рюриковичей – были предприняты дальнейшие шаги по мифологизации его личности и оцерковлению всех его поступков, – пишет исследователь Ю. К. Бегунов. – После открытия его мощей (весна 1381 года) и особенно после общерусской канонизации в 1547 году почитание этого князя как святого распространилось повсеместно, при этом текст Первой редакции Жития неоднократно переделывался, дополнялся, изменялся; иногда менялся стиль всего повествования, отдаляясь от стиля воинской повести и приближаясь к каноническому, житийному... В XVII веке первые цари из новой династии Романовых также проявили чрезвычайную заботу об увековечивании его памяти... ежегодными стали крестные ходы в день его церковной памяти 23 ноября» [9, с. 164].

Все обстоятельства смерти князя остаются невыясненными до сих пор. Так, в историографии местом кончины назывался иногда не Городец на Волге, а Городец-Мещёрский на Оке в Рязанском княжестве (ныне город Касимов). Несостоятельность этой версии была убедительно доказана ещё в конце XIX века [10, с. 496–498]. Точное же место этого скорбного события в Городце долго вызывало споры историков и краеведов.

Многие издания сообщают, что князь Александр скончался в келье Городецкого Феодоровского монастыря [11, с. 29; 12, с. 41, 96]. Однако надо учесть, что эта распространённая версия – церков-

ное предание, известное с XVIII века и не подкреплённое (но и не опровергнутое) источниками [13, с. 56–62]. Из-за крайней скудости письменных данных о древнем Городце, ранняя история Феодоровского монастыря, равно как и других монашеских обителей, храмов и некрополей XIII века, неизвестна. Монастырь как место смерти князя не упомянут ни летописями, ни Житием. Из текста последнего следует, что перед смертью в Городце Александр Ярославич принял монашеский постриг, но где точно произошли эти события – неясно.

По мнению исследователей, само Житие сложилось независимо от летописных сообщений. Оно было написано во Владимире неизвестным иноком Рождественского монастыря вскоре после кончины князя Александра [9, с. 163], и «подробности Жития основаны на рассказах очевидцев, знавших и наблюдавших Александра Невского как полководца» [14, с. 24]. Автор Жития вполне мог знать все обстоятельства пострига князя Александра в Городце, но по каким-то причинам не счёл нужным описывать их в своём произведении. В этом не было ничего исключительного, подобный лаконизм свойственен многим историческим памятникам Древней Руси.

Некоторые авторы считают, что упоминание под 1401–1402 годами в духовной грамоте владельца Городца князя Владимира Андреевича Серпуховского «фёдоровских варниц» в Соли-на-Городце (на месте Балахны) косвенно указывает на Феодоровский монастырь. Однако, это упоминание и дату смерти Александра Невского (1263 год) разделяет более чем вековой период.

Согласно церковному преданию, кончина Александра Невского произошла в келье Городецкой Феодоровской обители. Важно отметить, что в Новое время именно монастырь хранил в Городце память о святом благоверном князе.

Древняя монастырская история не нашла отражения на страницах летописей. Наиболее ранняя запись обнаружена Н. Н. Бахаревой в городецкой писцовой книге, составленной между 1680–1684 годами: «Монастырь Феодоровский (...), в поле от валу порошенные старые кладбища, а на том кладбище поставлен столп, а в том столпе образ пресвятыя богородицы Феодоровския» [15, с. 149; 16; 17, с. 9; 18; 19].

Обитель была названа в честь чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери. Образ этот много веков хранится в Костроме. Там же бытовало предание о том, что икона оказалась в их городе после Батыева нашествия, в 1239 году, чудесным образом перенесясь из разорённого Городца. В Костроме икона получила название «Феодоровская» – от церкви св. Феодора Стратилата, в которую была помещена. Узнав свою икону в Костроме, городчане список с неё (копию) перевезли обратно в Городец. В духе этой костромской легенды появилась и версия о названии в честь чудотворной иконы самой Феодоровской обители [20].

Исследователь Н. Н. Бахарева считает, что «...нельзя исключить вероятности присвоения народной молвой давно не существующему монастырю названия Фёдоровского уже в XVII веке, в связи с прославлением иконы «Богоматери Фёдоровской» как патрональной святыни дома Романовых [в 1613 г. ею благословили на царствие Михаила Фёдоровича Романова – прим. авт.]. Монастырь мог получить легендарное название благодаря сохранённой памяти о том, что из него некогда вышла всенародно почитаемая икона» [15, с. 149].

Феодоровский монастырь был основан в селе Городце в первые годы XVIII века, располагался он за территорией древнего города. К концу XIX века монашеская обитель играла всё более заметную роль в жизни Городца. При ней открылись миссионерское братство имени Александра Невского, начальное училище, первые в селе больница и библиотека [17, с. 18–24].

В ансамбле монастыря были четыре храма: в честь Феодоровской иконы Божией Матери, во имя святого Александра Невского, во имя святого Феодора Стратилата (под колокольной), во имя святого Целителя Пантелеймона (в трапезной). Главными святынями обители являлись список Феодоровской иконы и образ святого благоверного великого князя Александра Невского с частицей его мощей [16, с. 106–107]. В 1882 году Александро-Невский собор был выстроен заново. Жертвовали на храм местные жители Т. А. Плеханов и Ф. С. Кутенёв, а купец-благотворитель И. А. Нозринский устроил в нём позолоченный дубовый иконостас [17, с. 20].

Жизнь монастыря круто изменилась после революции 1917 года. В 1927 году Советская власть начала закрытие всех действующих в губернии монастырей. Последний из храмов городецкой

обители – во имя святого Александра Невского – как приходская церковь существовал до 7 октября 1934 года [17, с. 27]. К середине XX века церкви и колокольни бывшего монастыря были разрушены, а в братских корпусах разместились почта и больница.

К счастью, в Городецком музейном комплексе сохранились как минимум две ценных монастырских иконы. Первой из них укажем икону Божией Матери «Феодоровская» с чудесами образа. Икона отмечена в книге поступлений в 1953 году, но точные обстоятельства передачи её в музей неизвестны. Возможно, эта святыня уцелела потому, что стала в экспозиции музея иллюстрацией Феодоровского монастыря. Большую двустороннюю икону (105x130 см) развернули оборотной стороной, где читается живописное изображение обители – легендарное место кончины князя Александра Невского [21]. Именно так долгое время экспонировали икону в Городецком краеведческом музее. И только после 1987 года она была вновь обращена к зрителям главной стороной – с ликом Пресвятой Богородицы, Христа и клеймами.

В конце 1990-х годов началось почитание музейного списка Федоровской иконы как святыни Городца, и она сыграла важную роль в возрождении Феодоровской обители (12 сентября 2009 г.). Вскоре после этого исторического события был открыт ещё один памятник, связанный со святым князем и городецким монастырём – икона XIX века «Преподобный князь Александр Невский», также в собрании Городецкого историко-художественного музейного комплекса. В музее хорошо знали этот небольшой, но редкий по типу изображения образ святого князя, и даже одно время экспонировали его в часовне Краеведческого музея рядом с Феодоровской иконой. По книге поступлений предыстория экспоната почти неизвестна (кроме даты записи – 10 сентября 1960 г.). Главная особенность этой иконы в том, что святой князь написан не в привычном образе воина, а монаха: его фигура дана в трёхчетвертном развороте, в рясе и с чётками в руках, лик и воздетые руки обращены к Вседержителю.

В 2012 году «Преподобного князя Александра Невского» реставрировали специалисты из Российской Академии живописи, ваяния и зодчества И. С. Глазунова (преподаватель З. А. Захарова, студентка II курса Ольга Джанкулиева), а год спустя с иконой случилось настоящее открытие. По совпадению, в день церковной па-

мяти Александра Невского – 12 сентября – экспонат был вынут из витрины для научного описания и фотографирования. И тогда на оборотной его стороне сотрудники музея смогли разобрать краткую надпись, до той поры считавшуюся нечитаемой – «Городецкий Феодоровский монастырь» [22]. Это факт был вдвойне интересен, поскольку реставраторы предположили наличие в ней мощевика. Речь шла о небольшой квадратной врезке (9,2 x 9,3 см) на оборотной стороне иконы, в правом нижнем углу. Вокруг неё видны сколы разной длины, которые могут быть следами попыток вскрытия.

Сотрудники музея сразу подумали, что в экспозиции оказалась та самая икона князя с частицей его мощей, что хранилась в Феодоровском монастыре до его разрушения в 1930-е годы. Конечно, обретение одной из святынь Городца было бы волнительным событием. Однако, подкрепить первоначальное предположение фактами пока не удалось. Возник вопрос с точной атрибуцией мощевика (его аналоги встречаются крайне редко), а главное, не известны описание и размер старой монастырской иконы. Тем не менее, «Преподобный князь Александр Невский» представляет несомненную историческую ценность. Судя по иконографии, он был написан в XIX веке с более раннего образа, датированного XVII – началом XVIII столетия. Завершая рассказ об этом экспонате, заметим, что в храмах Городца также есть иконы Александра Невского. И в будущем они могли бы стать предметом отдельного изучения.

В Городецком музее имеется реликвия, связанная с именем князя Александра Ярославича – его вислая свинцовая актовая печать (булла). Нашёл её на берегу Волги летом 1990 года и подарил музею молодой городчанин Владимир Дунин.

Место уникальной находки было неслучайно. «На берегу Волги, – пишет археолог Татьяна Владимировна Гусева, – под улицами Щорса, Кожанова, Свердлова (они располагаются на месте древнего кремля – «детинца») в песке встречаются свинцовые княжеские печати. Они невзрачны на вид. С оттисками изображений на обеих сторонах. Зачастую изображения стёрты, замыты водой. На печатях можно заметить сквозные отверстия: через них пропускался шнурок, на котором печать подвешивалась к документу. Сами документы не сохранились. А находки печатей дают дополнительную информацию о месте древнего княжеского дворца» [23, 24].

Принадлежность печати Александру Невскому с самого начала не вызывала сомнения. На лицевой стороне изображён всадник с мечом в правой руке, на обороте – «изображение св. Феодора в композиции «чудо о змии». Святой в полный рост, оборотаясь влево, поражает копьём змия, а левой рукой держит за повод коня, который передан очень условно» [25, с. 163]. Между головой святого и конём читается «ФЕДР», т.е. Феодор – это крестильное, христианское имя отца Александра Невского – князя Ярослава Всеволодовича.

Историкам известно более ста свинцовых булл Александра Невского (последний, 135-й экземпляр был найден в 2019 году на раскопках в историческом центре Ярославля [26]). Однако на территории Нижегородской области печать из Городца в своём роде уникальна.

Городчане помнят и чтят святого благоверного князя Александра Невского. В исторической части города есть улица с его именем, а рядом на волжской набережной стоит величественный памятник князю – одна из главных достопримечательностей Городца.

Название улицы Александра Невского появилось на карте города в грозные дни Великой Отечественной войны, в 1942 году. Для поднятия чувства патриотизма Советское правительство обратилось к именам великих русских полководцев. Духу военного времени отвечали и предложения нижегородского историка и краеведа Николая Михайловича Добротвора переименовать Городец в Александр-Невск [27].

Идея переименования города не нашла поддержки, зато одна из его улиц – Красноармейская (бывшая Варыхановская) – стала ул. Александра Невского. Городчане посчитали, что эта улица, где согласно легенде жили ненавистные ордынские баскаки («ворыханы»), прежде других достойна носить имя великого русского полководца (позднее по писцовым книгам было установлено, что улицу назвали от фамилии Варыхановых – богатых городецких крестьян XVII века [28, с. 106]).

Спустя полвека, в канун 730-й годовщины кончины Александра Ярославича Невского, на перекрёстке улицы, носящей его имя, и волжской набережной устанавливается памятник прославленному полководцу. Эту идею городчане обдумывали давно – с

того самого дня, когда набережную украсил бюст императора Александра II Освободителя (3 июля 1911 г.). На открытии бюста настоятель Феодоровского монастыря архимандрит Иеремия произнёс речь, где подчеркнул: Городцу необходим памятник не только государю, но и его небесному покровителю – святому Александру Невскому, окончившего земной путь на Городецкой земле.

Шли годы. Исторические эпохи сменяли одна другую, а памятник князю так и оставался лишь в проекте. Наконец, городчане всерьёз намеревались решить эту задачу в 1980-е годы. Местом для памятника могла стать площадь Победы, а среди авторов звучало имя известного горьковского скульптора Павла Ивановича Гусева. В городе даже начался сбор денег, но... грянула «перестройка», и прежние планы были зачёркнуты. Многим казалось, что в такое трудное время уже не до памятников. Тем более неожиданным для городчан стало предложение Евгения Васильевича Мамонтова, предпринимателя из Нижнего Новгорода, увековечить память Александра Невского в Городце за счёт его личных средств (а также ряда спонсоров), и выбрать для монумента одно из самых красивых мест города, удачно обозреваемое с Волги.

Памятник Александру Невскому был открыт 11 сентября 1993 года в необыкновенно торжественной и праздничной атмосфере. Митинг открытия начался субботним утром, в 11-00. Праздник был, действительно, необыкновенный! У него получился не только столичный размах, но и особая атмосфера. Образ Александра Невского предстал перед всеми в очень торжественной обстановке. Высокие гости из Москвы и Нижнего, многочисленные люди в форме (военные, милиция, музыканты), простые горожане – все, кто пришли к Александру Невскому, пережили искреннее чувство народного единства и ликования.

В тот день Городец имел честь видеть у себя высоких гостей. На открытии присутствовали глава администрации Городецкого района Виктор Труфанов, скульптор Иван Лукин и меценат Евгений Мамонтов (оба – нижегородцы), вице-президент России Александр Руцкой, председатель Всероссийского фонда культуры Никита Михалков, губернатор Нижегородской области Борис Немцов, председатель областного Совета народных депутатов Евгений Крестьянинов, митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай.

Памятник Александру Невскому стал играть большую роль в патриотическом воспитании городчан. Так, 21 мая 1996 года возле него прошло чествование нижегородцев – кавалеров ордена Александра Невского. На торжестве присутствовали более 20 ветеранов из 49 проживавших на тот момент в нашей области [29].

Орден Александра Невского был задуман Петром I, но учреждён 21 мая 1725 года уже после смерти императора. Эта награда вручалась высшим сановникам и офицерам в звании не ниже генерал-лейтенанта. Наибольшее число награждений состоялось при Екатерине II и в годы Отечественной войны 1812 года [30, с. 22–24, 69–70; 31, с. 546–547; 32, с. 173–177]. После революции 1917 года царские награды были отменены. Орден Александра Невского был создан заново в дни Великой Отечественной войны. 29 июля 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР учреждались ордена Суворова (I, II и III степени), Кутузова (I и II степени) и Александра Невского [33, с. 44; 34, с. 201, 222, 229; 32, с. 213].

В 2000 году рядом с памятником князю открылся мемориал, посвящённый кавалерам ордена Александра Невского [35, с. 6; 36, с. 11]. По последним уточнённым данным в списке кавалеров – 18 имён. Самый известный из этих ветеранов – А. В. Ворожейкин, лётчик-истребитель, генерал-майор авиации, дважды Герой Советского Союза.

В конце XX века набережная в Городец вновь стала «Александровской». В 1993 году здесь воздвигли памятник великому русскому полководцу, а затем заложили мемориальный камень – символ единства православной Руси, символ единения городов, связанных с именем святого благоверного князя Александра.

Открытие камня состоялось 10 сентября 1995 года, в День города. На праздник в Городец приехали делегации из Переславля-Залесского, Владимира, Пскова, Новгорода и Санкт-Петербурга. Вокруг камня-символа были положены плиты, а под ними – капсулы с землей из городов, история которых соединена воедино подвигами и делами Александра Ярославича Невского. Венчает мемориал идущая вокруг него надпись – духовное завещание князя Владимира Мономаха: «Всем русичам жить в одно сердце».

Настоящей вехой для возрождения памяти об Александре Невском на Городецкой земле стало возрождение Феодоровского мужского монастыря – главного места почитания святого. Это со-

бытие вызревало в умах городчан постепенно. Вначале идея возродить монашескую обитель казалась несбыточной. Однако по мере роста числа верующих, поклоняющихся списку чудотворного образа Пресвятой Богородицы Феодоровской – единственной тогда уцелевшей монастырской святыне, хранящейся в Городецком краеведческом музее [37] – намерение возродить и сам монастырь всё более крепло.

Решающую роль сыграл визит в Городец полномочного представителя Президента России в Приволжском федеральном округе А. В. Коновалова. Это было в 2006 году, в канун памяти святого князя – 5 декабря. Высокий гость познакомился с местами, хранящими у нас память о святом благоверном князе: совершил экскурсию на крепостной вал, на волжскую набережную, на территорию бывшего монастыря. Возрождение Феодоровского монастыря – места, где по церковному преданию «почил в Бозе» Александр Невский, и откуда происходила знаменитая костромская Феодоровская икона (патрональная святыня царствующего дома Романовых) – Александр Владимирович Коновалов посчитал исключительно важной задачей. Она должна была сыграть важную роль в духовном возрождении не только Городца, но и всей России.

В конце 2007 и начале 2008 годов в Городце и в Нижнем Новгороде прошли общественные слушания, совещаний гражданской, церковной властей района и области. На высоком уровне было принято решение о возрождении Феодоровской обители в Городце. Событие должно было стать одним из мероприятий года Александра Невского в России (2009).

Первый камень в основание воссоздаваемого собора в честь Феодоровского образа Пресвятой Богородицы на территории монастыря был заложен 7 апреля 2008 года. Символично, что это долгожданное событие произошло в большой православный праздник – Благовещение Пресвятой Богородицы. Чин закладки совершил преосвященный Георгий, тогда архиепископ Нижегородский и Арзамасский.

Исторической датой для Городца стало 12 сентября 2009 года. В этот день духовенство и верующие впервые в истории города принимали предстоятеля Русской Православной церкви. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл торжественно освятил воссозданный собор в честь Феодоровской иконы Божией Матери.

Святейший владыка Кирилл подарил в освящённый храм список Феодоровской иконы, а министр юстиции РФ Александр Владимирович Коновалов – образ святого благоверного князя Александра Невского. Со временем собор монастыря пополнили другие почитаемые иконы и святыни. Наряду с ними достоин восхищения фаянсовый иконостас храма – его изготовили на Урале, на Сысертском фарфоровом заводе, а иконы написали сёстры Александровского Ново-Тихвинского женского монастыря в Екатеринбурге.

6 декабря 2013 года в монастыре произошло ещё одно историческое событие: был торжественно открыт памятник Александру Невскому, посвящённый 750-летию его кончины (14 ноября ст. стиля 1263 г.). Эта работа скульптора Петра Добаева уникальна тем, что впервые в монументальном искусстве России святой предстал не в образе воина, а смиренного монаха. Именно так писали князя на первых иконах.

Александр Невский – это выдающийся исторический деятель Руси, и в истории Городца его личность занимает особое место. Духовно-символически она объединяет собою древний и новый Городец, день минувший и настоящий. Великий князь Александр Ярославич «почил в Бозе» на нашей земле семь с половиной веков назад, но его благородный образ и поныне живёт в памяти городчан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.-Л., 1949.
2. Житие князя Александра Невского // Хрестоматия по древней русской литературе / Составил Н. К. Гудзий. М., 1952.
3. Кучкин В. А. Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история, 1996. № 5. С. 18–33.
4. Зиборов В. К. О новом экземпляре печати Александра Невского // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследование и материалы. СПб., 1995.
5. Кучкин В. А. О дате рождения Александра Невского // Вопросы истории. 1986. № 2.
6. Бегунов Ю. К. Иконография святого благоверного великого князя Александра Невского // Князь Александр Невский и его эпоха.
7. Хорошкевич А. Л. «Конные печати» Александра Невского в традиции средневековой сфрагистики // Князь Александр Невский и его эпоха.
8. Линд Д. Г. Некоторые соображения о Невской битве и её значении // Князь Александр Невский и его эпоха.
9. Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского в русской литературе XIII–XVIII веков // Князь Александр Невский и его эпоха.

10. Полное собрание сочинений П. И. Мельникова (Андрея Печерского). Издание 2-е. Том 7. СПб., 1909.
11. Энциклопедия православной святости. В двух томах. Т. I. М., 1997.
12. Жизнь святого благоверного князя Александра Невского. Александроневская лавра (исторический очерк). СПб., 2006.
13. Егорькова И. А. Александр Невский и Городецкий Фёдоровский монастырь: легенда и история // Городецкие чтения. Вып. 4. Городец, 2003.
14. Кирпичников А. Н. Невская битва 1240 года и её тактические особенности // Князь Александр Невский и его эпоха.
15. Бахарева Н. Н. К вопросу о происхождении иконы «Богоматери Фёдоровской» // Городецкие чтения. Городец, 1995.
16. История Феодоровского Городецкого монастыря (Нижегородской губ.) и построение в С.-Петербурге храма в память 300-летнего юбилея царствования Императорского Дома Романовых. СПб, 1913.
17. Галай Ю. Г. Фёдоровский монастырь / Городецкая старина. Вып. 2. Городец, 1994.
18. Бахарева Н. Н. Древняя городецкая икона Богородицы: вопросы истории и иконографии // Городецкие чтения. Вып. 4. Городец, 2003. С. 111–125
19. Бахарева Н.Н. Об иконографических источниках образа «Богоматерь Фёдоровская» // V Городецкие чтения. Городец, 2004.
20. История Феодоровского Городецкого монастыря (Нижегородской губ.) и построения в С.-Петербурге храма в память 300-летия Царствующего Дома Романовых. СПб, 1913.
21. Еранцев А. Н., Коновалова З. С. Городецкая святыня. Исторический очерк о списке чудотворной иконы Пресвятой Богородицы «Феодоровская». 2008 г. // Сайт «Волжский перекрёсток» – <http://radilov.ru/krayrodnoy/1373-gorodetskaya-svyatynya.html>
22. Еранцев М. Н. Икона «Преподобный князь Александр Невский» из фондов ГИХМК // Городецкий край в записках краеведов. Выпуск 1-й. Городец, 2014. С. 139–147. Электронный вариант – <http://radilov.ru/krayrodnoy/1347-ikona-aleksandr-nevsky-gihmk.html>
23. Гусева Т. В. Беседы о городецких былях и небылицах // Городецкий вестник – 24 июня 1993 г.
24. Коновалова З. С. Семантика изображений на печатях Александра Невского // Городецкий край в записках краеведов. Выпуск 1-й. Городец, 2014. С. 148–154 (электронная версия – <http://radilov.ru/krayrodnoy/1348-pechat-aleksandra-nevskogo.html>).
25. Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. III. М., 1998. С. 163.
26. Труханова Э. В Ярославле нашли печать Александра Невского // <https://rg.ru/2019/12/09/reg-cfo/v-iaroslavle-nashli-pechat-aleksandra-nevskogo.html>
27. Кожевников О. В., Добротвор М. Н. Н. М. Добротвор и исследование вопросов развития культуры в Горьковской области // Россия и Нижегородский край: актуальные проблемы истории. Материалы чтений памяти Н. М. Добротвора. Н.Н., 1998.
28. Филатов Н. Ф. Города и посады Нижегородского Поволжья в XVII веке. Горький, 1989.

29. Родин В. А. Праздник орденосцев // Городецкий вестник – 23 мая 1996 г.
30. Дуров В. А. Русские награды XVIII – начала XX в. М., 1997.
31. Православная энциклопедия. Т. I. М., 2000.
32. Символы и регалии России. СПб., 2006.
33. Государственные награды СССР. М., 1987.
34. Халин К. Е. Ордена и медали России. М., 2006.
35. Мухин Е. П. Чествование кавалеров ордена Александра Невского в г. Городце // Нижегородцы – кавалеры ордена Александра Невского. Вып. 4. Нижний Новгород, 2003.
36. Дмитриевская Н. М. С. Об Александре Невском помнит древний Городец // Нижегородцы – кавалеры ордена Александра Невского.
37. Еранцев А. Н. Феодоровская икона в Городецком краеведческом музее. 2013 г. // Сайт «Волжский перекресток» – <http://radilov.ru/krayrodnoy/1374-feodorovskaya-ikona-v-gorodetskom-kraevedcheskom-muzee.html>

ВНЕДРЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТРАВСОСЕЯНИЯ В КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВАХ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Анна Сергеевна Кудряшова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, к.и.н., доцент
кафедры истории, обществознания и права историко-филологического факультета
Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: kudryashova.annet@gmail.com

В статье на примере Нижегородской губернии рассматриваются особенности травососяния в крестьянских хозяйствах на рубеже XIX–XX вв. Отмечены причины необходимости его внедрения в указанный период и причины, которые сдерживали данный процесс. Представлены материалы о земских мероприятиях, способствовавших распространению травососяния среди местных крестьян. Сделан акцент и на моменте улучшения луговой земли с помощью данной отрасли сельского хозяйства.

Ключевые слова: Нижегородская губерния; крестьяне; сельское хозяйство; травососяние

Крестьянское хозяйство Нижегородской губернии в конце XIX – начале XX вв. пользовалось в основном паровой системой земледелия с трехпольным севооборотом: пар, озимые зерновые и яровые зерновые. Даже в том случае, если надельные земли включали в себя два поля, крестьяне прибегали к арендованным или купчим участкам для ведения трехполя, хотя двухполье с двухгодичным севооборотом, при котором одна половина земли засеивалась ози-

мыми зерновыми, а другая держалась под паром, иногда все еще встречалось [1, с. 158].

Особая приверженность местных крестьян к трехполью во многом объяснялась связанной с ней системой животноводства, когда из-за отсутствия достаточного количества луговых пастбищ выпас производился по паровому полю и жнивью [2, с. 213]. Скот использовался, в том числе, как источник органического удобрения, в котором местные земли, как нечерноземные, нуждались в большом количестве. Именно навозом нижегородские крестьяне по преимуществу удобряли свои наделы. «Без навоза хоть брось хлебопашество», – сообщали земские корреспонденты из Арзамасского уезда о настроениях местных крестьян [3, с. 21]. Удобрение торфом, разного рода животными и растительными остатками и отбросами, золой и т.п., а также удобрения искусственные и минеральные применялись редко, главным образом, в хозяйствах частновладельческих [4, с. 103].

Как свидетельствуют источники, в целом в губернии ежегодно удобрялось от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{3}$ парового поля. То есть весь надел получал необходимую органику примерно раз в 7-10 лет, и, понятно, что он не спасал крестьянские хозяйства в нередкие неурожайные годы, с последствиями которых приходилось справляться в течение длительного периода [2, с. 215]. Производительные силы пахотных полей можно было восстановить и естественным путем, а именно дать земле отдохнуть под пастбищами, сенокосами, лесными зарослями и т.п. Но срок отдыха земли от посевов до полного ее естественного восстановления сил в этом случае составлял вообще от 15 до 20 лет [5, с. 9]. А такого времени у крестьян не было, как не было и земли в достаточном количестве, чтобы дать возможность хотя бы части ее отдохнуть. В перспективе трехполье могло привести к стагнации сельскохозяйственного производства и обнищанию основной массы крестьян. В связи с этим в конце XIX века на обсуждение земств был передан вопрос по развитию травосеяния [6, д. 723, л. 89].

Для решения проблемы нижегородское земство для начала выяснило, какими мерами могло быть осуществлено введение, а затем и распространение возделывания трав и культур кормовых растений, чем и какими путями могла быть оказана в этом деле поддержка и содействие местным начинаниям и попыткам земледельческого населения. Затем были устроены так называемые тра-

вяные участки (похожие на показательные) и показательные поля, где опыты устраивались следующим образом: для пахотных земель из трав рекомендовались и сеялись, главным образом, клевер и тимофеевка, для долговечных лугов и на сухие почвы сеялась смесь клевера красного и белого, костра и тимофеевки, для торфяных же лугов рекомендовалась и сеялась чистая тимофеевка. Из кормовых растений были рекомендованы посевы кормовой свеклы. Для того, чтобы население могло видеть эти показательные поля, их создавали не по одному при каждом селе, а по нескольку, в зависимости от типа почвы. Всего в Нижегородской губернии к 1913 году возникло более 2 тысяч подобных участков и полей.

Вообще, развитие травосеяния в Нижегородской губернии заметно отставало от других сельскохозяйственных отраслей, что объяснялось рядом причин. Одной из главных причин можно назвать крестьянское малоземелье. Крестьяне просто не знали «на что повернуть свою землю», которой зачастую не хватало даже для посева хлебов.

Также весьма распространенным тормозом являлся недостаток материальных средств вообще, и затруднительность получения и дороговизна семян трав в частности. Значительную помощь в этом отношении нижегородским крестьянам оказало местное земство, которое стало продавать семена трав и кормовых культур из земских складов по заниженной цене, в кредит, с рассрочкой платежа и т.п. [6, д. 723, л. 102]. Причем скидку делали как для сельских обществ, так и для крестьян и мелких землевладельцев. Отметим, что Департаменту Земледелия был передан на рассмотрение вопрос и о выделении средств, необходимых для бесплатной раздачи семян и продажи их за половину цены. При отпуске семян чтобы избежать возможности ошибок при их посеве раздавались книжки, где было указано, как нужно обращаться с приобретением [6, д. 723, л. 168].

Среди причин бытовых и культурных укажем отсутствие осознания у крестьян пользы травосеяния, что объяснялось, главным образом, недостатком как общих, так и технических знаний, примеров и руководства [7, с. 18]. Так, по свидетельству нижегородских земских работников в 1903-1904 гг. разговоры с крестьянскими сходами о плугах, клевере, минеральных удобрениях сталкивались с совершенно непобедимым сопротивлением, возражением о

непригодности всего этого в крестьянском быту. Если и находились «новаторы», то их нововведения расценивались домашними и односельчанами едва ли не как смертный грех [2, с. 216]. Да, когда стали заметны положительные результаты этих новшеств, среди окрестных жителей стал постепенно просыпаться неподдельный интерес к делу травосеяния, но результаты последовали нескоро.

Немаловажной причиной являлось общинное землепользование, частые переделы, череполосность и узкополосность [7, с. 18]. Так, при общинном землепользовании, с разбивкой земли на мелкие участки и полосы, раскиданные в разных местах, при существующем трехполье и недостатке у крестьян иных выпасов для скота, кроме пара и жнивья, травосеяние в севооборот могло быть введено лишь при согласии на то всей общины, что представлялось делом весьма трудным, вследствие необходимости в таких случаях полной ломки хозяйства [7, с. 34].

Тем не менее, для многих нижегородских крестьян травосеяние стало отличным решением проблемы повышения плодородия надела, ведь зеленое удобрение не хуже навоза обогащало почву органическими веществами и дорогим азотом. Так, десятина корневых остатков клевера, перегнивая, удобряла землю так же, как 1500 пудов навоза. Поэтому сначала в некоторых селениях Балахнинского уезда крестьяне стали применять четырехпольный севооборот с посевами клевера, после которых прежней жесткости земли, по отзывам, «как небывало» [2, с. 217]. А затем общинники и других уездов Нижегородской губернии под воздействием таких примеров, а также повсеместно создаваемых агрономами показательных участков, поняв, что применение многопольной системы хозяйства с травосеянием на наделных землях постепенно позволит комплексно и без существенных издержек решить ключевые проблемы по рациональному распределению угодий, преодолению кормового дефицита в животноводстве и обогащению почвы, стали выделять в общем поле места под посевы данной культуры.

Таким образом, травосеяние в Нижегородской губернии, начавшись с единичных опытов отдельных общин и домохозяев, на рубеже XIX – XX вв. довольно быстро распространилось на многих наделных участках. Поначалу для него отводилось место либо на особом четвертом поле, либо на углах надела, а затем, по мере отка-

за от трехпольной системы появились севообороты с включением кормовых трав.

Наряду с распространением семян и организацией травяных участков проводились меры и по улучшению лугов. Велись они в двух направлениях: либо производилось улучшение естественной дернины, либо естественная дернина уничтожалась и закладывалась искусственная. Работы первого рода заключались в сильном весеннем бороновании луга луговой бороной. Им придавали меньше значения, так как они лишь поверхностно освежали дернину и не улучшали качество лугов коренным образом. Мероприятия второго рода осуществлялись в более значительных размерах, и для посева составлялась смесь из разных трав.

В 1913 году агрономическим обществом был составлен приговор об улучшении лугов путем их распашки и обращения под двухлетнюю культуру яровых хлебов. После двухлетней культуры яровых луга предполагалось искусственно залуживать путем засева смесью многолетних трав.

Существовал еще один способ улучшения лугов: луга очищали от кочек, кустов и мха. Затем кусты и мох сжигали, а полученную золу разбрасывали по всему участку.

В целом, методы, использованные местными агрономами для внедрения и распространения травосеяния, позволили наметить перспективу развития и улучшения данной отрасли сельского хозяйства в уезде и несколько повысить агрокультурный уровень местных крестьян.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Арзамаса / авт. кол.: О.В. Воробьева, В.И. Грубов, А.Л. Егшин и др.; отв. ред. О.В. Ефимов; администрация г. Арзамаса, Арзамасский филиал ННГУ. – Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2015. – 515 с. – С. 158.
2. Максимов С.В. Особенности сельскохозяйственного производства в крестьянских хозяйствах Поволжья в годы столыпинской аграрной реформы // Аграрные технологии в России IX-XX вв. Материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – Арзамас, 1999. – С. 212-224.
3. Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Выпуск X. Распространенность навозного удобрения в России. – СПб.: Министерство гос. имуществ, 1901. – 100 с.
4. Краткий статистический очерк Нижегородской губернии. Памятная книжка Нижегородской губернии 1895. – Н.Новгород: Типография Нижегородского Губернского Правления, 1895. – 574 с.

5. Короленко С.А. Обзор экономического положения России в сельскохозяйственном и промышленном отношении. – СПб.: Типо-литография И.В. Цветкова, 1895.

6. ГКУ ГАНО, г. Арзамас. Ф.2. Арзамасская уездная земская управа. Оп.1.

7. Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. Выпуск XII. Состояние травосеяния в России. – СПб.: Министерство гос. имуществ, 1905. – 398 с.

**НАГАВИЦЫНО («СТАРИННАЯ ВОТЧИНА» ПЕЧЕРСКОГО
ВОЗНЕСЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ) И НАГОВИЦЫНО
(«ЧТО БЫЛА ДЕРЕВНЯ НАГАВИЦЫНО»)
В СОВРЕМЕННЫХ ИЗДАНИЯХ ДОКУМЕНТОВ XVII В.**

Андрей Александрович Кузнецов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, д.и.н., профессор кафедры культуры и психологии предпринимательства

г. Нижний Новгород; e-mail: nalbuz@mail.ru

Статья посвящена выяснению некорректного отождествления двух населенных пунктов Нижегородского уезда в издании документов начала XVII века. После изучения топонимического контекста доказывается, что село Нагавицыно и деревня Наговицыно – разные населённые пункты.

Ключевые слова: Нагавицын; Наговицыно; Нижегородский уезд; история XVI–XVII вв.; издание документов

В 2015 г. вышел долгожданный двухтомный документальный компендиум «Материалы по истории Нижегородского края конца XVI–XVII века». Со временем его научная ценность осознается больше и больше. Этот труд московских архивистов представляет собрание источников по истории Смутного времени в Нижегородском крае, истории землевладения и освоения региона той эпохи, микроистории и многого другого...

По целому ряду сюжетов и локусов в сборнике представлены принципиально новые материалы, которые ещё только ждут своего подробного исследования. В данных случаях возможны неверные отождествления онимов и локусов. Не претендуя на подробное исследование, надо отметить один из таких казусов.

В Географическом указателе читается «Наговицыно, с.(д)» [2, с. 914]. В ссылках на упоминание этого поселения определяется два разных объекта. Обозначим один из них *А-Нагавицыно*, а другой – *О-Наговицыно*.

А-Нагавицыно упоминается в I-м разделе «Материалов по истории...» – в нижегородских поместных актах – в документах под номерами 46 и 46а [4, с. 88–89]. Соответственно это – «Указная грамота ц. Федора Ивановича (Поместного приказа) в Нижний Новгород воеводе Леонтию Ивановичу Аксакову и дьяку Ивану Шарарову о размежевании поместной земли кн. Ивана Дмитриева сына Бабичева д. Волково Паозерье с землей Вознесенского Печерского м-ря с. Наговицыно в Нижегородском у.» (09 октября 1596 г.) и «Выпись из дозорных книг Василия Борисова и подьячего Третьяка Аврамова 1587/88 г. на поместье кн. Ивана Дмитриева сына Бабичева две трети д. Волково Паозерье и вотчину Вознесенского Печерского м-ря с. Наговицыно в Березопольском ст. Нижегородского у.» (ок. 9 октября 1596 г.). Как указали составители тома, впервые и указная грамота, и своеобразная справка по дозорным книгам были опубликованы ранее Г.Н. Анпиловым [1, с. 186–187]. Разрешение этой спорной ситуации конца XVI в. нашло отражение в изданной Г.Н. Анпиловым же выписи из отдельных книг от 01 июня 1597 г. [1, с. 242–244].

В этих документах интересуемый населённый пункт прописан как *Нагавицыно* (выделено нами – *А.К.*) и чётко определяется как вотчина Печерского монастыря. В выписи от 01 июня 1597 г., фиксирующей межевание поместья князя Ивана Дмитриева сына Бабичева, приведён топоним *Великая река*, указаны свидетели отдела из села *Вознесенское*, деревни *Мякушкино*. Эти названия вместе с селом *Нагавицыно* и в начале XXI в. фиксируются в локусе к югу и юго-востоку от современного районного центра Нижегородской области – Богородска (в радиусе 1–10 км). Деревня *Волково Паозерье*, где располагалось поместье Ивана Бабичева, ныне не существует, хотя этот комоним использовался до начала XX в.

Следующие упоминания *А-Нагавицыно* обнаруживаются в «Писцовой книге Дмитрия Васильевича Лодыгина, Василия Ивановича Полтева и дьяка Дементия Образцова Березопольского и Стрелицкого станов Нижегородского уезда» (1621–1623 гг.). Нагавицыно и производные от него топонимы упоминаются в связи с межеванием в селе Болкове. На «полюбовном розделе и на межевании были Нижегородского уезда Печерского монастыря вотчины села Нагавицына поп Григорей Лвов да села Кубаева поп Степан Федо-

сеев» [5, с. 124–125]. Комонимы *Болково* и *Кубаево* актуальны для современной ситуации Богородского района Нижегородской области.

Определённым в ходе межевания в сельце *Пантелееве* (ныне деревня в 8 км на юг от современного Богородска) церковным усадным землям было велено «ведать и беречь околним людям Печерского монастыря вотчины села Нагавицына попу Григорью Лвову». В ходе этого раздела упомянута *Маслова пустошь*, что отсылает к современному озеру *Маслово* (к юго-западу от Нагавицына в современном Богородском районе) [5, с. 307]. Следующее упоминание А-Нагавицына связано с межеванием сельца *Киргина* (перестало существовать как населённый пункт в конце XX в.): названы *Великая река*, *Маслов враг*, *болдыревские* (деревня Болдырёво) земли [5, с. 308–309]. *Нагавицынский* поп Григорий Левонтъев присутствовал на межевании земель *Лукина* и *Афанасьева* (ныне существующие населённые пункты Богородского района) [5, с. 314].

Ссылка на лист 707 об. в Географическом указателе «Писцовой книги Дмитрия Васильевича Лодыгина, Василия Ивановича Полтева и дьяка Дементия Образцова Березопольского и Стрелицкого станов Нижегородского уезда» в Географическом указателе ошибочна: *Нагавицыно* там не упоминается [5, с. 370].

В «Писцовой книге Дмитрия Васильевича Лодыгина, Василия Ивановича Полтева и дьяка Дементия Образцова Березопольского и Стрелицкого станов Нижегородского уезда» имеется своеобразное описание *Нагавицына*, начинающееся словами: «Да в Березопольском ж стану на Подлужной дороге село Нагавицыно, стоит на два усада, а меж усад и ключа пруд з заплотиною, а селе церковь страстотерпца христова Георгия древяна с папертью, а в церкви образы и книги и ризы, и колокола, и всякое церковное строенье мирское...». Перечисляются владельцы хозяйств Нагавицына с указанием их статуса. Имеется ссылка на жалованную грамоту царя Бориса Годунова, по которой велено (разрешено) нагавицынским крестьянам въезжать в лукинский (бортное село Лукино около Кудьмы) лес по хозяйственным нуждам. Весьма интересно замечание: «Того же села Нагавицына деревни за рекою за Окою: (Дрв) Сейма на Чирятове озере... (Дрв) Селище на речке на Сейме» [5, с. 471–472]. Приведено Нагавицыно в списке владений Печерского мона-

стыря со ссылкой на пожалование ещё Ивана Васильевича (Грозного): «да старая их вотчина Нагавицыно» [5, с. 476].

О-Наговицыно упомянуто в «Дозорной книге Семена Иванова Языкова и подьячего Емельяна Евсевьева дворцовых и оброчных земель Нижегородского уезда» (1613/1614 г.). «Село Нагавицыно», к которому другими почерком и чернилами сделана приписка «что была деревня Нагавицыно», имело в своём составе новопоставленную деревянную церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Указаны жители села [4, с. 513–514]. Это село Нагавицыно упомянуто в числе деревень села Поповского [4, с. 508–518]: «По книгам Василия Борисова да подьячего Третьяка Аврамова написано село Поповское да осьмнадцать деревень... А по дозору прибыло село Нагавицыно да девять деревень» [4, с. 518]. Из сопутствующих *О-Наговицыну* названий поселений и гидронимов нет соответствий топонимическому конвою А-Нагавицына. *О-Наговицыно* названо *Нагавицыно*. Примечательно указание церкви в *О-Наговицыно*: «А в нем церковь Покров Пречистые Богородицы» [4, с. 513] (что не совпадает с храмом святого Георгия в А-Нагавицыно).

Следующие указания на *Наговицыно (О-Наговицыно)* в Географическом указателе по III-му разделу – «Дозорной книге Семена Ивановича Языкова и подьячего Емельяна Евсевьева дворцовых и оброчных земель Нижегородского уезда 1613/1614 г.» – (135 об., 136, 136 об. [4, с. 624–625], 141–143 [4, с. 628–629], 148 об., 149 [4, с. 632], 150 [4, с. 633], 464 об., 466 [4, с. 802–803], 471 об. [4, с. 805], 525 об., 526 [4, с. 828], 531 об.–533 [4, с. 831–832], 537 [4, с. 834], 695 [4, с. 919], 830 об. [4, с. 989]) [2, с. 914] – сделаны ошибочно. Ошибка возникла из-за пропуска указания на IV раздел – «Писцовую книгу Дмитрия Васильевича Лодыгина, Василия Ивановича Полтева и дьяка Дмитрия Образцова Закудемского стана Нижегородского уезда» (1621–23 гг.). Из этого источника следует, что «А в государстве вотчинной грамоте 128 году, ноября в 30 день... написано: Государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси пожаловал столника Бориса Ивановича Морозова за службу в московское осадное сиденье в королевичев приход под Москву в вотчину из ево же поместья, что ему дано из бортных сел, Нагавицыно, деревня Покровка, Выползово тож, деревня Красносело, деревня Сонино, Ондреевское тож, деревня Бурнаковка, деревня Ко-

лотуха, деревня Старое поле, деревня Рюмина поляна, деревня Тунботино на озере на Листове..., деревнею Летневою» [4, с. 628, 632].

О-Наговицыно зафиксировано в «Платёжной книге Дмитрия Васильевича Лодыгина и дьяка Дементия Образцова Нижегородского уезда» (9 ноября 1627 г.) как вотчина Бориса Ивановича Морозова [5, с. 628].

После изучения упоминаний Наговицына в своде «Материалы по истории Нижегородского края конца XVI–XVII века» следует вывод: в Географическом указателе пункт «Наговицыно» объединил два разных населённых пункта с названием *Нага(о)вицыно*. Одно Наговицыно – старинная вотчина Печерского Вознесенского монастыря, располагавшаяся в Березопольском стане Нижегородского уезда. Ему была посвящена грамота 1511 г., а по косвенным данным, приведенным П.В. Чеченковым, его история уходит корнями в середину XV в. [3] Второе Наговицыно – бывшая деревня, ставшая селом, из дворцовых и оброчных владений перешла в вотчинное владение боярина Морозова в Закудемском стане Нижегородского уезда. В этих сёлах стояли разные храмы. Каждому из двух Наговицынских соответствовал свой топонимический контекст. Село Наговицыно Березопольского стана упомянуто только в «Писцовой книге Дмитрия Васильевича Лодыгина, Василия Ивановича Полтева и дьяка Дементия Образцова Березопольского и Стрелицкого станов Нижегородского уезда» (1621–1623 гг.), а Наговицыно, перешедшее в вотчину Морозова, – лишь в «Писцовой книге Дмитрия Васильевича Лодыгина, Василия Ивановича Полтева и дьяка Дмитрия Образцова Закудемского стана Нижегородского уезда» (1621–23 гг.). Оба документа созданы в одно время одними и теми же «авторами».

Г.Н. Анпилов в своё время уловил разницу двух Нага(о)вицынских. В Географическом указателе приведено две номенклатурные единицы: «Наговицыно, с.» и «Наговицына, д.» [1, с. 455]. Под последней понимается деревня Наговицына из Нижегородской дозорной книги 1588 г. дворцовым селам и деревням [1, с. 14]. Ей сопутствует тот же топонимический контекст [7, с. 7–16], что и О-Наговицыну.

Почему же в Географическом указателе «Материалов по истории Нижегородского края конца XVI–XVII века» два разных по-

селения, которые в опубликованных материалах написаны как *Нагавицыно*, сведены к одному – *Наговицыно*? Вероятно, повлияла идентификация Нагавицына с селом Ногавицыным в Большемурашкинском районе Нижегородской области. Именно этот географический объект соответствует О-Наговицыну.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анпилогов Г.Н. Нижегородские документы XVI века (1588–1600 гг.). – М., 1976. – 462 с.
2. Географический указатель // Материалы по истории Нижегородского края конца XVI–XVII века. Ч. 2. – М., 2015. – С. 864–958.
3. Кузнецов А.А., Чеченков П.В. Список 1594 г. правой грамоты 1511 г. из архива Нижегородского Печерского монастыря; Список 1594 г. с правой разъезжей грамоты грамоты 20 июля 1511 г. писца Ивана Захарьевича и дьяка Суморока Путьянина старцу Павлу с братией на землю Печерского монастыря (села Нагавицына), спорную с поместьем И.И. Машкова (д. Болково) // Мининские чтения: Труды научной конференции. – Нижний Новгород, 2007. – С. 355–377.
4. Материалы по истории Нижегородского края конца XVI–XVII века. Ч. 1. – М., 2015. – 1040 с.
5. Материалы по истории Нижегородского края конца XVI–XVII века. Ч. 2. – М., 2015. – 960 с.

О ПОЛНОМ ГЕОРГИЕВСКОМ КАВАЛЕРЕ Ф.П. ГУЛЯЕВЕ

*Екатерина Ивановна Маслова*¹,
*Алексей Иванович Щетинин*²

¹Независимый исследователь, член-корреспондент общества «Нижегородский краевед», г. Нижний Новгород; e-mail: schetinina.katerina@yandex.ru

²Независимый исследователь, член-корреспондент общества «Нижегородский краевед», Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: aleksej-shhetinin@mail.ru

В статье рассматривается биография полного Георгиевского кавалера Ф.П. Гуляева, уроженца с. Слизнево Арзамасского уезда. Особое внимание уделено его военной службе, участию в боевых действиях, наградам.

Ключевые слова: Полный Георгиевский кавалер; война; офицер

В 1769 г. Екатерина II учредила новую государственную награду – военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия, которая вручалась офицерам за отличия в боях или выслугу лет в офицерских чинах не менее 25 лет. Для нижних чинов в 1807 г. был учрежден «Знак отличия военного ордена», структурно причисленный к ордену Св. Георгия. Он являлся высшей наградой для солдат и унтер-офицеров за боевые заслуги и храбрость, проявленную против врага. В 1856 г. введены четыре степени Знака. В 1913

г. Знак отличия военного ордена официально переименован в Георгиевский крест, который также делился на четыре степени: награды двух первых степеней изготавливались из золота, третьей и четвертой – из серебра [1, с. 45]. Награжденные всеми четырьмя степенями именовались Полными Георгиевскими кавалерами. Среди таких были и уроженцы Арзамасского края, в том числе Федор Павлович Гуляев.

Ф.П. Гуляев родился 2 ноября 1878 г. в селе Слизнево Арзамасского уезда в крестьянской семье. Село являлось центром одноименной волости и было достаточно развитым – имелась церковь, школа, несколько ветряных мельниц, бакалейные лавки, кирпичный завод. Согласно Всероссийской переписи в 1897 г. в с. Слизнево числилось 1144 человека [2, с. 33].

В начале 1900-х гг. из Нижегородской губернии ежегодно призывалось около 4000 человек. В то время призывной возраст в армии составлял 21 год, а продолжительность действительной службы в зависимости от родов войск – от 3 до 5 лет. Военная служба Ф. П. Гуляева началась 28 октября 1900 г., когда он был призван и освидетельствован в Арзамасском воинском присутствии. В соответствии с нарядом Генерального штаба в тот год в ряды войск было принято 4031 нижегородцев [3, с. 109]. Согласно приемно-формулярному списку рост новобранца Гуляева составлял 2 аршина 5 5/8 вершков, род занятий – хлебопашец [4, л. 67]. К этому времени он уже был женат на крестьянке Прасковье Ивановне. Местом службы ему определен 1-й стрелковый полк, куда часто попадали служить жители Арзамаса и уезда.

1-й стрелковый полк, сформированный в 1835 г., к началу XX века располагался в г. Плоцк Варшавского военного округа. К 14 октября 1904 г., в связи с продолжающейся войной с Японией, полк был отобилизован и приведен в военное положение, после чего отправлен в зону военных действий на Дальний Восток. В январе 1905 г. в составе Стрелковой бригады включен в Сводный Стрелковый корпус (2-я Маньчжурская армия). К тому времени уже был сдан Порт-Артур, и 3-я японская армия генерал-полковника Ноги спешно перебрасывалась из Квантуна по железной дороге в распоряжение маршала Ивао Оямы. Чтобы не допустить усиления противника, русские войска предприняли наступление, вылившееся в сражение при Сандепу.

12 января в жестокий мороз и сильную метель части 2-й русской армии пошли в атаку и захватили деревни Хуанлотоцзы и Хейгоутай. Попытка взять лобовым ударом селение Сандепу не удалась. Японцы подтянули к месту прорыва крупные резервы (до 47 тыс. чел.) и создали численное преимущество. 15 января в сражение вступил 10-й корпус генерала Церпицкого. Он нанес энергичный удар по японским позициям у Сяотайцзы, пытаясь обойти Сандепу с северо-востока и окружить оборонявшиеся там части. Однако в критический для японцев момент командующий русскими армиями на Дальнем Востоке генерал-адъютант А.Н. Куропаткин не воспользовался своим численным превосходством и не поддержал наступавших частями 1-й и 3-й армий, ввод в бой которых мог увенчать сражение успехом. Вместо этого он предписал командующему 2-й армией отступить на исходные позиции. Потери составили: у русских – 1781 убитый, 9395 раненых, 1065 пропавших без вести; у японцев – примерно 9000 чел. Много раненых погибло от мороза [3, с. 47].

Несмотря на то, что каких-либо определенных успехов данное наступление для русской армии не принесло, в нем отличились многие солдаты и офицеры. Младший унтер-офицер 1-го стрелкового полка Ф.П. Гуляев за отличия в боях 12-15 января 1905 г. был награжден Знаком отличия военного ордена 4 ст. №120893 [5, с. 549]. Это была его первая боевая награда.

Затем последовало крупнейшее сражение русско-японской войны – сражение при Мукдене, окончившееся неудачей для России. 8 марта русские войска начали частичное отступление с целью перегруппировки своих сил. Однако 9 марта японская армия Куроки атаковала восточный фланг русских и прорвала его восточнее Мукдена, на реке Хуньхэ. Отступление на север проходило в тяжелых условиях, по узкому коридору, охватываемому с двух сторон противником и обстреливаемому артиллерийским огнём. 10 марта японцы заняли Мукден. Из воспоминаний тех событий: «Одни части пробивались с боем, сохраняя порядок, другие, расстроенные, дезориентированные, – сновали по полю взад и вперед, натываясь на огонь японцев. Отдельные люди, то собираясь в группы, то вновь разбегаясь, беспомощно искали выхода из мертвой петли. Наши разъезды служили для многих маяком... А все поле, насколько видно было глазу, усеяно было мчавшимися в разных направлениях

повозками обоза, лазаретными фургонами, лошадьми без всадников, брошенными ящиками и грудями развороченного валявшегося багажа, даже из обоза главнокомандующего... Первый раз за время войны я видел панику» [6, с. 160]. В двадцатидневной битве русская армия потеряла 90 тысяч человек (убитыми, ранеными и пленными) из 350 тысяч, участвовавших в сражении; японская армия потеряла 75 тысяч человек (убитыми, ранеными и пленными) из 300 тысяч.

К середине марта 1905 г. Манчжурские армии заняли обороданные позиции у г. Сыпингай. Последующие месяцы были отмечены только боями локального значения. Русское командование использовало почти полугодичную передышку для интенсивного наращивания боевой силы армии. На Дальний Восток непрерывным потоком шли свежие войсковые части. В этих небольших сражениях конечного этапа войны Ф.П. Гуляев снова отличился и был награжден Знаком отличия военного ордена 3 ст. №8483 «за мужество и храбрость, оказанные им одновременно в боях против японцев» [5, с. 121]. Кроме того, он был повышен в звании до фельдфебеля.

Русско-японская война завершилась подписанием Портсмутского мирного договора 5 сентября 1905 г. В марте 1906 г. 1-й стрелковый полк вновь вернулся на прежнее место дислокации г. Плоцк. Ф.П. Гуляев, срок действительной службы которого уже закончился, был уволен в запас. За подвиги во время войны он был удостоен двух Знаков отличия военного ордена 4 и 3 ст. В январе 1906 г. по указу императора Николая II была учреждена медаль «В память русско-японской войны», которая изготавливалась в трёх вариантах: серебряные награды предназначались для защитников Квантунского полуострова и Порт-Артура; награды из светлой бронзы полагались всем военным и морякам, независимо от звания и должности, в том числе добровольцам, которые побывали хотя бы в одном сражении против врага на суше или на море; медали из меди (тёмной бронзы) вручались военным, не принимавшим прямого участия в боях, но состоявшим на службе в действовавших армиях на Дальнем Востоке [7, с. 312-314]. Ф. П. Гуляев, как активный участник сражений, был удостоен серебряной медали. Среди его односельчан, принимавших участие в русско-японской войне, серебряной медалью был награжден еще только один человек, а бронзовыми – восемь [8, л. 35].

Период жизни Ф.П. Гуляева между войнами практически неизвестен. После объявления Всеобщей мобилизации в России 18 июля 1914 г. солдаты призывались по месту фактического пребывания, а не места рождения. Ф.П. Гуляев призывался Арзамасским воинским начальником, значит перед Первой Мировой войной он проживал на родине в селе Слизнево.

С началом войны его имя значится среди списка запасных нижних чинов и ратников государственного ополчения, призванных на действительную военную службу в мобилизацию 17 и 25 июля 1914 г. по Слизневской волости [9, л. 79]. Местом его службы стал новосформированный 242-й пехотный Луковский полк. Он был развернут в Нижнем Новгороде из кадра 38-го пехотного Тобольского полка и вошел в состав 61-й пехотной дивизии, командиром которой стал генерал-майор П.Н. Симанский. 242-м пехотным Луковским полком командовал капитан Н.А. Постников.

18 августа 1914 г. воинские соединения закончили погрузку в эшелоны и двинулись к месту сосредоточения у города Владимира-Волынского, около границы с Австро-Венгрией. 24 августа полки прибыли к месту назначения, а уже через четыре дня приняли боевое крещение. Генерал Симанский писал: «28 августа вести дивизию в бой с обученным противником, хорошо организованным и отлично снабженным техникой, вести сейчас же после выгрузки из вагонов». Сражение развернулось к северу и востоку от города Томашов Люблинской губернии Царства Польского и стало начальной фазой масштабной Галицийской битвы. 61-ая пехотная дивизия была атакована на походе и разбита 14-м австрийским корпусом, потеряв 5000 пленных и 58 орудий. В этом бою 242-й пехотный Луковский полк потерял свое знамя и значительную часть документальных материалов штаба. Русские части вынуждены были отступить [10, с. 145].

Осенью 1914 г. полк принимал участие в кровопролитных боях за Варшаву и крепость Ивангород. В ходе этих боев фельдфебель Ф.П. Гуляев отличился, за что был награжден Георгиевскими крестами: 2 степени – «за отличие в бою 5 октября 1914 г.», 1 степени – за отличие в боях с 8 по 21 октября 1914 г.» [11, с. 176-177]. За один месяц он смог получить сразу две награды, став, таким образом, Полным Георгиевским кавалером.

Зимой 1914 г. дивизия Симанского воевала в Карпатах. Этот период отмечен для Ф.П. Гулева тем, что приказом Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта № 365 от 23 декабря 1914 г. он был произведен в прапорщики за боевые отличия. Зачастую офицерами становились после окончания школ прапорщиков и других специализированных заведений, но во время войны шла большая убыль офицерского состава, и пожалование офицерского чина наиболее отличившимся солдатам способствовало укомплектованию штата полка командирами, уже имевшими боевой опыт, а также являлось средством поощрения солдатских подвигов.

Весной 1915 г. противник предпринял мощный прорыв в районе городка Горлице в предгорьях Карпат. Тысяча орудий затопили огнем русские окопы на фронте 35 верст, после чего противник, превосходящей по численности силой, перешел на штурм. Несмотря на упорное сопротивление, русским пришлось отступить к реке Сан, заняв на ее правом берегу глубокую оборону. В дивизии Симанского после сражения оставалось всего 800 штыков. Примерно в это же время Ф.П. Гуляев был ранен. Как следует из картотеки бюро учета потерь в Первой Мировой войне, ранение он получил 22 мая 1915 г. у деревни Тарко-Гура. Лечился в 79-м сводном полевом госпитале г. Курск, откуда выбыл 14 августа 1915 г. в Нижний Новгород [12].

После восстановления Ф.П. Гуляев возвратился в строй. В дальнейшем Полный Георгиевский кавалер был отмечен также орденами. По Высочайшему Приказу Его Императорского Величества от 6 марта 1916 г. прапорщик Ф.П. Гуляев пожалован Орденом Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость». Данная степень ордена имела нестандартный вид, представляя собой знак, крепившийся к холодному оружию, неофициально именовавшемуся «Аннинским». Это был самый массовый боевой офицерский орден – награду давали даже не за конкретный подвиг, а за участие в нескольких сражениях, если офицер находился в рядах атакующих или под огнем в первой линии окопов. Позднее Ф.П. Гуляев был награжден орденом Св. Анны III степени с мечами и бантом (Высочайший приказ от 21.04.1916 г.), представлявшим собой крест малого размера на подвеске (колодке) из узкой ленты на груди, и орденом Св. Станислава III степени с мечами и бантом (Высочайший Приказ от 4.10.1916 г.). Обοими орденами он пожалован за отличия в делах

против неприятеля. Весной 1916 г. произведен в подпоручики. Службу продолжал в 242-м пехотном Луковском полку, с которым участвовал в наступлении у озера Нарочь в марте 1916. на Западном фронте и, начиная с августа 1916 г., в боевых действиях в Румынии; здесь же полк находился в 1917 г.

О службе Ф.П. Гуляева в послереволюционный период известно мало. Вероятно, он оставался при своем полку вплоть до его расформирования в марте 1916 г., затем был мобилизован в Красную Армию. Об этом говорит упоминание его имени в двух документах. В Приказе Приволжскому Военному округу № 988 от 10.06.1920 г. в списке бывших офицеров и красных командиров, получивших назначение и исключаемых из резерва Штаба округа по Нижегородской губернии, под номером 4 значится Гуляев Федор, который 18 апреля 1920 г. был командирован в отпуск по болезни [13]. Также он упоминается в списке красноармейцев по Слизневской волости, составленном 18.09.1921 г., в котором отнесен ко 2 разряду [14, л. 13об].

На этом военная служба Полного Георгиевского кавалера подпоручика Ф.П. Гуляева завершилась. Сведения о его дальнейшей судьбе отрывочны. Вернувшись в Слизнево, он принимал активное участие в церковной жизни села, несмотря на послереволюционные изменения. Его имя постоянно встречается среди списков православной общины верующих при Спасской церкви. 20 ноября 1921 г. был выбран в число членов церковного совета (всего 7 человек) [15, л. 22]. На 1924 г. он все еще являлся членом совета.

Также в документах упоминается, что Ф. П. Гуляев являлся владельцем двухэтажного каменного дома в Арзамасе по улице Мучной ряд, №3. В 1926 г. он сдал его в аренду жителю Арзамаса Ивану Тимофеевичу Сеуткину сроком на три года с 1 октября 1926 г. по 1 октября 1929 г. Вместе с домом шли двор и сарай. По условиям договора об аренде за первый год Сеуткин платил по 50 рублей в месяц, а далее по 75 рублей в месяц. В этом здании он планировал открыть чайное заведение с продажей крепких напитков и хлебопекарней на первом этаже [16, л. 2]. На полученные деньги Ф.П. Гуляев приобрел паровую мукомольную мельницу, каменный амбар и деревянный сарай в деревне Ветошкино недалеко от Слизнево. В связи с этим его имя упоминается в протоколах Слизневского сельсовета от 3 июня 1928 г., когда на собрании рассматривалось

его заявление о неправильном распределении среднего заработка с собственной мельницы [17, л. 30].

После 1928 г. судьба Федора Павловича Гуляева остается на данный момент неизвестной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молоков А.В., Смирнов С.А. Орден Святого Георгия//Нижегородцы и Великая война 1914-1918. Историко-публицистический сборник. – Н. Новгород, 2014.

2. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г./под ред. Н. А. Тройницкого. XXV. Нижегородская губерния. – Издание Центрального Статистического комитета МВД, 1901.

3. Смирнов С. А. Русско-японская война и Нижегородский край. – Нижний Новгород: Отчина, РПО Императора Александра III, 2019.

4. Государственный архив Нижегородской области (далее – ГАНО, г. Арзамас). Ф. 21. Оп. 1. Д. 294.

5. Бутрым Д., Маркин М. Знак отличия Военного ордена Св. Георгия. Списки пожалованным за русско-японскую войну 1904–1905 гг. – Москва, 2006.

6. Деникин А. И. Путь русского офицера. – Москва: Вече, 2012.

7. Изотова М. А., Царёва Т. Б. Ордена и медали России и СССР. – Ростов-на-Дону: ООО ИД «Валдис», 2010.

8. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 21. Оп. 1. Д. 511.

9. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 9. Оп. 1. Д. 106.

10. Смирнов С. А. 61-я дивизия: от Волги до Дуная// Нижегородцы и Великая война 1914-1918. Историко-публицистический сборник. - Нижний Новгород, 2014.

11. Офицеры-нижегородцы – Георгиевские кавалеры Великой войны 1914-1918 гг.: Книга Памяти / Правительство Нижегородской области; авторы-составители: Р. В. Кауркин, А. В. Молоков. Вып. 3, т. 1. – Нижний Новгород, 2021.

12. Памяти героев Великой войны 1914-1918 / Гуляев Федор Павлович // Адрес доступа: <https://gwar.mil.ru/heroes/>

13. Памяти героев Великой войны 1914-1918 / Приказы по Приволжскому Военному Округу за 1920 год, с №558 по №1407 // Адрес доступа: <https://gwar.mil.ru/books/>

14. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-19. Оп.1. Д. 18.

15. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 623.

16. ГАНО, г. Арзамас. Ф.192. Оп.2. Д. 24.

17. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 251.

ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В ЭПОХУ 1812 Г.

Дмитрий Андреевич Николаев

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, кафедра новой и новейшей истории, кандидат исторических наук, доцент г. Нижний Новгород; e-mail: dmnikolaeff@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению особенностей добровольческого движения в Нижегородской губернии в эпоху 1812 г.: выявлению количества добровольцев и анализу сословно-корпоративных особенностей эпохи, выявленных в процессе сбора добровольцев. На основе изучения материалов Центрального архива Нижегородской области и анализа историографических трудов выявлены специфические черты местного добровольческого движения

Ключевые слова: Нижегородская губерния; нижегородское ополчение; добровольческое движение; Отечественная война 1812 г.; офицерский состав; военные и гражданские чины; мобилизация

Первого сентября 1812 г., в связи с известными событиями Отечественной войны, начался сбор нижегородского ополчения [1, с. 34]. По утвержденной разнарядке (помимо дополнительных рекрутских наборов), всего в Нижегородской губернии надлежало собрать 12928 «ратников» (12275 пеших и 653 конных) [2, с. 115; 3, с. 98] для пяти пехотных и одного конного полков [4, с. 67]. Среди полномочных структур, созданных специально для этой цели, особо выделялись, по своему значению и функциям, комитеты пожертвований и вооружения (являвшихся структурами комитета ополчения Нижегородской губернии) [5, с. 58]. Обмундирование, снаряжение и даже вооружение ополчений той поры осуществлялось за счет «отдатчиков ратников», т.е. помещиков, либо мещанских сообществ [6, с. 121]. Правила набора офицеров [7, с. 136; 8, с. 75; 9, с. 96] и ратников на службу, а также обеспечения их продовольствием и одеждой были утверждены 25 июля 1812 г. [10, с. 58; 11, с. 39]. Согласно им ежемесячное содержание одного ратника (до выступления в поход, когда полагалось уже казенное обеспечение), начиная с 1 октября 1812 г., определялось в 1 пуд 35 фунтов муки, 1,5 гарнца круп, 2 фунта соли и 1 руб. жалования [12, с. 360; 13, с. 95].

Согласно «Реестру просьбам, входящим на имя Начальника Нижегородского военного ополчения...князя Грузинского от разных персон и другаго звания людям» о вступлении в ополчение и другим документам, количество добровольцев, желающих посту-

пить в нижегородское ополчение, можно определить довольно точно. Основной контингент добровольцев составляли дворяне. Прошения о вступлении в ополчение, хотя и находились в указанном реестре, но писались не только на имя Грузинского; адресовались они и губернатору А.М. Руновскому, и П.А. Толстому (командующему т.н. III ополченским округом, куда входило и нижегородское ополчение); писались они и на «Высочайшее имя», причем не только потенциальными ополченцами, но и их родственниками, и доверенными лицами. Иногда прошения представляли собой достаточно подробные автобиографии, с перечислением мест службы, достижений и наград. Офицерский состав вообще всех ополчений страны принимался на службу исключительно из дворян: «из чинов военных» - в тех чинах, в которых призванные лица состояли в отставке; «из чинов гражданских» - на условиях «паритета» с военными чинами: коллежский регистратор-прапорщик, коллежский и губернский секретарь-подпоручик, титулярный советник-поручик, надворный советник и коллежский асессор-штабс-капитан, коллежский советник-капитан и пр.

В августе 1812 г. прошения о вступлении в ополчение подали 30 чел.; в сентябре 1812 г. «реестр просьбам» пополнился заявлениями еще от 64 лиц [14]; в последующие месяцы (октябрь-декабрь 1812 г.) прошения о поступлении в ополчение поступили от 52 чел. [14, л. 281-458].

Далее, согласно отношений губернатора А.М. Руновского «об исключении из должностей чиновников и разночинцев, объявивших желание служить в ополчении», список добровольцев пополнился еще на 16 чел. [15, л. 3-18].

К этому списку необходимо присоединить добровольцев – учащихся (дворян) эвакуированного в Нижний Новгород Московского университета, Московской духовной академии и Московского отделения Императорской медико-хирургической академии (26 чел.) [16, л. 1-53].

Дворянский, в основном, список добровольцев, пополнялся немногочисленными представителями мещан и «экономических крестьян». Среди первых следует назвать: семеновских мещан В.С. Витушкина, Я.С. Сазанова, Е.Н. Разуваева, Я. Красильникова и А. Бочкарева; арзамасских – Г. Волкова, А. Феоктистова; нижегородских - Я. Шкурина, Быкова и Е. Монатаева; макарьевского – П. Го-

гилаева, а также «примкнувшего» к ним «касимовского мещанина» Кочемасова [17, л. 1-408]. В среде крестьян экономических (а также государственных и удельных, которые, согласно царскому Манифесту от 18 июля 1812 г., не участвовали в наборе в «государственное» ополчение) также было достаточно мало добровольцев, которых легко перечислить: М. Афанасьев, М. Поляков, О. Агафонов, с «примкнувшими», опять же, к ним, помещичьими крестьянами П. Пеговым, И. Куняпиным, и, также не пожелавшего быть «обракованным», малоизвестного (единственный раз упомянутого в документе) «добровольца Зубова» [18, л. 25]. Следует назвать в числе добровольцев от данной группы как «феодосийского жителя грека», мещанина К. Сидорова, так и некое маргинальное лицо «без определенного места жительства», «взятого в праздном проживании ... Васильева»; к ним можно присовокупить и отставного унтер-офицера Павлова (14, л. 283, 297, 360).

В период с сентября по декабрь 1812 г. шел прием в ополчение и добровольцев-священнослужителей. Епископ Нижегородский и Арзамасский Моисей объявил, что причетники, дети священнослужителей, семинаристы, служители духовных заведений (на различных должностях), а также, что было особо подчеркнуто, «праздноживущие» отпрыски священников, могут беспрепятственно записываться в ополчение, причем епархия выделяла необходимые деньги на обмундирование и продовольствие ополченцам из духовной среды. Первые списки «изъявивших желание» служить в ополчении церковнослужителей появились в конце сентября 1812 г. Согласно первому из них [19, л. 2-3об.], на службу «представлялись» 11 человек: семинаристы Н.И. Акаевский, В.Г. Кемарский, А.Н. Сперанский, Е.Я. Сперанский [19, л. 2-3]; «исключенные из семинарии ученики»: И.Я. Воробьев, Н.С. Таврицкий [19, л. 3]; послушники Н. Григорьев, О. Макаров; «праздноживущие церковнослужительские дети»: И. Николаев [20, л. 2], С. Никитин, И. Васильев. Во второй партии «служителей и причетников» состояли следующие лица: И. Иванов, Д. Данилов [19, л. 6-7], С. Васильев, В. Петров, В. Логинов, А. Матвеев, Н. Михайлов, И. Андреев [19, л. 6-7].

Зачисление таких «ратников» на службу шло согласно отношений «правителя канцелярии графа Толстого коллежского асессора Филимонова о церковниках, желающих вступить на службу в ополчение»; с сентября по декабрь 1812 г. шел «партионный при-

ем» довольно большого числа церковников, которых, по дальнейшим, по датам, «представлений» от епископа Моисея к Толстому, и от Филимонова (Толстого) - Грузинскому, можно распределить так: 8 октября, при отношении Моисея к Толстому, «представлены» 2 семинариста (Нижегородской семинарии): Щеглов и Покровский [19, л. 22]; 16 октября: М. Иванов, Г. Григорьев, А. Яковлев, П. Михайлов, И. Николаев [19, л.36], А. Поликарпов [19, л. 36], А. Николаев, П. Матвеев [19, л.36], А. Васильев; 19 октября: А. Егоров, В. Иванов и «нижегородской семинарии ученик пиитического класса» А. Покровский [19, л. 25]; 26 октября: Н. Рубцов, Н. Востоков, А. Ильин, Н. Егоров, М. Федоров, К. Попов [19, л. 41]; 30 октября: «дьячок» В. Александров, «духовного звания» М. Зефиоров, Н. Богородский, А. Петров [19, л. 55], Я. Сергеев, А. Михайлов [19, л. 54]; 4 ноября: С. Писарев, П. Салтыков, В. Леонтьев [19, л. 58], С. Васильев, П. Яковлев [19, л. 68]; 9 ноября: П. Иванов, А. Иванов [19, л. 74]; 12 ноября: Г. Никитин, «дьячков сын» С. Васильев, С. Григорьев, И. Титов, И. Андреев [19, л. 76]; 19 ноября: пономари: Е. Дмитриев, М. Степанов; дьячки: А. Иванов, П. Яковлев, Г. Дмитриев, С. Яковлев, А. Яковлев; семинаристы: И. Вознесенский, И. Бельский [19, л. 78]; 28 ноября: М. Парфенов, М. Петров, И. Васильев, А. Федоров [19, л. 82]; 29 ноября: С. Матвеев, М. Петров [19, л. 76]; 4 декабря: И. Сергеев, С. Гаврилов [19, л. 98]; 15 декабря: Ф. Михайлов [19, л. 100]; 16 декабря: «ученик» (семинарии-авт.) М. Вишневский [19, л. 102]; 23 декабря: пономарь А. Михайлов [19, л. 104].

Согласно десятидневному рапорту командира 4-го полка от 30 ноября 1812 г. к ним также можно добавить Е. Сергиевского, А. Иванова, М. Степанова [18, л. 9].

Среди заметных особенностей добровольческого движения в Нижегородской губернии, порожденных спецификой военно-феодальной эпохи [20, с. 95], следует отметить массовость дворянского представительства среди добровольцев ополчения; заметность представительства лиц из духовной среды и чрезвычайно малое количество добровольцев из крестьянско-мещанской среды. Комплекс документов Центрального архива Нижегородской области позволяет достаточно эффективно решать научные задачи как по изучению различных проблем формирования нижегородского ополчения 1812 г., так и прочих аспектов социально-политической истории начала XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кауркин Р.В., Дроздов Ф.Б., Николаев Д.А. Отечественная война 1812 г. Нижегородское ополчение и его участие в заграничных походах 1813-1814 гг. – Н. Новгород: НО ИРИ, 2012.
2. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Формирование и походный марш конного полка нижегородского ополчения 1812 г. (сентябрь 1812 – февраль 1813 гг.) // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2018. – № 2 (99). – С. 115-119
3. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Формирование и походный марш 5-го полка нижегородского ополчения 1812 г./ (сентябрь 1812 – апрель 1813 гг.)// Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2019. – № 3 (106). – С. 98-103
4. Николаев Д.А. Добровольцы в нижегородском ополчении 1812 г.: исторические реалии и историографические мифы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – № 2. – С. 67-77.
5. Николаев Д.А. Некоторые аспекты развития военного производства Нижегородской губернии в начале XIX века (на примере вооружения нижегородского ополчения 1812 г.) // Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. – Н. Новгород, НГТУ, 2017. – С. 58-62.
6. Николаев Д.А. [Рец. на кн.] Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г. / Сост. Н.Ф. Хованский / Саратовская губернская ученая архивная комиссия. 1912. Репринт. изд. – Саратов: Изд-во ООО «Орион», 2012 // Отечественные архивы. – 2014. – № 1. – С. 121.
7. Николаев Д.А. Прошения офицеров нижегородского ополчения 1812 г. об увольнении со службы (по делопроизводственным материалам начала XIX в.) // Диалог мировоззрений: жизненный путь личности, общества, государства. Материалы XIV Международного симпозиума / Под ред. А.В. Дахина. – Н. Новгород, 2018. – С. 136-137.
8. Николаев Д.А. Как и чем вооружалось нижегородское ополчение в 1812 году//Военно-исторический журнал. – 2019. - № 2. – С. 75-79
9. Николаев Д.А. Заболеваемость офицеров нижегородского ополчения 1812 г. (по материалам официального делопроизводства начала XIX века) // Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. – Н. Новгород: НГТУ, 2017. – С. 96-99.
10. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Инспекторский смотр обмундирования и снаряжения нижегородского ополчения в ноябре 1812 г. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 12. – С. 58-61.
11. Николаев Д.А. Материалы официального делопроизводства по вопросам продовольственного и вещевого обеспечения нижегородского ополчения 1812 г.// Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе Сборник статей участников XVI Региональной научно-практической конференции /Под ред. В.И. Грубова, А.А. Исакова. 2019. С. 39-43.
12. Николаев Д.А. Из истории нижегородского ополчения 1812 г.: особенности формирования «подвижного магазейна» для снабжения армии // Народ и

власть: взаимодействие в истории и современность. – Н. Новгород, 2018. – С. 360-365.

13. Егоров Г.В., Николаев Д.А. Формирование «подвижного магазейна» по снабжению армии в Нижегородской губернии в 1812 г. // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2017. – № 5 (96). – С. 95-98.

14. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 1822, Оп. 1, Д. 18.

15. ЦАНО. Ф. 1822. Оп. 1. Д. 55.

16. ЦАНО. Ф. 1822. Оп. 1. Д. 86.

17. ЦАНО. Ф. 1822. Оп. 1. Д. 22.

18. ЦАНО. Ф. 1822. Оп. 3. Д. 6.

19. ЦАНО. Ф. 1822. Оп. 1. Д. 24.

20. Дроздов Ф.Б., Николаев Д.А. Народное ополчение 1812 г. и общественный договор // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 6-3. – С. 95-99.

ОСНОВНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО СОЗДАНИЮ НИЖЕГОРОДСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ В 1806 Г.

Дмитрий Андреевич Николаев

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, кафедра новой и новейшей истории, кандидат исторических наук, доцент г. Нижний Новгород; e-mail: dmnikolaeff@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению особенностей начального этапа формирования нижегородского ополчения 1806 г.: выявлению количества ополченцев и анализу сословно-корпоративных особенностей эпохи, выявленных в процессе сбора ополчения. На основе изучения материалов Центрального архива Нижегородской области и анализа историографических трудов выявлены общие и особенные черты местного ополченного корпуса на ранней стадии его формирования

Ключевые слова: Нижегородская губерния; нижегородское ополчение 1806 г.; добровольческое движение; наполеоновские войны; офицерский состав; военные и гражданские чины; мобилизация

В 1812 г., в связи с известными событиями Отечественной войны, начался сбор нижегородского ополчения [1, с. 34]. По утвержденной разнарядке (помимо дополнительных рекрутских наборов), всего в Нижегородской губернии надлежало собрать 12928 «кратников» (12275 пеших и 653 конных) [2, с. 115; 3, с. 98] для пяти пехотных и одного конного полков [4, с. 67]. Среди полномочных структур, созданных специально для этой цели, особо выделялись, по своему значению и функциям, комитеты пожертвований и вооружения (являвшихся структурами комитета ополчения Нижегородской губернии) [5, с. 58]. Обмундирование, снаряжение и

даже вооружение ополчений той поры осуществлялось за счет «отдатчиков ратников», т.е. помещиков, либо мещанских сообществ [6, с. 121]. Правила набора офицеров [7, с. 136; 8, с. 75; 9, с. 96] и ратников на службу, а также обеспечения их продовольствием и одеждой были утверждены 25 июля 1812 г. [10, с. 58; 11, с. 39]. Согласно им ежемесячное содержание одного ратника (до выступления в поход, когда полагалось уже казенное обеспечение), начиная с 1 октября 1812 г., определялось в 1 пуд 35 фунтов муки, 1,5 гарнца круп, 2 фунта соли и 1 руб. жалования [12, с. 360; 13, с. 95].

Но следует учесть, что первый опыт формирования региональных ополчений России был получен гораздо ранее. Осенью 1806 г. образовалась очередная, 4-я по счету антинаполеоновская коалиция (в составе Англии, Пруссии, Швеции и России), но действия ее против Наполеона были не очень удачными: в октябре 1806 г. Пруссия потерпела тяжелые поражения и ее территория была оккупирована, что напрямую угрожало границам Российской империи. В этих условиях, когда «соседняя сия Держава, разделявшая от Франции западные границы Империи Всероссийской, лишилась средств к своей обороне», Александр I принимает решение о мобилизации сил «на поражение злобствующего врага, который, в изданных им прокламациях, простирает дерзость свою столь далеко, что грозит явно вторжением в самые пределы Наши» [14, с.894]. 30 ноября 1806 г. царь обратился к подданным с манифестом «О составлении и образовании повсеместных временных ополчений или милиции».

Согласно манифесту, на территориях 31 губернии Российской империи, создавалось 7 т.н. «областных войск» общей численностью 612 000 чел. Нижегородская губерния входила в VII областное войско (вместе с губерниями Вятской, Казанской, Костромской и Вологодской) и была обязана собрать, снарядить (в трехмесячный срок) и отправить на воинскую службу 16 500 ратников. Главнокомандующим (назначаемым «из особ, верностью, службою и достоинствами общественную доверенность приобретающих») над ополченской милицией VII области был назначен генерал-от-инфантерии князь Ю.В.Долгоруков. «В стороне» от формирования ополчений остались 19 губерний страны: 14 – ввиду их слишком большой географической удаленности, 5 – ввиду того, что они могли бы оказаться в зоне боевых действий.

Губернским начальником милиции, или «командующим в Нижегородской губернии земским войском», дворянство избрало генерал-лейтенанта И. С. Белавина, хорошо известного человека, который был в 1781-1796 годах правителем Нижегородского наместничества, ветераном русско-турецкой войны 1768-1774 гг. Для формирования и подготовки земской милиции на территории губернии были учреждены особые территориальные отделения. Первое отделение возглавил генерал-майор Е. Ф. Купреянов, второе отделение – генерал-лейтенант Н. О. Кутлубицкий, третье отделение – генерал-майор П. Б. Григорьев [15, с.71].

В уездах Нижегородской губернии милиционные структуры возглавили местные дворяне, ранее служившие в армии. Начальником Нижегородской уездной милиции был избран генерал-майор О.И. фон Ребиндер, Сергачской уездной милиции генерал-майор А. А. Соловцов, Княгининской - генерал-майор В. В. Баженов, Ардамовской - флота капитан 1-го ранга А. В. Бабушкин, Макарьевской - коллежский советник А. К. Шебуев, Горбатовской - Н. И. Бычков, Васильской - П. В. Чемоданов [15, с.71]. В каждом уезде от дворянских собраний были избраны и «комиссары» земской милиции, которые занимались организацией продовольственного и фуражного снабжения, обеспечения всем необходимым совместно с начальниками милиции и уездными земскими исправниками.

Тем же самым императорским манифестом определялось, что начальник губернской земской милиции и командный состав (тысячные, пятисотенные, сотенные и пятидесятные) избираются на дворянских собраниях. Поскольку офицерский корпус ополчения формировался, в значительной степени, из отставных военных, то «повелено было носить (им – авт.) мундир части, где они служили, всем же прочим был присвоен мундир губернский, при военной шпаге или сабле, с темляком на перевязи, через плечо и шляпа с бантом и султаном, но потом всем был дан военного покроя мундир с воротником и обшлагами тех цветов, какие были присвоены губернским мундирам» [16, с.15].

Помещики должны были отобрать крепостных крестьян, могущих по состоянию здоровья нести военную службу. При этом каждый крестьянин вооружался и экипировался, первоначально, не военную форму, а в крестьянскую же одежду, но лучшего качества, за счет помещика, который также выдавал на каждого ратника

трехмесячное жалованье в три рубля и провианта на три же месяца. На время службы ратники освобождались от подушной и оброчной податей [17, л.1]. Кроме того, помещики были обязаны сделать дополнительное «добровольное пожертвование» и с каждой «владельческой души» выплатить еще по 50 коп. «Градские общества» обязывались выставлять от мещанского населения ратников также с их полным материальным обеспечением; свободные люди могли вступать в земскую милицию добровольно. Был ограничен, по прошению Святейшего Синода на имя императора, прием в милицию для лиц «духовного звания» и студентов духовных семинарий [18, с.1160]; тем не менее, такой весомый потенциальный мобилизационный ресурс не мог остаться без внимания и в дальнейшем по этому поводу были внесены уточнения: поскольку страта «церковно - и священнослужителей» была достаточно большой и не все, в ней состоящие, имели реальную востребованность в обществе, то, при записи в ратники, должен быть произведен «разбор» как наличия/отсутствия места учебы, или службы, так и индивидуальных поведенческих характеристик человека, особенно из категории «праздноживущих», «непорядочного поведения» [19, л.1-2] и пр. В итоге, по сведениям, доставленным в военную коллегию от нижегородского губернского правления, «принятых на службу церковников» значилось 82 чел. [20, л.2].

Учитывая затруднения, встретившиеся при обмундировании ратников, и, в частности, дефицит производства суконных тканей, нижегородский губернатор обратился в «Комитет для главного производства дел по милициям» с просьбой оставлять фабричных работников суконного производства, на своих рабочих местах [21, л.119об.]. Комитет «перевыполнил» эту просьбу, приняв во внимание то обстоятельство, что большая часть фабрик, и, особенно, суконных, полотняных, кожевенных и железоделательных «имеют обязанности с казной» и при отзыве с производства даже небольшого числа работников «могут быть поставлены в затруднение исполнить сии обязанности» [21, л.119об.], поскольку, как следовало из письменных просьб и объяснений некоторых фабрикантов и заводчиков Нижегородской губернии [21, л.119об.], их предприятиям, работающим, по значительному числу заказов, на оборону, придется сворачивать производственные мощности; учитывая, что «число ратников из заводских работников ... не может быть значительно»,

то таковых призывать, «не требуя на службу действительную, оставить до времени при фабриках» [21, л.120-120об.], в качестве как прежней, необходимой для оборонных производств, рабочей силы [21, л.147], так и формально уже приписанных к «военной милицеевской силе» и находящихся в ближайшем мобилизационном резерве, и которые, в случае необходимости, «немедленно могут быть отправлены к их назначению» [21, л.120об.].

Канцелярией губернатора были направлены в уезды образцы ведомостей, согласно которым необходимо было указывать как общее количество «владельческих» крестьян, так и перечень поступающих в ополчение. Реестры дополнялись графами: «звание ведомств», «из каких кто селений», «какое оружие» (вручено ратникам владельцами – авт.), «женат, или нет» и пр. Впрочем, это не исключало и местное «документоведческое нормотворчество».

С начала – середины января 1807 года уездные предводители дворянства и начальники уездных земских ополчений сообщали нижегородскому губернатору А.М.Руновскому о первоначальных (промежуточных) результатах сбора ратников по уездам. Хотя основной контингент ратников составляли помещицьи крестьяне, немалое количество ополченцев относилось к другим категориям населения. Согласно «Списку набираемых Балахнинского уезда с нижеозначенных казенных волостей в состав земской милиции ратникам», всего с казенных селений (только одного уезда) было отправлено в ополчение (к середине января 1807 г.) 176 чел. при 49 ружьях, 176 пиках и 3 саблях [20, л.122]; позднее это количество увеличилось до 291 чел. [20, л.122]. В документах канцелярии нижегородского губернатора имеется и список ратников (1041 чел.), зачисленных в земское войско от ведомства казанской удельной экспедиции, управляющей «приказами» по некоторым местностям Нижегородской губернии [22, л.37-38]. В январе же 1807 г. нижегородский уездный предводитель дворянства П. А. Ленивец сообщил о сборе с уезда ратников, в количестве 1798 чел., из которых 1536 являлись крепостными крестьянами, 157 - крестьянами казенного ведомства, 94 мещанина и 11 ямщиков [22, л.38].

Согласно рапорта нижегородского губернатора министру внутренних дел от 11 января 1807 г., набор ратников шел вполне успешно и «... приготовление людей в милицию по 11 число сего генваря в семи округах, а именно: Семеновском, Балахнинском,

Макарьевском, Васильском, Горбатовском, Ардатовском, Лукояновском совершенно кончено, кроме весьма малого недостатка в последних 3-х уездах; в прочих же 4-х округах: Нижегородском, Арзамасском, Сергачском, Княгининском составление сего войска производится с возможною деятельностью, и, хотя число следующих с них ратников по числу жителей в сих округах несравненно превосходит прочие, но, вероятно, и там по сие время уже кончено ... весьма малое количество ратников оставалось неприготовленным ... Ружей вместе с ратниками, сколько до сего времени известно, предоставлено до 2212; прочие же вооружены пиками, некоторые при том и саблями ...» [23, л.5]. Следует отметить, что ввиду неудачного прогнозирования действий высшей власти и неправильной «просчитываемости» ситуации наперед, многие распоряжения и конкретные действия нижегородских властей, которые несколько опередили конкретные предписания «сверху», приходилось отменять и «переделывать наоборот»: например, большое количество заготовленного провианта и снаряжения, еще до получения необходимых предписаний, было свезено с мест на базы хранения в уездные города [23, л.5], а затем (после того, как эти предписания не были получены) развезено обратно.

По составлении списков ратников, подавляющее большинство их «распустили в дома, с истолкованием каждому, что (ратники – авт.) из казенных селениев поступившие должны быть наравне с другими местному их начальству послушны, а (ратники – авт.) помещичьи в той же зависимости и повиновении обязаны находиться к помещикам и их начальникам и чтоб землю они пользовались и исправляли работы, как и прежде» [23, л.56]. Помещикам и вотчинным управляющим были даны, от милиционного начальства, необходимые инструкции, «дабы каждый знал управление записанных в милицию людей и какие обязанности их есть по земскому и волостному начальству над ними ...» [23, л.56]. Ответственность за наличие и сохранность милиционного оружия брали на себя сотенные начальники ополчения [23, л.56].

Батальон земского ополчения (под командованием майора Подревского), сформированный в Нижнем Новгороде, получил название отборного батальона милиции. На вооружение 1798 ратников помещики Нижегородского уезда собрали и передали 241

ружье, 1557 пик, 105 сабель и 1 кинжал; мещанское городское общество передало ратникам 6 пик и 4 пистолета [15, с.73].

Согласно предварительным данным «Реестра о поступившим вместе с запискою в милицию ратников по некоторым округам разного рода оружия», в котором приводились данные по 6-ти (из 11-ти) уездам губернии известно, что к началу 1807 года в ополчение уже было зачислено 7087 ратников, собрано для их вооружения 3393 ружья, 5331 пика, 1313 сабель, 54 пистолета [22, л.25].

5 февраля 1807 г., очевидно, в силу нехватки призывного контингента, вследствие «Высочайшего повеления» разрешалось «на перемену представляемых ратников» (на замену в процессе сбора ополчения – авт.) принимать людей уже иных возрастных пределов – от 17 до 50 лет [22, л.99]. 14 февраля 1807 г. князь Долгоруков выразил свое неудовольствие Руновскому за, по его мнению, слишком медленный сбор ополчения и предложил «... оное как можно (более – авт.) ускорить» [22, л.95]; после этого послания в течение ближайших дней организационные мероприятия были завершены и 28 февраля 1807 г. Руновский доложил Долгорукову, что «по Нижегородской губернии назначение в милицию ратников совершенно по сие время окончено, которые и поступили в ведомство гг. уездных начальников в полном числе» [22, л.96]. Список ратников земской милиции по уездам выглядел следующим образом: Нижегородский уезд – 1792 ополченца, Ардатовский уезд – 1459, Арзамасский уезд – 1770, Балахнинский уезд – 1474, Васильский уезд – 1179, Горбатовский уезд – 1368, Княгининский уезд – 1540, Лукояновский уезд – 2158, Макарьевский уезд – 1130, Семеновский уезд – 1073, Сергачский уезд – 1557 человек. Всего насчитывалось, строго по положенному «областному» расписанию, 16500 человек [22, л.96]. Следует отметить, что успешный набор ратников в установленные сроки стал возможен не только благодаря действиям властей – административных и вотчинных – ратники, фактически, набирались «на бумаге», оставаясь, будучи записанными в ополчение, «в своих селениях» и выполняя прежние обязанности, изредка являясь, как правило, по воскресеньям, на военно-учебные сборы, без врачебного освидетельствования на пригодность к службе и при непостоянном военно-административном контроле. На этом содержание первоначальных мероприятий по формированию «списочно-

го» состава нижегородского ополчения было исчерпано и далее были уже иные этапы мобилизации сил и средств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кауркин Р.В., Дроздов Ф.Б., Николаев Д.А. Отечественная война 1812 г. Нижегородское ополчение и его участие в заграничных походах 1813-1814 гг. – Н. Новгород: НО ИРИ, 2012.

2. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Формирование и походный марш конного полка нижегородского ополчения 1812 г. (сентябрь 1812 – февраль 1813 гг.) // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2018. – № 2 (99). – С. 115-119

3. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Формирование и походный марш 5-го полка нижегородского ополчения 1812 г./ (сентябрь 1812 – апрель 1813 гг.)// Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2019. – № 3 (106). – С. 98-103

4. Николаев Д.А. Добровольцы в нижегородском ополчении 1812 г.: исторические реалии и историографические мифы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – № 2. – С. 67-77.

5. Николаев Д.А. Некоторые аспекты развития военного производства Нижегородской губернии в начале XIX века (на примере вооружения нижегородского ополчения 1812 г.) // Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. – Н. Новгород, НГТУ, 2017. – С. 58-62.

6. Николаев Д.А. [Рец. на кн.] Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г. / Сост. Н.Ф. Хованский / Саратовская губернская ученая архивная комиссия. 1912. Репринт. изд. – Саратов: Изд-во ООО «Орион», 2012 // Отечественные архивы. – 2014. – № 1. – С. 121.

7. Николаев Д.А. Прощения офицеров нижегородского ополчения 1812 г. об увольнении со службы (по делопроизводственным материалам начала XIX в.) // Диалог мировоззрений: жизненный путь личности, общества, государства. Материалы XIV Международного симпозиума / Под ред. А.В. Дахина. – Н. Новгород, 2018. – С. 136-137.

8. Николаев Д.А. Как и чем вооружалось нижегородское ополчение в 1812 году//Военно-исторический журнал. – 2019. - № 2. – С. 75-79

9. Николаев Д.А. Заболеваемость офицеров нижегородского ополчения 1812 г. (по материалам официального делопроизводства начала XIX века) // Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. – Н. Новгород: НГТУ, 2017. – С. 96-99.

10. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Инспекторский смотр обмундирования и снаряжения нижегородского ополчения в ноябре 1812 г. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 12. – С. 58-61.

11. Николаев Д.А. Материалы официального делопроизводства по вопросам продовольственного и вещевого обеспечения нижегородского ополчения 1812 г.// Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе Сборник статей участников XVI Региональной научно-практической конференции /Под ред. В.И. Грубова, А.А. Исакова. 2019. С. 39-43.

12. Николаев Д.А. Из истории нижегородского ополчения 1812 г.: особенности формирования «подвижного магазейна» для снабжения армии // Народ и власть: взаимодействие в истории и современность. – Н. Новгород, 2018. – С. 360-365.
13. Егоров Г.В., Николаев Д.А. Формирование «подвижного магазейна» по снабжению армии в Нижегородской губернии в 1812 г. // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2017. – № 5 (96). – С. 95-98.
14. О составлении и образовании повсеместных временных ополчений или милиции / Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (ПСЗРИ) Собрание первое. Том XXIX. 1806 – 1807. СПб., 1830.
15. Лушин А.Н. Нижегородская земская милиция в период русско-французской войны 1805 – 1807 годов // Нижегородская старина. Краеведческое-историческое издание. – Н. Новгород, 2016. - Вып. 47-48. - С.70-74.
16. Государственное ополчение. Исторический очерк. С приложением: Положения о государственном ополчении, правил, инструкций и форм до организации ополчения и порядка призыва на службу ратников относящихся / Сост. Генерального Штаба полковник Я. Преженцов. СПб.: Склад у В.А.Березовского. 1889. 180 с.
17. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 5, Оп. 41, Д. 205.
18. О непринимании студентов и людей Духовного звания в областные милиции, без предварительного с Духовным Начальством сношения / ПСЗРИ. Собрание первое. Том XXIX. 1806 – 1807. СПб., 1830.
19. ЦАНО, Ф.5, Оп.41 за 1807 г., Д.536.
20. ЦАНО, Ф.2, Оп.4, Д.56.
21. ЦАНО, Ф.2, Оп.4, Д.59.
22. ЦАНО, Ф.2, Оп.4, Д.57.
23. ЦАНО, Ф.5, Оп.41 за 1807 г., Д.325.

ВОЕННО-ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРАКТИКА В НИЖЕГОРОДСКОМ ОПОЛЧЕНИИ 1806-1807 ГГ.

*Дмитрий Андреевич Николаев¹,
Ирина Алексеевна Хвостова²*

¹ *Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, кафедра новой и новейшей истории, кандидат исторических наук, доцент
г. Нижний Новгород; e-mail: dnmikolaeff@mail.ru*

² *Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, кафедра новой и новейшей истории, кандидат исторических наук, доцент
г. Нижний Новгород; e-mail: iri-khv@mail.ru*

В данной статье, на основе материалов Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО), рассматриваются особенности процесса военного обучения ратников нижегородского ополчения 1806-1807 гг., а также особенности военно-дисциплинарной практики. Уделяется внимание вопросам, связанным с борьбой с дезертирством и прочими дисциплинарными нарушениями.

Ключевые слова: наполеоновские войны; нижегородское ополчение 1806-1807 гг.; ратники ополчения; борьба с дезертирством; военное обучение

Осенью 1806 г. была создана очередная (4-я по счету) антинаполеоновская коалиция, но ее действия были не очень удачными. России требовался новый мобилизационный ресурс и 30 ноября 1806 г. Александр I обратился к подданным с манифестом «О составлении и образовании повсеместных временных ополчений или милиции». Согласно манифесту, на территориях 31 губернии Российской империи, создавалось 7 т.н. «областных войск» общей численностью 612 000 чел. [2; 4; 7]; Нижегородская губерния входила в VII областное войско (вместе с губерниями Вятской, Казанской, Костромской и Вологодской) и была обязана собрать, снарядить (в трехмесячный срок) и отправить на воинскую службу 16 500 ратников [3; 5; 6]. Главкомандующим VII области был назначен генерал-от-инфантерии князь Ю.В.Долгоруков. Губернским начальником милиции, или «командующим в Нижегородской губернии земским войском», дворянство избрало генерал-лейтенанта И. С. Белавина - ветерана русско-турецкой войны 1768-1774 гг. и бывшего правителя Нижегородского наместничества Для формирования и подготовки земской милиции на территории губернии были учреждены особые территориальные «отделения» [1; 8].

В уездах Нижегородской губернии милиционные структуры возглавили местные дворяне, ранее служившие в армии. В каждом уезде от дворянских собраний были избраны и «комиссары» земской милиции, которые занимались организацией продовольственного и фуражного снабжения, обеспечения всем необходимым совместно с начальниками милиции и уездными земскими исправниками. Начальник губернской земской милиции и ее командный состав (тысячные, пятисотенные, сотенные и пятидесятные) избирались на дворянских собраниях [9, с.71].

Помещики записывали в ратники своих крепостных крестьян, могущих по состоянию здоровья нести военную службу. При этом каждый ратник вооружался и экипировался за счет помещика, кото-

рый также выдавал на каждого ратника трехмесячное жалование в три рубля и провианта на три же месяца. «Градские общества» обязывались выставлять от мещанского населения ратников также с их полным материальным обеспечением.

Ратники, поступавшие в земское ополчение, распределялись по отделениям и батальонам. И.С. Белавиным от Ю.В. Долгорукова был получен документ под названием «Общая инструкция для Седьмой области», содержащий в себе общий кодекс поведения «начальник-подчиненный» (основанный на военных уставах), которого следовало придерживаться в ополченской повседневности. «Доброе поведение» ратников предписывалось устанавливать «хорошим распоряжением, большим попечением о подчиненных, но всего более строгим ... наказанием за дурные дела и награждением за хорошие» [10, л.113об.]. За малозначимые воинские проступки следовало: домашний арест («невыпуск из квартиры»), внеочередное караульное дежурство, дополнительные занятия по военному обучению [10, л.113об.]. За преступления же «важные» («или по следствию окажется, или уже и пойман будет в дезерции») полагалось «тотчас по выбритию лба привести к присяге и представить для отправления в армию для замены своего селения рекрута» [10, л.113об.]. В качестве же поощрения за хорошую службу полагались: краткосрочный отпуск домой «к сродникам на их поручительство», временное освобождение от военного обучения, предоставление большего количества свободного времени, а также позволение ратникам «для своей пользы заниматься работою» и пр. [10, л.113об.]. Командирам ратников предписывалось также «весьма воздерживать их (ратников – авт.) от буйства, вводить доброе согласие», приведя, в конечном итоге, войско, «в хорошую нравственность» и «довести солдат до познания их должности» [10, л.113об.].

Главными целями военного обучения, помимо отработки правил общей воинской дисциплины, признавались: меткая («цельная») стрельба «без торопости в присутствии офицера» и приемы скорого заряжания оружия при условии экономии пороха. «Учить примером, когда все ловкости спознают, тогда порохом учить ... для сих учениев не нужно людей собирать, а можно обучить в квартирах» [10, л.113об.]. За меткую стрельбу также полагались вышеперечисленные поощрения, которые должны были к стрельбе «всех при-

охотить». Важное место в военной подготовке ратников имела и подготовка строевая, которая мыслилась не как парадная шагистика, а как важная часть боевого построения и оперативного развертывания на уровне рот, батальонов и «отделений»: «держат строй в рядах и шеренгах, потом равно маршировать ... потом строить колонны ...» [10, л.114]. Для достижения лучшего эффекта строевой подготовки ополченскими командирами были затребованы люди, «знающие барабанную науку», которых прикомандировали к штатным воинским командам для обучения новичков [10, л.66-67]. Командирам также было рекомендовано «никогда долго не учить, а наипаче если происходило учение удачно» [10, л.114], никому не быть «запальчивым в учении», а стараться проявлять максимальное терпение и настойчивость. Главное, как отмечалось в инструкции, «чтобы в земле (т.е. в ополченской среде и в данной местности – авт.) было спокойствие, о сем Начальник войска неусыпно должен пеших» [10, л.114], помогая и местным (гражданским) властям, но и те, в свою очередь, должны, по его требованию, исполнять необходимые распоряжения «и быть уверены, что спокойствие губернии обоим начальствам честь сделают, а напротив, при случившемся беспокойстве неизменно во всем ответственность будет» [10, л.114].

Вопросы соблюдения требований воинской дисциплины и «гражданственного послушания» касались не только ратников, но и офицерской ополченской среды, за которой также велся контроль как со стороны властей военных, так и гражданских, местных. Так, например, васильский уездный предводитель дворянства Демидов поделился своими пространными соображениями по поводу образа «мыслей и действий» одного из командиров ополчения, чье подразделение располагалось в уездном селе Вершинине – сотенного Ульянова – с местным земским исправником Станиславским: «что, по дошедшим до него, предводителя, слухам ... господин Ульянов ... приступил к некоторому распоряжению (в отношении – авт.) ратников, тут живущих, как-то: приказывая им переделывать из крестьянских рубах в немецкие, чтоб имели на себе галстуки, чтоб ходили по очереди к отправлению при нем должностей вестовых и под видом осмотра собирает ратников на сходку, чрез то нарушает отправление ... их занятия ...» [11, л.44]. Не исключалась, по мнению местного предводителя, помимо «странного и подозрительного» поведения воинского начальника, и коррупционная подоплека

составляющего процесса, «будто внушая им (ратникам – авт.), что от положенных по сему предмету эволюций (он, Ульянов - авт.) может некоторых из ратников по воле своей делать свободными и будто бы сим открыл стезю для получения себе интересного прибьтка» [11, л.44]. Земскому исправнику поручалось «скромным образом» прибыть в назначенное место и подробно выяснить все обстоятельства данного дела, что и было исполнено [11, л.44об.]: исправник зафиксировал в отчетном документе, что, в целом, за исключением небольших отклонений от требований воинских уставов и некоторого нарушения формы одежды, «ничего непозволительно-го им, господином Ульяновым, делано не было» [11, л.45].

Несмотря на высокий, в целом, уровень воинской дисциплины ополченских подразделений, отмечались случаи дезертирства ратников с военной службы. Заранее предполагая это неизбежное явление, «Общая инструкция по VII области», уделяла самое пристальное внимание как предупредительным мерам, так и собственно борьбе с дезертирством в рамках как тогдашней военно-административной практики, так и своеобразных «собственных» понятий о справедливости предполагаемого наказания [10, л.113-114об.]. В этом документе дезертирство расценивалось как опасное преступное явление, могущее принести «беспокойствие» среди ратников и населения той местности, где они находятся, поскольку дезертиры, «по чрезвычайной обширности местности легко могут делать укрывательства» [10, л.114]. Согласно циркуляру военной коллегии, «относительно беглецов ... оказавшихся уже и буде впредь кто окажется в бегах и других преступлениях из ратников, пойманы ли они, или добровольно явились ... отсылать в ближайшие воинские команды ... с надлежащим присмотром» [11, л.1]. Превентивные меры по устранению причин этого явления предусматривали недопущение «несмотрения начальников, нерачительного призрения за подчиненным». Признавались, в качестве возможных причин дезертирства: неадекватность применяемых наказаний, «от малых вин причиняемый страх», физическое насилие и психологическое давление в армейской среде, совершаемые, порой, людьми, «кои и в домашнем быту не должны были быть терпимы» [10, л.114], тем более учитывая факторы многочисленности и скученности людей, поскольку «в большом числе ратников будут и таковые изверги». Тем не менее, с учетом фактора борьбы с «казарменным хулиган-

ством», наилучшим способом борьбы с дезертирством предполагалось заинтересованное участие местного населения, «что если оной (дезертир – авт.) пойман будет, (то) тотчас (будет – авт.) отправлен в армию ... в замен его селению, а кто приведет, тому селение зачисляет семейству» [10, л.114об.], т.е. пойманный дезертир должен был теперь стать не ратником, а рекрутом [11, л.13], со всеми вытекающими отсюда последствиями, а лица, поймавшие его (а также их ближайшие родственники), очевидно, отстранялись, в дальнейшем от участия в рекрутской жеребьевке и распределении рекрутских норм. Отмечалось и то обстоятельство, что дезертир не мог долго скрываться без посторонней помощи «и для того по приводе дезертира изыскать ... военным следствием, где дезертир укрывательство имел и тотчас из того дому взять человека не в зачет в милицию» [10, л.114об.].

Несмотря на декларируемую, в борьбе с дезертирством, «политику кнута и пряника», оно, в ограниченном масштабе, существовало. В рапортах командования сообщалось о бегстве из рядов милиции семеновских крестьян В.Никитина, А.Филиппова, Н.Сидорова и Г.Семенова [11, л.64]. Затем, в марте 1807 г., ополчение покинули горбатовские ратники И.Родионов и В.Павлов [11, л.85, 129] и было сообщено о бегстве, поимке и «представлении» в сергачский нижний земский суд ратников Р.Алексеева и П.Панфилова [11, л.137]. Крестьяне села Кладбищи А.Дубровин и В.Маняков (к тому же подозревающиеся «в краже ими Васильской округи крестьянина деревни Лещевки Осипа Андреева разного имущества» [12, л.229]) несколько месяцев укрывали у себя беглого ратника И.Бриткина [12, л.1-8]; велись поиски «пропавшего без вести» «дворового человека А.Иванова ...» [13, л.2]. Известно и о некоторых фактах преступлений, произошедших в процессе сбора ополчения: так, например, из васильского нижнего земского суда было «неведомо кем похищено 1295 рублей (пожертвованных – Д.Н.) денег» [11, л.71]. Тем не менее, оценивая ситуацию в целом, необходимо отметить достаточно высокий уровень воинской дисциплины в ратнической среде и малое, по сравнению с общим числом призванных ратников, количество правонарушений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николаев Д.А. Создание основных структур нижегородского ополчения 1806-1807 гг.: формирование батальона стрелков милиции // Вопросы исторического и экологического регионоведения. Сборник статей участников III Всероссий-

ской научно-практической конференции. Отв. редактор В.И. Грубов, науч. редактор А.А. Исаков. - Арзамас, 2022. - С. 103-108.

2. Николаев Д.А. Манифест от 30 ноября и первоначальные меры по созданию нижегородского ополчения в 1806 г. // Вопросы исторического и экологического регионоведения. Сборник статей участников III Всероссийской научно-практической конференции. Отв. редактор В.И. Грубов, науч. редактор А.А. Исаков. - Арзамас, 2022. - С. 96-103.

3. Николаев Д.А., Хвостова И.А. Процесс вооружения нижегородского резервного ополчения 1812 г на начальном этапе его формирования // Вопросы истории. - 2022. - № 7-1. - С. 204-208.

4. Николаев Д.А., Дорофеев Ф.А. Комплекс первоначальных мер по организации нижегородского ополчения 1806 г. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. - 2022. - № 3-3. - С. 19-22.

5. Николаев Д.А., Хвостова И.А. Процесс вооружения нижегородского резервного ополчения 1812 гг. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. - 2022. - № 4. - С. 13-15.

6. Николаев Д.А., Хвостова И.А. Формирование батальона стрелков милиции - один из этапов созидания нижегородского ополчения 1806-1807 гг. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. - 2022. - № 4. - С. 16-18.

7. Николаев Д.А. Нижегородское ополчение 1806-1807 гг.: организация, вооружение, обеспечение и роспуск (по материалам центрального архива нижегородской области). Статья первая // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - 2021. - № 5. - С. 28-42.

8. Николаев Д.А. Нижегородское ополчение 1806-1807 гг.: организация, вооружение, обеспечение и роспуск (по материалам центрального архива нижегородской области). Статья вторая // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - 2021. - № 6. - С. 24-36.

9. Лушин А.Н. Нижегородская земская милиция в период русско-французской войны 1805 – 1807 годов // Нижегородская старина. Краеведческо-историческое издание. - 2016. - Вып. 47-48. - С.70-74.

10. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф.2. Оп.4. Д.59

11. ЦАНО. Ф.2. Оп.4. Д.57.

12. ЦАНО, Ф.5, Оп.41 за 1808 г., Д.229.

13. ЦАНО, Ф.5, Оп.41 за 1808 г., Д.183.

**ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ
ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ АРЗАМАСА
ОЛЬГА ФЕДОРОВНА ЕЛЕОНСКАЯ**

Наталья Алексеевна Пакишина

*Арзамасский политехнический институт Нижегородского государственного технического университета им. П.Е. Алексеева, к.т.н., доцент
Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: Nataliapakshina@mail.ru*

В статье рассказывается об Ольге Федоровне Елеонской преподавателе французского языка Екатерининской женской гимназии города Арзамаса. О.Ф. Елеонская являлась выпускницей Нижегородского Мариинского института благородных девиц, а позже – курсов иностранных языков в Петербурге. Сделана попытка рассказать биографию этой женщины, на долю которой выпало жить в первой половине XX века и испытать немалые трудности революционных и последующих за ними лет.

Ключевые слова: Елеонская Ольга Федоровна; женское образование; Арзамас; Нижний Новгород; начало XX века

Попытки реконструкции биографий воспитанниц Нижегородского Мариинского института благородных девиц нередко бывают малоуспешными. И особенно это относится к выпускницам начала XX века. Трудность отслеживания дальнейших судеб выпускниц женских учебных заведений связана с большим количеством факторов. Многие из девушек выходили замуж и меняли фамилии, и тогда их судьбы в большинстве случаев – неразгаданные донныне загадки. Часть из них в послереволюционные годы покинула Россию, другие пытались укрыться в глубинке, дабы избежать репрессий. Иногда преднамеренно уничтожались те документы и фотографии, которые могли рассказать о происхождении, родственниках и знакомых. К счастью, в нашем случае удалось обнаружить некоторую информацию о преподавательнице французского языка Екатерининской гимназии города Арзамаса Ольге Федоровне Елеонской и сделать попытку написать краткую биографию этой воспитанницы Мариинского института.

Ольга родилась в 1883 году в Нижнем Новгороде в семье магистра богословия, преподавателя Нижегородской Духовной семинарии и Епархиального училища Федора Петровича Елеонского и его жены Анны Ивановны. Детство ее прошло в зеленом, уютном районе недалеко от откоса, с которого были видны живописные заволжские дали.

Как поведали нам Адрес-календари за разные годы, первоначально, после возвращения отца из Санкт-Петербургской Духовной Академии, семья жила в здании семинарского общежития на Верхней набережной, что располагалось вблизи Георгиевской церкви (приложение, рис. 1, 2).

Позже в 1890 году – по адресу Мартыновская, 12 на съемной квартире, в 1900 году на Кизеветтерской (Кизеветтеровской) улице (совр. название ул. Фрунзе) в доме священника Румянцева, и уже в 1914 году, наконец, в собственном доме, который отец приобрел на той же Кизеветтерской улице [1, с. 67, 133; 2 с. 30, 35].

У них в семье росли младшие братья Ольги, Владислав и Сергей. Ольга Елеонская поступила в Мариинский институт благородных девиц, где к тому времени служил ее отец, он преподавал историю в этом учебном заведении. Кстати, воспитанницы относились к Елеонскому очень хорошо, и тому сохранилось не одно свидетельство. Например, выпускница 1896 М.А. Шипилова в своих воспоминаниях дала ему краткую, но при этом меткую характеристику: *«мрачный на вид, но добрейший историк Елеонский»* [3].

Училась Ольга Елеонская там как приходящая воспитанница. В конце XIX столетия такая форма обучения была уже достаточно широко распространена. В период учебы очень сдружилась со своей одноклассницей Еленой Аллендорф, дочерью инспектора Александровского дворянского института. Они общались не только в стенах института, но и регулярно ходили друг к другу в гости [4, с. 17].

Достаточно вспомнить некоторые упоминания об их общении в дневнике младшей сестры Елены Анны Аллендорф за март 1900 года: *«Вечером Лена была у Елеонских, а я у Тилинг и мы провели время очень приятно»* или *«Вечером у нас была Оля Елеонская, и меня пригласила к себе. Я была так рада ...»* [5].

Занималась Ольга прилежно, о ее успехах говорит то, что при окончании института весной 1900 года она была награждена браслетом [6, с. 140]. Напомним, что окончившим полный курс Мариинских институтов, выдавался аттестат на звание домашней учительницы, а получившим награду – домашней наставницы и право без экзамена поступить на педагогические курсы.

Вся ее дальнейшая жизнь была связана с педагогической деятельностью, а точнее с преподаванием французского языка. Благо в институте она получила основательную базовую подготовку. Чтобы

оценить то, в каком объеме изучали французский язык воспитанницы Мариинского, достаточно заглянуть в таблицу понедельного распределения уроков (табл. 1).

Таблица 1

**Недельное распределение уроков французского языка
в Нижегородском Мариинском институте**

Предметы	Классы							Всего
	VII	VI	V	IV	III	II	I	
Французский язык	6	5	4	4	4	4	4	31

Из этих сведений следует, что за весь период обучения в Мариинском институте благородных девиц французскому языку отводилось достаточно много часов, т.е. не менее 4 часов в неделю, а в начальный период занятия этим языком проводились ежедневно.

О дальнейшей судьбе нашей героини мы узнали из различных источников, где эти сведения представлены весьма фрагментарно. К сожалению, не удалось пока найти какого-либо формулярного списка, или другого дела, в котором информация была бы сосредоточена в одном документе. Имеются сведения, что в 1910 году она окончила Петербургские курсы иностранных языков [7, с. 340].

О том, что следующий период ее жизни будет связан с Екатеринбургской женской гимназией уездного города Арзамас, мы можем узнать из «Справочной книжки и адрес-календаря Нижегородской губернии на 1914 год» (приложение, рис. 3) [8, с. 28].

Эта информация привела автора в архив Арзамаса ГКУ ГА-НО. В фонде 118 «Арзамасская Екатеринбургская женская гимназия Нижегородской губернии» есть несколько документов, где упомянута Ольга Федоровна Елеонская. В частности, в «Протоколах заседаний педагогического совета» [9, л. 27 об., 47 об.].

Может показаться удивительным, что она поехала в Арзамас, а не устроилась на службу в Нижнем Новгороде. Ведь ее отец в это время продолжал работать в Мариинском институте и был уважаемым преподавателем. Его стаж в этом учебном заведении достиг тридцати лет. Кроме того, у Елеонских к 1914 году уже был собственный дом. И учебных заведений в Нижнем Новгороде имелось великое множество. Но в первом и втором десятилетии XX столетия в губернском городе проблема трудоустройства для обра-

зованной интеллигенции существовала, если не сказать была острой.

Прежде чем начнем рассказ о преподавателе французского языка Ольге Федоровне Елеонской, посмотрим, что же за учебное заведение представляла собой эта гимназия, в которую она пришла работать и какова история ее появления.

В 1862 году благодаря содействию ардатовского помещика Александра Николаевича Карамзина (сына знаменитого создателя «Истории государства Российского») и его жены Натальи Васильевны в Арзамасе появилось одно из первых женских средних учебных заведений в Нижегородской губернии. Первоначально это было училище II разряда, которое было принято под покровительство принцем Петром Георгиевичем Ольденбургским. А назвали его Екатерининским по прошению Попечительского совета арзамасского училища в честь его дочери, семнадцатилетней принцессы Екатерины. [10, л. 11-11 об.].

Возможно, у читателей возникло недоумение, почему училищу дают имя совсем молодой девушки (приложение, рис. 4), которая никогда здесь не бывала и организацией женского образования не занималась. Ее отец П.Г. Ольденбургский (приложение, рис. 5) действительно являлся председателем Главного совета женских учебных заведений и много лет служил на поприще женского образования. Имя Арзамасскому училищу было присвоено в 1864 году, как раз тогда, когда Императрица Мария Александровна собиралась женить на принцессе Екатерине своего старшего сына наследника Николая Александровича (приложение, рис. 6).

Впоследствии эта свадьба так и не состоялась, поскольку вопреки желанию Екатерины, ее мать не дала согласия на брак. Екатерина Петровна очень тяжело переживала сложившуюся ситуацию. А осенью 1864 года цесаревич был обручен с принцессой Дагмар, вскоре неожиданно заболел и в апреле 1865 года скончался в Ницце. После безвременной смерти Николая в 1866 году умирает и девятнадцатилетняя Екатерина.

Вернемся, однако, к арзамасскому училищу. В 1872 году училище преобразовали в прогимназию, а в 1901 оно получило статус гимназии [11].

К моменту приезда О.Ф. Елеонской в Арзамас гимназия располагалась в двух рядом стоящих зданиях по улице Сальниковой (ныне К. Маркса) (приложение, рис. 7).

Судя по отчету за 1915 год, обучение в Арзамасской Екатерининской женской гимназии составляло 8 классов. Существовало также семь параллельных и пригготовительный класс [12].

Гимназия была достаточно крупным учебным заведением не только по арзамасским меркам: по количеству учениц она в два с лишним раза превосходила *alma mater* Ольги, т.е. Мариинский институт благородных девиц.

Например, к 1 января 1916 г. в гимназии обучалось 625 учениц, из них 395 дети жителей города, 84 – Арзамасского уезда, 99 – других уездов Нижегородской губернии, 47 – других губерний [13, л. 324, 324 об.]. Такое большое количество учениц из других губерний появилось в связи с Первой мировой войной и, прежде всего, с тем большим числом размещенных в Арзамасе эвакуированных из западных областей людей.

Ольга Федоровна с 1914 года по 1918 неизменно имела большую нагрузку – 27 часов в неделю. Она вела уроки французского языка с 1 по 7 классы и была в то время единственным преподавателем французского в гимназии [14, л. 27 об., 47, 72, 72 об.].

В 1914/1915 учебном году О.Ф. Елеонская становится членом Педагогического совета гимназии, и практически на всех протоколах заседаний вплоть до ноября 1918 года мы можем видеть ее аккуратную с небольшим нажимом подпись [14, л. 47, 49 об., 51, 180, 180 об.].

После Февральской революции летом 1917 года в Арзамасе, как и во многих других городах бывшей Российской империи, началась эпоха беспорядков. Имел место денежный кризис, голод и отсутствие топлива, что вызвало массовую безработицу на фабриках и заводах. В городе начинаются многочисленные забастовки и волнения. 9 октября Совет вынужденно привлекает частных торговцев для снабжения населения продуктами. Временно разрешается свободная продажа хлеба [15].

Летом 1918 года, поскольку имущество арзамасских купцов и благотворителей было реквизировано, а сами они если не расстреляны, то чаще всего арестованы, средств на содержание женской гимназии не стало. По этой причине служащие гимназии оказались

в очень тяжелом материальном положении. Денег для оплаты труда учителей не было. Какие-то меры, разумеется, принимались. Например, преподавательницу Н.Н. Львову командировали в Нижний Новгород по вопросу о немедленном открытии кредита для гимназии, находившейся в критическом положении [12].

На заседании педагогического совета Арзамасской гимназии 30 сентября 1918 г. рассматривались вопросы об отмене в училище экзаменов, начале учебных занятий с 1-го октября и «удалении из школьных помещений предметов религиозного культа». А 15 ноября 1918 года Арзамасская гимназия была переименована во Вторую советскую школу II ступени [14, л. 182, 184 об., 185, 187]. В школы II ступени принимались дети, которые закончили школу I ступени. С 1919 года обучение в этом учебном заведении стало смешанным.

Какой-то период Ольга Федоровна продолжала жить в Арзамасе и преподавать французский язык во вновь образованной школе. Например, в ГАНУ имеется документ, из которого мы можем узнать, что 1920/1921 учебном году Елеонская вела занятия в следующих классах I^a₅, I^b₅, II^a₃, III^a₃, IV^a₃, т.е. ее учебная нагрузка составляла 19 часов в неделю. Кроме того, Елеонской было поручено классное наставничество в I^a классе [16, л. 18 об, 19].

Как дальше сложилась судьба Ольги Федоровны Елеонской? Нам пока известно только то, что О.Ф. Елеонская в 1922 году стала учителем французского языка советской школы I ступени.

А в 1939 году вошла в преподавательский коллектив Горьковского государственного педагогического института иностранных языков (ГГПИИЯ), где проработала до 1953 года преподавателем французского языка [7, с. 340]. Первый корпус этого учебного заведения был построен в 1949 году вдоль улицы Минина на месте площади с церковью Св. Троицы, всего в нескольких метрах от здания бывшего Марининского института [17, с. 139]. Отметим, Ольга Федоровна перестала заниматься педагогической деятельностью в 70 лет, посвятив этому четыре десятилетия.

В это время ее брат Сергей Федорович Елеонский стал известным литературоведом, фольклористом, доктором филологических наук, профессором [18, с. 35]. О другом ее брате ничего не известно. Не знаем мы, к сожалению, и того, когда скончалась Ольга Федоровна Елеонская.

Итак, рассмотрев краткое жизнеописание одной из выпускниц Нижегородского Мариинского института, мы увидели, что ее судьба была достаточно типичной для женщин того поколения. Ольге Елеонской посчастливилось продолжить свое образование. Раньше для выпускниц XIX века это являлось случаем редким и даже исключительным. Возможности воспитанниц первых выпусков были ограничены тем, что высших учебных заведений для продолжения своего образования на родине просто не существовало [19, с. 241]. Как и большинство своих одноклассниц, она начинала свою деятельность в провинции, что тоже было характерной чертой времени. Как и многим из выпускниц, О.Ф. Елеонской удалось состояться в своей профессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нижегородский край. Памятная книжка Нижегородской губернии на 1890 год. / под ред. А.П. Мельникова – Нижний Новгород: изд. Губернского правления, 1890.
2. Нижегородский край. Памятная книжка Нижегородской губернии на 1900 год./под ред. А.П. Мельникова – Нижний Новгород: изд. Губернского правления, 1899.
3. Персиянинова М.А. Воспоминания / Собрание отдела редких рукописей. РГБ. Ф. 218. Картон 1358. Ед. хр. 22.
4. Пакшина Н.А. Загадочные инициалы в дневнике Анны Аллендорф // Евразийский союз ученых (ЕСУ), 2021. – № 1 (82). Том 3, С. 13-19. DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2021.3.82.1222
5. Аллендорф А.А. Дневник [Электронный ресурс] // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/notes?date=%221900-01-01%22&diaries=%5B249%5D>
6. Снежневский В.И. Нижегородский Мариинский институт благородных девиц. 1852-1902 гг., 1902. – 141 с. – Электрон. текстовые дан. URL: https://forum.vgd.ru/1410/17323/30.htm?a=stdforum_view&o= (дата обращения: 22.03.2021).
7. Панченко А.А. Советское государство и вузовская интеллигенция в 1929-1985 гг. (на примере Горьковского государственного педагогического института иностранных языков) Специальность: 07.00.02 – Отечественная история Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Нижний Новгород. 2020, с. 340 (на правах рукописи) URL: <https://diss.unn.ru/files/2020/1011/diss-Panchenko-1011.pdf>.
8. Справочная книжка и адрес-календарь Нижегородской губернии на 1914 год: ч. 1-2. – Н. Новгород: Изд. Губ. Статистического комитета, 1914. –584 с.
9. Государственный архив Нижегородской области (ГАНО), г. Арзамас. Ф.118. Оп. 1. Д. 1808. Протоколы заседаний педагогического совета.
10. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 505. Оп. 407. Д. 1064.

11. Официальный сайт муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя школа № 1 им. М. Горького с углублённым изучением английского языка». URL: <http://arzschool1.ru/%D0%BE-%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B5/istorija-shkoly/>.

12. Потороев А.В. Развитие образования в Арзамасе в XIX веке // VI Щегольковские чтения «Образование в Арзамасе: как учились наши деды». Арзамас (13 ноября 2019 г.) <http://arzhistory.cerkov.ru/2019/11/13/razvitie-obrazovaniya-v-arzamase-v-xix-veke/>

13. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1077.

14. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1808.

15. Кечина В. Арзамас между двух революций // IV Щегольковские чтения: «1917: начало эпохи гонений» (25 ноября, 2017, Арзамас). URL: <http://arzhistory.cerkov.ru/2017/11/25/arzamas-mezhdu-dvux-revolucij/>

16. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-312. Оп. 1. Д. 5. Протоколы совместных заседаний школьного совета второй и пятой школ.

17. Орельская О.В., Петряев С.В. Улица Большая Печёрская: соединение эпох. – Н. Новгород: ООО «БегемотНН», 2020. – 240 с.

18. Стоюхина Н.Ю. Выдающиеся психологи и педагоги в Нижегородском университете (1918–1921 гг.): монография. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2013. – 307 с.

19. Пакшина Н.А. Выпускницы Нижегородского Мариинского института благородных девиц. Две судьбы // Вопросы исторического и экологического регионоведения. Сборник статей участников III Всероссийской научно-практической конференции (24 – 25 февраля 2022 г.) / Отв. ред. В.И. Грубов; науч. ред. А.А. Исаков; Арзамасский филиал ННГУ; МОО «Историческое сознание»; ООО «МЦАИ»; ГАНО, г. Арзамас; ИХМ г. Арзамаса, ЦБС г. Арзамаса. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2022. – 391 с., С. 233–242.

«НИЖЕГОРОДСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ» О КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЕ 1861 Г.

*Александр Ростиславович Панов¹,
Александр Викторович Пряников²*

¹Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, д.и.н., зав. кафедрой истории, обществознания и права

Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: panov_alexandr@mail.ru

²Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Арзамасский филиал, к.филол.н., доцент кафедры русского языка и литературы

Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: pryanykoff14@yandex.ru

В статье анализируются материалы «Нижегородских губернских ведомостей» о крестьянской реформе в 1861 г. Делается вывод, что газета обеспечивала ознакомление населения с законодательными документами, касавшимися проводимых преобразований, однако событийная сторона освещалась весьма скупо и односторонне.

Ключевые слова: 1861 год; «Нижегородские губернские ведомости»; отмена крепостного права; Нижегородская губерния

Отмена крепостного права оценивается как эпохальное событие в истории нашей страны, и, бесспорно, важность этой реформы осознавалась и современниками, ставшими свидетелями преобразований. Как известно, разработка реформы шла очень долго и сложно, и даже после того как проект был утвержден, обнародование Манифеста произошло далеко не сразу. Манифест об отмене крепостного права был подписан Александром II 19 февраля 1861 г., однако подавляющая часть населения Российской империи ознакомилась с его содержанием лишь спустя несколько недель и даже месяцев. Власти опасались крестьянского недовольства как реакции на положения реформы, и предупредительные меры в виде частичной передислокации войск были приняты заранее. Соответствующие указания для обеспечения порядка были разосланы не только по губерниям, но и по епархиальным ведомствам – священникам предписывалось своими поучениями успокаивать крестьян [1, с. 156–157]. Обнародование Манифеста проводилось не только путем публикации, но и посредством публичного зачитывания в местах многолюдных собраний [2, с. 26]. При этом было решено обнародовать его не одновременно, а в разные числа, начиная с первого дня великого поста, который приходился на 6 марта – лишь в Москве и Санкт-Петербурге это было сделано на день раньше, 5 марта.

Соответственно, на местах, в том числе и в Нижегородской губернии, стояла задача информационного обеспечения проведения реформы, чтобы, с одной стороны, оповестить население, а с другой, пресекать возможные искажения принятых актов [3, с. 15]. В условиях немногочисленности средств массовой информации имеющиеся печатные издания были привлечены к решению данной проблемы. На начало 1860-х гг. нижегородская пресса была представлена единственной регулярно выходившей газетой – это были еженедельные «Нижегородские губернские ведомости», издаваемые с 1838 г. Правда, в конце 1850-х гг. появился еще «Справочный листок для Нижегородской ярмарки», но он издавался лишь в дни проведения ярмарки и имел узкоспециализированное содержание.

Главной задачей «Нижегородских губернских ведомостей» было информирование населения о манифестах, указах и распоряжениях. Газета имела достаточно сложную трехкомпонентную

структуру с отдельной нумерацией страниц для каждого отдела и части. По средам выходил первый, полностью местный отдел, где публиковались распорядительные документы, издававшиеся на уровне губернских властей. По субботам издавался второй, общий отдел, делившийся на две части: официальную и неофициальную. В официальной части размещались законодательные и иные акты, преимущественно общероссийские. Более разнообразным было содержание неофициальной части, где, кроме местных новостей, могли публиковаться исторические и этнографические материалы. Однако насыщенность этого раздела во многом зависела от редактора: к примеру, отмечается, что подборки стали гораздо интереснее, когда редакторский пост занимали П. И. Мельников-Печерский во второй половине 1840-х гг. и А. С. Гациский в 1862 г. [4, с. 20–21]. В 1861 г. редактором «Нижегородских губернских ведомостей» был А. Д. Назаров [5, с. 7].

Стоит заметить, что содержание газетных публикаций было жестко регламентировано еще в правление Николая I [6, с. 111–112]. Законом четко определялось, какие сведения должны публиковаться в официальной части, причем эти статьи имели «равную силу с указами и сообщениями Губернского Правления; «посему в случае упущений, никакое из... лиц не может отговариваться неведением того, что объявлено было официально через Губернские Ведомости» [7, ст. 868]. Даже на неофициальную часть распространялась цензура и ограничения: в частности, сообщения не должны были «облекаться в формы таких литературных статей, в которых обыкновенно имеет место вымысел, или не принадлежащая к месту обстановка, каковы повести, рассказы и т.п.» [7, ст. 867, прим.]. Кроме того, ограниченность влияния «Губернских ведомостей» объяснялась низким уровнем грамотности, особенно в деревне, а также особенностями системы ее официального распространения. «Губернские ведомости» должны были проходить через определенные инстанции (газетный стол, губернское правление, исправник, становой, благочинный, волостной старшина, сельский староста, сотские и рассыльные), так что газета могла дойти до сельского читателя лишь спустя полгода после публикации [8, с. 67] – к этому времени новости уже устаревали, поскольку информация проникала и по другим каналам, в том числе благодаря столичным изданиям. Тем не менее, на «Губернские ведомости» возлагалась задача доно-

сить до крестьянского населения официальную информацию, в первую очередь знакомить его с основными законодательными актами [9, с. 108–109].

Изучение материалов «Нижегородских губернских ведомостей» за 1861 год, посвященных крестьянской реформе, позволяет оценить, каково было информационное освещение происходивших процессов. При этом нужно принимать во внимание, что вышеизложенные факторы определяют объективную ограниченность использования газеты как источника исторической информации. По большей части мы получаем взгляд на события с одной стороны – со стороны властей, которые пытались направить процессы в нужное им русло, а реакция снизу отражалась в газетных публикациях спорадически и в весьма сглаженном виде.

Все материалы в «Нижегородских губернских ведомостях» по крестьянской реформе в 1861 г. можно условно разбить на три категории. К первой необходимо отнести общероссийские законодательные акты, в обязательном порядке помещавшиеся на страницах издания.

Этих документов было достаточно много: помимо манифеста, официальный список законоположений, относившихся к реформе, насчитывал 17 Положений и Правил. В большинстве своем они имели пространное содержание, публикуясь по частям, что отразилось даже внешне на облике «Нижегородских губернских ведомостей», объем которых из-за публикаций такого рода заметно увеличился.

Главные документы, касающиеся начинавшихся преобразований, были опубликованы 15 марта, и к тому времени манифест уже был обнародован – его доставили в Нижний Новгород 12 марта и сразу огласили [10, с. 348, 423]. Разумеется, блок открывался высочайшим Манифестом от 19 февраля – был приведен его полный текст [11]. Далее следовали датированные тем же числом два указа правительствующему сенату, которые были неразрывно связаны с манифестом: в первом из них раскрывался организационный механизм реализации реформы в губерниях, а во втором давались поручения центральному ведомству, включая созданный Главный Комитет об устройстве сельского состояния [12].

В последующих номерах публикация законодательных материалов продолжалась. Объемное «Общее положение о крестьянах,

вышедших из крепостной зависимости» выходило в составе семи номеров [13]. Также были напечатаны «Положение об устройстве дворовых людей, вышедших из крепостной зависимости» [14], «Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости и о содействии правительства к приобретению сими крестьянами в собственность полевых угодий» (в пяти номерах) [15], «Положение о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях» (в четырех номерах) [16], «Права о порядке окончания примирением и третейским разбором спорных дел, не подлежащих ведомству мировых посредников» [17].

К началу августа публикация основного пакета законодательных актов по крестьянской реформе была завершена, и последующие издававшиеся документы касались ее осуществления. В сентябре указом Сената был утвержден список мировых посредников по Нижегородской губернии [18]. В ноябре же появился список удостоенных наград за труды по освобождению крестьян – он открывался именами губернатора А. Н. Муравьева и руководителя губернского комитета по крестьянскому делу Н. П. Болтина, которые получили за свои заслуги золотые медали [19]. В декабре газета опубликовала указ сената «Об освобождении в некоторых случаях от телесных наказаний временнообязанных крестьян, коим объявлено Высочайшее благоволение» [20].

Последним и весьма показательным документом по крестьянской реформе, изданным в 1861 году, стало письмо министра внутренних дел П. А. Валуева. В нем указывалось на «распространяющиеся среди крестьян превратные толки и укоренившиеся в них ложные надежды» и передавался однозначный ответ императора на обращения по этому поводу: «никакой другой воли не будет, кроме той, которая дана, и потому крестьяне должны исполнять то, что требуют от них общие законы и Положения 19 февраля» [21, с. 437–438].

Вторую категорию газетных материалов об отмене крепостного права в Нижегородской губернии составляют акты губернского характера, рисующие процесс реализации реформы. Первая информация о предстоящем обнародовании Манифеста была опубликована 1 марта в виде циркулярного предписания губернатора Нижегородской губернии А. Н. Муравьева, обращенного к земским исправникам. Предписание, датированное 26 февраля, было нацелено

на предупреждение возможных беспорядков: земские исправники должны были довести до сведения населения, что обнародование будет производиться по местам в назначенные дни, а до того времени нужно, чтобы крестьяне не отлучались, а «оставались спокойно при своих занятиях и работах» и пребывали «в должном повиновении своим помещикам, исполняя все свои к ним обязанности и повинности» [22, с. 71].

После обнародования Манифеста начало свою работу губернское присутствие по крестьянским делам; о составе и результатах первого заседания, прошедшего 14 марта, было сообщено спустя несколько дней. Это присутствие поручало уездным предводителям дворянства в месячный срок открыть сельские общества [23, с. 77]. Его деятельность после этого периодически освещалась, причем издаваемые документы могли дублироваться и печататься дважды в разных отделах, что было связано с вышеупомянутыми особенностями издания газеты.

Через месяц были изданы постановления губернского присутствия [24], в том числе были представлены формы уставных грамот и увольнительных актов: первые представляли собой соглашение между крестьянином и помещиком, определявшее размер земельного надела и повинностей за него, а вторые оформлялись на дворовых людей, освобождаемых от своих обязательств до истечения предусмотренного Положением двухлетнего срока.

В июне были представлены финансовые данные по содержанию учреждений по крестьянским делам [25], а также одно из урочных положений, расписывавших барщинные обязанности временнообязанных крестьян [26].

В виде отдельного приложения к одному из июльских выпусков от имени губернского присутствия были изданы документы, исходившие от Министерства внутренних дел: Общий циркуляр по крестьянскому делу, включавший ряд высочайших повелений и министерских распоряжений по конкретным вопросам («О заявлении крестьянами желания перейти на оброк», «О порядке вступления в брак лиц женского пола из дворовых и из крестьян», «О порядке заготовления бланков для уставных грамот» и т.д.) [27]. Позднее выходили другие подобные приложения, в которые включались министерские циркулярные предписания [28]. Таким же способом ши-

рокой публике был представлен журнал заседаний губернского присутствия по крестьянским делам [29].

В сентябре было объявлено о начале проведения уездных мировых съездов [30]. Относительно их статуса и полномочий мировых посредников было издано циркулярное предписание нижегородского губернатора, в котором говорилось о необходимости подчиняться их распоряжениям и законным требованиям, причем помощь посредникам должна была оказывать и полиция [31, с. 293–294].

Третья, и наиболее интересная, категория газетных материалов – новости и авторские статьи, оценивающие реформу и ход ее проведения. Именно по ним можно проследить ход событий и обнаружить следы общественного восприятия преобразований, хотя цензурные рамки накладывали жесткие ограничения на характер оценочных суждений.

Самые ранние отголоски, касавшиеся начала реформы, можно найти в номере от 25 марта. В одной статье повествовалось об оглашении манифеста, что произошло в Спасо-Преображенском кафедральном соборе и других церквях, а затем на всех площадях города. Автор статьи дает красочную картину происходившего: «мертвое молчание тысячной массы народа, застывшей и как бы окаменевшей при чтении манифеста», сменившееся громогласным «Ура!», но – важная деталь – народ расходился «молча и задумчиво» [32, с. 86]. Текст был разослан по уездам, и реакция крестьян описывается как тихое религиозное чувство «без буйного восторга», причем особо отмечается, что радость освобождения не привела к пьянству. Вторая статья позаимствована из «Санкт-Петербургских ведомостей» – она называется «Земское дело» и содержит рассуждения относительно того, как изменилось правовое состояние крестьян. Здесь в доступной, местами просторечной форме разъясняется, какие права приобрели бывшие крепостные, каковы полномочия сельского схода, и настойчиво проводится мысль, что теперь «крестьянину всюду путь открыт» [33, с. 87]. Предыдущая часть этой статьи была перепечатана в следующем номере: автор оценивает манифест как начало «новых общественных отношений», рисуя идеалистический образ единения сословий, что сделала возможным отмена крепостного права. Обращаясь к крестьянам, автор призывает их к благодарности – причем не толь-

ко к императору, от которого исходила эта милость, но и к помещикам «за доброе слово, за охотную помощь, за хлеб-соль, за теплый приют» [33, с. 98]. Бесспорно, подобные публикации, выполнявшие функцию проправительственной агитации, должны были обеспечить положительное восприятие начатых преобразований простым населением.

Для облегчения понимания основных положений реформы, касавшихся изменения статуса крепостных, было представлено «Краткое извлечение прав и обязанностей крестьян и дворовых людей, вышедших из крепостной зависимости» [34].

В июне редакция решила напечатать читательское письмо, посвященное реформе – оно было озаглавлено как «Коротенький урок крестьянам, освобожденным от крепостной зависимости» и подписано неким священником Алексеем Лидским. Общая нацеленность послания – призыв крестьянам, чтобы они благодарили Бога, государя и помещиков за проявленную милость и повиновались властям и помещикам, в том числе до истечения двух лет беспрекословно исполняли прежние свои обязанности [35, с. 173].

С историей разработки реформы познакомил читателей газеты губернский предводитель дворянства Н. П. Болтин. В своем отчете он кратко осветил деятельность губернского комитета по крестьянскому делу, созданного еще в 1858 г. В частности, было отмечено существование двух точек зрения: проект «большинства», предусматривавший личное освобождение крестьян за выкуп, и «меньшинства», по которому крепостные приобретали свободу без выкупа, однако они получали меньший надел земли [36, с. 194]. Правда, Н. П. Болтин не акцентирует внимание на серьезности разногласий, а конфликт был весьма острый, и он сам был его участником, примыкая к группе меньшинства [37, с. 88–94]. Столь же аккуратен он и в изображении крестьянских волнений: хотя он упоминает о них, но заявляет, что в губернии «относительно спокойно».

Один из аспектов реформы состоял в том, что система волостного управления и самоуправления распространялась на бывших помещичьих крестьян, и, начиная с августа, «Нижегородские губернские ведомости» регулярно освещали процесс формирования волостных органов в различных уездах. Один из таких отчетов о событиях носил более подробный характер. Присутствовавший там

Николай Граве живописно рассказал об открытии Большемураш-кинской волости Княгининского уезда. Церемония, действительно, выглядела торжественно: сначала была совершена литургия, после чего прошли выборы волостных должностных лиц, начиная со старшины, а далее состоялся обед, причем и «для званных и незванных гостей», так что даже крестьян угощали вином и закусками. В целом, оценивалось все произошедшее как народный праздник [38, с. 301–302].

Осенью 1861 г. сменился нижегородский губернатор, и на место А. Н. Муравьева заступил А. А. Одинцов, которому были представлены председатели и члены присутственных мест, включая и присутствие по крестьянским делам. «Нижегородские губернские ведомости» отметили речь нового губернатора, в которой он заявил, что доведет до конца «великое дело освобождения крестьян до желанного исхода» [39, с. 324].

Таким образом, тема крестьянской реформы стала центральной для «Нижегородских губернских ведомостей», и весной-летом 1861 года ни один выпуск газеты не обходился без информации, относящейся к этому вопросу. Осенью подобных материалов стало меньше, но все же время от времени они появлялись. «Губернские ведомости» выполнили свою задачу по информированию населения о законодательных актах, на основании которых проводились преобразования, причем, кроме документов, публиковались и пояснительные материалы, где в более простой и доходчивой форме объяснялось, что меняется в положении крестьян и что их ожидает. Однако событийная сторона процесса реализации реформы получила скупое и целиком одностороннее освещение. Известно, что уже летом 1861 г. в деревне начало проявляться открытое недовольство: к примеру, в июне в отчете министра внутренних дел отмечались крестьянские волнения и беспорядки в 8 уездах губернии, причиной которых было противодействие введению новых законоположений [40, с. 255]. Разумеется, ни о чем подобном в газете не сообщалось, и размещаемые сведения должны были создавать идиллический образ полного общественного согласия и выражения чаяний и интересов крестьян в проводимых преобразованиях. Единственным, но весьма показательным подтверждением того, что не все шло так гладко, стало письмо главы МВД Валуева, из содержания которого становится понятно, что многие крестьяне ожидали «другой воли»,

так что они должны были оказаться охвачены разочарованием, грозившим вылиться дальше в открытое недовольство.

Можно отметить и отсутствие какой-либо полемики, касавшейся подготовки и проведения реформы – есть лишь единственное указание на ее существование в отчете Н. П. Болтина, и то в форме скупой констатации факта разработки двух проектов в Нижегородской губернии. Между тем, даже в условиях существовавшей тогда цензуры находились периодические издания, которые в конце 1850-х – начале 1860-х гг. обсуждали крестьянский вопрос и приводили разные точки зрения относительно путей его решения [41]. Правда, это были преимущественно специальные журналы, а не новостные газеты с официальным статусом. Очевидно, что «Нижегородские губернские ведомости», как и прочие аналогичные издания, вынуждены были выполнять указания местных властей. К примеру, освещение крестьянской реформы в «Вятских губернских ведомостях» имело точно такой же характер, и можно обнаружить многочисленные параллели, когда публикации были практически одинаковы. Издание законодательных актов, перепечатка статьи «Земское дело» и даже вышеупомянутое письмо П. А. Валуева – все это совпало в «Ведомостях» Нижегородской и Вятской губерний [42, с. 474–477], и какие-либо негативные отзывы о реформе в них исключались.

В целом, «Нижегородские губернские ведомости», насколько это было возможно в тех условиях, помогали властям информировать население о крестьянской реформе и старались сформировать благожелательное отношение к ней, но с учетом ограниченности влияния газеты и сильно выраженной тенденциозности подборки материалов, успокоить крестьян, недовольных существующим положением, периодическое издание было едва ли способно. В таких ситуациях более действенным средством были визиты официальных лиц, включая губернатора, которые проводили разъяснительную работу среди населения и старались успокоить его, а в крайнем случае конфликт разрешался применением силы, в том числе отправкой воинских команд [3, с. 16–17].

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайончковский П. О. Отмена крепостного права в России. – М.: Просвещение, 1968. – 368 с.
2. Юртаева Е. А. Обнародование законов в дореволюционной России // История государства и права. – 2012. – № 2. – С. 23–27.

3. Заякин Е. В. Информационное обеспечение проведения крестьянской реформы 1861 года в Нижегородской губернии // Государство и право в изменяющемся мире: правовая система в условиях информатизации общества. – Нижний Новгород: Изд-во «Автор», 2019. – С. 11–17.

4. Чилипенко Ю. Ю. Отражение особенностей внутреннего положения России конца XIX века в «Судебных хрониках» газеты «Русские ведомости» и «Нижегородские губернские ведомости». – Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2019. – 102 с.

5. Галай Ю. Г., Шиян Л. И. Нижегородская периодическая печать. (1838–1917). Справочник. – Нижний Новгород, 1999. – 125 с.

6. Шевцов В. В. Губернские ведомости в законодательстве Николая I // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 308. – С. 110–114.

7. Свод законов Российской империи. Издание 1857 г. – СПб., 1857. Т. 2, ч. 1. – 1263 с.

8. Блохин В. Ф. Провинция газетная: Государственное управление периодической печатью и становление газетного дела в российской провинции (1830-е – 1870-е гг.). – Брянск, 2009. – 384 с.

9. Попов С. А. Возможности ознакомления крестьян с законодательными актами во II половине XIX – начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 7 (13). Ч. I. – С. 108–112.

10. Муравьев А. Н. Сочинения и письма. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1986. – 448 с.

11. Высочайший Манифест... // Нижегородские губернские ведомости. – 1861. – № 11. Отдел второй. Часть официальная. 15 марта. – С. 80–84.

12. Указ Правительствующему Сенату // Нижегородские губернские ведомости. – 1861. – № 11. Отдел второй. Часть официальная. 15 марта. – С. 84–89.

13. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости // Нижегородские губернские ведомости. – 1861. № 13. Отдел второй. Часть официальная. 29 марта. – С. 98–104; № 14. Отдел второй. Часть официальная. 5 апреля. – С. 112–120; № 15. Отдел второй. Часть официальная. 12 апреля. – С. 128–133; № 16. Отдел второй. Часть официальная. 19 апреля. – С. 139–143; № 17. Отдел второй. Часть официальная. 26 апреля. – С. 148–150; № 18. Отдел второй. Часть официальная. 3 мая. – С. 154–157; № 19. Отдел второй. Часть официальная. 10 мая. – С. 160–164.

14. Положение об устройстве дворовых людей, вышедших из крепостной зависимости // Нижегородские губернские ведомости. – 1861. – № 20. Отдел второй. Часть официальная. 17 мая. – С. 168–173.

15. Положение о выкупе // Нижегородские губернские ведомости. – 1861. – № 21. Отдел второй. Часть официальная. 24 мая. – С. 179–183; № 22. Отдел второй. Часть официальная. 31 мая. – С. 191–195; № 23. Отдел второй. Часть официальная. 7 июня. – С. 204–209; № 24. Отдел второй. Часть официальная. 14 июня. – С. 216–222; № 25. Отдел второй. Часть официальная. 21 июня. – С. 229–235; № 26. Отдел второй. Часть официальная. 28 июня. – С. 243–248.

16. Положение о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях // Нижегородские губернские ведомости. – 1861. – № 27. Отдел второй. Часть официальная. 5 июля. – С. 255–260; № 28. Отдел второй. Часть официальная. 12

июля. – С. 267–273; № 29. Отдел второй. Часть официальная. 19 июля. – С. 277–281; № 30. Отдел второй. Часть официальная. 26 июля. – С. 284–287.

17. Права о порядке окончания примирением и третейским разбором спорных дел, не подлежащих ведомству мировых посредников // Нижегородские губернские ведомости. – 1861. – № 30. Отдел второй. Часть официальная. 26 июля. – С. 287–288.

18. Указ Правительствующего Сената // Нижегородские губернские ведомости. – 1861. – № 36. Отдел второй. Часть официальная. 6 сентября. – С. 318–319.

19. Список лиц, коим выданы медали на Александровской ленте, учрежденные Высочайшим указом в 17 день апреля 1861 г. за труды по освобождению крестьян // Нижегородские губернские ведомости. – 1861. – № 46. Отдел первый. 15 ноября. – С. 394.

20. Об освобождении в некоторых случаях от телесных наказаний временнообязанных крестьян, коим объявлено Высочайшее благоволение // Нижегородские губернские ведомости. – 1861. – № 50. Отдел второй. 13 декабря. – С. 426–427.

21. По высочайшему повелению, от министра внутренних дел, начальнику губернии // Нижегородские губернские ведомости. – 1861. – № 51. Отдел второй. 20 декабря. – С. 437–438.

22. Циркулярное предписание г. Начальника Нижегородской губернии генерал-майора Муравьева, г. земским исправникам от 26 февраля 1861 г. за № 2609 // Нижегородские губернские ведомости. – 1861. – № 9. Часть официальная. 1 марта. – С. 71.

23. От Нижегородского губернского по крестьянским делам присутствия... // Нижегородские губернские ведомости. – 1861. – № 11. Отдел второй. Часть неофициальная. 18 марта. – С. 77.

24. От Нижегородского губернского по крестьянским делам присутствия // Нижегородские губернские ведомости. – 1861. – № 16. Отдел второй. Часть неофициальная. 22 апреля. – С. 116–121.

25. О покрытии расходов на содержание учреждений по крестьянским делам // Нижегородские губернские ведомости. – 1861. – № 25. Отдел первый. 21 июня. – С. 202–204.

26. Урочное положение, составленное Нижегородским губернским по крестьянским делам присутствием, для отбывания срочнообязанными крестьянами посева и уборки свекловицы // Нижегородские губернские ведомости. – 1861. – № 25. Отдел первый. 21 июня. – С. 204–205.

27. От Нижегородского губернского по крестьянским делам присутствия // Нижегородские губернские ведомости. – 1861. – № 28. Приложение. 12 июля. – С. 1–6.

28. От Нижегородского губернского по крестьянским делам присутствия // Нижегородские губернские ведомости. – 1861. – № 32. Приложение. С. 1–5; № 35. Приложение. – С. 1–5; № 46. Приложение. – С. 1–2; № 51. Приложение. – С. 1–3.

29. Отдел земский. Журнал Нижегородского губернского по крестьянским делам присутствия // Нижегородские губернские ведомости. – 1861. – К № 36–43, 51–52.

30. О назначении в какое время и в каком месте определены собрания уездных мировых съездов по Нижегородской губернии // Нижегородские губернские

ведомости. – 1861. – № 37. Отдел второй. Часть неофициальная. 16 сентября. – С. 277.

31. Циркулярные предписания господина нижегородского военного губернатора // Нижегородские губернские ведомости. – 1861. – № 40. Отдел второй. Часть неофициальная. 7 октября. – С. 293–294.

32. Местные известия – Нижний Новгород // Нижегородские губернские ведомости. – 1861. – № 12. Отдел второй. Часть неофициальная. 25 марта. – С. 85–86.

33. Земское дело // Нижегородские губернские ведомости. – 1861. – № 12. Отдел второй. Часть неофициальная. 25 марта. – С. 86–89; № 13. Отдел второй. Часть неофициальная. 1 апреля. – С. 94–98.

34. Краткое извлечение прав и обязанностей крестьян и дворовых людей, вышедших из крепостной зависимости // Нижегородские губернские ведомости. – 1861. – № 15. Отдел второй. Часть неофициальная. 15 апреля. – С. 111–113; № 16. Отдел второй. Часть неофициальная. 22 апреля. – С. 122–123.

35. Лидский А. Коротенький урок крестьянам, освобожденным от крепостной зависимости // Нижегородские губернские ведомости. – 1861. – № 24. Отдел второй. Часть неофициальная. 17 июня. – С. 173.

36. Отчет нижегородского губернского предводителя дворянства капитан-лейтенанта Н. П. Болтина, за трехлетие с 1858 по 1861 год, читанный им в Нижегородском губернском собрании дворянства 1860 года декабря 12 дня // Нижегородские губернские ведомости. – 1861. – № 27. Отдел второй. Часть неофициальная. 8 июля. – С. 193–196.

37. Чебаевский Ф. Нижегородский губернский уездный комитет 1858 г. // Вопросы истории. – 1947. – № 6. – С. 86–94.

38. Граве Н. Известия из уездов. Княгининского // Нижегородские губернские ведомости. – 1861. – № 41. Отдел второй. Часть неофициальная. 14 октября. – С. 301–302.

39. Нижний Новгород // Нижегородские губернские ведомости. – 1861. – № 45. Отдел второй. Часть неофициальная. 11 ноября. – С. 323–324.

40. Линков Я. И. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825–1861 гг. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1952. – 278 с.

41. Сурнина И. А. Крестьянский вопрос и пути его решения в зеркале деловой прессы рубежа 50–60-х гг. XIX в. // Вопросы журналистики. – 2019. – № 6. – С. 108–132.

42. Субботина А. М. Крестьянская реформа 1861 года в отражении региональной печати (по материалам «Вятских губернских ведомостей») // Научный диалог. – 2021. – № 11. – С. 468–481.

ПОЛИТИКА И ГАРМОНЬ. НОВОЕ О СУДЬБЕ ГАРМОНЩИКА ВАСИЛИЯ ПОТЕХИНА

Людмила Борисовна Танских

Независимый исследователь

Нижегородская область, г. Бор; e-mail: erzya@mail.ru

В статье проясняется причина ареста гармонного мастера Потехина Василия Яковлевича, в каких преступлениях против Советской власти его обвинили, где закончился его жизненный путь. Перечислены фамилии свидетелей и сообщников. В большинстве случаев цитаты из следственного дела приведены в авторской редакции, а не в моём пересказе для сохранения духа времени. Статья может представлять интерес для обладателей Потехинских гармоней, многочисленных потомков, а также для любителей народной музыки.

Ключевые слова: гармонные мастера; сталинские репрессии; Нижегородский край; Василий Потехин

Изучением гармонного промысла на территории Нижегородской области я занимаюсь с 2014 г. К настоящему времени я написала полсотни рассказов о гармонных мастерах и даже издала самиздатом 27 экземпляров своей книги рассказов «Кустари-гармонщики Нижегородской области. Доброе слово о мастерах».

Ещё в мае 2015 г. мною была написана статья «Ветвь Василия Яковлевича в династии гармонных мастеров Потехиных». Гармонщики Потехины проживали в маленькой деревне Совинское, расположенной в 15 км на юго-запад от райцентра г. Семенов. Два десятка домов стоят метрах в пятидесяти от берега речушки Ифтенки, а ширина той речки 5-6 шагов.

Я мечтала найти в архиве НКВД следственное дело В.Я. Потехина, предполагала, что там может быть его фотография. Но самое главное, мне хотелось выяснить, в чем же состояла вина гармонного мастера, из-за которой его жизнь оборвалась в возрасте 42 года в 1938 г. в Читинской области в БамЛаге.

В августе 2022 г., работая в центральном архиве Нижегородской области по кустарям-гармонщикам Чичуриным, я узнала о существовании фонда по репрессированным гражданам. Проверив по нему фамилию Потехин, я получила номер дела НКВД – № 16230. Когда через неделю я приступила к изучению документа на 225 листах, то была премного удивлена тем, что всего в деле фигурируют 17 человек, их обвиняют в участии в церковно-фашистской деверсионно-террористической организации, возглавляемой метрополи-

том Феофаном Туляковым. Василий Яковлевич числится в деле под номером 8, а его отец Яков Павлович под номером 12.

Местную группу этой диверсионной организации возглавлял 46-тилетний поп из соседнего с деревней Совинское села Успение Салганский Владимир Константинович.

В следственном деле имеется ордер на арест [1, с.116], протокол обыска [1, с.117] от 10 ноября 1937 г., анкета арестованного [1, с.119]. Из этих документов мы узнаём, что при обыске было изъято следующее:

- книга «История РКПБ» под редакцией Зиновьева;
- удостоверение на имя В.Я.Потехина;
- письма 20 шт.;
- деньги в сумме 870 рублей;
- паспорт ГН 149383, выданный Семеновским РОМ

04.03.1936 г.

В анкете имеется точная дата рождения гармонщика Василия Потехина – 28 февраля 1896 года, в графе профессия, специальность указано: «кустарь, гармонный мастер», в графе социальное происхождение: «сын владельца гармонной мастерской». Образование – 3 класса местной школы, партийность – член партии ВКПБ с 1920 по 1925 гг., выбыл по причине несогласия с политикой партии по крестьянскому вопросу. Категория воинского учета – сапер-подрывник в запасе.

Состав семьи: жена Анна Григорьевна 36 лет, домохозяйка, детей 5 человек от 1 до 13 лет.

В анкете обвиняемого В.Я. Потехина [1, с.122] имеются дополнительные сведения о личности гармонного мастера: в графе партийность есть приписка – из партии ВКПБ исключен как **оппортунист**. В Красной Армии Василий Яковлевич служил 5 лет рядовым с 1918 по 1923 гг. В 1919 г. находился в плену у белых в армии Краснова, откуда вернулся при захвате территории Красными войсками.

В протоколе допроса [1, с.124] на вопрос о его связи и знакомстве со служителем религиозного культа с попом из с. Успение В.К. Салганским Василий Потехин отвечает: «Поп приходил в деревню и делал различные сборы, но каких-либо разговоров между нами не было».

На вопрос о том, что он знает о контрреволюционной террористической деятельности В.К. Салганского, Василий Яковлевич отвечает: «Салганский высказывал сомнение во время процесса над врагом народа Тухачевским и другими. Говорил, что хотя Сталин принимает жесткую политику к хорошим людям, но все же и ему скоро придет конец. Во время религиозного праздника Салганским были сагитированы женщины не ходить на колхозную работу, в результате чего уборка овса в этот день была сорвана».

Необычайно ценным в следственном деле для меня является прямая речь кустаря-гармонщика Василия Потехина, его думы о судьбе страны. Так на допросе от 26 ноября 1937 г. он отвечает следователю: «Партия мало уделяет внимания восстановлению крестьянства, не даёт возможности крестьянам вступать в партию, а больше уделяет внимания рабочему классу. За это я в 1925 г. был исключен из членов партии ВКПб.

В этот период времени я считал более справедливой теорию Бухарина и Зиновьева.

Я выступил против хлебозаготовок, мотивируя тяжелой жизнью крестьянства. Я действительно обвинил в этом ЦК партии большевиков. Я также обвинил партию в момент раскулачивания в том, что жизнь крестьянства пошла гораздо спокойнее и лучше, большинство мужиков в деревне стали жить хорошо, хлеба вдоволь.

Плохо жили лишь те, кто не хотел работать, и этим людям, кто не хотел работать, поручили растаскивать имущество честных людей» [1, с.124].

В протоколе допроса от 26.11.1937 г. имеется такой вопрос: «Вашу контрреволюционную террористическую деятельность характеризует отобранная у вас при обыске история партии под редакцией Зиновьева. Что вы скажете по этому вопросу?» Ответ В. Потехина: «Правда, хотя у меня отобрали при обыске историю партии под редакцией Зиновьева, но эта книга мной приобретена в 1923 г., которая у меня хранилась до момента моего ареста, но я её не читал с того момента как приобрёл» [1, с.125].

Всем обвиняемым, причисленным к Зуевскому с/с, характеристики выдал его председатель Сазонов Петр Степанович (1905 г.р.)

Вот что пишет о гармонщике В.Я. Потехине П.С. Сазонов в характеристике от 24 ноября 1937 г.: «По возвращении из Армии как

член ВКП(б) работал секретарём Хвостиковского Волкома ВКП(б), был членом Нижегородского Губкома. Во время НЭПа Потехин В.Я. пошёл против партии, лишился партбилета и переехал в свою деревню Совинское. Организовал гармонную артель, в которую входили Тульские мастера.

Свою профессию Потехин В.Я. не покидал до его ареста. Хотя и числился как член артели, но фактически занимался частным сбытом гармони. Хозяйство Потехина В.Я. действительно зажиточно.

Потехин В.Я. по деревне имел хозяина, что-либо проводится на собрании, чего Потехин скажет – будет по ему.

Потехин В.Я. имел связь с бывшим гармонным купцом Староверовым, проживающим в г. Горьком. Через посредство связи с Горьким, т.е. Староверовым, материал для гармоний добывал нелегальным путем как медь и польское серебро» [1, .120].

Позднее через 10 дней 3 декабря 1937 г. в свидетельских показаниях тот же Петр Степанович Сазонов добавляет к характеристике на В.Я. Потехина следующее:

«В июле 1937 года я зашел в дом Потехина по вопросу подписи на заем обороны страны, там же был Яков Павлович. Совместно выпивали вино. На предложение подписаться на заем обороны я получил ответ к/р террористического содержания: «Недавно расстреляли хороших невинных людей как Тухачевского и др. и сами же большевики боятся этого. Это видно из того, что вот сразу выпустили заем обороны страны. Зачем нам подписываться на заем и укреплять оборону страны, когда сами большевики не знают, что делают. На заем не подписался. Добавил: «Все-же этих людей расстреляли не верно и большевикам за это не устоять. Как мне известно, что скоро будет война, советской власти придет конец и тогда всех большевиков перевешают».

Эти слова со всей злобой подтвердил его отец Яков Павлович. Потехин В.Я. имеет тесные связи с попом Салганским. Потехины на селе проводят активную к/р агитацию против коллективизации и невыход на колхозные работы, а также против выполнения всех видов хозполиткомпаний и государственных налогов. Обще-ственно-полезным трудом не занимаются, а выделывают гармони и продают по спекулятивным ценам» [1, с. 43].

В конце следственного дела НКВД №16230 имеется обвинительное заключение [1, с. 195-201]. Привожу выдержку из этого документа, сохраняя стиль, орфографию и синтаксис исполнителя:

«ОБВИНИТЕЛЬНОЕ-ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1937 г. Декабря 3 дня, я, нач. Линдовского РО УНКВД ГО М. Лейтенант Государственной безопасности ДЕМЕНТЬЕВ Михаил Дмитриевич рассмотрел следственное дело по обвинению граждан САЛГАНСКОГО Владимира Константиновича и других в количестве 17 человек.

УСТАНОВИЛ СЛЕДУЮЩИЕ:

На территории Зуевского, Дрюковского и Тюленевского с/совета, Линдовского района Горьковской области, под руководством попа с. Успения САЛГАНСКОГО Владимира Константиновича существовала контрреволюционная девирсионно террористическую организацию, которая ставила основной своей задачей – свержения Советской власти и восстановление старого манархического строя, путем поднятия востания внутри страны в случай на падения на Советский союз какой либо капиталистической страны. Члены к/революционной группы распространяли провакционные слухи против вождей партии и Советского правительства, поджигали имущество колхозов и имущество колхозников, Подготавливали террористическия акты против партийного и советского актива, совершали девирсионно-вредительския акты в области животноводства и с/хозяйстве, Проводили активную контрреволюционную работу против всех видов Государственных заготовок и с/хозяйственных работ с целью подрыва Государственной и колхозной экономики. На основании выше изложенного

ОБВИНЯЮТСЯ:

1.	Салганский Владимир Константинович	1891 г.р.
2.	Цветков Захар Осипович	1878 г.р.
3.	Смирнов Павел Иванович	1891 г.р.
4.	Александров Андрей Александрович	1875 г.р.
5.	Кондратьев Гаврила Васильевич	1876 г.р.
6.	Тараканов Николай Васильевич	1889 г.р.
7.	Ериков Федор Федорович	1884 г.р.
8.	Потехин Василий Яковлевич	1896 г.р.
9.	Рыбаков Егор Тихонович	1889 г.р.
10.	Галицкий Федор Алексеевич	1892 г.р.

11. Маштаков Иван Сергеевич 1899 г.р.
12. Потехин-Тюлюсов Яков Павлович 1867 г.р.
13. Поромов Григорий Алексеевич 1895 г.р.
14. Потапов Полуэкт Осипович 1892 г.р.
15. Лабутин Иван Кузьмич 1882 г.р.
16. Зорин Андрей Николаевич 1908 г.р.
17. Кузмичев Иван Федорович 1905 г.р.»

После каждой фамилии приводится краткая характеристика личности и суть обвинения в его адрес. Читаем пункт 8 обвинения [1, с. 198]:

«8. ПОТЕХИН Василий Яковлевич, 1896 года рождения, происходит из д. Совинское, Зуевского с/совета, Линдовского р-на, Горьковской Области, б/ предприниматель и владелец гармонной мастреской с применением наемной рабочей силы, б/член партии ВКПб в 1925 году исключен как оппортунист. Бухаринец, русский, грамотный, не судимый, женатый, кустарь одиночка по изделию гармоний, проживал д. Совинское Зуевского с/совета Линдовского района, Горьковской Области

В ТОМ ЧТО:

Являлся активным участником к/р церковно-фашистско/девирионно террористической группы, распространял провокационно-пораженческие слухи против вождей партии и Советского правительства, высказывал сожаление расстрелянным врагам народа Зиновьеву, Тухачевскому **втоже** время высказывал террористические намерения против вождей партии и правительства, / ст. дела 43, 57, 58, 123, 124 /

В следственном деле имеются свидетельские показания 19 человек: Христачев П.В., Брунов Е.Е., Горев А.М., Горев С.И., Белоусов П.И., Инатариева Г.В., Смирнов Л.И., Зверев П.В., Колчин И.Н., Дуров Г.В., Смирнов Г.Д., Смирнов А.С., Салганская Е.Д., Зайцев А.И., Дергалов Р.К., Созинова, Созонова, Ушенина, Драницына Д.С.»

Заканчивается обвинительное заключение начальника Линдовского РО УНКВД следующим умозаключением:

«ПОСТАНОВИЛ:

Следственное дело по обвинению Салганского В.К. и др. направить на рассмотрение Тройки УНКВД по Горьковской области».

Через полмесяца после получения обвинительного заключения 17 декабря 1937 г. Тройка УНКВД рассмотрела следственное дело линдовских бунтарей и против 8-ми из 17 фамилий была прописана красным карандашом буква Р (расстрел), а против остальных 9 обвиняемых – цифра 10 (10 лет лагерей).

Хотя гармонный мастер В.Я. Потехин получил 10 лет лагерей по решению Тройки УНКВД по Горьковской области, он был вторично арестован 10 мая 1938 г. в БАМлаге Читинской области, и через 10 дней приговорен Тройкой УНКВД по Читинской области по ст. 58-10 УК РСФСР к высшей мере наказания. Приговор был исполнен 15 июля 1938 г.

Через 50 лет 7 июня 1989 г. Василий Яковлевич Потехин был реабилитирован Верховным Судом СССР.

Вот так по прошествии 85 лет после трагических событий в Нижегородской глубинке благодаря архивным материалам прояснилась линия жизни защитника крестьянства кустаря-гармонщика Василия Яковлевича Потехина.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЦАНО Ф. 2209. Оп. 3. Д. 8218. НКВД. Управление по Горьковской области. Дело № 16230 по обвинению Сапганского Владимира Константиновича, Цветкова Захара Осиповича, Смирнова Павла Ивановича, Александрова Андрея Александровича, Кондратьева Гаврилы Васильевича и других всего в числе 17 человек в преступлениях, предусмотренных ст. 58-8, 58-10 и 58-11 УК РСФСР. Начато 30 июля 1937 г. Окончено 28 августа 1954 г.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА ВЕРЕИНА: УЧИТЕЛЬ, КАВАЛЕРА ОРДЕНА ЛЕНИНА

Антонина Борисовна Ткачева

*Историк, краевед, член Союза журналистов России
г. Нижний Новгород; e-mail: tonitkacheva@yandex.ru*

Данная статья посвящена жизни и трудовой деятельности учителя начальных классов, кавалера ордена Ленина Александре Петровне Вереиной. Отдельный акцент сделан на патриотическое воспитание учеников в сельских школах первой половины XX века. В статье рассказывается об учениках Александры Петровны, проявивших в годы Великой Отечественной войны своё мужество в борьбе с фашизмом, среди которых и два Героях Советского Союза – Василий Леонтьевич Волгин и Алексей Иванович Поющев.

Ключевые слова: Вереина Александра Петровна; Волгин Василий Леонтьевич; Поющев Алексей Иванович; Герой Советского Союза; образование; сельская школа

Два Героя из одного села

В фондах МБУК историко-художественный музей города Арзамаса Нижегородской области хранится личная коллекция учительницы начальных классов, кавалера ордена Ленина, Вереиной Александры Петровны, в состав которой входят письма, фотографии, газетные вырезки, удостоверения и другие документы из архива учительницы, которые могут рассказать нам о многом. Вот один из предметов – фотография участника Великой Отечественной войны, лётчика, Героя Советского Союза, Волгина Василия Леонтьевича, она уникальна тем, что была подарена им в 1947 г. своей первой учительнице, Александре Петровне Вереиной, на обороте её надпись: «В знак большой благодарности, ... от Вашего ученика, Васи Волгина» [1].

Имя знаменитого героя войны, лётчика-аса, сделавшего 159 боевых вылетов, волевого командира эскадрильи, генерал-майора Военно-Воздушных сил СССР Василия Леонтьевича Волгина известно. О его подвигах написаны книги, его именем названы улицы, на памятных местах установлены мемориальные доски. Летая в годы войны на бомбардировщиках ИЛ-4 и на штурмовике ИЛ-2, он сделал свой первый боевой вылет на Сталинградском фронте в сентябре 1942 г. Далее были Курская дуга, левобережная Украина, Белоруссия, Польша, победу встретил в Берлине. Уничтожил сотни укрепленных объектов противника, переправ, мостов, складов с горючим и боеприпасами, живой силы противника. Несколько раз сбивал пламя со своего самолёта скоростью, садился на незнакомые аэродромы, возвращался без капли горючего. Его поистине беспримерный героизм отмечен двумя орденами Красной Звезды, двумя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 апреля 1944 г. гвардии капитану Василию Леонтьевичу Волгину присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» [2].

С уверенностью можно сказать, что любовь к своей родине, уважение к старшим, дружба и задатки лидера формируются в детстве. И во многом зависят от воспитания в семье и школе, от примера близкого, уважаемого человека, учителя.

Василий Волгин родился в 1920 г. в селе Яблонка Арзамаского уезда в семье крестьян, остался сиротой, и растила его бабуш-

ка. Она же, в 1928 г., привела мальчика в первый класс Яблонской начальной школы к молодой учительнице Александре Петровне Вереиной. Именно она дала не только первые азы грамоты, но и заложила в нём тягу к образованию, воспитала начала таких великих человеческих качеств, как трудолюбие, честность, смелость, любовь к Родине.

Стоит отметить, что в Яблонке в 1923 г. родился ещё один будущий Герой Советского Союза – Алексей Иванович Поющев. В Яблонскую школу Алёша Поющев поступил в тридцать первом. Здесь окончил 7 классов, потом вместе с отцом переехал на Автозавод, в Горький. Война застала его в лётном училище. Дальше – фронт. В одной из аттестаций на присвоение ему очередного звания написано: *«... храбрый и мужественный лётчик, не знающий страха в борьбе с врагом. Свой боевой путь начал рядовым лётчиком и вырос до командира эскадрильи. В группах ведомым совершил 40 вылетов, ведущим группы – 53 успешных боевых вылета. За 12 боевых вылетов на ИЛ-2 награждён орденом Отечественной войны I степени, за 29 успешных боевых вылетов – орденом Красного Знамени, за 33 вылета – вторым орденом Красного Знамени»*. 22 сентября 1944 г. с шестёркой илов Поющев наносит удар по скоплению танков в районе города Огре, в Латвии. Штурмовики делают один заход за другим. Вдруг сильный удар потряс машину, зенитный снаряд угодил в мотор. По приказу командира экипажа стрелок-радист выбрасывается с парашютом, Алексей Иванович не успевает этого сделать: взрывается бензобак. 18 августа 1945 г. Алексею Ивановичу Поющеву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза [3].

Два Героя Советского Союза из одного села, из одной школы! Согласитесь, это исключительный случай!

Село Яблонка (ныне в составе Вадского муниципального округа), сегодня представляет собой несколько десятков домов, в основном, дачных. А в начале двадцатого века это было огромное селение, в котором было три колхоза, действовал сельсовет, был свой молокозавод, сельпо, участковая больница, клуб, старейшая библиотека и средняя школа. В селе проживало около двух тысяч человек. Во время Великой Отечественной войны из этого села ушли на фронт около трехсот человек, многие из них отдали жизнь за Родину.

В этом селе родились два Героя Советского Союза, более двухсот яблонцев награждены государственными наградами. Первыми воспитателями и наставниками этих будущих героев были все-таки сельские учителя, среди которых – и Александра Петровна Вереина.

Труд был моей радостью...

Александра Петровна Вереина родилась в 12 мая 1896 г. в селе Понетаевка Арзамасского уезда [4] в семье мещанина, Петра Фёдоровича Вереина, который занимался торговлей хлебом. Семья была не бедная, поэтому все дети Петра Фёдоровича учились. Александра окончила Нижегородское епархиальное училище в 1914 г. с отличными оценками и начала работать учителем начальных классов Пановской школы Арзамасского уезда. Это была первая сельская средняя школа в уезде, она располагалась в добротном кирпичном здании, построенном жителями села специально для этих целей. В этой школе Александра Петровна работала несколько лет, душой и сердцем приняв новую власть и новую светскую систему образования. Позже, в одном из своих выступлений в газете, она говорит об этом так: «В дореволюционной школе я работала три года. Ежедневно в школу приходил поп Воскресенский забивать детские головы религиозным дурманом. В советской школе я почувствовала себя взрослой и свободной и стала участвовать в общественной жизни села. Я горжусь тем, что мне доверяют школу и детей, доверяют участвовать в общественных делах и в то же время ценят мою работу» [5].

В 1926 г. Александра Петровна сама вызвалась ехать работать в отдалённые села уезда - Мармыжи и Яблонку, где не было учителей начальных классов. Работала увлечённо, творчески. Год от года росло её мастерство преподавателя, педагога, воспитателя. Через несколько лет она уже возглавила образцовую начальную школу в селе Вад. Имея огромный преподавательский опыт и опыт руководства коллективом школы, со временем она становится инспектором дошкольного воспитания, а затем и заведующей районным педагогическим кабинетом выделенного из Арзамасского уезда и вновь образованного Вадского района.

Культура, высокая образованность, активная жизненная позиция – это неотъемлемые черты молодой учительницы. Она учила первоклашек, учила читать и писать взрослое население. Она учила

учителей педагогическому мастерству, политической грамотности, учила любить детей, учила любить Родину, пользовалась непревзойденным авторитетом в своей среде, да и среди жителей. Её много лет избирали депутатом сельских Советов, членом различных комиссий, она была делегатом Горьковского второго съезда учителей-отличников в 1935 г., Горьковского краевого съезда учителей 1936 г., счётчиком Всесоюзной переписи населения 1937 и 1939 гг. Она организовывала образцовые школы, переписывалась с министрами по вопросам образования, проводила сборы средств на создание учреждений для беспризорников. Особенно тесная связь у неё была с Горьковским институтом усовершенствования учителей и его тогдашним директором М. Сеславинским. В архиве сохранилось несколько писем Сеславинского к Вереиной, в которых он интересуется результатами работы школ района, просит прислать описание наиболее интересного опыта преподавания предметов в школе. Он советуется с учительницей, просит дать оценку работы института, спрашивает, на что ещё обратить внимание в работе с учителями. Роль учителя поставлена на очень высокую ступень!

В 1940 г. в газете «Вадский колхозник» была опубликована статья о деятельности А.П. Вереиной как депутата: *«Александр Петровну знают на Ваду старый и малый. Она пользуется среди колхозников и служащих райцентра большим авторитетом. Александра Петровна ежедневно проводит индивидуальные и коллективные беседы на разные темы. Разъясняет избирателям постановления партии и правительства»*[6]. Далее приводятся случаи её помощи сельсовету: когда случилось невыполнение плана по сбору одного из налогов, послали к неплательщикам её, Александру Петровну, как самого уважаемого человека. Через два дня план был выполнен. Какими словами, какими примерами убедила учительница заплатить налоги? И это были не угрозы, не ультиматумы. Это были слова и доводы, доходящие до самого сердца! Рассказывается также о том, как к ней домой пришла одна из учениц, Нюра Николаина, со слезами: родители не пускают её в девятый класс, велят идти работать. Александра Петровна тут же пошла к родителям Нюры, и вопрос был решен, Нюра пошла учиться.

«– Я так и знала – благодарила Нюру Александру Петровну, – что родители послушаются только Вас!» Вот таким даром убеждения, таким авторитетом владела простая сельская учительница.

В 1944 г. Александра Петровна возвращается работать в г. Арзамас, в школу № 3 им. В.П. Чкалова, затем переходит в базовую школу при педучилище – школу имени Гайдара [7]. Учит своих первоклашек, учит будущих учителей на практике: как провести урок, как добиться стопроцентной успеваемости, как вырастить настоящего гражданина своей отчизны. Более 45 лет отдала Александра Петровна Вереина педагогической деятельности! Провожая заслуженного ветерана на пенсию в сентябре 1959 г., коллеги по работе, руководители, отмечали её высочайший профессионализм, честность, открытость, патриотизм. Она ответила им так: *«Дорогие мои друзья! 45 лет подряд я встречала этот счастливый день в школе. Труд был моей радостью! Я хочу, пусть так будет с каждым из вас! Любите свое дело, отдавайте ему все свои знания, силы, и тогда вы будете счастливы, как счастлива я!»*

Экзамен для учительства страны

Экзамен для всего учительства России двадцатых и тридцатых годов двадцатого века - первых лет советской власти, сделала Великая Отечественная война. Все их выпускники школ ушли на фронт и, не щадя жизни, защищали свое Отечество.

Один из историков нашего времени сказал, что победу в Великой Отечественной войне одержали советские школьники. Это подтверждает и статистика. Кадровая Красная Армия была выбита в боях с фашистами в 1941-1942 гг., им на смену пришли выпускники школ, которые родились после революции, учились в советских школах. Именно они стали постигать науку воевать, а, научившись, обладая хорошим вооружением, погнались немцев и их союзников на запад, и завершили войну в поверженном Берлине. Экзамен на зрелость, патриотизм выдержали и ученики и учителя советских школ.

До сих пор некоторые задаются вопросом: «В чем причина массового героизма советских воинов?» На этот вопрос сегодня существует много разных ответов, хотя самый очевидный ответ лежит на поверхности. Именно советская школа за короткий срок пришла к всеобщей грамотности, в том числе ликвидировав взрослую безграмотность. Именно советская школа в начале двадцатого века, шаг за шагом, создала такую систему народного образования, какой не было ни в одной стране. До сего дня превосходство системы советского образования признают во всем мире. Именно советская школа сделала человека не только грамотным, любознательным и

смелым, но и глубоко патриотичным. Советская школа дала молодежи высокую цель в жизни, постепенно, шаг за шагом, сформировав высокую гражданскую позицию.

Школа не только учила, но и воспитывала детей. Для этого в школах работала масса кружков по интересам от художественной самодеятельности, музыки, спорта до технических и сельскохозяйственных. Советская школа охватывала все свободное время ученика, интересовалась его увлечениями. Секции, внеурочные бесплатные занятия почти не оставляли времени на бесцельное времяпровождение и порождали интерес к дальнейшему обучению.

При школах были столовые, стадионы, клубы. Всё воспитание подрастающего поколения сосредотачивалось на глубочайшем патриотизме, знании истории своей Родины, гордости за свою великую страну. Развивалось пионерское и комсомольское движение. Дети много читали и горячо обсуждали подвиги героев-современников, хотели быть похожими на них. Собрания, слёты, обсуждения, соревнования. Дети, фактически, в школе находились весь день. Это была систематическая, огромная работа педагогических коллективов!

Роль учителя в советской системе образования и воспитания подрастающего поколения была неоспоримой. Каждый учитель был личностью, кумиром, которого его ученики помнили всю оставшуюся жизнь. И начиналось это воспитание с начальных классов, поэтому настолько велика роль первой учительницы, именно она закладывала в своих ребят азы любви, добра, трудолюбия, которые развивались с годами. Советская власть высоко ценила труд учителя, его уважали и ученики, и родители, и государство. Особо отличившихся учителей награждали медалями и орденами вплоть до высшей награды СССР – ордена Ленина. В 1940 году было установлено звание «Заслуженный учитель школы РСФСР». Высокие государственные награды получили сотни учителей, Александра Петровна Вереина также была награждена орденом Ленина.

Её ученики, как Герой Советского Союза Василий Волгин, помнили и чтитли свою первую учительницу. После войны каждый год он приезжал из Минска, где проживал, в Арзамас, к ней, пообщаться, поговорить, помочь [8, с. 33]. Так уж случилось, что у неё не было своей семьи, не было детей, и все её ученики стали её детьми. Она гордилась ими. Со многими переписывалась, бережно

хранила их дневники, тетради, документы, фотографии. Особенно много фотографий: групповых, классных, портретов. Она всех помнила, всех любила как своих детей, следила за их судьбами, по возможности помогала. Александра Петровна умерла в 1975 г., похоронена на Тихвинском кладбище города Арзамаса. После смерти она завещала свой обширный архив музею с одной целью, чтобы как можно дольше жила память о её учениках.

ЛИТЕРАТУРА

1. МБУК историко-художественный музей города Арзамаса Нижегородской области. Личная коллекция Александры Петровны Вереиной № АКМ-2878.
2. Государственный архив Российской Федерации Фонд Р7523, Оп.4, Дело 223.
3. Герои Советского Союза – горьковчане: [Справочник] / Л.К. Тюльников, Я.И. Басович. – Издание второе, переработанное и дополненное. – Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1981. – 366 с.
4. Паспорт на имя А.П. Вереиной Х-ДЖ-657585, выдан Арзамасским ГОМГБ Горьковской обл. 10.12.1951 г.
5. Слово к нашей интеллигенции // Вадский колхозник. – 1936. – 28 октября.
6. Депутат сельсовета за работой // Вадский колхозник. – 1940. – 9 июня.
7. Пенсионное дело А.П. Вереиной № 012614
8. Герои Великой Победы: ими гордится Арзамас: Книга Памяти, посвящена 75-летию победы в Великой Отечественной войне: информационное издание / Е.П. Бутусов, О.В. Букова, О.Г. Смирнова; [авт. предисл. А.А. Щелоков]. – Н. Новгород: РИА «ИМЯ», 2020. – 151 с.

СЕЛО ЛОПАТИНО ВАДСКОГО РАЙОНА: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

***Наталья Валентиновна Хорева¹,
Мария Олеговна Яшина²***

¹ Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, к. и. н., доцент кафедры истории, обществознания и права историко-филологического факультета Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: n.khoreva2010@yandex.ru

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, студентка историко-филологического факультета

Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: mariay4shina@yandex.ru

Статья посвящена некоторым аспектам истории села Лопатино Вадского района Нижегородской области и происхождению этого названия. Рассмотрены особенности социально-экономического развития села и его роль в жизни района.

Ключевые слова: Вадский район; село Лопатино; военный аэродром; колхоз им. А.А. Жданова

В XVI столетии близ места, где речка Вадок впадает в Пьяну, проходила граница Нижегородского и Курмышского уездов. Здесь, между двух рек, раскинулись селения «Ватцкой Мордвы», в число которых в 1588 г. входили деревни Досадино, Лопатино, Сосновка, Захарьево. Первое упоминание о селе Лопатино относится к 1784 г. [5, с.54]. Народная молва этот год связывает с приездом в село помещика Григория Лопатина. Будто тот купил село, и с той поры оно получило свое название по имени нового барина. И действительно, в «Списках населенных мест Нижегородской губернии» у села указано два имени – Лопатино и Семёновское [3, с.314-315].

С XVIII в. село Лопатино входило в Ивашкинскую волость Арзамасского уезда. Лопатино гораздо крупнее Ивашкина, являвшегося, однако, по какой-то причине, центром волости. Окружавшие же его деревни всегда были невелики. По архивным данным, село Лопатино было владением помещиков Я.И. Николаева, Г.М. Безобразова и его детей – Н.Н. Булыгиной и П.Е. Щербатовой. Народная же память сохранила следующие барские фамилии: Астафьев, Безобразов, Трегубов, Коробков, Жадов, Агапкин, Булыгин. Имеются данные и о владениях помещиков. У Трегубова было 8 дворов, у Осипова – 75 дворов, у Жадова – 12, у Коробкова – 15, у Булыгина – 8. Позднее село у помещиков выкупил помещик Лопатин, и оно стало называться селом Семеновым Лопатина (то есть село Семеново, принадлежащее барину Лопатину) [2, л.8].

На 1859 г. в Лопатине (Семеновском), расположенном на берегу реки Пьяны, насчитывалось 84 двора с 395 мужчинами и 403 женщинами (к 1911 г. число дворов увеличилось до 237). Для сравнения: в деревне Сосновка Большая (что при озере Сосновском) было 30 дворов со 107 мужчинами и 108 женщинами, в Досадине (что при речке Вадок) – 21 двор с 87 мужчинами и 93 женщинами, в селе Захаровка Малая (Инютино) (что при реке Пьяне) – 23 двора с 95 мужчинами и 114 женщинами [2, л.7]. Интересно, что последние восемь дворов располагались на конце села Лопатино, отдельно от прочих, и носили название «Булыгина деревня».

Тяжело жилось лопатинским крестьянам во времена крепостного права: барщина доходила до 5 дней в неделю, а оброки были невыносимы. В период крепостного права силами крестьян на по-

мещичьих полях было вырыто 10 болот, а в оврагах устроены три пруда, из которых один сохранился по сию пору. Кроме работы на господских полях, крепостные крестьяне должны были строить каменную церковь в селе Лопатино.

В 1807 г. в селе Лопатино был построен каменный храм (была ли в селе до этого деревянная церковь – неизвестно). Главный холодный престол храма был освещен в честь иконы Божией Матери Казанской, теплые пределы: правый – в честь святого Николая Чудотворца, левый – в честь мученика Андрея Стратилата. По состоянию на 1888 г. к лопатинскому храму были приписаны: Досадина деревня, находящаяся на одну версту северо-западнее села, и деревня Черная Захаревка, находящаяся на границе Арзамасского и Княгининского уездов в двух верстах юго-восточнее Лопатина. Деревня Сосновка не входила в лопатинский приход и была приписана к умайскому храму. В 1888 г. в Лопатине уже имелась церковно-приходская школа грамотности, где обучались 25 мальчиков. Священником с 1845 г. служил В.И. Зефиров, являвшийся и законоучителем. Псаломщиком с 1884 г. был В.М. Знаменский. В приходе было 703 православных мужчины и 773 женщины. К 1904 г. число православных увеличилось соответственно до 864 и 925. Иереем с 1891 г. стал Иван Сергеевич Знаменский, также являвшийся законоучителем и имевший набедренник, диаконом с 1903 г. был В.М. Богословский, псаломщик с 1901 г. – С.В. Зефиров, церковным старостой с того же года являлся Ф.В. Боровков [2, л.9-10].

Службы в Казанской церкви шли до 1925 г., пока «бывшие верующие прихожане» не «решили их прекратить». Так оригинально сформулированы причины закрытия храма в истории Лопатина, составленной кем-то из местных жителей. Здание церкви «превратилось в хранилище разных вещей, а с 1931 г. стало складским помещением колхоза им. Жданова». Другая же точка зрения сельских жителей, по поводу разорения храма, звучит так: «Лопатинская церковь, как и сотни тысяч ей подобных, сначала сама превратилась в склад, а потом сама же не сохранилась» [2, л.10].

В 1933 г. с церкви были сняты колокола. С 1938 г. ее стали постепенно разбирать. Кирпич и строительные материалы использовались для строительства нового здания школы-восьмилетки. К 1950 г. площадь, где стояла церковь, была расчищена от мусора [4, с.411]. Теперь эти места заросли травой. К сожалению, не

нашлось в Лопатино жителя, который смог бы показать хотя бы эту траву. Не обнаружено пока ни фотографий, ни чертежей храма.

После отмены крепостного права вся земля оставалась у помещиков. Многие из освобожденных крестьян во второй половине XIX в. стали заниматься отхожим промыслом. Мужики искали работу по всему Поволжью, годами не бывали дома, зарабатывая на чужбине сущие крохи. Малоземельные крестьяне, как правило, уходили на заработки в Нижний Новгород. Наверное, с этого времени и начал рушиться традиционный уклад жизни лопатинцев [2, л.8].

В 1905 г. в России началась первая революция, события которой не обошли и Вадскую землю. В 1906 г. революционно-настроенные крестьяне села Лопатино И.П. Маринин, А.Ф. Жегалов и И.А. Кузнецов развернули среди крестьян, работавших у кузнеца, большую агитацию за насильственный отбор у помещиков земли и передачу ее крестьянам [2, л.15]. Изначально эта агитация проводилась в каждой кузнице, а потом стали тайно собираться в доме лопатинского крестьянина Я.Д. Ватагина. Сюда приходили местные мужики Н.Ф. Люленков, С.П. Сурков, Е.Я. Кочетков, И.Ф. Мозголов и др. На каждой сходке обсуждался один вопрос: царское самодержавие должно быть свергнуто, а помещичьи земли без всякого выкупа должны быть переданы крестьянам. Но вскоре проведение таких собраний прекратилось, так как полиция узнала о деятельности лопатинских революционеров. Маринин и Жегалов были арестованы и на три года сосланы в Вологодскую губернию, Кузнецов сумел выехать из села и избежать ареста. Из ссылки Маринин и Жегалов приехали почти через два года (они были отпущены досрочно, согласно царскому манифесту) и снова продолжили прерванные революционные действия [2, л.16].

В канун Первой мировой войны жители Лопатина и окрестных деревень становятся строителями железной дороги Москва – Казань, полотно которой пролегло между селом Лопатино и деревней Досадино [6, с.87]. Многие работы на строительстве выполнялись ручным способом: вырубка леса, выравнивание грунта и насыпь земли под дорожное полотно, подвоз камня из карьеров к местам постройки мостов, водопроводов, копанье ям вдоль дороги для установки деревянных опор под телеграфные провода.

Мужское население села могло неплохо заработать, не покидая родные дома. Казанская железная дорога на многие годы стала постоянным источником работы для жителей Лопатина. Позднее, после Великой Отечественной войны, в 1948 г. для ее нужд была организована добыча камня в карьере, находящемся недалеко от села Анненково. В связи с этим была построена новая железнодорожная ветка, соединяющая карьер и основное железнодорожное полотно близ санатория Бобыльского. В 1956 г. на этом месте построили станцию Вадок, около которой образовался небольшой поселок.

Октябрьская революция дала лопатинским крестьянам землю и волю. Помещичий дом был отдан под школу, в центре села был выстроен клуб.

До того, как в 1950-е гг. из церковного кирпича была построена школа-восьмилетка, очаг образования в советском Лопатине находился в здании бывшего помещика Булыгина, которое было приспособлено под школу в 1917 г. Ранее же церковно-приходская школа размещалась в деревянном пятистенном доме, площадью 80 кв.м, покрытом тесом. В одной половине школы были парты для девочек, в другой – для мальчиков. Учителем был С.И. Кисляков (ставший впоследствии дьячком лопатинской церкви), а потом В.И. Знаменская (вероятно, дочь иерея И.С. Знаменского, служившего в лопатинском приходе с 1891 г.) [2, л.25]. В 1914 г. помещения школы почему-то было сломано, и в течение трех лет школы в селе не было.

В 1922 г. в Лопатине была образована комсомольская организация, а в 1925 г. – пионерская. 3 декабря 1927 г., по данным краеведа П.В. Петрова, Вадским волкомом было принято решение о создании в Лопатине колхоза. В 1930 г. создается колхоз «Борец». Однако первая попытка провалилась, несмотря на приезд А.А. Жданова (секретаря ЦК ВКП (б)), уговорившего лопатинцев сохранить колхоз. Лишь в марте 1931 г. 43 лопатинских хозяйства объединились в колхоз, получивший имя Жданова [2, л.30]. К весне 1932 г. Лопатино стало селом сплошной коллективизации. Вероятно, в ход были пущены особые «революционные» меры. Образовались колхозы и в близлежащих селениях: в Досадино – «Строитель», в Захарьевке – «Ударник», в Сосновке – «Спартак», в Аннен-

ково – «Революция». Все они в 1950 г. слились в один колхоз имени Жданова [2, л.30].

Великая Отечественная война для жителей сел Лопатинского сельского Совета – это проводы на фронт отцов, сыновей, мужей, работа с утра до ночи в колхозе, а еще военный аэродром. Его близость к селу Лопатино сыграла немалую роль в жизни многих сельчан. Они его строили, несли службу, обеспечивали его работу. Строительство военного аэродрома, где были задействованы около 900 колхозников и 250 лошадей, развернулось в первый год Великой Отечественной войны. В строительстве использовался не только камень из ближайших карьеров, но и кирпич Елховской церкви. На аэродроме базировались тяжелые бомбардировщики, велась подготовка пилотов [1, с.57].

Сегодня от аэродрома осталась бетонированная площадка и памятная стена. Табличка на стене содержит следующую надпись: «Здесь в августе 1941 года войнами Красной армии при активной помощи населения в кратчайшие сроки был построен запасной аэродром. В годы войны на аэродроме базировалась эскадрилья женского бомбардировочного полка Героя Советского Союза Гризодубовой В.С.»

В декабре 1942 г. на Лопатинский аэродром совершил посадку самолет Героя Советского Союза Марины Расковой. Экипаж спешил в Сталинград, но погода стояла нелетная. Несколько дней летчицы провели на аэродроме, жили в землянках. Встречались они с пионерами Лопатинской школы, катались с ними с горки, играли в снежки. Такие воспоминания остались о Марине Расковой у тех, кто в сорок втором был детьми, учился в школе:

Я.Ф. Москвичев: « В 1938 г. недалеко от Лопатина началось строительство аэродрома. На стройку съехался народ из многих близлежащих районов: Перевозского, Бутурлинского, Дальнеконстантиновского. Людей селили на квартиры в Лопатине. Наш колхоз тоже выделил рабочих на строительство и лошадей. Все делали вручную: снимали дерн, грузили его на телеги и увозили, укладывая плиты, строили землянки для летчиков. Когда аэродром достроили, стали на него завозить самолеты – учебные и военные. Аэродром имел важное стратегическое значение. Здесь базировались и вылетали на задания бомбардировщики, велась подготовка летчиков. Меня взяли на службу в полк, замполитом полка был Гордилов, а

комендантом Нырков. На аэродроме я принимал самолеты после боевых вылетов» [1, с.64].

П. А. Голыгина: «В 1943 г. взяли меня на курсы радистов. Учили нас в деревне Сосновка в доме Бесковой Валентины. Занятия велись под руководством лейтенанта Онищенко Василия. После учебы я стала работать радистом в штабе. Штаб размещался в Лопатине в здании школы. Радисты дежурили за телефонным коммутатором и передавали данные на аэродром. В помещении штаба было холодно. Отапливали лишь маленькой металлической печкой-буржуйкой» [1, с.65].

М.М. Лепина: «Прибыл в село человек в военной форме. Он и местные власти начали набирать народ на стройку. Что это будет за стройка – никто не знал. Разные ходили слухи. Время было мирное, шел, по-моему, 38 год. О войне не помышляли. Тем более о строительстве какого-либо военного объекта. На работу нас, группу девчонок, посылал колхозный бригадир. Пришли мы в чисто поле с лопатами. Стали снимать дерн, убирать верхний слой почвы. После дали мне лошадку. Я вывозила землю далеко в поле от моста, где мы трудились. Сначала народа на этом строительстве было немного. Потом работа закипела с новой силой. Со всех колхозов района стекались сюда люди. Потом в Лопатино в большом количестве стали прибывать наемные рабочие из Бутурлинского, Перевозского, Дальнеконстантиновского и других районов области. Много на строительстве объекта было солдат. Жили они в землянках, питались в наскоро построенной столовой. Рабочих расселяли по домам жителей села Лопатино, окрестных деревень. Все в то время уже знали, что мы строим аэродром. Гордились этим. Когда закончились подготовительные земляные работы, полуторками, лошаадьми стали завозить щебенку из Анненковского Карьера. Женщины разравнивали ее по всей площади будущего аэродрома. Мужчины заливали щебенку бетоном, клали и бетонные плиты. Работали мы как обычно, особенной спешки не было. Не было ночных смен. Так вот общими усилиями и построили площадку. Военные называли ее взлетной полосой. Хорошо помню приземление первого самолета. Прилетело начальство, стало осматривать аэродром. Когда началась война, на аэродроме появились тяжелые самолеты-бомбардировщики. Неизвестно откуда прилетали и садились другие самолеты» [1, с.66].

После войны жизнь в Лопатине медленно начала возрождаться. Постепенно в селе появилось все необходимое для полноценного существования современного человека: твердое дорожное покрытие, водопровод, типовые здания учреждений соцкультбыта...

После 1961 г. жители на общих сельских сходах стали избирать сельских старост. В разное время ими были И.С. Сулимов, И.Т. Савельев, И.И. Сулимов, Г.И. Крылов [2, л.31]. Последний на долгие годы запомнился односельчанам своей оригинальностью. Крылов на спор за один присест съедал без воды с одним куриным яйцом целый каравай хлеба.

В конце XX в. школа уже располагалась в типовом здании, имела пришкольный участок и сад (в 1987 г. было построено новое здание школы). С 1 сентября 2012 г. на основании постановления администрации Вадского муниципального района Нижегородской области Лопатинская основная общеобразовательная школа была реорганизована путем присоединения к МБОУ «Карьерская средняя общеобразовательная школа».

В селе имелся магазин, библиотека с читальным залом, клуб, медпункт, в каждом доме телевизор, ставились концерты художественной самодеятельности. На сегодняшний момент число постоянно зарегистрированных жителей составляет 595. В сельсовете зарегистрировано 329 частных домов и 26 многоквартирных с 134 квартирами, детский сад, библиотека, Дом культуры, школьный краеведческий музей, почтовое отделение, ФАП.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапова И.А. Верность памяти. – Арзамас: Арз.тип., 2008.
2. Государственное казенное учреждение Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (ГКУ ГАО, г. Арзамас). Ф. Р-879. Оп. 2. Д. 2.
3. Селезнева К.С. Горьковская область. – Н. Новгород: Книги, 1997.
4. Станков С.С. Сборник документов по Нижегородской области в XVII веке. – Н. Новгород: Книги, 2003.
5. Терехин Д. Малая Родина. Вадский район. Альманах о российских регионах, их особенностях и людях. – Н. Новгород: ООО «АПД», 2009.
6. Шеронов Л. Исторический очерк Вадского района. – Арзамас: Арз. тип., 2007.

ПОЛИТИКА ПОДДЕРЖКИ МЕЛКИХ ТОВАРОПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. И УЖЕСТОЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТРЕБОВАНИЙ К КУСТАРЯМ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Илья Вячеславович Чиркунов

*Историко-художественный музей г. Арзамас Нижегородской области,
к.и.н., научный сотрудник
Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: iliya_chirkunov@mail.ru*

Личные неземледельческие формы хозяйствования играли большую роль в жизни населения России. Во второй половине XIX в. развернулась целая кампания с целью повышения качества выпускаемой кустарями продукции. Приобретаемый со временем опыт служил прочным основанием для более уверенных действий, приводивших к положительным результатам. Однако в конце XIX в. наступил переломный момент, который привел к противоречивым последствиям.

Ключевые слова: государство; экономика; производитель; кустарь; политика; земства; налог

Отмена крепостного права сыграла положительную роль в формировании мелкотоварного сектора. После этого события появилось большое количество свободных рабочих рук. Перед «освободившимися» крестьянами стояла острая проблема заработка финансов, необходимых для нормального дальнейшего существования. Выход из сложившейся ситуации был найден. Возможность производить товары с целью их дальнейшей реализации отчасти решила вопрос острого недостатка денежных средств в крестьянской среде. Однако не всегда от производителя требовалось желание заниматься производством. Был ряд факторов, напрямую влиявших на состояние хозяйствования. Во-первых, это естественные факторы географического характера. Во-вторых, это факторы, которые были напрямую связаны с поддержкой товаропроизводителей государственными и окологосударственными структурами. Если в первом случае, кустарь мог сам исходить из складывавшихся обстоятельств и принимать решения, от которых бы напрямую зависел тип, количество и качество производимой им продукции, то во втором производителю оставалось только следовать выбранному вектору.

Условно политику в отношении мелкотоварных производителей можно поделить на два этапа, которые, с нашей точки зрения, сильно отличались друг от друга. Соответственно, целью данной

статьи является рассмотрение этапов политики, направленной на преобразование неземледельческих форм хозяйствования.

Первое, на что следует обратить внимание, если разговор идет о внешнем влиянии на сектор кустарных товаропроизводителей, это работа земств [1, с.57-74]. Именно земства одними из первых осознали необходимость формирования линии поддержки, которая бы, по их мнению, привела к серьезным качественным изменениям в среде кустарей [2, с. 34].

Существенным минусом являлось то, что у земств на начальном этапе еще не было большого опыта работы в отношении сельского производства. Именно по этой причине многие инициативы и начинания не приводили к желаемым результатам [3, с. 179]. Несмотря на ряд проблем, испытываемых членами земств, попытки повлиять на разросшийся кустарный сектор не оставлялись, что являлось несомненным плюсом.

Члены земства осознавали одну из проблем производителей, которая заключалась в невысоком качестве выпускаемой продукции. Повышение качества позволило бы вывести кустаря на более высокий уровень, так как выпуск товара, на который имелся бы высокий спрос, мог повлечь за собой повышение финансового благосостояния производителя, что в свою очередь могло привести к более высокому уровню организации труда и производства.

Один из немногих вариантов, который мог решить существующую проблему, был связан с повсеместным открытием ремесленных училищ [4, с. 90]. Однако в данном случае вставала другая проблема – для реализации данного проекта требовалось финансирование. В итоге, несмотря на положительную оценку данного начинания в ряде уездных земств, от идеи пришлось отказаться [4, с. 91].

После неудачной попытки создать учебные заведения, первым крупным практическим шагом была организация выставки, на которой кустарями местности выставлялись свои товары. Кроме этого, кустарям-участникам выдавались небольшие денежные вознаграждения с целью стимуляции.

Идея создания указанных организаций показала свою жизнеспособность, и позднее при участии нижегородского отделения императорского технического общества был организован крупный музей кустарного производства. Однако в данном случае не обошлось без проблем, так как не был учтен важный показатель – удаленность

ряда населенных пунктов от здания губернского управления, что при условии существования проблем с логистикой отрицательно сказывалось на инициативе [3, с. 181]. Позднее проблема была решена переносом данных мероприятий в более доступные места.

К концу 1880-х гг. основная цель, которую преследовали данные выставки, не ограничивалась лишь показом производимого товара. Теперь участник выставки мог не только реализовать свою продукцию на месте, но и закупить необходимое для дальнейшего производства сырье по приемлемым ценам. Кроме этого, решалась важная проблема скупщиков, которые обычно скупали товары кустарей по заниженной цене с целью дальнейшей перепродажи [5, с. 6].

Кроме формирования системы кустарных складов-музеев не редкими были случаи организации поставок определенного вида производимого кустарем товара, основанной на договорной основе между, например, товариществом и сами кустарем. С нашей точки зрения, такой договор шел на пользу производителю, так как, во-первых, он был занят работой, во-вторых, для изготовления заказа не нужно было самостоятельно заниматься поиском и заготовкой сырья, ибо оно выдавалось в качестве аванса после заключения договора, и в-третьих, заранее был определен покупатель, плативший фиксированную стоимость [3, с. 184].

Уже к концу 90-х гг. XIX в. стали появляться так называемые кустарные попечительства, которые занимались изучениями условий производства, в которых находились местные кустарные производства [3, с. 197]. Сбор статистических данных и накопление знаний в перспективе играли положительную роль, так как на основании полученных сведений появлялась возможность разработки стратегии по дальнейшему планированию мер поддержки кустарного сектора.

Подводя промежуточный итог, можно сказать о том, что на кустарный сектор действительно обращали все более пристальное внимание, а во второй половине XIX в. появлялись структуры, которые преследовали одну цель – на основании получаемых данных создать условия для дальнейшего качественного развития сферы мелкотоварного производства.

Несмотря на большое количество положительных изменений в сфере кустарного мелкотоварного производства, вызванных в том

числе и активными действиями представителей земств и других организаций, связанных с указанным сектором, критические изменения, приведшие к неоднозначным последствиям, приходится на 90-е гг. XIX в.

Они были связаны с разработкой, дальнейшим внедрением и редактированием новой нормативно-правовой базы в сфере налогов, направленной на кустарный сектор [6, с. 489]. Хотя официально указанное положение было введено 8 июня 1898 г., его разработка началась еще в 1893 г. Вводимый государственный промысловый налог являлся структурированным. Он состоял из двух частей – налога основного и дополнительного [7, с. 220].

Чтобы вести налоговый сбор, в оборот вводились так называемые промысловые свидетельства, содержавшие в себе основную информацию о владельце и типе облагаемого заведения. Каждое промысловое свидетельство выбиралось владельцем заведения. Таким образом, производитель был заранее ознакомлен с налоговым обременением на период действия данного свидетельства.

Территория Российской империи была также структурирована в зависимости от степени развития. Всего было выделено четыре класса местности. Находившиеся в отдельных классах заведения производственного или торгового толка были поделены на разряды. Деление не было равномерным. Если в среде торговых заведений насчитывалось четыре разряда, то в производстве разрядов было восемь.

Дополнительное налоговое обременение ложилось на плечи отдельной категории заведений, которые были прописаны в созданном положении [8, с. 11]. К этой группе относились, например, товарищества и торговые дома первого разряда наряду с промышленными заведениями с первого по третий разряды включительно.

В случае, если заведение не указывалось в статье положения, до дополнительного налога взимался в виде раскладочного сбора, либо вводился сбор, рассчитывающийся в виде процентного сбора с прибыли, которую зарабатывало заведение.

Были и исключения, которым в положении посвящена информация, изложенная в 46 пунктах. Однако под исключения не попадали простые владельцы, в нашем случае, промысловых заведений. Зачастую налогом не облагались казенные учреждения либо заведения, которые принадлежали духовенству, земству, артелям.

Стоит добавить, что в указанный перечень заведений, который освобождался от государственного промыслового налога входили и многие виды сельских промыслов.

В некоторых случаях при налоговом обременении владелец заведения мог получать послабления в виде освобождения от части выплаты. Например, если заведение относилось к первому разряду для четырех классов местности, то владелец получал освобождение от налогообложения трех складочных мест.

Если говорить о личных промысловых занятиях, то введение положения о государственном промысловом налоге и дальнейшая доработка нормативно-правовой базы сказывалась скорее отрицательно. В зависимости от величины заведения и его оборота, налог сильно варьировался. Сумма сбора могла составлять от 2 до 150 рублей. Данные, на которые опирались при сборе налогов, приводились должностными лицами, например, могли предоставляться податным инспектором.

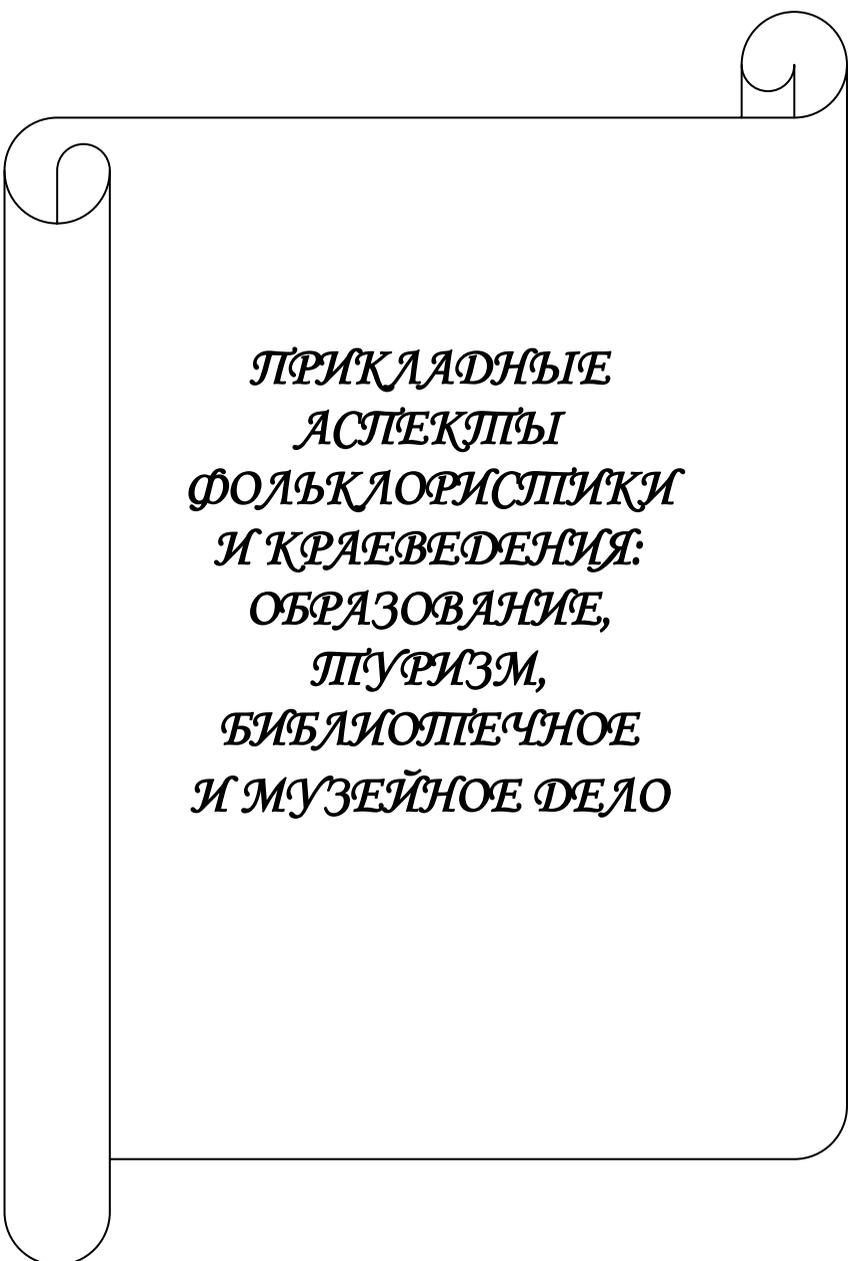
Зачастую решающими показателями в определении суммы налогообложения являлись число орудий производства, рабочих, их плата. Немаловажным являлся показатель общего товарооборота.

Таким образом, во второй половине XIX – нач. XX в. наблюдалась повышенная активность со стороны государства и окологосударственных структур в отношении мелкого товаропроизводства и сельской промышленности. Если до 90-х гг. XIX в. результаты действий, направленных на кустарный сектор, приводили по большей части к положительным эффектам, то внедрение и дальнейшая разработка налоговой нормативно-правовой базы, с нашей точки зрения, стала противоречивым действием. С одной стороны, мы видим попытки выстроить линию политики, направленную на поддержку производителей, с другой стороны, в это же время, появляется система, которая сводит на нет предыдущие начинания.

Попытка узаконить кустарей и обложить налогом крупный сектор промышленности России, формировавшийся на протяжении длительного времени, привела к раздробленности в среде товаропроизводителей, так как появились легальные и полулегальные предприниматели, что не могло положительно сказаться на кустарном секторе в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нижегородская губерния по исследованиям губернского земства. Вып. III: Очерки практических мероприятий нижегородского земства в экономической области / сост. П.И. Неволин, Н.М. Ткаченко, Д.Ю. Бехли, Н.Ф. Анненский. – СПб., 1896.
2. Воронцов В.П. Значение кустарных промыслов, общие условия их развития и меры их поддержания в России. – СПб., 1902.
3. Егоров В.Г. Кустарные промыслы Нижегородской губернии второй половины XIX – начала XX века. – СПб., 2013.
4. Плотников М.А. Кустарные промыслы Нижегородской губернии. – Н. Новгород, 1894.
5. Пономарев Н.В. Правительственное содействие кустарной промышленности за десять лет (1888-1898 гг.). – СПб., 1898.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. 1881-1913: в 48 т. Т. 18. – СПб., 1885-1916.
7. Иловайский С.И. Учебник финансового права. – Одесса, 1904.
8. Государственный промысловый налог. Сборник узаконений, правил, форм, инструкций, циркуляров и разъяснений Мин. Фин., с законод. Мотивами, алфавитными указателями, дополнениями и изменениями по 1 января 1902 г. / под ред. В. Саковича. – СПб., 1902.

**ПРИКЛАДНЫЕ
АСПЕКТЫ
ФОЛЬКЛОРИСТИКИ
И КРАЕВЕДЕНИЯ:
ОБРАЗОВАНИЕ,
ПУРРИЗМ,
БИБЛИОТЕЧНОЕ
И МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО**

ИЗУЧЕНИЕ ГОЛЛАНДСКОГО И ФЛАМАНДСКОГО ИСКУССТВА XVII СТОЛЕТИЯ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МУЗЕЯХ РОССИИ НА СОВРЕМЕН- НОМ ЭТАПЕ. ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сергей Сергеевич Акимов

*МБУ ДО Школа искусств и ремесел им. А.С. Пушкина «Изограф», кандидат искус-
ствоведения, педагог дополнительного образования
Нижегород; e-mail: ss.akimov@mail.ru*

Достижения, сложности и перспективы научной каталогизации голландской и фламандской живописи XVII в. рассматриваются на примере изданий художественных музеев Саратова, Кирова, Смоленска, Краснодара 2006-2011 гг. Затрагивается также столь актуальное направление, как реконструкция состава и истории частных коллекций прошлого, вошедших в музейные фонды (работы искусствоведов Казани, Тамбова, Калуги, Нижнего Новгорода).

Ключевые слова: голландская и фламандская живопись XVII в.; региональные художественные музеи России; каталогизация; атрибуция; стилистический анализ; технико-технологические исследования картин

Работы голландских и фламандских художников XVII в. хранятся буквально в каждом художественном музее нашей страны, имеющем западноевропейский раздел. Во многом именно обилие и разнообразие произведений обеих нидерландских школ обусловило интенсивность развития отечественной нидерландистики, которая насчитывает уже полуторавековую историю. На современном этапе голландскую и фламандскую тематику разрабатывают искусствоведы разных поколений, расширяется проблематика исследований, преобладающими же являются жанрово-тематический подход (большинство диссертаций посвящено специфике и эволюции того или иного жанра либо жанровой разновидности) и атрибуционные исследования.

Важность изучения фондов региональных музеев связана с необходимостью введения в научный обиход новых произведений, уточнения и исправления принятых атрибуций и совершенствования самих атрибуционных методов. Не менее важным аспектом является исследование истории коллекционирования западноевропейской живописи в российской провинции XVIII – начала XX в., и эта тема сейчас все более привлекает к себе внимание специалистов. При этом голландские и фламандские, как и вообще западноевро-

пейские, коллекции многих провинциальных музеев еще ждут научной обработки и публикации.

Произведения, ранее считавшиеся копиями и не вызывавшие интереса либо, наоборот, те, авторство которых казалось бесспорным, зачастую преподносят принципиально важные открытия, связанные с важнейшими именами в истории фламандской и голландской живописи. Рассмотрим несколько примеров из недавней музейной практики.

Картина «Кающаяся Мария Магдалина с сестрой Марфой» поступила из Государственного Эрмитажа в Ирбитский музей изобразительных искусств в 1976 г. в качестве копии с оригинала Рубенса, находящегося в венском Художественно-историческом музее. В 2012 г. была проведена ее реставрация (Нижний Тагил, А.А. Наседкина), выявившая высокие живописные достоинства работы, затем последовало всестороннее исследование произведения. В итоге ирбитская картина была признана подлинником Рубенса, выполненным при участии Я. Йорданса и А. ван Дейка. Между вариантами композиции из Вены и Ирбита имеются некоторые различия, позволяющие говорить о том, что картина из уральского музея является первым вариантом [11, с. 25-35].

Полотно «Мелеагр и Аталанта» в собрании Екатеринбургского музея изобразительных искусств считалось старинной копией или сделанным в мастерской Я. Йорданса повторением его оригинала, ныне хранящегося в Королевском музее изящных искусств в Антверпене. Однако в ходе реставрации произведения в марте 2013 г. после регенерации лака была обнаружена подпись Йорданса, и на выставке живописи и рисунков мастера, проходившей в 2019 г. в Эрмитаже и в ГМИИ им. А.С. Пушкина, работа была представлена уже с новой атрибуцией. Н.И. Грицай на том основании, что антверпенская картина не имеет подписи, выдвинула предположение: возможно, сам Йорданс считал основным вариант из собрания Екатеринбургского музея [13, с. 40-43].

На упомянутой выставке «Русский Йорданс» экспонировалась и картина «Христос и самаритянка» из Нижегородского государственного художественного музея. Она происходит из коллекции И.Э. Гоцковского, в XVIII – XIX вв. неоднократно меняла владельцев и в 1932 г. через Ленинградскую закупочную комиссию попала в Нижний Новгород, что сделало ее малоизвестной для специали-

стов. В вопросе, написана ли она самим Йордансом или кем-то из его мастерской, среди исследователей нет единства. В.А. Садков в каталоге выставки выдвинул версию о том, что картина может принадлежать руке Якоба Йорданса Младшего, сына художника, унаследовавшего отцовскую профессию. О нем известно крайне мало. Основанием для гипотезы стало стилистическое сходство картины из НГХМ с единственным известным сейчас произведением Йорданса Младшего – картиной «Христос-садовник. Noli me tangere» (Музей Пикардии, Амьен), которая имеет подпись и дату (1650). Думается, до обнаружения других достоверных работ Йорданса Младшего, ни подтвердить, ни опровергнуть это смелое предположение невозможно. Если В.А. Садков прав, то открывается перспектива для выявления наследия забытого художника.

Пример противоположного рода демонстрируют результаты изучения картины «Куст репейника» из Саратовского государственного художественного музея им. А.Н. Радищева. Она была не раз опубликована как несомненное произведение Отто Марсеуса ван Схрика, но при подготовке научного каталога западноевропейского собрания музея было установлено, что работа является имитацией конца XVIII – начала XIX в. (исследование проводили эксперт по технологии живописи старых мастеров Т.В. Максимова и сотрудница СГХМ Т.Е. Савицкая). Было замечено, что написание подписи не соответствует нидерландской орфографии, а лабораторные исследования показали несоответствие живописных приемов технологии голландских мастеров XVII в. и наличие более поздних материалов [6, с. 212-213]. Имитации и подражания ван Схрику появились уже во второй половине XVII в., и их отделение от достоверных произведений художника остается центральной проблемой в изучении его наследия, решить которую не всегда удается, опираясь лишь на стилистический анализ.

В течение последних 15 лет увидели свет научные каталоги западноевропейских коллекций ряда региональных музеев. Образцовыми можно назвать каталоги художественных музеев в Саратове (2008) и Кирове (2010). В первом из них опубликованы произведения живописи, рисунка, скульптуры и прикладного искусства, во втором – только живопись [6; 9]. Собрания голландских и фламандских картин в этих музеях различны по количественному и качественному составу, общим же для обоих трудов является то, что все

произведения прошли комплексное лабораторное исследование, осуществленное московскими специалистами под руководством Т.В. Максимовой, и получили исчерпывающий комментарий с точки зрения сюжета и иконографии, стилистических аналогов, места в творчестве автора. В итоге в научный оборот введены произведения многих видных и более скромных художников (равно как и представителей других европейских школ) и впервые получены данные о технике и технологии ряда малоизученных мастеров. Оба каталога стали прекрасными примерами плодотворного сотрудничества эксперта-технолога и искусствоведов, соотнесения результатов стилистического и иконографического анализа с данными физико-химических методов исследования.

Уже к открытию 29 июня 1885 г. в Саратове Радищевского музея благодаря стараниям его основателя А.П. Боголюбова в собрании имелось несколько произведений старой европейской живописи, к которым затем присоединились дары отдельных коллекционеров и поступившее по завещанию в 1916 г. собрание бывшего саратовского губернатора М.Н. Галкина-Враского. Для формирования голландского раздела решающее значение имела передача в 1933 г. из Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина картин Абр. Виллартса, Я. Куленбира, замечательного по художественным качествам полотна М. Стомера «Поклонение пастухов». Из фламандских мастеров следует выделить произведения Л. де Колери, Г. Сегерса, Б.Т. Виллебортса, Г.П. Вербрюггена Младшего. В 1969 г. был издан первый каталог западноевропейского собрания СГХМ им. А.Н. Радищева (составитель Н.И. Оболенская); в 1970-х гг. в изучении коллекции в качестве консультантов приняли участие И.В. Линник, Ю.И. Кузнецов, В.Н. Березина, В.Э. Маркова. В 1988-1989 гг. началась работа Т.В. Максимовой по технико-технологической экспертизе произведений.

В ходе исследования не только были подтверждены аутентичность произведений и сделаны атрибуции, но и выявлен ряд подражаний и подделок XVIII-XIX вв. под произведения таких мастеров, как О. Марсеус ван Схрик, Ф. Вауверман, А. ван дер Нер, К. Дюжарден, К. Кик, Ф. Мушерон, а также представителей фламандской школы.

Коллекция старых мастеров в Вятском художественном музее им. В.М. и А.М. Васнецовых невелика по количеству, но отмечена

высоким художественным уровнем. Большинство произведений было передано в 1920-х гг. из московских музейных учреждений, в чем решающую роль сыграл известный искусствовед Н.Г. Машковцев, а также в 1939 г. – из ГМИИ им. А.С. Пушкина. Впервые собрание было опубликовано в 1964 г., те же атрибуции повторены в каталоге 1985 г. Результатом дальнейшего исследования стал каталог И.А. Любимовой и Т.В. Максимовой, вышедший в свет к юбилею музея в 2010 г. Отличительной особенностью издания является включение в справочный аппарат словаря терминов по технике и технологии живописи и иллюстрирование каждой каталожной статьи рентгеновскими снимками, макрофотографиями произведений, снимками мирошлифов живописных слоев. Вступительная статья Т.В. Максимовой подробно описывает принципы применявшейся при исследовании методики и по сути дает четкие рекомендации музейным работникам, на что необходимо обращать внимание при описании произведений европейской живописи XVI-XVIII вв.

Несомненную научную ценность имеют результаты лабораторного изучения картины «Возвращение с поля на волах» итальяниста Х. Моммерса, работавшего в Харлеме и Амстердаме, и «Бразильского пейзажа» Ф. Поста, очень характерного для этого мастера по композиционно-пространственному решению и происходящего из национализированной в 1920-х гг. коллекции художника О. Браза. Как произведение гаагского живописца И. ван дер Штока был определен «Женский портрет», ранее относимый к фламандской школе. Творчество этого одаренного портретиста, по эстетическим установкам близкого светскому портрету, опирающемуся на традиции А. ван Дейка, изучено весьма слабо. Высококачественными произведениями представлены в вятском музее Я. Фейт, А. де Грейф, Г.П. Вербрюгген Младший.

В формате CD-диска опубликован в 2011 г. каталог голландской живописи Смоленского государственного музея-заповедника [4]. Сравнительно с рассмотренными изданиями он несколько менее информативен: в статьях указывается точка зрения различных исследователей на авторство картин, но не приводятся технико-технологических описаний и историко-искусствоведческих пояснений. Собрание отличается разнообразием, произведения известных мастеров соседствуют с работами менее знаменитых

авторов. Особенно интересной наряду с пейзажами живописцев-итальянцев представляется портретная часть коллекции. Достойными образцами представлено творчество Я. Асселейна, Я. Бота, Н. Берхема, Н. Элиаса Пикеноя, С. Люттихейса, Я. Мейтенса и др. Коллекция сформировалась главным образом в послереволюционное десятилетие и тогда же (1924) появилась первая публикация о ней в местном сборнике. В 1960-1970-х гг. большинство голландских картин Смоленского музея реставрировались в ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря, в 1992-1996 гг. их лабораторным изучением занималась Т.В. Максимова. Если в 1970-х гг. к голландской школе относили около 40 картин, то в настоящее время – 25.

Иной, менее трудоемкий подход к публикации своего западноевропейского собрания избрали сотрудники Краснодарского краевого художественного музея им. Ф.А. Коваленко и в изданном в 2006 г. каталоге ограничились лишь краткой информацией о произведениях [7]. Между тем во фламандском и голландском разделах имеются картины, представляющие интерес не только для атрибуционных изысканий, но и для истории коллекционирования, например, произведения, переданные в Краснодар из Эрмитажа и ранее принадлежавшие П.П. Семенову-Тянь-Шанскому. Из его коллекции происходят «Марина», определенная сотрудницей КХМ А.А. Забгаевой как работа Д. Ватерлоо, церковный интерьер кисти Я. ван Вюхта, «Скалистый пейзаж», предположительно приписываемый Я. ван Рейсдалю, а также картины мастеров конца XVII столетия М. Карре, Б. ван дер Мера, Э. Мюранта. В целом голландское и фламандское собрание КХМ сложилось исключительно благодаря передачам 1920-1930-х гг. из Государственного музейного фонда и центральных музеев, поскольку основатель музея Ф.А. Коваленко предпочитал русскую живопись, а из зарубежной приобретал лишь картины рядовых итальянских художников XIX – начала XX в.

Говоря об изучении голландской живописи в провинциальных музеях, нельзя обойти вниманием такое актуальное сейчас направление, как исследование истории и состава частных коллекций XVIII – начала XX вв., вошедших затем в музейные фонды.

Преобладание произведений голландских мастеров составляло отличительную черту коллекции Б.Н. Чичерина (1828-1904) в его

родовой усадьбе Караул Тамбовской губернии, где этот незаурядный ученый и общественный деятель провел юность и куда вернулся после того, как оставил преподавание в Московском университете. Интерес к голландской школе возник у Чичерина благодаря пребыванию в Нидерландах во время европейской поездки 1864-1865 гг. и перерос в устойчивое увлечение. Среди всех жанров голландской живописи коллекционер отдавал явное предпочтение портрету, и в данной части его собрания есть работы М. Я. ван Миревельта, П. Назона, Н. Маса, К. Нетшера. Пейзажный и бытовой жанр представлены картинами Я. ван Гойена, В. ван де Вельде Младшего (или И. де Вриса [14, с. 60-61]), Ф. Карре, Э. ван Хемскерка. Уникальной особенностью собрания было наличие в нем большого числа первоклассных по художественному уровню голландских рисунков (Я. ван Гойен, А. ван Эвердинген, С. де Влигер, Л. Бакхейзен, Н.П. Берхем, А. ван Остаде).

После революции собрание пережило весьма запутанные перипетии, сохранившиеся произведения находятся в настоящее время преимущественно в Тамбовской областной картинной галерее. Более 20 лет реконструкции коллекции Чичерина посвятила сотрудник галереи Е.И. Саляхова, итогом работы которой стал научный каталог всех известных сейчас художественных работ, происходящих из имения Караул [8].

Собрание князя Д.С. Горчакова в усадьбе Барятино Калужской губернии сформировалось главным образом в 1860-1880-х гг. и не отличалось целенаправленностью в подборе произведений. После революции эти ценности оказались в Тарусском музее, а после его расформирования в 1929 г. переданы в Калужский музей. Значительная часть их была утрачена в период оккупации города фашистами. Отдельные живописные произведения из Барятина находятся в настоящее время в музеях Саратова, Твери, Кирова, в ГМИИ им. А.С. Пушкина и Третьяковской галерее. В 2004 г. сотрудницей Калужского музея изобразительных искусств М.В. Зверевой был издан аннотированный каталог, реконструирующий собрание Горчакова в части живописи и рисунка [15]. Картины голландской и фламандской школ не занимали в барятинском собрании приоритетного места, однако среди них находились такие значительные произведения, как эскиз П.П. Рубенса к композиции «Возвращение из Египта», созданной около 1615 г. и известной в двух

хранящихся в Англии вариантах, и «Фрукты» А. ван Бейерена (оба – в КМИИ).

Чрезвычайно разнообразными были коллекционерские увлечения казанца А.Ф. Лихачева (1832-1890), которого интересовали археология, нумизматика, этнография, изобразительное искусство. Если в подборе произведений русской школы основную роль сыграли собственные вкусы коллекционера, деловые и дружеские контакты с художниками-современниками, то относительно западноевропейского искусства исследователи полагают, что «именно эта часть собрания свидетельствует о системности и «музейности» при формировании коллекции, явно превалирующих над личными вкусами и пристрастиями собирателя» [5, с. 9]. Из хранящихся в Государственном музее изобразительных искусств Республики Татарстан 366 западноевропейских картин около 260 происходит из лихачевского собрания, причем 130 из них является работами голландских и фламандских мастеров. Отдельные произведения публиковались в выставочных каталогах, наиболее же полное издание, посвященное коллекции Лихачева, появилось в 2009 г. (раздел о западноевропейской живописи составлен М.Д. Ивановым) [5]. Здесь репродуцированы работы Д. Винкбоонса, А. Блумарта, И. Люттихейса, Г. Флинка, Н. Кнюпфера (?), многих фламандских живописцев, а также целый ряд безымянных картин, отнесенных к голландской школе XVIII в. и вызывающих в свой адрес массу вопросов. Несомненно, изучение коллекции Лихачева еще далеко от завершения.

Для Нижегородского государственного художественного музея актуальной остается задача изучения коллекции нижегородских дворян Шереметевых, представителей младшей, не титулованной ветви знаменитого рода. Благодаря этому собранию, поступившему после революции из усадьбы Юрино (ныне на территории Республики Марий Эл), фонды музея обогатились живописными произведениями Италии, Фландрии, Голландии, отдельными работами мастеров других европейских стран, многочисленными предметами прикладного искусства [1]. Особенно полно отражен в коллекции жанрово-тематический и стилистический диапазон фламандской и голландской живописи XVII в., представленной произведениями А. де Грейфа, Д. ван Хейля, П. Мейленара, Д. Винкбоонса, Ф. Вoutersa, О. М. ван Схрика, портретом круга М. ван Миревельта, а

также картинами, чье авторство до сих пор не установлено. В конце 2006 – начале 2007 г. западноевропейское искусство из собрания Шереметевых было показано на специально посвященной ему выставке, сопровождавшейся кратким каталогом [12]. Пока с относительной полнотой исследовано лишь несколько картин фламандских и голландских мастеров из шереметевской коллекции [2; 3].

Несомненно, широкие перспективы в изучении и популяризации голландского и фламандского искусства открывают межмузейное сотрудничество и взаимодействие музеев с коллекционерами. Ярким примером тому стала выставка «Образ и смысл», состоявшаяся в 2021 – 2022 г. в Серпуховском историко-художественном музее (автор идеи и куратор В.А. Садков). В экспозицию, построенную по жанрово-тематическому принципу, вошли произведения из музеев Москвы, Краснодара, Нижнего Новгорода, Курска, Рязани, Ульяновска, Казани, частных коллекций [10]. Некоторые из этих картин принадлежат недооцененным мастерам, заслуживающим большего внимания специалистов; другие, напротив, являются произведениями выдающихся живописцев, как пейзажи Соломона и Якоба ван Рейсдалей, Я. ван Гойена, жанровая сцена А. ван Остаде из коллекции семьи Мауергауз. Благодаря тому, что в постсоветское время российским коллекционерам стал доступен западный антикварный рынок, в стране появилось немало произведений фламандского и голландского искусства, которые также требуют научного «освоения».

Исключительная интенсивность художественной жизни Фландрии и Голландии, жанровая, сюжетная, стилистическая дифференциация голландского искусства, его неизменная популярность на европейском антикварном рынке XVIII-XIX вв. породили целый комплекс вопросов от разграничения работ художников и их мастерских до выявления позднейших подделок и подражаний. Как видно даже из сделанного нами краткого обзора, исследование собраний региональных музеев ведет не только к обогащению фактических знаний о творчестве голландских и фламандских мастеров, зачастую изученных пока еще явно недостаточно, но и к совершенствованию самих атрибуционных методик – и сравнительного стилистического анализа, и технико-технологической экспертизы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимов С.С. Библиотека и художественные коллекции нижегородских Шереметевых в истории коллекционирования в российской провинции XVIII-XIX вв. // Краевед Березополья. К 25-летию краеведческого движения в Богородском районе. – Богородск, 2013. – С. 157-175.
2. Акимов С. Картина Отто Марсеуса ван Схрика в собрании Нижегородского художественного музея и актуальные проблемы изучения наследия художника // Мир искусств: Вестник Международного института антиквариата. – 2019. – № 1 (25). – С. 51-56.
3. Акимов С.С. Произведения фламандской и голландской живописи XVII века из собрания Шереметевых в Нижегородском государственном художественном музее // Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Материалы XIX научной конференции. – М., Объединение Магнум Арс, 2015. – С. 152-156.
4. Голландская живопись XVII века. Каталог. / Смоленский государственный музей-заповедник. CD-издание. – Смоленск, 2011.
5. Завещано Казани... Произведения изобразительного искусства из собрания А.Ф. Лихачева. Каталог выставки. [Коллектив авторов]. – СПб., 2009. – 279 с., ил.
6. Зарубежное искусство. Живопись. Рисунок. Скульптура. Шпалеры. / Саратовский государственный художественный музей им. А.Н. Радищева. Каталог собрания. Т. 2. Научн. редакторы Л.П. Красноперова, Л.В. Пашкова. – Саратов, 2008. – 503 с., ил.
7. Искусство Западной Европы. Каталог. Живопись. Графика. Скульптура. Декоративно-прикладное искусство. / Краснодарский краевой художественный музей им. Ф.А. Коваленко. Авторы-сост. А.А. Забгаева, О.В. Загорная. – М., 2006. – 304 с., ил.
8. Коллекция Б.Н. Чичерина. Каталог. Автор вст. ст. и сост. Е.И. Салыхова. – Тамбов, 2011. – 164 с., ил.
9. Любимова И.А., Максимова Т.В. Западноевропейская живопись в собрании Вятского художественного музея имени В.М. и А.М. Васнецовых. – Киров, 2010. – 191 с., ил.
10. Образ и смысл. Голландская живопись XVII века из музеев и частных собраний России. Каталог выставки. / Серпуховский историко-художественный музей. Научн. редактор, сост. и автор вст. ст. В.А. Садков. – М., Лингва-Ф, 2021. – 216 с., ил.
11. Питер Пауэл Рубенс и его время. Живопись и гравюра европейского барокко. Выставка из собрания музея. Каталог. Авт. вст. ст. А. Гамлицкий. Сост. В. Карпов, О. Коптева, А. Гамлицкий. – Ирбит, Ирбитский государственный музей изобразительных искусств, 2013. – 68 с., ил.
12. Произведения западноевропейского искусства из собрания П.В. Шереметева. Из фондов Нижегородского государственного художественного музея. Каталог выставки. Авт. вст. ст. И.Н. Кузнецова, сост. И.Н. Кузнецова, Л.Д. Галущинская. – Н. Новгород, «Деком», 2006. – 56 с., ил.
13. «Русский Йорданс». Картины и рисунки Якоба Йорданса из собраний России. Каталог выставки. ГМИИ им. А.С. Пушкина, 17 сентября – 30 ноября 2019

г. Авторы вст. статей Н.И. Грицай, А.О. Ларионов. Авторы кат. описаний В.А. Садков, Н.И. Грицай, А.О. Ларионов. – М., 2019. – 156 с., ил.

14. Тарасов Ю.А. Голландский пейзаж XVII века. – М., 1983. – 319 с., ил.

15. Художественное собрание князя Дмитрия Сергеевича Горчакова (1828-1907). Картинная галерея и коллекция рисунков. Каталог. Сост. М.В. Зверева. – Калуга, 2004. – 66 с.

КУКОЛЬНИЦА О.С. ПУПКОВА, ХРАНИТЕЛЬ СОРТА ЛУКА «АРЗАМАССКИЙ»

Татьяна Валерьевна Богатова

*МБУК «МЦБС» Арзамасского района «Арзамасская центральная районная детская библиотека», библиотекарь; магистрант кафедры истории, обществознания и права историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ
Нижегородская область, г. Арзамас; e-mail: t.bogatovva@yandex.ru*

В статье дается краткая характеристика истории и особенностей сорта лука «Арзамасский». На примере биографии Пупковой Ольги Семеновны показывается, как складывалась судьба луководов в XX веке, в чьих частных хозяйствах возможно сохраняется утраченный в промышленности сорт.

Ключевые слова: Арзамасский район; Арзамасский лук; луковод; музейфикация

Наши отцы и деды передали нам в наследство великолепную Новощную культуру – лук «Арзамасский», которая является гордостью нашей земли. В Арзамасском уезде широкое развитие луководство получило на выщелочных и оподзоленных черноземах, расположенных на обширном плато, на левом берегу реки Тешы. По всей России в старину арзамасцев прозывали «луковниками» и «луководами». Пожалуй, нигде на Руси не увлекались луком так, как в селе Кичанзино под Арзамасом. Отсюда, пошло гулять по городам и весям название сорта лука-репки «Арзамасский». Крестьяне ухаживали за ним так, как ни за каким другим овощем. Неизвестно время, с которого в Кичанзине стали разводить лук и почему выбрали именно этот овощ; тем не менее, выбор был удачен, что говорит в защиту сметливости и расчетливости русского крестьянина [1, с. 3].

В те времена, при подушном наделе земли, несмотря на строгий контроль за использованием пашни сельской общиной, в Арзамасском крае пахотной земли не хватало. Кичанзинцам за счет выращивания хлеба прожить не удавалось, а лук был в большой цене. Все луковичное производство можно разделить на следующие че-

тыре периода: добывание лукового семени; добывание севка; добывание мелкого лука и добывание сырца. Со временем у крестьян появились и опыт, и мастерство по уходу за ним, и вырастал лук огромный, в полкило одна луковиц. [1, с. 4].

Самым главным было сохранить выращенное богатство зимой. Для хранения лука в каждой избе устроены большие полаты из жердей и подполья – не рытые вглубь, а составляющие середину или род подклети между полом избы и своим дном, устроенным на поверхности земли, с большим окном, которое, по мере необходимости открывается, чтобы лук не подвергся гниению. Чтобы лук хорошо просох, печь топили обязательно сухими березовыми дровами. От сырых дров лук мог сильно потерять в весе. При таком обилии лука в избах крестьян постоянно стояла банная духота. Стены, срубленные из еловых бревен, выдерживали не более двух десятков лет. Углы прогнивали, а кичанзинцы латали их, вмазывая кирпичи. Так потом и стояли избы с кирпичными заплатами. Сами же хозяева сохраняли отменное здоровье. По всей видимости, их выручали летучие выделения лука – фитонциды [1, с. 7-8].

Молва разнесла далеко славу «Арзамасского» лука. «Луковники» возили свой товар, кроме Нижегородской губернии, и в соседние губернии Пензенскую, Тамбовскую и Владимирскую [1, с. 10]. В Пензенской губернии вскоре появились последователи арзамасцев. Луковой столицей стало село Бессоновка. Бессоновцы учили печальный опыт заштопанных кирпичом изб кичанзинцев и применили иную архитектуру. Стали строить для лука специальные избы – в три этажа. Часто зимою, заложив мешки с луком в сено, на дровнях везли кичанзинцы лук менять на яблоки в Лысково и Васильсурск.

Незадолго до первой мировой войны луковую культуру в товарных целях стали выращивать в селах Выездное, Красное, Водоватово. А после Октябрьской революции 1917 г. – и во многих других селах Арзамасского района.

В 1929 г. крестьяне объединились в колхозы, площади под луком резко увеличились, изменилась технология его производства, но при грядковой, ручной агротехнике урожаи были невысокие – 70 центнеров с гектара. Только в 1933 г. в с. Красное бригада луковода М.Г. Макаровой на небольшой площади получила урожаем 211,6 центнера с гектара, за что Марию Григорьевну удостоили чести

быть делегатом первого Всесоюзного съезда колхозников-ударников в 1934 г. В эти годы под лук было занято 1200 гектаров пахотной земли. В эти годы в селе Красное возникло движение луководов-двухсотниц. Среди них были М. Г. Макарова, В.Д. Тукова, Е.А. Киселева и В.В. Пижин.

До начала XXI в. в Арзамасском районе в коллективных хозяйствах и на индивидуальных подворьях заготавливали 30% лука от общего объема по стране. Причем лучшими вкусовыми качествами из 400 сортов репчатого лука до сих пор считается «арзамасский».

Пролетело более трех столетий, а сорт лука «Арзамасский» не потерял своей славы.

Луковицы Арзамасского лука плотные, острого вкуса, со средним весом около 70 г. Однако признаки его сильно изменяются в зависимости от погодных условий и вегетативного периода. По содержанию сухих веществ и сахара в луковицах сорт занимает одно из первых мест среди других сортов репчатого лука. За высокую урожайность, хорошие товарные качества сорт получил широкое распространение в нашей стране. Он неоднократно экспонировался на ВДНХ, а в 1961 г. на Международной выставке в г. Эрфурт (Германия) был удостоен Золотой медали.

Арзамасский район обладает большими площадями земельных ресурсов, используемых в сельском хозяйстве. Под сельскохозяйственными угодьями занято 108238 га (1996 г.) в том числе 81442 га – под пашней, 4145 га – под сенокосами и 22651 га – под пастбищами. Продукция сельского хозяйства идет на удовлетворение потребностей населения и в пищевую промышленность как внутри района, так и за его пределами.

В XXI в. площади под лук резко сократились. Многие хозяйства перестали его выращивать. Всего в районе в 2000 г. под товарным луком было 120 га, собрано 12 тыс. тонн, т.е. производство снизилось в 40-48 раз. Ученые-луководы призывают спасти один из лучших сортов лука-репки «Арзамасский», чтобы не стыдно было перед потомками за потерю отрасли, составлявшей гордость арзамасцев.

От матери к дочери, от бабушки – внучке передавали наши предки лучшие луковицы, отобранные на семена и секреты ухода за луком. Растили лук женские руки – мужчины часто уходили в город

на промысел. Сегодня лук сорта «Арзамасский» сохранился в частных хозяйствах, как и прежде. Сохранился он и в семье Ольги Семеновны Пупковой. Детство и юность Ольги Семеновны прошли в селе Кичанзино, а зрелые годы в рабочем поселке Выездное. Так какие же они сегодня, крестьяне – кичанзинцы, чьими руками возделывался и сохранялся знаменитый на всю Россию лучший сорт лука?

Активная, беспокойная, с пытливыми глазами бабушка известна многим, кто хоть раз посещал выставки декоративно-прикладного искусства или общерайонные культурно-массовые мероприятия, где Ольга Семеновна демонстрировала кукол, сделанных своими руками. Ею сшита не одна тысяча неповторимых, веселых, улыбающихся кукол, которые нашли свое место в детских садах, школах и реабилитационных центрах. Персональные выставки кукол Ольги Семеновны проходили в разные годы в музейно-выставочном центре и центре ремесел Арзамасского района, в музее русского Патриаршества г. Арзамас, в доме культуры р.п. Выездное. Творения рук Ольги Семеновны становятся украшением любой выставки народных умельцев. Посетители с большим интересом рассматривают работы, а дети с удовольствием принимают участие в мастер-классах по изготовлению кукол, лаптей и гармошек из бумаги, рождественских ангелов или новогодних игрушек. Родители детей, в руки которых попали сотворенные Ольгой Семеновной игрушки, замечают, что больные дети быстрее выздоравливают, а доброта, как известно, лечит лучше любых лекарств. Сама же Ольга Семеновна, дожившая до 91 года, открыла тайну своего долголетия. «Просто я всю жизнь играю в куклы», – улыбаясь, говорила она.

Несмотря на свой почтенный возраст, Ольга Семеновна постоянно подавала массу информационных поводов для публикаций журналистам не только местных, но и региональных и российских средств массовой информации. Известная в районе мастерица-кукольница, хранительница фольклора, собирательница предметов старины и дарительница районного музейно-выставочного центра, активистка Выездновской ветеранской организации ни минуты не сидела без дела. Ее активной жизненной позиции, жажде творчества и неиссякаемому желанию находиться в эпицентре самых значимых общественных событий могут позавидовать молодые арзамасцы. А в 2013 г. Ольга Семеновна стала главной героиней документального

публицистического фильма из цикла «Письма из провинции», посвященного истории и самобытным личностям Арзамасского края, демонстрировавшегося на федеральном канале «Культура».

«И что нынче люди Бога гnevят, жалуются на жизнь», – удивлялась Ольга Семеновна, – «хлебушко есть у всех, спят все на чистом». Она вспоминала, как в детстве ни обувь, ни надеть было нечего. Гулять поэтому с сестрами, братьями ходили по очереди, а спали на соломе со вшами да блохами. Не мылись – мыла не было. Соль собирали с путей вперемшку с грязью. Ели гнилой картофель. «Вот если бы кто из нынешней молодежи хлебнул хоть граммулечку такой жизни, сегодняшняя сразу бы раем показалась».

Родилась Ольга Семеновна 7 июня 1928 г. Когда началась война, Оле было 13 лет. В 1942 г. отца забрали на фронт, в том же году он погиб, сражаясь за Родину. В семье родилось 13 детей, в живых осталось пятеро: Дуся, Ольга, Витя, Павел и Семен. Тогда на годы никто не смотрел: не хватало в колхозах мужских рук, а потому вся тяжесть сельских трудовых будней легла на хрупкие плечи женщин и детей. Ольга Семеновна не стала исключением – вместе со своими сверстниками она работала в колхозе в селе Кичанзино: убирала картофель, турнепс, свеклу, собирали колоски. Работа шла за трудовни, которые засчитывались матери Ольги.

После войны вышла замуж, работала в магазине, имеет благодарственные письма, юбилейные медали. Муж Ольги Семеновны воевал на фронте Великой Отечественной войны. Владимир Александрович Пупков ушел на фронт добровольцем в 1943 г. в 17 лет, тайно прибавив себе в документах год. Воевал на одном из Украинских фронтов в войсках связи, протягивал линии связи через Днепр. Дошел с Красной Армией до Берлина и в 1945 г. расписался на Рейхстаге. После Великой Победы был направлен командованием в Западную Украину, где боролся с бандеровцами до демобилизации в 1952 г. В один день с ним демобилизовался земляк Витя – брат Ольги Семеновны. Выездовца Володю Витя пригласил погостить к себе в Кичанзино. Там встретили и полюбили друг друга Владимир и Ольга, вскоре было решено сыграть свадьбу. Жить решили на родине супруга, в Выездном. В семье родилось трое детей. Отец про войну детям рассказывать не любил: только начнет говорить, вспомнит, как шли через Белоруссию – и слезы душат. Говорил

только, что не надо им этого знать, слишком тяжело, больно. Вот они и не спрашивали.

Ольга Семеновна унывать не любила. Говорила, что уныние – грех перед Богом самый лютый. Если жив, здоров – это и есть счастье. Но однажды и с ней приключилось несчастье: отказали ноги. В то время работала она в Арзамасском медучилище. Спасла Ольгу Семеновну от смерти врач Александра Сергеевна Ретузина. Никаких таблеток организм Ольги Семеновны не переносил. Сразу начиналась страшная аллергическая реакция. Врач сумела подобрать ей такое лечение травами и лекарственными средствами, что поставила на ноги. Между прочим, прописала и рукоделием заниматься. По мудрому совету врача стала Ольга Семеновна шить кукол. С тех пор болезнь отступила. Куклы у мастерицы выходили веселые, улыбающиеся, как живые. Дарила их Ольга Семеновна в районные организации: и в детский сад, и в музей, и в детский дом.

Свою первую поделку на елку она изготовила восьмилетней девочкой. Тогда в далеком 1934 г. это была незамысловатая игрушка, украсившая зеленую новогоднюю красавицу и сделавшая немного счастливой жизнь девочки.

Комнаты дома Ольги Семеновны можно было сравнить с залами музея новогодней игрушки. Своими поделками бабушка Оля любила украшать елку, рядами по всем комнатам располагала игрушки – создавала атмосферу новогодней сказки.

На девятом десятке жизненного пути Ольга Семеновна ощущала себя счастливым человеком. Постоянно с нетерпением ждала Нового года, чтобы окунуться в атмосферу праздника – порадовать себя, своих внуков, соседских ребятишек, да и всех, кто заходил в ее гостеприимный дом. По сложившейся традиции новогодний праздник продолжался в доме бабы Оли до конца зимы, и яркие гирлянды и самодельные игрушки радовал взор каждого, заглянувшего к ней на огонек. Весной новогодние игрушки бережно убирались в коробки, а комната становилась настоящим кукольным царством: куклы в ярких самодельных зыбках, подвешенных к потолку, куклы барыни, держащие на руках кукольных младенцев, куклы – барышни в нарядных чепцах, мужички с гармошками и даже Емеля на печке заполняли почти все пространство деревенского дома.

Коллекция игрушек у Ольги Семеновны пополнялась постоянно. Создавались новые игрушки ежедневно, ее фантазия не знала

границ, воплощаясь в новые шедевры. Вдохновение для новых игрушек черпалось из самой жизни. Так в преддверии года Змеи пополнилась коллекция игрушек новым экземпляром – длинной змеей. Вошел в коллекцию и необыкновенный белый змей с двумя головами. Ольга Семеновна уверяла, что своими глазами видела именно такого в террариуме на экскурсии по городу Гродно в Беларуси. В гости пришли иностранные студенты Арзамасского филиала ННГУ – в коллекции бабы Оли появились куклы-афроамериканки в национальных костюмах с барабанами в руках.

24 ноября 2019 г. ее не стало. В музейно-выставочном центре Арзамасского района хранятся куклы, сшитые Ольгой Семеновной, и предметы крестьянского быта, переданные ею на постоянное хранение в музей. Недаром и большинство предметов находится в зале, называемом «Луковой избой», посвященном истории сорта лука «Арзамасский» и луководам, чьими заботливыми руками он выращивался. Всю жизнь растила «Арзамасский» лук и Ольга Семеновна. Дочь Тамара Владимировна вспоминает, что мама ездила за стрелками на чернушку в Семеново, где тогда были поля «Арзамасского» лука. По традиции, от матери к дочери, перешли семена в хозяйство Тамары Владимировны вместе с секретами ухода за луком. Сегодня в ее частном хозяйстве продолжает выращиваться лук удлиненной формы с характерным острым вкусом. По утверждению старожилов, именно такой лук и называется «Арзамасским».

ЛИТЕРАТУРА

1. Сахаров Л. И. Село Кичанзино в хозяйственном отношении. – Выездное, 2008. – 20 с.
2. Николаева Л. Кукольных дел мастерица // Арзамасская правда. – 2001. – 30 июня. – С. 5
3. Пушкарева М. Подарки бабушки Оли // Арзамасские новости. – 2000. – 9 декабря. – С. 1, 6.
4. Неумомимая, жизнерадостная, неунывающая...// Арзамасские ведомости. – 2010. – 29 января (№8). – С. 2.
5. Маринина Л. Мир добрых кукол.// Арзамасская правда. – 2006. – 24 января. – С.3.
6. Колосунина О.В. В гостях у сказки // Арзамасские ведомости. – 2008. – 26 сентября. С. 18.
7. И проснулся в бабушке талант...// Арзамасские ведомости. – 2008. – 1 августа. – С. 2.
8. Данилов Д. Секрет долголетия бабы Оли // – 15 июня (№ 42). – С. 12.
9. Данилов Д. Ее года – ее богатство, а труд – от старости лекарство. // Арзамасская правда. – 2013. – 7 июня (№ 66). – С. 10.

10. Головкин А. Хозяйка волшебной сказки. // Арзамасская правда. – 2012. – 28 декабря. – (№150). – С. 10.
11. Матвеев А. Арзамасский лук /А. Матвеев // Арзамасские новости. – 2001. – 10 февр. – С. 3.
12. Матвеев А. Где былая слава «Арзамасского»? / А. Матвеев // Арзамасские ведомости. – 2004. – С. 2.
13. На таких земля держится // Арзамасская правда. – 2000. – 15 янв. – С. 1.

**КУТУЗОВСКИЙ СКИТ
СЕРАФИМО-ДИВЕЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ:
О ТУРИСТИЧЕСКОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ
МАЛОИЗВЕСТНОЙ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ ЮГА
НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ**

*Мария Александровна Исаева¹,
Леонид Михайлович Яксяргин²*

¹МБУК «Межпоселенческая централизованная библиотечная система» Арзамасского района Нижегородской области, Арзамасская центральная районная детская библиотека, библиотекарь абонемента среднего и старшего школьного возраста, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: libsa@bk.ru

²МБУК «Межпоселенческая централизованная библиотечная система» Арзамасского района Нижегородской области, Арзамасская центральная районная библиотека им. И.Н. Сахарова, к. филос.н., заведующий организационно-методическим отделом, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: libsa@bk.ru

Кутузовский скит Серафимо-Дивеевского монастыря – один из самых достопримечательных объектов паломнического и краеведческого туризма юга Нижегородской области, посещается туристами за сотни и тысячи километров, но при этом малоизвестен даже у нижегородцев, интересующихся историей и культурой родного края. Задача представленной статьи открыть еще одно достойное внимания место паломнического и краеведческого туризма, которое могло бы стать одним из символов юга области наряду с достопримечательностями Арзамаса, Дивеева и Большого Болдина.

Ключевые слова: краеведческий туризм; Нижегородская область; паломничество; Кутузовский скит

Туризм – одна из самых привлекательных сфер развития экономики любого региона. Города и целые местности с развитым туризмом имеют ряд прямых и косвенных преимуществ на фоне местностей, не обладающих туристической привлекательностью. Хотя бы потому, что туризм может стать успешным каналом привлечения средств в регион извне. И в отличие, например, от промышленности или добычи природных ресурсов, туризм не предусматривает сильную нагрузку на экологию региона. Еще существу-

ет обоюдная взаимосвязь развития туризма и инфраструктуры. А кроме этого в настоящее время осознанно, что налаженный туризм с условием удачно найденного и разработанного туристического брендинга территории способен косвенно, но ощутимо положительно влиять на другие сферы, напрямую с туризмом не связанные. Поэтому каждый город, регион стремится максимально использовать возможности повышения туристической привлекательности: развитием соответствующей инфраструктуры, брендингом, разработкой новых маршрутов, поиском и созданием достопримечательностей.

Но бывают редкие случаи, когда на территории региона существует туристически привлекательный объект, даже генерирующий свой небольшой, но стабильный трафик, но при этом не существующий для общей концепции туристической привлекательности региона. В представленной работе речь пойдет об одном из таких объектов Нижегородской области – Кутузовском ските Серафимо-Дивеевского монастыря.

Главные объекты, формирующие туристический трафик на юге Нижегородской области – Дивеево, Арзамас, Большое Болдино. Ощутимая его часть – паломники, в том числе из других регионов. Также Нижегородская область, включая юг, попадает в неорганизованный тур выходного дня для жителей Москвы и Московской области. Свою нишу занимают такие объекты, как Пустыньские озера или Ичалковский бор. Далее идут уже достопримечательные места «по пути», либо представляющие интерес в качестве самоцели для краеведческого туризма.

Кутузовский скит Серафимо-Дивеевского монастыря – одна из самых интересных достопримечательностей Нижегородской области, вписывающаяся в общую туристическую концепцию региона (паломнический туризм), но при этом малоизвестна даже на уровне туризма краеведческого, хотя мог бы стать частью узнаваемого образа, с которым ассоциировался бы юг Нижегородской области и у нижегородцев, и гостей нашего региона.

И хотя это – всего лишь скит Серафимо-Дивеевского женского монастыря, он больше напоминает монастырский ансамбль со множеством построек и яркой архитектурной доминантой - храмом Нерукотворного Образа Спасителя, с благоустроенной площадью-садом, состоящей из нескольких зон, как уютный центр небольшого

городка. Газоны заботливо украшены клумбами и скульптурами ангелочков. Много интересных деталей. Достопримечательные места, овеянные преданием и историей, есть и в ближайшей округе. Но с одной особенностью: ближайшая дорога с твердым покрытием находится в 10 километрах. Хотя это играет, скорее, на туристическую привлекательность обители: благоустроенный архитектурный ансамбль с храмом, который мог бы стать символом и визитной карточкой целого города, посреди глухого леса.

Находится на территории городского округа Кулебаки в 10 км к югу от села Ломовка, расположенного на дороге Арзамас – Муром в 80 км от Арзамаса. Именно от этого села к почти исчезнувшей деревне Кутузовка ведет лесная дорога протяженностью порядка 11-12 км.

В какой-то момент, когда начнет казаться, что петляющая лесная дорога уж слишком затянулась, и, может быть, никакой Кутузовки не существует, неожиданно вдалеке и прямо на пути покажется силуэт большого белоснежного храма. Лес расступится, появится первый из нескольких заброшенных дворов Кутузовки, белоснежная каменная ограда с угловой башенкой, воротами и дверью. Это и есть Кутузовский скит. Удивительно увидеть монастырскую ограду с большим собором, словно из ниоткуда появившиеся посреди леса. Но еще больше удивит то, что находится за дверью.

Даже не умиротворяющая, а, скорее, нереальная, помноженная на вопрос, как, живя рядом, можно было не знать о существовании этого места, куда приезжают паломники за сотни и тысячи километров. Это ощущение нереальности не покидает спустя время после знакомства с этим местом.

В Лицевом летописном своде XVI в. весь лесной массив за Окой к востоку от Мурома называется Саконским лесом. «Поеде за Оку-реку на Саконский лес», - пишет автор летописи, рассказывая о третьем казанском походе Ивана Грозного [7, с. 217].

В XVI в. деревня называлась Кутузово, начинает упоминаться в источниках с 1593 г. Одним из первых ее помещиков был Кутузов Мордвин (Мордан) Семенов, что и объясняет название [12, с. 94-96, 444, 610-611; 8, с. 166]. Позже деревня Кутузово стала государственной [6].

Кутузовская Богородицкая община была основана в 1864 г. монахиней Неониллой Борисовной Захаровой (1813-1875) и ее ду-

ховной сестрой Агриппиной, в монастыре – Надеждой и Афанасией. Согласно преданию, преподобный Серафим Саровский о рождении Неониллы сказал преподобный Серафим Саровский, посетив село Давыдово в 1813 г.: «Родилась назад тому три дня в Давыдове девочка. Имя ей Ниленька. Людям она будет на посмеяние, Царице Небесной — на прославление». Вернувшись в Давыдово спустя пять лет, Серафим Саровский научил девочку читать молитву «Богородице Дево, радуйся», благословил и предсказал: «Это дитя до двадцати лет будет глупо, а с двадцати станет совершенно разумно, так угодно Царице Небесной... Через отроковицу сию просветится не только здешнее место, но и еще одно в Ардатовском уезде» [6; 9; 10].

В 19 лет Неонилла основала небольшую общину сестер – Дальне-Давыдовскую пустынь, но позже Неонилла и Агриппина вынуждены были покинуть обитель и перебраться в Ардатовский уезд, сначала в Гремячево, а затем и в Кутузовку, где князь Дмитрий Федорович Звенигородский пожертвовал им около трех десятин земли [6; 9; 10].

С Кутузовским скитом связано имя старца Иоанна – Иоанна Терентьевича Яшина (1835-1893), уроженца села Тёплого, поселившегося в лесу недалеко от скита для несения подвига пустынножительства, к которому за духовным советом стали приходиться верующие. В лесу старец Иоанн вырыл небольшой существующий и сейчас пруд. Считается, что пруд Иоанна обладает целебными свойствами [2; 6].

Недалеко от пруда есть большой валун. Согласно преданию, преподобный Серафим Саровский, будучи еще послушником Прохором, проходил через этот лес и оставил небольшой камень, предсказав, что это место будет свято. В последующие годы камень стал расти, превратился в валун, источая исцеления с верою приходящим [6].

Вторая половина 1870-х гг. – начало расцвета обители. В это время общиной управляла монахиня Магдалина. Ее главной заботой стало осуществление давней мечты – строительство большого каменного храма в Кутузовке на том самом месте, где Неонилле, основательнице общины, явилась Богородица. В 1877 г. место будущего собора было освящено, здесь был поставлен крест. Но строительство началось лишь 1886 г. и продолжалось 19 лет. Храм стро-

ились на пожертвования, которые собирались сестрами, расхोдившимися для сбора на сотни вёрст. В 1905 г. храм был освящен архиепископом Нижегородским Назарием в честь Нерукотворного Образа Спасителя [6].

Храм очень большой. Меньше Воскресенского собора в Арзамасе, но вполне с ним соразмерный. А из-за того, что огромный храм находится в глухом лесу, пусть и в окружении более десятка других зданий и построек, он кажется каким-то нереальным. Внушительные размеры ощущаются и в объемах внутреннего пространства собора. А отсутствие фресок и белоснежные стены только усиливают этот эффект.

Сам храм - четырёхстолпный, квадратный в плане, с тремя большими апсидами, увенчан луковичным пятиглавием. Купола, немного сжатые по вертикали, как у разрушенного Спасо-Преображенского кафедрального собора Нижегородского кремля, синие, центральный купол - с золотыми звездами. Храмы с такими куполами чаще всего (но не всегда) посвящали Богородице. Синий цвет символизирует непорочность и чистоту Девы Марии, а звезды отсылают к Вифлеемской звезде [14].

Каждый из фасадов оформлен тремя закомарами, украшенными, как окна нижнего яруса и барабанов, килевидными арками. Архитектор явно хотел подчеркнуть культурную связь с некоторыми храмами Суздаля, Московского кремля и храмом Христа Спасителя. Всё это определяет архитектурно-стилевую принадлежность собора: перед нами – образец эклектики и русско-византийского стиля XIX века.

Интересно, кто был архитектором? Например, автор проекта Троицкого собора в Серафимо-Дивеевском монастыре, тоже образца эклектики и русско-византийского стиля, построенного в 1848-1875 гг., - Александр Иванович Резанов (1817-1887), академик архитектуры, профессор и ректор по архитектуре Императорской Академии художеств, первый председатель Петербургского общества архитекторов. И ученик Константина Андреевича Тона (1794-1881), основоположника русско-византийского стиля, автора проекта храма Христа Спасителя в Москве, который достраивал уже А.И. Резанов. В творческой биографии «Памяти Александра Ивановича Резанова» 1888 года указывается на то, что «к сожалению, масса проектов Александра Ивановича остались неосуществленными,

многие из них даже не сохранились, или находятся в разных архивах и в руках частных лиц» [4, с. 35].

В XIX в. в России было построено несколько храмов такого типа. Дело в том, что в 1838 г. был издан альбом «Церкви, сочиненные архитектором Константином Тоном» [13], в котором приводились фактически официально рекомендованные проекты православных храмов разных типов [11]. Среди предложенных образцов – несохранившийся Введенский собор лейб-гвардии Семёновского полка в Санкт-Петербурге (1836-1842) [13]. И поэтому было построено несколько соборов такого типа по всей стране от Ростова до Томска. Автор некоторых из них – сам Константин Тон, среди них – церковь Великомученицы Екатерины в Екатерингофе (1831-1837), собор Святых Петра и Павла (Петропаловская церковь) в Петергофе (1836-1839), Екатерининский собор в Царском Селе (1835-1840), Троицкий собор в Томске (1845-1851), Владимирский собор Задонского Рождество-Богородицкого монастыря (1845-1853), Троицкая церковь в Яранске (1845-1857), собор Рождества Пресвятой Богородицы в Ростове-на-Дону (1854-1860), Боголюбровский собор в Мичуринске (1848-1873), Вознесенский собор в Ельце (1845-1889).

Кто бы ни был автором проекта главного собора Кутузовского скита, в его облике отчетливо ощущается архитектурная школа К.А. Тона или его учеников, среди которых был и автор Троицкого собора Серафимо-Дивеевского монастыря А.И. Резанов. К слову, и сам К.А. Тон – автор проектов по меньшей мере шести храмов на территории современной Нижегородской области. Самые известные – это Вознесенская церковь на Ильинке в Нижнем Новгороде и церковь Рождества Христова в Арзамасе [5].

И это замечательно, что в Нижегородской области неожиданно «нашелся» (да, мы по-прежнему удивляемся малоизвестности Кутузовского скита) столь удачный и характерный образец русско-византийского стиля русской эклектики XIX в. Причем собор Кутузовской обители – более типичный пример этой школы, чем построенный А.И. Резановым, учеником К.А. Тона, Троицкий собор Серфимо-Дивеевского монастыря. Оказывается, и эта страница в истории архитектуры представлена в нашем регионе. Да еще таким храмом.

В 1902 г. Кутузовская община была преобразована в женский монастырь. В 1907 г. в Кутузовский монастырь насчитывал уже более трехсот послушниц [6].

В 1930 г. Кутузовский монастырь был закрыт [6].

В 1992 г. территория бывшего монастыря передана Серафимо-Дивеевскому монастырю, и в 1993 г. началось восстановление и возрождение обители в качестве скита, куда в марте того же года прибыли первые пять сестер. В 1994 г. началось восстановление храма Нерукотворного Образа Спасителя, наружная отделка завершена в 1997-м. В 2006 г. архиепископом Нижегородским и Арзамаским Георгием в присутствии духовенства Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря был освящен главный престол собора в честь Спаса Нерукотворного, а через год – правый придел в честь Богоотцев Иоакима и Анны [6].

Примечательно, что собор Нерукотворного Образа Спасителя, будучи главным храмом и архитектурной доминантой обители, не находится в ее центре и не «выстраивает» вокруг себя другие здания и постройки, он расположен чуть в стороне.

И это - не единственный храм Кутузовского скита. В трапезном корпусе есть домовая церковь в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали», второй придел освящен в честь иконы Божией Матери «Скоропослушница».

Вокруг «главной площади» и в центральной части скита помимо трапезного корпуса находятся гостиница с гостевой трапезной, свечная, архиерейский дом с небольшим эркером. В центре площади – водопроводная башня, по архитектурному облику ее можно принять за высокую часовню или колокольню. Одно из самых интересных зданий – большой деревянный дом с мезонином и большим эркером-террасой. Это – сестринская и библиотека. Рядом находится еще один, но уже современный жилой корпус.

Непременный пункт программы посещения Кутузовского скита – прогулка к пруду Иоанна и камню Серафима Саровского, которые находятся в 2-3 километрах живописного пути от обители.

От главных ворот скита на север уходит лесная дорога. На обратном пути она «смотрит» на храм Нерукотворного Образа Спаса перпендикулярно монастырской стене. Минуя пару дворики, оставшихся от Кутузовки, дорога идет вдоль старого деревенского кладбища у опушки леса, спустя полсотни метров минует колодец

на развилке лесных дорог. Ориентироваться можно по табличкам-стрелкам «Камень» и «Святой камушек». Эти же таблички выведут и обратно к скиту.

Дорога петляет, становится разной: сначала - это просто хорошо проезжая лесная дорога, где-то – небольшая просека среди сосен, в каких-то местах будет напоминать тропу в чаще смешанного леса с кустарниками, в одном месте – пересекает небольшую поляну, а где-то и вовсе петляет по доскам через подтопляемые весной или в ливни низину.

В какой-то момент тропа спустится к небольшому заросшему пруду с мостками. Рядом – небольшая деревянная купель, скульптура медведя и парковая скамейка. Это – пруд старца Иоанна. Тропинка будет его огибать.

Пруд небольшой, но очень живописный со всех сторон. Художники-романтики здесь смогли бы найти источник вдохновения (романтики – не по характеру, а представители романтизма в живописи первой половины XIX в.). А еще – иллюстраторы русских волшебных сказок. И кинорежиссеры. Вся дорога от скита до камешка очень киногоенична. В конечном итоге она превратится в петляющую среди чащи тропу-настил из досок и выведет к камню Серафима Саровского.

Большой валун находится в небольшом углублении, которое весной наполняется водой так, что камешек Серафима становится островком небольшого водоема. Рядом – снова парковая скамейка. И снова атмосфера волшебной сказки, живописной картины или художественного фильма.

Так уж сложилось, что с 1990-х гг. и до наших дней Кутузовский скит активно посещается паломниками из городов Донбасса. Не на уровне эпизодических посещений, а именно как одно из постоянных мест посещения по пути в Дивеево, и как самоцель паломнического путешествия. Однако Кутузовский скит неизвестен не только у паломников Нижегородской области и соседних регионов, но и у жителей юга области, в том числе интересующихся историей и культурой родного края. При этом Кутузовский скит своей необычностью (большой монастырь с большим храмом в глухом лесу и святынями в живописной округе) - интересная цель как для паломнического, так и для краеведческого туризма. Образ самой обители удачно визуализируется храмом Нерукотворного Образа

Спасителя, который мог бы стать одним из визуальных и ассоциативных символов юга Нижегородской области, наряду с Воскресенским собором и другими храмами и монастырями Арзамаса, Серафимо-Дивеевским монастырем, Музеем-заповедником А.С. Пушкино «Болдино».

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмиралтейский район. Собор Введения во Храм Пресвятой Богородицы при лейб-гвардии Семёновском полку // Соборы.ру. Народный каталог православной архитектуры // Режим доступа: <https://sobory.ru/article/?object=34546>. (Дата обращения: 17.09.2022).

2. Басова Е.К. Иоанн Терентьевич Яшин, скончавшийся при Кутузовской женской обители Ардатовского уезда Нижегородской губернии // Проза.ру // Режим доступа: <https://proza.ru/2007/10/19/53>. (Дата обращения: 17.09.2022).

3. Борисова Е.А. Русская архитектура второй половины XIX века. – М.: Наука, 1979. – 318 с.

4. Китнер И.С. Памяти Александра Ивановича Резанова // Зодчий – 1888. – № 5-6. – С. 33-35.

5. Константин Андреевич Тон // Соборы.ру. Народный каталог православной архитектуры // Режим доступа: <https://sobory.ru/architect/katon>. (Дата обращения: 17.09.2022).

6. Кутузовский скит // Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь. Официальный сайт монастыря. // Режим доступа: <https://diveevomonastyr.ru/monasteries/kutuzovskij-skit/>. (Дата обращения: 17.09.2022).

7. Лицевой летописный свод Царя Ивана Грозного. Книга 21. – М.: Благотворительный фонд содействия развитию культуры «Общество любителей древней письменности», 2022. – 578 с.

8. Нижегородская ученая архивная комиссия. Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии : Сборник статей, сообщений, описей дел и документов : Т. [1]-18 / Нижегородская ученая архивная комиссия. - Нижний Новгород, 1888-1916. – 44 т. – Т. 15. Вып. 8: Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов. Вып. 4. Писцовая книга Арзамасского уезда (1621-23 гг.): Ч. 1-ая. Станы Тешский, Ичаловский, Иржимский и Подлесный / Под ред. А. К. Кабанова. – 1915. – 324 с.

9. Основательница Дальне-Давыдовского женского монастыря монахиня Надежда (Неонилла) Захарова // Монастырский вестник. // Режим доступа: <https://monasterium.ru/monastyrji/svyatie/osnovatelnitsa-dalne-davydovskogo-zhenskogo-monastyrja-monakhinya-nadezhda-neonilla-zakharova/>. (Дата обращения: 17.09.2022).

10. Первоначальницы Дальне-Давыдовского и Кутузовского монастырей Неонилла и Агриппина, а также схимонахиня Антония // Выксунская епархия. Нижегородская митрополия // Режим доступа: https://vyksaeparhia.ru/sol_zemli/podvizhniki_blagochestiya/pervonachal_nicy_dalnedavydovskogo_i_kutuzovskogo_monastyrej_neonilla_i_agrippina_a_takzhe_shimonahinya_antoniya/. (Дата обращения: 17.09.2022).

11. Преемственность архитектурных традиций // Режим доступа: <https://diveevo-monastery.ru/articles/preemstvennost-arhitekturnyh-tradicij/>. (Дата обращения: 17.09.2022).

12. Смутное время Московского государства. 1604-1613 гг.: Материалы, изд. Имп. О-вом истории и древностей рос. при Моск. ун-те. – М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1910-1918. – Вып. 4: Арзамасские помещенные акты (1578-1618 гг.) / Собр. и ред. С. Б. Веселовский. – 1915. – 738 с.

13. Тон К.А. Церкви, сочинённые архитектором Его Императорского Величества, профессором архитектуры Императорской академии художеств и членом разных иностранных академий Константином Тоном / К.А. Тон. – СПб., 1838. – Без нумерации страниц // Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1190554/. (Дата обращения: 17.09.2022).

14. Утёмова Л. Что означают купола православных церквей // Режим доступа: <https://www.culture.ru/materials/253774/chto-oznachayut-kupola-pravoslavnykh-cerkvei>. (Дата обращения: 17.09.2022).

ОСОБЕННОСТИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ И СОДЕРЖАНИЕ ФОНДА УЧИЛИЩНЫХ БИБЛИОТЕК АРЗАМАССКОГО УЕЗДА

*Алексей Александрович Исаков¹,
Любовь Владимировна Исакова²*

¹Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, к. филос. н., доцент кафедры истории, обществознания и права историко-филологического факультета Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: blauer-reiter@yandex.ru

²Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, к. и. н., старший преподаватель кафедры истории, обществознания и права историко-филологического факультета, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: gorkova.l.v@yandex.ru

Несмотря на обилие публикаций по заявленной тематике, отсутствуют специальные научные работы, посвященные исследованию вопросов создания и деятельности училищных библиотек, в том числе специфике комплектования и содержания их фонда. Основным источником для изучения данного вопроса является «Журнал заседаний Арзамасского уездного училищного совета за 1875–1886 гг.». Территориальные рамки исследования охватывают собой географический район Арзамасского уезда Нижегородской губернии в период с 1874 г., времени введения в действие нового Положения о начальных народных училищах, имеющего принципиально важное значение для изучения указанной темы и ограничивается 1880 г. Хронологические рамки исследования определяются исходя из даты начала ведения названного журнала (1875 г.) и продолжаются до 1880 г. Журнал заседаний Арзамасского уездного училищного совета позволяет выявить основные источники формирования и периодичность пополнения библиотечного фонда училищных библиотек. Содержание фонда можно проследить на основе заказываемых Уездным учи-

лицным советом печатных изданий. Они позволяют судить об общей направленности процессов обучения и воспитания, специфике рекомендуемых обучающимся начальных народных училищ учебных пособий и книг для самостоятельного чтения. Изучение этих вопросов составляет отдельную страницу в истории начального народного образования уезда и является весьма важным звеном в контексте становления массового библиотечного дела в Нижегородском крае.

Ключевые слова: начальное народное училище; училищная библиотека; учебное пособие; книга для чтения; Арзамасский уезд; Нижегородская губерния

История становления и развития начального народного образования в Арзамасском уезде Нижегородской губернии еще в советский период времени привлекала пристальное внимание арзамасских архивистов и краеведов (А.С. Потехин, П.В. Еремеев, И.А. Гордеевцев, В.П. Булыгин, В.М. Панкратов), активно освещались корреспондентами местной периодической печати (Т. Аксютченко, А. Кожухов, С. Кирилук, Л. Мантурова, С. Филиппович). Эти вопросы не остались без внимания и со стороны современных исследователей и специалистов архивного дела (Е.В. Горина, С.Н. Потанин, А.Н. Кузьмина, Н.С. Кондратьева, И.Г. Потороева), изучались представителями профессорско-преподавательского состава Арзамасского педагогического института, ныне являющегося частью Арзамасского филиала ННГУ (В.Н. Аксютченко, М.А. Аникина, О.В. Воробьева, В.И. Грубов, О.В. Ефимов, А.С. Кудряшова).

Рассмотрение особенностей комплектования и содержания фонда уездных училищных библиотек представляется весьма интересным и с теоретической, и с практической точек зрения. Это обусловлено, во-первых, важностью создания библиотек при начальных народных училищах, оказывающих серьезное подспорье в овладении основами грамотности обучающимися; во-вторых, спецификой комплектования училищных библиотек; в-третьих, составом библиотечного фонда; в-четвертых, особенностями этапа зарождения массовой библиотечной деятельности.

Процесс создания училищных библиотек в Арзамасском уезде Нижегородской губернии начался параллельно с организацией самих начальных народных училищ, т.е. с 1864 г., когда были обнародованы «Законы о начальной и средней школе» [2, с. 168]. От этого времени практически не осталось архивных материалов, позволяющих проследить историю создания библиотек, которые мы находим «в наличии» в уже существующих начальных народных училищах, новое Положение для которых вступило в законную силу в 1874 г. [3, с. 836]. Данным нормативным правовым актом была четко обозначена компетенция уездных училищных советов, в ведение которых находились в числе прочих и вопросы создания, комплектования и функционирования библиотек при начальных народных училищах. С этого времени можно проследить на местном архивном материале ключевые моменты, касающиеся заявленной в названии темы.

Отдельным предметом пристального внимания Арзамасского уездного училищного совета Нижегородской губернии была материально-техническая сторона начальных народных училищ и, в частности, вопрос их обеспечения книгами. Основной статьей, предназначенной для комплектования училищных библиотек уезда являлись выделенные на год земские суммы, которые в ноябре-декабре месяце обозначались земским собранием особым уведомлением или через членов Уездного училищного совета от земства для распределения их на следующий календарный год. Основная часть данных средств была выделяема на выплату жалования учителям. И лишь «остаток» от этой суммы шел на комплектование и пополнение училищных библиотек [1, л. 165]. Выделяемых земством денежных средств, как правило, не хватало и Совет неоднократно обращался к земству с просьбой дополнительно «выписать для сельских училищ по прилагаемому каталогу показанное число книг» [1, л. 23].

Периодически Совет «в виду частных требований книг во многие училища», находил целесообразным употреблять остаток от земских сумм, «ассигнованных на жалование учителям... на выписку книг» [1, л. 103 об.]. Нередко такие постановления вызывали непонимание со стороны земства, которое не делило «остатки от расходования средств» по категориям, а причисляло их в «общий остаток». Данную позицию обосновывал в своей записке от 11 февраля 1878 г. представитель от земства в Училищном совете К.Н. Дмитриев [1, лл. 104-105].

Учитывая сложность ситуации, Совет принимал различные меры для обеспечения книгами училищные библиотеки. Так, например, 11 января 1875 г. он принял решение «о назначении средств, отпускаемых Государственным казначейством на поддержку сельских начальных училищ» большую часть израсходовать на выписку книг и учебных пособий «в размере 300 руб.» [1, л. 3], а также всемерно поддерживал попечителей, объявляя им благодарность, за пожертвование книг для библиотек, вверенных им училищ [1, лл. 146; 160].

Важным вопросом, связанным с комплектованием библиотек начальных народных училищ и их фондом была необходимость учета книг. В докладе штатского смотрителя училищ Арзамасского уезда И. Игнатьева от 11 января 1876 г. упоминается о неимении в сельских, а также и городских училищах специальных каталогов [1, лл. 30-31]. Уже в декабрьском заседании Училищного совета 1876 г. было «постановлено фундаментальные при Арзамасских городских приходских училищах библиотеки соединять на будущее время в одну, которая и должна храниться при одном из приходских мужских училищ, учитель которого и должен заведовать ею» [1, л. 70].

«Библиотечное дело» в уезде было поставлено довольно четко с 1877 г., когда Советом было принято решение «осмотреть училища в отношении библиотек», потребовать на месте «списки книг, находящихся на лицо; по-

сле эти списки составить в одну книгу с присоединением белых листов и на будущее время отмечать, когда и какие книги училищу Училищным советом были доставлены» [1, л. 73 об.]. В этом же заседании, от 11 февраля 1877 г. Совет составил форму для списков книг, «находящихся на лицо в сельских училищах» [1, л. 73 об.].

В журнальных постановлениях за период 1875–1880 гг. часты указания на просьбы учителей пополнить библиотеки училищ новыми книгами, взамен пришедших в негодность «за их ветхостью» [1, лл. 72; 106 об], либо утраченных. Последнее основание указывалось в разных случаях. Во-первых, книги могли быть потеряны. Об этом свидетельствует представление законоучителя Пановского училища священника Стрельникова от 11 января 1878 г., который просит Совет «об исключении из описи училищного имущества 5 затерянных учениками книг» [1, л. 97].

Во-вторых, книги сгорали во время пожара, что было тогда частым явлением. В журнальном протоколе Совета от 11 января 1878 г. есть указание на то, что «повреждено училище и сгорело 13 книг», в результате пожара «бывшего в Селёме в ночь на 19 декабря 1877 г.» [1, л. 97 об]; во время пожара, бывшего в селе Саблукове 11 апреля 1878 г., по донесению учителя местного училища И. Полянского погибло 17 книг [1, л. 110]; в соответствии с рапортом учителя Кобылинского училища учителя А. Знаменского «во время пожара в селе Кобылино» сгорело 5 книг [1, л. 110 об]. Часто сгорали книги находящиеся «на руках» у учеников при пожарах в их домах [1, л. 106 об]. В подобных случаях, постановлением Совета потерянные и сгоревшие книги разрешалось исключить из описи училищного имущества [1, лл. 106 об; 110].

В-третьих, в результате оставления учителем должности или увольнения без предварительной передачи имущества училища, к которому относилась и училищная библиотека, своему приемнику. Как правило, связано это было с тем, что предшественник такого учителя, выдавая книги и учебные пособия ученикам, не отмечал в каталоге, кому именно какая книга выдана. Вследствие этого было практически невозможно вернуть их обратно. Этот случай демонстрирует донесение учительницы Ново-Иванцевского начального народного училища А. Петровой от 25 ноября 1877 г., в котором указано, что она «не могла собрать 40 книжек из училищной библиотеки, розданных ее предшественниками ученикам». Училищный совет постановил: часть этих книг пополнить на деньги, удержанные у учителя Смирнова, а остальные исключить из каталога училища [1, л. 95].

В отдельных случаях Совет сам выносил решение об исключении конкретных книг из училищных библиотек. Например, постановление Совета от 26 июля 1876 г. содержит информацию об исключении из библиотек книги, под названием: «Земля, вода и воздух», на основании отношения директора народных училищ Нижегородской губернии от 5 июля 1876 г. [1, л.

54]. Аналогичное постановление содержится в протокольной записи Совета от 11 сентября 1878 г., основанном на отношении инспектора начальных народных училищ от 28 июля 1878 г., в котором последний уведомлял членов Уездных училищных советов губернии, что «брошюра г. Гациского под заглавием “Очерки прошлого Нижегородского Поволжья”» запрещена к печатанию [1, л. 114 об].

Недостаток книг и учебных пособий в библиотеках начальных народных училищ уезда некоторые сельские общества старались компенсировать самостоятельно. Так, например, в журнальном постановлении от 11 января 1877 г. указано, что «училища Кержемокское, Ямско-Слободское и Саблуковское, а, быть может, еще и другие книги приобретут на свой счет» [1, л. 71 об].

Иногда пополнение книгами училищ осуществлялось в ходе внеплановой закупки книг земством. Об этом свидетельствует следующий факт, описанный в трех журнальных постановлениях Училищного совета. В заседании 11 августа 1879 г. в ряду прочих рассматривался вопрос о приобретении земской управой книг «Чтение для народа о славянах, русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и о крейсерстве» священника Н.Н. Любимова», который предлагал Совету выкупить написанную им книгу для начальных народных училищ уезда [1, л. 135 об]. Дело было решено положительно, о чем имеется соответствующая запись в протоколе Совета от 26 ноября 1879 г. [1, л. 141 об].

В ходе функционирования училищных библиотек случались и экстраординарные случаи, связанные с неполучением последними книг по разным основаниям. Протокол журнала заседаний Совета от 11 февраля 1878 г. содержит описание заявления учителя Кобылинского училища А. Знаменского о том, что «священник села Кобылина Александр Архангелов продал своевольно 7 молитвенников из числа книг, присланных земскою управою в Кобылинское училище» [1, л. 102 об]. Совет постановил: «Сообщить о том местному благочинному и просить его потребовать от священника Архангелова объяснение». В материалах Совета от 11 мая 1878 г. имеется указание на объяснение, представленное Архангеловым, а книги, присланные им в Училищный совет было постановлено «сдать учителю для помещения в библиотеку» [1, л. 108].

11 октября 1878 г. в заседании Уездного училищного совета рассматривалось заявление члена Совета от Министерства народного просвещения А. Красильникова, что «г. директор народных училищ Нижегородской губернии при ревизии мужского и женского Арзамасского Кирилло-Методиевского приходского училища нашел в библиотеке этих училищ книги, не должствующие входить в состав библиотек таковых училищ, а именно – в женском училище Физиология Гения и в мужском – «Рассказы Альфонса] Даде» и «На память Жорж-Занда» и другие». Совет вынес реше-

ние о необходимости составить список таких книг «для представления на рассмотрение Училищного совета и озаботиться уничтожением их посредством продажи, а на вырученные деньги приобрести другие» [1, л. 117 об].

Отдельным вопросом, требующим особого рассмотрения является содержание библиотечного фонда училищных библиотек. Находящиеся в распоряжении училищ печатные издания целесообразно разделить на учебные пособия и книги для самостоятельного чтения обучающимися. К первой категории относится специальная литература по трем основным, преподаваемым в начальных народных училищах предметам: Закону Божию, русскому языку и арифметике. Данные о перечне книг учебной литературы и их количестве, поступаемых в училищные библиотеки, находим в протоколе Уездного училищного Совета от 11 октября 1875 г.

Закон Божий преподавался на основе в основном «Евангелия на славяно-русском языке», об этом говорит количество заказываемых Советом экземпляров данного издания (по 10 на каждое училище уезда). В качестве учебных пособий, имеющих вспомогательный характер, использовались «Толковый молитвослов», «Курс начальных народных училищ по Закону Божию» и «Толкование Евангелий, читаемых на литургии во все воскресные и праздничные дни года» протоиерея А.И. Свирелина, которые заказывались по 1 экземпляру на училище [1, л. 23]. Можно предположить, что они предназначались главным образом для учителей Закона Божия, в качестве методических рекомендаций по разъяснению отдельных сюжетов Евангелия. Мера эта была необходимой, принимая во внимание тот факт, что учителями законовещения не всегда и не во всех начальных народных училищах были местные священники. Вообще замещение данной должности в сельских училищах было настоящей проблемой для Училищного совета. В связи с этим он не однократно обращался за разъяснениями к Духовной консистории по вопросу: могут ли лица не имеющие «духовного звания» преподавать данный предмет, т.к. среди учителей Закона Божия были выпускники духовных училищ как окончившие полный курс, так и не имевшие свидетельства о его окончании, выпускницы епархиального женского училища и Арзамасской женской гимназии [1, лл. 133 об; 136 об].

Основным учебником по русскому языку являлось «Родное слово» К.Д. Ушинского. При возможности заказывалось по 10 экземпляров «Родного слова» для 1-го и 2-го годов обучения в начальных народных училищах уезда [1, л. 23 об]. В качестве дополнительной литературы по предмету использовались «Книга для чтения и практических упражнений в русском языке» И.И. Паульсона, которая заказывалась из расчета – 3 экземпляра на училище, и «Родной язык, как предмет обучения в народной школе с трехгодичным курсом» Н.Ф. Бунакова, поставляемый по 1 экземпляру на училище. Если первая из названных книг могла быть непосредственно используется обучающимися, т.к. содержала «практические упражнения», то вторая

явно предназначалась для учителя. Полное библиографическое описание «Родного языка» Бунакова содержит указание на то, что его содержание представляет собой «Лекции, читанные на Педагогических курсах Московской политехнической выставки, в 1872 г.».

Курс арифметики в начальных училищах преподавался по «Методике арифметики» и «Собранию арифметических задач» В.А. Евтушевского [1, л. 23]. Книги эти предназначались исключительно для учителя, о чем говорят два обстоятельства: во-первых, заказывались они по 1 экземпляру на училище, во-вторых, библиографическое описание «Методики арифметики» содержит указание на то, что данное пособие предназначено «для родителей, учителей и учительских семинарий».

Пополнение учебной литературы и частичная замена ветхих и утраченных изданий указанного выше перечня произошла в 1877 г. В ходе заседания Училищного совета был рассмотрен вопрос и принято постановление о заказе на деньги, выделенные арзамасским земством, 310 экземпляров «Евангелия на славянском языке», 93 экземпляра «Псалтыри на славянском языке», 310 экземпляров «Родного слова» К.Д. Ушинского для 1-го года обучения (более половины сельских начальных народных училищ были одноклассными) и 93 экземпляра его же для 2-го года обучения [1, лл. 70 об.; 71].

Обновление и пополнение училищных библиотек состоялось и в 1880 г. [1, л. 151 об.]. Среди них «Родное слово» К.Д. Ушинского для 1-го года обучения (250 экз.); задачки В.А. Евтушевского (200 экз.); Евангелие на славянском языке (100 экз.) и «Толкование Евангелия на воскресные и праздничные дни» (30 экз.). При этом, следует особо подчеркнуть, что Совет стремился не только пополнить учебный фонд сельских училищных библиотек, но и по возможности расширить его. В заседании Училищного совета от 11 июня 1880 г. было принято решение «просить земскую управу выписать все поименованные в списке книги» [1, л. 151]. Далее прилагается развернутый «каталог», в котором помимо представленных выше наименований имеются пособия для учителей, в том числе, 70 экземпляров «Курса Закона Божия» А.И. Свирелина, и по 30 экземпляров «Руководства к Родному слову» для 1-го и 2-го годов обучения [1, л. 152].

Иначе обстояло дело с книгами для самостоятельного чтения обучающимися. Заказывались они с такой же периодичностью, как и учебная литература, но в гораздо меньшем количестве, чаще всего вообще по 1 экземпляру на училище, и практически не дублировались при последующем пополнении библиотечного фонда. Первый массовый заказ такой литературы для сельских училищ состоялся в 1877 г. По 31 экземпляру (т.е. по 1 экз. на училище) были выписаны: «Избранные жития святых 12 в.»; «Мамаево побоище, полтавский бой и бородинская битва» Е.А. Тихомирова; «Ядовитые растения в России» Бороненой; «Авраам Линкольн» Гоермана; «О живот-

ных полезных и вредных» Аникиева; «О тепле и воздухе», «О грозе», «От чего дождь и снег» Н.П. Животовского; «Земля» Итичовича; «Жизнь св. Кирилла и Мефодия» И.В. Беляева; «Николай Коперник» Гатгуна; «Небо и звезды» В.С. Узловского; «Механик-самоучка – Кулибин»; «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя; «Михайло Васильевич Ломоносов» В.И. Новаковского; «О Петре Великом» С.Е. Рождественского; «Рассказы из русской истории» Б.А. Павловича; «Дедушка Крылов» А.Г. Филонова; «Кольцов и его песни» Парукова [1, л. 70]. Подавляющее большинство названной литературы находится примерно в одном ценовом диапазоне: от 10 – до 30 копеек за экземпляр. В этом же заседании Совета от 11 января 1877 г. был одобрен заказ «Святость подвига спасения утопающих» Д.И. Сенникова количеством в 200 экземпляров и по 1 экземпляру дорогостоящего журнала (по 4 рубля за 1 экземпляр) «Народная школа» на все сельские училищные библиотеки [1, л. 70].

В 1880 г. основная часть предоставленных земством средств на пополнение библиотечного фонда училищных библиотек ушла на учебную литературу. Ее скромные остатки были израсходованы на заказ 70 экземпляров «Библейской истории» Базарова и 100 экземпляров «Детского мира» К.Д. Ушинского, как сообщают архивные материалы заседаний Уездного училищного совета [1, л. 152].

Подводя итог рассмотрению проблем комплектования и состава библиотечного фонда училищных библиотек, рассмотренных на примере библиотек начальных народных училищ Арзамасского уезда Нижегородской губернии, следует отметить следующие принципиальные моменты. Доступные исследователям архивные материалы свидетельствуют о том, что комплектование библиотечной базы, состоявшей из учебных пособий и книг для самостоятельного чтения обучающимися осуществлялось местным Училищным советом преимущественно за счет средств арзамасского земства. Журнал заседаний Училищного совета содержит единичные упоминания о пожертвовании книг в пользу библиотек попечителями училищ и приобретении печатных изданий за счет местных сельских обществ. Однако, невозможно сказать о их количественном составе и наполнении, т.к. сведений об этом не содержится в протоколах Совета. В вопросе о комплектовании училищных библиотек председатель Уездного училищного совета, как правило, руководствовался мнением смотрителя училищ, а также директивами инспектора и директора начальных народных училищ губернии. В заседаниях Совета особое внимание уделяется перечням выписываемых книг, для которых предварительно составлялся и в дальнейшем утверждался в качестве постановления специальный каталог, с указанием наименований, количества, поштучной и общей стоимости печатных изданий. Содержание библиотечного фонда училищных библиотек можно проследить на основе заказываемых Училищным советом печатных изданий. Они позволяют судить

об общей направленности процессов обучения и воспитания, специфике рекомендуемых обучающимся начальных народных училищ учебных пособий и книг для самостоятельного чтения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Журнал заседаний Арзамасского уездного училищного совета за 1875–1886 гг.
2. Законы о начальной и средней школе // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 39. Отделение 2. – СПб., 1867. № 41472. С. 167-179.
3. Положение о начальных народных училищах // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 49. Отделение 1. – СПб., 1877. № 53574. С. 836-840.

РАБОТА МУНИЦИПАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ В РАЗВИТИИ КРАЕВЕДЧЕСКОГО ТУРИЗМА

Марина Николаевна Колесова

МБУК «Межпоселенческая централизованная библиотечная система» Арзамасского района Нижегородской области, Пустынская сельская библиотека-филиал, библиотечкарь, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: pust-bibl@yandex.ru

В статье рассказывается о результатах работы Пустынской сельской библиотеки в развитии краеведческого туризма, представлены некоторые формы работы.

Ключевые слова: библиотека; краеведение; туризм

Как заинтересовать жителей достопримечательностями своей малой родины, помочь им увидеть все его достоинства и минусы, стимулировать их желание изменить мир вокруг себя или повлиять на местную идентичность человека? И чем может быть полезна при этом библиотека?

Краеведческий туризм – перспективное направление библиотечной деятельности, востребованность которой объясняется растущим интересом населения к вопросам «малого туризма». Обладая ресурсами туристической направленности, богатым опытом культурно- экскурсионными навыками, библиотеки способны оказывать эффективную помощь туристическим организациям, экскурсоводам, краеведам, историкам.

Поскольку краеведение охватывает все направления деятельности библиотек, которые собирают, хранят и продвигают культурные традиции родного края, приоритетом краеведческой работы является продвижение чтения об историческом наследии региона, воспитание чувства гордости за славное прошлое земляков, уваже-

ния к историческим корням и обычаям, познание неповторимости природы родного края.

Краеведческая работа всегда связана с постоянным поиском новых форм, способствующих созданию положительного имиджа библиотеки, востребованности краеведческой информации населением, в первую очередь интереса молодого поколения, а также поиском социальных партнеров, в том числе связанных с туристической деятельностью.

Библиотеки могут информационно обеспечить развитие краеведческого туризма:

- сформировать информационные ресурсы (например, дайджесты и т.д.)
- поддержка сайтов, содержащих публикации по интересующим темам;
- создание мультимедийной продукции, интерактивных путешествий;
- участие в организации и проведении выставок фото, произведений изо и декоративно-прикладного искусства;
- создание баз данных, картографической информации.

Возможности участия муниципальной библиотеки в развитии краеведческого туризма значительно расширяются при тесно налаженном сотрудничестве с краеведческими и литературными музеями, а также наличие собственных музейных экспозиций в библиотеке: краеведческие уголки, мини-музеи, где представлены материалы мемориально-литературной, этнографической, исторической, декоративно-прикладной характера тематики, раскрывающей природу, историю и культуру родного края. Создание музейных экспозиций положительно влияет на имидж библиотеки, подчёркивая её уникальность. Чаще всего музейные экспозиции при библиотеках оформляются в мемориально-литературном (в случае с «именными» библиотеками) и историко-этнографическом ключе, рассказывают об истории населённого пункта, прославленных жителях, знаменательных событиях, брендовым территориям и т. п.

Сама музейная экспозиция библиотеки позволяет выводить формат проведения познавательно-просветительский мероприятий на качественно более высокий и интересный для читателей уровень. В музеях при библиотеках можно проводить тематические или литературные вечера, фольклорные праздники, дни народного творче-

ства, выставки народных промыслов и ремёсел, презентации и премьеры книг, журналов краеведческой тематики, встречи с выдающимися людьми района (города), дни краеведа, краеведческие и литературные чтения. Для информационного продвижения и развития туризма библиотеки создаются собственные электронные ресурсы. У муниципальных библиотек – это страницы в социальных сетях.

Положительным примером участия библиотеки в развитии краеведческого туризма может стать этнографическая экспедиция. Например, в рамках реализации проекта победителя международного конкурса Православная инициатива «Сокровища бабушкиного сундука», сотрудники музейно-выставочного центра [1; 2], преподаватели Арзамасского филиала ННГУ им. Н.И. Лобачевского, молодежь Арзамасского района, сотрудники Чернухинской сельской библиотеки им. Ф.Ф. Павленкова совершили увлекательный экскурсионный маршрут «В деревню, к лыковым лаптям» [3].

Целью поездки было создание нового экскурсионного маршрута для расширения кластера Арзамас-Дивеево-Саров с посещением Пустынского заказника и Музея «Природа» им. С.И. Трофимова. Доктор биологических наук, доцент, заведующий кафедрой биологии, географии и химии Ольга Ивановна Недосеко провела экскурсию по экологическим тропам Пустынского заказника, ознакомив участников поездки с флорой и фауной заповедных мест. Посетили пещеры [3].

Мастерство плетения лыковых лаптей, выставку изделий из лыка продемонстрировал местный житель, мастер Центра ремесел села Пустынь, Арзамасского района – Федотов Василий Иванович, посетили Дом культуры села Пустынь, библиотеку, где была представлена краеведческая книжная выставка «Дорогой сердцу край», были подготовлены и розданы буклеты «Пустынская жемчужина». Участники экспедиции познакомились с историей сёл Чернуха, Пошатово, Пустынь, традициями старообрядцев, узнали о самых известных местных уроженцах и жителях [4].

По проекту «Арктика далекая и близкая» молодые волонтеры Арзамасского района высадили на территории Пустынского заказника саженцы сибирского кедра, которые с удовольствием прижились у здания Дома культуры, где находится Пустынская сельская библиотека. Нашими гостями-туристами на этот раз стали участники Всероссийской библиотечной школы «Лидер», которым также

была предложена насыщенная программа путешествия по одному из самых интересных в природном и этнокультурном плане уголку Арзамасского района с посещением Пустыньских озёр и заказника [5; 6].

При Пустынской сельской библиотеки действует экологический клуб «Чилим» [7]. Библиотекарь и участники клуба в летний сезон совершают экскурсии в заказник, изучают окружающую природу сквозь призму знаний, полученных из книг библиотеки. Одна из задач таких мероприятий – научить интересоваться природой и культурой родного края, соседних округов и районов, своего и соседних регионов, страны в целом, а также создать мотивацию, интерес и потребность быть участником краеведческого туризма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Координационный комитет по поощрению социальных, образовательных, информационных, культурных и иных инициатив под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла подвел итоги конкурса «Православная инициатива 2022» // Режим доступа: https://vk.com/museumarz?w=wall-40672704_3933. (Дата обращения: 18.09.2022).

2. Пример совместного мероприятия в рамках проекта: Господь нам дарует Победу // Режим доступа: https://vk.com/museumarz?w=wall-40672704_3982. (Дата обращения: 18.09.2022).

3. Репортаж мероприятия: В рамках реализации проекта победителя международного конкурса Православная инициатива «Сокровища бабушкиного сундука»... // Режим доступа: https://vk.com/mcbs_arz?w=wall-34790691_6766. (Дата обращения: 18.09.2022).

4. Лыко да мочало: идём в гости к лапотнику Василию Федотову // Режим доступа: https://vk.com/wall-188050259_1381. (Дата обращения: 18.09.2022).

5. Репортаж: В 2021 году по проекту «Арктика далекая и близкая» молодые волонтеры Арзамасского района высадили на территории Пустыньского заказника саженцы сибирских кедров // Режим доступа: https://vk.com/wall-40672704_4173

6. Репортаж: В рамках фестиваля «Медовый спас» туристам был предложен экскурсионный маршрут «Легенды и мифы Пустыньского заказника» // Режим доступа: https://vk.com/wall-40672704_4162

7. Репортаж одного из мероприятий: Сохраним природу вместе // Режим доступа: https://vk.com/club108532650?w=wall-108532650_1940%2Fall. (Дата обращения: 18.09.2022).

**«ВСЕ КНИГИ СОБИРАТЬ И ДЕРЖАТЬ В БЕРЕЖЕНИИ...»:
КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ ЭПОХИ ПЕТРА I
Елена Борисовна Крайнова**

*МБУК «Межпоселенческая централизованная библиотечная система»
Арзамасского района Нижегородской области,
Арзамасская центральная районная библиотека имени И.Н. Сахарова
заведующая информационно-библиографическим отделом
Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: libsa@bk.ru*

В статье рассказывается о развитии книжной культуры России в эпоху правления Петра I, о значении библиотек и их организации.

Ключевые слова: Россия; петровская эпоха; первая четверть XVIII в.; библиотечное дело; частные библиотеки; библиотека Российской академии наук

Правление Петра I (1689-1725) было не просто царствованием, но переломной эпохой в жизни страны. В исторической науке и исторической литературе прочно укоренились термины «эпоха Петра», «эпоха петровских преобразований». В результате петровских реформ новое появлялось повсюду – в экономике и науке, в культурной жизни и в быту, в структуре государственного аппарата и управления, создании новой армии и флота, во внешней политике. Россия в ходе петровских реформ превратилась в одну из сильнейших европейских держав.

При Петре I впервые встал вопрос о значении библиотек и необходимости их организации. Библиотека начинает рассматриваться как неотъемлемая часть учебных заведений и как самостоятельное важное для просвещения и науки учреждение. Цель её видят не только в собирании книг, но и в выдаче их для чтения, в доступности её для относительно широкого круга читателей того времени.

Если раньше, до XVIII в., под библиотекой понимали, прежде всего, замкнутую монастырскую библиотеку, состоящую преимущественно из книг духовного содержания, то теперь она получила признание как гражданская библиотека, в которой уже преобладала светская литература по всем отраслям знания: русская, переводная и на иностранных языках [1, с. 35].

Чтение уже не рассматривается как преимущественно «душе-спасительное» занятие, а в нём начинают в гораздо большей степени видеть средство повышения общего культурного уровня людей и получения конкретных знаний. При Петре I издаётся ряд государ-

ственных распоряжений и указаний, касающихся библиотек. При нём же возникают и оригинальные проекты организации новых библиотек.

Пётр знал, что в монастырских библиотеках хранится большее число летописей и рукописных книг. Он понимал огромное историко-культурное значение этих памятников прошлого и делал попытку извлечь их для опубликования. Мысль о напечатании русских летописей возникла у Петра ещё в 1703 г. В 1720 г. он сделал распоряжение губернаторам пересмотреть и переписать, где найдутся, *«жалованные грамоты и другие курioзные письма»*, а также *«исторические рукописные книги»* и прислать всё это в Сенат в Петербург. Однако результат, видимо, был столь неудовлетворителен, что в 1722 г. пришлось издать новый Указ «О древних летописцах и хронографах».

На этот раз предлагалось из всех епархий и монастырей собрать и выслать в Москву в Синод летописи, хронографы, степенные книги для снятия с них копий уже в Москве. При этом церковные власти на местах предупреждались, чтобы они обо всём, что у них есть, объявили без всякой утайки. Но и эта попытка Петра извлечь из монастырских книгохранилищ и издать памятники русской письменности окончилась неудачей. Было прислано всего около 40 книг, причём среди них были только 4 хронографа и 4 летописи.

Говоря о первых в петровское время проектах по организации народных библиотек, обычно ссылаются на известный проект Федора Салтыкова. Между тем, первая попытка по организации Публичной Всенародной библиотеки в Москве принадлежала выходцам из посадских людей московской Кадашевской слободы – это Василий Анофриевич Киприянов и его старший сын Василий [5, с. 25].

В 1705 г. в Москве была основана гражданская типография у Спасского моста в Китай-городе. Начальником был назначен В.А. Киприянов. При типографии Пётр велел открыть библиотеку и Киприянову было присвоено почётное звание «царского библиотекаря». Но она оставалась недостроенной из-за пожара, а затем и из-за смерти В. А. Киприянова в 1723 г. За продолжение этого дела взялся его сын Василий. Он обратился в Синод с прошением об оказании ему помощи в достройке библиотеки. Им был предоставлен план здания для «Публичной Всенародной Библиотеки» и были изложены основные принципы организации её [5, с. 76].

В библиотеке должно было быть собрано *«довольное число книг как русских, так и иностранных разноязычных, которые были бы востребованы народом, и чтобы все типографии обязывались высылать в неё по одному экземпляру все свои издания, а библиотека должна была сама приобретать путем покупки иностранные, старопечатные и другие книги.* Таким образом, впервые в России был поставлен вопрос о собирании при библиотеке обязательного экземпляра литературы. На все книги должны были вестись каталог и алфавит.

Просьба В.В. Киприянова осталась нерассмотренной, и он в 1727 г. возобновил её. Для этого он приехал в Петербург с подробными требованиями из двадцати пяти пунктов, прося сдать ему в аренду на двадцать лет весь Московский печатный двор для широкой издательской деятельности, направленной «к народной пользе», и развил ещё более конкретно и детально свой оригинальный проект организации общедоступной Публичной Всенародной библиотеки. Это прошение Синодом было поддержано. Пётр Первый придерживался того же мнения, что и Киприянов.

Следует отметить, что Василий Киприянов первую Публичную Всенародную библиотеку достроил на свои собственные средства. В ней было несколько помещений, где одно из них - большой зал с галереей в миниатюре напоминал зал библиотеки Академии наук в Петербурге.

При изучении архивных и других материалов о дальнейшей деятельности библиотеки В.В. Киприянова никакие ведения не были обнаружены. Сохранились главным образом документы, связанные с его книготорговой и книгоиздательской деятельностью. Видимо, обстановка, сложившаяся в России после смерти Петра Первого, не благопритствовала её деятельности.

Более подробно о Петровской эпохе, Москве XVIII в. и судьбе Киприяновых можно узнать, прочитав книгу Александра Говорова «Жизнь и дела Василия Киприянова [5, с. 78-93].

Другой проект организации народных библиотек был предложен Федором Салтыковым, который долгое время жил за границей и составил целый трактат о мероприятиях, полезных для России. Он предлагал в каждой из восьми учрежденных Петром губерний организовать библиотеки, очистив для них каменные монастырские строения. Библиотеки, по его мнению, нужно было обу-

страивать по заграничному образцу и собирать в них рукописи, старинные и современные книги, русские и иностранные. Салтыков в 1715 г. умер, а проект его остался неосуществленным.

Наряду с Публичной Всенародной библиотекой создаются библиотеки и государственных учреждений – это, например, библиотека Коллегии иностранных и Медицинских канцелярий.

В «Духовном регламенте», составленном Феофаном Прокоповичем и подписанном Петром I в 1721 г., даются прямые указания об организации библиотек при школах. В 1722 г. образовалась Синодальная (нотариальная) библиотека. В ней были подлинники старинных рукописей, а также старинные книги, присылаемые из епархий в соответствии с указами Петра, передавались экземпляры печатных указов. Была библиотека и при Сенате, в которую типографии должны были высылать в обязательном порядке свои издания в количестве 2-х экземпляров.

В петровское время появляются большие собственные библиотеки и у выдающихся деятелей и вельмож той эпохи. Известны библиотеки князя Меншикова А.Д., князя Голицына Д.М., фельдмаршала графа Шереметева Б.П., дипломата графа Матвеева А. А., графа Брюса Я. В., историка Татищева В. Н., Феофана Прокоповича. Создавая собственные библиотеки, представители высшего дворянства следовали примеру самого Петра. Из дневников и описаний путешествий дворян по Европе видно, что они бывали там и в библиотеках. Историк Татищев в своих письмах пишет о шведских библиотеках, в которых он обнаружил большое количество книг, относящихся к русской истории, и жалеет, что не имеет на руках достаточных средств, чтобы приобрести интересующие его книги. Татищев В. Н. собрал ценнейшую библиотеку, которая позднее погибла во время пожара.

Организация собственных библиотек вельможами вызывалась не только стремлением к просвещению и науке, но и в большой степени тщеславием, желанием подчеркнуть свое богатство наличием роскошной библиотеки. Особенно выделялись библиотеки графа Шереметева и князя Меншикова. В библиотеке Шереметева было до 25 тысяч книг, в том числе много инкунабул. Библиотека Меншикова состояла из 13 тысяч томов. В числе их было до 3 тысяч «самых редких из Константинополя и других мест вывезенных

книг». Есть основание предполагать, что они попали в Чудов монастырь.

В библиотеке князя Голицына было около 6 тысяч книг, в том числе много иностранных, а также большое количество выполненных по заказу Голицына рукописных переводов ценных книг по истории, политике, экономике, философии.

Большими библиотеками обзаводятся и представители высшего духовенства. В библиотеке Феофана Прокоповича было 4 тысячи книг. Большая библиотека была и у Стефана Яворского.

После создания северной столицы Пётр Великий перевёз в неё книжный фонд царской библиотеки в Кремле, библиотеку Аптекарского приказа, дополнив их библиотеками Готторпской, подаренной ему герцогом Голштинским, и Курляндской. В 1714 г. по его распоряжению была создана первая в России государственная публичная библиотека. Начиная с XVIII в. в фонды библиотеки поступали коллекции частных лиц – историка В. Н. Татищева, славистов А.И. Яцимирского и И.И. Срезневского, купца Ф.М. Плюшкина, слависта и исследователя старообрядчества В.Г. Дружинина и многих других. С 1901 г. по инициативе хранителя отделения славянских рукописей библиотеки В.И. Срезневского начались археографические экспедиции по России для сбора рукописей и старопечатных книг у населения, которые существенно обогатили рукописные фонды БАН. В 1925 г. библиотека была передана в ведение Императорской Академии наук, а ныне это библиотека Российской Академии наук. Очевидцы тех лет утверждали, что библиотека по богатству своих фондов не уступала другим крупным библиотекам Европы [2, с. 46-57].

Несколько слов об обслуживании читателей в ней в те времена. Пётр всегда стремился сделать её публичной, т.е. широко открыть её двери для посетителей. Ежегодно на угощение посетителей по приказу царя выдавалось 400 рублей. Библиотека была открыта для посетителей два раза в неделю: во вторник и пятницу. В архиве Академии наук сохранился журнал записи книг, выдающихся читателям. При выдаче книг в журнале вносились следующие данные: дата выдачи, кому книги выданы, какие именно книги. При возвращении книги записи в журнале зачеркивались. Библиотечные расходы сводились к выплате средств на содержание штата, оплату хозяйственных расходов, на строительные работы, перевозку биб-

лиотеки. Штат библиотеки был очень небольшой: библиотекарь Шумахер, который фактически являлся директором библиотеки, здесь были переплётчик с помощником, аптекарь, художница.

Из всего этого ясно, что XVIII в. действительно явился важнейшим этапом исторического развития культуры вообще и библиотечного дела в частности. Первая публичная библиотека, первая газета, замена более сложного шрифта на более простой, школы, академии, училища, обязательное начальное образование для дворян – многое было сделано впервые, коренные преобразования были произведены во многих областях науки и культуры, что и послужило толчком для дальнейшего их развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов К.И. История библиотечного дела в России: учеб.-метод. пособие для ст.-тов, преподавателей и библиотекарей-практиков. Ч.1. – М.: Либерея, 2000. – 351 с.
2. Балакина Т.И. История русской культуры: Эксперим. учеб. пособие для учащихся ст. кл. гимназий, лицеев, колледжей и шк. гуманитар. профиля. – М.: Аз, 1995. – 263.
3. Говоров А. Жизнь и дела Василия Киприанова царского библиотекаря. – М.: Изд. дом Мещерякова, 2017. – 288 с.
4. Лотов В.Н. История Отечества. В 3 т. Т.1. – М.: Крона, 1999. – 316 с.
5. Книгоиздательское и библиотечное дело при Петре Первом // Режим доступа: <http://adelanta.biz/biblioteka-ivana-groznogo/ocherk-istorii-bibliotechnogo-dela-v-rossii/knigoizdatelskoe-i-bibliotechnoe-delo-pri-petre-pervom/>
6. Преобразования в области библиотечного дела в первой четверти 18 века // Режим доступа: <http://www.univer.omsk.su/pages/hbwork/2.htm>

ЗАГАДКА ДВУХ ПОРТРЕТОВ

Вера Дмитриевна Лозгачёва

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, магистрант кафедры истории, обществознания и права историко-филологического факультета Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: kotakova.vera@yandex.ru; ГБУК НО НГИАМЗ музей-филиал «Музей Русского Патриаршества», экскурсовод, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: arzmagistrat@mail.com

В статье даётся описание двух совершенно одинаковых портретов: Ольги Дмитриевны Талановой и Александры Дмитриевны Стригалёвой. Проблема заключается в необходимости установления подлинного имени изображённой на холсте женщины.

Ключевые слова: Арзамас; Алексеевский женский монастырь; Ступинская школа живописи; монахиня; послушница

Уходят в небытие старые истории и предания. Разрушаются древние здания и целые города. Мы можем забыть или никогда не знать о судьбах когда-то живших до нас людей, но они навсегда могут остаться с нами на фотопленках и старинных холстах.

В картинной галерее, в музее или на выставке среди прочих экспонатов можно увидеть самые различные работы когда-то живших до нас художников. На холсте мы заметим всем знакомые сюжеты мировой истории или же лица выдающихся людей. Но нередко с холста на вас будут смотреть незнакомые вам и на первый взгляд совершенно обычные люди, о жизни и судьбе которых вы ничего не слышали, а может быть, даже при особом желании, никогда не узнаете.

Одну из таких работ можно встретить в арзамасском историко-художественном музее (далее – ИХМ г. Арзамас). В художественном отделе, посвящённом истории первой в России частной школы живописи академика А.В. Ступина (школа существовала в Арзамасе в 1802–1861 гг. [1, с. 40]), хранятся работы учеников этой школы. Ещё в годы своего существования она представляла собой редкий пример реализации академической модели художественного образования в уездном городе. Инициатива Ступина по созданию подобного учебного заведения помогла распространить профессиональное художественное образование в русской провинции. А творчество выпускников Арзамасской школы стало весомым вкладом в развитие отечественного искусства первой половины – середины XIX века [2, с. 4].

Частой темой творчества учеников ступинской школы было написание икон, изображение библейских сюжетов, известных или же самых обычных людей. На одном из холстов представлен портрет монахини Ольги Талановой (приложение, илл. 1), написанный неизвестным художником.

Как правило, невозможность определения автора картины художников ступинской школы живописи связана с тем, что ее автор был крепостным. Многие такие работы и сегодня продолжают оставаться безымянными. Крепостной не имел большинства гражданских прав, в том числе и права авторства, поэтому не мог подписать свою картину [2, с. 91].

В Книге поступлений ИХМ г. Арзамаса данный предмет записан следующим образом: портрет Ольги Дмитриевны Талановой,

в монастыре Марии, племянница матушки Ольги Васильевны Стригалёвой, настоятельницы Алексеевского женского монастыря в г. Арзамасе в 20–30-х годах в XIX в., г. Арзамас, I половина XIX века. Холст, масло. Размер: 68x53 см.

Действительно, в левом верхнем углу портрета есть читаемая надпись: «Ольга Дмитриевна Таланова в монастыре Мария скончалась 1839 года октября 9-го племянница матушки Ольги Васильевны Стригалёвой». Эта надпись, на первый взгляд, даёт нам исчерпывающую информацию о личности изображённой монахини. Вероятно, что жизнь её могла быть связана с Алексеевским женским монастырём – весьма известной женской обителью.

В XIX веке эта монастырская община славилась не только в пределах Нижегородской губернии, но и по всей стране и даже за рубежом своими золотошвеями-искусницами [1, с. 40]. В 1813–1828 гг. настоятельницей женского монастыря была игуменья Олимпиада (Ольга Васильевна Стригалёва) (1771–1828) [3, с. 97] (приложение, илл. 2). По своему происхождению Ольга Васильевна – дочь костромского именитого горожанина, купца 1-ой гильдии и городского головы Василия Ивановича Стригалёва (1735–1812) (приложение 6, илл. 3) и Прасковьи Ивановны (1735 – между 1811 и 1816). С молодых лет Ольга Васильевна имела желание вести подвижнический образ жизни, но идти против воли родителей не стала, как ей и советовала настоятельница Арзамасской Алексеевской общины схимонахиня Марфа (Марья Петровна Протасьева) (1760–1813) (приложение, илл. 4). В 1793 г., получив благословение родителей, Ольга Васильевна поступила в Алексеевскую общину, где в 1795 г. приняла иноческий образ с наречением имени Олимпиада. В 1813 г., после смерти схимонахини Марфы, именно она стала начальницей Алексеевской общины [4, с. 40].

Известно, что Ольга Васильевна имела двух родных сестёр: Прасковью (1767–?) и Феклу (1770–1832). Последняя, в свою очередь, вышла замуж за Дмитрия Дмитриевича Солодовникова (1769–1831) – представителя знаменитого костромского купеческого рода [5, с. 49]. Изображённая на рассматриваемом портрете монахиня может быть названа дочерью Фёклы Васильевны и Дмитрия Дмитриевича Солодовниковых. Но почему её фамилия на портрете – Таланова? Можно предположить, что она была выдана замуж за представителя купеческого рода Талановых Костромской губернии.

Ведь известно, что в дореволюционной России на протяжении нескольких веков славились костромские текстильные промышленники [6, с. 23]. Представители многих именитых купеческих родов поддерживали между собой тесные рабочие связи, которые нередко переходили в семейные.

Попасть в Арзамасский Алексеевский монастырь Ольга Дмитриевна Таланова вполне могла, ведь её дед Василий Иванович Стригалёв вместе с бабушкой Прасковьей Ивановной неоднократно посещали свою дочь Ольгу Васильевну Стригалёву в обители и существенно помогали монастырю. Вполне вероятно, что тогда Стригалёвы могли брать с собой в Арзамас и внуков.

Обратимся к описанию портрета. На светло-коричневом фоне погрудное изображение молодой женщины вполоборота влево. Женщина изображена в монашеских одеждах черного цвета. На ней надета ряса и головной убор связка – высокий, островерхий, с ниспадающим по спине покровом головной убор, разновидность платка, который завязывается на голове сзади, а два его конца спускаются вдоль спины. Такой головной убор в женском монашестве носится в новоначалии, до принятия пострига. Связка является атрибутом именно послушниц (не принимавших никаких постригов и не дававших никаких обетов), а не монахинь или игумений. Исходя из этого, можно сделать вывод, что изображенная женщина занимает промежуточную ступень между постригом в иночество и простой послушницей, которая ходит в платке, закрывающем лоб. Поэтому в дальнейшем правильнее будет называть женщину скорее послушницей, чем монахиней.

В руках у послушницы небольшая книга, однако ни на переплёте, ни на приоткрытой странице нельзя рассмотреть какие-либо символы. Это можно объяснить тем, что данная часть портрета была частично восстановлена.

В фондах ИХМ г. Арзамаса было представлено изображение портрета до реставрации (приложение, илл. 5). В книге поступлений музея указано, что сам портрет был куплен в 1996 г. у частного лица. Сохранность портрета описана следующим образом: «По всей работе наблюдается свёртывание красочного слоя, имеются многочисленные утраты красочного слоя по всей работе, особенно точным полностью утрачен красочный слой в нижнем левом углу, имеются небольшие прорывы холста, в нижнем левом углу холст

отстаёт от подрамника. Обратная сторона холста загрязнена, в разводах, в пятнах. Подрамник загрязнён».

Мы сейчас, взглянув на образ картины до реставрации, отметим, что рука реставратора наложила свой отпечаток. На первоначальном портрете более массивный подбородок, более живой взгляд.левой руки на портрете почти не видно, выходит, что в отреставрированной версии рука воссоздана с нуля.

На то, что этот портрет – предположительно работа именно учеников ступинской школы живописи, указывает особая и характерная только для них манера живописи: светлый, почти бледный лик на тёмном фоне, тёмные оттенки одежды [2, с. 84]. Это объясняется частым написанием икон учениками школы, что оставляло отпечаток на стиле их письма и, несомненно, отобразилось на их «светских» работах.

Казалось бы, имя послушницы нам известно, не известны лишь факты её биографии, однако тайна её имени и происхождения не открыта. Дело в том, что в фондах Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (далее – НГИАМЗ) хранится очень схожий портрет послушницы (приложение, илл. 6). Рассматриваемые работы несколько отличаются, но изображается на них, несомненно, одна и та же женщина.

Первое, что вводит нас в заблуждение, – это подпись на портрете из фондов НГИАМЗ: «Александра Дмитриевна Стригалёва». И имя, и отчество, и фамилия также могут указывать на предполагаемую родственную связь с настоятельницей Алексеевского женского монастыря Ольгой Васильевной Стригалёвой. Однако почему имя и фамилия на двух портретах разные? Этот вопрос пока остаётся без ответа.

Стоит отметить, что подобные портреты в дореволюционной России заказывали с целью увековечить память о том или ином человеке. Если изображенная послушница действительно приходится близкой родственницей известной в Арзамасе настоятельницы монастыря, в таком случае нам понятна причина написания её портрета.

Все известные данные о портрете Александры Дмитриевны Стригалёвой: период создания – XIX век, материал и техника – холст, масло, размер – 65x57 см., место создания – Россия.

В книгах описи музея сохранились записи о приёме предметов из Алексеевского женского монастыря от 26 марта 1926 г. (в 1924 г. Алексеевский монастырь был закрыт по распоряжению Нижегородского губисполкома. Все помещения монастыря были отданы 51-му Иваново-Вознесенскому стрелковому полку. Для сохранения реликвий Алексеевского монастыря ученые добились их передачи в Нижгубмузей [7]). В перечислении предметов, икон, церковных наборов, богослужебных облачений имеется запись о приёме женского портрета (масло, холст). Мы можем только предположить, что эта запись указывает на интересующий нас портрет.

Сохранилось также несколько записей, касающихся внешних характеристик портрета на время приёма. Упоминается тёмно-зелёный фон картины. Мы же видим, что в наше время фон картины почти чёрного цвета. Цвет изменился с течением времени. На портрете заметны также незначительные капли воска. Реставрация портрета не проводилась.

В сравнении с портретом Ольги Талановой портрет Александры Стригалёвой абсолютно схож по композиции: то же расположение женщины вполоборота влево, те же одежды и положение руки. Ввиду почти полной сохранности красочного слоя удаётся рассмотреть фрагмент надписи в приоткрытом развороте книги: «скажи ми, гди, кончиноу мою и число дний моихъ, кое ёсть, да разумбю, что лишаяюся азъ» [8, с. 124]. В руках послушницы церковная книга – Псалтирь, открытая на 38 псалме, стих 5.

Конечно, манера изображения самой послушницы несколько отличается: более грубые и массивные черты лица, более массивный подбородок, весьма глубокий взгляд, по-иному расположены тени. Сохранившаяся часть портрета с изображением руки весьма чётко прорисована, видна каждая жилка и венка. Известный факт, что талантливого художника выдаёт его манера написания рук. На отреставрированном же портрете Ольги Талановой каждый заметит «деревянные», будто «восковые» руки. Это говорит о меньшем таланте художника.

Сравнивая эти два изображения, сложно сказать, где действительно первоначальный портрет, или же они оба являются ученическими копиями. Ведь нам не известно, сколько таких портретов было написано вообще. Отсутствуют и какие-либо сведения о художниках.

К сожалению, крайне скудное количество информации не позволяет нам указать даже подлинного имени изображённой послушницы. Этот вопрос требует дальнейшего изучения. Одно мы можем отметить точно. Портрет был создан с целью увековечить память. Если портрет был заказан в Арзамасе, то работой занялись ученики ступинской школы, и, возможно, затем этот портрет стал использоваться как учебный инвентарь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щегольков Н.М. Исторические сведения о городе Арзамасе, собранные Н. Щегольковым: Арзамас в XVIII столетии. – Н. Новгород: Типография газеты «Волгарь», 1901. – 58 с.
2. Званцев М. А.В. Ступин. Арзамасская художественная школа. – Горький: ОГИЗ, 1941. – 137 с.
3. Четыркин И.Н. Историко-статистическое описание Арзамасской Алексеевской общины. – Н. Новгород: Типография Нижегородского губернского правления, 1887. – 109 с.
4. Дёгтева О. Арзамасский Алексеевский женский монастырь: исторический очерк // Нижегородская старина. – 2007. – №14. – С. 36–48.
5. Диденко М. Семейные хроники купцов Стригалёвых // Губернский дом. – 1999. – №5-6. – С. 48-50.
6. Шахова М. Торговля в Костроме в XVIII – начале XIX вв. // Губернский дом. – 1999. – №5-6. – С. 23-24.
7. Садыкова Н. Судьба арзамасских храмов // Доклад-презентация на IV Щегольковских чтениях: «1917: начало эпохи гонений» // Режим доступа: <http://arzhistory.cerkov.ru/2017/11/25/sudba-arzamasskix-xramov/> (Дата обращения: 12.09.2022).
8. Псалтирь с параллельным переводом на русский язык – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2012. – 512 с.

ТУРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АРЗАМАССКОГО КРАЯ

Михаил Сергеевич Любов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, к.п.н., ст. преподаватель кафедры биологии, географии и химии факультета естественных и математических наук, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: Libov.arz@mail.ru

В статье рассматривается природный и культурно-исторический потенциал Арзамасского края в рамках города Арзамаса и Арзамасского района. В оптимально сжатой форме раскрываются природные условия края, приводятся сведения о наиболее интересных культурно-исторических объектах с точки зрения развития краеведческого туризма в регионе.

Ключевые слова: Арзамасский край; туристический потенциал; дендрарий; памятники архитектуры; краеведческий туризм

Арзамасский край в границах Арзамасского административного района расположен в центре Правобережья Нижегородской области. Географические координаты города Арзамаса $55^{\circ}25'$ с.ш. и $43^{\circ}50'$ в.д. Площадь города составляет более 35 кв. км, а площадь Арзамасского района около 2000 кв.км. Протяженность района с севера на юг почти 60 км, а с запада на восток около 40 км [4, с.7]. Располагаясь в данных широтах, летом на территории региона характерен продолжительный световой день от 15 до 17 часов, при этом зимой долгота дня составляет всего 7 – 10 часов. Долгий световой день в теплый период года создает естественные благоприятные условия для путешествий и знакомства с природными и культурно-историческими достопримечательностями края.

Не менее благоприятным фактором являются и погодно-климатические условия летом на территории Арзамасского края [5]. В теплый период года, с мая по сентябрь, преобладает антициклональный тип погоды, что обеспечивает достаточно большое количество дней с малооблачной и сухой погодой. Затяжные дожди летом – явление относительно редкое, осадки выпадают в основном в виде коротких непродолжительных ливней, иногда значительной интенсивности. В общей совокупности с мая по сентябрь в Арзамасском районе выпадает в среднем 300 мм влаги. Наиболее интенсивные ливни приходятся на середину лета, а затяжные обложные дожди чаще повторяются в сентябре. Средние месячные температуры воздуха летних месяцев составляют $+17^{\circ}\dots+20^{\circ}$ С, в мае и сентябре на $5-7^{\circ}$ С прохладнее. Что касается зимнего периода, то здесь тоже есть свои преимущества. Зимний характер погоды устанавливается в среднем с конца ноября до середины марта, когда средняя суточная температура воздуха держится устойчиво ниже нуля градусов. При этом формируется постоянный снежный покров, а сильные морозы, в наступившем столетии (ниже -15° С) случаются крайне редко. Такие условия зимой хороши, например, для развития лыжного туризма.

Равнинный рельеф территории района, отсутствие трудно проходимых участков местности и типичные среднерусские ландшафты, с присутствием полей, лугов и лесов создают прекрасные условия для различных видов туризма. Особый интерес для любителей природы представляют особо охраняемые природные территории в Арзамасском крае.

К особо охраняемым природным территориям Арзамасского края относятся: **Пустынский биологический заказник**, Березовский дендрарий, дендрарий города Арзамаса, Смирновский пруд и др.

Пустынский биологический заказник находится на северо-западе Арзамасского района, в 35 км. от города Арзамаса. Заказник находится в бассейне реки Сережи, в зоне смешанных лесов, и занимает площадь более 6 тыс. га. На территории заказника расположены уникальные Пустынские карстовые озера, Мостовое и Козье болота, где произрастает много ценных, редких и реликтовых растений, представлено большое количество животных, часть из которых занесены в Красную книгу России. В заказнике обитает более 30 видов зверей (лось, кабан, лисица, выхухоль, речной бобр, выдра, лесная куница и др.). На территории заказника встречаются око-

ло 170 видов птиц, среди которых, немало довольно редких – беркут, сапсан, скопа, филин, глухая кукушка, крапивник, дубонос и др. В заказнике также можно встретить и местных пресмыкающихся: ужа, гадюку, ящерицу и земноводных. Для рыболовов-любителей не меньший интерес представляет озерно-речная ихтиофауна. В Пустыньских озерах сохранилось 17 видов рыб – плотва, окунь, лещ, щука, налим и др. Для любителей энтомофауны будет интересен богатый мир местных бабочек, в том числе таких редких, как аполлон, махаон, переливница, парусник-подарилый и др. [4, с.83].

К востоку от Арзамаса между городом и поселком Берёзовка, расположен дендрарий Березовского леса. Дендрарий представляет собой лесной массив треугольной формы, ограниченный с юго-западной стороны лиственничной аллеей, с востока – посадками липы, вяза и дуба. На территории дендрария произрастает много интересных растений, в том числе не характерных для нашей местности, т.е. завезенных из других регионов. Среди них – веймутова и кедровая сосна, лжетсуга, ясень пенсильванский, орех маньчжурский, магония падуболистная, а так же многие местные и достаточно хорошо известные по озеленению города виды – ель, рябина, крушина, боярышник, кизильник, барбарис, спирея, ирга и др. [1].

Почти в центре города Арзамаса, к северо-западу от Арзамасского дендрария находится Смирновский пруд. Он представляет собой водоём, вероятно антропогенного происхождения, образованный в Смирновском овраге, площадью более 3 га. Протяженность пруда более полукилометра, ширина колеблется от 130 до 50 метров. Урез воды (минимальный уровень) составляет 134 м (напомним, что уровень воды в реке Теше в межень, в черте города составляет 116 м от уровня Балтики). Питание пруда осуществляется грунтовыми водами (имеются родники), талыми снеговыми и дождевыми водами [4, с.83-87].

Особый интерес для любителей живой природы, представляет дендрарий города Арзамаса, расположенный практически в центре города и примыкающий к парку им. А.П. Гайдара, что делает посещение данного зеленого объекта весьма удобным для гостей и жителей нашего города. В дендрарии наряду с местными видами деревьев и кустарников, произрастает сосна банкса, веймутова сосна, лжетсуга тиссолистная и др. Всего в Арзамасском дендрарии со-

средоточено более 100 видов деревьев и кустарников, из которых 40 видов являются завезенными [2].

В соседствующем с дендрарием парке им. А.П. Гайдара доминирует берёза, а сам парк является прекрасным местом отдыха и развлечений для детей и взрослых. Парк и оба дендрария (городской и Березовский) являются «домом» для целого ряда оседлых и перелетных птиц, где находят места для своего гнездования синицы, поползни, дятлы, зяблики, дрозды и многие другие пернатые.

Следует отметить, что непосредственно в пределах Арзамаса имеется еще немало уголков природы, подходящих для пеших прогулок и туристических экскурсий по городу. Это зеленые массивы и водоемы на территории города: Пушкинская роща, роща Дубки, зеленая зона 11 микрорайона, сквер на Соборной площади (Ленинский садик), пруды Горячий, Рамзай, пруд на 408 км, пруд в парке Гайдара, Сорочинские (Гайдаровские) пруды, Спасское (Святое) озеро. Практически в черте города, протекает река Теша, со своими живописными берегами и пойменными лугами (прозванными в народе «выездновскими лугами»).

Только природной составляющей туристический потенциал Арзамасского края не исчерпывается. Город Арзамас является одним из старейших городов на нижегородской земле, имеет богатую историю и множество культурно-исторических памятников. Город был основан в 1578 году (условная дата), а территория Арзамасского края была заселена уже несколько тысяч лет назад. В Арзамасе и в Арзамасском районе сохранилось немало памятников архитектуры. В первую очередь это храмы, большая часть из которых к настоящему времени восстановлена и реставрирована. Более 130 памятников истории, культуры и архитектуры взяты под государственную охрану, 25 из них это памятники общероссийского значения. Старейшим, сохранившимся в городе каменным зданием, является Спасо-Преображенский собор, основанный в конце XVI века. Несколько позднее был сооружен Свято-Никольский монастырь, в состав ансамбля которого (на Соборной площади), в начале XIX века, вошла Богоявленская церковь. Во второй половине XVIII века были возведены: Церковь Сошествия Святого Духа, Храм в честь входа Господня в Иерусалим, Храм Тихвинской иконы Божией Матери, Храм Казанской иконы Божией Матери, а также Церковь Живоносного Источника. В этот же период была построена церковь

Смоленской иконы Божией Матери, входящая в Арзамасское подворье Серафимо-Дивеевского монастыря и Ильинская церковь (последняя пока не восстановлена).

В XIX веке было возведено наибольшее количество храмов. Это Церковь Иконы Божией Матери Знамение, Церковь Богоявления Господня Николаевского женского монастыря, Воскресенский собор, Благовещенская Церковь, Церковь Иоанна Богослова, Церковь Святого Апостола Андрея Первозванного, Храм Рождества Христова, Церковь Владимирской иконы Божией Матери [3, с.90].

В Арзамасе сохранилось немало и исторических зданий, построенных в XVIII – XIX веках. Это здание магистрата, расположенное на Соборной площади. Там же, с восточной стороны, находятся дома-близнецы купцов Будылиных. С площади в южном направлении по склону рельефа спускаются Гостиные ряды (в настоящее время ведутся работы по их благоустройству) – в прошлом торговые лавки, а ныне магазины. Завершает ряды здание Арзамасской Биржи (Арзамасский музыкальный колледж). В нижней части города (ул. Урицкого, д.1) находится дом Шкарина («Дом-утюг»), построенный из красного кирпича. В городе сохранились и деревянные дома, например, дом Ханыкова (ул. Советская, д.21), дом Твердова (ул. Верхняя Набережная, д.12) и многие другие.

Некоторые памятники архитектуры уцелели до наших дней и в Арзамасском районе. Так, в поселке Выездном, в XIX веке была воздвигнута Церковь Смоленской иконы Божией Матери, которая является памятником архитектуры федерального значения. В селе Костылиха находится памятник истории и культуры федерального значения Воскресенская церковь, построенная из дерева в 1652 году. На территории Арзамасского района имеются и другие интересные памятники истории и культуры местного значения, возведенные в XIX веке: в селе Веригино – Покровская Церковь, в селе Селякино – Троицкая Церковь, в селе Кичанзино – Покровская Церковь, в селе Второрусское – Троицкая Церковь, в селе Селёма – Троицкая Церковь, в селе Виняево находится Покровская и Успенская Церкви, в селе Степаново – Вознесенская Церковь [3, с.91].

Арзамасская земля по праву может называться музейным краем. В городе имеется несколько музеев, это – Историко-художественный музей, Музей Русского Патриаршества, Мемориальные музеи М. Горького и А. Гайдара, Музей «Мир старины». В

Арзамасском районе находятся – Музейно-выставочный центр Арзамасского района (р.п. Выездное), Музей «Природа» им. С.И. Трофимова (с. Чернуха), Музей горного дела, геологии и спелеологии (с. Бебьяево).

В регионе хорошо развита туристическая инфраструктура. В Арзамасе и Арзамасском районе функционируют два основных вида транспорта: автомобильный и железнодорожный. Арзамас является крупным железнодорожным узлом не только в Нижегородской области, но и в России. По территории района проходят две магистральные железнодорожные линии: с запада на восток: Москва – Казань, с севера на юг: Нижний Новгород – Рузаевка – Пенза. Кроме того, Арзамас расположен на пересечении дорог межобластного и республиканского значения. Через район проходит автомобильная дорога республиканского значения: Нижний Новгород – Саранск. Район напрямую связан с Москвой (по трассам районного значения – через Ардатов, Выксу, Муром). Дорога Муром – Арзамас подходит к городу с запада, через р. п. Выездное, и мост на реке Тёше. В пределах с. Выездное к трассе Муром – Арзамас подключается с юго-западного направления дорога областного значения Выездное – Дивеево – Сатис. Внутригородской транспорт в Арзамасе – автомобильный, он представлен автобусами и личным транспортом. В городе функционирует более 15 автобусных маршрутов. Структура магистральной улично-дорожной сети города характеризуется хорошо выраженной центрально-лучевой системой в центральной исторической части города и свободно привязанной к ландшафтным и планировочным элементам в районах строительства последних лет. Основу магистральной сети составляют улицы: Калинина, Владимирского, Свободы, Ленина и другие, идущие в широтном направлении, и улицы Советская, Космонавтов, 50 лет ВЛКСМ, улица 9 Мая, проспект Ленина и другие, идущие в меридианальном направлении. В городе также работают несколько частных предприятий (такси) оказывающих транспортные услуги [3, с.85-87].

Для всех приезжающих, есть где остановиться и вкусно поесть (кухня преимущественно русская и европейская). Остановиться можно в отелях «Реавиль» и «Бунин», в гостиницах Пантера» и «Веселый Роджер». В 2019 году введен в эксплуатацию современный хостел «Hostel Soda». Досуговая сфера представлена развлекательными заведениями для детей и взрослых в торговых центрах,

кинотеатрами «Люмен» в ТЦ «Омега» и кинотеатром в ФОК «Звездный». Для представителей молодого поколения в Экстрим-парке на ул. Жуковского размещены площадки спортивных субкультур.

В Арзамасе функционируют около 70 предприятий общественного питания открытого типа (кафе, рестораны, бары). Вкусно поесть можно так же в кафе «Русь» на площади Соборной, в кафе «Арзамасская слобода» на улице К. Маркса, в кафе «Де Санти» на улице М. Горького, в отеле-ресторане «Реавиль» на улице К. Маркса.

Таким образом, город Арзамас и Арзамасский район располагают всеми необходимыми составляющими для реализации краеведческого туризма. Находясь практически в центре юга Нижегородской области, Арзамас обладает значительным туристическим потенциалом: среднерусская природа, богатая история, интересные достопримечательности, выгодное географическое положение и разветвленная транспортная инфраструктура, делают Арзамасский край поистине одним из туристических центров России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вершинина Л.В. Экологическая тропа «Березовский дендрарий». Методическое пособие для учителей биологии и экологии. – Арзамас: АГПИ, 2006. – 95 с.
2. Косенкова Н.Н., Шеманаев В.А. География г. Арзамаса и Арзамасского района: Пособие для учащихся общеобразовательных учебных заведений. – Арзамас, 2000. – 197 с.
3. Любов М.С. Арзамасское краеведение: учебное пособие. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2021. – 95 с.
4. Любов М.С. География Арзамасского края. Учебное пособие. – Арзамас: АГПИ, 2007. – 186 с.
5. Любов М.С. Природно-климатические условия Арзамасского региона: монография. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. – 106 с.

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА
В АРЗАМАССКОМ КРАЕ:
ИСТОРИЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ**

**Виктория Николаевна Спирина¹,
Ирина Борисовна Мамаева²**

¹МБУК «Межпоселенческая централизованная библиотечная система» Арзамасского района Нижегородской области, Арзамасская центральная районная библиотека им. И.Н. Сахарова, заведующая отделом краеведения
Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: libsa@bk.ru

²МБУК «Межпоселенческая централизованная библиотечная система» Арзамасского района Нижегородской области, Арзамасская центральная районная библиотека им. И.Н. Сахарова, заведующая отделом комплектования и обработки документов
Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: libsa@bk.ru

В статье рассказывается об истории появления первых библиотек в Арзамасском крае, о значении благотворительной деятельности в становлении этих «очагов» культуры и распространении печатного слова. Знаковые фигуры таких видных общественных деятелей, меценатов и энтузиастов, как И.Н. Сахаров, Ф.Ф. Павленков, В.П. Вахтеров навсегда записаны в скрижали истории, в том числе истории библиотечного дела.

Ключевые слова: история библиотечного дела; сельская библиотека; благотворительность; библиотечный фонд

Библиотечная система Арзамасского района – одна из самых старейших в области. Уже 5 библиотек перешагнули 120-летний юбилей. В 1895 г. была создана библиотека в Выездной слободе, в 1897 – в Абрамове и Мотовилове, в 1898 – в Новом Усаде, в 1901 – в Чернухе [10].

История появления первых библиотек в окрестностях Арзамаса иллюстрирует особенности распространения библиотечного дела в российских сёлах на рубеже XIX-XX вв. Именно в это время количество сельских библиотек увеличивается лавинообразно. В 1915 г. в Российской империи действовали уже 25 тысяч сельских библиотек [7, с. 169].

В известной книге историка библиотечного дела и социологии чтения в России Абрама Ильича Рейтбалта «От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы» описываются и анализируются истоки и факторы развития библиотечного дела на селе в Российской империи. На широком общественном уровне этот вопрос был поставлен еще в 1840-х гг.

Он обсуждался последующие десятилетия, и главными стали вопросы о составе фонда сельских библиотек, читательских запросах, а также финансовые источники их создания и содержания. Первоначально планировалось, что проводником чтения на селе должна стать церковь. Но немногочисленные библиотеки при сельских храмах у грамотной части крестьянства пользовались не слишком большой популярностью [7, с. 170-173].

В 1870-1880-х гг. библиотечное обслуживание на селе осуществлялось преимущественно при сельских школах. С 1867 г. по распоряжению Министерства народного просвещения они стали доступны не только школьникам, но и всему крестьянскому населению данной местности. Однако к 1896 г. из 18391 библиотек при сельских школах только порядка 2-3 тысяч были общедоступными. С начала 1880-х гг. заметную роль в развитии библиотечного дела на селе стало играть земство, в 1890-х гг. – при активном участии общественных организаций: Комитет грамотности при Московском Обществе сельского хозяйства, Петербургский комитет грамотности при Вольном Экономическом обществе, Нижегородское общество распространения начального образования и другие. При этом земства и общественные организации осуществляли главным образом финансовую поддержку, а непосредственные повседневные задачи по организации библиотек выполняли представители местной интеллигенции (врачи, педагоги, статистики). Результат не заставил себя долго ждать, уже во второй половине 1890-х гг. среди сельских библиотек стали преобладать самостоятельные «народные библиотеки», а не пришкольные [7, с. 174-186].

Решающе ощутимую роль в истории развития библиотечного дела на селе во второй половине XIX – в начале XX вв. сыграла благотворительная деятельность меценатов и энтузиазм идейно заинтересованных представителей купечества, интеллигенции. Еще начиная с 1850-х гг., когда вопрос об интенсивном развитии инфраструктуры сельских библиотек только-только обсуждался, уже получила распространение практика открытия публичных сельских библиотек на средства от пожертвований [5, с. 64-68; 7, с. 175-178].

Знаковым примером стало духовное завещание Флорентия Федоровича Павленкова (1839-1900), благодаря которому земства получили ощутимую поддержку в организации народных библио-

тек. С 1901 по 1911 г. на средства книгоиздателя в 53 губерниях были открыты две тысячи библиотек.

И если библиотеки в Абрамове и Мотовилове были открыты как пришкольные библиотеки при земских начальных училищах, то библиотеки в Выездной слободе, Новом Усаде и Чернухе – как народные библиотеки на средства от пожертвований меценатов. При этом инициаторами открытия библиотек в Выездной слободе и Новом Усаде стали представители российской интеллигенции и местные уроженцы – юрист и правозащитник Иван Николаевич Сахаров (1860-1918) и учёный-педагог Василий Порфирьевич Вахтеров (1853-1924). А библиотека в Чернухе оказалась и вовсе в числе двух тысяч «павленковских» библиотек, открытых на средства книгоиздателя. Все три библиотеки в настоящее время носят имена тех энтузиастов и меценатов, благодаря которым они были открыты [10]. А история появления первых сельских библиотек в окрестностях Арзамаса на рубеже XIX-XX вв., таким образом, созвучна с историей развития библиотечного дела на селе этого времени.

Важно понимать и мотивы, которыми руководствовались энтузиасты и благотворители, по воле которых с конца XIX в. библиотека стала неотъемлемым атрибутом повседневной и культурной жизни в российской сельской глубинке.

Будущий юрист, правозащитник и просветитель И.Н. Сахаров родился 8 октября 1860 г. в Выездной слободе, предместье Арзамаса, где сейчас находится Арзамасская центральная районная библиотека, носящая имя своего создателя. Дед и отец Ивана Николаевича – Иоанн Иосифович (1789-1867) и Николай Иванович (1837-1916) Сахаровы были протоиреями Воскресенского собора в Арзамасе. Но для себя Иван Николаевич избрал иной жизненный путь. Окончив Нижегородскую мужскую гимназию (в 1879 г.) и юридический факультет Московского университета (в 1884 г.), он начинает службу на адвокатско-правовом поприще в качестве помощника присяжного поверенного, а с 1889 г. – присяжного поверенного Московского окружного суда. Адвокатская практика складывается успешно, И.Н. Сахаров выступает на громких уголовных и политических делах того времени. Впоследствии одно из его выступлений было опубликовано в семитомнике «Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах». В это же время Иван Николаевич активно публикуется в газетах «Русские ведомости» и «Русское

слово», а позже занимается и правозащитной общественной деятельностью. И.Н. Сахаров был одним из редакторов-составителей большого сборника «Против смертной казни» (в числе опубликованных в нём работ были тексты Л.Н. Толстого, В.В. Розанова, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, П.А. Кропоткина и др.), ставшего громким событием в общественно-правовой жизни России начала XX века [8; 9; 10].

В 1917 г. И.Н. Сахаров возглавил Московское юридическое собрание, в которое был избран двумя годами ранее.

Но Иван Николаевич Сахаров был не просто юристом и общественным деятелем-правозащитником, но также и просветителем - членом правления Московского общества грамотности, участником Фонда народного просвещения при газете «Новь», членом финансово-исполнительской комиссии Педагогического общества им. Ушинского. Создание и поддержка публичной библиотеки в родной Выездной слободе стало для Ивана Николаевича частью его просветительской работы на благо соотечественников.

До революции 1917 г. И.Н. Сахаров постоянно заботился о пополнении библиотечного фонда. И в народе, и официально Выездновская библиотека слыла массовым и популярным просветительским центром. После событий 1917 г. данные о деятельности Сахаровской библиотеки становятся противоречивыми: в 1920-1930-е гг. библиотека еще продолжала свою культурную работу в новых советских условиях и формах (как изба-читальня, клуб), но постепенно ценнейшие фонды сокращались и утрачивались, и сейчас можно подержать в руках лишь одну «чудом сохранившуюся» книгу со штемпелем Сахаровской библиотеки – «Жития святых за месяц июль» (1897). Имя самого Сахарова было забыто вплоть до 1993 г. [8; 9; 10].

И только активные исследования биографии другого знаменитого Сахарова, Андрея Дмитриевича (ученого-физика, Нобелевского лауреата) позволили установить связь между двумя этими личностями. Оказалось, что Иван Николаевич был дедом Андрея Дмитриевича. Заодно удалось восстановить подробности истории создания сахаровской библиотеки в Выездной слободе. В 1995 г. Арзамасской центральной районной библиотеке, в год ее 100-летия, было возвращено имя Ивана Николаевича Сахарова. Уже 127 лет сахаровская библиотека является очагом и центром культурной

жизни Арзамасского края, а в 2021 г. Арзамасская центральная районная библиотека им. И.Н. Сахарова была модернизирована по модельному стандарту, став первой модельной библиотекой в районе.

Открытие Новоусадской сельской библиотеки в 1898 г. стало еще одним примером практического воплощения просветительской деятельности другого известного русского подвижника образования – учёного-педагога и создателя русской методики начальной школы Василия Порфирьевича Вахтерова [10].

Новый Усад – одно из старейших сёл пригорода Арзамаса. В письменных источниках активно упоминается, начиная с 1586 г., став одним из центров заселения окрестностей Арзамасской крепости. В XVII – XIX вв. Новый Усад – одно из самых больших сёл в округе. Поэтому неслучайно, что в 1898 г. В.П. Вахтеровым народная библиотека была открыта именно здесь.

Василий Порфирьевич Вахтеров родился в Арзамасе 13 (25) января 1853 г. Учился в Арзамасском духовном училище и Нижегородской духовной семинарии. Окончив в 1874 г. курсы при Московском учительском институте, до 1890 г. работал в системе образования Смоленской губернии, в 1890-1897 гг. – инспектором народных училищ в Москве, в 1897-1902 гг. занимается педагогической деятельностью на Морозовской мануфактуре в Твери, после чего снова возвращается в Москву.

В российской педагогической науке В.П. Вахтеров известен как учёный-педагог, методист начальной школы, активный приверженец распространения народного образования, которое он считал необходимым условием общественного прогресса [1; 4]. Например, учёный придерживается убеждения, «что обучить девочку, будущую мать семейства, значит сделать грамотным всё её потомство». По его же инициативе была открыта первая женская школа в Ардатовском уезде.

В.П. Вахтеров настаивал на введении всеобщего обязательного начального образования, бессловной школы, расширении школьной программы и большей согласованности учебных программ начальной и средней школы. Будучи последователем педагогических взглядов К.Д. Ушинского, В.П. Вахтеров разработал собственную эволюционную («новую») педагогическую теорию, рассматривающую процесс обучения и воспитания как поступательное движение. При этом он выступал против телесных наказаний, по-

давления личности и строгого контроля домашней жизни учеников, полагал, что мотивация к обучению должна выстраиваться на стремлении детей к познанию и общественному идеалу, а процесс обучения и воспитания должен ориентироваться на личность ребенка.

В.П. Вахтеров предлагал изгнать из детской педагогики унылость и однообразие, для чего нужны новые учебники и педагоги, готовые совершенствовать свое мастерство через самообразование. Сам Василий Порфирьевич стал автором одного из самых популярных (120 изданий) «Русских букварей», по которому учились грамоте большинство детей в России с конца XIX и в первые десятилетия XX в., а также составил в соавторстве с супругой, Эмилией Орестовной Вахтеровой (Кислинской), фундаментальную детскую хрестоматию «Мир в рассказах для детей. Первая после Букваря книга для классного чтения в начальных училищах». В ней закрепились навыки чтения, расширялся кругозор учащихся об окружающем мире на примере фольклорных и художественных текстов. Оба труда стали классикой в истории учебной литературы на русском языке.

Педагогическая и научная работа В.П. Вахтерова всегда сопровождалась личным участием в создании и развитии институтов и учреждений образования и просвещения в стране. Василий Порфирьевич участвовал в деятельности Московского комитета грамотности, в организации школ и внешкольных учреждений, воскресных школ, библиотек. Значительную финансовую поддержку в деле открытия последних В.П. Вахтеров получил от Товарищества И.Д. Сытина, которое выделило просветителю 40 тыс. рублей на устройство библиотек его имени. Всего на средства Товарищества И.Д. Сытина в России было открыто 20 «вахтеровских» библиотек, одна из которых – народная библиотека в селе Новый Усад. Сам мэтр руководил созданием ее книжного фонда, передал землякам много личных книг [10]. Впоследствии Василий Порфирьевич интересовался работой своих библиотек, переписывался с заведующими, посылал новые книги, выписывал журналы, делал пожертвования деньгами, по просьбе некоторых заведующих посылал свой портрет. Примечательно, что в книге «Народные чтения» В.П. Вахтеров объяснял, почему продвижение чтения в большей степени востребовано именно на селе, а не в городах [3, с. 206-207]. А в ра-

боте «Внешкольное образование народа» непосредственно сельским библиотекам посвящен весь первый 79-страничный раздел [2, с. 3-82].

Таким образом, открытие народной библиотеки в Новом Усаде стало для В.П. Вахтерова одним из событий в фарватере активной общественной деятельности ученого.

И сегодня Новоусадская сельская библиотека, в 2015 г. вернувшая имя В.П. Вахтерова, продолжает традиции своего основателя. И снова находятся энтузиасты, помогающие библиотеке. На протяжении последних лет удалось выстроить творческие и деловые отношения с директором библиотеки № 231 Северо-Восточного округа города Москвы Алхимовой Татьяной Михайловной, и благодаря этому сотрудничеству фонд Новоусадской сельской библиотеки им. В.П. Вахтерова за сравнительно небольшой период пополнился новыми изданиями, методических пособиями, библиотечной техникой. Большой друг и покровитель Новоусадской сельской библиотеки им. В.П. Вахтерова - кандидат филологических наук, профессор, исследователь научного и педагогического наследия В.П. Вахтерова, заслуженный учитель РФ, отличник народного просвещения Пучкова Галина Арсентьевна. На протяжении нескольких лет она продолжает сохранять традиции меценатства и с радостью дарит книги из личной библиотеки нашим читателям. Среди подаренных изданий – образцы классической русской и зарубежной прозы, книги по литературоведению, научные исследования и сборники, автором которых является сама Галина Арсентьевна.

История открытия Чернухинской сельской библиотеки им. Ф.Ф. Павленкова в ноябре 1901 г. – это история открытия одной из павленковских библиотек. В 1997 г. сотрудниками Арзамасской центральной районной библиотеки в Государственном архиве Нижегородской области города Арзамаса было обнаружено письмо самого активного из душеприказчиков Павленкова - Валентина Ивановича Яковенко, адресованное в Арзамасскую уездную управу 7 августа 1900 г., в котором сообщается о завещании Ф.Ф. Павленкова, с предложением об открытии новых сельских библиотек в Арзамасском уезде.

Арзамасским земством идея была поддержана, в результате в уезде открылись сразу две павленковские библиотеки – в сёлах

Чернуха и Крутой Майдан. Однако село Крутой Майдан, где находится еще одна павленковская библиотека, в настоящее время относится к соседнему Вадскому району.

Библиотека в Чернухе со времени основания субсидировалась от уездного земства по 50 рублей в год, в том числе на формирование и пополнение ее фонда. Известно, что в 1909 г. книжный фонд этой библиотеки составлял уже 500 экземпляров на сумму 270 рублей. Многие годы библиотека была единственным очагом культуры в этом большом селе. Да и современную общественную и культурную жизнь в селе невозможно представить без библиотеки. Сегодня библиотека в с. Чернуха находится на пороге больших перемен и вместе со своими читателями «ожидает» беспрецедентного пополнения книжного фонда современными изданиями, популярными сериями, качественной детской литературой благодаря своему успешному участию в нац. проекте «Культура».

Все названные выше знаковые события и фигуры, безусловно, оказали сильнейшее влияние на становление библиотечного дела в Арзамасском районе. Отталкиваясь от этих истоков, мы и сегодня являемся свидетелями поступательного движения благотворительной деятельности в поддержку сельских библиотек.

Конечно же, сельские библиотеки активно поддерживают в настоящее время читатели: безвозмездная передача книг по-прежнему остается одной из важных составляющих развития библиотечного фонда. Оказывают адресную помощь, в том числе и передачей уникальных домашних коллекций, известные деятели культуры и науки, общественные организации и предприятия города и района.

Библиотечный фонд МЦБС неоднократно пополнялся дарами почетного друга библиотек Арзамасского района, участника многих масштабных районных мероприятий, Евгения Павловича Титкова, писателя, доктора исторических наук, профессора, Заслуженного работника высшей школы РФ, члена Союза писателей России, члена Союза журналистов России. Только в 2021 г. более 500 новых экземпляров книг поступило от Евгения Павловича из личной его библиотеки, которые он бережно собирал и хранил в течение всей его жизни. Посвященные истории России, политологии, истории философской мысли, книги духовного содержания – все эти издания сразу же вызвали читательский интерес. Среди даров также бы-

ли представлены великолепные справочные документы, художественные и краеведческие экземпляры, авторские «проекты» самого Евгения Павловича.

Известный советский и российский поэт, член правления Союза писателей России Николай Борисович Рачков передал в дар Кирилловской сельской библиотеке, которая носит имя поэта (Николай Рачков родился в Кирилловке), порядка 150 экземпляров книг из личной коллекции. В их числе издания современных российских поэтов и прозаиков, проживающих в разных уголках нашей родины, а также петербургских друзей и коллег по перу, сборники произведений самого Н.Б. Рачкова. Многие эти издания имеют дарственные надписи, поэтому особо ценны для нас и составляют часть выставочной экспозиции, посвященной Николаю Борисовичу

В фонде Красносельской сельской библиотеки есть книги из личной коллекции народной артистки Российской Федерации Валентины Ивановны Теличкиной, переданные в дар известной советской и российской актрисой в библиотеку своего родного села Красное.

В адрес библиотек Арзамасского района регулярно поступают посылки от благотворительного фонда «Созидание». Благодаря их проекту «Читающая Россия» библиотеки маленьких населенных пунктов становятся интереснее и привлекательнее для читателей. Среди даров - книги современных авторов детективного жанра, фэнтези, издания для детей, отраслевая литература.

Один из щедрых дарителей книг нашей библиотеки - Левин Юрий Леонидович, генеральный директор АО «Транснефть – Верхняя Волга». Им подарено в Балахонихинскую сельскую библиотеку свыше 500 книг разнообразной тематики – историческая литература, собрания классиков русской литературы, детективные романы, зарубежная литература.

В 2020 г. была оказана благотворительная помощь в виде 67 экземпляров книг (энциклопедии и справочники, научно-популярная и учебная литература, а также книги для детей) от Ребковец Ольги Александровны, руководителя проекта «Тотальный диктант» одноименного Фонда поддержки языковой культуры граждан. Переданные центральной библиотеке книги от «Просвещения» помогут школьникам подготовиться к ОГЭ и ЕГЭ, позволяя

укрепить свои знания в написании сочинения и успешно овладеть орфографическими нормами современного русского языка.

Удивительным случаем благотворительной поддержки сельских библиотек стала история Мотовиловской сельской библиотеки. В 2021 г. в библиотеку обратился Станислав Вениаминович Суриков с предложением принять в дар личную коллекцию книг, которую начал собирать еще его отец – Вениамин Васильевич Суриков, родившийся и выросший в Мотовилове. Коллекция насчитывает более 3000 книг и журналов, в ней представлены классика, мемуары, книги писателей и поэтов-диссидентов, собрания сочинений поэтов-«шестидесятников», восточная поэзия, книги из серии ЖЗЛ, альбомы по изобразительному искусству.

Подводя итоги, хочется отметить, что традиции меценатства и благотворительности, стоявшие у истоков развития библиотечного дела в сельских библиотеках Арзамасского уезда, и сегодня находят своих искренних последователей и энтузиастов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басов Н.Ф. Продолжатель идей К.Д. Ушинского (Василий Петрович Вахтеров. 1853-1924) // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodolzhatel-idey-k-d-ushinskogo-vasiliy-porfirievich-vahterov-1853-1924/viewer>. (Дата обращения: 17.09.2022).

2. Вахтеров В.П. Внешкольное образование народа. – СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1896. – 380 с.

3. Вахтеров В.П. Народные чтения. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1897. – 209 с.

4. Вахтеров Василий Порфирьевич // Режим доступа: <http://elib.gnpbu.ru/sections/0100/vahterov/>. (Дата обращения: 17.09.2022).

5. Воробьева А.С. Вклад меценатов в развитие библиотечного дела в России во второй половине XIX – начале XX века // Режим доступа: <https://bibliotekovedenie.rsl.ru/jour/article/view/857/1034>. (Дата обращения: 17.09.2022).

6. Голубцова И.А. Народные библиотеки дореволюционной России: история создания и развития : Дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03. – СПб., 2000. – 162 с.

7. Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 448 с.

8. Сахаров Иван Николаевич // Режим доступа: <http://cbsarz.ru/kraevedenie/sakharov-in>. (Дата обращения: 17.09.2022).

9. Сахаров Иван Николаевич // Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Сахаров,_Иван_Николаевич. (Дата обращения: 17.09.2022).

10. Сведения по истории Арзамасской центральной районной библиотеки им. И.Н. Сахарова, Абрамовской сельской библиотеки им. А.И. Плотникова, Мо-

товиловской сельской библиотеки, Новоусадской сельской библиотеки им. В.П. Вахтерова, Чернухинской сельской библиотеки им. Ф.Ф. Павленкова приводятся на основании материалов архива отдела краеведения Арзамасской центральной районной библиотеки им. И.Н. Сахарова.

ШКОЛЬНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ КАК ЧАСТЬ РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА В ОБРАЗОВАНИИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В 1997–2022 ГГ.

Татьяна Петровна Урожаева

*Иркутский государственный университет, лаборатория исторической и политической демографии, к.и.н., научный сотрудник
г. Иркутск; e-mail: olgoy@ya.ru*

Региональный компонент образования нашел свое отражение, прежде всего, в краеведческих учебных курсах. Материалы краеведения, как правило, включались в содержание таких предметов, как история, литература, география, а во внеурочной и внеклассной работе краеведение выступало как самостоятельное направление деятельности школьников. Школьное краеведение – это, прежде всего конкретное восприятие природы, социума, особенностей экономического, демографического, культурного развития данной местности и понимание на этой основе исторических традиций народа, проживающего в данном регионе.

Ключевые слова: краеведение; региональный компонент; школьные музеи; конференция «Байкальское кольцо»; краеведческие чтения

Краеведение – это не просто знания, а путь к их постижению, метод познания мира, явлений, времен, своеобразная школа понимания исторического опыта, взаимосвязи общества и природы, культуры и науки. Велико воздействие краеведения на разум и душу. Академик Д.С. Лихачев отмечал, что «любовь к родному краю, знание его истории – основа, на которой только и может осуществляться рост духовной культуры всего общества. Культура как растение: у нее не только ветви, но и корни. Чрезвычайно важно, чтобы рост начинался именно с корней». Осознание ценности культурного, природного, исторического наследия способствует формированию чувства гордости, сопереживания, ответственности, гражданской ответственности.

Иркутский областной Центр детско-юношеского туризма и краеведения предложил вопросы на викторину «Вспомним о забытом», целью которой является приобщение к народной русской культуре, умение самостоятельно вести исследовательскую работу, а также знакомство с местной сибирской культурой.

В ноябре 1997 г. викторина проводилась для учащихся школ, лицеев, гимназий, школ-интернатов, детских домов и других внешкольных учреждений. Вопросы, предлагаемые по традиционной народной культуре, предполагали не только письменные ответы. Организаторы были рады получить местные образцы фигурной выпечки из теста и предметы, дополняющие сообщение [4, с. 3].

В 1997 г. на окраине с. Хомутово, там, где р. Куда образовала крутые обрывы, Хомутовский ДПМК вел добычу гравия для нужд строительства. На двух экскаваторах работали выпускники Хомутовской школы № 2 С. Бикеев и С. Казанков. В школьном музее они видели кости вымерших животных: мамонта, носорога и быка-бизона.

Музей при школе был основан в 1964 г. В него постоянно поступали зубы и бивни мамонтов. Здесь было восемь бивней молодых и взрослых мамонтов, кости шерстистого носорога, быка-бизона. Посетители музея обращали внимание на бедренные кости мамонта и трогонтериева слона [21, с. 4].

Каждая экспедиция, поездка – это не только познание Отечества, его истории, это новые и новые экспонаты музея. В октябре 1997 г. их было 4,5 тыс. Из 11 отделов музея наиболее были крупными: геологии, археологии, палеонтологии, этнографии [2, с. 3].

В 1998 г. музеем в п. Хужир, на байкальском о. Ольхон, был восстановлен статус филиала областного музея краеведения. С 1988 г. музей возглавила К. Ревякина, дочь известного краеведа и создателя этого музея Н.Ревякина. Он организовал его в 1950 г., когда стал директором Хужирской школы.

Это был самый старый школьный музей области. В это время создавались музеи в Листвянке, Братске, Алыгджере, Ербогачене, в селах области. Они возникали, исчезали, вновь создавались. Музей в Хужире работал беспрерывно много лет. В летнее время, когда ходил теплоход «Комсомолец», Ольхон стал настоящей Меккой для туристов, приезжающих из многих городов России и Союза. Туристы заглядывали в ревякинский музей, оставляли свои записи в книге отзывов, благодарили за удивительную экспозицию [22, с. 6].

Ревякинские чтения впервые были проведены в 1999 г. Первые чтения были посвящены 100-летию юбилею народного учителя, вторые – 50-летию музея, созданного Н. Ревякиным в Хужире.

В 2003 г. научно-практическая конференция вторых Ревякинских чтений была посвящена роли государственных музеев в развитии школьного краеведения [7. С. 4].

В. Иванова, ученица 10 класса Писаревской средней школы Тулунского района, провела настоящее расследование, прежде чем узнала подробности родословной крестьянской династии Костыро, старейшина которой был известным учёным-селекционером. Интересными были доклады ребят из школ г. Слюдянки, с. Еланцы Ольхонского района, Коршуновской средней школы Нижнеилимского района [9, с. 2].

На Ревякинских чтениях предполагались интересные экскурсии по о. Ольхон, знакомство с обычаями бурятского народа, участие в шаманском камлание и многое другое [18, с. 3].

В с. Баклаши в Шелеховском районе с 1997 г. постоянно работал отряд «Память». Школьная детвора активно участвовала в операции под названием «Ветеран живет рядом». Ежегодно проводили мероприятия, связанные с днем рождения генерала армии А.П. Белобородова. В 2002 г. подготовили и провели урок мужества, посвященный 99-летию легендарному командарму.

В 1999 г. поисковый отряд был приглашен принять участие в международной эстафете памяти по местам боев 43-й армии. Это были дни празднования 55-й годовщины освобождения Белоруссии в результате успешно проведенной операции «Багратион» [17, с. 3].

В марте 2003 г. завершился областной смотр-конкурс музеев боевой славы учебных заведений. В конце октября члены комиссии по проведению смотра и жюри конкурса побывали в с. Баклаши, на родине прославленного полководца Великой Отечественной войны А.П. Белобородова, и в г.Шелехове.

Четыре года здесь работал отряд «Память», который осуществлял поиск фактов, документов и переписки, фотоснимков А.П. Белобородова, а также розыск баклашинцев, павших на фронтах Великой Отечественной войны.

Подготовились к юбилею А.П. Белобородова в шелеховской гимназии № 3, а также в городском музее им. Г.И. Шелехова [29, с. 4].

В 2000 г. по итогам смотра-конкурса музеев учебных заведений области, посвященного 55-летию Великой Победы, признан победителем музей средней общеобразовательной школы п. Ербо-

гачен Катангского района. Он был создан в 1964 г., и все это время им руководила М.И. Балакшина, ставшая за этот срок заслуженным учителем РСФСР, отличником краеведения.

Музей состоял из четырех отделов: история школы, жизнь и быт населения, природа края и участие земляков в Великой Отечественной войне. По итогам смотра музей был награжден дипломом и представлен к занесению в Книгу Почета Всероссийской организации ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов, а М.И. Балакшина была награждена Грамотой и нагрудным знаком [15, с. 2].

В катангском школьном музее активно формировались юные патриоты. Назовем их: Ш. Захаренко, А. Хохлушкина, К. Верхотурова, К. Долина, А. Щербакова и Н. Маркова. Они готовили замечательные экскурсии для ребят школы. Темы этих экскурсий: «Коренные жители Северной Катанги», «Из истории исследования нашего района», «Наши земляки в Великой Отечественной войне» [8, с. 7].

В 2002 г. были подведены итоги викторины для ребят «Вспомним о забытом». Наибольшее количество баллов набрали школьники Дома детского творчества г. Черемхова (рук. З. Мамаева). Их работа с рисунком, редкими фотографиями, воспоминаниями старожил, изделиями из теста представляла целое научное исследование [25, с. 4].

Более 30 лет занимался краеведением учитель истории Каменской школы Боханского района Н. Фетисов. Он и его ученики создали прекрасный музей. Впечатляли отделы археологии и палеонтологии. Н. Фетисов и его ученики собрали тысячи каменных и костяных орудий, вскрыли 15 могил захоронения. Николай Васильевич вел научную работу, заведовал музеем, вел кружок краеведов, возил своих учеников в Усть-Орду на конференции, проводил экскурсии [26, с. 3].

В 2003 г. был проведен смотр-конкурс музеев учебных заведений, объявленный областным советом ветеранов в честь 58-й годовщины Победы. По праву высокую оценку получила совместная работа совета ветеранов Байкальского микрорайона Октябрьского округа и школы № 32 г. Иркутска. За три с половиной месяца 2001 г. здесь провели ряд значительных, интересных и содержательных встреч и других акций с участием самих школьников ветеранов

войны, труженников тыла военных лет и тех, кто перенес блокаду Ленинграда [5, с. 3].

Главный приз в исторической викторине «Отчего края» за 2000–2001 г. получила ученица 11 класса Чунской средней школы Т. Плющенкова. Победителями викторины в других возрастных номинациях стали С. Жабинский (13 лет), ученик 7 класса гимназии № 1 из Саянска [11, с. 5].

В ноябре 2002 г. в областном центре детско-юношеского туризма и краеведения открылась традиционная научно-практическая конференция «Байкальское кольцо-2002», посвященная 65-летию Иркутской области. Работа секций проходила по таким направлениям, как «Историческое краеведение», «Подземные клады Прибайкалья», «Из глубины веков», «Этнография», «Живи, Земля!», «Церковное краеведение» [16, с. 2].

В июле 2003 г. вышел V-й номер Вестника областного центра детско-юношеского туризма и краеведения «Байкальский ветер» (издавался с 1995 г.). Под эгидой центра вышли материалы научно-практической конференции школьников «Байкальское кольцо», сценарии проведения православных и народных праздников в школах, сборники детских научно-исследовательских работ, «Календарь краеведа» [31, с. 3].

В декабре 2005 г. в Иркутске открылась 13 областная научно-практическая конференция школьников «Байкальское кольцо». В работе форума принимали участие около 200 учащихся школ Приангарья.

Участники секции экологии рассказали об антропогенном влиянии на природные ландшафты. На секции археологии были представлены доклады о стоянках каменного века, об истории бурятского народа и известных археологах Прибайкалья. Юные этнографы поведали о ремеслах и промыслах древних народов [20, с. 3].

Специалисты черемховского Дома творчества детей и юношества занялись краеведением и школьными музеями. Направление поддержали методисты отдела образования и заместители директоров школ, ушла в прошлое неприглядная практика исчезновения собираемых учениками и учителями материалов, экспонатов, стендов при смене руководителей кружков. Такое произошло с музеем первых черемховских пионеров в школе № 9, а в конце 1990-х гг. – с комнатой боевой славы в школе № 30. Группа девочек из школы

№ 3, к примеру, приготовила из ватмана макет центральной улицы бывшего села с усадьбами, даже установила фамилии хозяев домов [12, с. 2].

В 2001 г. при иркутской школе-гимназии № 44 открылся музей боевой славы. Инициаторами его создания стали члены совета ветеранов Великой Отечественной войны г. Иркутска В.И. Феоктистов и В.М. Боровской. Их стараниями, с привлечением учащихся гимназии, были собраны первые исторические экспонаты для выставки. Теперь в школьном музее можно увидеть схемы-карты боевых сражений, фотоматериалы, а также солдатское обмундирование, часы, гармоника, медали, ордена. Администрация гимназии в лице замдиректора по воспитательной работе Н. Опариной попросила иркутян оказать содействие в пополнении выставки [30, с. 3].

В декабре 2002 г. научные чтения Б. Дыбовского прошли в култукской средней школе № 7. Польский зоолог, сосланный в Сибирь за участие в Польском восстании, жил в п. Култук, занимался изучением природных условий и фауны Байкала. Четвертые по счету чтения посвящены были столетию школы, которая, как и многие школы России, начиналась с крестьянской рубленой избы, купленной под церковно-приходскую школу. По этой теме был заслушан доклад под названием «Култукская церковно-приходская школа», который сделала преподаватель школы историк А.Горяшина.

Школьная наука в рамках чтений курировалась наукой академической. Приведем лишь несколько школьных сообщений: «Проект Иркутской ГЭС на Зыркузунской петле» (автор Ж. Акишина, 6 кл.), «Изменение береговой линии юго-западной оконечности Байкала» (О. Савельев), «Старый Хамар-Дабанский тракт. Новые аспекты» (Д. Васильев, 8 кл.). По итогам чтений было предложено издать тезисы докладов и выступлений [1, с. 2].

В 2003 г. Усть-Илимская городская общественная организация ветеранов Великой Отечественной войны объединяла 246 ветеранов. Вместе с членами совета и активистами довелось принять участие в интересной встрече с учащимися и педагогами средней школы № 10. Встреча была посвящена земляку, дважды Герою Советского Союза генералу армии А.П. Белобородову.

Музей, созданный в школе № 10, можно назвать уникальным. По существу, это пять тематических отделов большого музея, экспозиции которого были размещены в нескольких комнатах, в холле

и даже с этажа на этаж по одному из лестничных переходов. Музей истории школы: экспонаты – с первого дня 1981 г. Музей истории г. Усть-Илимска. Музей боевой славы. Музей природы – ему дали два названия: музей лета и музей экологии края. И этнографический музей «Наследие» [27, с. 5].

В сентябре 2005 г. на базе лагеря «Электроник» под Иркутском прошел юбилейный, 50-й, слет юных туристов-краеведов Приангарья, посвященный 60-летию Победы. В рамках слета были организованы краеведческое многоборье и спортивное ориентирование, смотр стенгазет и викторина «Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны» [28, с. 2].

В марте 2010 г. шесть музеев боевой и трудовой славы образовательных учреждений, представляли Иркутскую область в Москве на Всероссийских смотрах-конкурсах, посвящённых 65-летию Победы. Были поданы заявки от историко-краеведческого музея школы № 6 г. Усолья-Сибирского, музея «Молодая гвардия» школы № 1 г. Слюдянки, музея им. В.И. Мокровицкого Дворца творчества детей и молодёжи г. Братска. В жюри отметили музей трудовой и боевой славы школы № 1 г. Черемхова, краеведческий музей школы № 9 г. Усть-Кута и «Музей Победы» г. Ангарска [32, с. 8].

В мае 2011 г. музей истории Иркутска решил провести конкурс «Пусть всегда будет солнце», в котором приняли участие только школьные музеи. Посвятить его решили юбилею города. По результатам конкурса первое место занял музей школы № 76, второе место поделили музеи школ № 14 и № 49. Третье место досталось школам № 11 и № 80.

Ребята из музея школы № 49, например, вели активную работу по сбору информации об участниках и ветеранах Великой Отечественной войны. Их школа расположена в Иркутске II. В городке авиастроителей, как иногда называют Иркутск II, во время Великой Отечественной войны располагались эвакогоспитали, так что у ребят исследовательской работы – непочатый край.

А вот в музее школы № 11 досконально изучили историю Поста № 1, который был установлен в Иркутске в 1975 г., после того как зажётся Вечный огонь славы. В почётный караул Поста № 1 ежегодно заступало более 1,5 тыс. старшеклассников иркутских

школ. На презентации ребята рассказывали ещё и о своей этнографической исследовательской работе.

Экологические темы, в числе которых информация о природных богатствах нашего края – полезных ископаемых, разрабатывали в музее школы № 30. Гордость музея – своя коллекция минералов «Байкальские самоцветы». [24, с. 3].

В 2013 г., как и много лет подряд, ученики младших классов своё знакомство со школой начинали в музее боевой и трудовой славы: такая традиция существовала в железнодорожной школе № 4. Ребята сами решали, какое задание дать каждой поисковой группе, какому классу готовить поздравительную акцию «Солдатский треугольник» или уроки мужества, какую помощь оказывать ветеранам войны. И естественно, педагоги школы и ученический совет музея были первыми помощниками [23, с. 2].

Начинающие археологи встретились на тракте Тайгурка – Холмушино. Учитель географии Т. Лисова рассказала, что под осыпавшимся берегом Белой её подопечные увидели скелет человека, завернутый в бересту. На второй день раскопок тайгурские школьники с основной работой почти закончили с новыми косточками из раскопа. Детей в экспедицию отбирали по простому принципу: ученики поселковой школы, занимающиеся краеведением. Они принимали участие в работе областного лагеря, на р. Белую приехали, когда археологи продолжили раскопки [13, с. 4].

В ноябре 2014 г. Д. Казмирук, учащийся Карлукской школы, стал победителем межрегиональной олимпиады по байкаловедению, которая проходила в Республике Бурятия. В творческом конкурсе команда Иркутской области заняла 4-е место. В рамках олимпиады был проведён семинар для руководителей, посвящённый внедрению национально-региональных компонентов в образование и воспитание на примере ознакомления и изучения особо охраняемых природных территорий Байкальского региона [33, с. 2].

Шестиклассники из школ Иркутска могли побывать в Иркутском областном художественном музее. На один учебный день школьникам предлагали погрузиться в атмосферу музейных залов. В доступной форме, на примерах школьников знакомили с темами «Русское искусство VIII–XIX вв.», «Русские художники-передвижники», «Искусство Востока», «Иконопись и сибирская икона», «Сибирский фарфор», «Сибирский портрет», «Иркутские

художники», «В.П. Сукачёв – городской голова Иркутска», «Быт и культура русской дворянской усадьбы в XIX веке».

По итогам занятия в музее школьники готовили творческие работы: эссе, презентации, видеоролики, которые после могли использовать на уроках истории, краеведения, классных часах [19, с. 3].

В декабре 2019 г. 23-й раз научно-практическая конференция «Мой город» собрала в Музее истории г. Иркутска им. А.М. Сибирякова ребят, которые интересовались историей, краеведением, литературой. Расширилась география, конференция уже вышла за рамки городского мероприятия: среди 98 участников были представители Иркутска, Шелехова, Иркутского района, в 2019 г. в первый раз свои работы представили школьники из Баяндаевского района.

Диплом за 1-е место в направлении «Историческое наследие» получила и ученица 10 кл. Православной женской гимназии М. Дронова. Гимназистка рассказала про историю своего учебного заведения, о том, как горела Церковь Владимирской иконы Божьей Матери во время иркутского пожара в 1879 г., как здание долго восстанавливали [3, с. 2].

В мае 2019 г. в программе регионального фестиваля краеведческих проектных и исследовательских работ «Я исследователь», который провёл в Листвянке ГАУ «Центр развития дополнительного образования детей Иркутской области», это мероприятие было обозначено скромно: «Работа секций». В реальности, в рамках фестиваля состоялась полноценная краеведческая научно-практическая конференция [14, с. 3].

В декабре 2020 г. был дан старт акции по написанию теста на знание истории Иркутской области. Организатором теста, который проводился с 2017 г., стал Молодежный парламента при Законодательном собрании региона. В 2020 г. был сделан упор на онлайн-формат проведения теста, также были 121 площадка для проведения теста в разных муниципальных образованиях. В рамках образовательной программы было проведено 10 лекториев от ведущих экспертов, которые специализировались на региональной истории [6, с. 2].

В Музее истории Иркутска завершилась 25-я ежегодная научно-практическая конференция «Мой город». Она проходила в декабре 2021 г. в видеоформате. Для участия в конференции в 2021 г.

было подано 93 заявки от учеников средних (5–8) и старших (9–11) классов школ Иркутска, Шелехова, Усольского и Шелеховского районов. Для работ были предложены традиционные направления: «Юные экологи – городу», «Фильм, фильм, фильм!» и др.

Ещё одна секция конференции – «Иркутское наследие». Тему исторического краеведения затронули в своих работах, в том числе и младшие школьники. Их доклады члены жюри рассматривали вне конкурса. Так, награды получили Н. Тарбеев и Ю. Комиссарова из 3-го класса СОШ № 77 г. Иркутска. Они рассказывали о Курбатовских банях.

Все участники конференции и их руководители получили грамоты и благодарственные письма от Музея истории г. Иркутска им. А.М. Сибирякова. Дети-победители в каждой из номинаций также получили призы от партнёров музея – En+ Group [10, с. 3].

Высокий смысл краеведения – в социальной, культурной, этнической и экологической самоидентификации личности. Школьное краеведение – это, прежде всего конкретное восприятие природы, социума, особенностей экономического, демографического, культурного развития данной местности и понимание на этой основе исторических традиций народа, проживающего в данном регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Ю. Школьные чтения на берегу Байкала // Вечерний Иркутск. – 2002. – 5 дек.
2. Быков О. Сотворение легенды // Губерния. – 1997. – 5 окт. – С. 3.
3. Волина Н. Заглянули в прошлое: в Музее истории города Иркутска прошла научно-практическая конференция «Мой город» // Вечерний Иркутск. – 2019. – 17 дек. – С. 2.
4. Вспомним о забытом // Вост.-Сиб. правда. – 1997. – 10 ноября. – С. 3.
5. В школьном музее // Вечерний Иркутск. – 2001. – 19 апр. – С. 3.
6. Депутаты ЗС и Молодежного парламента дали старт тестированию на знание истории Иркутской области // Парламентские вести. – 2020. – 8 дек. – С. 2.
7. Жартун С. В краю, где горы и тайга // Вост.-Сиб. правда. – 2003. – 7 авг. – С. 4.
8. Зубкова Е. Наши юные исследователи // АиФ в Вост. Сибири. – 2003. – 20 марта. – С. 8.
9. Имени ольхонского краеведа // Губерния. – 2007. – 4 сент. – С. 2.
10. Иркутск глазами школьников // Иркутский репортер. – 2022. – 11 янв. – С. 3.
11. Итоги нашего конкурса // Вост.-Сиб. правда. – 2001. – 26 мая. – С. 5.
12. Ковальская Т. Летопись школы, ее реликвия // Черемховский рабочий. – 2002. – 27 июня.

13. Коркина Е. Скелет уплыл, нашли горшок: школьники из Тайтурки ищут стоянку древнего металлурга на р. Белой // Иркутский репортер. – 2014. – 17 июня. – С. 4.
14. Кузнецов Г. Младшие научные сотрудники: главными действующими лицами научно-практической конференции стали дети // Конкурент. – 2019. – 7 мая. – С. 3.
15. Лебедев Д. Победителем стал музей из глубинки // Губерния. – 2000. – 6 мая. – С. 2.
16. Лебедева А. «Байкальское кольцо-2002» // СМ-номер один. – 2002. – 28 ноября. – С. 2.
17. Морозова Л. Готовимся к юбилею земляка // Шелеховский вестник. – 2002. – 23 мая.
18. Музейщики едут на Ольхон // СМ-номер один. – 2007. – 21 авг. – С. 3.
19. Мутовина О. Музейные уроки: в Иркутске стартовал необычный образовательный проект // Губерния. – 2016. – 19 янв. – С. 3.
20. На «Байкальском кольце» // Губерния. – 2005. – 7 дек. – С. 3.
21. Нефедьев С. Мамонты в Хомутово // Вечерний Иркутск. – 1997. – 9 авг. – С. 4.
22. Нефедьев С. Музей на Ольхоне // Иркутская неделя. – 1998. – 10-17 ноября. – С. 6.
23. Перфильев Ю. Бывших учителей не бывает // Газета Прилимья. – 2013. – 30 сент. – С. 2.
24. Петрова И. Пусть всегда будет солнце! // Ступеньки. – 2011. – 31 мая. – С. 3.
25. Прядушкина И. О чем поет петух на крыше? // СМ-номер один. – 1998. – 1 марта. – С. 4.
26. Путешествие в эпоху палеолита // Вост.-Сиб. правда. – 1999. – 1 сент. – С. 3.
27. Селезнев А. Вместе дружнее // СМ-номер один. – 2003. – 17 апр. – С. 5.
28. Слет юных туристов-краеведов Приангарья // СМ-номер один. – 2005. – 8 сент. – С. 2.
29. Смирнов И. На финише смотря музеев // СМ-номер один. – 2002. – 21 ноября. – С. 4.
30. Смолкина О. Музей боевой славы ждет новых экспонатов // Губерния. – 2002. – 18 июня.
31. Татарникова М. «Байкальский ветер» юных туристов и краеведов // Вост.-Сиб. правда. – 2003. – 22 июля. – С. 3.
32. Тюпышев В. Наши в Москве // АиФ в Вост. Сибири. – 2010. – 24-31 марта. – С. 8.
33. Школьник из Карлука победил в «Байкаловедении» // Ступеньки. – 2014. – 4 ноября.

КОЛЛЕКЦИЯ ПОДДУЖНЫХ КОЛОКОЛЬЧИКОВ В ФОНДАХ ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

Марина Владимировна Фёдорова

МБУК историко-художественный музей г. Арзамаса Нижегородской области, научный сотрудник; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, магистрант кафедры истории, обществознания и права историко-филологического факультета, Нижегородская обл. г. Арзамас; e-mail: Fedorova.mary2010@yandex.ru

В статье рассмотрена коллекция поддужных колокольчиков историко-художественного музея, промысел которых получил широкое распространение в XVII – XIX веках в России.

Ключевые слова: коллекция; поддужные колокольчики; ямские колокольчики; ямщик; промысел; символ России

В фондах историко-художественного музея хранится коллекция поддужных колокольчиков. Ямской колокольчик в наши дни воспринимается как один из символов России, русской дороги, голевской птицы-тройки, он воспет в народных песнях и романах, в произведениях художественной литературы.

История появления поддужных колокольчиков восходит к XVIII в. Долгое время ямщики, приближавшиеся к почтовой станции, предупреждали о своем прибытии залихватским громким свистом. Сложившиеся веками в русском сознании традиции и обычаи соотносили свист прежде всего с разбойными людьми. «Исправить положение со свойственной ему решительностью взялся Петр Первый. При приближении к почтовой станции ямщикам надлежало использовать медный европейский рожок. Европейское нововведение не прижилось в России. Медный рожок был совершенно непригоден в зимнее время, примерзал к губам, его резкий звук не нравился ямщикам. Поэтому царское нововведение ямщики игнорировали, несмотря, за что за это их наказывали, вплоть до битьем батогами. Почтовый рожок сохранился лишь как символ, но не как функциональный предмет, а ямщики продолжали по старинке громко свистеть. Выход из этой запутанной ситуации был найден случайно: под дугу коренной лошади в упряжке стали крепить литые бронзовые колокольчики, которые получили название поддужных» [1, с. 220].

Звон ямщицких колокольчиков полюбился народу: этот сильный мелодичный звук развлекал, утешал путников и ямщика в длинной монотонной дороге. «Не исключено, что это связано с особым распространением колоколов в России и особым отношением к ним в народе как к явлению национальной культуры. Россия, как известно, превосходила прочие европейские страны по развитию колокольного дела. А поддужный колокольчик являлся миниатюрной копией большого колокола. Недаром существовали легенды о рождении колокольчиков от вечевых колоколов Новгорода и Пскова. Во всех легендах сквозит убеждение, что ямщицкие колокольчики - это потомки вечевского колокола, олицетворяющего свободу и независимость» [2, с. 80].

Благодаря ямскому колокольчику основным элементом упряжи стала конская дуга, появились мастера по ее изготовлению. Яркие расписные и позолоченные дуги пользовались особым спросом у ямщиков. Все эти факторы привели к тому, что именно в России на тройках прижился колокольчик и стал специфическим явлением русской культуры.

«В Арзамасе литьем поддужных колокольчиков не занимались, хотя церковные колокола здесь изготавливали: Василий Дмитриевич Язычков стал отливать колокола с 1858 года» [3, с. 225].

Коллекция поддужных колокольчиков в арзамасском историко-художественном музее небольшая – всего 36 предметов, но ее смело можно назвать уникальной и по-своему разнообразной. Большая ее часть приобретена у местных коллекционеров.

Было проведено исследование данной коллекции. В самом начале работы колокольчики были классифицированы по месту их производства.

Оказалось, что большую часть представленных предметов составили поддужные колокольчики с. Пуреха. Это и не удивительно – село находится в нашем Нижегородском крае. В музейной коллекции содержатся поддужные колокольчики с клеймами пуреховских мастеров.

Прежде всего, это колокольчики Федора Алексеевича Веденева (приложение, фото 1). «Медно – литейный завод крестьянина Алексея Веденева возник в Пурехе в 1836 г. Колокольчики отличались высоким качеством и пользовались спросом. На некоторых он

отливал изображение медали «За трудолюбие и искусство», которую мастер получил в 1855 г. на первой губернской выставке кустарных изделий в Нижнем Новгороде» [4, с. 10].

Есть в нашей коллекции и колокольчики братьев Трошиных. В 1860 г. изготовлением колокольчиков стали заниматься наследники завода Алексея Макаровича Трошина – его сыновья Федот и Макар. Поэтому на своих изделиях они так и писали «Наследники А.М. Трошина».

В 1880-90-е гг. в заведении А.М. Трошина отливалось около 3 тысяч колокольчиков и 50 тысяч бубенчиков в год. Меди расходовалось за год до 560 пудов. Это было самое мощное из всех существовавших в России производств (приложение, фото 2).

Егор Спиридонович Ключиков основал колокольный завод в 1879 г. Завод работал вплоть до 1914 г. Такого разнообразия и количества дужных колокольчиков в России никто не производил ни до, ни после него. Заслуга мастера состоит в том, что, пользуясь советами видного специалиста по акустике, он искал факторы, влияющие на звукообразование, много экспериментировал и неизменно добивался успеха (приложение, фото 3).

Коллекция музея включает также поддужные колокольчики мастера Алексея Александровича Ерохина (1880-е годы) и братьев Молевых (1871 г.)

Значительный интерес представляют хранящиеся в нашей коллекции работы мастеров Вятской губернии. Так, «братья Поповы производили в городе Слободском изящные, тонкие колокольчики, которые имели прекрасное звучание. В конце XVII в. в том же городе Слободском Трифоном Каркиным впервые основан колоколитейный завод, один из первых в России. Династию продолжили его сыновья Лука и Илья, отливавшие колокольчики, датированные 1806 – 1817 г. В оформлении они использовали элементы растительного орнамента» [5, с. 78].

В нашей коллекции есть колокольчик, который представляет завод знаменитых литейщиков братьев Лабзенковых из г. Касимова Рязанской губернии, основанный в 40- гг. XIX в. Отличительной чертой касимовских колокольчиков является массивная трапециевидная кованная петля и надписи, выполненные красивыми прописными буквами (приложение, фото 4).

Колокольчик мастера М.В. Мялкина, д. Сосновское Горбатовского уезда Нижегородской губернии также является единственным в коллекции.

Владельцы колоколотейных заводов Чарышниковы первоначально открыли свое производство в Ярославле, а затем – в Балахне Нижегородской губернии. Завод проработал вплоть до 1919 года. Когда в окрестностях началось строительство картонной фабрики, Чарышникову пришлось продать производство за бесценок, после чего завод прекратил свое существование.

Особый интерес представляют надписи, которые наносились на поддужных колокольчиках.

Сегодня мало письменной информации, относящейся к происхождению колокольчиков, географии и истории их изготовления и использования. Поэтому наиболее богатым и достоверным источником сведений остаются надписи, отлитые на самих колокольчиках. Эти тексты рассказывают о мастере, месте и дате изготовления, памятной причине выпуска изделия, благодаря которым мы теперь знаем имена этих народных умельцев [6, с. 37].

Надписи мы условно разделили по видам:

- информация о месте и времени производства и мастере
- шуточные надписи и русские пословицы-поговорки, загадки (например, на одном из самых ценных в нашей коллекции Валдайском колокольчике есть надпись «Кого люблю, того дарю. Лит в Валдае»).

- памятные надписи о событии

- ямщицкие изречения (ЗВОНИ ПОТЕШАЙ ЕЗДИ. ПОСПЕШАЙ) (приложение фото, 5).

На колокольчиках как украшение широко применяли орнаменты, кресты, круги, жемчужная нить, сетка, а также звезды; встречались и орлы, среди которых преобладали одноглавые. Двуглавые орлы встречаются на колокольчиках реже, так как право на изображение государственного герба давалось в виде особой привилегии. Орлы обычно снабжали символами монаршей власти – короной, скипетром и державой. Часто изображался святой Георгий Победоносец на коне, поражающий дракона копьем, реже – гербы городов, щиты, павлины.

Поддужные колокольчики утратили свое функциональное назначение и воспринимаются в наши дни как часть русского доре-

волюционного быта, как символ русской дороги. В фондах нашего музея рассмотренная коллекция заняла значимое место и неизменно вызывает интерес арзамасцев и гостей нашего города.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прокопьев Д. В. Художественные промыслы Горьковской области. – Горький, 1939. – 232 с.
2. Ганулич А.К. К истории производства поддужных колокольчиков в России. Сборник «Колокола. История и современность». – М.: Наука, 1985. – 118 с.
3. Щегольков, Н. М. Исторические сведения о городе Арзамасе. – Арзамас, 1911. – 273 с.
4. Ким В.А. «Ямские колокольчики и бубенцы» (сводный каталог-справочник). – Ростов Великий, 1998 год. – 420 с.
5. Шершнев М.Н. Искусство колоколотейных мастеров Вятской губернии. Сборник «Колокола. История и современность». – М.: Наука, 1985. – 543 с.
6. Ганулич А.К. Поддужный колокольчик // Наука и жизнь. – 1982. – №7.

К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ ЭКСКУРСИЙ В ОБРАЗОВАНИИ

Ольга Васильевна Яблонская

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, к.и.н., доцент кафедры истории, обществознания и права историко-филологического факультета
Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: oyablonskii@yandex.ru*

В статье рассматривается применение виртуальных экскурсий в образовательном процессе. Указываются возможности посещения стран, городов, исторических памятников, музейных и архивных экспозиций в цифровой среде. Утверждается, что использование предметной наглядности и изображений повышает эффективность образования, развивает аналитические способности учащихся, их применение соответствует требованиям образовательных стандартов и современных систем мониторинга образования.

Ключевые слова: инновационные технологии; музей; виртуальная экскурсия; образование; история

Формирование визуальной грамотности и культуры детей является одной из задач современного образования, так как медиаресурсы, в которых поколение «неоцифровых аборигенов» черпает знания об окружающем мире, в значительной степени визуализированы. Дети с рождения воспринимают мир через разрозненные образы, их необходимо научить анализировать изображения и преобразовывать «визуальный хаос» отдельных фрагментов в целостную картину.

Принцип наглядности является одним из старейших принципов школьной дидактики. Уже древнем мире наглядность была достаточно широко распространена. В раннесредневековой Европе, где большая часть населения была неграмотной, изображения заменяли вербальные тексты. Основоположник русской научной педагогики К.Д. Ушинский считал, что обучение с использованием зрительных образов развивает мыслительную способность учащегося, обогащает духовный мир ребенка. Он разработал рекомендации, как обучать детей составлению рассказа по картинкам [1]. Наглядные средства обучения можно разделить три группы: предметные – вещественные памятники прошлого, исторические места, произведения искусства, предметы быта; изобразительные – картины, иллюстрации, фотографии; условно-графические – карты, схемы, таблицы, диаграммы. В данной статье речь пойдет о применении первых двух групп.

В преподавании гуманитарных дисциплин важное место занимают учебные картины. Они создаются для иллюстрации теоретического материала, в них нет ничего случайного, все элементы логически выстроены под изучаемую проблему, а точнее, под субъективную концепцию авторов учебников. Подобный дидактический материал развивает навыки извлечения информации, представленной в явной форме, но решает ограниченный набор задач по осмыслению и оценке информации, использованию ее в практической деятельности. Современные же системы мониторинга и образовательные стандарты требуют от выпускников школы не только владения навыками извлечения информации из предложенного текста, но и самостоятельного поиска источников информации для решения поставленных задач, интерпретации, критического осмысления и оценки множественных текстов, различающихся по носителю (печатные или электронные), формату (аудио/визуальный, текстовый материал), типу изложения, жанру (научный, научно-популярный, художественный), использования информации не только в учебной, но и в личной, общественной и деловой ситуациях [2; 3]. Из этого следует, что уже за школьной партой необходимо приучать работать с неадаптированными текстами, в том числе визуального характера, позволяющих поставить учащегося в реальную ситуацию с «примеркой» различных коммуникативных ролей.

В нашей стране «визуальный поворот» в гуманитарных науках еще на стадии обсуждения, его противники справедливо указывают, что равноценного аналога слову, используемому в дискуссиях, в мире образов и предметов нет. Во много они правы. Но иногда образы бывают убедительнее всех слов. Оратор Гиперид добился оправдания гетеры Фрины, позировавшей Праксителю для статуи обнаженной Афродиты, не словами, а демонстрацией судьям тела подзащитной, признанного эталоном совершенной красоты. О трагедии в Гернике человечество помнит по одноименной картине Пикассо, а не сухим данным документов. Таких примеров очень много. Э. Панофский в статье «История искусства как гуманистическая дисциплина» различает две формы существования источников: «памятник» в виде материального объекта и «документ». «Памятник», как он пишет, способен выражать идеи, отличные от самих средств выражения, в нем видна связь произведения искусства с «космосом культуры», «документам» же он отвел вспомогательную функцию, заключающуюся в установлении подлинности произведения [4, с. 21–24].

В последнее время историки значительно расширили свои интересы, стали включать в поле исследований не только политические события и социально-экономические отношения, но и историю повседневной жизни, менталитетов, материальной культуры, тела, болезней и т.д. Вербальных источников недостаточно для изучения подобных проблем, здесь необходимо зрительное наблюдение и изучение объектов. Картины и фотографии могут показать нам особенности быта людей, их физического развития, представления о стандартах красоты, дают информацию о болезнях, о гигиене. «Визуальный поворот» не менее важен для курса обществознания, в котором изучаются основные сферы общественной жизни, формируется практический опыт в освоении социальных ролей.

Предпочтение, которое отдавалось долгое время вербальным текстам, во многом объясняется техническими причинами. При анализе традиционных источников качество представления не играет важной роли, а когда источником является предмет, картина или фотография демонстрация имеет первостепенное значение. В бумажном варианте книги можно разместить лишь небольшие репродукции объектов исследования, причем взятых в определенном ракурсе. Современные цифровые технологии позволили преодолеть

технические ограничения в поиске и подаче визуального материала. Простым нажатием кнопки клавиатуры или мыши можно оказаться перед «Джокондой» Леонардо да Винчи, погулять по первобытным пещерам, посетить Стоунхендж, получить о них выверенную научную информацию. Изображения легко увеличиваются, что позволяет во всех деталях и со всех ракурсов рассмотреть картину, фотографию или археологический артефакт.

Таким образом, на сегодняшний момент есть необходимость и возможности применения визуального материала в обучении. Использовать его следует не только для иллюстрации мысли, но и для извлечения новых знаний. Это позволит выработать навыки научного познания учащихся: от конкретного эмпирического к обобщению, к пониманию исторических процессов, общественных явлений, их сущности и закономерностей. При анализе «немых свидетелей» должны учитываться вид и тип источников и разрабатываться соответствующая стратегия и методика анализа [5; 6]. Формировать навыки работы с наглядностью необходимо уже в школе и продолжать на следующих уровнях образования.

Первобытную историю мы исследуем по археологическому материалу, сохранившимся сооружениям, скульптурам, рисункам. Изучение антропогенеза значительно облегчается демонстрацией найденных артефактов, останков антропоидных предков, их скульптурных изображений. Виртуально погрузиться в мир древнего человека, познакомиться с его бытом и культурой, увидеть останки наших доисторических предков и их гипсовые реконструкции можно, совершив виртуальные туры в Государственный исторический музей [7], Дарвиновский музей [8] и другие музеи мира. Школьникам Нижегородской области будет особенно интересно посмотреть в глаза подросткам-кроманьонцам, найденным в парном погребении на палеолитической стоянке Сунгирь в соседней Владимирской области. Скульптурная реконструкция была выполнена советским антропологом и скульптором М.М. Герасимовым [9].

На протяжении нескольких тысяч лет люди вели летопись своей жизни с помощью рисунков на стенах пещер. Благодаря «первобытным Бэнкси» мы можем увидеть мир природы и культуры далекого прошлого. Так, например, изображения Тассилин-Аджер [10], расположенной в Сахаре, свидетельствуют о том, что ныне безжизненная пустыня в эпоху каменного века была

плодородной местностью, на травяных лугах которой паслись стада животных, в реках и озёрах было много рыбы, на этих просторах селились люди, занимались хотой, собирательством и рыболовством. В школьном курсе эти материалы могут использоваться для интегрированного урока по истории, географии, биологии. Живопись Альтамыры [11], Фон-де-Гом [12], Ла-Мут [13], Ласко [14], Тассилин-Адджер, Шульган Таш (Капова пещера) [15] можно увидеть непосредственно на местности, не выезжая за пределы своего поселения, имея лишь доступ в интернет.

«Первобытные живописцы» не только отражали окружающий предметный мир, но, осмысливая окружающую действительность, выражали его сущность, место человека в нем. Так, например, «импрессионисты», расписывавшие стены пещеры Ласко, показали нам мир не только таким, каким он был, но и каким его видели древние обитатели Земли. В сцене встречи охотника с носорогом, душа человека представлена в виде птицы, отлетающей от мертвого тела неудачливого добытчика мяса. У таких животных, как лошади, бизоны, быки, судя по многочисленным изображениям, жители палеолита и мезолита хотели бы, чтобы были короткие ноги, маленькая голова и огромное тело [14]. Скульпторы, создавшие в различных частях света многочисленных «палеолитических Венер», уделив особое внимание тем частям тела, которые связаны с рождением детей, рассказали нам об особой роли культа прародительницы [16; 17].

Древняя эпоха широко представлена экспонатами в коллекциях Эрмитажа. Здесь можно увидеть всемирно известное собрание «скифских древностей», основу которого составили находки, полученные в результате раскопок курганов Крыма, Прикубанья, Поднепровья, проводившихся в XVIII–XX вв. [18] Удобная навигация позволяет легко сориентироваться, передвигаясь из зала в зал. Многие артефакты имеют текстовое сопровождение с подробной атрибуцией экспонатов. Увеличив изображения предметов, можно во всех деталях рассмотреть произведения скифского декоративно-прикладного искусства, увидеть особенности «звериного» стиля. Здесь же представлены вещи, созданные для скифской аристократии греческими мастерами из северопричерноморских городов, и редчайшие импортные изделия из стран Древнего востока. Особо ценными в историческом и художественном смысле являются юве-

лирные украшения из драгоценных металлов, так называемое «скифское золото», выполненные в смешанной греко-скифской манере [19].

Таким образом, дописьменная история, основным источником информации по которой является археология, благодаря цифровым ресурсам стала доступна для серьезного научного исследования на всех уровнях образования.

Археологические памятники последующих эпох более разнообразны и доступны в виртуальном пространстве. Любой школьник с помощью приложений Google Street View, Google Maps, Google Earth может посетить Помпеи, Рим, Афины и другие известные исторические поселения. Исторические памятники и произведения искусства древнего мира хранятся в музеях, многие из них постоянно экспонируются и доступны для виртуального просмотра. В России, помимо упомянутого Государственного исторического музея, ценные экспонаты по истории стран Древнего Востока, Древней Греции и Рима представлены в залах Пушкинского музея [20], Эрмитажа [21], Государственного музея истории религии (СПб) [22].

О раннем средневековье нам уже рассказывают книжные миниатюры, фрески, картины. Джотто, изображая библейские истории не как средневековый схоласт или ученый-богослов, а как обычный человек, наполнил фрески капеллы Скровеньи не только образами богов и святых, но и земными обитателями Италии XIV в. [23] Последующие художники продолжили этот прорыв в действительность, оставив потомкам богатый материал для изучения прошлого, а цифровые технологии сделали их доступными без физического преодоления пространства. В течение одного занятия сейчас можно побывать в Падуе, рассмотрев там фрески Джотто в капелле Скровеньи [23], а затем посетить Сикстинскую капеллу в Ватикане, украшенную кистью Микеланджело [24]. Визуальные источники по эпохам нового и новейшего времени еще более многочисленны и доступны для внимательного изучения с помощью цифровых технологий.

Картины, как произведения искусства, изучаются в курсе истории в контексте культуры, при этом главное внимание уделяется деятельности великих мастеров, условиям развития культуры, характеристике стилей. Это уже имеет значение. Современный человек должен знать шедевры изобразительного искусства, разбираться

в стилях и жанрах. Но художественные полотна и скульптуры и в содержательном, и в техническом отношении являются еще и ценными источниками сведений о жизни людей. Если художник или скульптор был современником изображаемого, то его труд является историческим источником, если же в них отражены события далекого прошлого, то автор выступает в роли исследователя.

Практические занятия сейчас есть возможность проводить онлайн непосредственно в залах музеев. Так, например, эпоху Екатерины Великой, можно изучить в зале № 10 Виртуального Русского музея, где представлены скульптуры Ф. Шубина, картины Д.Г. Левицкого – «Екатерина II – законодательница в храме богини Правосудия» и семь портретов воспитанниц Смольного института [25]. Анализ произведений включает этапы атрибуции, восприятия, интеграции, интерпретации информации, критическое осмысление и оценку [26]. Для атрибуции следует использовать научные описания, составленные музейными работниками, которые можно получить простым нажатием клавиш. Пребывание в музее дает возможность самостоятельно найти ответ на вопрос об обстоятельствах появления картин и скульптур, ведь экспонаты в музейной обстановке могут многое «рассказать» о своих «культурных соседях». В данной ситуации работа Ф.И. Шубина – «Екатерина II – законодательница», занимающая центральное положение зала, поведаст о появлении «Смолянок», а они, в свою очередь, расскажут о великих делах императрицы. В портрете Е.И. Молчановой вызывают интерес глобус и «насос Бойля». Чтобы понять назначение насоса и таким образом познакомиться с учебными программами XVIII в., следует виртуально совершить экскурсию в Лондонскую галерею и посмотреть картину Дж. Райта «Эксперимент с птицей в воздушном насосе» [27]. Таким образом, увлекательная работа в виртуальном музее, позволяет погрузиться в среду, создать эффект реальности и изучить историю изнутри.

Политическая элита России второй половины XIX–начала XX вв. представлена в зале № 54 Русского музея. Здесь постоянно экспонируются подготовительные рисунки и картина И.Е. Репина «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года, в день столетнего юбилея со дня его учреждения» [28]. Картина большого формата (400x877) изображает 81 фигуру, выполнялась в течение трех лет И.Е. Репиным и его помощниками –

Б. Кустодиевым и И. Куликовым. Великий художник, исполняя императорский заказ, не изменил принципам передвижников, показал объективно верховную власть России. Внимание зрителя обращено и на блеск мундиров, и на скучающие лица государственных деятелей, занимающихся устройением дел великой страны. Музей также предлагает программу и фильм о картине и её персонажах.

Для изучения прошлого важны изображения, которые с художественной точки зрения не представляют большую ценность, но они являются ярким «следом» истории. Именно такую историческую ценность имеют детские рисунки, посвященные Первой мировой войне [29] и революционным событиям России начала XX в. [30] из коллекций Государственного исторического музея.

Музеи уведомляют о предстоящих конкурсах, лекциях, появлении новых оцифрованных коллекций. К наиболее важным событиям работники готовят выставки, передачи. Например, при изучении революций 1917 г. можно использовать материалы выставки Русского музея «Мечты о мировом расцвете». В ней представлены картины по данной теме и видеоинсталляция к поэме А. Блока «Двенадцать». Просмотр 10-минутного видеоролика позволяет эмоционально подготовить аудиторию к обсуждению сложных вопросов, погрузить в эпоху, обострить чувства, а анализ картин позволяет по крупницам собрать уникальный материал, характеризующий эпоху [31].

В 2022 г. исполняется 350 лет со дня рождения Петра I. Российские музеи к памятной дате подготовили выставки, художественно-экскурсионные программы, квесты, лекции, конкурсы и многое другое. Государственный исторический музей [32], Русский музей [33], музей-заповедник «Коломенское» [34], Эрмитаж [35] представили онлайн-версии, виртуальные туры и программы.

Следует отметить, что ресурсы виртуальных музеев России удобны при подготовке к ЕГЭ и ОГЭ по истории и обществознанию. Хрестоматийные картины, знание которых проверяется на экзаменах, лучше запомнятся, если их внимательно рассмотреть в музее. Можно использовать коллекции монет, медалей, правителей, изображения которых часто присутствуют в заданиях.

В XIX в. появился новый вид визуальных источников – фотография. Легкая воспроизводимость и доступность фотографии привели к тому, что изображения заполнили нашу жизнь. С XX в. по-

явилось большое количество снимков, демонстрирующих жизнь средних и низших слоев населения, традиционные письменные источники о которых ограничены, поэтому фотоматериалы важны для написания «истории снизу». Фотодокументы крупнейших музеев, библиотек также представлены онлайн. Уникальную, полуторавекую фотолетопись России, объединяющую коллекции музеев, архивов и частных владельцев, можно увидеть на сайте «История России в фотографиях» [36]. Государственный музейно-выставочный центр РОСФОТО, основанный 20 лет назад, получил широкое признание и у общественности, и у специалистов. Центр готовит выставки, важные для истории визуальной культуры, представляющие фотоснимки в контексте общественной жизни. Значительную часть ресурсов музей представляет виртуально [37].

Итак, в наш «визуальный век» предметная наглядность и изображения должны активно использоваться в обучении. Виртуальные экскурсии в изучаемые города и страны делают доступными археологические источники, памятные исторические места, цифровые технологии позволяют детально рассматривать музейные экспонаты и произведения искусства, открывая широкие возможности для формирования навыков работы с визуальным материалом и развития критического мышления. К каждой теме любой предметной области можно найти интересную информацию, совершив виртуальный тур в страну, музей, архив, библиотеку. Интернет-технологии повышают эффективность образования, предоставляют новые возможности в дистанционных формах обучения, в реализации программ инклюзивного образования. Их применение отвечает образовательным стандартам и современным системам мониторинга образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ушинский К.Д. Родное слово. Книга для детей. Год первый и второй // Собрание сочинений. – Т. 6. – М.-Л.: Издательство Академии педагогических наук, 1949. – 449 с.
2. Примерная основная образовательная программа основного общего образования. М., 2022. – 1088 с.
3. PISA 2018 Assessment and Analytical Framework. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.oecd.org/pisa/data/PISA-2018-draft-frameworks.pdf>
4. Панофский Э. Смысл и толкование изобразительного искусства. – СПб.: Академический проект, 1999. – 393 с.
5. Яблонская О.В., Суетнова Н.И. К вопросу о визуальных исторических источниках: картины и социальная реальность // Актуальные проблемы изучения и

преподавания всеобщей истории и международных отношений. Сборник статей Международной научно-практической конференции. – Рязань, 2021. – С. 290–298.

6. Яблонская О.В. К вопросу о визуальных исторических источниках: фотографический реализм или эффект реализма? // Историческая память в теории и социокультурной практике: грани трансформаций и потенциал осмысления. Материалы IX Международной научной конференции / под общ. ред. А.В. Баранова, Е.Н. Многолетней. – Саратов, 2021. – С. 184–190.

7. Государственный исторический музей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://catalog.shm.ru/entity/ОБЪЕКТ?fund_ier=647756450_647756727

8. Происхождение человека. Государственный Дарвиновский музей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.darwinmuseum.ru/projects/constant-exp/proishozhdenie-cheloveka>

9. Бюсты детей из парного погребения. Герасимов М.М. Скульптурная реконструкция. Государственный исторический музей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nav.shm.ru/exhibits/437/>

10. Tassili n'Ajjer. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://whc.unesco.org/en/list/179>

11. Museo Nacional Y Centro de Investigacion de Altamira. [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <https://www.culturaydeporte.gob.es/mnaltamira/en/cueva-altamira/arte.html>

12. Font-de-Gaume. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://font-de-gaume.monuments-nationaux.fr/fr/?intro>

13. La grotte de la Mouthe. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hominides.com/musees-et-sites/la-grotte-de-la-mouthe/>

14. Lascaux. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://archeologie.culture.gouv.fr/lascaux/fr?fichier=02_02.xml

15. Шульган Таш. [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <https://shulgan-tash.ru/pano/karova2/tour.html>

16. Venus of Willendorf. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://arthistoryresources.net/willendorf/>;

17. Venus of Brassempouy. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://maisondeladame.chez-alice.fr/>

18. Государственный Эрмитаж. Экспонаты. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://collections.hermitage.ru/entity/ОБЪЕКТ?fundcoll=1261500717>

19. Государственный Эрмитаж. Золотая кладовая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pano.hermitagemuseum.org/3d/html/pwoa/main/#node364>

20. Государственный музей изобразительных искусств им А.С. Пушкина. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.pushkinmuseum.art/museum/buildings/main/floor1/1_egypt/

21. Государственный Эрмитаж. Виртуальный визит. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/panorama/virtual_visit/panoramas-main/?lng=ru

22. Виртуальная 3D экскурсия по Государственному музею истории религии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tripvr.ru/catalog/museum-religii/skinned/>

23. Cappella degli Scrovegni. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.haltadefinizione.com/visualizzatore/opera/cappella-degli-scrovegni-giotto-di-bondone>

24. Sistine Chapel. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.vatican.va/various/cappelle/sistina_vr/

25. Михайловский дворец. Зал 10. Русское искусство XVIII века. Д.Г. Левицкий, Ф.И. Шубин. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://virtual.rusmuseumvrm.ru/mikh_palace/pano.php?onstart=loadpano\(hotspots/10_2.xml\)?lang=ru](https://virtual.rusmuseumvrm.ru/mikh_palace/pano.php?onstart=loadpano(hotspots/10_2.xml)?lang=ru)

26. Яблонская О.В. Визуальные источники в формировании функциональной грамотности школьников: анализ «Смолянок» художника Д.Г. Левицкого // Преподавание истории в школе. – 2021. – №10. – С. 7–14.

27. Райт Дж. Эксперимент с птицей в воздушном насосе // Лондонская национальная галерея. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nationalgallery.org.uk/paintings/joseph-wright-of-derby-an-experiment-on-a-bird-in-the-air-pump>

28. Михайловский дворец. Зал 54. И.Е.Репин. Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года в день столетнего юбилея со дня его учреждения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://virtual.rusmuseumvrm.ru/mikh_palace/pano.php?onstart=loadpano\(hotspots/54.xml\);st_pos\(42.42,0.97\);&lang=ru](https://virtual.rusmuseumvrm.ru/mikh_palace/pano.php?onstart=loadpano(hotspots/54.xml);st_pos(42.42,0.97);&lang=ru)

29. Детский рисунок времен Первой мировой войны. ГИМ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://catalog.shm.ru/entity/ОБЪЕКТ?keyword=626267473>

30. Русская революция в рисунках детей. ГИМ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://catalog.shm.ru/entity/ОБЪЕКТ?exhibition=619322483>

31. Мечты о мировом расцвете. Виртуальный Русский музей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rusmuseumvrm.ru/data/vtours/mechty/?lp=1&lang=ru>

32. Петр Великий. Путешествие в Европу. ГИМ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://peter.shm.ru/tour/index.html>

33. Петр Первый. Время и окружение. Виртуальный Русский музей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rusmuseumvrm.ru/data/vtours/petr_i/index.php?lp=1&lang=ru

34. Год Петра I. Музей-заповедник «Коломенское». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mgomz.ru/ru/pages/god-petra-i>

35. Галерея Петра Великого в Эрмитаже. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://academy.hermitagemuseum.org/materials/peter-the-great-gallery>

36. История России в фотографиях. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russiainphoto.ru/about/>

37. РОСФОТО. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rosphoto.org/visit-online/virtual-exhibitions/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Русский фольклор в исследованиях и публикациях М.Н. Сперанского <i>Г.В. Аксенова</i>	4
Сборник А.В. Карпова «Песни Арзамасского Уезда»: жанровые разновидности и тематика произведений <i>Е.С. Анисимова</i>	29
“Love Stories” как мемуарный жанр семейного фольклора: от прошлого к настоящему <i>М.А. Тростина, О.В. Гурина</i>	33
П.И. Пискарев – зачинатель арзамасского народоведения <i>Ю.А. Курдин, Ю.Н. Железцова</i>	42
Русские народные песни в сборниках XVIII-XIX вв.: из фонда Российской Государственной Библиотеки <i>А.А. Семенюк</i>	51
Формирование экологической культуры школьников на примере фольклора Нижегородской области <i>А.С. Степанов</i>	59
Мифологическое пространство Заволжья в хронотопе русского детектива начала XX в. <i>Н.А. Шульман</i>	65
Трансформация современных нижегородских частушек (по материалам фольклорных экспедиций НГПУ им. К. Минина) <i>М.П. Шустов</i>	70
Волшебно-фантастические мордовские сказки на уроках РКИ (на материале эрзянской сказки «Виряня») <i>Н.Г. Юрина</i>	80

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ

Содержание учебных пособий для 6-7 классов «Живое слово Забайкалья» в контексте региональной лингвистики и лингводидактики <i>Т.Ю. Игнатович, Ю.В. Биктимирова</i>	92
«Сказки из болдинской осени»: своеобразие речевой ткани <i>Л.А. Климкова</i>	104
Народный календарь в художественном дискурсе П.И. Мельникова-Печерского <i>О.В. Никифорова</i>	115
Оппозиция прилагательных патриотичный – патриотический в языковом воплощении концепта «патриотизм» <i>Н.В. Радбиль</i>	126
Арзамас как прецедентный феномен: символические функции названия города в свете корпусной лингвокультурологии <i>Т.Б. Радбиль</i>	135

- Дилогия «В лесах» и «На горах» П.И. Мельникова-печерского как средство приобщения к русской культуре на уроках русского языка и литературы
Е.А. Сорокина, О.В. Никифорова 145
- Региональная топонимика как основа для формирования локальной фразеологии
О.В. Шаталова 151

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОПОЭТИКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

- Имя известное, но забытое: Мария Жукова — русская писательница и художница XIX века
А.А. Безруков 157
- И.С. Тургенев как психопатолог
Е.Л. Бобылев 164
- Арзамасский поэт А.И. Погодин: вехи биографии
А.А. Исаков 170
- О значении дружбы в творчестве и жизни поэта А.И. Погодина
Д.А. Квирам 177
- Многогранные аспекты любви и их реализация в романе И.А. Гончарова «Обломов»
А.А. Кузина 181
- Художественная манера Н.С. Лескова: фольклорный стиль
А.В. Сулонова 190
- «Детство» Максима Горького и «Буреполом» Фёдора Сухова: сопоставительный анализ
Е.Ф. Сухова 200
- Образ бытия как Божьего дара в творчестве Б.К. Зайцева
Н.Е. Титкова 211
- Наследие П.В. Еремеева как объект библиотечно-библиографической краеведческой работы
Е.В. Ямщикова 218

РОССИЯ В ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

- Портрет славянофильства в отечественной историографии: от «националистов» к «либералам» и обратно
В.А. Болдин 226
- «Сообщество прав» А. Гевирта в контексте общественного согласия
В.А. Гуторов, С.С. Царегородцев, А.А. Шириняц 231
- Публичная история как направление в современном историческом знании
В.Н. Ерохин 239
- Из истории американской русофобии: Фоулк У.Д. «Славянин или сакс. Исследование роста и тенденций российской цивилизации»
А.В. Мыркова 249
- Отечественная интеллектуальная мысль конца XIX – начала XX вв.: основные темы и ценности
О.Е. Сорокопудова 259

- Идея устойчивого развития российской империи конца XIX века в трудах М.А. Терентьева
О.Д. Тальская 264

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ

- Взаимоотношения церкви и крестьянства Терюшевской волости в 70-е гг. XVIII в.
А.А. Калачёв 272
- Панок, Кулебаки, Майдан: к вопросу об иранском лингвистическом следе в фольклоре и топонимике Среднего Поволжья
А.В. Малышев 281
- Судьба последнего старообрядческого молитвенного здания «Волоколамского леса»: моленная в деревне Прозорово в середине XX столетия
С.С. Михайлов 294
- Сведения о деятельности комплексной антропологической экспедиции 1 МГУ в Нижегородском крае в 1929 г. (по материалам фондов НГИИМЗ, ЦАНО, ЦГАЛИ СПб)
А.В. Сорокина 304
- Национально-культурные общества белорусов в регионе Приангарья в конце XX – начале XXI вв.
Т.П. Урожаева 310
- О некоторых особенностях свадебного обряда крестьян в Арзамасском уезде (конец XIX – начало XX века)
И.С. Юрманова 319

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

- Об опыте применения локального метода в трудах В.И. Снежневского по изучению крепостничества Арзамасского края
О.Е. Андреев 328
- Памятник культурного значения – Починковский конный завод №23
М.А. Бегоутова 333
- Храм иконы Казанской Божьей матери в селе Рожново – в преданиях и истории Нижегородского края XVII – XXI вв.
Л.Ю. Варенцова 339
- Из истории становления Арзамасского завода радиодеталей (к 55-летию организации завода)
Ю.Н. Горохова 347
- Образование и деятельность арзамасского архива (1918-1939 гг.)
А.А. Гурьянов 353
- Ликвидация безграмотности в арзамасском уезде в конце XIX – начале XX вв.
О.В. Ефимов 361
- Земское начальное училище в с. Красное на рубеже XIX-XX вв. (по материалам Арзамасского уездного училищного совета)
С.А. Зотов 370
- Александр Невский и Городец
А.М. Искаков 374

Внедрение и развитие травосеяния в крестьянских хозяйствах Нижегородской губернии в конце XIX – начале XX вв.	
<i>А.С. Кудряшова</i>	386
Наговицыно («Старинная вотчина» Печерского Вознесенского Монастыря) и Наговицыно («что была деревня Наговицыно») в современных изданиях документов XVII в.	
<i>А.А. Кузнецов</i>	391
О полном георгиевском кавалере Ф.П. Гуляеве	
<i>Е.И. Маслова, А.И. Щетинин</i>	396
Добровольческое движение в Нижегородской губернии в эпоху 1812 г.	
<i>Д.А. Николаев</i>	404
Основные мероприятия по созданию Нижегородского ополчения в 1806 г.	
<i>Д.А. Николаев</i>	409
Военно-дисциплинарная практика в Нижегородском ополчении 1806-1807 гг.	
<i>Д.А. Николаев, И.А. Хвостова</i>	417
Преподаватель Екатерининской женской гимназии Арзамаса Ольга Федоровна Елеонская	
<i>Н.А. Пакишина</i>	424
«Нижегородские губернские ведомости» о крестьянской реформе 1861 г.	
<i>А.Р. Панов, А.В. Пряников</i>	431
Политика и гармонь. Новое о судьбе гармонщика Василия Потехина	
<i>Л.Б. Танских</i>	444
Александра Петровна Вереина: учитель, кавалера ордена Ленина	
<i>А.Б. Ткачева</i>	450
Село Лопатино Вадского района: страницы истории	
<i>Н.В. Хорева, М.О. Яшина</i>	457
Политика поддержки мелких товаропроизводителей во второй половине XIX в. и ужесточение государственных требований к кустарям в конце XIX – начале XX в.	
<i>И.В. Чиркунов</i>	465

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ И КРАЕВЕДЕНИЯ: ОБРАЗОВАНИЕ, ТУРИЗМ, БИБЛИОТЕЧНОЕ И МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО

Изучение голландского и фламандского искусства XVII столетия в региональных художественных музеях России на современном этапе. Достижения и перспективы	
<i>С.С. Акимов</i>	472
Кукольница О.С. Пупкова, хранитель сорта лука «Арзамасский»	
<i>Т.В. Богатова</i>	482
Кутузовский скит Серафимо-Дивеевского Монастыря: о туристической привлекательности малоизвестной достопримечательности юга Нижегородской области	
<i>М.А. Исаева, Л.М. Яксаргин</i>	489
Особенности комплектования и содержание фонда училищных библиотек Арзамасского уезда	

<i>А.А. Исаков, Л.В. Исакова</i>	498
Работа муниципальной библиотеки в развитии краеведческого туризма	
<i>М.Н. Колесова</i>	506
«Все книги собирать и держать в бережении...»: книжная культура России эпохи Петра I	
<i>Е.Б. Крайнова</i>	510
Загадка двух портретов	
<i>В.Д. Лозгачёва</i>	515
Туристический потенциал Арзамасского края	
<i>М.С. Любов</i>	521
Становление и развитие библиотечного дела в Арзамасском крае: история благотворительности	
<i>В.Н. Спирина, И.Б. Мамаева</i>	528
Школьное краеведение как часть регионального компонента в образовании иркутской области в 1997–2022 гг.	
<i>Т.П. Урожаева</i>	538
Коллекция поддужных колокольчиков в фондах историко-художественного музея	
<i>М.В. Фёдорова</i>	549
К вопросу использования виртуальных экскурсий в образовании	
<i>О.В. Яблонская</i>	553

*На последней странице обложки –
фотография здания Арзамасского уездного училища,
современный вид*

Научное издание
Карповские чтения
сборник статей участников
X Всероссийской научно-практической конференции
«Проблемы региональной фольклористики
и исторического краеведения» (X Карповские чтения)

Технический и художественный редактор – С.П. Никонов.
Верстка и вывод оригинал-макета А.А. Исакова.

Подписано в печать 10.10.2022.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 34,2. Тираж 300. Заказ 673.

Издательство Арзамасского филиала ННГУ.
607220, г. Арзамас Нижегородской обл., ул. К. Маркса, 36.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ННГУ имени Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37.